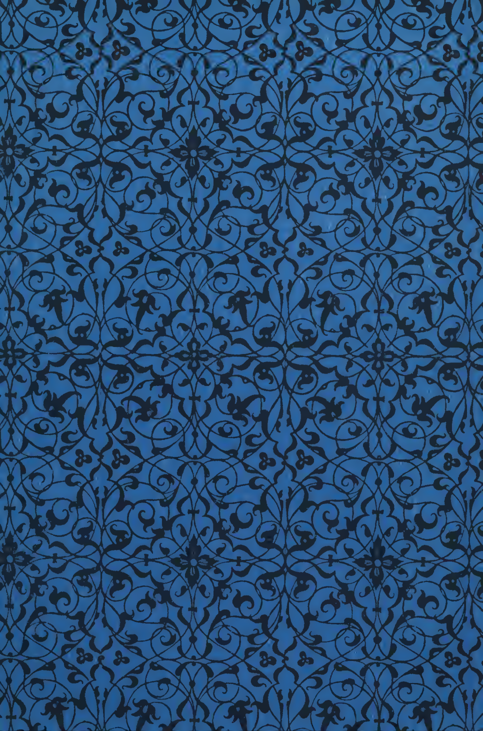
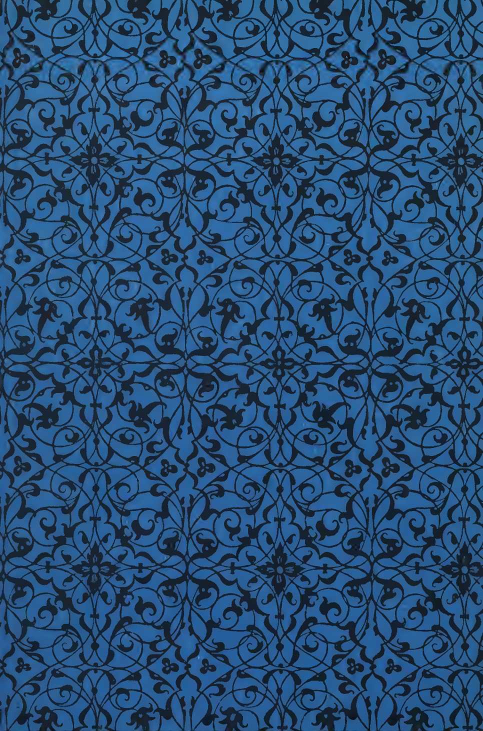

Тысяча
и одна
ночь

Тысяча и одна ночь

Тысяча и одна ночь

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОД
С АРАБСКОГО
М. А. САЛЬЕ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ББК 84(0)9
Т93

Составление и примечания
Б. Я. ШИДФАР

Стихи в переводах
В. Б. МИКУШЕВИЧА

Оформление художника
А. В. ЛЕПЯТСКОГО

Т $\frac{4703000000-349}{028(01)-88}$ 204-87
ISBN 5-280-00451-0 (Т. 2)
ISBN 5-280-00449-9

Тысяча и одна ночь

ИЗБРАННЫЕ
СКАЗКИ

ПОВЕСТЬ О ЛЮБЯЩЕМ И ЛЮБИМОМ

ассказывают, что однажды царевич Тадж-аль-Мулук поехал со свитой на охоту и ловлю. И они ехали пустыней и непрестанно подвигались четыре дня, пока не приблизились к земле, покрытой зеленью, и увидели они там резвящихся зверей, деревья со спелыми плодами и полноводные ручьи. И Тадж-аль-Мулук сказал своим приближенным: «Поставьте здесь сети и растяните их широким кругом, а встреча будет у начала круга, в таком-то месте». И его приказанию последовали и, расставив сети, растянули их широким кругом, и в круг собралось множество разных зверей и газелей, и звери кричали, ревели и бегали перед конями.

И тогда на них пустили собак, гепардов и соколов. И стали бить зверей стрелами, попадая в смертельные места. И еще не дошли до конца загона, как было захвачено много зверей, а остальные убежали.

А после этого Тадж-аль-Мулук спешился у воды, и приказал принести дичь, и разделил ее, отобрав для своего отца Сулейман-шаха наилучших зверей, отослал их ему, а часть он раздал своим вельможам.

И он провел ночь в этом месте, а когда наступило утро, к ним подошел большой караван, где были рабы, и слуги, и купцы. И этот караван остановился у воды и зелени. И, увидев путников, Тадж-аль-Мулук сказал одному из своих приближенных: «Принеси мне сведения об этих людях и спроси их, почему они остановились в этом месте». И гонец отправился к ним и сказал: «Расскажите нам, кто вы, и поторопитесь дать ответ». И они отвечали: «Мы купцы и остановились здесь для отдыха, так как место нашего привала недалеко от вас, и мы расположились здесь, дове-

ряя царю Сулейман-шаху и его сыну. Мы знаем, что всякий, кто остановился близ его владений, в безопасности и может не опасаться. С нами дорогие материи, которые мы привезли для его сына Тадж-аль-Мулука».

И посланный вернулся к царевичу и осведомил его, в чем дело, и передал ему то, что слышал от купцов. А царевич сказал ему: «Если с ними есть что-нибудь, что они привезли для меня, то я не вступлю в город и не двинусь отсюда, пока не осмотрю этого!»

И он сел на коня и поехал, и невольники его поехали за ним, и, когда он приблизился к каравану, купцы поднялись перед ним и пожелали ему победы и успеха и вечной славы и превосходства. А ему уже разбили палатку из красного атласа, расшитую жемчугом и драгоценными камнями. И поставили ему царское сиденье на шелковом ковре, вышитом посредине изумрудами. И Тадж-аль-Мулук сел, а рабы встали перед ним. И он послал к купцам и велел им принести все, что у них есть, и они пришли со своими товарами. Тадж-аль-Мулук осмотрел все, и выбрал то, что ему подходило, и заплатил им деньги сполна. А затем он сел на коня и хотел уехать, но его взор упал на караван, и он увидел юношу, прекрасного молодостью, в чистых одеждах, с изящными чертами, и у него был блестящий лоб и лицо, как месяц, но только красота этого юноши поблекла и его лицо покрыла бледность из-за разлуки с любимой, раздавались его стоны и рыдания, и из глаз его текли слезы, и он говорил такие стихи:

«В разлуке томят меня тревога, страх и тоска,
И слезы из глаз текут стремительно, как река.

Где сердце мое теперь? Оно по-прежнему с ней,
Оно вдалеке, пока любимая далека.

Увидеться мне бы с ней, побыть бы с нею хоть миг;
Слова любимой меня излечат наверняка».

И когда юноша окончил свои стихи, он еще немного поплакал и лишился чувств; и Тадж-аль-Мулук смотрел на него, изумляясь этому. А придя в себя, юноша с отчаянием глянул на небо и произнес такие стихи:

«Страшись прекрасных очей, способных палить и жечь;
Пронзают навек сердца летучие стрелы встреч.

Как будто бы черный глаз на встречных томно глядит,
Но стоит ему сверкнуть, и он рассекает меч.

Ее слова ласковы, но в них обманчивый хмель,
Пленяет, заворожив, чарует пылкая речь.

А если коснется шелк нежнейших членов ее,
Он ранит красавицу: кровь, брызнув, может потечь.

Забудешь о мускусе, вдохнув аромат ее,
И вся она хороша от ног в браслетах до плеч».

И затем он издал вопль и лишился чувств, и Тадж-аль-Мулук, увидя, что он в таком отчаянии, растерялся и подошел к нему, а юноша, очнувшись от обморока и увидав, что царевич стоит над ним, поднялся на ноги и поцеловал перед ним землю.

«Почему ты не показал нам своих товаров?» — спросил его Тадж-аль-Мулук; и юноша сказал: «О владыка, в моих товарах нет ничего подходящего для твоего счастливого величества». Но царевич воскликнул: «Обязательно покажи мне, какие есть у тебя товары, и расскажи мне, что с тобою. Я вижу, что глаза твои плачут и ты печален сердцем; и если ты обижен, мы уничтожим эту несправедливость, а если на тебе лежат долги, мы заплатим их. Поистине, мое сердце из-за тебя сгорело, когда я увидал тебя».

Потом Тадж-аль-Мулук велел поставить две скамеечки; и ему поставили скамеечку из слоновой кости, оплетенную золотом и шелком, и постлали шелковый ковер. И Тадж-аль-Мулук сел на скамейку, а юноше велел сесть на ковер и сказал ему: «Покажи мне твои товары».— «О владыка,— отвечал юноша,— не напоминай мне об этом: мои товары для тебя не подходят». Но Тадж-аль-Мулук воскликнул: «Это неизбежно». И он велел кому-то из своих слуг принести товары, и их принесли против воли юноши, и при виде их у юноши потекли слезы, и он заплакал, застонал, и стал жаловаться, и, испуская глубокие вздохи, произнес такие стихи:

«Клянусь игрою глаз твоих, кляяусь ресницами, чей взмах
Способен сердце поразить, как молния яа небесах,

Клянусь я медом губ твоих, клянусь их сладостным вином,
Кляяусь твоею красотой, перед которой сам я прах,

Мне призрак твой во тьме ночной, мечта жестокая моя,
Дороже был бы, чем покой тому, кого терзает страх».

Потом юноша развернул товары и стал их показывать Тадж-аль-Мулуку кусок за куском и отрез за отрезом, и среди прочего он вынул одежду из атласа, шитую золотом, которая стоила две тысячи динаров. И когда он развернул эту одежду, из нее выпал лоскут, и юноша поспешно схватил его и положил под себя. И он забыл все познаваемое и произнес такие стихи:

«Когда меня ты исцелишь? Когда пройдет моя беда?
Любовь твоя так далека, что ближе, кажется, звезда.

Любовь, разлука, страсть, печаль, все зто губит жизнь мою,
Умру я, кажется, вот-вот от вожделенья и стыда.

Любовь недалека вдали, но к ней приблизиться нельзя,
Как будто бы любовь страшней, чем ненасытная вражда.

Бежать бы прочь мие от любви, ио иет спасеиия нигде.
Где справедливость? Отвечай! Или она тебе чужда?

Дорога каждая тесна, в тупик заводнт каждый путь,
И только мучает вопрос: куда мне броситься, куда?»

И Тадж-аль-Мулук крайне удивился стихам, сказанным юношей, и не знал он причины всего этого. А когда юноша взял лоскут и положил его под себя, Тадж-аль-Мулук спросил его: «Что зто за лоскут?» — «О владыка,— сказал юноша,— я отказывался показать тебе мои товары только из-за зтого лоскутка: я не могу дать тебе посмотреть на него».

Но Тадж-аль-Мулук воскликнул: «Я непременно на него посмотрю!» И стал настаивать и разгневался. И юноша вынул лоскут, и заплакал, и застонал, и стал жаловаться, и, испуская многие стенания, произнес такие стихи:

«Не кори бедняка, не браии больного;
Причиняет боль ему каждое слово.

Я луну в долине вверяю Аллаху,
И в застежках светило взойти готово.

Лучше с жнзнью простнться, чем с ней проститься;
С нею время суровое не сурово.

Лил я слезы, она проливала слезы
На рассвете в преддверни дня дурного.

Порванный в разлуке покров оправданья
Починить бы ради всего святого.

Нет покоя на ложе телу в разлуке
Нн средь бела дня, ни средь мрака ночного.

Потрудилась рука злосчастная рока,
Нас обоих счастья лишнв земного.

Ей и мне поднесен был гибельный кубок,
И пришлось нам выпить вина рокового».

А когда он окончил свои стихи, Тадж-аль-Мулук сказал ему: «Я вижу твое тяжелое состояние. Расскажи мне, отчего ты плачешь при взгляде на этот лоскут?» И, услы-

шав эти слова, юноша вздохнул и сказал: «О владыка, моя история диковинна, и у меня случилось чудесное дело с этим лоскутом и его владелицей и той, что нарисовала эти рисунки и изображения». И он развернул тот лоскут, и на нем оказалось изображение газели, вышитое шелком и украшенное червонным золотом, а напротив нее — изображение другой газели, которое было вышито серебром, и на шее у нее было ожерелье из червонного золота и три продолговатых выдолбленных топаза.

И, увидев это изображение и как оно хорошо исполнено, Тадж-аль-Мулук воскликнул: «Да будет превознесен Аллах, научивший человека тому, чего он не знал!» И в сердце его проникло желание услышать историю этого юноши. «Расскажи мне, что у тебя случилось с той, что вышила этот узор»,— попросил он его, и юноша начал:

«Знай, о владыка, что мой отец был купцом и не имел ребенка, кроме меня. А у меня была двоюродная сестра, с которой я воспитывался в доме моего отца, так как ее отец умер. И перед смертью он условился с моим отцом женить меня на ней; и когда я достиг зрелости мужчин, а она зрелости женщин, ее не отделили от меня и меня не отделили от нее. А потом отец поговорил с матерью и сказал: «В этом году мы заключим брак Азиза и Азизы»; и он сговорился с нею об этом деле и начал приготовлять припасы для свадебных пиршеств. И при всем том мы с моей двоюродной сестрой спали в одной постели и не знали, как обстоит дело, она была более рассудительна, знающа и сведуща, чем я.

И тогда мой отец собрал все необходимое для торжества, и осталось только написать брачную запись и войти к моей двоюродной сестре; он захотел написать запись после пятничной молитвы и отправился к своим друзьям из купцов и другим и уведомил их об этом, а моя мать пошла и пригласила своих подруг-женщин и позвала родственников. И когда пришел день пятницы, комнату, где должны были сидеть, помыли и вымыли в ней мраморный пол, и в нашем доме разостлали ковры и поставили там все, что было нужно, завесив сначала стены тканью, вышитой золотом; и люди сговорились прийти к нам в дом после пятничной молитвы, и мой отец пошел и велел доставить халву и блюда со сластями, и осталось только написать запись.

А мать послала меня в баню и отправила за мной новое платье из роскошнейших одежд; и, выйдя из бани, я надел это роскошное платье, а оно было надушено, и, когда я надел его, от него повеяло благовонным ароматом, распространившимся по дороге. Я хотел пойти в мечеть, но

вспомнил об одном моем товарище и вернулся поискать его, чтобы он пришел, когда будут делать запись, и я говорил себе: «Займусь этим делом, пока подойдет время молитвы».

И я вошел в переулок, в который я еще никогда не входил; а я был потный после бани из-за новой одежды, бывшей на мне, и пот тек, и от меня веяло благоуханием. Я сел в начале переулка отдохнуть и разостлал под собою платок с каемкой, который был у меня, и мне стало очень жарко, и мой лоб вспотел, и пот лился мне на лицо, но я не мог обтереть его с лица платком, так как платок был разостлан подо мной.

Я хотел взять фарджию и обтереть ею щеку, но вдруг, не знаю откуда, упал на меня сверху белый платок. А этот платок был нежнее ветерка, и вид его был приятней исцеления для больного, и я схватил его рукой и поднял голову кверху, чтобы посмотреть, откуда упал этот платок. И глаза мои встретились с глазами той, что вышила эту газель.

И вдруг, я вижу, высунулась она из окна с медной решеткой, и мои глаза не видали никого прекраснее ее, и мой язык бессилен ее описать. И, увидев, что я взглянул на нее, она положила палец в рот, а затем взяла свой средний палец и приложила его вплотную к указательному пальцу и оба пальца прижала к своему телу, между грудями, а затем она убрала голову из окна, закрыла створку окошка и ушла. И в моем сердце вспыхнул огонь, и разгорелось великое пламя, и взгляд на нее оставил после себя тысячу вздохов, и я в растерянности не слышал, что она сказала, и не понял, какие она делала знаки.

И я взглянул на окошко во второй раз, но увидел, что оно захлопнуто, и прождал до захода солнца, но не услышал ни звука и не увидел никого. И, отчаявшись увидеть ее, я встал с места и захватил платок, и, когда я развернул его, от него повеяло запахом мускуса, и меня охватил от этого запаха великий восторг, так что я стал как будто в раю. А затем я расстелил платок перед собою, и оттуда выпал тонкий листок бумаги, и, когда я развернул листок, оказалось, что он пропитан благовонным ароматом и на нем написаны такие стихи:

«Письмо написал я другу, желанием истомленный.
«Как почерк твой истончился,— сказал мой друг изумленный,

От глаз моих ускользают едва заметные буквы,
Как будто писал посланье сиянием ослепленный».

Ответил я: «Сам я тонок, и плоть моя убывает;
Вглядись в мой нынешний почерк и знай: так пишет влюбленный».

Прочитав эти стихи, я устремил взор очей на красоту платка и увидел на одной из его каемок вышитые строчки:

«Пушок начертал на щеках письмена;
Строка со строкой в сочетанье видна:

«Он гибок и строен; увидев его,
Смущается та и другая луна».

А на другой каемке были вышиты строки:

Жемчужина, чья непомерна цена,
Тончайшими буквами испещрена:

«Зрачки убивают, едва поглядят,
А нежные щеки хмельнее вина».

И когда я увидел, какие были на платке стихи, в моем сердце вспыхнуло пламя огня и увеличились мои страсть и раздумье. И я взял платок и бумажку и принес их домой, не зная, как поступить, чтобы соединиться с нею, и не мог я. в любви, говорить о подробностях.

Я добрался до дому только тогда, когда прошла часть ночи, и увидел, что дочь моего дяди сидит и плачет; и, увидав меня, она вытерла слезы, и подошла ко мне, и сняла с меня одежду, и спросила, отчего меня не было. И она рассказала мне: «Все люди — эмиры, вельможи, купцы и другие, собрались в нашем доме, и явились судьи и свидетели, и они съели кушанья и просидели немного, ожидая твоего прихода, чтобы написать брачную запись, а когда они отчаялись, что ты придешь, то разошлись и ушли своей дорогой. Твой отец,— говорила она,— сильно рассердился из-за этого и поклялся, что он напишет запись только в будущем году, так как он истратил на это торжество много денег. А что было с тобой сегодня, что ты задержался до этого времени и случилось то, что случилось?» — спросила она потом. И я ответил: «О дочь моего дяди, не спрашивай, что со мной случилось!» — и рассказал ей про платок и все сообщил ей с начала до конца. И она взяла бумажку и платок и прочитала, что было на них написано, и слезы потекли по ее щекам, и она произнесла такие стихи:

«Кто в любви предвкушает освобожденье,
Тот в жестоком и пагубном заблужденье:

Потому любовь никого не позорит,
Что любовь — это вечное принужденье.

Это сладостная смертельная пытка;
Упование в ней, и в ней осужденье.

Счастье, месть, вожделенье, побои, мука,
Исцеленье и вместе с тем повреждение.

То, что душу спасает и душу губит,
Неотступное властное наважденье.

Но при этом любовь — смеющийся праздник,
Радость, благоухание, наслажденье.

Изгоняет любовь людские пороки,
И претит ей низкое происхожденье».

Потом она спросила: «Что же она сказала тебе и какие сделала знаки?» И я отвечал: «Она не произнесла ничего, а только положила палец в рот и потом приложила к нему средний палец и прижала оба пальца к груди и показала на землю, а затем она спрятала голову и заперла окно. И после этого я ее не видел, но она взяла с собою мое сердце, и я просидел, пока не скрылось солнце, ожидая, что она выглянет из окна второй раз, но она этого не сделала, и, отчаявшись, я ушел с того места и пришел домой. Вот моя повесть, и я хочу от тебя, чтобы ты мне помогла в моем испытании».

И Азиза подняла голову и сказала: «О сын моего дяди, если бы ты потребовал мой глаз, я бы, право, вырвала его для тебя из века. Я непременно помогу тебе в твоей нужде, и ей помогу в ее нужде: она в тебя влюблена так, как и ты влюблен в нее».— «А как истолковать ее знаки?» — спросил я; и Азиза ответила: «То, что она положила палец в рот, указывает, что ты ей дорог так же, как ее жизнь, и что она сделает все, чтобы стать близкой тебе. Платок указывает на привет от любящих возлюбленным; бумажка обозначает, что душа ее привязалась к тебе, а прижатие двух пальцев к телу между грудями значит, что она говорит тебе: через два дня приходи сюда, чтобы от твоего появления прекратилась моя забота. И знай, о сын моего дяди, что она тебя любит и доверяет тебе, и вот какое у меня толкование ее знакам, а если бы я могла выходить и входить, я бы, наверное, свела тебя с нею в скорейшем времени и укрыла бы вас своим подолом».

И, услышав это от Азизы,— говорил юноша,— я поблагодарил ее за ее слова и сказал себе: «Потерплю два дня». И я просидел два дня дома, не выходя и не входя, и не ел и не пил, и я положил голову на колени моей двоюродной сестры, а она утешала меня и говорила: «Укрепи свою решимость и отвагу, успокой сердце и ум».

А когда эти два дня окончились, дочь моего дяди сказала мне: «Успокой свою душу и услади глаза! Укрепи свою решимость, надень лучшее платье и отправляйся к ней, как назначено».

Потом она поднялась, дала мне переодеться и окурила

меня, а затем она укрепила во мне силу и ободрила мне сердце, и я вышел и шел, пока не вошел в тот переулок. Я посидел немного на лавочке, и вдруг окно распахнулось, и я своими глазами увидел ту женщину. И тут я обмер, а очнувшись, я укрепил свою волю и ободрился сердцем и взглянул на нее второй раз, но упал без сознания, а придя в себя, я увидел, что женщина держит в руке зеркало и красный платок. И, увидев меня, она засучила рукава и, раздвинув пальцы, ударила себя по груди ладонью и пальцами, а затем она подняла руки и выставила зеркало из окна, после чего она взяла красный платок и ушла с ним, а вернувшись, три раза опустила его из окна в переулок, опуская и поднимая его, и потом скрутила платок и свернула его рукою и наклонила голову. А затем она убрала голову из окна и заперла окно, и ушла, не сказав мне ни единого слова; она оставила меня растерянным, и я не понял, какие она делала знаки.

Я просидел до вечерней поры, а потом пришел домой, около полуночи, и я увидел, что дочь моего дяди сидит, опершись щекой на руку, и глаза ее льют слезы, и она говорила такие стихи:

«Пусть вокруг меня повсюду нет хулителям числа,
Ты стройнее стройной ветви, мне твоя краса мила.

О прекрасное виденье! Слишком быстро скрылось ты,
У меня похитив душу, разорив меня дотла.

У тебя глаза сияют и безжалостно разят.
Что мечи в сравненье с ними или острая стрела!

А любовь — такое бремя, что носить невмоготу;
В безнадежном изнуренье мне рубашка тяжела.

Говорят: «В любимом взоре гибель верная твоя»,
И в ответ я плачу кровью, но противна мне хула.

Худоба моя подобна дивной стройности твоей.
Как сердца не схожи наши! Стали схожи лишь тела.

Красота твоя под стражей: бдительны твои глаза;
Бровь-привратница желает сердцу любящему зла.

Говорят, что красотою лишь Юсуф был наделен.
Сколько же в тебе Юсуфов! Стало быть, молва лгала.

От любви куда мне скрыться, где убежище найти?
Для меня на этом свете нет укромного угла».

И когда я услышал ее стихи, мои заботы увеличились, и умножились мои горести, и я упал в углу комнаты, а Ази-

за встала и перенесла меня, а потом она сняла с меня одежду и вытерла мое лицо рукавом и спросила меня, что со мной случилось.

И я рассказал ей обо всем, что испытал от той женщины, и она сказала: «О сын моего дяди, изъяснение знака ладонью и пятью пальцами таково: приходи через пять дней; а ее знак зеркалом и опусканием и поднятием красного платка и то, что она высунула голову из окна, означает: сиди возле лавки красильщика, пока к тебе не придет мой посланный».

И когда я услышал эти слова, в моем сердце загорелся огонь, и я воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дочь моего дяди, ты права в этом объяснении! Я видел в переулке красильщика-еврея!»

И я заплакал, а дочь моего дяди сказала мне: «Укрепи свою решимость и будь тверд сердцем: иной охвачен любовью несколько лет и стоек против жара страсти, а ты влюблен только пять дней, так почему же ты так горюешь?»

И она принялась утешать меня речами и принесла мне еду, и я взял кусочек и хотел его съесть, но не мог. И я отказался от питья и еды и расстался со сладостью сна, и мое лицо пожелтело, и я изменился в лице, так как я прежде не любил и вкушал жар любви только в первый раз. И я ослаб, и дочь моего дяди ослабла из-за меня, и она рассказывала мне о состоянии влюбленных и любящих, чтобы меня утешить, каждую ночь, пока я не засну, а просыпаясь, я находил ее не спящей из-за меня, и слезы бежали у нее по щекам.

И я жил так, пока не прошли эти пять дней, и тогда дочь моего дяди нагрела мне воды, и выкупала меня, и надела на меня одежду, и сказала: «Отправляйся к ней. Да исполнит Аллах твою нужду и да приведет тебя к тому, чего ты хочешь от твоей любимой!»

И я пошел и шел до тех пор, пока не пришел к началу того переулка, а день был субботний, и я увидел, что лавка красильщика заперта. Я просидел подле нее, пока не прокричали призыв к предзакатной молитве; и солнце пожелтело, и призвали к вечерней молитве, и настала ночь, а я не видел ни следа той женщины и не слышал ни звука, ни вести. И я испугался, что сижу один, и поднялся и шел, точно пьяный, пока не пришел домой, а войдя, я увидел, что дочь моего дяди, Азиза, стоит, схватившись одной рукой за колышек, вбитый в стену, а другая рука у нее на груди, и она испускает вздохи и говорит такие стихи:

«Томит бедуинку скорбь: тоска — тягчайший недуг.
Где мирты Аравии? Страна чужая вокруг.

В пустыне для путников она бы могла разжечь
Любовью своей костер, слезами налив бурдюк.

Однако моя любовь к нему ничуть не слабей,
Хоть грешной любовь мою считает любимый друг».

А окончив стихи, она обернулась, и увидала меня, и, вытерев слезы рукавом, улыбнулась мне, и сказала: «О сын моего дяди, да обратит Аллах тебе на пользу то, что он даровал тебе! Почему ты не провел ночь подле твоей любимой и не удовлетворил твое желание с нею?» А я, услышав ее слова, толкнул ее ногою в грудь, и она упала на стену и ударилась лбом о косяк, а там был колышек, и он попал ей в лоб. И, посмотрев на нее, я увидел, что ее лоб рассечен и течет кровь.

И она промолчала и не сказала ни слова, но тотчас же встала и, оторвав лоскуток, заткнула им рану, повязала ее повязкою и вытерла кровь, лившуюся на ковер, как ни в чем не бывало, а потом он подошла ко мне, и улыбнулась мне, и сказала нежным голосом: «Клянусь Аллахом, о сын моего дяди, я говорила это, не смеясь над тобою и над нею! Я мучилась головной болью, и у меня было в мыслях пустить себе кровь, а сейчас моей голове стало легче, и лоб облегчился. Расскажи мне, что с тобою было сегодня».

И я рассказал обо всем, что мне выпало из-за этой женщины, и, рассказавши, заплакал, но Азиза молвила: «О сын моего дяди, радуйся успеху в твоем намерении к осуществлению твоих надежд! Поистине, это знак согласия, и он состоит в том, что она скрылась от тебя, так как желает тебя испытать: стоек ты или нет и правда ли ты любишь ее или нет. А завтра отправляйся на прежнее место и посмотри, что она тебе укажет; ты близок к радостям, и твои печали прекратились».

И она принялась утешать меня в моем горе, а я все больше огорчался и печалился. А потом она принесла мне еду, но я толкнул поднос ногою, так что все блюда разлетелись по сторонам, и воскликнул: «Все, кто влюблен,— одержимые, и они не склонны к пище и не наслаждаются сном!» Но дочь моего дяди, Азиза, сказала: «Клянусь Аллахом, о сын моего дяди,— это признак любви!» — и у нее потекли слезы. Она подобрала черепки от блюд и остатки кушанья и стала развлекать меня рассказами, а я молил Аллаха, чтобы настало утро. А когда утро наступило и засияло светом и заблистало, я отправился к той

женщине, и торопливо вошел в переулок, и сел на лавочку. И вдруг окошко распахнулось, и она высунула голову из окна, смеясь, а затем она скрылась и вернулась, и с ней было зеркало, кошель и горшок, полный зеленых растений, а в руках у нее был светильник. И первым делом она взяла в руки зеркало и, сунув его в кошель, завязала его и бросила в комнату, а затем опустила волосы на лицо и на миг приложила светильник к верхушкам растений, а после того взяла все это и ушла, заперев окно. И мое сердце разрывалось от этого и от ее скрытых знаков и тайных загадок, а она не сказала мне ни слова, и моя страсть от этого усилилась и любовь и безумие увеличились.

И я вернулся назад с плачущим оком и печальным сердцем, и вошел в свой дом, и увидел, что дочь моего дяди сидит лицом к стене. И сердце ее горело от забот и огорчений и ревности, но любовь помешала ей сказать мне что-нибудь о своей страсти, так как она видела, что я влюблен и безумен. И я посмотрел на нее и увидел у нее на голове две повязки: одна из-за удара в лоб, а другая — на глазу, так как он стал у нее болеть от долгого плача. И она была в наихудшем состоянии и, плача, говорила такие стихи:

«Аллах! Я всем сердцем чту твою великую власть:
Неужто любовь моя — заслуженная напасть?

Зачем другому ты дал желанный клад обрести,
А мне даровал взамен мою бесплодную страсть?»

А окончив стихи, она посмотрела и увидела меня, продолжая плакать, и тогда она вытерла слезы и поднялась ко мне, но не могла говорить, таково было ее волнение.

И она помолчала некоторое время, а потом сказала: «О сын моего дяди, расскажи мне, что выпало тебе в этот раз»; и я рассказал ей обо всем, что случилось, и тогда она воскликнула: «Терпи, пришла пора твоей близости с нею, и ты достиг исполнения твоих надежд! Тем, что она показала тебе зеркало и засунула его в кошель, она говорит тебе: когда нырнет в темноту солнце; а опустив волосы на лицо, она сказала: когда придет ночь и опустится темный мрак и покроет свет дня — приходи. А ее знак горшком с цветами говорит: когда придешь, войди в сад за переулком; а знак свечою означает: когда войдешь в сад, жди там; и где найдешь горящий светильник, туда и отправляйся, и садись возле него, и жди меня: поистине, любовь к тебе меня убивает».

И, услышав слова дочери моего дяди, я воскликнул от чрезмерной страсти и сказал: «Сколько ты еще будешь

обещать и я стану ходить к ней, не достигая цели? Я не вижу в твоем объяснении правильного смысла!»

И дочь моего дяди засмеялась и сказала: «У тебя должно остаться терпение лишь на то, чтобы вытерпеть остаток этого дня, пока день не повернет на закат и не придет ночь с ее мраком, и тогда ты насладишься единением и осуществлением надежд, и это — слова истины без лжи». И она произнесла такие стихи:

«Лишь за счастьем идет охота;
Не ходи туда, где забота;

Складки дней расправь и дождешься
Ты счастливого поворота».

И потом она подошла ко мне и стала утешать меня мягкими речами, но не осмеливалась принести мне какой-нибудь еды, боясь, что я на нее рассержусь, и не надеялась она, что я склонюсь к ней. Она только хотела подойти ко мне и снять с меня платье, а потом она сказала мне: «О сын моего дяди, сядь, я расскажу тебе что-нибудь, что займет тебя до конца дня; и если захочет Аллах великий, не придет еще ночь, как ты уже будешь подле твоей любимой».

Но я не стал смотреть на нее и принялся ждать прихода ночи и говорил: «Господи, ускорь приход ночи!» А когда пришла ночь, моя двоюродная сестра горько заплакала и дала мне зернышко чистого мускуса и сказала: «О сын моего дяди, положи это зернышко в рот, и когда ты встретишься со своей любимой и удовлетворишь с нею свою нужду и она разрешит тебе то, что ты желаешь, скажи ей такой стих:

«Открой, ради Бога, мне один старинный закон:
Что делает юноша, который пылко влюблен?»

А потом она поцеловала меня и заставила поклясться, что я произнесу этот стих из стихотворения, только когда буду выходить от этой женщины; и я отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И я вышел вечерней порой, и пошел, и шел до тех пор, пока не достиг сада. И я нашел его ворота открытыми, и вошел, и увидел вдали свет, и направился к нему; и, дойдя до него, я увидел большое помещение со сводом, над которым был купол из слоновой кости и черного дерева, и светильник был подвешен посреди купола. А помещение устлано было шелковыми коврами, шитыми золотом и серебром, и тут была большая горящая свеча в подсвечнике из золота, стоявшая под светильником, а посредине помещения был фонтан с разными изображениями, а рядом

с фонтаном — скатерть, покрытая шелковой салфеткой, подле которой стояла большая фарфоровая кружка, полная вина, и хрустальный кубок, украшенный золотом. А возле всего этого стоял большой закрытый серебряный поднос. И я открыл его и увидел на нем всевозможные плоды: фиги, гранаты, виноград, померанцы, лимоны и апельсины; и между ними были разные цветы: розы, жасмины, мирты, шиповник и нарциссы и всякие благовонные растения.

И я обезумел при виде этого помещения и обрадовался крайней радостью, и моя забота и горесть прекратились, но только я не нашел там ни одного создания Аллаха великого, и не видел ни раба, ни невольницы и никого, кто бы заботился обо всем этом или сохранял эти вещи. И я сидел в этом покое, ожидая прихода моей любимой, пока не прошел первый час ночи, и второй час, и третий — а она не приходила. И во мне усилились муки голода, так как я некоторое время не ел пищи из-за сильной любви; и когда я увидел это место и мне стало ясно, что дочь моего дяди правильно поняла знаки моей возлюбленной, я отдохнул душою и почувствовал муки голода. И возбудили во мне желание запахи кушаний, бывших на скатерти, когда я пришел в это место, и душа моя успокоилась относительно единения с любимой, и захотелось мне поесть. Я подошел к скатерти и поднял покрывало и увидел посередине ее фарфоровое блюдо с четырьмя подрумяненными курицами, облитыми пряностями, а вокруг блюда стояли четыре тарелки: одна с халвой, другая с гранатными зернышками, третья с баклавой и четвертая с пышками, и на этих тарелках было и сладкое и кислое. И я поел пышек и съел кусочек мяса и, принявшись за баклаву, съел немного ее, а потом я обратился к халве и съел ее ложку, или две, или три, или четыре, и съел немного курятины и кусок хлеба. И тогда мой живот наполнился, и суставы у меня расслабли, и я слишком размяк, чтобы не спать, и положил голову на подушку, вымыв сначала руки, и сон одолел меня, и я не знаю, что случилось со мной после этого. И я проснулся только тогда, когда меня обжег жар солнца, так как я уже несколько дней не вкушал сна; и, проснувшись, я нашел у себя на животе соль и уголь. Я встал на ноги и отряхнул одежду и повернулся направо и налево, но не увидел никого, и оказалось, что я лежал на мраморных плитах, без постели, и я смутился умом и огорчился великим огорчением, и слезы побежали у меня по щекам, и я опечалился о самом себе. И, поднявшись, я отправился домой, и когда

пришел туда, то увидел, что дочь моего дяди ударяет рукой в грудь и плачет, проливая слезы и соперничая с облаками, что льют дождь, и она говорила такие стихи:

«Дует ветер, так разве я виновата
В том, что нет для меня хмельней аромата?

Милый ветер с востока, повей, поведай,
Что меня ждет: удача или утрата?

Если бы могла, я бы не удержалась,
Обняла бы тебя, надеждой богата.

Отними ты, Аллах, у меня дыханье,
Если в будущем видеть нельзя мне брата.

Как мне знать, растает ли его сердце,
Когда пылом любовным душа объята?»

А увидев меня, она поспешно встала, и вытерла слезы, и обратилась ко мне с мягкой речью, и сказала: «О сын моего дяди, ты охвачен любовью, и Аллах был к тебе милостив, внушив той, кого ты любишь, любовь к тебе, а я в слезах и в горе из-за разлуки с тобой. Кто меня упрекнет и кто оправдает? Но Аллах да не взыщет с тебя из-за меня!»

Потом она улыбнулась мне и, сняв с меня одежду, расправила ее и сказала: «Клянусь Аллахом, это не запах того, кто наслаждался со своею любимой! Расскажи же мне, что с тобой случилось, о сын моего дяди!» И я рассказал ей обо всем, что случилось со мною, и она второй раз улыбнулась гневной улыбкой и воскликнула: «Поистине, мое сердце полно боли! Пусть не живет тот, кто делает тебе больно! Эта женщина сильно превозносится над тобою, и, клянусь Аллахом, о сын моего дяди, я боюсь для тебя зла от нее. Знай, о сын моего дяди, объяснение соли такое: ты потонул во сне и похож на скверное кушанье, отвратительное для души, и тебя следует посолить, чтобы ты не был извергнут обратно. Ты объявляешь себя благородным влюбленным, а сон для влюбленных запретен, и твои притязания на любовь лживы. Но и ее любовь к тебе тоже лживая, так как, увидя, что ты спишь, она не разбудила тебя; если бы ее любовь была искренна, она бы, наверное, тебя разбудила. А что до угля, то объяснение этого знака такое: очерни Аллах твое лицо, раз ты ложно объявил себя любящим; ты — неразумное дитя, и у тебя только и заботы, что поесть, попить да поспать. Вот объяснение ее знаков, да освободит тебя от нее великий Аллах!»

Услышав эти слова, я ударил себя рукою в грудь и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это и есть истина, так как я спал, а возлюбленные не спят! Я сам себе обидчик, и больше всего повредили мне сон и еда! Что теперь будет?»

И я горько заплакал и сказал дочери моего дяди: «Укажи мне, что сделать, и пожалей меня — пожалеет тебя Аллах! — иначе я умру». А дочь моего дяди любила меня великой любовью и ответила: «Слушаю и повинуюсь! Но только, о сын моего дяди, я много раз говорила тебе: если бы я могла входить и выходить, я бы, наверное, свела тебя с нею в ближайшее время и укрыла бы вас своим подолом, и я поступаю с тобою так лишь для того, чтобы ты был доволен. Если захочет Аллах великий, я не пожалею крайних усилий, чтобы свести вас; послушай же моих слов и повинуйся моему приказу. Иди в то самое место и сиди там, а когда будет время вечера, сядь там же, где ты сидел, и остерегайся что-нибудь съесть, так как пища навлекает сон. Берегись же заснуть; она придет к тебе только после того, как минует четверть ночи, да избавит Аллах тебя от ее зла!»

Услышав эти слова, я обрадовался и стал молиться Аллаху, чтобы пришла ночь, а когда ночь пришла, я хотел уходить, и дочь моего дяди сказала мне: «Если встретишься с нею, скажи ей тот прежний стих, когда будешь уходить». И я ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и вышел, и пошел в сад, и увидел, что помещение убрано так, как я видел в первый раз, и там было все, что нужно из кушаний, закусок и напитков, цветов и прочего. Я поднялся в это помещение и почувствовал запах кушаний, и мне захотелось их, и я удерживался несколько раз, но не мог удержаться. И я встал и, подойдя к скатерти, снял покрывало и увидел блюдо кур, вокруг которого были четыре тарелки кушаний четырех сортов. И я съел по кусочку от каждого кушанья, и съел немного халвы и кусок мяса, и выпил шафранной подливки, которая мне понравилась, и я пил ее много, черпая ложкой, пока не насытился и не наполнил себе живот. А после этого мои веки опустились, и, взяв подушку, я положил ее под голову, думая: «Может быть, я прилягу на нее и не засну». Но глаза мои сомкнулись, и я заснул и не проснулся раньше, чем взошло солнце; и я нашел у себя на животе игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка. И в помещении не было никакой подстилки или чего-либо другого, и казалось, что там ничего не было.

И я встал, стряхнул с себя все это, и вышел рассержен-

ный, и шел, пока не дошел до дому. И я увидел, что дочь моего дяди испускает глубокие вздохи и говорит такие стихи:

«Я печалюсь, от боли запали щеки;
Слезы по щекам льются, словно потоки.

Что любимый ни сделает, все мне сладко;
Сладки даже безжалостные упреки.

Страсть меня истязает, жгут меня слезы;
Лишь любимые к любящим так жестоки».

И я начал бранить дочь моего дяди и ругать ее, и она заплакала, а потом вытерла слезы, и, подойдя ко мне, поцеловала меня, и стала прижимать меня к груди, а я отстранялся от нее и укорял себя.

«О сын моего дяди,— сказала она мне,— ты, кажется, заснул сегодня ночью». И я отвечал ей: «Да, а проснувшись, я нашел игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка, и я не знаю, почему она так сделала. И я заплакал и, обратившись к Азизе, сказал: «Растолкуй мне, на что она указывает этими знаками, и скажи, что мне делать. Помоги мне в том, что со мной случилось!» — «Слушаю и повинуюсь! — сказала она.— Палочкой от таба, которую она положила тебе на живот, она указывает, что ты пришел, а твое сердце отсутствовало; и она как будто говорит тебе: любовь не такова, не причисляй же себя к любящим. А косточкой финика она говорит тебе: если бы ты был влюблен, твое сердце, наверно, горело бы от любви, и ты не вкушал бы сладости сна, ибо любовь сладка, как финик, и зажигает в душе уголь. Рожковым семечком она тебе указывает, что сердце любимого утомилось, и говорит тебе: терпи разлуку с нами, как терпел Иов».

И когда я услышал это толкование, в моей душе вспыхнули огни и в моем сердце усилились горести, и я вскричал: «Аллах предопределил мне спать, так как у меня мало счастья! О дочь моего дяди,— сказал я потом,— заклинаю тебя жизнью, придумай мне хитрость, чтобы я мог добраться до нее». А Азиза заплакала и отвечала: «О Азиз, сын моего дяди, мое сердце полно дум, и я не могу говорить. Но иди сегодня вечером в то же место и остерегайся уснуть, тогда ты достигнешь желаемого. Вот так лучше всего поступить, и конец».— «Если захочет Аллах, я не засну и сделаю так, как ты мне велишь»,— сказал я; и дочь моего дяди поднялась и принесла мне пищу, говоря: «Поешь теперь вдоволь, чтобы у тебя не осталось желания». И я поел

досыта, а когда пришла ночь, Азиза принесла мне великолепное платье, одела меня в него и взяла с меня клятву, что я скажу той женщине упомянутый стих, и предостерегла меня от сна. А потом я вышел от дочери моего дяди, и отправился в сад, и пошел в помещение, и посмотрел на сад. И когда пришла ночь, я стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой. Я проголодался оттого, что не спал; и на меня повеяло запахом кушаний, и мой голод усилился, и тогда я направился к скатерти и, сняв покрывало, съел от каждого кушанья по кусочку. Я съел кусок мяса и, подойдя к фляге с вином, сказал себе: «Выпью кубок!», и выпил, а потом выпил второй и третий, до десяти, и словно потерял рассудок, и упал на землю, как убитый, и пролежал так, пока не настал день. И я проснулся и увидал себя вне сада, и на животе у меня был острый нож и железный дирхем. И я испугался, и взял их, и принес домой, и увидел, что дочь моего дяди говорит: «Поистине, я в этом доме бедная и печальная, нет мне помощника, кроме палача!»

И, войдя, я упал во всю длину, и выронил из рук нож и дирхем, и лишился чувств; а очнувшись от обморока, я осведомил Азизу о том, что со мною произошло, и сказал ей: «Я не достиг желаемого!» И она сильно опечалилась за меня, увидев, что я плачу и мучаюсь, и сказала: «Я уже обессилела, советуя тебе не спать, ты не слушаешь моих советов. Мои слова тебе ничем не помогут».— «Заклинаю тебя Аллахом, растолкуй мне, на что указывает нож и железный дирхем!» — сказал я ей; и она отвечала: «Железным дирхемом она указывает тебе на свой правый глаз, и заклинает тебя им, и говорит: «Клянусь господом миров и моим правым глазом, если ты вернешься другой раз и уснешь, я зарежу тебя этим ножом!» И я боюсь для тебя зла от ее коварства, о сын моего дяди, и мое сердце полно печали о тебе, но я не могу говорить. Если ты знаешь, что, вернувшись к ней, не заснешь,— возвращайся к ней и берегись сна, тогда ты получишь то, что тебе нужно; если же ты знаешь, что, вернувшись к ней, заснешь, как всегда, и после этого пойдешь к ней и вправду заснешь — она тебя зарежет».

«А как же мне поступить, о дочь моего дяди? Прошу тебя, ради Аллаха, помоги мне сегодня ночью!» — воскликнул я, и она сказала: «С любовью и уважением! Но только если ты послушаешься моих слов и будешь повиноваться моему приказу, нужда твоя будет исполнена».— «Я слушаю твои слова и повинуюсь твоему приказу!» — воскликнул я; и она сказала: «Когда настанет время

уходить, я скажу тебе». А затем она прижала меня к груди и, положив меня в постель, до тех пор растирала мне ноги, пока меня не охватила дремота, а когда я погрузился в сон, она взяла опахало, села около изголовья и обвевала мое лицо до конца дня. А под вечер она разбудила меня; и, проснувшись, я увидел, что она у моего изголовья с опахалом в руках и так плачет, что слезы промочили ей одежду, но, увидев, что я проснулся, она вытерла слезы и принесла кое-какой еды; и когда я стал отказываться, сказала мне: «Разве я не говорила тебе: «Слушайся меня и ешь». И я принялся есть, не противореча ей, и она клала мне пищу в рот, а я жевал, пока не насытился, и потом она напоила меня отваром грудной ягоды с сахаром и, вымыв мне руки, осушила их платком и обрызгала меня розовой водой. И я сидел с ней, чувствуя себя бодрым, а когда смерклось, она надела на меня одежду и сказала: «О сын моего дяди, бодрствуй всю ночь и не засыпай; она придет к тебе сегодня только в конце ночи, и если захочет Аллах, ты сегодня ночью встретишься с нею. Но не забудь моего наставления». И она заплакала, и моему сердцу стало больно за нее, что она так много плачет. «Какое же это наставление?» — спросил я; и она сказала: «Когда будешь уходить от нее, скажи ей стих, который я раньше говорила». И я ушел от нее радостный, и отправился в сад, и вошел в помещение сытый, и сел, и бодрствовал до четверти ночи. А затем ночь показалась мне длинной, как год, и я сидел, бодрствуя, пока не прошло три четверти ночи и закричали петухи, и я почувствовал сильный голод из-за долгого бдения. И я подошел к столику, и ел, пока не насытился, и голова моя отяжелела, и я захотел заснуть, но вдруг увидел свет, который приближался издалека. Тогда я встал, вымыл руки и рот и приободрился, и через малое время вдруг та женщина приходит с десятью девушками, и она между ними — как луна между звезд. На ней было платье из зеленого атласа, вышитое червонным золотом, и она была такова, как сказал поэт:

В зеленых одеждах мне представшая так мила,
Что в блеске волос ее рассеивается мгла.

Спросил я: «Как тебя звать?» Она сказала в ответ:
«Я уголь пылающий, сожгу тебя дотла».

Я горько посетовал на пламенную любовь,
Она в ответ: «Перестань! Ты нежен, а я скала!»

Сказал я: «Пусть камень ты, не впал я в отчаянье:
Когда повелел Аллах, из камня вода текла».

И увидев меня, она засмеялась и воскликнула: «Как это ты не заснул и сон не одолел тебя? Раз ты бодрствовал всю ночь, я знаю, что ты — влюбленный, так как примета любящих — не спать ночью в борьбе со страстями».

Затем она обратилась к невольницам и подмигнула им, и те удалились; а она подошла ко мне, и прижала меня к груди и поцеловала меня, а я поцеловал ее — и это была ночь радости для сердца и услады для взора, как сказал о ней поэт:

Никогда не упивался так я сумраком ночным;
Не бездействовал мой кубок, наслаждался я хмельным.

Разлучил во мраке ночи я глаза мои со сном,
Но зато серьгу надолго я с браслетом свел ножным.

И мы легли вместе и проспали до утра, и тогда я хотел уйти, но она вдруг удержала меня и сказала: «Постой, я тебе что-то расскажу и дам тебе наставление».

И я остановился, а она развязала платок и, вынув оттуда этот лоскут, разостлала его передо мною, и я увидел там изображение газели вот такого вида, и до крайности ему удивился, и взял его. И мы с нею условились, что я буду приходить к ней каждую ночь в этот сад, а потом я ушел от нее радостный и от радости забыл тот стих, который мне поручила сказать дочь моего дяди. А та женщина, давая мне лоскут с изображением газели, сказала: «Это работа моей сестры».— «Как же имя твоей сестры?» — спросил я ее, и она ответила: «Ее имя — Нур-аль-Худа; храни этот лоскут». И я простился с нею, и удалился радостный, и пошел, а войдя к дочери моего дяди, я увидел, что она лежит; но, увидав меня, она встала, проливая слезы, и подошла ко мне, и поцеловала меня в грудь, и спросила: «Сделал ли ты так, как я тебе поручила, и сказал ли стих?» — «Я забыл его, и меня от него отвлекло не что иное, как изображение этой газели»,— ответил я и кинул лоскут перед Азизой, а она поднялась и села, будучи не в состоянии терпеть, и, проливая из глаз слезы, сказала такие стихи:

«Разлуку зачем ты накликаешь?
Несчастье зачем ты навлекаешь?

Объятья тебе сулят разлуку.
Коварной судьбе ты потакаешь».

А окончив говорить стихи, она сказала: «О сын моего дяди, подари мне этот лоскуток!» И я подарил его ей, а она

взяла его, и разостлала, и увидела, что на нем. А когда мне пришло время уходить, дочь моего дяди сказала: «Иди, сопровождаемый благополучием, а когда будешь уходить от нее, скажи ей стих из стихотворения, который я тебе сказала раньше, а ты его забыл».— «Повтори его!» — сказал я ей; и она повторила, и после зтого я пошел в сад и поднялся в помещение, где нашел зту женщину ожидающей. И, увидев меня, она поднялась, поцеловала меня и посадила к себе на колени, и мы поели и выпили и удовлетворили свои желания, как раньше, а когда наступило утро, я сказал ей тот стих, то есть:

«Открой, ради Бога, мне один старинный закон:
Что делает юноша, который пылко влюблен?»

И когда она услышала его, из глаз ее пролились слезы, и она сказала:

«Он должен таить любовь и не выдавать ее,
В различных превратностях терпением закален».

А я запомнил зтот стих, радуясь, что исполнил просьбу дочери моего дяди, и вышел, и, придя к ней, нашел ее лежащей, а моя мать сидела у ее изголовья и плакала о том, что с ней сталось. И когда я вошел к Азизе, моя мать сказала мне: «Пропади ты, о двоюродный брат! Как зто ты оставляешь дочь своего дяди, когда ей нехорошо, и не спрашиваешь о ее болезни!»

А дочь моего дяди, увидя меня, подняла голову и села и спросила: «О Азиз, сказал ли ты ей стих, который я говорила тебе?» — «Да»,— отвечал я ей; и, услышав его, она заплакала, и она сказала мне другой стих, а я его запомнил. «Скажи мне его»,— попросила Азиза; и когда я сказал ей стих, она горько заплакала и произнесла такие стихи:

«Но как же таить любовь, когда мучительна страсть
И сердце рвется в груди, сгорая среди препон?

Терпеть бы влюбленный рад, однако душа болит
И в мрачном отчаянье несет смертельный урон.

Когда ты войдешь к ней, как обычно, скажи ей эти два стиха, которые ты услышал»,— сказала дочь моего дяди; а я ответил ей: «Слушаю и повинуюсь». И затем я пошел к ней, как всегда, в сад, и между нами было то, что было, и описать это бессилен язык. А собираясь уйти, я сказал ей те стихи до конца, и когда она их услышала, слезы потекли у нее из глаз, и она произнесла слова поэта:

«А если терпенья нет и страсть свою выдаст он,
Погибнет, отвергнутый, поруган и посрамлен».

И я запомнил этот стих и пошел домой, а войдя к дочери моего дяди, я увидел, что она лежит без чувств, а моя мать сидит у нее в головах. Но, услышав мой голос, Азиза открыла глаза и спросила: «О Азиз, сказал ли ты ей стихи?» — «Да»,— отвечал я; услышав их, она сказала мне такой стих: «А если терпенья нет...» — и так далее. И когда дочь моего дяди услышала его, она вторично лишилась чувств, а очнувшись, она произнесла такие стихи:

«Придется мне умереть согласно таким словам;
Привет от меня тому, кто счастьем не обделен,

Кто счастья лишил меня и пренебрегает мной,
И мой губительный пыл доселе не утолен».

А потом, когда настала ночь, я отправился, по обыкновению, в сад и нашел ту женщину ожидающей меня. Мы сели, поели и выпили, и сделали наше дело, и проспали до утра, а собираясь уйти, я повторил ей то, что сказала дочь моего дяди; и, услышав это, она испустила громкий крик и расстроилась и сказала: «Ах, клянусь Аллахом, та, что сказала эти стихи, умерла!» — и она заплакала и спросила: «Горе тебе, в каком ты родстве со сказавшей этот стих?» — «Она дочь моего дяди»,— отвечал я. И женщина воскликнула: «Ты лжешь, клянусь Аллахом! Если бы она была дочерью твоего дяди, ты бы испытывал к ней такую же любовь, как она к тебе! Это ты ее убил. Убей тебя Аллах, как ты убил ее! Клянусь Аллахом, если бы ты рассказал мне, что у тебя есть двоюродная сестра, я не приблизила бы тебя к себе!» — «О, она толковала мне знаки, которые ты мне делала, и это она научила меня, как мне с тобою сблизиться и как поступать с тобою. Если бы не она, я бы не достиг тебя»,— сказал я. «Разве она знала про нас?» — спросила женщина; и я сказал: «Да». И тогда она воскликнула: «Да погубит Аллах твою молодость, как ты ей погубил ее юность! Иди посмотри на нее»,— сказала она потом. И я пошел с расстроенным сердцем и шел до тех пор, пока не достиг нашего переулка. И я услышал вопли и спросил, что такое, и мне сказали: «Мы нашли Азизу за дверью мертвой».

И я вошел в дом, и, увидя меня, моя мать сказала: «Грех за нее на твоей совести и лежит на твоей шее! Да не отпустит тебе Аллах ее крови. Пропади ты, о двоюродный брат!»

А потом пришел мой отец, и мы обрядили Азизу,

и вынесли ее, и проводили носилки на кладбище, где ее закопали; и мы устроили над ее могилой чтения Корана и провели у могилы три дня. И затем мы вернулись и пришли домой, и я грустил о ней, и моя мать подошла ко мне и сказала: «Я хочу знать, что ты с ней такое сделал, что у нее лопнул желчный пузырь! О дитя мое, я все время ее спрашивала, отчего она больна, но она ничего мне не сообщила и не рассказала мне ни о чем. Заклинаю тебя Аллахом, расскажи же мне, что ты с ней сделал, почему она умерла».— «Я ничего не сделал»,— отвечал я. И моя мать воскликнула: «Да отомстит тебе за нее Аллах! Она ничего не сказала мне, но скрывала свое дело, пока не умерла, простив тебе; и когда она умирала, я была у нее, и она открыла глаза и сказала мне: «О жена моего дяди, да сочтет Аллах твоего сына неповинным за мою кровь и да не взыщет с него за то, что он со мной сделал! Аллах только перенес меня из преходящей обители здешней жизни в вечную обитель будущей жизни!» И я сказала ей: «О дочь моя, да сохранит он тебя и твою юность!» — и стала ее расспрашивать, почему она захворала, но она ничего не сказала, а потом улыбнулась и молвила: «О жена моего дяди, скажи твоему сыну, когда он захочет уйти туда, куда уходит каждый день, чтобы он, уходя оттуда, сказал такие два слова: «Верность прекрасна, измена дурна!» В этом моя защита для него, чтобы я была за него заступницей и при жизни и после смерти». Потом она дала мне для тебя одну вещь и заставила меня поклясться, что я тебе ее дам, только если увижу, что ты плачешь о ней и рыдаешь: и эта вещь у меня, и, когда я увижу тебя в таком состоянии, как она сказала, я отдам ее тебе».

И я попросил: «Покажи мне ее», но моя мать не согласилась, а потом я отвлекся мыслью о наслаждениях и не вспоминал о смерти дочери моего дяди, так как был легкомыслен и хотел проводить целые ночи и дни у моей возлюбленной. И едва я поверил, что пришла ночь, как пошел в сад и нашел эту женщину точно на горячих сковородках от долгого ожидания.

И едва она меня увидела, как уцепилась за меня, и поспешила броситься мне на шею, и спросила про дочь моего дяди; а я ответил: «Она умерла, и мы устроили по ней поминанья и чтения Корана, и после ее смерти прошло уже четыре ночи, а сегодня — пятая».

И, услышав это, она закричала, заплакала и воскликнула: «Не говорила ли я тебе, что ты убил ее! Если бы ты рассказал мне о ней до ее смерти, я бы, наверное, вознагра-

дила ее за милость, которую она мне сделала. Она сослужила мне службу и привела тебя ко мне, и если бы не она, мы бы с тобой не встретились. Я боюсь, что тебя постигнет несчастье за грех, который ты совершил с нею».— «Она сняла с меня вину перед смертью»,— ответил я и рассказал ей о том, что сообщила мне мать; и тогда женщина воскликнула: «Ради Аллаха, когда пойдешь к твоей матери, узнай, что у нее за вещь!» — «Моя мать говорила,— сказал я,— что дочь моего дяди перед смертью дала ей поручение и сказала: «Когда твой сын захочет пойти в то место, куда он обычно уходит, скажи ему такие два слова: «Верность прекрасна, измена дурна».

И женщина, услышав это, воскликнула: «Да помилует ее Аллах великий! Она избавила тебя от меня, а я задумала причинить тебе вред. Но теперь я не стану вредить тебе и тебя расстраивать!» И я удивился этому и спросил: «Что ты хотела раньше со мною сделать, хотя между нами возникла любовь?» И она отвечала: «Ты влюблен в меня, но ты молод годами и прост и в твоем сердце нет обмана, так что ты не знаешь нашего коварства и козней. Будь она жива, она, наверное, была бы тебе помощницей, так как она виновница твоего спасения и спасла тебя от гибели. А теперь я дам тебе наставление: не говори, не заговаривай ни с кем из подобных нам, ни со старой, ни с молодой. Берегись и еще раз берегись: ты простак и не знаешь козней женщин и их коварства. Та, что толковала тебе знаки, умерла, и я боюсь, что ты попадешь в беду и не встретишь никого, кто бы спас тебя от нас. О печаль моя по дочери твоего дяди! О, если бы я знала ее до ее смерти, чтобы воздать ей за добро, которое она мне сделала! Я навещу ее могилу, да помилует ее Аллах великий! Она скрыла свою тайну и не выдала того, что знала, и если бы не она, ты бы никогда не достиг меня. Я хочу от тебя одну вещь».— «Какую?» — спросил я; и она сказала: «Вот какую: приведи меня к ее могиле, чтобы я могла посетить ее гробницу, где она лежит, и написать на ней стихи».— «Завтра, если захочет Аллах великий»,— ответил я, и затем я пролежал с нею эту ночь, и она через каждый час говорила мне: «О, если бы ты рассказал мне о дочери твоего дяди до ее смерти!» — «А что значат эти слова, которые она сказала: «Верность прекрасна, измена дурна»?» — спросил я; но она мне не ответила. А когда настало утро, она поднялась и, взяв мешок с динарами, сказала мне: «Встань и покажи мне ее могилу, чтобы я могла ее посетить и написать на ней стихи. Я построю над могилой купол и призову на Азизу милость Аллаха, а эти

деньги я раздам как милостыню за ее душу».— «Слушаю и повинуюсь»,— отвечал я ей и затем пошел впереди нее, а она пошла за мною и стала раздавать милостыню, идя по дороге; и, подавая милостыню, она каждый раз говорила: «Это милостыня за душу Азизы, которая скрывала тайну, пока не выпила чашу гибели, но она не открыла тайны своей любви». И она все время раздавала деньги из мешка, говоря: «За душу Азизы», пока не вышло все, что было в мешке. И мы дошли до могилы, и, увидав могилу, она заплакала и бросилась на нее, а затем она вынула стальной резец и маленький молоточек и стала чертить тонким почерком по камню, лежавшему в изголовье гробницы. И она вывела на камне такие стихи:

«Могила забытая в безлюдном саду видней,
И семь аиемонов там печальио цветут на ией.

Спроснл я: «Кто здесь лежит?» Ответила мне землн:
«Влюбленное сердце здесь. Прохожнй, благоговей!»

И н воскликнул: «Храни ты жертву любви, Аллах,
В чертогах райских твоих, где счастье всего полней!»

Забвенье — жалкий удел, который влюбленных ждет;
На зтой грнзной земле влюблениые всех бедней.

Вокруг могилы твоей мне вырастить бы цветник,
Слезами бы поливать цветы до скончанин дией».

И потом она ушла, плача, и я пошел с нею в сад, а она сказала мне: «Ради Аллаха, не покидай меня никогда!» И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом я усердно стал посещать ее и заходить к ней, и всякий раз, когда я у нее ночевал, она была со мной добра, и оказывала мне почет, и спрашивала о словах, которые дочь моего дяди, Азиза, сказала моей матери, а я повторял их ей. И я продолжал так жить, я ел, пил, предавался любви и менял платье из мягких одежд, пока я не потолстел и не разжирел, и не было у меня ни заботы, ни печали, и я забыл о своей двоюродной сестре.

И так продолжалось целый год. А в начале нового года я пошел в баню, и привел себя в порядок, и надел роскошное платье, а выйдя из бани, я выпил кубок вина и стал нюхать благовоние моих одежд, облитых всевозможными духами,— и на сердце у меня было легко, и не знал я обманчивости времени и превратностей случая. А когда пришло время ужина, мне захотелось отправиться к той женщине, и я был пьян и не знал, куда мне идти.

И я пошел к ней, и хмель увел меня в переулок, называ-

емый переулком Начальника; и, проходя по этому переулку, я посмотрел и вдруг вижу: идет старуха, и в одной руке у нее горящая свеча, а в другой свернутое письмо. И я подошел к ней и вдруг вижу,— она плачет и говорит такие стихи:

«Посланник! Добрая весть пророчит счастливый путь;
Целебный привет любви — их сладостнейшая суть.

О верный вестник любви! Аллах тебя сохрани,
Куда бы ты ни пошел, куда бы ветру ни дуть».

И, увидев меня, она спросила: «О дитя мое, умеешь ли ты читать?» И я ответил ей по своей болтливости: «Да, почтенная тетушка». И тогда она сказала: «Возьми это письмо и прочти мне его»,— и подала мне письмо. И я взял письмо, и развернул его, и прочитал ей, и оказалось, что в этом письме содержится от отсутствующих привет любимым!

И, услышав это, старуха обрадовалась, и развеселилась, и стала благословлять меня, говоря: «Да облегчит Аллах твою заботу, как ты облегчил мою заботу!» — а затем она взяла письмо и прошла шага два. А мне приспело помочиться, и я сел на корточки, чтобы отлить воду, и потом поднялся, обтерся, опустил полы платья и хотел идти,— как вдруг старуха подошла ко мне, и, наклонившись к моей руке, поцеловала ее, и сказала: «О господин, да сделает господь приятной твою юность! Прошу тебя, пройди со мною несколько шагов до этих ворот. Я передала своим то, что ты сказал мне, прочтя письмо, но они мне не поверили; пройди же со мною два шага, и прочти им письмо из-за двери, и прими от меня праведную молитву».— «А что это за письмо?» — спросил я. «О дитя мое,— отвечала старуха,— оно пришло от моего сына, которого нет со мной уже десять лет. Он уехал с товарами и долго пробыл на чужбине, так что мы перестали надеяться и думали, что он умер, а потом, спустя некоторое время, к нам пришло от него это письмо. А у него есть сестра, которая плачет по нему в часы ночи и дня, и я сказала ей: «Он в добром здоровье»; но она не поверила и сказала: «Обязательно приведи ко мне кого-нибудь, кто прочитает это письмо при мне, чтобы мое сердце уверилось и успокоился мой ум». А ты знаешь, о дитя мое, что любящий склонен к подозрению; сделай же мне милость, пойди со мной и прочти это письмо, стоя за занавеской, а я кликну его сестру, и она послушает из-за двери. Ты облегчишь наше горе и исполнишь нашу просьбу; сказал ведь посланник Аллаха (да благословит его

Аллах и да приветствует): «Кто облегчит огорченному одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах сотню горестей»; а другое изречение гласит: «Кто облегчит брату своему одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах семьдесят две горести из горестей дня воскресенья». Я направилась к тебе, не обмани же моей надежды».

«Слушаю и повинуюсь, ступай вперед»,— сказал я; и она пошла впереди меня, а я прошел за нею немного и пришел к воротам красивого большого дома, ворота которого были выложены полосами красной меди. И я остановился за воротами, а старуха крикнула по-иноземному; и не успел я очнуться, как прибежала какая-то женщина с легкостью и живостью, и платье ее было подобрано до колен, и я увидел пару ног, смущающих мысли и взор. И она была такова, как сказал поэт:

Обнажив перед влюбленным ослепительную ногу,
Шаловливо указала к наслажденью дорогу.

И к любимому навстречу с полной чашей устремилась:
Не поверить невозможно драгоценному залогу.

И ноги ее, подобные двум мраморным столбам, были украшены золотыми браслетами, усыпанными драгоценными камнями. А эта женщина засучила рукава до подмышек и обнажила руки, так что я увидел ее белые запястья, а на руках ее была пара браслетов на замках с большими жемчужинами и на шее ожерелье из дорогих камней. И в ушах ее была пара жемчужных серег, а на голове платок из полосатой парчи, окаймленный дорогими камнями; и она заткнула концы рубашки за пояс, как будто бы только что работала. И, увидав ее, я был ошеломлен, так как она походила на сияющее солнце, а она сказала нежным и ясным голосом, слаще которого я не слышал: «О матушка, это он пришел читать письмо?» — «Да»,— отвечала старуха. И тогда девушка протянула мне руку с письмом, а между нею и дверью было с полшеста расстояния, и я вытянул руку, желая взять у нее письмо, и просунул в дверь голову и плечи, чтобы приблизиться к ней и прочесть письмо; и не успел я очнуться, как старуха уперлась головой мне в спину и втолкнула меня (а письмо было у меня в руке), и, сам не знаю как, я оказался посреди дома и очутился в проходе. А старуха вошла быстрее разящей молнии, и у нее только и было дела, что запереть ворота. Женщина же, увидев, что я внутри дома, подошла ко мне, и прижала меня к груди, и опрокинула на землю, и села на меня верхом, и так сжала мне живот руками, что я обмер, а затем она обхватила меня

руками, и я не мог от нее освободиться, потому что она меня сильно сжала. И потом она повела меня (а старуха шла впереди с зажженной свечой), и мы миновали семь проходов, и после того она пришла со мною в большую комнату с четырьмя портиками, под которыми могли бы играть в мяч всадники. И тогда она отпустила меня и сказала: «Открой глаза!» И я открыл глаза, ошеломленный оттого, что она меня так сильно сжимала и давила, и увидал, что комната целиком построена из прекраснейшего мрамора и вся устлана шелком и парчой, и подушки и сиденья в ней такие же. И там были две скамейки из желтой меди и ложе из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и сиденья, и это был дом благоденствия, подходящий лишь для такого царя, как ты.

«О Азиз,— спросила она меня потом,— что тебе любезнее: смерть или жизнь?» — «Жизнь»,— ответил я. И она сказала: «Если жизнь тебе любезнее, женись на мне».— «Мне отвратительно жениться на такой, как ты»,— воскликнул я, но она ответила: «Если ты на мне женишься, то спасешься от дочери Далилы-хитрицы».— «А кто такая дочь Далилы-хитрицы?» — спросил я; и она, смеясь, воскликнула: «Это та, с кем ты дружишь к сегодняшнему дню год и четыре месяца, да погубит ее Аллах великий и да пошлет ей того, кто сильнее ее! Клянусь Аллахом, не найдется никого коварнее ее! Сколько людей она убила до тебя и сколько натворила дел! Как это ты спасся от нее, продружив с нею все это время, и как она тебя не убила и не причинила тебе горя!»

Услышав ее слова, я до крайности удивился и воскликнул: «О госпожа моя, от кого ты узнала о ней?» — «Я знаю ее так, как время знает свои несчастья,— отвечала она,— но мне хочется, чтобы ты рассказал мне все, что у тебя с ней случилось, и я могла бы узнать, почему ты от нее спасся».

И я рассказал ей обо всем, что произошло у меня с той женщиной и с дочерью моего дяди Азизой, и она призвала на нее милость Аллаха, и глаза ее прослезились. Она ударила рукой об руку, услышав о смерти моей двоюродной сестры Азизы, и воскликнула: «На пути Аллаха погибла ее юность! Да воздаст тебе Аллах за нее добром! Клянусь Аллахом, о Азиз, она умерла, а между тем она — виновница твоего спасения от дочери Далилы-хитрицы, и если бы не она, ты бы, наверное, погиб. Я боюсь за тебя из-за ее коварства, но мой рот закрыт, и я не могу говорить».— «Да, клянусь Аллахом, все это случилось»,— сказал я. И она

покачала головой и воскликнула: «Не найдется теперь такой, как Азиза!» — «А перед смертью,— сказал я,— она завещала мне сказать той женщине два слова, не более, а именно: «Верность прекрасна, измена дурна».

Услышав это, женщина вскричала: «Клянусь Аллахом, о Азиз, эти-то два слова и спасли тебя от нее и от убиения ее рукой! Теперь мое сердце успокоилось за тебя: она уже тебя не убьет. Твоя двоюродная сестра выручила тебя и живая и мертвая. Клянусь Аллахом, я желала тебя день за днем, но не могла овладеть тобою раньше, чем теперь, когда я с тобою схитрила и хитрость удалась. Ты пока еще простак, не знаешь коварства женщин и хитростей старух».— «Нет, клянусь Аллахом!» — воскликнул я. И она сказала: «Успокой свою душу и услади глаза! Мертвый успокоен, а живому будет милость! Ты — красивый юноша, и я хочу иметь тебя только по установлениям Аллаха и его посланника; да благословит его Аллах и да приветствует! Чего ты ни захочешь из денег или тканей, все быстро к тебе явится, и я не буду ничем утруждать тебя. И хлеб у меня тоже всегда испечен, и вода — в кувшине, и я только хочу от тебя, чтобы ты делал со мною то, что делает петух».— «А что делает петух?» — спросил я; и она засмеялась и захлопала в ладоши, и смеялась так сильно, что упала навзничь, а потом она села прямо и воскликнула: «О свет моих глаз, разве ты не знаешь ремесла петуха?» — «Нет, клянусь Аллахом, я не знаю ремесла петуха»,— ответил я. И она сказала: «Вот ремесло петуха: ешь, пей и топчи!»

И я смутился от ее слов, а потом спросил: «Это ремесло петуха?» А она сказала: «Да, и теперь я хочу от тебя, чтобы ты затянул пояс, укрепил решимость и любил изо всей мочи». И она захлопала в ладоши и крикнула: «О матушка, приведи тех, кто у тебя находится». И вдруг старуха пришла с четырьмя правомочными свидетелями, неся кусок шелковой материи.

И она зажгла четыре свечи, а свидетели, войдя, приветствовали меня и сели; и тогда женщина встала и закрылась плащом и уполномочила одного из свидетелей заключить брачный договор. И они сделали запись, а женщина засвидетельствовала, что она получила все приданое, предварительное и последующее, и что на ее ответственности десять тысяч дирхемов моих денег, а затем она дала свидетелям их плату, и они ушли туда, откуда пришли. И тогда женщина ушла и, сняв с себя платье, пришла в тонкой рубашке, обшитой золотой каймой, и взяла меня за руку,

и поднялась со мной на ложе, говоря: «В дозволенном нет срама».

А потом мы проспали до утра, и я хотел выйти, но вдруг она подошла и сказала, смеясь: «Ой, ой! Ты думаешь, что входят в баню так же, как выходят из нее. Ты, наверное, считаешь меня такой же, как дочь Далилы-хитрицы. Берегись таких мыслей! Ты ведь мой муж по писанию и установлению, а если ты пьян, то отрезвись и образумься! Этот дом, где ты находишься, открывается лишь на один день каждый год. Встань и посмотри на большие ворота».

И я подошел к большим воротам и увидел, что они заперты и заколочены гвоздями, и, вернувшись к ней, я рассказал ей, что они заколочены и заперты, а она сказала: «О Азиз, у нас хватит муки, крупы, плодов, гранатов, сахару, мяса, баранины, кур и прочего на много лет, и с этой минуты ворота откроются только через год. Я знаю, что ты увидишь себя выходящим отсюда не раньше чем через год».— «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» — воскликнул я. И она сказала: «А чем же здесь тебе плохо, если ты знаешь ремесло петуха, о котором я тебе говорила?»

И она засмеялась, и я также засмеялся и послушался ее и сделал, что она сказала. И я стал у нее жить и исполнял ремесло петуха: ел, пил и любил, пока не прошел год — двенадцать месяцев. А когда год исполнился, она понесла от меня и родила сына.

А в начале следующего года я услышал, что открывают ворота. И вдруг люди внесли хлебцы, муку и сахар. И я хотел выйти, но она сказала мне: «Потерпи до вечерней поры и как вошел, так и выйди». И я прождал до вечерней поры и хотел выйти, испуганный и устрашенный, и вдруг она говорит: «Клянусь Аллахом, я не дам тебе выйти, пока не возьму с тебя клятву, что ты вернешься сегодня ночью, раньше чем запрут ворота».

Я согласился на это, и она взяла с меня верные клятвы, мечом, святым Кораном и разводом, что я вернусь к ней, а потом я вышел от нее и отправился в тот сад. И я увидел, что ворота его открыты, как всегда, и рассердился и сказал про себя: «Я отсутствовал целый год и пришел внезапно и вижу, что здесь открыто, как прежде. Я обязательно войду и погляжу, прежде чем пойду к своей матери,— теперь ведь время вечернее». И я вошел в сад и шел, пока не пришел в ту комнату, и я увидел, что дочь Далилы-хитрицы сидит, положив голову на колени и подперев

щеку рукою, и цвет ее лица изменился и глаза впали. И, увидев меня, она сказала: «Слава Аллаху за спасение!» — и хотела подняться, но упала от радости; и я устыдился ее и опустил голову. А потом я подошел к ней, поцеловал ее и спросил: «Как ты узнала, что я приду к тебе сегодня вечером?» — «Я не знала об этом,— сказала она.— Клянусь Аллахом, вот уж год, как я не ведаю вкуса сна и не вкушаю его! Каждую ночь я бодрствую в ожидании тебя, и это со мной случилось с того дня, как ты от меня ушел и я дала тебе платье из новой ткани и ты обещал, что сходишь в баню и придешь. Я просидела, ожидая тебя, первую ночь и вторую ночь и третью ночь, а ты пришел только после такого долгого времени. Я постоянно жду твоего прихода, таково уж дело влюбленных. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты отсутствовал весь этот год».

И я рассказал ей. И когда она узнала, что я женился, ее лицо пожелтело, а потом я сказал: «Я пришел к тебе сегодня вечером и уйду раньше, чем взойдет день». И она воскликнула: «Недостаточно ей того, что она устроила с тобой хитрость, и вышла за тебя замуж, и заточила у себя на целый год! Она еще взяла с тебя клятву разводом, что ты вернешься к ней этой ночью, раньше наступления дня, и ее душа не позволяет тебе повеселиться у твоей матери или у меня! Ей не хочется, чтобы ты провел у кого-нибудь из нас одну ночь, вдали от нее, так каково же той, от кого ты ушел на целый год, хотя я и знала тебя раньше, чем она. Но да помилует Аллах дочь твоего дяди Азизу! С ней случилось то, что не случилось ни с кем, и она вынесла то, что никто не вынес, и умерла, обиженная тобою. А это она защитила тебя от меня. Я думала, что ты меня любишь, и отпустила тебя, хотя могла и не дать тебе уйти целым и невредимым и была в силах тебя заточить и погубить».

И она горько заплакала, и разгневалась, и, вся ощетинившись, посмотрела на меня гневным взором. И когда я увидел ее такою, у меня затряслись поджилки, и я испугался ее, и она стала точно ужасная гуль, а я стал точно боб на огне. А потом она сказала: «Нет мне больше от тебя проку, после того как ты женился и у тебя появился ребенок; ты не годишься для дружбы со мною, так как мне будет польза только от холостого, а женатый мужчина не приносит никакой пользы. Ты продал меня за этот вонючий пучок колючек! Клянусь Аллахом, я опечалю через тебя эту распутницу, и ты не достанешься ни мне, ни ей!»

Потом она издала громкий крик, и не успел я очнуться, как пришли десять невольниц и бросили меня на землю, и когда я оказался у них в руках, она поднялась, взяла нож и воскликнула: «Я зарежу тебя, как режут козлов, и это будет тебе самым малым наказанием за то, что ты сделал со мною и с дочерью твоего дяди до меня».

И, увидев, что я в руках ее невольниц и щеки мои испачканы пылью и рабыни точат нож, я уверился в своей смерти и воззвал к этой женщине о помощи, но она стала лишь еще более жестока и приказала невольницам скрутить меня. И они скрутили меня и, бросив на спину, сели мне на живот и схватили меня за голову, и две невольницы сели мне на колени, а две другие взяли меня за руки, она же встала с двумя невольницами и приказала им меня бить. И они били меня, пока я не обеспамятел и не ослаб мой голос, а очнувшись, я сказал себе: «Поистине, умереть зарезанным лучше и легче, чем эти побои!» И я вспомнил слова дочери моего дяди, которая говорила: «Да избавит тебя Аллах от ее зла!» — и стал кричать и плакать, пока не прервался мой голос и у меня не осталось ни звука, ни дыхания. А потом она наточила нож и сказала невольницам: «Обнажите его!»

И вдруг владыка внушил мне произнести те слова, которые говорила дочь моего дяди и завещала мне сказать. «О госпожа,— воскликнул я,— разве ты не знаешь, что верность прекрасна, а измена дурна?» И, услышав это, она вскрикнула и сказала: «Да помилуй тебя Аллах, о Азиза! Да воздаст ей Аллах за ее юность раем! Клянусь Аллахом, она была тебе полезна и при жизни и после смерти и спасла тебя от моих рук при помощи этих слов. Но я не могу отпустить тебя так и непременно должна оставить на тебе след, чтобы причинить горе этой распутнице и срамнице, которая спрятала тебя от меня». И она крикнула невольницам и велела им связать мне ноги веревкой, а затем сказала им: «Сядьте на него верхом!» — и они это сделали. И тогда она ушла и вернулась с медной сковородкой, которую подвесила над жаровней с огнем, и налила туда масла, и поджарила в нем серу, и потом она подошла ко мне, распустила на мне одежду и перевязала мои срамные части веревкой, и, схватив ее, подала ее двум невольницам, и сказала: «Тяните за веревку!» И они потянули, а я потерял сознание, и от сильной боли я оказался в другом, нездешнем мире, а она взяла железную бритву и оскопила меня, так что я стал точно женщина. И затем она прижгла место отреза и натерла его

порошком (а я все был без памяти), а когда я пришел в себя, кровь уже остановилась.

И женщина велела невольницам развязать меня и дала мне выпить кубок вина, а потом сказала: «Иди теперь к той, на которой ты женился и которая поскупилась отдать мне одну ночь! Да помилует Аллах дочь твоего дяди, которая была причиной твоего спасения и не открыла своей тайны. Если бы ты не произнес ее слов, я наверное бы тебя зарезала! Уходи сейчас же к кому хочешь! Мне нужно было от тебя то, что я у тебя отрезала, а теперь у тебя не осталось для меня ничего. Мне нет до тебя охоты, и ты мне не нужен! Поднимайся, пригладь себе волосы и призови милость Аллаха на дочь твоего дяди!»

И она пихнула меня ногой, и я встал, но не мог идти, и я шел понемногу, пока не дошел до дому, и, увидя, что двери открыты, я свалился в дверях и упал без сознания. И вдруг моя жена вышла, и подняла меня, и внесла в комнату, и она увидела, что я стал как женщина. А я заснул и погрузился в сон и, проснувшись, увидал себя брошенным у ворот сада. Я поднялся, стеная и охая, и шел, пока не пришел к моему жилищу, и, войдя в него, я нашел мою мать плачущей по мне, и она говорила: «Узнаю ли я, дитя мое, в какой ты земле?» И я подошел и кинулся к ней, а она посмотрела на меня и, узнав меня, увидала, что я нездоров и мое лицо стало желтым и черным.

А я вспомнил о дочери моего дяди и о добре, которое она мне сделала, и уверился, что она меня любила, и заплакал, и моя мать тоже заплакала. «О дитя мое, твой отец умер»,— сказала моя мать; и тогда я еще сильнее расстроился и так заплакал, что лишился чувств, а очнувшись, я посмотрел на то место, где сиживала дочь моего дяди, и снова заплакал и едва не лишился чувств от сильного плача.

И я продолжал так плакать и рыдать до полуночи; и моя мать сказала: «Твой отец уже десять дней как умер»; а я ответил ей: «Не стану никогда ни о ком думать, кроме дочери моего дяди! Я заслужил все то, что со мной случилось, раз я пренебрег ею, хотя она меня любила».— «Что же с тобой случилось?» — спросила моя мать. И я рассказал ей, что со мной произошло, и она немного поплакала, а затем она принесла мне кое-чего съестного, и я поел немного и выпил и повторил ей свою повесть, рассказав обо всем, что мне выпало. И она воскликнула: «Слава Аллаху, что с тобой случилось только это и она тебя не зарезала!»

Потом мать принялась меня лечить и поить лекарствами, пока я не исцелился и не стал вполне здоров, и тогда она сказала мне: «О дитя мое, теперь я вынесу тебе то, что твоя двоюродная сестра положила ко мне на сохранение. Эта вещь принадлежит тебе, и Азиза взяла с меня клятву, что я не покажу тебе ее раньше, чем увижу, что ты вспоминаешь свою двоюродную сестру и плачешь и что разорвана твоя связь с другою. А теперь я знаю, что эти условия исполнились».

И она встала и, открыв сундук, вынула оттуда лоскут с изображением этой нарисованной газели (а это был тот лоскут, который раньше я подарил Азизе), и, взяв его, я увидел, что на нем написаны такие стихи:

«Задумайся, красота, услышав рыданья:
Тебе нет прощения и нет оправданья.

Забвенье к тебе пришло, едва мы расстались;
На долю выпала мне тоска ожиданья.

Но сердцу даже твоя жестокость отрадна:
Разлуке наперекор я жажду свиданья.

Не верилось прежде мне, что страсть убивает;
Теперь нет сомненья в том, что правы преданья.

Взяла меня в плен любовь, связала мне сердце,
И только новую скорбь сулят мне гаданья.

Меня не жалеешь ты, другие жалеют;
И где былая хула и где назиданья?

Аллахом клянусь, вовек тебя не забуду,
Хотя бы даже меня сгубили страданья».

Прочитав эти стихи, я горько заплакал и стал бить себя по щекам; а когда я развернул бумажку, из нее выпала другая записка, и, открыв ее, я вдруг увидел, что там написано: «Знай, о сын моего дяди, я освободила тебя от ответа за мою кровь и надеюсь, что Аллах поможет тебе соединиться с той, кого ты любишь. Но если с тобой случится что-нибудь из-за дочери Далилы-хитрицы, не ходи опять к ней и ни к какой другой женщине и терпи свою беду. Не будь твой срок долгим, ты бы, наверное, давно погиб; но слава Аллаху, который назначил мой день раньше твоего дня. Привет мой тебе. Береги этот лоскут, на котором изображение газели; не оставляй его и не расставайся с ним: этот рисунок развлекал меня, когда тебя со мной не было. Заклинаю тебя Аллахом, если ты овладеешь той, что нари-

совала газель, держись от нее вдали, не давай ей к тебе приблизиться и не женись на ней. Если же она не достанется тебе и ты не сможешь овладеть ею и не найдешь к ней доступа, не приближайся после нее ни к одной женщине. Знай, обладательница этой газели рисует одну газель ежегодно и посылает ее в отдаленнейшие страны, чтобы распространилась весть о ней и о прекрасной ее работе, которую бессильны исполнить жители земли. А к твоей возлюбленной, дочери Далилы-хитрицы, попала эта газель, и она стала поражать ею людей и показывать ее им, говоря: «У меня есть сестра, которая это вышивает». А она лгунья, раз говорит это, пусть Аллах не осенит ее своей милостью!

Вот тебе мое завещание, и я оставляю его тебе лишь потому, что знаю: мир будет для тебя тесен после моей смерти, и, может быть, ты удалишься из-за этого на чужбину и станешь ходить по странам и услышишь о той, что вышила этот образ; и тогда твоя душа пожелает узнать ее, и ты вспомнишь меня, но от этого не будет тебе пользы, и ты узнаешь мне цену только после моей смерти. И знай: вышила эту газель — дочь царя Камфарных островов и госпожа благородных».

Прочитав этот листок и поняв его содержание, я заплакал, и моя мать заплакала из-за моих слез, и я все смотрел на листок и плакал, пока не пришла ночь. И я провел таким образом год, а через год купцы из моего города снарядились в путь, и это те люди, с которыми я еду в караване. И моя мать посоветовала мне собраться и поехать с ними: может быть, я развлекусь и уйдет моя печаль. «Приободрись и брось эту печаль и отлучись на год, два или три, пока вернется караван, быть может, твое сердце развеселится и прояснится твой ум»,— сказала она и до тех пор уговаривала меня ласковыми словами, пока я не собрал своих товаров и не отправился с купцами.

А у меня никогда не высыхали слезы за все путешествие, и на всякой остановке, где мы останавливались, я развертывал этот лоскут и рассматривал газель на нем, вспоминая дочь моего дяди, и плакал о ней, как ты видишь. Она любила меня великой любовью и умерла в горести изза меня, так как я сделал ей только зло, а она сделала мне только добро. И когда купцы вернутся, я вернусь вместе с ними, и моей отлучке исполнится целый год, который я провел в великой печали. Мои заботы и горести возобновились еще и оттого, что я проезжал через Камфарные острова, где хрустальная крепость,— а их семь островов

и правит ими царь по имени Шахраман, у которого есть дочь Дунья. И мне сказали: «Она вышивает газелей, и та газель, которая у тебя, из ее вышивок». И когда я узнал об этом, моя тоска усилилась и я потонул в море размышлений, сжигаемый огнем, и стал плакать о себе, так как я сделался подобен женщине и мне уже не придумать никакой хитрости, раз у меня не осталось той принадлежности, что бывает у мужчин. И с тех пор, как я покинул Камфарные острова, глаза мои плачут и сердце мое печально; я уже долго в таком положении и не знаю, можно ли мне будет вернуться в мой город и умереть подле моей матери или нет. Я уже насытился жизнью».

И он застонал, и зарыдал, и взглянул на изображение газели, и слезы побежали и потекли по его щекам, и он произнес такие стихи:

«Мне люди сказали: «Придет облегченье».
«Когда,— я спросил,— меня ждет облегченье?»

Сказали: «Со временем». Горько вздохнул я:
«По-вашему, гибельный гнет — облегченье?»

И сказал слова:

«Для нас расставание злое настало:
Я плакал с тех пор, так что слез не хватало.

«Терпи,— говорят,— своего ты достигнешь».
Однако терпенья в страданиях мало.

И вот моя повесть, о царь. Слышал ли ты рассказ диковиннее этого?» — спросил юноша, и Тадж-аль-Мулук крайне удивился.

РАССКАЗ О ВОРЕ И ПРОСТАКЕ

Рассказывают также, что один простак шел, держа в руке узду своего осла, которого он вел за собой, и его увидали два человека из ловкачей, и один сказал другому: «Я похищу осла у этого человека».— «Как ты его похитишь?» — спросил тот. И ловкач ответил: «Следуй за мной, и я покажу».

И он последовал за ним, а ловкач подошел к ослу, и отвязал повод, и отдал его товарищу, и тот надел повод себе на шею и шел за простаком до тех пор, пока не убедился, что его товарищ ушел с ослом, и тогда он остановился. И простак потянул за повод, но человек не пошел, и простак обернулся и увидел, что повод надет ему на шею. «Что ты такое?» — спросил его простак. И человек ответил: «Я твой осел, и у меня дивная история. У меня была мать, праведная старуха, и в какой-то день я пришел к ней пьяный, и она сказала: «О дитя мое, раскайся перед Аллахом великим в этих грехах». А я взял палку и побил мать, и она прокляла меня, и Аллах великий превратил меня в осла и отдал тебе в руки. И я провел у тебя все это время, а сегодня моя мать вспомнила обо мне, и Аллах смягчил ко мне ее сердце; и она помолилась за меня, и Аллах снова сделал меня человеком, как прежде».— «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — воскликнул простак.— Заклинаю тебя Аллахом, о брат мой, считай меня невиновным в том, что я с тобой сделал,— за езду на тебе и другое!»

И затем он пустил этого человека идти своей дорогой, и тот ушел, а обладатель осла вернулся к себе домой, пьяный от заботы и огорчения. И жена спросила его: «Что тебя постигло и где твой осел?» И простак ответил: «Ты ничего не знаешь о деле с ослом? Я расскажу тебе его».

И он рассказал ей эту повесть, а жена воскликнула: «Горе нам от Аллаха великого! Как могло случиться такое, что мы заставляли себе служить сыновей Адама?» И потом она стала раздавать милостыню и просить у Аллаха прощенья, а тот человек просидел некоторое время дома, без работы. И жена его сказала: «До каких пор будет это сидение дома, без работы? Иди на рынок, купи нам осла и работай на нем».

И ее муж пошел на рынок, и остановился около ослов, и вдруг видит, продают его осла! И узнав осла, он подошел к нему, и приложил рот к его уху, и сказал: «Горе тебе, злосчастный! Может быть, ты вернулся к пьянству или побил свою мать? Клянусь Аллахом, я больше никогда тебя не куплю!» А потом он оставил его и ушел.

РАССКАЗ О БАГДАДЦЕ, КОТОРЫЙ УВИДЕЛ СОН

Рассказывают также, что один человек в Багдаде обладал обильными благами и большими деньгами, и иссякли у него деньги, и изменилось его положение, и он все потерял и добывал себе пищу лишь с большими стараниями. И однажды ночью он спал, подавленный и расстроенный, и увидел во сне говорящего, который сказал ему: «Твой достаток в Каире, ищи же его и отправляйся туда». И этот человек поехал в Каир, и, когда он прибыл туда, его застиг вечер, и он заснул в мечети. А по соседству с мечетью был дом, и Аллах великий предопределил, чтобы шайка вошла в мечеть и пробралась оттуда в этот дом. И обитатели дома проснулись от движения воров и подняли крики, и явился вали со своими людьми, и воры убежали. И вали вошел в мечеть и увидел человека из Багдада, стоявшего в мечети, и схватил его и больно побил плетьми, так что он едва не погиб, и заточил его. И он пробыл три дня в тюрьме, а затем вали призвал его и спросил: «Из какого ты города?» — «Из Багдада»,— ответил человек. «А какова твоя нужда, из-за которой ты пришел в Каир?» — спросил вали. И человек ответил: «Я увидел во сне говорящего, который сказал мне: «Твой достаток в Каире, отправляйся туда». А придя в Каир, я увидел, что достаток, о котором он мне рассказывал,— это плети, которые достались мне от тебя».

И вали засмеялся так, что стали видны его зубы, и сказал: «О малоумный! Я три раза видел во сне говорящего, который говорил мне: «В Багдаде, в таком-то квартале, есть дом такого-то вида, и во дворе его садик, и там водоем, а под ним деньги в большом количестве; отправляйся к ним и возьми их,— и не поехал, а ты по своему малоумию ездил из города в город из-за сновидения, которое тебе привиделось, и это спутанные грезы». И потом он дал ему денег и сказал: «Помоги себе этим, чтобы возвратиться в свой город!»

И человек взял их и вернулся в Багдад. А дом, который описал вали, был домом этого человека, и, прибыв в свое жилище, он стал копать под водоемом и нашел большие деньги, и Аллах увеличил его достаток, и это удивительное совпадение.

РАССКАЗ ОБ АБДАЛЛАХЕ ИБН МАМАРЕ

ассказывают также, что один из жителей Басры купил невольницу и отлично ее воспитал и обучил. Он полюбил ее великой любовью и истратил все свои деньги, развлекаясь и веселясь с нею так, что у него ничего не осталось, и жестокая бедность начала мучить его. И тогда невольница сказала ему: «О господин, продай меня — ты нуждаешься из-за меня, и я сожалею, видя, как ты беден. Если ты продашь меня и будешь иметь полученные за меня деньги, это будет для тебя лучше, чем если я останусь. Может быть, Аллах великий увеличит твой достаток».

И хозяин невольницы согласился на это из-за своего стесненного положения и повел ее на рынок. И посредник предложил девушку эмиру Басры, которого звали Абдаллах ибн Мамар ат-Тайми, и она ему понравилась, и он купил ее за пятьсот динаров и отдал деньги господину. И когда господин невольницы взял их и хотел уйти, девушка заплакала и произнесла такие стихи:

«Утешайся ты грудами звонких монет;
Я грущу, я томлюсь, опостылел мне свет.

Я душе говорю в беспросветной тоске:
«Будь что будет! Со мною любимого нет».

И когда господин невольницы услышал эти слова, он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

«Никогда не найдешь ты в делах утешенья,
И со смертью нельзя заключить соглашенья.

Только память мне друг, только воспоминанье;
Сердце утром и вечером терпит лишенья.

Предстоит нам отныне разлука навеки,
И нельзя нам увидеться без разрешенья».

И когда Абдаллах ибн Мамар услышал их стихи и увидел их огорчение, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не буду способствовать вашей разлуке, ясно, что вы друг друга любите. Возьми деньги и девушку, о человек,— да

благословит тебя в этом Аллах! — разлука тягостна для влюбленных!»

И оба поцеловали ему руки и ушли, и они пробыли вместе, пока не разлучила их смерть. Слава же тому, кого не постигает гибель!

РАССКАЗ ОБ УЗРИТЕ И ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Рассказывают также, что был в племени Бену-Узра некий образованный человек, который ни одного дня не проводил без любви. И случилось ему полюбить одну женщину, прекрасную станом. Несколько дней он посылал ей послания, но она была к нему сурова и чуждалась, пока страсть и любовь и волнение не измучили его вконец. И он заболел сильной болезнью и слег на подушки и избегал сна, и люди узнали об этом, и распространилась молва о его любви. И болезнь его усилилась, и велики стали его страданья, так что он едва не умер. И его родные и родные той женщины не переставали просить ее, чтобы она его навестила, но она отказывалась, пока тот человек не приблизился к смерти. И ей рассказали об этом, и тогда она сжалилась над ним и оказала ему милость, посетив его. И когда он ее увидел, из глаз его покатились слезы, и он произнес с разбитым сердцем:

«Я хочу, чтоб меня скорей схоронили.
Наступил конец здоровью и силе.

И когда понесут меня на носилках,
Приходи поклониться моей могиле».

И женщина, услышав его слова, горько заплакала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, я не думала, что любовь ко мне ввергнет тебя в руки гибели! Если бы я знала это, я наверное тебе помогла бы и насладилась близостью с тобой».

И когда тот человек услышал слова женщины, его слезы потекли, как из облака, льющего дождь, и он произнес слова поэта:

«Наконец пришла ко мне та, что мне была мила,
Но какой мне в этом прок, если смерть уже пришла».

И потом он издал вопль и умер, а женщина упала на него, целуя его и плача, и плакала до тех пор, пока не впала в беспамятство, а очнувшись, завещала своим родным похоронить ее, когда она умрет, в его могиле. И она пролила из глаз слезы и сказала такие стихи:

«На прекрасной земле обитали мы оба,
Очернить не могла нас ни зависть, ни злоба;

Разлучили нас только превратности века,
Нас навек сочетает земная утроба».

А окончив свои стихи, она заплакала и не переставая рыдала, пока не упала без памяти. И она пробыла в бесчувствии три дня и умерла, и ее похоронили в могиле того человека, и зто одно из дивных совпадений в любви.

РАССКАЗ ОБ АЛЬ-МУТАЛАММИСЕ

Рассказывают также, что аль-Муталаммис убежал от ан-Нумана ибн аль-Мунзира и долго отсутствовал, так что подумали, что он умер. У него была красивая жена, по имени Умейма, и ее родные советовали ей снова выйти замуж, но она отказалась. Но родные не отступали и принуждали ее выйти замуж, так как к ней сватались многие. И она согласилась, чувствуя к этому отвращение. И ее выдали за одного человека из ее племени, а она любила своего мужа аль-Муталаммиса великой любовью.

Наступила та ночь, когда ее должны были отвести к человеку, за которого заставили выйти замуж. Но в эту ночь пришел ее муж аль-Муталаммис. Он услышал в стане звуки свирелей и бубнов и увидел приготовления к свадьбе и спросил у кого-то из детей, что зто за свадьба, и ему сказали: «Умейму, жену аль-Муталаммиса, выдали за такого-то, и сегодня — брачная ночь».

И когда аль-Муталаммис услышал эти слова, он ухитрился войти к невесте среди женщин и увидел, что жених и невеста на ложе и жених уже приблизился к ней. И тогда она глубоко вздохнула, и заплакала, и произнесла такой стих:

«Превратностей в мире не меньше, чем страждущих душ;
Хотела бы знать я, где ныне ты бродишь, мой муж».

А ее муж, аль-Муталаммис, был из числа знаменитых поэтов, и он ответил ей такими словами:

«Я рядом с тобою, и я благодарен судьбе:
Везде и повсюду стремился я только к тебе».

И тогда жених все понял и поспешно вышел, произнося такие слова:

«Мы здесь по ошибке, нас ввел в заблуждение дом;
Я жил беспечально, теперь ухожу со стыдом».

И он покинул их и ушел, и с женщиной остался аль-Муталаммис, ее муж, и жили они жизнью самой хорошей, ясной, и счастливой, и приятной, пока их не разлучила смерть. Слава же тому, по чьему велению стоят земля и небеса!

РАССКАЗ О МЕЛЬНИКЕ И ЕГО ЖЕНЕ

Рассказывают также, что у одного человека была мельница и был у него осел, который молол зерно. А у этого человека была злая жена, и он любил ее, но она его не терпела, и любила она своего соседа, а тот ее ненавидел и отказывался от нее. И ее муж увидел во сне, что кто-то говорит ему: «Копай в таком-то месте, на кругу осла у мельницы — найдешь сокровище». И, пробудившись от сна, он рассказал жене о своем сновидении и велел ей скрывать это дело, а она рассказала об этом своему соседу, которого любила, чтобы этим приблизиться к нему, и он обещал ей прийти к ней ночью. И он пришел ночью и стал копать на кругу около мельницы, и они нашли сокровище и вынули его, и сосед женщины спросил ее: «Как мы с этим поступим?» — «Мы разделим это на две части поровну, и ты расстанешься с твоей женой, а я ухитрюсь и оставлю своего мужа, а потом ты на мне женишься, и, когда мы соединимся, мы сложим все деньги вместе, и они окажутся у нас в руках»,— ответила женщина. Но ее сосед сказал: «Я боюсь, что сатана собьет тебя с пути и ты

возьмешь не меня,— ведь золото в жилище, что солнце в мире. Правильное решение в том, чтобы все деньги были у меня и ты бы постаралась освободиться от мужа и прийти ко мне».— «Я также боюсь того, чего боишься ты, и не отдам тебе моей доли денег,— это я тебе их указала»,— молвила женщина. И когда ее сосед услышал эти слова, жадность побудила его убить женщину, и он убил ее и бросил на то место, где был клад, но тут его застиг день и помешал ему спрятать женщину, и он подобрал деньги и вышел. И мельник пробудился от сна, и не нашел своей жены, и пришел на мельницу, и, привязав осла к жернову, закричал на него, и осел пошел и остановился. И мельник стал сильно бить осла, но всякий раз, как он его ударял, осел отступал назад, так как он пугался мертвой женщины и не мог идти вперед. А мельник не знал, почему осел останавливается. И он взял нож и много раз колол осла, но тот не двигался с места, и тогда мельник рассердился на него, стал бить его ножом в бока, и осел упал мертвый.

А когда взошел день, мельник увидал, что осел мертв и что жена его мертва, и нашел он ее на месте клада, и усилился его гнев, так как клад пропал и погибли его жена и осел. И охватила его тогда великая забота, и все это от того, что он открыл жене свою тайну, а не скрыл от нее.

РАССКАЗ ОБ АНУШИРВАНЕ И ЖЕНЩИНЕ

Рассказывают также, что справедливый царь Кисра Ануширван выехал однажды на охоту. Он отделился от приближенных, гонясь за газелью. И когда он помчался за газелью, то вдруг увидел вблизи деревню. А царю сильно хотелось пить, и он поехал в эту деревню, и направился к воротам дома, стоявшего на его пути, и потребовал воды, чтобы напиться.

И к нему вышла женщина и увидела его, и, вернувшись в дом, выжала один стебель сахарного тростника, и смешала то, что выжала, с водой, и налила воду в кубок, а в воду насыпала немного благовоний, похожих на пыль, и затем подала кубок Ануширвану. И царь посмотрел в кубок и увидел там что-то, похожее на пыль, и стал понемногу пить из кубка, пока не выпил до дна. А затем он сказал

женщине: «О женщина, прекрасна эта вода. Как она сладка! Если бы не этот сор, который был в ней и замутил ее».— «О гость,— отвечала женщина,— я нарочно бросила в воду этот сор, который замутил ее».— «А зачем ты это сделала?» — спросил царь. И женщина сказала: «Потому что я видела, что ты сильно хочешь пить, и побоялась, что ты выпьешь воду одним глотком, и это тебе повредит. Если бы в ней не было сора, ты бы, наверное, так и сделал».

И справедливый царь Ануширван изумился словам женщины и остроте ее ума и понял, что сказанное ею есть следствие остроты ума и сообразительности и превосходного разума. «Из скольких стеблей ты выжала эту воду?» — спросил он женщину. И та ответила: «Из одного стебля». И Ануширван изумился и потребовал запись поземельной подати, которая приходилась с этой деревни, и увидел, что подать с нее небольшая. И задумал он по возвращении к себе в столицу увеличить подать с этой деревни и сказал: «Деревня, где в одном стебле столько воды,— как может быть подать с нее в столь малом количестве?»

А потом он уехал из этой деревни на охоту, и в конце дня вернулся обратно, и проехал, уединившись, мимо тех ворот, и потребовал воды, чтобы напиться. И к нему вышла та самая женщина, и, увидев царя, узнала его, и вернулась, чтобы вынести ему воду, и замешкалась. И Ануширван поторопил ее и спросил: «Почему ты замешкалась?» И женщина отвечала: «Потому что из одного стебля я не смогла отжать столько, сколько тебе нужно, и я выжала три стебля, но из него тоже не вышло столько, сколько выходило из одного стебля».— «А в чем причина этого?» — спросил царь Ануширван. «Причина этого в том, что намерения султана изменились»,— ответила женщина. «Откуда это стало тебе известно?» — спросил царь. И она сказала: «Мы слышали от разумных, что, когда меняются намерения султана, благоденствие изменяет людям и малым становится у них добро». И Ануширван засмеялся и изгнал из своей души то, что он задумал для этих людей. И он тотчас же взял ту женщину в жены, так как ему понравилась крайняя острота ее ума и сообразительность и красота ее речей.

РАССКАЗ О ШИРИН И РЫБАКЕ

Рассказывают также, что Хосру (а это был царь из царей) любил рыбу. И однажды он сидел в своих покоях вместе с Ширин, своей женой, и к нему пришел рыбак с большой рыбой и поднес ее Хосру. И царю понравилась эта рыба, и он велел дать рыбаку четыре тысячи дирхемов. И рыбаку дали деньги, и он ушел, а Ширин сказала царю: «Плохо то, что ты сделал».— «А почему?» — спросил Хосру.

И Ширин тогда молвила: «Потому что, если ты после этого дашь кому-нибудь из своей челяди такое количество денег, он сочтет это ничтожным и скажет: «Он дал мне столько же, сколько дал рыбаку». А если ты дашь меньше, он скажет: «Он меня презирает и дал мне меньше, чем дал рыбаку».— «Ты права,— сказал Хосру,— но дурно, когда царь берет обратно подаренное, и это уже пропало».— «Я придумаю, как тебе получить подарок обратно»,— молвила Ширин. «А как так?» — спросил царь.

И тут Ширин сказала: «Когда ты этого захочешь, позови рыбака и спроси его: «Эта рыба самец или самка?» И если скажет: «Самец»,— скажи ему: «Мы хотели самку». А если скажет: «Самка»,— скажи: «Мы хотели только самца».

И царь послал за рыбаком, и тот вернулся (а этот рыбак обладал острым умом и сообразительностью), и царь Хосру спросил его: «Эта рыба самец или самка?» И рыбак поцеловал перед ним землю и ответил: «Эта рыба двуполая — не самец и не самка».

И Хосру засмеялся его словам и приказал дать ему другие четыре тысячи дирхемов. И рыбак пошел к казначею и получил от него восемь тысяч дирхемов, и положил деньги в мешок, который был с ним, и взвалил его на спину, и хотел выйти, но у него выпал из мешка один дирхем.

И рыбак снял мешок с плеча, и нагнулся за дирхемом, и взял его (а царь и Ширин смотрели на него).

И Ширин тогда говорит царю: «О царь, видел ли ты скаредность этого человека и его низость: когда у него упал дирхем, ему нелегко было оставить его, чтобы поднял дирхем кто-нибудь из слуг царя».

Царь, услышав ее слова, почувствовал к рыбаку отвращение и воскликнул: «Ты права, о Ширин!»

А затем царь Хосру велел вернуть того рыбака и сказал ему: «О низкий помыслами! Ты не человек! Помнишь, как

ты, сняв с плеча мешок с деньгами, нагнулся ради одного дирхема, поскупившись оставить его?»

И рыбак поцеловал землю и сказал: «Да продлит Аллах век царя! Я поднял этот дирхем с земли не потому, что он был для меня значителен. Нет, я потому поднял его с земли, о великий царь, что на одной из его сторон — изображение царя, а на другой стороне — его имя. Я боялся, что кто-нибудь из людей наступит на него, не зная этого, и будет этим оскорблено имя царя и его изображение, а с меня взыщется за этот грех».

И царь удивился словам рыбака, и нашел прекрасным то, что он сказал, и велел дать ему еще четыре тысячи дирхемов, и приказал глашатаю кричать в царстве: «Не должно никому следовать мнению женщин,— кто последует их мнению, потеряет с каждым своим дирхемом еще два дирхема».

РАССКАЗ О ДЖАФАРЕ БАРМАКИДЕ И БОЛЬНОМ СТАРИКЕ

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид вышел в один из дней вместе с Абу Якубом — сотрапезником, Джафаром Бармакидом и Абу Нувасом, и они пошли по пустыне и увидели старца, опиравшегося на своего осла. «Спроси этого старика, откуда он?» — сказал Харун ар-Рашид Джафару. И Джафар спросил старика: «Откуда ты пришел?» И тот отвечал: «Из Басры».— «А куда ты шествуешь?» — спросил Джафар. «В Багдад»,— отвечал старик. «А что ты будешь там делать?» — спросил Джафар. И старик сказал: «Буду искать лекарства для моего глаза».— «О Джафар, подшути над ним»,— сказал Харун ар-Рашид. «Если я буду с ним шутить, услышу от него неприятное»,— отвечал Джафар. Но халиф воскликнул: «Заклинаю тебя, пошути с ним!» И тогда Джафар спросил старика: «Если я пропишу тебе полезное лекарство, чем ты меня вознаградишь?» — «Аллах великий вознаградит тебя тем, что для тебя лучше, чем мое вознаграждение»,— ответил старец. И Джафар сказал: «Слушай, я пропишу тебе лекарство, которое я никому не пропишу, кроме тебя».— «А что же это?» — спросил старик. И Джафар сказал: «Возьми три

унции дуновенья ветра и три унции лучей солнца и три унции отблеска луны и три унции света светильника, смешай все это и оставь лежать на ветру три месяца, а потом после этого положи это в ступку без дна и толки три месяца, а когда истолчешь, положи это в расколотую чашку и поставь чашку на ветер на три месяца, а потом употребляй это лекарство каждый день по три драхмы, когда будешь ложиться спать, и продолжай так три месяца,— ты выздоровеешь, если захочет Аллах великий».

И когда старец услышал слова Джафара, он растянулся на своем осле, и пустил зловредный ветер, и сказал: «Возьми этот ветер в награду за то, что ты прописал мне лекарство. Когда я буду употреблять его и Аллах пошлет мне здоровье, я дам тебе невольницу, которая станет тебе служить, пока ты жив, такой службой, что Аллах сократит ею твой срок, а когда ты умрешь и Аллах поспешит направить твою душу в огонь, эта невольница намажет тебе лицо своим дерьмом с горя по тебе, и будет плакать, и бить себя по лицу, и рыдать, и скажет, оплакивая тебя: «О холоднобородый, как холодна твоя борода!»

И Харун ар-Рашид смеялся до упаду и приказал дать этому человеку три тысячи дирхемов.

РАССКАЗ О КОНЕ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

ассказывают, что был в древние времена великий царь, значительный саном, и было у него три дочери, подобные полным лунам и цветущим садам, и сын — словно месяц. И когда царь сидел в один из дней на престоле своего царства, вдруг вошли к нему трое мудрецов, и у одного из них был павлин из золота, у другого труба из меди, а у третьего конь из слоновой кости и эбенового дерева. «Что это за вещи и какова польза от них?» — спросил царь. И обладатель павлина сказал: «Полезность этого павлина в том, что всякий раз, как пройдет час ночи или дня, он хлопает крыльями и кричит». А обладатель трубы молвил: «Если трубу поставить на ворота города, она будет для него как страж, и, когда войдет в этот город вор, она затрубит и вора узнают и схватят за руки». А обладатель коня сказал: «О владыка, полезность этого коня в том, что если сядет на него верхом

человек, то конь доставит его в какую он хочет страну».— «Я не награжу вас, пока не испытаю полезность этих вещей»,— сказал царь, и потом он испытал павлина и убедился, что он таков, как говорил его обладатель, и испытал трубу и увидел, что она такова, как говорил ее обладатель. И тогда царь сказал обоим мудрецам: «Пожелайте от меня чего-нибудь!» И они ответили: «Мы желаем, чтобы ты дал каждому из нас в жены одну из твоих дочерей».

А потом выступил третий мудрец, обладатель коня, и облобызал землю перед царем и сказал: «О царь времени, награди меня так же, как ты наградил моих товарищей».— «Сначала я испытаю то, что ты принес»,— сказал царь. И тогда подошел сын царя и сказал: «О батюшка, я сяду на этого коня и испробую его и испытаю его полезность».— «О дитя мое, испытывай его как хочешь»,— ответил царь. И царевич поднялся и сел на коня и пошевелил медленно ногами, но конь не двинулся с места. «О мудрец, где же скорость его бега, о которой ты говоришь?» — спросил царевич. И тогда мудрец подошел к царевичу и показал ему винт подъема и сказал: «Поверни этот винт!» И царевич повернул винт, и вдруг конь поднялся, и полетел с царевичем к облакам, и все время летел с ним, пока не скрылся. И тогда царевич растерялся, и пожалел, что сел на коня, и сказал: «Поистине, мудрец сделал хитрость, чтобы погубить меня! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И он стал осматривать коня и, разглядывая его, вдруг увидел на правом плече что-то похожее на петушиную голову и то же самое на левом плече. И царевич сказал себе: «Я не вижу на коне ничего, кроме этих двух шпеньков». И стал поворачивать шпенек, который был на правом плече; но конь полетел с ним скорее, поднимаясь по воздуху, и царевич оставил шпенек. И он посмотрел на левое плечо и увидел другой шпенек и повернул его; и, когда царевич повернул левый шпенек, движение коня замедлилось и изменилось с подъема на спуск, и конь все время понемногу, осторожно спускался с царевичем к земле.

И когда царевич увидел это и узнал полезность коня, его сердце исполнилось веселья и радости, и он поблагодарил Аллаха великого за милость, которую он ему оказал, когда спас его от гибели. И он не переставая спускался весь день, так как во время его подъема земля удалилась от него, и поворачивал морду коня, как хотел, пока конь спускался, и если желал — он спускался на коне, а если желал — поднимался.

И когда царевичу удалось то, что он хотел от коня, он направил его в сторону земли и стал смотреть на бывшие там страны и города, которых он не знал, так как никогда их не видел. И среди того, что он увидел, был город, построенный наилучшим образом, и стоял он посреди зеленой земли, цветущей, с деревьями и каналами, и царевич подумал про себя и сказал: «О, если бы я знал, как имя этому городу и в каком он климате!» И затем он принялся кружить вокруг этого города и рассматривать его справа и слева; а день повернулся, и солнце приближалось к закату, и царевич сказал себе: «Я не найду места, чтобы переночевать, лучше, чем этот город. Я переночую здесь, а наутро отправлюсь в мое царство и осведомлю моих родных и моего отца о том, что случилось, и расскажу ему, что видели мои глаза».

И он стал искать места, безопасного для себя и для своего коня, где бы его никто не увидел, и вдруг заметил посреди города дворец, возвышавшийся в воздухе, и дворец этот окружала толстая стена с высокими бойницами. И царевич сказал себе: «Поистине, это место прекрасно!» И стал двигать шпенек, который опускал коня, и летел вниз до тех пор, пока не опустился прямо на крышу дворца. И тогда он сошел с коня и восхвалил Аллаха великого и стал ходить вокруг коня, осматривая его и говоря: «Клянусь Аллахом! Поистине, тот, кто тебя сделал, искусный мудрец! И если Аллах продлит назначенный мне срок и возвратит меня целым в мою страну к родным и сведет меня с моим родителем, я сделаю этому мудрецу всякое добро и окажу ему крайнюю милость». И он просидел на крыше дворца, пока не узнал, что люди заснули, и его мучили голод и жажда, ибо с тех пор, как он расстался с отцом, он ничего не ел. И тогда он сказал себе: «В таком дворце, как этот, не может не быть припасов!» И оставил коня в одном месте и пошел пройтись и поискать какой-нибудь еды. И он увидел лестницу, и спустился по ней вниз, и увидел двор, выстланный мрамором, и удивился он этому месту и тому, что оно хорошо выстроено, но только он не услышал во дворце никакого шума и не увидел живого человека.

И он остановился в замешательстве и стал смотреть направо и налево, не зная, куда направиться, а потом он сказал себе: «Нет для меня ничего лучшего, как возвратиться к тому месту, где мой конь, и переночевать там, а когда настанет утро, я сяду на коня и поеду».

И когда он стоял, говоря своей душе такие слова, он

вдруг увидел свет, который приближался к тому месту, где он стоял. И царевич всмотрелся в этот свет и увидел, что он движется с толпой невольниц, и среди них идет сияющая девушка со станом, как буква алиф, напоминающая светлую луну, как сказал о ней поэт:

Незваная, позднею ночью пришла,
И вдруг расступилась безлунная мгла;

Ты схожа с людьми, но прекраснее ты;
Одна красота до рассвета светла.

Из плоти и крови тебя сотворил
Аллах всемогущий; Аллаху хвала!

Воскликни, к Владыке зари обратясь:
«Храни Ты меня, и я буду цела!»

И была та девушка дочерью царя этого города, и отец любил ее сильной любовью, и из-за своей любви к ней он построил этот дворец, и всякий раз, как у царевны стеснялась грудь, она приходила туда со своими невольницами и оставалась там день, или два, или больше, а потом возвращалась к себе во дворец. И случилось так, что она пришла в этот вечер, чтобы развлечься и повеселиться, и шла между своими невольницами, и с нею был евнух, опоясанный мечом. И когда она вошла в этот дворец, разостлали ковры и зажгли жаровни с курениями и стали играть и веселиться, и, когда все играли и веселились, царевич вдруг бросился на евнуха и ударил его один раз по лицу и повалил, и он взял его меч и бросился на невольниц, которые были с царевной, и разогнал их направо и налево.

И когда царевна увидела его красоту и прелесть, она сказала ему: «Может быть, ты тот, кто вчера сватал меня у отца, но он отказал тебе и говорил, что ты безобразен видом? Клянусь Аллахом, солгал мой отец, когда сказал такие слова, и ты не иначе как красавец!»

А сын царя Индии сватал царевну у ее отца, но царь отказал ему, так как он был отвратителен видом, и царевна подумала, что это тот, кто ее сватал. И она подошла к юноше, и обняла его, и поцеловала, и легла с ним, и невольницы сказали ей: «О госпожа, это не тот, кто сватал тебя у отца, так как тот был безобразный, а этот красивый. И тот, кто сватал тебя у отца, а он отверг его, не годится, чтобы быть слугою у этого, и этот юноша, о госпожа, велик саном».

Потом невольницы подошли к лежавшему евнуху и привели его в чувство, и евнух вскочил, испуганный, и стал

искать свой меч, но не нашел его у себя в руке, и невольницы сказали ему: «Тот, кто взял у тебя меч и повалил тебя, сидит с царевной». А царь поручил этому евнуху охранять свою дочь, боясь для нее превратностей судьбы и ударов случая.

И евнух встал, и подошел к занавеске, и поднял ее, и увидел, что царевна сидит с царевичем и они разговаривают, и, увидев их, евнух сказал царевичу: «О господин мой, ты из людей или джиннов?» — «Горе тебе, о сквернейший из рабов! — воскликнул царевич.— Как можешь ты считать детей царей Хосроев нечестивыми чертями?»

И он взял меч в руку и сказал: «Я зять царя, он женил меня на своей дочери и велел мне войти к ней». И евнух, услышав от него эти слова, молвил: «О господин, если ты из людей, как утверждаешь, то она годится только для тебя, и ты имеешь на нее больше прав, чем другой». Потом евнух отправился к царю, крича (а он разорвал на себе одежды и посыпал голову землею). И когда царь услышал его крик, он спросил его: «Что такое тебя постигло? Ты встревожил мою душу. Расскажи мне поскорее и будь краток».— «О царь,— отвечает евнух,— помоги твоей дочери: над ней взял власть шайтан из джиннов в обличии человека, имеющий образ царского сына, иди же на него!» И когда царь услышал от евнуха эти слова, он вознамерился убить его и воскликнул: «Как, ты недосмотрел за моей дочерью, и ее постигла эта напасть?» А потом царь отправился во дворец, где была его дочь, и, придя туда, нашел невольниц стоящими.

«Что случилось с моей дочерью?» — спросил он их. И они отвечали: «О царь, мы сидели с ней и не успели опомниться, как на нас бросился этот юноша, что подобен полной луне (а мы никогда не видели более красивого лица), и в руках у него был обнаженный меч. И мы спросили его, кто он такой, и он утверждал, что ты женил его на своей дочери. И мы ничего не знаем, кроме этого, и не ведаем, человек он или джинн, но он целомудрен и вежлив и не делает скверного».

И когда царь услышал их слова, его пыл остыл, и он стал поднимать занавеску понемногу — и увидел, что царевич сидит с его дочерью, и они разговаривают, и образ у царевича самый прекрасный, и лицо его — как светящаяся луна.

И царь не мог удержаться из-за ревности к своей дочери, и поднял занавеску, и вошел с обнаженным мечом в руке, и бросился на них, точно гуль, и, увидев его, царе-

вич спросил царевну: «Это твой отец?» И она ответила: «Да!» И тут царевич вскочил на ноги, и, взяв в руки меч, закричал на царя страшным криком, и ошеломил его, и хотел броситься на него с мечом. И царь понял, что царевич стремительнее его, и вложил меч в ножны и стоял, пока царевич не дошел до него, и тогда он встретил его ласково и спросил: «О юноша, ты из людей или джиннов?» — «Если бы я не соблюдал обязанность перед тобою и уважение к твоей дочери, я бы пролил твою кровь! Как ты возводишь меня к шайтанам, когда я из детей царей Хосроев, которые, если бы захотели взять у тебя царство, потрясли бы твое величие и власть и отняли бы у тебя все, что есть на твоей родине!» — воскликнул царевич. И, услышав его слова, царь почувствовал к нему уважение и побоялся от него зла. «Если ты из царских детей, как ты утверждаешь,— сказал он ему,— то как ты вошел ко мне во дворец без моего позволения и опозорил мое достоинство и проник к моей дочери? Ты говоришь, что ты ее муж, и утверждаешь, что я женил тебя на ней, а я убивал царей и царских сыновей, когда они сватались за нее. Кто тебя спасет от моей ярости? Ведь если я кликну моих рабов и слуг и велю им убить тебя, они тотчас же тебя убьют. Кто же освободит тебя из моих рук?» И царевич, услышав эти слова, сказал царю: «Поистине, я удивляюсь тебе и твоей малой проницательности! Разве ты желаешь для твоей дочери мужа лучше меня? И разве ты видел кого-нибудь тверже меня душой, и обильнее наградою, и сильнее властью, войсками и помощниками?» — «Нет, клянусь Аллахом,— отвечал царь,— но я хотел бы, о юноша, чтобы ты посватался за нее в присутствии свидетелей, и я бы женил тебя на ней, а если я женю тебя тайком, ты опозоришь меня с нею».— «Ты хорошо сказал,— ответил царевич,— но только, о царь, если соберутся твои рабы, слуги и войска и меня убьют, как ты говорил, ты опозоришь сам себя, и люди будут верить тебе и не верить. И, по моему мнению, тебе должно поступить, о царь, так, как я укажу тебе».— «Говори свое слово!» — молвил царь. И царевич сказал ему: «Вот что я тебе скажу: либо мы с тобою сразимся один на один, и кто убьет своего противника, тот будет ближе к власти и имеет на нее больше прав,— либо ты оставишь меня сегодня ночью, а когда настанет утро, выведешь ко мне свои войска и отряды слуг. Скажи мне, сколько их числом?» — «Их числом сорок тысяч всадников, кроме рабов, которые принадлежат мне, и кроме их приближенных, а их числом столько же»,— ответил царь. И царевич сказал: «Когда наступит восход

дня, выведи их ко мне и скажи им: «Этот человек сватает у меня дочку с условием, что сразится с вами всеми. И он утверждает, что одолеет вас и покорит и что вы с ним не справитесь». И потом дай мне сразиться с ними; и если они меня убьют — это лучше всего скроет твою тайну и сохранит твою честь, а если я их одолею и покорю — то подобного мне пожелает царь иметь зятем». И царь, услышав слова царевича, одобрил его мнение и принял его совет, хотя он нашел его слова странными и его ужаснуло намерение царевича сразиться со всеми войсками, которые он ему описал.

И затем они посидели, разговаривая, а после этого царь позвал евнуха и велел ему в тот же час и минуту пойти к вазиру с приказанием собрать всех воинов и чтобы они надели оружие и сели на коней.

И евнух пошел к вазиру и передал ему то, что повелел царь, и тогда вазир потребовал начальников войска и вельмож царства и приказал им садиться на коней и выезжать, надев военные доспехи; и вот то, что было с ними. Что же касается царя, то он не переставая разговаривал с царевичем, так как ему понравились его речи, разум и воспитанность.

И пока они разговаривали, вдруг настало утро, и царь поднялся и направился к своему престолу и велел своим воинам садиться на коней. Он подвел царевичу отличного коня из лучших своих коней и велел, чтобы его оседлали и одели в хорошую сбрую, но царевич сказал ему: «О царь, я не сяду на коня, пока не взгляну на войска и не увижу их».— «Пусть будет, как ты желаешь»,— ответил ему царь. И затем царь пошел, а юноша шел перед ним, и они дошли до площади, и царевич увидал войска и их многочисленность.

И царь закричал: «О собрание людей, ко мне прибыл юноша, который сватается за мою дочь, и я никогда не видал никого красивее его, и сильнее сердцем, и страшнее в гневе. Он утверждает, что одолеет вас и победит вас один, и заявляет, что, даже если бы вы достигли ста тысяч, вас было бы, по его мнению, лишь немного. Когда вы будете сражаться с ним, поднимите его на зубцы копий и на концы мечей — поистине, он взялся за великое дело!» И потом царь сказал царевичу: «О сын мой, вот они, делай с ними что хочешь». А юноша ответил ему: «О царь, ты несправедлив ко мне. Как я буду с ними сражаться, когда я пеший, а они на конях?» — «Я приказывал тебе сесть на коня, а ты отказался. Вот тебе кони, выбирай из них, которого хо-

чешь»,— сказал царь. «Мне не нравится ни один из твоих коней, и я сяду лишь на того, на котором приехал»,— отвечал царевич. «А где же твой конь?» — спросил царь. И царевич ответил: «Он над твоим дворцом».— «В каком месте моего дворца?» — спросил царь. И юноша отвечал: «На крыше». И, услышав это, царь воскликнул: «Вот первое проявление расстройства твоего ума! Горе тебе! Как может быть конь на крыше? Но сейчас разъяснится, где у тебя правда, где ложь».

И царь обратился к кому-то из своих приближенных и сказал: «Ступай ко мне во дворец и доставь то, что ты найдешь на крыше». И люди стали удивляться словам юноши и говорили один другому: «Как спустится этот конь с крыши по лестницам? Поистине, это нечто такое, чему подобного мы не слышали».

А тот, кого царь послал во дворец, поднялся на самый верх и увидел, что конь стоит там, и он не видывал коня лучше этого. И этот человек подошел к коню и стал его рассматривать, и оказалось, что он из эбенового дерева и слоновой кости. А один из приближенных царя тоже поднялся с ним, и, увидав такого коня, они стали пересмеиваться и сказали: «И на коне, подобном этому, будет то, о чем упоминал юноша! Мы думаем, что он не иначе как бесноватый! Но его дело станет нам ясно, и, может быть, его дело велико!»

И потом они подняли коня и несли его на руках до тех пор, пока не перенесли пред лицо царя и не поставили его перед ним, и люди собрались возле коня, смотря на него и дивясь его прекрасному виду и красоте его седла и узды. И царю конь тоже понравился, и он удивился ему до крайних пределов, и потом он спросил царевича: «О юноша, это ли твой конь?» — «Да, о царь, это мой конь, и ты скоро увидишь в нем удивительное»,— ответил юноша. И царь сказал ему: «Возьми твоего коня и садись на него».— «Я сяду на него, только когда воины от него удалятся»,— сказал юноша. И царь приказал воинам, которые стояли вокруг коня, отдалиться от него на полет стрелы, и тогда юноша сказал: «О царь, я сяду на моего коня, и брошусь на твои войска, и разгоню их направо и налево, и заставлю их сердце расколоться».— «Делай, что хочешь, и не щади их,— они не пощадят тебя»,— молвил царь. И царевич направился к своему коню и сел на него, и воины выстроились напротив него и говорили один другому: «Когда юноша будет между рядами, мы поднимем его на зубцы копий и на лезвия мечей». И один из них воскликнул:

«Клянусь Аллахом, это беда! Как мы убьем этого юношу с красивым лицом и прекрасным станом!» А кто-то другой сказал: «Клянусь Аллахом, вы доберетесь до него только после великого дела! Юноша сделал такое дело только потому, что знает доблесть своей души и свое превосходство».

И когда царевич сел на своего коня, он повернул винт подъема, и взоры потянулись к нему, чтобы видеть, что он хочет делать. И его конь заволновался, и забился, и стал делать самые диковинные движения, которые делают кони, и внутренность его наполнилась воздухом, а затем конь поднялся и полетел по воздуху вверх. И когда царь увидел, что юноша поднялся и летит вверх, он крикнул своему войску: «Горе вам, хватайте его, пока он от вас не ушел!» И его вазиры и наместники сказали ему: «О царь, разве кто настигнет летящую птицу? Это не иначе как великий колдун, от которого тебя спас Аллах. Прославляй же Аллаха великого за спасение от его рук!»

И царь вернулся к себе во дворец, после того как увидел то, что увидел, а придя во дворец, он пошел к своей дочери и рассказал ей, что у него случилось с царевичем на площади, и увидел, что она очень печалится о нем и о своей разлуке с ним. А потом она заболела и слегла на подушки. И когда ее отец увидел, что она в таком состоянии, он прижал ее к груди, и поцеловал в лоб, и сказал ей: «О дочь моя, хвали Аллаха великого и благодари его за то, что он освободил нас от этого злокозненного колдуна!» И стал повторять ей то, что видел, и рассказывать, каким образом царевич поднялся в воздух. Но царевна не внимала словам отца, и усилился ее плач и стенания, и затем она сказала себе: «Клянусь Аллахом, я не стану есть пищи и пить питья, пока Аллах не соединит меня с ним». И отца девушки, царя, охватила из-за этого великая забота, и состояние его дочери было для него тяжко, и стал он печалиться о ней сердцем, но всякий раз, как он обращался к дочери с лаской, ее любовь к царевичу только усиливалась.

Вот что было с царем и его дочерью. Что же касается до царевича, то он поднялся на воздух, и остался наедине с самим собою, и стал вспоминать красоту и прелесть девушки. И он узнал от приближенных царя, как имя городу и имя царя и его дочери. И город этот был город Сана.

И затем царевич ускорил ход, и приблизился к городу своего отца, и облетел вокруг города, и направился к дворцу своего отца. Он спустился на крышу и оставил коня там, и, спустившись к своему родителю, вошел к нему и увидел, что он грустен и печален из-за разлуки с сыном. И когда

отец царевича увидел его, он поднялся, и обнял его, и прижал к своей груди, и обрадовался ему великой радостью. А потом царевич, свидевшись с отцом, спросил его про мудреца, который сделал коня, и сказал: «О батюшка, что сделала с ним судьба?» И отец его ответил: «Да не благословит Аллах мудреца и ту минуту, когда я его увидел! Это он ведь был причиной нашей разлуки с тобою, и он в заточении, о дитя мое, с того дня, как ты скрылся от нас».

И царевич приказал освободить мудреца, и вывести его из тюрьмы, и привести к себе. И когда мудрец предстал пред ним, царевич наградил его одеждой благоволения и оказал ему крайнюю милость, но только царь не женил его на своей дочери. И мудрец разгневался великим гневом и пожалел о том, что сделал, и понял он, что царевич узнал тайну коня и как он двигается.

А потом царь сказал своему сыну: «Лучше всего, по-моему, чтобы ты не приближался к этому коню и не садился на него никогда после сегодняшнего дня, так как ты не знаешь его свойств и обманываешься относительно него». А царевич рассказал своему отцу о том, что у него случилось с дочерью царя, обладателя власти в том городе, и что случилось у него с ее отцом. И отец сказал: «Если бы царь желал убить тебя, он бы, наверное, тебя убил, но сроку твоей жизни суждено продление».

А потом в царевиче взволновалась горесть из-за любви к дочери царя, владыки Сана; и он подошел к коню, и сел на него, и повернул винт подъема, и конь полетел с ним по воздуху и вознесся до облаков небесных. Когда же наступило утро, отец юноши хватился его и не нашел, и он поднялся на крышу опечаленный и увидел своего сына, который поднимался по воздуху.

И царь опечалился из-за разлуки с сыном и стал всячески раскаиваться, что не взял коня и не скрыл его тайны, и подумал про себя: «Клянусь Аллахом, если вернется ко мне мой сын, я не оставлю этого коня, чтобы успокоилось мое сердце относительно сына!» И он вернулся к плачу и стенаниям, и вот то, что с ним было.

Что же касается его сына, то он до тех пор летел по воздуху, пока не остановился над городом Сана. Он опустился в том месте, где спустился в первый раз, и шел украдкой, пока не достиг помещения дочери царя, но не нашел ни девушки, ни ее невольниц, ни евнуха, который ее охранял, и ему стало от этого тяжко. И потом он принялся ходить по дворцу, ища царевну, и нашел ее в другой комнате, не в ее помещении, где он с ней встретился, и царевна

лежала на подушках, и вокруг нее были невольницы и няньки. И царевич вошел к ним и приветствовал их, и, услышав его слова, царевна поднялась и обняла его и стала целовать его и прижимать к груди. «О госпожа,— сказал ей царевич,— ты заставила меня тосковать все это время». А царевна воскликнула: «Это ты заставил меня тосковать, и если бы твое отсутствие продлилось, я бы погибла, без сомнения!» — «О госпожа,— спросил царевич,— как ты смотришь на то, что произошло у меня с твоим отцом и что он со мной сделал? Если бы не любовь к тебе, о искушение людей, я бы его, наверное, убил и сделал бы его назиданием для смотрящих. Но так же, как я люблю тебя, я люблю и его ради тебя».— «Как ты мог уйти от меня, и разве приятна мне жизнь без тебя?» — сказала девушка. И царевич спросил ее: «Послушаешься ли ты меня и будешь ли внимать моим словам?» — «Говори что хочешь, я соглашусь на то, к чему ты меня призовешь, и я не буду тебе ни в чем прекословить»,— отвечала царевна. «Поедем со мною в мою страну и в мое царство»,— сказал тогда царевич. И царевна ответила: «С любовью и удовольствием!»

И царевич, услышав ее слова, сильно обрадовался и, взяв царевну за руку, заставил ее обещать это, поклявшись именем Аллаха великого. А после этого он поднялся с нею наверх, на крышу дворца, и, усевшись на своего коня, посадил девушку сзади, прижал ее к себе и крепко привязал, а потом повернул винт подъема, который был на плече коня, и конь поднялся с ними на воздух. И невольницы закричали и осведомили царя, отца девушки, и ее мать, и те поспешно поднялись на крышу дворца. И царь обратил взоры ввысь и увидел эбенового коня, который летел с ними по воздуху, и встревожился, и велика стала его тревога.

И он закричал и сказал: «О царевич, прошу тебя, ради Аллаха, пожалей меня и пожалей мою жену и не разлучай нас с нашей дочерью!» Но царевич не ответил ему. А потом царевич подумал, что девушка жалеет о разлуке с матерью и отцом, и спросил ее: «О искушение времени, не хочешь ли ты, чтобы я вернул тебя твоему отцу и матери?» Но она отвечала: «О господин, клянусь Аллахом, не хочу я этого! Я хочу быть лишь с тобою, где бы ты ни был, так как любовь к тебе отвлекает меня от всего, даже от отца и матери». И царевич, услышав ее слова, обрадовался сильной радостью

И он пустил коня с девушкой тихим ходом, чтобы не встревожить ее, и летел с нею до тех пор, пока не увидел зеленый луг, на котором был ручей с текучей водой.

И царевич спустился там, и они поели и попили, а затем царевич сел на коня и посадил девушку сзади, крепко привязав ее веревками, из страха за нее, и полетел с нею, и до тех пор летел по воздуху, пока не достиг города своего отца, и тогда его радость усилилась. А потом он захотел показать девушке обитель своей власти и царство своего отца и осведомить ее о том, что царство его отца больше, чем царство ее отца, и, опустившись в одном из садов, где гулял его отец, он отвел ее в беседку, приготовленную для его отца, и, поставив эбенового коня у дверей этой беседки, наказал девушке стеречь его: «Сиди здесь, пока я не пришлю тебе моего посланного, я иду к отцу, чтобы приготовить для тебя дворец и показать тебе свою власть»,— сказал царевич. И девушка обрадовалась, услышав от него эти слова, и сказала: «Делай что хочешь!» И ей пришло на ум, что она вступит в город только с пышностью и почетом, как подобает таким, как она.

И царевич оставил ее и шел, пока не достиг города, и пришел к своему отцу. И его отец, увидав его, обрадовался и пошел к нему навстречу и сказал: «Добро пожаловать!» И царевич сказал своему отцу: «Знай, что я привез царевну, о которой я тебя осведомил, и оставил ее за городом, в одном из садов, и пришел сообщить тебе о ней, чтобы ты собрал приближенных, и выехал ей навстречу, и показал бы ей твою власть и войска и телохранителей». И царь отвечал: «С любовью и удовольствием!» А затем, в тот же час и минуту, он приказал жителям украсить город прекрасными украшениями и одеждами и тем, что хранят в сокровищницах цари, и устроил для царевны помещение, украшенное зеленой, красной и желтой парчой, и усадил в этом помещении невольниц — индийских, румских и абиссинских, и выложил сокровища дивные.

А потом царевич покинул это помещение и тех, кто был в нем, и пришел раньше всех в сад, и вошел в беседку, где оставил девушку, и стал искать ее, но не нашел, и не нашел коня. И он стал бить себя по лицу, и разорвал на себе одежды, и принялся кружить по саду с ошеломленным умом, но затем вернулся к разуму и сказал про себя: «Как она узнала тайну этого коня, когда я не осведомлял ее ни о чем? Может быть, персидский мудрец, который сделал коня, напал на нее и взял ее в оплату за то, что сделал с ним мой отец?»

И царевич призвал сторожей сада и спросил их, кто проходил мимо них, и сказал: «Видели ли вы, чтобы ктонибудь проходил мимо вас и входил в этот сад?» И сторожа

ответили: «Мы не видели, чтобы кто-нибудь входил в этот сад, кроме персидского мудреца,— он приходил собирать полезные травы». И, услышав их слова, царевич уверился, что девушку взял именно этот мудрец.

А по предопределенному велению было так, что, когда царевич оставил девушку в беседке в саду и ушел во дворец своего отца, чтобы его подготовить, персидский мудрец вошел в сад, желая собрать немного полезных трав, и почувствовал запах мускуса и благовоний, которыми пропиталось это место,— а это благоухание было запахом царевны. И мудрец шел на этот запах, пока не достиг той беседки, и он увидел, что конь, которого он сделал своей рукой, стоит у дверей беседки. Когда мудрец увидел коня, его сердце наполнилось весельем и радостью, так как он очень жалел о коне, который ушел из его рук. И он подошел к коню и проверил все его части, и оказалось, что они целы. И мудрец хотел сесть на коня и полететь, но сказал себе: «Обязательно посмотрю, что привез с собою царевич и оставил здесь с конем». И он вошел в беседку и увидел сидящую царевну, и была она подобна сияющему солнцу на чистом небе. И, увидав ее, мудрец понял, что эта девушка высокая саном и что царевич взял ее и привез на коне и оставил в этой беседке, а сам отправился в город, чтобы привести приближенных и ввести ее в город с уважением и почетом. И тогда мудрец вошел к девушке и поцеловал перед ней землю, и девушка подняла глаза и посмотрела на него и увидала, что он очень безобразен видом и облик его гнусен. «Кто ты?» — спросила она его. И мудрец ответил: «О госпожа, я посланный от царевича. Он послал меня к тебе и велел мне перевезти тебя в другой сад, близко от города». И девушка, услышав от него эти слова, спросила: «А где царевич?» И мудрец отвечал: «Он в городе у своего отца и придет к тебе сейчас с пышной свитой».— «О такой-то,— сказала ему девушка,— неужели царевич не нашел никого, чтобы послать ко мне, кроме тебя?» И мудрец засмеялся ее словам и сказал ей: «О госпожа, пусть не обманывает тебя безобразие моего лица и мой гнусный вид. Если бы ты получила от меня то, что получил царевич, ты, наверное, восхвалила бы мое дело. Царевич избрал меня, чтобы послать к тебе, из-за моего безобразного вида и устрашающей наружности, так как он ревнует тебя и любит, а если бы не это — у него невольников, рабов, слуг, евнухов и челяди столько, что не счесть».

И когда девушка услышала слова мудреца, они вошли в ее разум, и она поверила ему. И она поднялась и вложила

свою руку в руку мудреца и сказала: «О батюшка, что ты мне с собою привез, на что бы я могла сесть?» И мудрец отвечал ей: «О госпожа, коня, на котором ты прибыла. Ты поедешь на нем».— «Я не могу ехать на нем одна»,— сказала девушка. И когда мудрец услышал от нее это, он улыбнулся и понял, что захватил ее. «Я сам сяду с тобой»,— сказал он ей и потом сел и посадил девушку сзади и прижал к себе и затянул на ней веревки, а она не знала, что он хочет с нею сделать.

И затем мудрец пошевелил винт подъема, и внутренность коня наполнилась воздухом, и он зашевелился, и задрожал, и поднялся вверх, и до тех пор летел, пока город не скрылся.

И девушка сказала: «Эй, ты, где то, что ты говорил про царевича, когда утверждал, что он тебя послал ко мне?» А мудрец отвечал: «Да обезобразит Аллах царевича! Он скверный и злой».— «Горе тебе! — воскликнула царевна.— Как ты перечишь приказу твоего господина в том, что он тебе приказал?» — «Он не мой господин,— ответил мудрец.— Знаешь ли ты, кто я?» — «Нет, я знаю о тебе лишь то, что ты дал о себе знать»,— ответила царевна. И мудрец воскликнул: «Мой рассказ был только хитростью с тобой и царевичем. Я долго горевал об этом коне, который под тобою,— это мое создание, но царевич овладел им; а теперь я захватил его и тебя также и сжег сердце царевича, как он сжег мое сердце, и он впредь никогда не будет иметь над конем власти. Но успокой мое сердце и услади глаза — я для тебя полезнее, чем он».

И царевна, услышав его слова, стала бить себя по лицу и закричала: «О горе! Мне не достался мой возлюбленный, и я не осталась у отца и матери!» И она горько заплакала от того, что ее постигло, а мудрец непрестанно летел с нею в страну румов до тех пор, пока не опустился на зеленом лугу с ручьями и деревьями. И был этот луг близ города, а в городе был царь, высокий саном.

И случилось, что в тот день царь этого города выехал, чтобы поохотиться и прогуляться, и проезжал мимо того луга и увидел, что мудрец стоит, а конь и девушка стоят с ним рядом. И не успел мудрец опомниться, как налетели на него рабы царя и взяли его, и девушку, и коня и поставили всех перед царем, и когда царь увидел безобразную внешность мудреца и его гнусный облик и узрел красоту и прелесть девушки, он сказал ей: «О госпожа, какая связь между этим старцем и тобою?» И мудрец поспешил ответить и сказал: «Это моя жена и дочь моего дяди». Но

девушка, услышав эти слова, объявила его лжецом и сказала: «О царь, клянусь Аллахом, я не знаю его и он мне не муж, но он взял меня насильно, хитростью». И когда царь услышал эти слова, он велел бить мудреца, и его так били, что он едва не умер. А потом царь велел отнести его в город и бросить в тюрьму, и с ним это сделали. И после этого царь отобрал у него девушку и коня, но он не знал, в чем дело с конем и как он двигается.

Вот что было с мудрецом и девушкой. Что же касается до царского сына, то он надел одежды путешествия и взял то, что ему нужно было из денег, и уехал, будучи в наихудшем состоянии. Он быстро пошел, распутывая следы и ища девушку, и шел из страны в страну и из города в город и спрашивал про коня из черного дерева. Всякий изумлялся ему и считал его слова удивительными.

И царевич провел в таком положении некоторое время, но, несмотря на многие расспросы и поиски, не напал на след девушки и коня. А затем он отправился в город отца девушки и спросил про нее там, но не услышал о ней вести и нашел отца девушки опечаленным из-за ее исчезновения. И царевич вернулся назад и направился в земли румов и стал искать там девушку с конем и расспрашивать о ней.

И он остановился в одном хане и увидел толпу купцов, которые сидели и разговаривали, и сел близко от них и услышал, что один из них говорит: «О друзья мои, я видел чудо из чудес».— «А что это?» — спросили его. И он сказал: «Я был в одном краю, в таком-то городе (и он упомянул название города, в котором была девушка), и услышал, как его обитатели рассказывали диковинную повесть, и вот какую: царь города выехал в один из дней на охоту и ловлю вместе с толпою приближенных и вельмож, и, когда они выехали на равнину и проезжали мимо зеленого луга, они увидели там стоявшего человека, рядом с которым сидела женщина, и с ними был эбеновый конь. Что касается мужчины, то он был безобразен видом и обладал устрашающей наружностью, а девушка была красивая и прелестная, блестящая и совершенная, стройная и соразмерная. Ну а конь из эбенового дерева — это чудо, и не видели видевшие коня прекраснее и лучше изготовленного».— «И что же сделал с ними царь?» — спросили присутствующие. И купец сказал: «Мужчину царь схватил и спросил его про девушку, и тот стал утверждать, что это его жена и дочь его дяди, но девушка объявила его слова лживыми. И царь взял ее у него и велел его побить и бросить в тюрьму. Что же касается эбенового коня, то я о нем ничего не знаю».

И когда царевич услышал слова купца, он подошел к нему и стал его расспрашивать осторожно и потихоньку, и тот сказал ему название города и имя его царя. И, узнав название города и имя его царя, царевич провел ночь в радости, а когда настало утро, он выехал, и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг того города. Но когда захотел войти туда, привратники схватили его и хотели привести к царю, чтобы тот спросил его о его обстоятельствах, о причине его прихода в этот город и о том, какое он знает ремесло.

Но приход царевича в этот город случился в вечерний час, и было это такое время, когда нельзя было входить к царю или советоваться с ним. И привратники взяли его и привели в тюрьму, чтобы поместить его туда. И когда тюремщики увидали красоту царевича и его прелесть, им показалось нелегко свести его в тюрьму, и они посадили его у себя, вне тюрьмы. И когда принесли им еду, царевич поел с ними вдоволь, а окончив еду, они стали разговаривать, и тюремщики обратились к царевичу и спросили: «Из какой ты страны?» — «Я из страны Фарс, страны Хосроев» — ответил царевич. И тюремщики, услышав его слова, засмеялись, и кто-то из них сказал: «О хосроец, я слышал речи людей и их рассказы и наблюдал их обстоятельства, но не видел и не слышал человека, более лживого, чем хосроец, который у нас в тюрьме».— «А я не видел более безобразной внешности и более отвратительного образа»,— сказал другой. «Что вам стало известно из его лжи?» — спросил царевич. И тюремщики сказали: «Он утверждает, что он мудрец. Царь увидел его на дороге, когда ехал на охоту, и с ним была женщина невиданной красоты, прелести, блеска и совершенства, стройная и соразмерная, и был с ним также конь из черного дерева, и я никогда не видел коня лучше этого. Что же касается девушки, то она у царя, и он ее любит, но только эта женщина бесноватая, и, если бы тот человек был мудрец, как он утверждает, он бы, наверное, ее вылечил. Царь старательно ее лечит, и его цель — вылечить ее от того, что с нею случилось; что же касается коня из черного дерева, то он у царя в казне. А человек безобразный видом, который был с нею,— у нас в тюрьме, и когда спускается ночь, он плачет и рыдает, горюя о себе, и не дает нам спать».

И царевичу пришло на ум придумать план, которым он достигнет своей цели. И когда привратники захотели спать, они отвели царевича в тюрьму и заперли за ним дверь, и он услышал, что мудрец плачет и сетует о самом себе и говорит по-персидски в своих жалобах: «Горе мне за то, что

я навлек на себя и на царевича, и за то, что я сделал с девушкой, когда не оставил ее, но не добился желаемого. И все это потому, что я задумал дурное: я искал для себя того, чего я не заслуживаю и что не годится для подобного мне; а кто ищет того, что для него не годится, тот попадает туда, куда попал я».

И когда царевич услышал слова персиянина, он заговорил с ним по-персидски и сказал ему: «До каких пор будет этот плач и завывание? Увидеть бы, постигло ли тебя то, что не постигло другого?» И персиянин, услышав слова царевича, стал ему жаловаться на свое положение и на тяготы, которые он испытывает. А наутро привратники взяли царевича и привели его к своему царю и уведомили царя, что царевич пришел в город вчера, в такое время, когда нельзя было войти к царю.

И царь стал расспрашивать царевича и сказал ему: «Из какой ты страны, как твое имя, какое у тебя ремесло и почему ты прибыл в этот город?» И царевич ответил: «Что до моего имени, то оно по-персидски Харджe, а моя страна — страна Фарс, и я из людей науки, и в особенности знаю науку врачевания. Я исцеляю больных и бесноватых и хожу по разным землям и городам, чтобы приобрести знание сверх моего знания, и, когда я вижу больного, я его исцеляю. Вот мое ремесло». И, услышав слова царевича, царь сильно им обрадовался и воскликнул: «О достойный мудрец, ты явился к нам в пору нужды до тебя». И он рассказал ему о случае с девушкой и сказал: «Если ты вылечишь и исцелишь ее от бесноватости, тебе будет от меня все, что ты потребуешь». И когда царевич услыхал слова царя, он сказал: «Да возвеличит Аллах царя! Опиши мне все, что ты видел в ней бесноватого, и расскажи, сколько дней назад приключилось с нею это беснование и как ты захватил ее с конем и мудрецом». И царь рассказал ему об этом деле с начала до конца и потом сказал: «Мудрец в тюрьме». А царевич спросил: «О счастливый царь, что же ты сделал с конем, который был с нею?» — «О юноша,— ответил царь,— он у меня до сих пор хранится в одной из комнат». И царевич сказал себе: «Лучше всего, по-моему, осмотреть коня и увидеть его прежде всего; если он цел и с ним ничего не случилось, тогда исполнится все, что я хочу; а если увижу, что движения его прекратились, я придумаю хитрость, чтобы освободить себя».

И потом он обратился к царю и сказал: «О царь, мне следует посмотреть упомянутого коня, может быть, найду в нем что-нибудь, что мне поможет исцелить девушку».—

«С любовью и охотой!» — ответил царь, и затем он поднялся и, взяв царевича за руку, привел его к коню. И царевич стал ходить вокруг коня и проверять его, смотря, в каком он состоянии, и увидел, что конь цел и что с ним ничего не случилось. И тогда царевич сильно обрадовался и воскликнул: «Да возвеличит Аллах царя! Я хочу войти к девушке и посмотреть, что с нею, и я прошу Аллаха и надеюсь, что излечение придет через мои руки при помощи коня, если захочет Аллах великий». И затем он велел стеречь коня.

И царь пошел с ним в комнату, где была девушка, и царевич, войдя к ней, увидел, что она бьется и падает, как обычно, но она не была бесноватая и делала это для того, чтобы никто к ней не приближался.

И, увидев ее в таком состоянии, царевич сказал ей: «С тобой не будет беды, о искушение людей». И затем он стал говорить с нею осторожно и ласково и дал ей узнать себя. И когда царевна узнала его, она вскричала великим криком, и ее покрыло беспамятство, так сильна была радость, которую она испытала. А царь подумал, что этот припадок оттого, что она его испугалась. И царевич приложил рот к ее уху и сказал: «О искушение людей, сохрани мою кровь и твою кровь от пролития и будь терпеливой и стойкой; поистине, вот место, где нужны терпение и умелый расчет в хитростях, чтобы мы освободились от этого притеснителя-царя. А хитрость в том, что я выйду к нему и скажу: «Ее болезнь — от духа из джиннов, и я тебе ручаюсь за ее излечение». И я поставлю ему условие, чтобы он расковал на тебе цепи, и тогда этот дух оставит тебя; и когда царь войдет к тебе, говори с ним хорошими словами, чтобы он видел, что ты вылечилась при моей помощи, тогда исполнится все то, чего мы хотим». И девушка сказала: «Слушаю и повинуюсь!» И потом царевич вышел от нее и пошел к царю, веселый и радостный, и сказал: «О счастливый царь, кончились, по твоему счастью, ее болезни и ее лечение, и я вылечил ее для тебя. Поднимайся же и войди к ней, и смягчи твои слова, и обращайся с ней бережно и обещай ей то, что ее обрадует,— тогда исполнится все то, чего ты от нее хочешь».

И царь вошел к девушке, и та, увидав царя, поднялась и поцеловала перед ним землю и сказала: «Добро пожаловать!» И царь сильно обрадовался этому, а затем он велел невольницам и евнухам заботливо прислуживать девушке и отвести ее в баню и приготовить для нее украшения и одежды. И невольницы вошли к царевне и приветствовали

ее, и она ответила на их привет нежнейшим языком и наилучшими словами, а потом ее одели в платья из одежд царей и надели ей на шею ожерелье из драгоценных камней.

И царевну повели в баню и прислуживали ей и затем ее вывели из бани, подобную полной луне. И, придя к царю, она приветствовала его и поцеловала перед ним землю. И царя охватила при этом великая радость, и он сказал царевичу: «Все это по твоему благословению, да умножит Аллах для нас твои дуновения!» — «Она вполне исцелится и ее дело завершится, — сказал царевич, — если ты выйдешь со всеми, кто есть у тебя из телохранителей и воинов, на то место, где ты нашел ее, и пусть с тобой будет конь из эбенового дерева, который был с нею: я заговорю там ее духа, заточу его и убью, и он никогда к ней не вернется». И царь отвечал ему: «С любовью и охотой!» И затем вынесли эбенового коня на тот луг, где нашли девушку, коня и персидского мудреца.

А потом царь и его войска сели на коней, и царь взял девушку с собою, и люди не знали, что он хочет делать. А когда все достигли того луга, царевич, который представился мудрецом, велел поставить девушку и коня далеко от царя и воинов, насколько достанет взгляд, и сказал царю: «С твоего разрешения, я зажгу куренья и прочту заклинания и заточу здесь духа, чтобы он никогда к ней не возвращался; а потом я сяду на эбенового коня и посажу девушку сзади, — и когда я это сделаю, конь задвигается и поедет, и я доеду до тебя, и дело будет окончено. И после этого делай с нею что хочешь». И когда царь услышал его слова, он сильно обрадовался. А потом царевич сел на коня, и поместил девушку сзади (а царь и все воины смотрели на него), и прижал ее к себе, и затянул на ней веревки, и после этого повернул винт подъема — и конь поднялся с ним в воздух, и воины смотрели на царевича, пока он не скрылся с их глаз.

И царь провел полдня, ожидая его возвращения, но царевич не вернулся, и царь потерял надежду и стал раскаиваться великим раскаянием и жалел о разлуке с девушкой, а потом он вернулся с войсками к себе в город.

Вот что было с ним. Что же касается царевича, то он направился к городу своего отца, радостный и довольный, и летел до тех пор, пока не опустился на его дворец. И он поселил девушку во дворце и успокоился насчет нее, а потом он пошел к своему отцу и матери и приветствовал их

и осведомил о прибытии девушки, и они сильно обрадовались этому. И вот то, что было с царевичем, конем и девушкой.

Что же касается царя румов, то, возвратившись в свой город, он замкнулся у себя во дворце, печальный и грустный. И вошли к нему его вазиры, и стали утешать его, и говорили: «Тот, кто взял девушку,— колдун, и слава Аллаху, который спас тебя от его колдовства и коварства». И они не оставляли царя, пока тот не забыл невольницу. Что же касается царевича, то он устроил великие пиры для жителей города, и провели они, празднуя, целый месяц, а затем царевич вошел к девушке, и они обрадовались друг другу великою радостью. И вот то, что было с ними. А его отец сломал коня из эбенового дерева и прекратил его движения.

А потом царевич написал письмо отцу девушки и упомянул в нем о ее обстоятельствах и рассказал, что он женился на ней и она находится у него в наилучшем положении. Он послал царю письмо с посланным и послал с ним подарки и дорогие редкости. И когда посланный достиг города отца девушки, то есть Сана в Йемене, он доставил письмо и подарки этому царю. А тот, прочитав письмо, сильно обрадовался и принял подарки и оказал уважение посланному, а потом он приготовил роскошный подарок для своего зятя, сына царя, и послал ему его с тем посланным. И посланный возвратился с подарком к царевичу и осведомил его о том, что царь, отец девушки, обрадовался, когда дошло до него сведение о его дочери, и его охватило великое веселье.

И царь стал каждый год писать своему зятю и одарять его, и они продолжали так делать, пока не скончался царь, отец юноши, и тот не взял власть после него в царстве. И был он справедлив к подданным и шел с ними путем, угодным Аллаху. И подчинились ему страны, и повиновались ему рабы, и жили они сладостнейшей и самой здоровой жизнью, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, разрушающая дворцы и населяющая могилы. Да будет же хвала живому, неумирающему, в чьей руке видимое и невидимое царство!

РАССКАЗ О ЧЕСТНОМ ЮНОШЕ

ассказывал шериф Хусейн ибн Райян, что повелитель правоверных Омар ибн аль-Хаттаб сидел в какой-то день, чтобы судить людей и творить суд над подданными, и подле него были вельможи из его сподвижников, люди верного мнения и догадки. И пока он сидел, вдруг подошел к нему юноша из прекраснейших юношей, чисто одетый, и за него ухватились двое юношей — прекраснейшие юноши, которые тянули его за ворот. И они поставили его перед повелителем правоверных Омаром ибн аль-Хаттабом, и повелитель правоверных посмотрел на них и на юношу, и велел им отпустить его, и, приблизив его к себе, спросил юношей: «Какова ваша история?» — «О повелитель правоверных,— сказали они,— мы единоутробные братья и достойны следовать истине. Наш отец был возвеличен среди племен, отдален от низостей и известен достоинствами. Он воспитывал нас сызмальства и оказал нам милости великие, и был он исполнен достоинств и добродетелей.

И он вышел однажды в свою рощу, чтобы прогуляться среди деревьев и сорвать спелые плоды на них, и этот юноша убил его и отклонился от прямого пути. Мы просим у тебя возмездия за то, что он совершил, и приговора, как повелел Аллах».

И Омар посмотрел на юношу устрашающим взором и сказал ему: «Ты выслушал речь этих юношей, что же ты скажешь в ответ?» А этот юноша был тверд душой и смел на язык и сбросил с себя одежду тревоги и совлек одеяние беспокойства. И он улыбнулся, и заговорил красноречивейшим языком, и приветствовал повелителя правоверных прекрасными словами, а затем сказал: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я храню в памяти то, что они утверждают, и они правы в том, что сказали, когда рассказывали, что случилось, и было веление Аллаха предопределено судьбой. Но я расскажу перед тобою свою историю, а повеление принадлежит тебе.

Знай, о повелитель правоверных, что я из лучших и чистокровных арабов, которые благороднее всех, кто под звездным небом. Я вырос в жилищах пустыни, и поразила мое племя чернота враждебных лет, и я пришел в окрестности этого города с женой, скотом и детьми. Я шел по дороге и проходил мимо рощ, и со мной шли благородные верблюдицы, дорогие для меня, и был среди них самец, благородный происхождением, с большим потомством и

красивый видом, и этот самец дал обильный приплод и ходил среди них как царь, увенчанный венцом. И одна из верблюдиц убежала к роще отца этих юношей, а деревья в ней были видны через стену, и захватила одно дерево губами, и я отогнал ее от этого сада. Вдруг в просветах стены показался старик, и от пламени его гнева летели искры, и в правой руке его был камень, и старец раскачивался, как лев, когда он появляется. И он ударил верблюда тем камнем и убил его, так как попал в смертельное место. И увидав, как верблюд упал, я почувствовал, что в моем сердце загорелись уголья гнева, и взял тот самый камень, и ударил им старика, и это было причиной его гибели, и ему вернулось то, что он совершил, ибо его убили тем, чем он убил. И когда попал в него камень, он закричал великим криком и издал болезненный вопль, а я поторопился уйти с того места. Но эти юноши схватили меня и привели к тебе, и вот я стою перед тобою». И сказал Омар: «Да будет доволен им Аллах великий! Ты признался в том, что сделал, и затруднительно избавление; необходимо возмездие, и не время теперь для спасения!» И юноша отвечал: «Слушаю и повинуюсь тому, что вы постановили, и согласен на то, чего требует закон ислама! Но у меня есть маленький брат, у которого был старый отец. Отец выделил ему перед смертью большие деньги и благородное золото, и поручил его дела мне, призвав в свидетели Аллаха, и сказал: «Это принадлежит твоему брату и будет у тебя; береги его достояние как можешь». И я взял эти деньги и закопал их, и никто не знает о них, кроме меня. И если ты теперь присудишь меня к убиению, деньги пропадут, и ты будешь виновником их пропажи, и маленький взыщет с тебя свое право в день, когда Аллах будет судить своих тварей. И если ты дашь мне три дня сроку, я поручу кому-нибудь вести дела мальчика и вернусь исполнить долг, у меня есть человек, который поручится за меня».

И повелитель правоверных опустил голову, а потом он посмотрел на присутствующих и сказал: «Кто поручится мне за него, что он вернется обратно?» И юноша посмотрел на лица тех, кто был в собрании, и указал на Абу Зарра, и сказал: «Этот за меня ответит и поручится за меня». Омар — да будет доволен им Аллах великий! — молвил: «О Абу Зарр, слышал ли ты эти слова и поручишься ли ты мне за то, что этот юноша явится?» — «Да, о повелитель правоверных,— ответил Абу Зарр,— я поручусь за него на три дня». И Омар согласился на это и позволил юноше уйти.

Когда срок возвращения приблизился к концу и время его почти истекло или даже прошло, а юноша еще не пришел в собрание Омара, сподвижники собрались вокруг халифа, как звезды вокруг луны, и пришел Абу Зарр. Оба противника юноши ждали и говорили: «Где обидчик, о Абу Зарр? Вернется ли тот, кто убежал? Но мы не сойдем с места, пока ты не приведешь его к нам, чтобы мы ему отомстили».— «Клянусь владыкой всеведущим, если три дня пройдут и юноша не явится, я выполню поручительство и отдам свою душу имаму»,— сказал Абу Зарр. И Омар молвил (да будет доволен им Аллах!): «Клянусь Аллахом, если юноша опоздает, я совершу с Абу Зарром то, чего требует закон ислама!»

И полились слезы присутствующих, и раздались вздохи смотрящих, и поднялся великий шум. И знатные среди сподвижников предложили юношам взять выкуп и стяжать похвалу, но они отказались и не соглашались ни на что, кроме отмщения. И пока люди волновались и шумели, сожалея об Абу Зарре, вдруг явился юноша, и стал перед имамом, и приветствовал его наилучшим приветом, и лицо его сияло и блестело, окаймленное каплями пота. И он сказал повелителю правоверных: «Я передал мальчика братьям его матери, и осведомил их о всех его обстоятельствах, и сообщил им, какие есть у него деньги, а затем я бросился в жар и зной и был верен верностью благородного».

И люди удивились его правдивости, и верности, и тому, что он пошел навстречу смерти и был бесстрашен. И кто-то сказал юноше: «Как благороден, о юноша, и как ты верен обету и долгу!» А юноша ответил: «Разве вы не уверились, что, когда явится смерть, никто от нее не спасется? Я был верен, чтобы не сказали: «Исчезла верность среди людей!»

И сказал Абу Зарр: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я поручился за этого юношу, не зная, какого он племени, и я не видел его прежде, но когда он отвернулся от присутствующих, и направился ко мне, и сказал: «Вот кто поручится и ответит за меня»,— я не счел пристойным отвергнуть его, и благородство отказалось обмануть его стремление, ибо не худо ответить стремящемуся, чтобы не сказали: «Исчезло достоинство среди людей!»

И тогда сказали оба юноши: «О повелитель правоверных, мы подарили кровь нашего отца этому юноше, который заставил нас сменить отвращение на дружбу, чтобы не сказали: «Исчезла милость среди людей!»

И обрадовался имам прощению юноши, и верности его, и исполнению им долга, и счел великим мужество Абу Зарра, в отличие от бывших вместе с ними, и одобрил намерение юношей сделать благое дело.

А затем он предложил уплатить юношам выкуп за их отца из казны, но они сказали: «Мы простили его, стремясь к лику Аллаха, а у кого намерения таковы, у тех вслед милости не идет попрек или обида».

РАССКАЗ ОБ АЛЬ-МАМУНЕ И ПИРАМИДАХ

Рассказывают, что, когда аль-Мамун, сын Харуна ар-Рашида, вступил в Каир-охраняемый, он захотел разрушить пирамиды, чтобы взять то, что в них есть, но, когда он попытался их разрушить, он не смог сделать это, хотя и очень старался и истратил на это большие деньги, но не смог их разрушить, а только пробил в одной из них маленькое отверстие. И говорят, что аль-Мамун нашел в отверстии, которое он пробил, деньги — числом столько, сколько он истратил на то, чтобы его пробить, не больше, не меньше. И аль-Мамун изумился этому, а затем он взял то, что там было, и отступился от своего намерения. А пирамид — три, и они из числа чудес света, и нет на лике земли им подобных по прочности, искусству, постройке и высоте. И построены они из больших камней, и строители, которые их строили, просверливали камень с двух концов и вставляли в него стоймя железные палки, и просверливали второй камень и опускали его на первый, и плавили свинец и заливали им палки сверху, по правилам строительной науки, пока постройка не завершалась. И высота каждой пирамиды доходит до ста локтей, по мерке локтем, обычным в то время. А у пирамиды четыре грани, по одной с каждой стороны, сужающиеся к верхушке снизу вверх, и размер каждой стороны триста локтей.

И древние говорят, что внутри западной пирамиды тридцать кладовых из разноцветного кремня, наполненных дорогими камнями, обильными богатствами, диковинными изображениями и роскошным оружием, которое смазано жиром, приготовленным с присущим древним искусством,

и не заржавеет до дня воскресения. И там есть стекло, которое свертывается и не ломается, и разные смешанные зелья и целебные воды. А во второй пирамиде — рассказы о жрецах, написанные на досках из кремня,— для каждого жреца доска из досок мудрости — и начертаны на этой доске его диковинные дела и поступки, а на стенах изображения людей, словно идолы, которые исполняют руками все ремесла, и сидят они на скамеечках.

И у каждой из пирамид есть сторож, который ее сторожит, и эти сторожа охраняют пирамиды от превратностей времени.

И смутили диковины пирамид обладателей проницательности и прозорливости, и много есть стихов, их описывающих, но немного стоящих. К этому относятся слова того, кто сказал:

Царям известно, что сильней забвенья
Язык всемирный, чьи слова — строенья.

Ты видишь: нерушимы пирамиды,
Хотя века проходят, как мгновенья.

И слова другого:

Пирамиды незыблемы, как письмена;
Их беззвучная речь совершенно верна.

Возвещают они на своем языке,
Что́ способны творить на земле времена.

И слова другого:

Кто воздвиг пирамиды на тысячи лет?
Где великий строитель? Молчит он в ответ.

Настигает всесильная хищная смерть
И того, кто навеки оставил свой след.

РАССКАЗ О ВОРЕ, ОБОКРАВШЕМ ВОРА

Рассказывают также, что один человек был вором и покаялся Аллаху великому, и прекрасно было его раскаяние. И он открыл лавку, где продавал материи, и провел так некоторое время. И случилось, что в один из дней он запер свою лавку и пошел домой. И явился кто-то из хитрых воров, и оделся в одежду хозяи-

на, и вынул из рукава ключи (а это было ночью), и сказал сторожу рынка: «Зажги мне эту свечу». И сторож взял свечу и ушел, чтобы зажечь ее, а вор открыл лавку и зажег другую свечу, бывшую у него, и, когда сторож вернулся, он нашел вора сидящим в лавке со счетной тетрадью в руках, вор смотрел в нее и считал что-то по пальцам. И он делал так до зари, а потом сказал сторожу: «Приведи мне верблюжатника с верблюдом, чтобы он свез мне некоторые товары». И сторож привел ему верблюжатника с верблюдом, и вор взял четыре кипы материй и подал их верблюжатнику, и тот взвалил их на верблюда, а вор запер лавку и, дав сторожу два дирхема, пошел за верблюжатником. Сторож думал, что это был хозяин лавки.

А когда наступило утро и засиял день, пришел хозяин лавки, и сторож принялся его благодарить за деньги, но хозяин лавки стал отрицать то, что сторож говорил, и удивился этому. А открыв лавку, он увидел поток воска и брошенную тетрадь. И, осмотревшись, он обнаружил, что пропали четыре кипы материи. «Что случилось?» — спросил он сторожа, и тот рассказал ему, что делал вор ночью и как он разговаривал с верблюжатником про кипы, и хозяин лавки сказал ему: «Приведи мне верблюжатника, который носил с тобой на заре материю». И сторож отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и привел ему верблюжатника. И хозяин лавки спросил его: «Куда ты возил утром материю?» — «К такой-то пристани,— отвечал верблюжатник,— и я сложил их на лодку такого-то».— «Пойдем со мной туда»,— сказал хозяин лавки. И верблюжатник пошел с ним на пристань и сказал: «Вот лодка, а вот ее владелец». И хозяин лавки спросил лодочника: «Куда ты отвез купца и материю?» — «В такое-то место,— ответил лодочник.— Купец привел верблюжатника, и тот нагрузил материю на своего верблюда и ушел, и я не знаю, куда он направился».— «Приведи мне верблюжатника, который увез от тебя материю»,— сказал ему хозяин лавки, и лодочник привел его, и хозяин лавки спросил: «Куда ты с купцом отвез материи с лодки?» — «В такое-то место»,— ответил верблюжатник. «Пойдем со мной туда и покажи мне то место»,— сказал хозяин лавки. И верблюжатник пошел с ним в местность, далекую от берега, и указал ему хан, в который он сложил материю, и кладовую того купца. И хозяин лавки подошел к кладовой и открыл ее и нашел свои четыре кипы в таком же виде, неразвязанными, и подал их верблюжатнику. А вор положил свой плащ на материю, и хозяин материи его тоже отдал верблюжатнику,

и тот взвалил все это на верблюда, а потом хозяин лавки запер кладовую и ушел с верблюжатником.

И вдруг его встретил вор, и он последовал за ним, и, когда он сложил материю на лодку, вор сказал ему: «О брат мой, ты поручил себя Аллаху и взял свою материю, и из нее ничего не пропало; отдай же мне плащ».

И купец засмеялся и отдал ему плащ и не причинил ему огорчения, и каждый из них ушел своей дорогой.

РАССКАЗ О МАСРУРЕ И ИБН АЛЬ-КАРИБИ

Рассказывают, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью испытывал сильное беспокойство. И сказал он своему вазиру Джафару ибн Яхье Бармакиду: «Я сегодня ночью не сплю, и моя грудь стеснилась, и я не знаю что делать». А его евнух, Масрур, стоял перед ним, и он засмеялся. И халиф спросил его: «Чему ты смеешься? Смеешься ли ты из презрения ко мне или потому, что ты одержимый?» И Масрур отвечал: «Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных! Клянусь верой в господа, пославшего нам пророков, я сделал это не по своей воле. Я вышел вчера из дворца пройтись, и дошел до берега реки Тигра, и увидел, что собрался народ. Я остановился и увидел человека, который смешил людей, и зовут его Ибн аль-Кариби. И теперь я вспомнил его слова, и меня одолел смех, и я прошу у тебя прощенья, о повелитель правоверных».— «Ко мне его сию же минуту!» — воскликнул халиф. И Масрур поспешно вышел, и пришел к Ибн аль-Кариби, и сказал ему: «Отвечай повелителю правоверных».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Ибн аль-Кариби. И Масрур сказал ему: «Но с условием: когда ты придешь к халифу и он пожалует тебе что-нибудь, то четверть из этого будет твое, а остальное мое».— «Нет, тебе половина и мне половина»,— сказал Ибн аль-Кариби. Но Масрур отвечал: «Нет!» И тогда Ибн аль-Кариби сказал: «Тебе будет две трети, а мне треть!»

И Масрур согласился на это после больших колебаний, а затем Ибн аль-Кариби вышел с ним, и, придя к повелите-

лю правоверных, он приветствовал его, как приветствуют халифов, и встал перед ним. И повелитель правоверных сказал ему: «Если ты меня не рассмешишь, я ударю тебя этим мешком три раза». Тогда Ибн аль-Кариби сказал про себя: «А что может быть от трех ударов этим мешком, если даже удары бича меня не терзают?» (А он думал, что мешок пустой.)

И затем он повел речи, которые могут рассмешить разгневанного, и стал рассказывать всякие смешные вещи, но повелитель правоверных не засмеялся и не улыбнулся. И тогда Ибн аль-Кариби удивился, и почувствовал тоску, и испугался, а повелитель правоверных сказал ему: «Теперь ты заслужил удары». И он взял мешок и ударил Ибн аль-Кариби один раз (а в мешке было четыре голыша, и каждый голыш весил два ритля), и удар пришелся ему по шее, и он закричал великим криком, и вспомнил об условии, которое было у него с Масруром, и сказал: «Прости, о повелитель правоверных! Выслушай от меня два слова».— «Говори, что пришло тебе на ум!» — молвил халиф. И Ибн аль-Кариби сказал: «Масрур поставил мне условие, и я сговорился с ним о том, что из милости, которая достанется мне от повелителя правоверных, треть будет мне, а ему две трети, и он согласился на это. И ты не наградил меня ничем, кроме ударов, и этот удар — моя доля, а два остальных удара — его доля. Я уже получил свою долю, а он — вон он стоит, о повелитель правоверных,— дай ему его долю».

И когда повелитель правоверных услышал его слова, он так рассмеялся, что упал навзничь, и, призвав Масрура, ударил его один раз, и Масрур закричал и сказал: «О повелитель правоверных, довольно с меня одной трети, отдай ему две трети!»

И халиф стал смеяться над ними и дал каждому по тысяче динаров, и они ушли, радуясь тому, что пожаловал им халиф.

РАССКАЗ О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕВИЧЕ

ассказывают, что у повелителя правоверных Харуна ар-Рашида был сын, который достиг шестнадцати лет жизни, и жил он отвратившись от мира, шествуя по пути постников и богомольцев. И он выходил на кладбище и говорил: «Вы владели миром, но не спасло это вас, и пришли вы к могилам. О, если бы только я мог знать, что вы сказали и что было вам сказано!» И он плакал плачем испуганного и устрашенного и произносил слова того, кто сказал:

Меня страшит обычай погребальный.
Мне горько слышать этот вопль печальный.

И случилось, что его отец проезжал мимо него торжественным выездом, и его окружали вазиры и вельможи царства и обитатели его страны, и они увидели сына повелителя правоверных, и на теле его был кафтан из шерсти, а на голове плащ из шерсти, и одни люди говорили другим: «Этот юноша опозорил повелителя правоверных среди царей. Если бы халиф пожурил его, он наверное отступился бы от того, чем он занят».

И повелитель правоверных услышал их слова и заговорил об этом со своим сыном и сказал: «О сынок, ты позоришь меня тем, что ты делаешь». Но его сын посмотрел на него и ничего не ответил. А потом он взглянул на птицу, сидевшую на одной из бойниц дворца, и сказал: «О птица, заклинаю тебя тем, кто тебя сотворил, сядь на мою руку». И птица опустилась на руку юноши. А потом он сказал ей: «Вернись на свое место!» И птица вернулась на место. «Сядь на руку повелителя правоверных»,— сказал ей царевич, но птица не захотела сесть на его руку. И юноша сказал своему отцу, повелителю правоверных: «Это ты опозорил меня среди друзей Аллаха своей любовью к здешнему миру, и я решил расстаться с тобой так, что вернусь к тебе только в будущей жизни».

И затем он спустился в Басру и работал там с рабочими, меся глину, и зарабатывал каждый день только дирхем и даник, и на даник он кормился, а дирхем раздавал милостыней.

Говорил Абу-Амир аль-Басри: «У меня в доме упала стена, и я вышел на стоянку рабочих, чтобы присмотреть человека, который бы поработал для меня. И мой взор упал на юношу со светлым ликом, и я подошел к нему и при-

ветствовал его и сказал: «Эй, молодец, хочешь поработать?» — «Да»,— ответил он. И я сказал: «Ступай со мной строить стену». А юноша молвил: «На условиях, которые я тебе поставлю».— «А каковы твои условия?» — спросил я. И юноша ответил: «Плата — дирхем и даник, и, когда прокричит муэдзин, ты отпустишь меня помолиться с людьми». И я сказал: «Хорошо». И взял его и пошел с ним в дом, и он работал со старанием, подобного которому я не видел. И я напомнил ему об обеде. И он сказал: «Нет». И я понял, что он постится, а услышав призыв на молитву, он сказал мне: «Ты знаешь условие?» И я ответил: «Да».

И тогда он распустил пояс, и занялся омовением, и совершил омовение, лучше которого я не видывал, а потом он вышел помолиться и помолился с людьми, а после этого вернулся к работе, и я сказал ему: «О любимый, кончилось время работы — рабочие работают до предзакатной молитвы». Но он воскликнул: «Слава Аллаху! Моя работа до ночи». И не переставая работал до ночи.

Я дал ему два дирхема, и, увидев их, он спросил: «Что это?» И я ответил: «Это часть платы за твою старательную работу для меня!» Но он бросил мне дирхемы и сказал: «Я не хочу прибавки к тому, что было условлено между нами».

И я стал его соблазнять, но не мог осилить и дал ему дирхем с даником, и он ушел. Когда же настало утро, я рано пошел на стоянку, но не нашел его и спросил про него, и мне сказали: «Он приходит сюда только в субботу».

И когда пришла следующая суббота, я отправился к этому месту, и нашел его, и сказал: «Во имя Аллаха! Пожалуй на работу!» А он молвил: «На условиях, которые ты знаешь».— «Хорошо»,— сказал я. И пошел с ним домой, и встал, и принялся смотреть на него, а он меня не видел. И он взял немного глины и положил ее на стену, и вдруг камни стали ложиться друг на друга, и я воскликнул: «Таковы друзья Аллаха!»

И юноша проработал этот день, и сделал за день больше, чем прежде, и, когда настала ночь, я дал ему его плату, и он взял ее и ушел.

Когда же пришла третья суббота, я пошел на стоянку, и не нашел юноши, и спросил про него, и мне сказали: «Он болен и лежит в палатке такой-то женщины». А эта женщина была старуха, известная своей праведностью, и у нее была палатка из тростника на кладбище. И я отправился к палатке и вошел туда, и вдруг вижу, он лежит на

земле, и под ним ничего нет, и он положил голову на кирпич, и лицо его сияет светом. И я приветствовал его, и он ответил на приветствие, и тогда я сел у его изголовья, плача о том, что он молод годами и чужеземец и получил поддержку, повинуясь своему господу.

А потом я спросил его: «Есть у тебя в чем нужда?» И он ответил: «Да».— «Какая?» — спросил я. И юноша сказал: «Когда настанет завтрашний день, ты придешь ко мне на заре и найдешь меня мертвым; ты обмоешь меня, и выроешь мне могилу, и не скажешь об этом никому, а завернешь ты меня в кафтан, который на мне, но сначала распори его и поищи в кармане: вынь то, что там есть, и храни это у себя, а когда ты помолишься обо мне и похоронишь, отправляйся в Багдад и выследи, когда халиф Харун ар-Рашид выйдет, и отдай ему то, что ты найдешь у меня в кармане, и передай ему мой привет».

И затем он произнес исповедание веры и восхвалил своего господа красноречивейшими словами и произнес такие стихи:

«Я умру, ты исполни мое желанье:
Ар-Рашиду в залоге моем посланье

Ты вручи, сказав: «Он хотел тебя видеть,
На земле добровольно выбрав изгнанье.

Он любил тебя, но посвятил Аллаху
Он свое земное существованье.

Потому твой сын от тебя удалился,
Что отверг мирское очарованье».

А после этого юноша принялся просить прощения у Аллаха и воссылать привет господину благочестивых и прочитал некоторые стихи Корана, а потом произнес такие стихи:

«Счастью себя, мой родитель, не дай обмануть.
Счастье минует, явив свою жалкую суть.

Если страдал хоть один человек на земле,
Дашь за него перед Богом ответ, не забудь!

И, посмотрев, как другого в могилу несут,
Помни: ты тоже в последний отправишься путь».

И когда юноша окончил свое завещание и стихи, я ушел от него и отправился к себе домой. Когда же настало утро, я пошел к нему на заре и увидел, что он уже умер,— да будет милость Аллаха над ним! И я обмыл его и распорол

его карман и нашел там яхонт, стоящий много тысяч динаров, и тогда я воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот юноша был до крайности воздержан в своей жизни!» А потом, похоронив его, я отправился в Багдад и пришел ко дворцу халифа и стал ждать выхода ар-Рашида. И когда он вышел и я встретил его на какой-то дороге, я отдал ему яхонт. И, увидев яхонт, ар-Рашид узнал его и упал, покрытый беспамятством. И слуги схватили меня, а когда ар-Рашид очнулся, он сказал слугам: «Отпустите его и отошлите со всею учтивостью во дворец».

И слуги сделали так, как он им приказал, и, придя во дворец, халиф призвал меня, и ввел в свои покои, и спросил: «Что делает владелец этого яхонта?» И я отвечал: «Он умер». И описал халифу его положение. И халиф начал плакать и воскликнул: «Сын воспользовался, а отец обманулся! — А потом он крикнул: — О такая-то!»

И к нему вышла женщина, и, увидев меня, она хотела уйти обратно, но халиф сказал ей: «Подойди сюда, тебе не будет от него дурного». И женщина вошла и поздоровалась, и халиф бросил ей яхонт, и, увидев его, женщина закричала великим криком и упала без чувств, а очнувшись от беспамятства, она сказала: «О повелитель правоверных, что сделал Аллах с моим сыном?» — «Расскажи ей про него»,— сказал халиф. И его начали душить слезы, а я рассказал женщине про юношу, и она стала плакать и говорила слабым голосом: «Как я стремлюсь тебя встретить, о услада моих очей! О, если бы я тебя напоила, когда ты не нашел поящего! О, если бы я развлекла, когда ты не нашел развлекающего».

И затем она пролила слезы и сказала такие стихи:

«О, как не плакать о нем, чей жребий был так жесток;
Средь ведесущих скорбей он друга найти не мог.

Рожден для величия среди знатнейшей родни,
Он выбрал ничтожество, остался он одинок.

Вглядимся в пестрые дни, минующие стремглав;
За ними таится смерть, мы здесь на короткий срок.

Судил великий Аллах ему в изгнании жить,
И я не могла сказать ему: «Подойди, сынок!»

Так нас разлучила смерть, но мы увидимся вновь,
Когда подведет Господь величественный итог».

И я спросил: «О повелитель правоверных, разве это твой сын?» И халиф ответил: «Да. Раньше, чем я получил эту власть, он посещал ученых и сиживал с праведниками,

а когда я получил власть, он стал меня избегать и отдалился от меня. И я сказал его матери: «Этот ребенок предался Аллаху великому, и, может быть, постигнут его беды, и он будет бороться с испытаниями. Дай ему этот яхонт, он найдет его в минуту нужды».

И она дала ему яхонт и упрашивала сына взять его, и тот исполнил ее приказание и взял его, а потом он оставил наш земной мир, и исчез от нас, и отсутствовал, пока не встретил Аллаха, великого, славного, чистый и богобоязненный».

«Поднимайся, покажи мне его могилу!» — сказал мне потом халиф, и я вышел с ним и шел до тех пор, пока не показал ему могилу. И халиф стал так рыдать и плакать, что упал без чувств, а очнувшись от беспамятства, он попросил прощения у Аллаха и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» И помолился о благе своего сына. И затем он попросил меня о дружбе. И я сказал: «О повелитель правоверных, поистине, в твоем сыне для меня величайшее назидание».

И я произнес такие стихи:

«Изгнанннк я на земле средн невзгод и разрух:
Изгнанннк я, для меня взгляд ближнего слишком сух.

Изгнаяник я, ни семьи, нн сына нет у меня;
К моей последней мольбе попутчик случайный глух.

Нигде мне прнюта нет, мое жилище — мечеть.
Куда еще я пойду? Мой пламеиь почти потух.

Хвала Вседержителю, властителю всех миров
За то, что в теле моем еще остается дух».

РАССКАЗ О ВЛЮБЛЕННОМ УЧИТЕЛЕ

Рассказывают также про одного из достойных, что он говорил: «Я проходил мимо школьного учителя, когда он учил детей писать, и увидел, что облик его прекрасен и он хорошо одет. И я подошел к нему, и он встал и посадил меня рядом с собою, и я стал испытывать его в чтении, грамматике, поэзии и языке, и вижу — он совершенен во всем, что от него

желательно. И тогда я сказал ему: «Да укрепит Аллах твою решимость! Ты знаешь все, что от тебя требуется!» И потом я водил с ним дружбу некоторое время и каждый день обнаруживал в нем что-нибудь хорошее. И я сказал себе: «Поистине, удивительно ожидать это от учителя, который учит детей, а ведь разумные сошлись на том, что недостает ума у тех, кто учит детей». И я расстался с учителем и каждые несколько дней навещал его и заходил к нему. И однажды я пришел к этому учителю по привычке посещать его и увидел, что школа закрыта. Я спросил его соседей. И они сказали мне: «У него кто-то умер». И тогда я подумал: «Нам следует его утешить». И я пошел к его воротам и постучал, и ко мне вышла невольница и спросила: «Что ты хочешь?» — «Я хочу твоего господина»,— отвечал я. И невольница сказала: «Мой господин сидит один и горюет».— «Скажи ему: «Твой друг, такой-то, просит пустить его, чтобы утешить тебя»,— сказал я. И невольница пошла и рассказала об этом учителю, и тогда тот сказал ей: «Дай ему войти!» И она позволила мне войти, и я вошел к нему и увидел, что он сидит один, с повязанной головой, и сказал: «Да увеличит Аллах твою награду! Это путь, неизбежный для всякого, и тебе следует быть стойким. Кто у тебя умер?» — спросил я его потом. И он сказал: «Самый дорогой для меня человек и самый любимый».— «Может быть, это твой отец?» — спросил я. «Нет»,— отвечал учитель. «Твоя мать?» — спросил я. И учитель сказал: «Нет».— «Твой брат?» — спросил я. «Нет»,— отвечал учитель. И я спросил: «Кто-нибудь из твоих близких?» — «Нет»,— отвечал учитель. «Какая же у тебя с ним связь?» — спросил я. «Это моя возлюбленная»,— отвечал учитель. И я подумал: «Вот первое доказательство его малоумия!»

А потом я сказал ему: «Найдется другая, лучше ее». И учитель ответил: «Я не видел ее и не знаю, будет ли другая лучше ее или нет».— «Вот и второе доказательство,— подумал я и спросил: — Как же ты влюблен в ту, кого не видел?» — «Знай,— отвечал учитель,— я сидел у окна, и вдруг по дороге прошел человек, который пел такой стих:

«Умм-Амр! Красота тебе Богом всевышним дана.
Верни мою душу, когда исчезает она»,—

и я сказал себе: «Не будь эта Умм-Амр бесподобна в нашем мире, поэты не воспели бы ее». И меня охватила любовь к ней. А через два дня этот человек прошел мимо, и он говорил такой стих:

«Умм-Амр не видать, и не видно осла;
Осел не вернулся, Умм-Амр не пришла».

И я понял, что она ушла, и опечалился, и прошло уже три дня, как я горюю».

И я оставил его и ушел, убедившись в его малоумии».

РАССКАЗ О НЕГРАМОТНОМ УЧИТЕЛЕ

Рассказывают также, что один служитель мечети не умел ни писать, ни читать, и он устраивал с людьми хитрости, и так добывал свой хлеб. И пришло ему на ум в один из дней открыть школу и учить в ней детей читать, он собрал доски и исписанные листы, и повесил их в одном месте, и надел большую чалму и сел у ворот школы, и люди проходили мимо него и смотрели на его чалму, на доски и листы, и думали, что он хороший учитель, и приводили к нему своих детей. И учитель приказывал одному: «Пиши!» И другому: «Читай!» И дети обучали друг друга. И когда этот человек однажды сидел, по обычаю, в воротах школы, он вдруг увидел женщину, подходившую издали, а в руках у нее было письмо. И тогда он сказал про себя: «Наверное, эта женщина направляется ко мне, чтобы я прочел письмо, которое у нее! Как же мне быть, когда я не умею читать написанному?»

И он хотел выйти, чтобы убежать от женщины, но та подошла к нему, прежде чем он успел уйти, и спросила: «Ты куда?» — «Я совершу полуденную молитву и вернусь»,— ответил учитель. И женщина сказала: «Полдень далеко! Прочитай мне это письмо!»

И учитель взял от нее письмо, держа его наоборот, и стал смотреть в него, и он то тряс чалмой, то хмурил брови, выказывая гнев.

А муж женщины находился в отсутствии, и это письмо было от него. Женщина, увидев учителя в таком состоянии, решила про себя: «Нет сомнения, что мой муж умер, и этот учитель боится мне сказать, что он умер».

«О господин, если он умер, скажи мне»,— молвила она, но учитель потряс головой и промолчал. И женщина спросила его: «Разорвать мне одежду?» — «Разорви»,— отве-

чал учитель. «Бить мне себя по лицу?» — спросила она. И учитель сказал ей: «Бей!» И тогда женщина взяла письмо из его рук и вернулась домой и стала плакать со своими детьми. И соседи услышали плач и спросили, что с ней, и им сказали: «К ней пришло письмо о смерти мужа».

И тогда один человек сказал: «Эти слова — ложь, так как ее муж прислал мне вчера письмо, где извещает, что он здоров, во здравии и благополучии и что через десять дней он будет с нами». И этот человек тотчас же поднялся и спросил ее: «Где письмо, которое пришло к тебе?» И женщина принесла ему письмо, а он взял его и прочел и вдруг видит — в нем написано: «А после того: я во здравии и благополучии и через десять дней буду у тебя, и я послал вам одеяло и жаровню».

И женщина взяла письмо и вернулась к учителю и спросила его: «Что тебя побудило обманывать меня?» И она передала ему, что говорил сосед о благополучии ее мужа, который послал ей одеяло и жаровню.

«Твоя правда! — отвечал учитель.— Прости меня, о женщина, я был в ту минуту сердит и занят и увидел: «Жаровня, завернутая в одеяло», и решил, что он умер и его похоронили.

А женщина не поняла уловки и сказала: «Ты прощен»,— и взяла письмо и ушла.

РАССКАЗ О ЯЙЦЕ ПТИЦЫ РУХХ

Рассказывают также, что один человек из жителей Магриба путешествовал по странам и проезжал через пустыни и моря. И судьбы закинули его на один остров, где он провел долгое время. Вернувшись в свою страну, привез с собой перо из крыла птенца птицы рухх — а этот птенец был еще в яйце и не вышел из него в мир. И оно вмещало бурдюк воды, и говорят, что длина крыла птенца птицы рухх, когда он выходит из яйца,— тысяча саженей. И люди дивились этому перу, когда видели его. А имя того человека было Абд ар-Рахман аль-Магриби, и известен он был под прозванием Китаец, так как он долго жил в Китае. И он рассказывал чудеса, и, между прочим, он говорил, что однажды он ехал по Китай-

скому морю с другими людьми, и они увидели вдали остров. И корабль их пристал к этому острову, и они увидели, что остров велик и обширен.

И люди, бывшие на корабле, вышли на этот остров, чтобы набрать воды и дров, и с ними был топор, веревки и бурдюки, и тот человек сопровождал их. И они увидели на острове купол, большой, белый и блестящий, длиною в сто локтей. И, увидав этот купол, люди направились к нему, и подошли ближе, и увидели, что это яйцо рухха. И они стали бить по нему топорами, камнями и палками, и яйцо раскололось, обнаружив птенца рухха. И люди увидели, что он подобен твердо стоящей горе, и выдернули перо из его крыла (а они могли его выдернуть, только помогая друг другу, хотя перья этого птенца еще не вполне образовались). А потом они взяли сколько могли мяса этого птенца, и унесли с собой, и срезали бородку пера со стержня. И распустили паруса на корабле и ехали всю ночь, до восхода солнца, и ветер был благоприятен. И пока они так ехали, вдруг прилетела птица рухх, точно большое облако, и в когтях у нее был камень величиной с огромную гору, больше корабля. И когда птица рухх догнала корабль, она бросила этот камень на него и на людей. Но корабль бежал быстро и опередил камень, и камень упал в море, и падение его вызвало великий ужас. Но Аллах начертал путникам благополучие и спас их от гибели, и они сварили мясо птенца рухх и съели его. А среди путников были старики с белыми бородами, и на следующее утро они увидели, что их бороды почернели, и не стал седым после этого ни один из тех, кто ел это мясо. И говорили они, что причиной возвращения к ним юности и исчезновения седины было то, что палка, которой они мешали в котле, была из дерева стрел, а некоторые говорили, что причина этого — мясо птенца рухх, и это дивное диво.

РАССКАЗ ОБ АДИ ИБН ЗЕЙДЕ И МАРИИ

Рассказывают, что у ан-Нумана ибн аль-Мунзира, царя арабов, была дочь по имени Хинд, и она вышла в день пасхи (а это праздник христиан), чтобы причаститься в Белой церкви, и было ей одиннадцать лет жизни, и была она прекраснее всех женщин своего времени и века. А в этот день Ади ибн Зейд

прибыл в аль-Хиру от Кисры к ан-Нуману с подарками и вошел в Белую церковь, чтобы причаститься. А он был высок ростом и нежен чертами, с прекрасными глазами и блестящими щеками, и с ним были люди его племени, а с Хинд, дочерью ан-Нумана, была невольница по имени Мария, и Мария любила Ади, но только не могла к нему приблизиться.

И когда Мария увидела его в церкви, она сказала Хинд: «Посмотри на этого юношу, он, клянусь Аллахом, прекраснее всех, кого ты видишь».— «А кто он?» — спросила Хинд. И Мария ответила: «Ади ибн Зейд». И тогда Хинд, дочь ан-Нумана, сказала: «Я боюсь, что он меня узнает, если я подойду к нему, чтобы посмотреть поближе».— «Откуда ему тебя знать, раз он никогда тебя не видел?» — сказала Мария. И тогда Хинд подошла к Ади, а он шутил с юношами, которые были с ним, и превосходил их красотою и прекрасными речами и красноречивым языком и роскошью бывших на нем одежд. И, увидав его, Хинд впала в искушение, и ум ее был ошеломлен, и цвет ее лица изменился. Когда Мария заметила ее склонность к нему, она сказала: «Поговори с ним!»

И Хинд поговорила с ним и ушла, и, когда Ади увидел ее и услышал ее слова, он впал в искушение, и его ум был ошеломлен, и сердце его задрожало, и изменился цвет его лица, так что юноши его заподозрили. И Ади потихоньку сказал одному из них, чтобы он последовал за девушкой и разузнал для него ее обстоятельства, и юноша пошел за нею и затем вернулся к Ади и сказал ему, что это Хинд, дочь ан-Нумана.

И Ади вышел из церкви, не зная от сильной любви, где дорога, и произнес такие стихи:

«Помогите, друзья, мне в моей печали,
Поскорее отправьтесь в дальние дали;

Благородную землю Хинд посетите,
Чтобы там, вняв привету, мне отвечали».

А окончив эти стихи, он ушел в свое жилище и провел ночь в беспокойстве, не попробовав вкуса сна. А утром ему повстречалась Мария. И, увидав ее, Ади смотрел на нее приветливо (а раньше он не обращал к ней взгляда) и спросил: «Что ты хочешь?» — «У меня есть до тебя нужда»,— отвечала Мария. И Ади молвил: «Скажи, в чем дело! Клянусь Аллахом, ты не спросишь вещи, которую бы я тебе не дал». И Мария рассказала ему, что она его любит и хочет

с ним уединиться. И Ади согласился на это с условием, что она устроит хитрость с Хинд и сведет ее с ним.

И он привел Марию в лавку виноторговца на одной из улиц аль-Хиры и познал ее, и Мария вышла и пришла и сказала Хинд: «Не хочешь ли увидеть Ади?» — «А как это можно? — спросила Хинд.— Страсть меня взволновала, и мне нет покоя со вчерашнего дня».— «Назначь ему такое-то место, и ты увидишь его из дворца»,— сказала Мария. И Хинд молвила: «Делай что хочешь!»

И Мария сговорилась с нею о месте, и Ади пришел, и, когда Хинд увидела его, она едва не упала из окна, а потом она сказала: «О Мария, если ты не приведешь его ко мне сегодня ночью, я погибла». И она упала без чувств, и ее прислужницы унесли ее и внесли во дворец, а Мария поспешила к ан-Нуману и передала ему историю Хинд, рассказав все по правде, и сказала, что Хинд лишилась разума из-за Ади. И она осведомила его о том, что, если он не выдаст Хинд замуж, она огорчится и умрет от любви к Ади, а это будет позором для ан-Нумана среди арабов, и нет иного средства в этом деле, как отдать ее в жены Ади. И ан-Нуман опустил на некоторое время голову, размышляя о ее деле, и несколько раз воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» А затем он сказал: «Горе тебе! Как же ухитриться выдать ее за него замуж? Мне не хочется первому заговорить с ним об этом».— «Он влюблен сильней ее и еще больше ее желает, и я ухитрюсь, чтобы он не знал, что тебе известно его дело, и ты не опозорил бы себя, о царь»,— ответила Мария. А затем она пошла к Ади и рассказала ему об этом, и молвила: «Приготовь кушанье и позови царя и, когда питье заберет его, посватайся за Хинд — он тебя не отвергнет».— «Я боюсь, что это его разгневает и будет причиной вражды между нами»,— сказал Ади. Но Мария молвила: «Я пришла к тебе лишь после того, как окончила разговор с ним». А потом она вернулась к ан-Нуману и сказала ему: «Потребуй, чтобы Ади угостил тебя в своем доме». И ан-Нуман отвечал: «В этом нет дурного!» И затем через три дня после этого ан-Нуман попросил Ади, чтобы он и его приближенные у него отобедали. И Ади согласился на это, и ан-Нуман отправился к нему в дом. И когда вино забрало его, как оно забирает, Ади встал и посватался за Хинд, и ан-Нуман согласился и отдал ее ему в жены, и Ади взял ее в жены через три дня. И Хинд прожила у него три года, и жили они сладостнейшей и приятнейшей жизнью, а затем ан-Нуман разгневался на Ади и убил его. И Хинд горевала о нем

великим горем, а потом она построила себе монастырь в окрестностях аль-Хиры и сделалась монахиней и сидела там, рыдая и оплакивая Ади, пока не умерла. И монастырь ее известен до сих пор в окрестностях аль-Хиры.

РАССКАЗ О ДИБИЛЕ И МУСЛИМЕ ИБН АЛЬ-ВАЛИДЕ

ассказывают, что Дибиль аль-Хузаи говорил: «Я сидел у ворот квартала аль-Карх, и прошла мимо меня невольница, лучше которой и стройнее станом я не видывал, и она изгибалась на ходу и, изгибаясь, пленяла смотрящих. И когда мой взор упал на нее, мною овладело искушение, и душа моя задрожала, и я почувствовал, что сердце вылетает у меня из груди, и я произнес, намекая на нее, такой стих:

«Для той, кого облюбовал ты взором,
Обильных слез твоих, поверь мне, мало».

И девушка посмотрела на меня и отвернула лицо и быстро ответила мне таким стихом:

«Не сжалится ли надо мной царица,
Увидев, что меня пронзило жало?»

И она ошеломила меня быстротой своего ответа и красотой речи, и я сказал ей во второй раз такой стих:

«Желание врасплох меня застало;
Мой сон в слезах. Печальное начало!»

И девушка быстро ответила мне, без промедления, таким стихом:

«Знай, что любовь не бред, а долг взаимный,
Покров надежный, а не опахало».

И в мои уши не проникало ничего слаще этих слов, и я не видел лица ярче ее лица. И я переменил в стихотворении рифму, чтобы испытать ее, и, дивясь ее словам, сказал ей такой стих:

«Быть может, время беспредельной властью
Нас осчастливит, сблизив страсть со страстью».

И девушка улыбнулась (а я не видел рта прекраснее, чем у нее, и уст слаще ее уст) и быстро, без промедления, ответила мне таким стихом:

«Скажи, зачем на время полагаться?
Ты время сам, так посодействуй счастью».

И я быстро поднялся, и стал целовать ей руки, и сказал: «Я не думал, что время подарит мне такой случай. Иди же по моим следам не по приказу и принуждению, а по своей воле и милости и из жалости ко мне».

И затем я пошел, и она пошла сзади, но у меня не было в то время жилища, где я согласился бы встретиться с такой, как она. А Муслим ибн аль-Валид был моим другом, и у него был хороший дом, и я направился к нему. И когда я постучал в ворота, он вышел, и я приветствовал его и сказал:

«Для подобного времени приберегают друзей!» А он ответил мне: «С любовью и удовольствием! Входите!»

И мы вошли и узнали, что Муслим ибн аль-Валид в стесненных обстоятельствах, и он дал мне платок и сказал: «Отнеси его на рынок и продай и возьми что нужно из кушаний и другого!»

И я поспешно отправился на рынок, и продал платок, и взял то, что было нам нужно из кушаний и прочего, а потом вернулся и увидел, что Муслим уже уединился с этой женщиной в погребе. И когда Муслим услышал меня, он подскочил ко мне и воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах тем же, о Абу-Али, за ту милость, которую ты мне оказал, и да встретит тебя его награда, и да сделает это Аллах добрым делом из твоих добрых дел в день воскресения».

А потом он принял от меня кушанья и напитки и закрыл ворота перед моим лицом. И слова его разгневали меня, и я не знал, что делать, а он стоял за воротами и дрожал от радости. И, увидав меня в таком состоянии, он сказал: «Ради моей жизни, о Абу-Али, кто это произнес такой стих:

«Я с нею лег, мой друг посторонился;
Он телом чист, а сердцем осквернился».

И мой гнев на него усилился, и я отвечал: «Это тот, кто сказал такой стих:

«Великий рогоносец тот, который
Отращивать рога не поленился».

И потом я принялся его ругать и бранить за его безобразное дело и отсутствие благородства, а он молчал и не говорил, а когда я кончил его бранить, он улыбнулся и сказал: «Горе тебе, дурак! Ты вступил в мое жилище, продал мой платок и истратил мои деньги. На кого же ты сердишься, о сводник?»

И он оставил меня и ушел к женщине, а я сказал: «Клянусь Аллахом, ты прав, относя меня к дуракам и сводникам!» И потом я ушел от его ворот в великой заботе, и ее след остается новым в моем сердце до сегодняшнего дня. И я не получил той женщины и не слышал о ней вестей».

РАССКАЗ ОБ ИСХАКЕ МОСУЛЬСКОМ И ДЕВУШКЕ

Рассказывают, что Исхак, сын Ибрахима Мосульского, говорил: «Случилось так, что мне наскучило постоянно быть во дворце халифа и служить там, и я сел верхом, и выехал утром, и решил объехать пустыню и прогуляться, и сказал моим слугам: «Когда придет посланный от халифа или кто другой, скажите ему, что я с утра выехал по одному важному делу и что вы не знаете, куда я уехал».

И потом я отправился один и объехал город, а день был жарким, и я остановился на улице, называемой аль-Харам, чтобы поискать тени от солнечного зноя, а у дома было широкое крыло, выступавшее на дорогу. И не прошло много времени, как подошел черный евнух, который вел осла, и я увидел на нем девушку, ехавшую верхом, и под нею был платок, окаймленный жемчужинами, и одета она была в одежды, роскошнее которых не может быть. И я увидел у девушки прекрасный стан, и томный взор, и изящные черты и спросил про нее кого-то из прохожих, и мне сказали, что это певица. И любовь привязалась к моему сердцу, когда я посмотрел на нее, и я не мог усидеть на коне. И затем девушка въехала во двор дома, у ворот которого я стоял, и я принялся размышлять о хитрости, которая привела бы меня к ней. И пока я стоял, вдруг приблизились два человека — прекрасные юноши, и попросили разрешения войти, и хозяин дома им позволил, и они спешились,

и я тоже спешился и вошел вместе с ними, и юноши подумали, что хозяин дома меня позвал. И мы просидели некоторое время, и нам принесли кушанье, и мы поели, а затем перед нами поставили вино. После этого вышла невольница с лютнею в руках и запела, а мы стали пить. И я поднялся, чтобы удовлетворить нужду, и хозяин дома спросил про меня тех двух людей, и они сказали ему, что они меня не знают, и тогда хозяин дома воскликнул: «Это блюдолиз, но он приятен видом! Обходитесь с ним хорошо!»

И потом я пришел и сел на свое место, и невольница запела нежную песню и произнесла такие стихи:

«Скажи, отыскав подходящий предлог:
Газель не газель, а телок не телок.

Мужчина, как дева, не станет ступать;
Не женщина тот, кто с мужчиною лег».

И она исполнила это прекрасным образом, и присутствующие выпили, и пение им понравилось. И затем девушка спела несколько песен с диковинными напевами, и пропела, между прочим, песню, сложенную мной, и она произнесла такие стихи:

«Брошен любимый стан;
Значит, счастье — обман,

И одиночество
Хуже смертельных ран».

И вторую песню она исполнила лучше, чем первую. И потом она спела еще несколько песен на диковинные напевы из старых и новых, и среди них была песня, сложенная мною с такими стихами:

«Ему скажи ты напрямик:
«Когда ты своего достиг,

Зачем уходишь ты, бранясь,
Коварный, влюбчивый шутник?»

И я попросил ее повторить эту песню, чтобы исправить ее, и ко мне подошел один из тех двух людей и сказал: «Мы не видели блюдолиза более бесстыдного, чем ты. Ты не довольствуешься тем, что приходишь незваный, ты еще пристаешь с просьбами! Оправдывается поговорка: «Он блюдолиз и пристает с просьбами».

И я потупился от стыда и не отвечал ему, и его товарищ стал удерживать его, но он не отставал от меня. А потом все встали на молитву, и я отступил немного и, взяв лютню, подвинтил колки и хорошо настроил ее, и вернулся на свое место, и помолился с ними. А когда мы кончили молиться, тот человек вернулся ко мне с укорами и упреками и упорно задирал меня, а я молчал. И невольница взяла лютню и стала ее настраивать, и что-то показалось ей подозрительным. «Кто настроил мою лютню?» — спросила она. И ей сказали: «Никто из нас не настраивал ее». И она воскликнула: «Нет, клянусь Аллахом, ее настроил человек искусный, выдающийся в этом деле, так как он поправил струны и настроил ее, как настраивает знающий свое искусство».— «Это я настроил ее»,— сказал я невольнице. И она молвила: «Заклинаю тебя Аллахом, возьми ее и сыграй что-нибудь!»

И я взял лютню и сыграл на ней диковинную и трудную песню, едва не умерщвлявшую живых и оживлявшую мертвых, и произнес под лютню такие стихи:

«Мое сердце сгорело, сжавшись от боли,
У меня было тоже сердце дотоле;

Пусть не выпало счастие мне на долю,
Я не раб, я не радуюсь жалкой доле.

Если все это яства подлинной страсти,
Тот, кто любит, вкушает их поневоле».

И когда я окончил свои стихи, среди собравшихся не осталось никого, кто бы не вскочил со своего места. И они сели передо мной и сказали: «Заклинаем тебя Аллахом, господин наш, спой нам еще одну песню». А я отвечал им: «С любовью и удовольствием!» И затем я сыграл как следует и произнес такие стихи:

«Таится в сердце моем кручина тревожная;
Ведет верблюдов к яему печаль безнадежная.

Еще течет моя кровь меж сердцем и ребрами,
И остаяовить ее — мечта яевозможная.

Смертельно раяил меня, а сам в путь отправнлся,
К яему влечет меня мысль, прельстительяо-ложная.

Сразил меня потому, что слишком любнл меня.
Так буду ли отмщеяа я, неосторожная?»

И когда я окончил свои стихи, среди собравшихся не осталось никого, кто бы не поднялся на ноги и не бросился бы потом на землю от сильного восторга, овладевшего им.

И я бросил лютню, но люди сказали мне: «Ради Аллаха, не делай этого, дай нам услышать еще одну песню, да прибавит тебе Аллах своей милости!» А я молвил: «О люди, что я буду прибавлять вам еще песню, и еще, и еще! Но я осведомлю вас о том, кто я. Я Исхак, сын Ибрахима, мосулец. Я надменен с халифом, когда он меня требует, а вы заставили меня в сегодняшний день выслушать грубости, которых я не люблю. Клянусь Аллахом, я не произнесу ни звука и не буду сидеть с вами, пока вы не выведете отсюда этого буяна!» — «От этого я тебя предостерегал и этого для тебя боялся!» — сказал тогда товарищ этого человека, и потом его взяли за руку и вывели, а я взял лютню и спел им со всем искусством те песни, которые пела невольница. А после того я потихоньку сказал хозяину дома, что эта невольница запала мне в сердце и я не хочу быть без нее. «Она твоя, но с условием»,— отвечал хозяин. «А каково оно?» — спросил я. И хозяин молвил: «Чтобы ты пробыл у меня месяц, и тогда невольница и то, что ей принадлежит из одежд и украшений,— твои».— «Хорошо, я это сделаю»,— отвечал я. И целый месяц я пробыл у него, и никто не знал, где я, и халиф искал меня повсюду и не имел обо мне вестей. А когда месяц кончился, хозяин дома вручил мне невольницу и дорогие вещи, которые ей принадлежали, и дал мне еще евнуха, и я пришел с этим в мое жилище, и мне казалось, будто я владею всем миром, так сильно я радовался невольнице.

И потом я тотчас же поехал к аль-Мамуну, и, когда я явился к нему, он воскликнул: «Горе тебе, о Исхак, и где это ты был?» И я рассказал ему свою историю. И аль-Мамун воскликнул: «Ко мне этого человека, сейчас же!» И я указал его дом, и халиф послал за ним, и, когда этот человек явился, он спросил его, как было дело. И он рассказал все, и тогда халиф воскликнул: «Ты человек благородный, и правильно будет, чтобы тебе была оказана при твоем благородстве помощь».

И он велел дать ему сто тысяч дирхемов, а мне сказал: «О Исхак, приведи невольницу!» И я привел ее, и она стала петь халифу и взволновала его, и его охватила из-за нее великая радость.

«Я назначаю ее очередь на каждый четверг,— сказал он.— Пусть она приходит и поет из-за занавески».

И халиф приказал выдать ей пятьдесят тысяч дирхемов, и клянусь Аллахом, я много нажил в эту поездку и дал нажить другим».

РАССКАЗ О КУПЦЕ АЛИ-ЕГИПТЯНИНЕ

Рассказывают также, что был в городе Каире один человек, купец, и было у него много имущества и наличных денег, и дорогие камни, и металлы, и владения неисчислимые, и звали его Хасан-ювелир, багдадец. И наделил его Аллах сыном с прекрасным лицом, стройным станом и румяными щеками, блестящим, совершенным, красивым и прелестным, и назвал его отец Али-египетским и научил его Корану, и богословию, и красноречию, и хорошему поведению, и стал мальчик выделяться во всех науках, и был он подручным в торговле у отца.

И постигла его отца болезнь, и ухудшилось его состояние, и убедился он, что умрет, и призвал своего сына, которому имя было Али-египетский, и сказал ему: «О дитя мое, поистине, дольняя жизнь преходяща, а будущая жизнь вечна, и всякий вкусит смерть. Теперь, о дитя мое, приблизилась ко мне кончина, и я хочу оставить тебе завещание,— если станешь поступать согласно ему, не прекратится твоя безопасность и счастье, пока не встретишь ты Аллаха великого, а если не станешь поступать согласно ему, постигнут тебя великие тяготы и раскаешься ты в том, что преступил мой завет».— «О батюшка,— отвечал ему сын,— как мне тебя не послушаться и не поступить согласно твоему завету, когда повиноваться тебе мне предписано и внимание к твоим словам для меня обязательно?»

И тогда отец ему сказал: «О дитя мое, я оставил тебе владения, поместья, утварь и деньги, которых не счесть, так что если бы ты стал расходовать из них каждый день пятьсот динаров, ничто от этого у тебя не убавилось бы, но только, о сын мой, надлежит тебе бояться Аллаха и следовать избранному — да благословит его Аллах и да приветствует! — в том, что, как передают, он повелел или запретил в своем законе. Будь прилежен в совершении добрых дел, расточай милости и дружи с людьми блага, праведниками и учеными. Заботься о бедняках и нищих, сторонись скаредности и скупости и дружбы злых и творящих дела сомнительные. Взирай на слуг твоих и на семью с кротостью, и на жену твою также, ибо она из дочерей вельмож и носит от тебя — быть может, Аллах тебя наделит от нее потомками праведными».

И он не переставал наставлять его и плакать, говоря: «О дитя мое, проси Аллаха предоброго, господа великого

престола, чтобы он освободил тебя от всякого стеснения, которое постигнет тебя, и послал бы тебе близкую помощь».

И заплакал юноша сильным плачем и воскликнул: «О батюшка, я гибну от этих речей! Ты как будто говоришь слова того, кто прощается».— «Да, о дитя мое,— ответил ему отец,— я знаю свое положение: не забудь же того, что я завещал».

И затем этот человек стал произносить исповедание веры и читал Коран, пока не пришло время предопределенное, и тогда он сказал своему сыну: «Подойди ко мне ближе, о сын мой». И юноша подошел к нему, и отец поцеловал его и вскрикнул, и покинула душа его тело, и преставился он к милости Аллаха великого. Крайняя горесть постигла тогда его сына, и поднялись вопли в его доме, и собрались у него друзья его отца, и юноша начал обряжать его и приготовлять и сделал ему великолепный вынос. И носилки его снесли в молельню и помолились над ним, и пошли с носилками на кладбище, и закопали умершего, и почитали над ним, сколько пришлось, из великого Корана, и вернулись в его дом и стали утешать сына, а потом все ушли своей дорогой. И сын справлял по отцу пятничные обряды и устраивал чтения до конца сорока дней, и оставался дома, не выходя никуда, кроме молельни, и от одной пятницы до другой пятницы он навещал своего отца. И он не прекращал молитв, чтений и поклонения Аллаху в течение некоторого времени, и наконец вошли к нему его сверстники из детей купцов, и приветствовали его, и сказали: «До каких пор эта печаль, которой ты предаешься, и прекращение дел, и торговли, и встреч с друзьями? Это продолжается слишком долго, и постигнет из-за этого твое тело великий вред».

А когда они вошли к нему, был с ними иблис-проклятый, который нашептывал им, и они стали уговаривать Али выйти с ними на рынок. И иблис подстрекал его согласиться, пока юноша не согласился выйти с ними из дома, и они сказали ему: «Садись на своего мула, и поедем с нами в такой-то сад. Мы там погуляем, и пройдут твои печали и заботы».

И юноша сел на мула и взял с собою раба и поехал с ними в сад, в который они направлялись, а когда они оказались в саду, один из них ушел и приготовил обед и принес его в сад, и все поели и стали веселиться и просидели, разговаривая, до конца дня, а потом они сели и уехали, и каждый из них отправился домой. И они проспали

ночь, а когда наступило утро, юноши пришли к Али и сказали: «Пойдем с нами!» — «Куда?» — спросил он. И юноши ответили: «В такой-то сад — он лучше и приятнее, чем первый».

И Али сел верхом и поехал с ними в тот сад, в который они направлялись. Когда они оказались в саду, один из них ушел, и приготовил обед, и принес его в сад, и принес вместе с обедом опьяняющего вина. И они поели, а затем подали вино, и юноши сказали Али-египетскому: «Вот это прогоняет печаль и снимает покров с радости». И они уговаривали его до тех пор, пока не взяли над ним верх. И он выпил с ними, и они продолжали беседовать и пить до конца дня, а потом отправились по домам, но только у Али-египетского сделалось от вина головокружение. И он вошел к своей жене, и та спросила: «Что это ты изменился?» И Али ответил: «Мы сегодня веселились и развлекались, и один из наших друзей принес нам воды, и мои товарищи ее выпили, и я выпил с ними, и у меня сделалось такое головокружение».— «О господин,— сказала ему жена,— разве ты забыл завет своего отца? Ведь он запретил тебе общаться с сомнительными людьми».— «Это дети купцов, а не сомнительные люди, это люди удовольствия и веселья»,— ответил Али. И он продолжал жить со своими друзьями таким образом, и каждый день они ездили в то или другое место, и ели и пили, пока ему не сказали: «Наша очередь кончилась, и очередь теперь за тобой».— «Приют и уют, добро пожаловать!» — ответил Али и наутро принес полностью все, чего требовали обстоятельства, из еды и питья — вдвое больше того, что приготовляли они, и взял с собой поваров и слуг и кофейщиков, и они отправились на остров ар-Рауду к ниломеру и пробыли там целый месяц за едой, питьем, пением и развлечениями.

Когда же прошел месяц, Али увидел, что он истратил внушительную сумму денег, но иблис-проклятый стал нашептывать ему: «Если бы ты тратил каждый день столько, сколько ты теперь истратил, твоих денег бы не убавилось». И Али не стал думать о деньгах и провел таким образом три года, и жена его давала ему советы и напоминала ему о завете его отца, но юноша не слушал ее, пока не вышли все наличные деньги, какие у него были. И тогда он стал брать драгоценные камни и продавать их и тратил вырученное за них, пока не израсходовал и это. А потом он принялся продавать дома и недвижимость, так что ничего у него не осталось. А когда все было продано, он начал

продавать деревни и сады, один за другим, пока и это не ушло, и у него не осталось никакого имущества, кроме дома, в котором он жил. И стал он выламывать мрамор и балки, и кормился на это, пока не сгубил все, и тогда он посмотрел на себя и не нашел ничего, что можно было бы продать. И он продал дом и истратил все деньги.

А после этого пришел к нему тот, кто купил у него дом, и сказал: «Присмотри для себя помещение — мне нужен мой дом». И Али увидел, что у него не осталось ни денег, ни добра, а лишь жена, сын и дочь, и никого из слуг. И он нанял себе комнату в каком-то дворе и стал в ней жить после величия и изнеженности и множества слуг и денег. Теперь же не было у него пищи и на один день.

И жена его сказала ему: «От этого я предостерегала тебя и говорила: «Храни завет твоего отца!» Но ты не послушал моих слов. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Откуда будет пища малым детям? Подымайся и обойди твоих друзей, сыновей купцов,— может быть, они дадут тебе что-нибудь, чем мы сегодня прокормимся».

И Али поднялся и отправился к своим друзьям, одному за другим, но всякий из тех, к кому он направился, прятал от него свое лицо и заставлял его слушать слова неприятные и болезненные, и никто из них ничего ему не дал.

И Али вернулся к своей жене и сказал ей: «Они мне ничего не дали». Тогда она пошла к соседям, чтобы чего-нибудь у них попросить, чем бы им прокормиться в этот день, и отправилась к одной женщине, которую она знала в прежние дни. И когда она вошла к этой женщине и та увидала ее состояние, она поднялась, и приняла ее приветливо, и заплакала, и спросила: «Что с вами случилось?»

И жена Али рассказала ей обо всем, что было с ее мужем, и женщина воскликнула: «Добро пожаловать! Приют и уют! Все, что тебе нужно, требуй от меня без возмещения!» — «Да воздаст тебе Аллах благом!» — отвечала жена Али. И потом ее соседка дала ей достаточно для нее и ее семьи, чтобы содержать их целый месяц, и она взяла это и отправилась в свое помещение. И когда ее муж увидал ее, он заплакал и спросил: «Откуда у тебя это?» И она ответила: «От такой-то. Когда я рассказала ей, что с нами произошло, она ничего не упустила и сказала: «Все, что тебе

нужно, проси у меня».— «Раз у тебя это есть,— сказал ей муж,— я пойду и отправлюсь в одно место — быть может, Аллах великий поможет нам».

И он простился с женою и поцеловал детей и вышел, не зная, куда направиться, и шел до тех пор, пока не достиг Булака. И он увидел там корабль, отплывавший в Дамиетту, и его увидел один человек, который был дружен с его отцом, и приветствовал его, и спросил: «Куда ты хочешь ехать?» — «Я хочу ехать в Дамиетту — у меня есть друзья, о которых я расспрошу, и я навещу их, а потом вернусь»,— сказал Али.

И тот человек взял его к себе в дом, и оказал ему уважение, и приготовил для него пищу, а потом он дал ему несколько динаров и посадил его на корабль, отправлявшийся в Дамиетту, а по прибытии туда Али сошел с корабля, и не знал он, куда направиться. И он шел, и увидел его один из купцов и пожалел его и взял с собою в свое жилище, и Али пробыл у него некоторое время, а потом он сказал себе: «До каких пор будет это пребывание в чужих домах?» — и вышел из дома того купца. И он увидел корабль, отплывавший в Дамаск, и тот человек, у которого он жил, приготовил ему пищу и посадил его на этот корабль, и Али ехал, пока не вступил в Дамаск.

И когда он шел по улице, вдруг увидел его некий достойный человек и взял его в свое жилище, и Али прожил у него некоторое время, а после этого он вышел и увидал караван, направлявшийся в Багдад, и ему пришло на ум уйти с этим караваном. И он вернулся к тому купцу, у которого жил, и простился с ним и выехал с караваном, и Аллах, великий и славный, внушил одному из купцов к нему жалость, и тот взял его к себе. И Али пил и ел с ним, пока между ними и Багдадом не осталось расстояние в один день. И тогда на караван напала шайка разбойников, и они взяли все, что было у путников, и спаслись из них лишь немногие, и всякий, кто был в караване, укрылся в каком-нибудь месте, чтобы там приютиться.

А что до Али-египетского, то он направился в Багдад и достиг города на закате солнца, и не дошел он еще до городских ворот, как увидел, что привратники хотят запирать ворота. «Дайте мне войти в город»,— сказал он им. И привратники ввели его к себе и спросили: «Откуда ты пришел и куда идешь?» — «Я из города Каира,— ответил Али,— и со мной были товары, мулы, тюки, рабы и прислужники. Я опередил их, чтобы присмотреть место, где бы мне сложить свои товары. И когда я опередил их верхом на

муле, мне повстречалась шайка разбойников, и они взяли моего мула и мои пожитки, и я спасся от них при последнем издыхании».

И привратники оказали ему почет и сказали: «Добро пожаловать! Проведи у нас ночь до утра, а потом мы присмотрим для тебя подходящее место». И Али поискал у себя в кармане, и нашел динар, оставшийся от денег, которые ему дал купец в Булаке, и отдал этот динар одному из привратников, и сказал ему: «Возьми его и разменяй и принеси нам чего-нибудь поесть». И привратник взял динар и пошел на рынок и разменял деньги и принес Али хлеба и вареного мяса. И Али поел с привратниками и проспал у них до утра. А затем один из привратников взял его и отправился с ним к одному из купцов Багдада, и Али рассказал ему свою историю, и этот человек поверил ему и подумал, что он купец и с ним есть товары. И купец привел Али в свою лавку и оказал ему почет и, послав к себе домой, велел принести для него великолепное платье из своих одежд и сводил его в баню.

«И я пошел с ним в баню,— говорил Али-египетский, сын купца Хасана-ювелира,— и когда мы вышли, он взял меня и отправился со мною в свой дом, и нам принесли обед, и мы поели и повеселились, а потом купец сказал одному из своих рабов: «О Масуд, возьми твоего господина и покажи ему те два дома, которые в таком-то месте. Какой из них ему понравится, от того дай ему ключи и приходи».

И я пошел с рабом, и мы пришли в улицу, где было три дома, стоявшие рядом, новые, запертые, и раб отпер первый дом, и я осмотрел его, и мы вышли и пошли во второй дом, и раб отпер его, и я его осмотрел. «От которого из них дать тебе ключ?» — сказал раб. И я спросил: «А этот большой дом чей?» — «Наш»,— сказал раб. И я молвил: «Открой его, мы его осмотрим».— «Нет тебе до этого нужды»,— сказал раб. «А почему это?» — спросил я. И он сказал: «Потому что в нем обитают джинны, и всякий, кто в нем поселится, наутро оказывается мертвым. Мы не открываем его ворот, чтобы вынести умершего, а поднимаемся на крышу одного из этих двух домов и так вынимаем мертвеца. Оттого и оставил его мой господин, и он сказал: «Я больше не отдам его никому».— «Открой его для меня, чтобы я его осмотрел»,— сказал я и подумал: «Вот то, что я ищу! Я переночую там и наутро буду мертв и избавлюсь от того положения, в котором я нахожусь».

И раб открыл дом, и я вошел туда и увидел, что это большой дом, которому нет подобного, и сказал рабу: «Я хочу только этот дом, дай мне ключ от него».— «Я не дам тебе ключа, пока не посоветуюсь с моим господином»,— сказал раб. И затем он отправился к своему господину и сказал ему: «Египетский купец говорит: «Я поселюсь только в большом доме».

И купец поднялся, и пошел к Али-египетскому, и сказал ему: «О господин, нет тебе нужды до этого дома». Но Али-египетский сказал: «Я поселюсь только в нем и не стану обращать внимания ни на какие слова!» — «Напиши между нами условие: если с тобой что-нибудь случится, мне не будет до тебя никакого касательства»,— сказал купец. И Али молвил: «Пусть так». И купец призвал свидетеля из суда, и написал Али условие, и купец взял его к себе и отдал Али ключ. И Али взял ключ и вошел в дом, и купец прислал ему с рабом постель, и раб постлал ему на каменной скамье, которая за воротами, и вернулся.

И после этого Али-египетский поднялся и вошел в дом. И увидел во дворе колодец и над ним ведро, и, наполнив его, омылся, и сотворил полагающиеся молитвы, а затем он немного посидел, и раб принес ему ужин из дома своего господина и принес ему светильник, свечу с подсвечником, таз, кувшин и кружку и оставил его и отправился в дом своего господина. И Али зажег свечу и поужинал, чувствуя себя приятно, и совершил вечернюю молитву, и потом сказал себе: «Вставай, поднимись наверх, возьми постель и ляг лучше там, чем здесь».

И он взял постель и отнес ее наверх и увидел большую комнату, где потолок был позолочен, а пол и стены выложены разноцветным мрамором. И он постлал себе постель и сел почитать кое-что из великого Корана, и не успел он опомниться, как кто-то позвал его и говорит: «О Али, о ибн Хасан, спустить ли мне к тебе золото?» — «А где золото, которое ты спустишь?» — спросил Али. И не сказал он еще этого, как говоривший стал лить на него золото, точно из метательной машины, и золото не переставало литься, пока не наполнило комнату. А когда поток золота прекратился, голос произнес: «Освободи меня, чтобы я ушел своей дорогой,— моя служба кончилась: я доставил тебе порученное». И Али сказал: «Заклинаю тебя Аллахом великим, расскажи мне, откуда взялось это золото». И голос ответил ему: «Это золото было заколдовано твоим именем с древних времен. Ко всякому, кто входил в этот дом, мы приходили

и говорили: «О Али, о ибн Хасан, спустить ли нам золото?» И он пугался наших слов и вскрикивал, и мы спускались к нему и ломали ему шею. А когда пришел ты и мы назвали тебя по имени и назвали имя твоего отца и спросили тебя: «Спустить ли нам золото?» — ты сказал: «А где золото?» И мы поняли, что ты его владелец, и спустили его к тебе. А у тебя осталось еще сокровище в земле аль-Йемен, и, если ты поедешь туда и возьмешь его, это будет для тебя самое лучшее. И я хочу, чтобы ты освободил меня теперь и я ушел бы своей дорогой».— «Клянусь Аллахом, я не отпущу тебя, пока ты не принесешь мне сюда то, что в стране аль-Йемен»,— сказал Али. И говоривший спросил его: «А если я тебе принесу, освободишь ли ты меня и освободишь ли слугу этого сокровища?» — «Да»,— ответил Али. «Поклянись мне»,— сказал голос, и Али поклялся, и говоривший хотел удалиться, но Али-египетский сказал ему: «У меня есть до тебя нужда».— «Какая?» — спросил джинн. И Али сказал: «У меня остались жена и дети в Каире, на такой-то улице; тебе следует доставить их ко мне, спокойно, без вреда для них».— «Я доставлю их к тебе с пышностью, на носилках, со слугами и челядью, вместе с сокровищем, которое мы принесем тебе из аль-Йемена, если захочет Аллах великий»,— отвечал джинн. И затем он взял у Али разрешение на три дня с тем, что все это тогда у него будет, и отправился.

А наутро Али стал искать в комнате место, где бы спрятать золото, и увидел на краю возвышенной части мраморную плиту, в которой был винт. И он повернул винт, и вдруг плита сдвинулась с места, и перед ним появилась дверь, и Али открыл ее и вошел и увидел большую кладовую, где были мешки, сшитые из материи. И он взял мешки и стал наполнять их золотом и сносил их в кладовую, пока не переправил все золото и не отнес его в кладовую, и тогда он запер дверь и повернул ключ, и плита вернулась на место.

И Али вышел и спустился и сел на скамью, которая была за воротами, и пока он сидел, вдруг кто-то постучал в ворота. И Али поднялся и открыл ворота, и увидел, что это раб хозяина дома. И когда раб увидел, что Али сидит, он поспешно вернулся к своему господину, чтобы его порадовать. А придя к своему господину, он сказал: «О господин, купец, который поселился в доме, обитаемом джиннами, здоров и благополучен, и он сидит на скамейке, которая за воротами».

И его господин поднялся радостный и отправился

к тому дому, неся с собою завтрак. Увидев Али, он обнял его и поцеловал в лоб: «Что сделал с тобой Аллах?» И Али отвечал: «Добро, и я спал не иначе, как наверху в комнате, выложенной мрамором».— «А пришло к тебе что-нибудь и ты что-нибудь видел?» — спросил хозяин. И Али отвечал: «Нет! Я прочитал сколько пришлось из великого Корана и спал до утра, а потом я поднялся, совершил омовение, помолился и сошел вниз и сел на эту скамью».— «Слава Аллаху за благополучие!» — воскликнул хозяин. А затем он ушел и прислал к нему рабов, невольников, невольниц и ковры, и они подмели ему дом, наверху и внизу, и постлали великолепные ковры, и у него остались трое невольников, трое рабов и четыре рабыни, чтобы прислуживать, а остальные отправились в дом своего господина. И когда услышали о делах Али купцы, они прислали ему в подарок всякие прекрасные вещи, даже из съестного, напитков и одежд, и взяли его к себе на рынок и спросили: «Когда придет твоя кладь?» — «Через три дня она сюда вступит»,— ответил Али. И когда три дня миновали, пришел к нему служитель первого сокровища, который спускал к нему золото в доме, и сказал: «Поднимайся, встречай сокровище, которое я принес тебе из аль-Йемена, и твою семью, среди сокровищ, богатства в виде великолепных товаров. И все, что есть с ними — и мулы, и кони, и верблюды, и слуги, и невольники,— все они из джиннов».

А этот прислужник отправился в Каир и увидал, что жена Али и его дети голые и голодные, и он вынес их на носилках за стены Каира, и одел их в великолепные одежды из тех, что были в йеменском сокровище. И когда он пришел к Али и сообщил ему эту весть, Али поднялся и пошел к купцам и сказал им: «Поднимайтесь, выйдем за город встречать караван, с которым наши товары, и почтите нас присутствием ваших женшин, чтобы они встретились с нашими женщинами». И купцы ответили ему: «Слушаем и повинуемся!» И послали за своими женщинами, и все вышли вместе и сели в одном из городских садов и сидели за беседой. И пока они разговаривали, вдруг поднялась из глубины пустыни пыль, и купцы встали посмотреть, что за причина этой пыли. И пыль рассеялась, и показались за нею мулы, и люди, и погонщики, и слуги, и фонарщики. Они шли с пением и плясками, пока не пришли. И начальник погонщиков подошел к Али-египтянину, сыну купца Хасана-ювелира, и поцеловал ему руку и сказал: «О господин, мы задержались в пути. Мы хотели войти вчера, но

побоялись разбойников и провели четыре дня, оставаясь на месте, пока не отвел от нас беду Аллах великий». И тогда купцы поднялись и сели на своих мулов и поехали с караваном, а женщины оставались позади возле женщин купца Али-египтянина, пока те не поехали с ними. И они вступили в город в великолепном шествии, и купцы дивились на мулов, нагруженных сундуками, и жены купцов дивились на платье жены купца Али и ее детей и говорили: «Поистине, это такие одежды, которым не найти подобных у царя Багдада и ни у кого другого среди всех царей, вельмож и купцов». И они ехали в шествии, мужчины с купцом Али-египетским, а женщины с его женой, пока не прибыли в дом. И тогда они спешились и, выведя мулов с их кладью на середину двора, сняли тюки и сложили их в кладовые, а женщины с женой Али поднялись в комнату и увидели, что она подобна густо заросшему саду и устлана великолепными коврами. И они сидели, радуясь и веселясь, и просидели до времени полудня, и тогда к ним подняли наверх обед из самых лучших, какие есть, кушаний и сластей, и женщины поели и напились великолепных напитков и надушились после этого розовой водой и куреньями, а затем все простились с Али и разошлись по своим жилищам, и мужчины и женщины.

И когда купцы вернулись домой, они стали посылать Али подарки сообразно своему состоянию, а женщины принялись одаривать его жену, так что у них оказалось множество невольниц, рабов и невольников и всевозможные припасы вроде круп, сахару и прочих благ, которых не исчислить. А что до багдадского купца, владельца этого дома, где был Али, то он остался у Али и его не покинул и сказал ему: «Теперь прикажи рабам и слугам отвести мулов и других животных в какой-нибудь дом, чтобы они отдохнули. Но Али отвечал: «Они сегодня ночью уезжают в такое-то место».

И он дал им разрешение выйти за город, а когда наступит ночь, уйти. И едва джинны уверились, что он дал им на это разрешение, они простились с Али и вышли за город и полетели по воздуху в свои жилища. А купец Али просидел с хозяином дома, в котором он находился, до трети ночи, и потом их беседа прекратилась, и хозяин ушел к себе. И Али поднялся к своим родным и приветствовал их и спросил: «Что случилось с вами после меня за это время?»

И его жена рассказала ему, что они терпели голод, наготу и усталость, и Али сказал: «Слава Аллаху за благо-

получие! А как вы приехали?» — «О господин,— сказала ему жена,— я спала с детьми вчера ночью, и не успела я опомниться, как кто-то поднял с земли меня и детей, и мы стали лететь по воздуху, но нас не постигло зло. И мы летели до тех пор, пока не опустились на землю в одном месте, похожем на стан кочевых арабов, и мы увидели там нагруженных мулов и носилки на двух больших мулах, а вокруг них были слуги — мальчики и мужчины. И я спросила их: «Кто вы, и что это за тюки, и в каком мы месте?» И они мне ответили: «Мы слуги купца Али-египтянина, сына купца Хасана-ювелира, и он послал нас, чтобы мы вас взяли и доставили к нему в город Багдад». И я спросила: «А путь между нами и Багдадом далекий или близкий?» И они мне сказали: «Близкий, между нами и городом только темнота ночи». И потом нас посадили в носилки, и едва наступило утро, как мы уже были возле вас, и нас не постиг никакой вред».— «А кто дал вам эти одежды?» — спросил Али. И она сказала: «Начальник каравана открыл сундук из тех сундуков, что были на мулах, и вынул из него эти платья, и одно платье он надел на меня, и на каждого из твоих детей он тоже надел по платью, а потом он запер сундук, из которого взял платья, и дал мне ключ от него и сказал: «Береги его, чтобы отдать его своему мужу». И вот он у меня спрятан». И она вынула ключ, и Али спросил ее: «Узнаешь ли ты этот сундук?» — «Да, я его узнаю»,— ответила жена. И он поднялся и пошел с ней в кладовые и показал ей сундуки, и она сказала: «Вот тот сундук, из которого он взял платье».

И Али взял у нее ключ, и вложил его в замок, и открыл сундук, и увидел в нем много платьев. Он нашел там ключи от всех сундуков и взял их оттуда и стал открывать сундуки один за другим и смотреть на лежавшие в них драгоценные камни и металлы из сокровищниц, которым не найти подобных ни у одного царя, а затем он запер сундуки и, взяв ключи от них, поднялся со своей женой в комнату и сказал ей: «Это по милости Аллаха великого».

И после этого он взял жену и отправился с ней к мраморной плите, в которой был винт, и повернул его, и открыл дверь в кладовую, и, войдя туда с женою, показал ей золото, которое туда сложил. И жена спросила его: «Откуда пришло к тебе все это?» И Али ответил: «Это пришло ко мне по милости моего господина. Я ушел от тебя из Каира и пошел, не зная куда направиться, и шел до тех пор, пока не достиг Булака, и там я увидел корабль, отплывавший

в Дамиетту, и сел на этот корабль. А когда я достиг Дамиетты, мне повстречался один человек, купец, который знал моего отца, и он принял меня, и оказал мне уважение, и спросил меня: «Куда ты держишь путь?» И я отвечал ему: «Я хочу поехать в Дамаск сирийский — у меня там друзья».

И Али рассказал своей жене о том, что с ним случилось, с начала до конца, и жена его сказала: «О господин, все это по благословенной молитве твоего отца, когда он молился за тебя перед смертью и говорил: «Прошу Аллаха, чтобы он не вверг тебя в беду, не подав тебе близкой помощи!» Да будет же слава Аллаху великому, который пришел к тебе на помощь и дал больше, чем то, что от тебя ушло. Ради Аллаха, о господин, не возвращайся к прежней дружбе с людьми сомнительных дел и бойся Аллаха великого и втайне и явно!»

И она стала его наставлять, а Али сказал ей: «Я принял твое наставление и прошу Аллаха великого, чтобы он отвратил от нас злых сверстников и оказал нам помощь в повиновении ему и следовании обычаям пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!»

И Али с женой и детьми зажили приятнейшей жизнью, а потом он снял себе лавку на рынке купцов и сложил там кое-что из драгоценных камней и дорогих металлов и сидел в лавке, и возле него были его дети и невольники, и сделался он почтеннейшим из торговцев в городе Багдаде.

И услышал о нем царь Багдада и прислал к нему посланного, требуя его, и, когда посланный пришел, он сказал царю: «Отвечай царю, он тебя требует!» И Али отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И затем он собрал для царя подарки и, взяв четыре блюда из червонного золота, наполнил их драгоценными камнями и металлами, подобных которым не найти у царей, и, захватив блюда, отправился с ними к царю. А войдя к нему, он поцеловал перед ним землю и пожелал ему вечной славы и благоденствия, и отличился в том, что высказал. И царь сказал ему: «О купец, ты возвеселил наши страны».— «О царь,— молвил Али,— твой раб принес тебе подарок, и он надеется, что по твоей милости ты его примешь». И потом он поставил все четыре блюда перед царем, и царь открыл их и посмотрел на них и увидел там такие камни, подобных которым у него не было, и цена их равнялась многим мешкам денег. «Твой подарок принят, о купец, и если захочет Аллах великий, мы отплатим тебе

подобным же»,— сказал царь, и Али поцеловал царю руку и ушел от него.

А царь призвал вельмож своего царства и спросил их: «Сколько царей сватали мою дочь?» И ему ответили: «Много!» И царь спросил: «А подарил ли мне хоть кто-нибудь из них подобный подарок?» И все сказали: «Нет, так как не найдется ни у кого из них ничего подобного этому».— «Я попрошу совета у Аллаха великого о том, чтобы выдать мою дочь замуж за этого купца. Что вы скажете?» — спросил царь. И ему ответили: «Дело будет так, как ты повелишь».

И царь велел евнухам унести эти четыре блюда с тем, что на них было, и отнести их к нему во дворец, а потом он свиделся со своей женой и поставил блюда перед нею, и она открыла их и увидала на них нечто такое, подобного чему у нее никогда не было. «От какого зто царя? — спросила она.— Может быть, зто от одного из царей, которые сватались к твоей дочери?» — «Нет,— ответил ей царь,— зто от одного человека, каирского купца, который пришел в наш город. Когда я услышал о его приезде, я послал к нему посланного, чтобы тот привел его к нам, и мы бы стали с ним дружны — быть может, мы найдем у него какие-нибудь камни и купим их у него в приданое нашей дочери. И он последовал нашему приказанию и доставил нам зти четыре блюда, которые поднес нам в подарок, и я увидел, что зто красивый юноша, почтенный и обладающий совершенным умом и приятным видом,— только что не из сыновей царя. И когда я его увидел, мое сердце склонилось к нему, и моя грудь из-за него расширилась, и мне захотелось женить его на нашей дочери. Я показал этот подарок вельможам моего царства и спросил их: «Сколько царей сватались к моей дочери?» И они сказали: «Много!» И тогда я спросил: «А разве кто-нибудь принес мне подобное зтому?» И все сказали: «Нет, клянемся Аллахом, о царь времени, потому что ни у кого из них ничего такого не найдется». И я сказал им: «Я спрошу совета у Аллаха великого о том, чтобы отдать мою дочь ему в жены. Что вы скажете?» И они отвечали: «Дело будет так, как ты решишь». Что же скажешь ты мне в ответ?» И жена его ответила: «Власть у Аллаха и у тебя, о царь времени, что Аллах захочет, то и будет».— «Если захочет Аллах великий, мы не выдадим ее ни за кого, кроме зтого юноши»,— сказал царь. И они проспали зту ночь, а когда настало утро, царь вышел в диван и велел привести купца Али-египетского и всех купцов Багдада, и они все явились. И когда они

предстали пред очами царя, тот велел им сесть, и они сели, а затем царь сказал: «Приведите судью дивана». И судья явился к царю, и тот сказал: «Судья, напиши запись брака моей дочери с купцом Али-египетским». И Али-египтянин сказал: «Прощенье, о владыка наш султан! Не годится, чтобы был зятем царя купец, подобный мне».— «Я пожаловал тебе это и сан вазира»,— сказал царь и тотчас же облачил его в одежду вазира. И тогда Али сел на вазирское кресло и сказал: «О царь времени, ты пожаловал мне это, и мне оказан почет твоей милостью, но выслушай от меня слово, которое я тебе скажу».— «Говори и не бойся»,— молвил царь. И Али сказал: «Раз вышел благородный приказ о выдаче твоей дочери замуж, надлежит, чтобы брак ее был с моим сыном».— «Разве у тебя есть сын?» — спросил царь. «Да»,— ответил Али. И царь сказал: «Пошли за ним сию же минуту!» И Али отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И он послал одного из своих невольников за сыном, и невольник привел его, и сын Али, представ пред очами царя, поцеловал перед ним землю и встал, соблюдая вежливость, и царь посмотрел на него и увидел, что он красивее его дочери и прекраснее ее по стройности тела, и соразмерности, и блеску, и совершенству. «Как твое имя, о дитя мое?» — спросил он юношу. И тот ответил: «О владыка султан, мое имя Хасан!» А было ему тогда четырнадцать лет. И царь сказал судье: «Напиши запись брака моей дочери Хусн аль-Вуджуд и Хасана, сына купца Али-египетского». И судья написал запись его брака с нею, и дело завершилось наилучшим образом. И все, кто был в диване, ушли своей дорогой, и купцы шли вслед за вазиром Али-египетским, пока тот не достиг своего жилища.

И купцы поздравили его с этим и удалились своей дорогой, а вазир Али-египетский вошел к своей жене, и та увидела, что он одет в облачение вазира, и спросила: «Что это?» И Али рассказал ей всю историю с начала до конца и сказал: «Царь выдал свою дочь за Хасана, моего сына». И жена его обрадовалась из-за этого великой радостью. И затем Али проспал эту ночь, а когда наступило утро, он поднялся в диван, и царь встретил его ласково, и посадил с собою рядом, и приблизил к себе, и сказал: «О вазир, мы намерены устроить свадьбу и ввести твоего сына к моей дочери».— «О владыка султан, то, что ты считаешь хорошим, то хорошо»,— ответил Али, и царь приказал устроить свадьбу, и город украсили, и торжество продолжалось

тридцать дней, и все пребывали в блаженстве и радости, а по окончании тридцати дней Хасан, сын вазира Али, вошел к дочери царя и насладился ее красотой и прелестью. А что касается жены царя, то она, увидав мужа своей дочери, полюбила его сильной любовью и также обрадовалась великой радостью из-за его матери. И потом царь велел построить Хасану, сыну вазира, дворец, и ему быстро построили большой дворец, и сын вазира поселился там, и его мать проводила у него по нескольку дней, а потом уходила домой.

И жена царя сказала своему мужу: «О царь времени, мать Хасана не может жить у своего сына и оставить вазира. И не может жить у вазира и оставить своего сына».— «Ты права»,— ответил царь и велел построить третий дворец, рядом с дворцом Хасана, сына вазира. И построили третий дворец в короткий срок. И царь велел, чтобы имущество вазира перенесли в этот дворец. И его перенесли, и вазир поселился там. А все три дворца сообщались один с другим. И когда царь хотел поговорить с вазиром, он приходил к нему вечером или посылал за ним. И так же делали Хасан, его мать и отец. И они жили все вместе в положении, угодном Аллаху, приятною жизнью. А затем на царя нашла слабость и усилилась его болезнь, и он призвал вельмож своего царства и сказал им: «На меня напала сильная болезнь, и, может быть, это болезнь смертельная, и я призвал вас, чтобы с вами посоветоваться об одном деле. Посоветуйте же мне то, что сочтете хорошим».— «А каков замысел, о котором ты с нами советуешься, о царь?» — спросили они. И царь сказал: «Я стал стар и заболел и опасаюсь зла для царства из-за своих недругов. И хочу я, чтобы вы все сошлись на ком-нибудь, и я бы присягнул ему на царство при жизни, и вы были бы спокойны».

И все вельможи сказали: «Мы все сошлись на муже твоей дочери, Хасане, сыне вазира Али. Мы видим его разум, совершенство и понятливость, и он знает место великого и малого».— «Вы согласны на это?» — спросил царь. И вельможи сказали: «Да!» — «А может быть, вы говорите это передо мной из смущения, а за спиной моей говорите другое?» — спросил царь. И все вельможи сказали: «Клянемся Аллахом, наши слова и явно и тайно одни и те же и не меняются, и мы порешили об этом со спокойным сердцем и веселой душой».— «Если дело таково,— сказал царь,— то призовите завтра судью священного закона и всех царедворцев, наместников и

вельмож царства ко мне, и завершим дело наилучшим образом».

И вельможи сказали: «Слушаем и повинуемся!» И ушли от царя и предупредили всех ученых и знатных лиц из эмиров. А когда настало утро, они пришли в диван и послали к царю, прося у него разрешения войти к нему. И царь позволил им, и они вошли, и приветствовали его, и сказали: «Мы все предстали пред очами твоими». И царь спросил их: «О эмиры Багдада, кого вы согласны поставить над собою царем после меня, чтобы я привел к присяге его при жизни, перед смертью, в присутствии вас всех?» И все они сказали: «Мы сошлись на Хасане, сыне вазира Али и муже твоей дочери».— «Если дело таково,— сказал царь,— поднимайтесь все и приведите его ко мне». И все вельможи поднялись, и пошли во дворец Хасана, и сказали ему: «Иди с нами к царю».— «Зачем?» — спросил их Хасан. И они сказали: «За делом, в котором будет благо и для нас и для тебя».

И Хасан вышел с ними, и вошел к царю, и поцеловал землю перед ним, и царь сказал ему: «Садись, дитя мое». И Хасан сел, и тогда царь сказал: «О Хасан, эмиры все согласились насчет тебя и сговорились, что сделают тебя над собой царем после меня, и я хочу привести людей к присяге тебе при жизни, чтобы закончить дело».

И тут Хасан встал и поцеловал землю перед царем и сказал ему: «О владыка наш царь, среди эмиров есть люди старше меня годами и выше саном — избавьте меня от этого дела!» Но все эмиры сказали ему: «Мы согласны, чтобы только ты был царем над нами!» — «Мой отец старше меня, и мы с отцом — одно, и не годится ставить меня впереди его»,— сказал Хасан. Но его отец молвил: «Я соглашусь лишь на то, на что согласились мои братья, а они согласились насчет тебя и сговорились о тебе; не прекословь же приказу царя и приказу твоих братьев».

И Хасан склонил голову к земле от стыда перед царем и перед своим отцом, и царь спросил эмиров: «Годен ли он вам?» И они ответили: «Годен!» И все прочитали после этого «Фатиху» семь раз. А потом царь сказал: «О кади, напиши законное свидетельство об этих эмирах, что они согласились объявить султаном Хасана, мужа моей дочери, и что он будет над ними царем». И кади написал об этом свидетельство и подписал его, после того как все присягнули Хасану на царство, и царь присягнул ему и велел ему

сесть на престол царства. И все поднялись и поцеловали руки царю Хасану, сыну вазира, и выразили ему повиновение, и Хасан творил в этот день великий суд, и наградил он вельмож царства роскошными одеждами. А потом диван разошелся, и Хасан вошел к отцу своей жены и поцеловал ему руки, и тот сказал ему: «О Хасан, тебе должно бояться Аллаха, управляя подданными». И Хасан отвечал: «Твоими молитвами за меня, о батюшка, достанется мне поддержка свыше». И потом он пошел к себе во дворец, и его встретила его жена со своей матерью и прислужницами, и они поцеловали ему руки и сказали: «День благословенный!» И поздравили его с царской властью.

А затем Хасан вышел из своего дворца и пошел во дворец своего родителя, и они сильно обрадовались тому, что Аллах пожаловал Хасану назначение на царство. И отец Хасана наставлял его бояться Аллаха и быть кротким с подданными. И Хасан провел эту ночь до утра радостный и довольный, а затем он совершил положенные молитвы, прочитал должную часть Корана и прошел в диван, и прошли туда все воины и обладатели должностей. И Хасан творил суд между людьми, призывая к благому и удерживая от порицаемого, и назначал и отставлял, и он не переставал судить до конца дня, а затем диван закончился наилучшим образом, и воины удалились, и всякий из них ушел своей дорогой. А Хасан поднялся и пошел во дворец и увидел, что отца его жены отяготила болезнь.

«С тобой не будет беды»,— сказал он ему. И отец его жены открыл глаза и сказал: «О Хасан!» — «Я здесь, о господин»,— отвечал Хасан. И старец молвил: «Теперь приблизился мой срок; заботься же о твоей жене и ее родительнице, будь богобоязнен и почтителен к родителям. Страшись величия царя судящего и знай, что Аллах повелевает быть справедливым и милостивым». И царь Хасан сказал ему: «Слушаю и повинуюсь!» И прежний царь прожил после этого три дня и преставился к милости Аллаха великого, и его обрядили и завернули в саван и устраивали по нем чтения и произнесения Корана до конца сорока дней. И царь Хасан, сын вазира, остался один правителем, и подданные обрадовались ему, и все дни его были радостью, а его отец все время был великим вазиром правой стороны, и Хасан взял себе другого вазира, и держава процветала.

И оставался Хасан царем в Багдаде долгое время, и получил он от дочери царя троих детей мужеского пола,

которые унаследовали власть после него. И жили они прекраснейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, кому принадлежит вечность и в чьей руке отмена и утверждение!

РАССКАЗ О ХАСИБЕ И ЦАРИЦЕ ЗМЕЙ

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы мудрец из мудрецов греческих, и было этому мудрецу имя Данияль. И были у него ученики и последователи, и греческие мудрецы подчинялись его велению и полагались на его знания. Но при всем том не досталось Даниялю ребенка мужеского пола.

И когда он, в одну из ночей, размышлял и плакал из-за отсутствия сына, который бы наследовал после него его науку, вдруг пришло ему на ум, что великий и славный Аллах внимает зову тех, кто к нему обращается, и что нет у врат его милости привратника. Он наделяет, кого хочет, без счета и не отталкивает просящего, когда он его просит, а, напротив, дает ему в изобилии и благо и милость. И попросил Данияль Аллаха великодушного, чтобы дал он ему ребенка, которого мог бы он оставить после себя и оказал бы ему обильные милости, а затем он вернулся к себе домой и познал свою жену, и понесла она от него в ту же ночь.

А потом, через несколько дней, он поехал на корабле в какое-то место, и корабль разбился, и пропали его книги в море, а сам он выплыл на доске от этого корабля. И было с ним пять листков, оставшихся от тех книг, что упали в море; и, вернувшись домой, он положил эти листки в сундук и запер их.

А беременность его жены стала видна, и сказал ей Данияль: «Знай, что близка ко мне кончина и переселение из мира преходящего в мир вечный. Ты носишь и, может быть, родишь после моей смерти дитя мужеского пола. Назови его Хасиб Карим ад-дин и воспитай его наилучшим образом. А когда он вырастет и спросит тебя: «Какое оставил мне мой отец наследство?» — отдай ему эти пять

листков. Когда он прочтет их и поймет их смысл, он станет ученейшим человеком своего времени».

Затем Данияль простился со своей женой, и издал вопль, и расстался со здешним миром и тем, что есть в нем, да будь над ним милость Аллаха великого! И заплакали о нем его родные и друзья, и омыли его, и устроили ему великолепные похороны, и закопали его, и вернулись. А затем, через немного дней, его жена родила красивого ребенка и назвала его Хасиб Карим ад-дин, как завещал ей ее муж. И когда она его родила, к ней привели звездочетов, и звездочеты высчитали его гороскоп и определили, какие звезды в восхождении, и сказали: «Знай, о женщина, этот младенец проживет много дней, но будет это после беды, которая с ним случится в начале жизни. Если он от нее спасется, ему будет дано после этого знание мудрости».

И затем звездочеты ушли своей дорогой, а мать кормила сына своим молоком два года и отлучила его от груди, и, когда он достиг пяти лет, она поместила его в школу, чтобы он чему-нибудь научился. Но мальчик не научился ничему, и она взяла его из школы и поместила учиться ремеслу; но он не научился никакому ремеслу, и ему не давалась никакая работа. И его мать плакала из-за этого, и люди сказали ей: «Жени его: быть может, он станет заботиться о своей жене и примется за ремесло».

И мать Хасиба просватала ему одну девушку и женила его на ней, и он провел с ней некоторое время, но не брался ни за какое ремесло. А у них были соседи — дровосеки; и они пришли к его матери и сказали: «Купи своему сыну осла, веревку и топор, он пойдет с нами на гору, и мы все вместе будем рубить дрова; плата за дрова будет ему и нам, и он потратит на вас часть того, что достанется ему на долю».

И, услышав это, мать Хасиба сильно обрадовалась. Она купила своему сыну осла, веревку и топор и, взяв Хасиба, отправилась с ним к дровосекам и отдала его им, поручив им о нем заботиться. «Не обременяй себя заботой об этом юноше,— сказали ей дровосеки,— господь наш наделит его: это сын нашего шейха».

И затем они взяли его с собой и отправились на гору и стали рубить дрова и нагрузили своих ослов и вернулись в город. Они продали дрова и израсходовали деньги на свои семейства, и потом они снова рубили дрова на второй день и на третий день, и делали это в течение некоторого времени.

И случилось так, что они отправились в какой-то день рубить дрова, и пошел сильный дождь, и они убежали в большую пещеру, чтобы укрыться там от дождя. И Хасиб Карим ад-дин ушел от них и сидел один в той пещере, и стал он ударять по земле топором. И он понял по звуку, что под землей пустота, и принялся копать и через некоторое время увидел круглую плиту, в которой было кольцо. И, увидав это, Хасиб обрадовался и позвал своих товарищей дровосеков. И они пришли и увидели эту плиту и, поспешив к ней, вырвали ее и нашли под ней дверь. И они открыли дверь, бывшую под плитой, и оказалось, что это колодец, наполненный пчелиным медом. И дровосеки сказали друг другу: «Вот колодец, наполненный медом, и нам остается только пойти в город, принести бурдюки и наполнить их этим медом. Мы продадим его и разделим его стоимость, а один из нас посидит около меда, чтобы стеречь его от других людей».— «Я посижу и постерегу его, пока вы сходите и принесете бурдюки» — сказал Хасиб.

И они оставили Хасиба Карим ад-дина стеречь колодец и ушли в город. И они принесли бурдюки и наполнили их медом и, нагрузив ослов, вернулись в город и продали мед, а потом они снова пришли к колодцу, во второй раз, и делали так в течение некоторого времени. Они ночевали в городе, возвращались к колодцу и наполняли бурдюки медом, а Хасиб Карим ад-дин сидел и стерег колодец. И дровосеки в один из дней сказали друг другу: «Нашел-то колодец с медом Хасиб, и завтра он пойдет в город пожалуется на нас и возьмет плату за мед и скажет: «Это я нашел мед». Мы избавимся от этого, только если спустим его в колодец, чтобы он положил в бурдюки мед, который там еще есть, и оставим его там; он умрет от голода и жажды, и никто о нем не узнает».

Сговорившись об этом, они пришли к колодцу и сказали Хасибу: «О Хасиб, спустись в колодец и собери нам мед, который там остался». И Хасиб спустился в колодец и собрал оставшийся там мед и крикнул: «Тащите меня, здесь больше ничего не осталось!» Но никто из дровосеков не дал ему ответа; они нагрузили ослов и поехали в город, оставив Хасиба одного в колодце. И он стал звать на помощь и плакать, восклицая: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я умру от голода и жажды!»

Вот что было с Хасибом. Что же касается дровосеков, то, достигнув города, они продали мед и пошли, плача, к матери Хасиба и сказали ей: «Твой сын Хасиб приказал долго жить!» — «А почему он умер?» — спросила она. И дрово-

секи сказали: «Мы сидели на горе, и пошел сильный дождь, и мы приютились в пещере, чтобы укрыться там от дождя. И не успели мы опомниться, как осел твоего сына убежал в долину, и Хасиб пошел за ним, чтобы вернуть его, а там был большой волк, и он растерзал твоего сына и съел осла».

И услышав слова дровосеков, мать Хасиба стала бить себя по лицу и сыпать землю себе на голову и принялась оплакивать своего сына, а дровосеки приносили ей каждый день еду и питье.

Вот что было с матерью Хасиба, а что касается дровосеков, то они открыли лавки и стали купцами и только и делали, что ели, пили, радовались и веселились. Что же касается Хасиба Карим ад-дина, то он плакал и рыдал, и когда он сидел в колодце, будучи в таком состоянии, вдруг упал на него большой скорпион. И Хасиб поднялся и убил скорпиона, и потом он задумался и сказал себе: «Этот колодец был наполнен медом; откуда же взялся этот скорпион?» И он встал, чтобы осмотреть то место, откуда упал скорпион, и стал поворачиваться в колодце направо и налево и увидал, что из того места, откуда упал скорпион, блистает свет. И Хасиб вынул бывший у него нож и расширил это отверстие, так что оно стало размером с окно. И тогда он вышел через него и шел некоторое время подземным ходом.

И он заметил большой проход, и прошел по нему, и увидал большую дверь из черного железа, на которой был серебряный замок, а в замке — ключ из золота. И Хасиб подошел к двери, и посмотрел в щели, и увидал яркий свет, блиставший из-за двери. И он взял ключ, и отпер дверь, и вошел внутрь помещения, и, пройдя немного, дошел до огороженного поля, и увидел, что на поле что-то блещет, точно вода. И он шел до тех пор, пока не достиг того, что блестело. И увидел он большой холм из зеленого топаза, а на холме было поставлено золотое ложе, украшенное различными драгоценными камнями, а вокруг этого ложа стоят скамеечки: некоторые из серебра, а некоторые из зеленого изумруда. И, подойдя к этим скамеечкам, Хасиб стал их считать и увидел, что скамеек двенадцать тысяч. И он поднялся на ложе, поставленное посреди этих скамеечек, и сел на него, и принялся дивиться на это поле и поставленные скамеечки, и дивился до тех пор, пока его не одолел сон.

И он проспал немного и вдруг услышал шипение и свист и великий шум; и тогда он открыл глаза и сел и увидал на скамеечках больших змей, каждая из которых была

длиною в сто локтей. И его охватил из-за этого великий испуг, и у него высохла слюна от сильного страха, и потерял он надежду остаться в живых и сильно испугался. И увидел он, что глаза каждой змеи горят, как уголья, и змеи сидят на скамеечках; а обернувшись к полю, он увидел там маленьких змей, число которых знает лишь Аллах великий. И через некоторое время подползла к Хасибу большая змея, точно мул, и на спине у нее было золотое блюдо, а посреди блюда лежала змея, сиявшая, как хрусталь, и лицо у нее было человеческое, и говорила она ясным языком.

И, приблизившись к Хасибу Карим ад-дину, змея приветствовала его, и он ответил на ее приветствие; и тогда приползла к блюду одна из тех змей, что были на скамеечках, и, подняв змею, бывшую на блюде, посадила ее на одну из скамеечек. А затем та змея крикнула на змей на их языке, и все змеи упали со своих скамеечек и поклонились ей, и тогда она сделала им знак сесть, и они сели. А та змея сказала Хасибу Карим ад-дину: «Не бойся нас, о юноша! Я — царица змей и их султанша».

И когда Хасиб услышал от змеи эти слова, его сердце успокоилось. Потом та змея приказала змеям принести какой-нибудь еды, и они принесли яблок, винограду, гранатов, фисташек, лесных и грецких орехов, миндалю и бананов и поставили это перед Хасибом Карим ад-дином. «Добро пожаловать, о юноша! — сказала ему тогда царица змей.— Как твое имя?» — «Мое имя — Хасиб Карим ад-дин»,— ответил юноша. И царица змей сказала: «О Хасиб, поешь этих плодов, у нас нет других кушаний, и не бойся нас!»

И, услышав от змеи такие слова, Хасиб поел досыта и восславил Аллаха великого. А когда он насытился, трапезу убрали, и царица змей сказала ему: «Расскажи мне, о Хасиб, откуда ты сам, как пришел в это место и что с тобой случилось?»

И Хасиб рассказал ей обо всем, что случилось с его отцом, и как мать родила его и поместила в школу, когда ему было пять лет, и он ничему не научился из наук, и как она отдала его учиться ремеслу, и купила ему осла, и сделала его дровосеком, и как он нашел медовый колодец и его товарищи-дровосеки оставили его в колодце и ушли, а на него упал скорпион, и он убил его и расширил то отверстие, из которого скорпион упал, и вышел из колодца, и пришел к железной двери, и открыл ее, и шел, пока не дошел до царицы змей, с которой он разговаривает. «Вот мой рассказ

с начала до конца,— сказал он потом,— и Аллах великий лучше знает, что случится со мной после всего этого».

И, услышав рассказ Хасиба Карим ад-дина с начала до конца, царица змей сказала: «С тобой не случится ничего, кроме всяческого блага, но я хочу от тебя, о Хасиб, чтобы ты посидел со мной некоторое время, пока я расскажу тебе мою историю и поведаю, какие случались со мною чудеса».— «Слушаю и повинуюсь тому, что ты мне приказываешь!» — сказал Хасиб.

И тогда царица змей молвила: «Знай, о Хасиб, что был в городе Мисре царь из сынов Исраиля, и был у него сын по имени Булукия. И был этот царь знающий, благочестивый, согнувшийся от чтения богословских книг; и когда он ослаб и приблизился к смерти, пришли к нему вельможи его царства, чтобы приветствовать его, и сели подле него, и приветствовали его, и он сказал: «О люди, знайте, что близко мое отбытие из здешнего мира в жизнь будущую, и мне нечего вам поручить, кроме моего сына Булукии. Заботьтесь же о нем.— И затем он воскликнул: — Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха!» — и издал вопль, и расстался со здешней жизнью, да будет с ним милость Аллаха. И его обрядили, и обмыли, и похоронили, устроив ему великолепный вынос, и сделали его сына Булукию правителем, и был сын царя справедлив к подданным, и отдохнули люди в его время.

И случилось в один из дней, что он отпер казнохранилища своего отца, чтобы пройтись по ним, и, открыв одно из этих казнохранилищ, он увидел там дверь. И он отпер эту дверь и вошел, и вдруг оказалось, что за дверью маленькая комнатка, и в комнатке столб из белого мрамора, а на столбе — эбеновый сундук. И Булукия взял его и открыл и нашел в нем другой сундук, из золота, и, открыв его, он увидел в нем книгу. И он раскрыл книгу, и прочитал ее, и нашел в ней описание Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует! И узнал, что Мухаммад будет послан в конце времен, и будет он лучшим среди наших предков и потомков.

И когда прочитал Булукия эту книгу и узнал о господине нашем Мухаммаде, да благословит его Аллах и да приветствует, в сердце его проникла любовь к Мухаммаду. А после этого Булукия собрал вельмож сынов Исраиля, кудесников, раввинов и монахов и осведомил их об этой книге и прочитал ее им и сказал: «О люди, я должен извлечь моего отца из могилы и сжечь его!» И сказали ему его люди: «Почему ты сожжешь его?» И ответил Булукия:

«Потому что он скрыл от меня эту книгу и не показал ее мне, а он извлек содержание ее из Торы и свитков Ибрахима. Он положил эту книгу в казнохранилище и не осведомил о ней ни одного человека». И сказали ему: «О царь наш, отец твой умер, и он теперь во прахе, и дело его вручено господу. Не вынимай же его из могилы».

И, услышав такие слова от вельмож сынов Исраиля, понял Булукия, что они не дадут ему власти над его отцом, и оставил он их и вошел к своей матери и сказал ей: «О матушка, я увидал в казне моего отца книгу с описанием Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, а это — пророк, который будет послан в конце времен, и проникла в мое сердце любовь к нему. Я хочу странствовать по землям, чтобы встретиться с ним, и если я с ним не встречусь, то умру от любви к нему». Потом он снял свои одеяния и надел плащ и обувь невольников и сказал: «Не забывай меня, о матушка, в своих молитвах!» И его мать заплакала и сказала: «Каково будет нам без тебя?» А Булукия ответил: «У меня не осталось терпения, и я вручил твое и мое дело Аллаху великому».

И пошел он странствовать, направляясь в Сирию, и никто из его людей не знал о нем, и шел, пока не достиг берега моря. И он увидел корабль и сел на него вместе с другими путниками, и корабль шел, пока они не подошли к одному острову. И все сошли с корабля на этот остров, и Булукия вместе с ними, а затем он отдалился от них на острове и сел под деревом, и его одолел сон. И он заснул и пробудился от сна и пошел к кораблю, чтобы сесть на него, и увидел, что корабль уже снялся с якоря. И увидал он на этом острове змей, подобных верблюдам или пальмам, и они поминали Аллаха, велик он и славен, и молились о Мухаммаде, да благословит его Аллах и да приветствует, крича: «Нет бога, кроме Аллаха! Хвала Аллаху!» И когда увидел это Булукия, он удивился до крайности.

А змеи, увидев Булукию, собрались вокруг него, и одна из них спросила: «Кто ты будешь, откуда ты пришел, как твое имя и куда ты идешь?» И Булукия отвечал ей: «Мое имя Булукия, я из сынов Исраиля, и пошел я блуждать из-за любви к Мухаммаду, да благословит его Аллах и да приветствует, и разыскиваю его. А кто вы, о благородные твари?» И змеи ответили ему: «Мы из жителей геенны, и создал нас Аллах великий в наказание нечестивым».— «А что привело вас в это место?» — спросил Булукия. И змеи сказали ему: «Знай, о Булукия, геенна так сильно кипит, что вздыхает в год два раза: раз зимою и раз летом,

и знай, что великий жар происходит от ее сильных испарений. И когда она выгоняет воздух, то выбрасывает нас из своей утробы, а когда она втягивает воздух, то возвращает нас туда». — «А есть в геенне змеи больше вас?» — спросил Булукия. И ему сказали: «Мы выходим с дыханием геенны только из-за нашей малости; в геенне все змеи такие, что, если бы самая большая из нас подошла к их носу, они бы нас не почуяли».— «Вы поминаете Аллаха и молитесь о Мухаммаде,— сказал им Булукия,— откуда вы знаете Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует?» — «О Булукия,— сказали змеи,— имя Мухаммада написано на воротах рая, и если бы не он, не сотворил бы Аллах ни тварей, ни рая, ни огня, ни неба, ни земли, ибо Аллах сотворил все сущее только из-за Мухаммада и сочетал его имя со своим повсюду. Из-за этого мы и любим Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует!»

И когда Булукия услышал от змей эти слова, увеличилась его любовь к Мухаммаду и усилилась его тоска по нему, а затем Булукия простился со змеями и шел до тех пор, пока не достиг берега моря. И он увидел корабль, ставший на якорь рядом с островом, и сел на него, и корабль снялся с якоря, и они ехали до тех пор, пока не достигли другого острова. И Булукия вышел на этот остров и прошел немного и увидел на нем змей, больших и маленьких, число которых знает лишь Аллах великий, и среди них была белая змея, белее хрусталя, которая сидела на золотом блюде, и блюдо это находилось на спине змеи, подобной слону. А белая змея была царицей змей, и это — я, о Хасиб».

И Хасиб спросил царицу змей: «Какой разговор был у тебя с Булукией?» И змея сказала: «О Хасиб, знай, что, увидав Булукию, я приветствовала его, и он ответил на мое приветствие, и тогда я спросила его: «Кто ты, каково твое дело, откуда ты пришел, куда ты идешь и как твое имя?» — «Я из сынов Исраиля,— ответил он,— мое имя — Булукия, и я странствую из-за любви к Мухаммаду и разыскиваю его. Я видел описание его достоинств в древних книгах». Потом Булукия спросил меня: «Кто ты такая и что это за змеи, которые вокруг тебя?» И я ответила: «О Булукия, я — царица змей, и когда ты встретишься с Мухаммадом, передай ему от меня привет!»

И потом Булукия простился со мной и сел на корабль и ехал до тех пор, пока не достиг Иерусалима. А в Иерусалиме был один человек, который овладел всеми науками и основательно изучил геометрию, астрономию, счет, ма-

гию и науку о духах. Он читал Тору, Евангелие, псалмы и свитки Ибрахима, и звали его Аффан, и он нашел в одной из своих книг, что всякому, кто наденет перстень господина нашего Сулеймана, подчинятся люди, джинны, птицы, звери и все твари, а в какой-то книге он видел, что, когда скончался господин наш Сулейман, его положили в гроб и проехали с ним по семи морям, а перстень был у него на пальце, и никто из людей и джиннов не мог взять этот перстень, и ни один из едущих на кораблях не мог проехать к этому месту по семи морям, по которым провезли гроб Сулеймана. И он нашел еще в какой-то книге, что среди трав есть такая трава, что всякий, кто возьмет ее немного и выжмет и возьмет ее сок и намажет им ноги, пройдет по любому морю, которое создал Аллах великий, и его ноги не промокнут. Но никто не сможет достать эту траву, если с ним не будет царицы змей.

И когда Булукия пришел в Иерусалим, он сел в одном месте, поклоняясь Аллаху великому, и, когда он так сидел и поклонялся Аллаху, вдруг подошел к нему Аффан и приветствовал его. И юноша ответил на его приветствие, и Аффан посмотрел на Булукию и увидел, что тот читает Тору, сидя и поклоняясь Аллаху великому. И Аффан подошел к нему и спросил: «О человек, как твое имя, откуда ты пришел и куда идешь?» И юноша ответил ему: «Мое имя — Булукия, я из города Мисра, и я вышел странствовать в поисках Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует!» — «Идем со мною в мое жилище, я приму тебя как гостя»,— сказал Аффан Булукии. И юноша ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

И тогда Аффан взял Булукию за руку и привел его в свое жилище и оказал ему крайний почет, а затем он сказал ему: «Расскажи мне, о брат мой, твою историю и откуда ты узнал о Мухаммаде, и как охватила любовь к нему твое сердце, так что ты отправился его искать. Кто указал тебе эту дорогу?» И Булукия рассказал ему свою историю с начала до конца.

И когда Аффан услышал его слова, разум едва его не покинул, и он удивился до крайней степени. А потом Аффан сказал Булукии: «Сведи меня с царицей змей, и я сведу тебя с Мухаммадом. Время Мухаммада далеко, а когда мы захватим царицу змей, мы посадим ее в клетку и пойдем с ней за травами, которые в горах. Всякая трава, мимо которой мы пройдем, когда царица змей будет с нами, заговорит и расскажет нам о своих полезных свойствах, по воле Аллаха великого. Я нашел у себя в книгах, что среди

трав есть такая трава, что всякий, кто возьмет ее и растолчет и возьмет ее сок и помажет им ноги, пройдет по любому морю, которое создал Аллах великий, и ноги у него не промокнут. Когда мы захватим царицу змей, она укажет нам эту траву, и, найдя ее, мы ее возьмем и растолчем и возьмем ее сок, а затем мы отпустим змею идти своей дорогой. Мы помажем этим соком ноги и пройдем по семи морям и достигнем места погребения господина нашего Сулеймана и снимем у него с пальца перстень и будем управлять, как управлял наш господин Сулейман, и достигнем своей цели. А после этого мы войдем в Море Мрака и напьемся воды жизни, и Аллах отсрочит нашу смерть до конца времени, и мы встретимся с господином нашим Мухаммадом, да благословит его Аллах и да приветствует!»

И, услышав от Аффана такие слова, Булукия сказал: «О Аффан, я сведу тебя с царицей змей и покажу тебе, где ее место». И Аффан поднялся, и сделал железную клетку, и захватил с собою два кубка, один из которых он наполнил вином, а другой наполнил молоком. И Аффан с Булукией шли в течение многих дней и ночей, пока не достигли острова, на котором находилась царица змей. А потом Аффан и Булукия вышли на этот остров и прошли немного, и Аффан поставил клетку и установил в ней силки и поставил туда кубки, наполненные вином и молоком. А потом они удалились от клетки и сидели спрятавшись некоторое время, и царица змей подошла к клетке и приблизилась к кубкам. И она всматривалась в них некоторое время и, почуяв запах молока, слезла со спины той змеи, на которой сидела, сползла с блюда и, войдя в клетку, подошла к кубку, в котором было вино, и отпила из него. И когда она отпила из этого кубка, у нее закружилась голова, и она заснула.

И, увидав это, Аффан подошел к клетке и запер в ней царицу змей, и они с Булукией взяли ее и пошли. Когда же царица змей очнулась, она увидала себя в железной клетке, стоявшей на голове человека, а рядом с человеком был Булукия. И, увидав Булукию, царица змей воскликнула: «Таково-то воздаяние тем, кто не обижает сынов Адама». И Булукия дал ей такой ответ: «Не бойся нас, о царица змей, мы ничем тебя не обидим, но мы хотим, чтобы ты провела нас к одной траве среди трав: всякий, кто возьмет ее и растолчет и извлечет из нее сок и помажет им ноги, пройдет по любому морю, которое создал Аллах великий, и ноги у него не промокнут. Когда же мы найдем эту траву,

мы возьмем ее, вернем тебя на твое место и отпустим тебя идти твоей дорогой».

Потом Аффан и Булукия пошли с царицей змей к горам, на которых росли травы, и обошли там все травы, и всякая трава начинала говорить и рассказывать о том, что в ней полезно, по изволению Аллаха великого. И когда они были заняты этим делом и травы говорили и справа и слева и рассказывали им о том, что в них полезно, вдруг одна трава заговорила и сказала: «Я такая трава, что всякий, кто возьмет меня и растолчет и возьмет мой сок и помажет им ноги, пройдет по любому морю, которое сотворил Аллах великий, и ноги у него не промокнут».

И, услышав слова травы, Аффан снял с головы клетку, и они набрали этой травы достаточно и истолкли ее и выжали и, собрав ее сок, налили его в две стеклянные бутылки, которые спрятали, а тем, что осталось, они помазали себе ноги. Потом Булукия и Аффан взяли царицу змей и шли с ней в течение многих ночей и дней, пока не достигли того острова, на котором она была раньше. И Аффан открыл двери клетки, и царица вышла из нее, а выйдя, она спросила: «Что вы будете делать с этим соком?»

«Мы хотим,— сказали они ей,— помазать им ноги, чтобы перейти через семь морей и достигнуть места погребения господина нашего Сулеймана и снять у него с пальца перстень».— «Не бывать тому, не взять вам перстень!» — воскликнула царица змей.

«А почему?» — спросили они. И она сказала: «Потому что Аллах великий сделал Сулейману милость, даровав ему этот перстень, и он отличил его этим, ибо Сулейман сказал: «Господи, подари мне власть, которая не подобает никому после меня: поистине, ты ведь даритель!» Зачем вам этот перстень? Если бы вы взяли такой травы, что всякий, кто ее поест, не умрет до первого дуновения (а эта трава есть среди тех трав), она, право, была бы для вас полезней, чем та трава, которую вы взяли, так как вы не достигнете через нее вашей цели»,— сказала она потом. И, услышав ее слова, Аффан и Булукия раскаялись и ушли своей дорогой.

Вот что было с ними. Что же касается царицы змей, то она пришла к своему воинству и увидела, что дела пришли в расстройство, сильные ослабли, а слабые умерли. И когда змеи увидели свою царицу, они обрадовались и столпились вокруг нее и спросили: «Что с тобой случилось и где ты была?» И она рассказала им обо всем, что случилось у нее с Аффаном и Булукией. А после этого она собрала свои войска и отправилась с ними на гору Каф, так как зиму она

проводила там, а лето в том месте, где ее увидел Хасиб Карим ад-дин.

После этого змея сказала: «О Хасиб, вот моя повесть и то, что со мной случилось». И Хасиб изумился словам змеи, а потом сказал: «Я хочу от твоей милости, чтобы ты приказала одному из твоих помощников вывести меня на лик земли, и я пойду к матери».— «О Хасиб,— сказала змея,— тебе не уйти от нас, пока не наступит зима; тогда ты отправишься с нами на гору Каф и посмотришь там на холмы, пески, деревья и птиц, которые прославляют единого, покоряющего, и посмотришь на маридов, ифритов и джиннов, число которых знает лишь Аллах великий».

Услышав слова царицы змей, Хасиб Карим ад-дин огорчился и загрустил и сказал ей: «Расскажи мне об Аффане и Булукии: когда они расстались с тобой и ушли, переправились ли они через семь морей и достигли ли они места погребения господина нашего Сулеймана или нет, а если они достигли места погребения господина нашего Сулеймана, то смогли ли они взять перстень или нет?»

«Знай,— ответила ему царица змей,— что Аффан и Булукия, расставшись со мной, намазали себе ноги тем соком, и пошли по лику моря, и стали смотреть на морские чудеса. И они переходили с моря на море, пока не прошли семи морей, а когда они прошли эти моря, то увидели большую гору, поднимавшуюся к небесам; эта гора была из зеленого изумруда, и на ней бежал ручей, и вся земля ее была из мускуса. И, достигнув этого места, они обрадовались и воскликнули: «Мы достигли нашей цели!»

А затем они пошли дальше и, дойдя до высокой горы, пошли по ней и увидели вдали на горе пещеру, над которой был большой купол, и из пещеры блистал свет. И, достигнув этой пещеры, они вошли в нее и увидели, что в ней стоит золотое ложе, украшенное различными драгоценными камнями, и вокруг ложа стоят скамеечки, число которых знает только Аллах великий. И они увидали господина нашего Сулеймана, который лежал на этом ложе, и на нем была зеленая шелковая одежда, вышитая золотом и украшенная драгоценными металлами и камнями. Его правая рука лежала на груди, а перстень был у него на пальце, и сияние этого перстня было сильней сияния драгоценностей, которые находились в этом помещении. Потом Аффан научил Булукию клятвам и заклинаниям и сказал ему: «Читай эти заклинания и не переставай их читать, пока я не возьму перстня».

И Аффан подходил к ложу, пока не приблизился

к нему, и вдруг большая змея вышла из-под ложа и закричала великим криком, от которого задрожало все помещение, и искры полетели у змеи изо рта. Потом змея сказала Аффану: «Если ты не повернешь назад, ты погиб!» Но Аффан читал заклинания и не испугался этой змеи. И змея дунула на него огнем, который чуть не сжег пещеру, и воскликнула: «Горе тебе! Если ты не повернешь назад, я тебя сожгу!» И когда Булукия услышал от змеи такие слова, он вышел из пещеры.

Что же касается Аффана, то он не испугался этого, а, напротив, подошел к господину нашему Сулейману и, протянув руку, дотронулся до перстня и хотел снять его с пальца господина нашего Сулеймана, но вдруг змея дунула на Аффана и сожгла его, и он превратился в кучу пепла.

Вот что было с ним. Что же касается Булукии, то он упал, покрытый беспамятством, и господь (да возвысится слава его!) приказал Джибрилю спуститься на землю, прежде чем змея подует на Булукию. И Джибриль поспешно спустился на землю и увидал, что Булукия без памяти, а Аффан сгорел от дуновения змеи. И Джибриль подошел к Булукии и пробудил его от беспамятства, и, когда он очнулся, Джибриль приветствовал его и спросил: «Откуда вы пришли в зто место?»

И Булукия рассказал ему свою повесть от начала до конца, и затем он сказал: «Знай, что я пришел в зто место только из-за Мухаммада, потому что Аффан рассказал мне, что он будет ниспослан в конце времен и что с ним встретится только тот, кто проживет до той поры, а проживет до той поры лишь тот, кто напьется воды жизни, а это возможно, только если раздобудешь перстень Сулеймана. И я сопровождал его до этого места, и случилось несчастье, и он сгорел, а я остался цел. Я хочу, чтобы ты рассказал мне про Мухаммада: где он находится?» — «О Булукия,— сказал Джибриль,— иди своей дорогой, время Мухаммада далеко».

И затем Джибриль тотчас же поднялся на небо, а что до Булукии, то он горько заплакал и раскаялся в том, что сделал. Он стал размышлять о словах царицы змей: «Не бывать тому, чтобы кто-нибудь мог взять перстень!» — и пришел в смущение и заплакал, а затем он спустился с горы и пошел, и шел не переставая, пока не приблизился к берегу моря. И он просидел там некоторое время, дивясь на зти горы и острова, и провел ночь в зтом месте, а когда наступило утро, он намазал себе ноги тем соком, который

они извлекли из травы, и сошел в море и шел по нему в течение дней и ночей, дивясь ужасам моря, его чудесам и диковинам.

И Булукия не переставая шел по поверхности воды, пока не дошел до одного острова, подобного раю, и тогда он вышел на этот остров и стал удивляться ему и его красоте. Он побродил по острову и увидел, что это — большой остров, на котором земля из шафрана, и камушки из яхонта и драгоценных металлов, и ограды из жасмина, и растут там прекраснейшие деревья и красивейшие и наилучшие цветы. Там протекали ручьи, и вместо хвороста там было камарское и какуллийское алоэ, а вместо камышей рос сахарный тростник, вокруг которого цвели розы, нарциссы, жасмины, гвоздики, ромашки, лилии и фиалки, и всего этого были на острове разные сорта и всевозможные виды. И птицы щебетали на деревьях, и был этот остров прекрасен, обширен, обилен благами, и объял он все свойства и разновидности красоты. Щебетание его птиц было слаще жалобного звона второй струны лютни, деревья его вздымались вверх, птицы его говорили, каналы разливались, и ручьи бежали, и воды их были сладки. Там резвились газели, и бегали антилопы, и птицы щебетали на ветвях, будто утешая влюбленного, потерявшего разум.

И подивился Булукия на этот остров и понял, что он сбился с дороги, по которой шел в первый раз, когда с ним был Аффан. И он бродил по этому острову и гулял по нему до вечера, а когда наступила ночь, он влез на высокое дерево, чтобы поспать на нем, и стал думать о красоте этого острова.

И когда он был на верхушке дерева, вдруг море заволновалось, и из него появился огромный зверь, который закричал громким криком, так что животные, бывшие на острове, испугались этого крика. И Булукия посмотрел на этого зверя, сидя на дереве, и увидел, что это — зверь огромный, и стал дивиться на него. И не успел он опомниться, как вслед за зверем появились из моря животные разных видов, и в лапах у каждого был драгоценный камень, который сиял, точно светильник, так что на острове стало светло как днем от сияния этих камней. А спустя немного времени пришли из глубины острова звери, число которых знает только Аллах великий. И Булукия посмотрел на них и увидел, что это звери пустыни — львы, пантеры, барсы и другие сухопутные животные. И эти звери все приходили, пока не столпились вместе с морскими зверями на краю острова, и были вместе до утра, а когда

рассвело, они расстались друг с другом, и каждый из них ушел своей дорогой.

И когда Булукия увидал их, он испугался и, сойдя с дерева, пошел к берегу моря, намазал себе ноги соком, который был у него, и вошел во второе море. Он шел по поверхности моря ночи и дни и дошел до большой горы, а под горой находилась долина, которой не было конца, и камни в этой долине были магнитные, а из зверей были в ней львы, зайцы и пантеры. И Булукия влез на эту гору и бродил по ней с места на место, пока не спустился вечер, и тогда он присел под одним из холмиков на этой горе, близ моря, и стал есть сухую рыбу, которую море выбрасывало.

И когда он сидел и ел эту рыбу, вдруг подошла к нему большая пантера и хотела его растерзать, и Булукия обернулся к этой пантере и увидел, что она бросается на него, чтобы его растерзать, и тогда он намазал себе ноги соком, который был у него, и вошел в третье море, убегая от этой пантеры. И он пошел в темноте по поверхности воды, а ночь была черная, с великим ветром, и шел до тех пор, пока не подошел к острову. Он поднялся на этот остров и увидал там деревья, зеленые и высохшие, и тогда Булукия взял плодов с этих деревьев и поел, хваля Аллаха великого. И он ходил по острову, прогуливаясь, до вечерней поры, а потом он заснул на острове. Когда же настало утро, он принялся осматривать остров со всех сторон и гулял по нему в течение десяти дней, а потом он пошел на берег моря, намазал себе ноги и вошел в четвертое море. Он шел по поверхности воды ночью и днем, пока не дошел до одного острова, и он увидел, что земля на нем состоит из мягкого белого песка и там нет никаких деревьев или растений. И он прошел немного по острову и увидел, что из хищников там есть только хищные птицы, которые гнездятся в этом песке.

И, увидев это, Булукия намазал себе ноги и вошел в пятое море. И он пошел по поверхности воды и шел не переставая ночью и днем, пока не пришел к маленькому острову, где земля и горы были как хрусталь, и там залегали жилы, из которых добывают золото. На острове были диковинные деревья, подобных которым Булукия не видел во время своих странствий, и цветы там были такого цвета, как золото. И Булукия вышел на этот остров и гулял по нему до вечерней поры, а когда спустился на землю мрак, цветы начали светиться на острове, точно звезды. И подивился Булукия на этот остров и воскликнул: «Поистине, цветы, которые на этом острове,— те цветы, что высыхают на солнце и падают на землю; их сбивает ветром, и они

собираются под камнями и превращаются в эликсир, и их берут и делают из них золото!»

И Булукия проспал на этом острове до утренней поры, а на восходе солнца он намазал ноги соком, который был у него, и вошел в шестое море. Он шел ночи и дни, пока не приблизился к одному острову. И тогда он вышел на этот остров и, пройдя по нему некоторое время, увидел две горы, на которых было много деревьев, и плоды на этих деревьях были подобны человеческим головам, подвешенным за волосы. И увидел он там другие деревья, плоды которых были точно зеленые птицы, подвешенные за ноги, а были на острове и деревья, которые горели, как огонь, и плоды их были подобны алоэ, и всякий, на кого падала с них капля, обжигался. И увидел Булукия на острове плоды, которые плакали, и плоды, которые смеялись, и увидел он на этом острове много диковинок. И он прошел к берегу моря и увидел большое дерево и просидел под ним до вечерней поры, а когда наступила тьма, он влез на это дерево и стал размышлять о творениях Аллаха.

И вдруг море заволновалось, и вышли оттуда морские девы, и у каждой в руке был драгоценный камень, который сиял, как утренняя заря. И они шли, пока не пришли под это дерево, и сели и стали играть, плясать и веселиться, и Булукия смотрел на них, когда они проводили так время. И они продолжали играть до утра, а когда настало утро, вошли в море.

И Булукия подивился на них и, сойдя с дерева, помазал ноги соком, который был у него, и вошел в седьмое море. И он пошел и шел не переставая в течение двух месяцев и не видел ни горы, ни острова, ни суши, ни долины, ни берега, пока не перешел это море. И он терпел великий голод, так что даже стал хватать в море рыбу и есть ее сырой из-за сильного голода. И он шел таким образом, пока не достиг острова, где деревья были многочисленны и потоки полноводны; и вышел на этот остров и стал ходить по нему, осматриваясь направо и налево (а было это на заре). И он шел до тех пор, пока не подошел к яблоне, и тогда он протянул руку, чтобы поесть плодов с дерева, и вдруг какой-то человек закричал на него с этого дерева и сказал: «Если ты приблизишься к этому дереву и съешь с него что-нибудь, я разорву тебя пополам!»

И Булукия посмотрел на этого человека и увидел, что он — высокий, длиною в сорок локтей на меру людей того времени. И, увидев его, Булукия сильно испугался и не стал есть плодов с этого дерева. «Почему ты не даешь мне

поесть яблок с этого дерева?» — спросил Булукия человека. И тот сказал: «Потому что ты — сын Адама, и Адам, твой отец, забыл совет Аллаха и ослушался его и поел плодов с дерева».— «А кто ты такой, чей это остров и деревья и как твое имя?» — спросил Булукия. И человек ответил: «Мое имя — Шарахия, а эти деревья и остров принадлежат царю Сахру. Я — один из его помощников, и он поручил мне охранять этот остров». Потом Шарахия спросил Булукию: «Кто ты и откуда ты пришел в эти страны?» И Булукия рассказал ему свою историю с начала до конца. «Не бойся»,— сказал Шарахия, и потом он принес ему кое-чего поесть, и Булукия ел, пока не насытился, а затем он простился с Шарахией и ушел.

И он шел в течение десяти дней, и когда он шел среди гор и лесов, он вдруг увидел в воздухе густую пыль. И Булукия направился к этой пыли и услышал крики и удары и великий шум и продолжал идти на эту пыль, пока не пришел к большой долине, длиною в два месяца пути. И тогда Булукия внимательно посмотрел в сторону этого крика и увидел людей верхом на конях, которые сражались друг с другом, и кровь лилась так, что стала как река. Их голоса были точно гром, и в руках у них были копья, мечи, железные дубины, луки и стрелы, и они сражались великим боем. И Булукию охватил сильный страх, и он растерялся, не зная, что делать. И когда он стоял так, бойцы вдруг увидели его, и оставили друг друга, и прекратили сражение, а затем к Булукии подошла толпа их, и, приблизившись к нему, они стали дивиться его виду. И подошел к Булукии один всадник и спросил его: «Кто ты такой, откуда ты пришел, куда ты идешь и кто указал тебе эту дорогу, так что ты достиг наших стран?» — «Я из сынов Адама,— отвечал им Булукия,— и пришел, блуждая из-за любви к Мухаммаду, да благословит его Аллах и да приветствует, но я сбился с дороги».— «Мы никогда не видели сына Адама, и он не приходил в эту землю»,— ответил всадник, и все начали дивиться на Булукию и на его слова.

А потом Булукия спросил их и сказал: «Кто вы такие, о создания божии?» — И всадник ответил ему: «Мы из джиннов».— «О всадник,— спросил Булукия,— какова причина сражения между вами, где ваше жилище, как называется эта долина и эти земли?» — «Наше жилище — белая земля,— ответил ему всадник,— и каждый год Аллах великий приказывает нам приходить в эту землю и вести войну с неверными джиннами».— «А где белая земля?» — спросил Булукия. И всадник ответил: «За горой Каф, на

расстоянии семидесяти пяти лет пути, а эта земля называется землею Шаддада, сына Ада, и мы пришли сюда, чтобы вести здесь войну, и нет у нас другого дела, как возглашать славу Аллаху и святить его имя. У нас есть царь, которого зовут царь Сахр, и ты должен пойти с нами к нему, чтобы он тебя увидел и на тебя посмотрел».

И затем они пошли, и Булукия с ними, и пришли в свои жилища, и Булукия увидел большие шатры из зеленого шелка, число которых знает только Аллах великий, и увидел он, что среди них поставлен шатер из красного шелка, объемом в тысячу локтей, веревки которого были из синего шелка, а колья — золотые и серебряные. И Булукия удивился этому шатру, и его вели до тех пор, пока не подвели к нему, и оказалось, что это шатер царя Сахра. И Булукию ввели в шатер и привели к царю Сахру, и Булукия посмотрел на царя и увидел, что он сидит на большом ложе из червонного золота, украшенном жемчугом и драгоценными камнями, и справа от него — цари джиннов, и слева — мудрецы, эмиры, вельможи и писцы. И, увидев Булукию, царь Сахр приказал ввести его к себе, и Булукию ввели к царю, и он подошел и приветствовал его и поцеловал перед ним землю, и царь ответил на его приветствие и сказал ему: «Приблизься ко мне, о человек».

И Булукия приблизился к нему, так что оказался прямо перед ним, и тогда царь Сахр приказал поставить ему ложе рядом с своим, и ему поставили ложе подле царя, и царь Сахр велел ему сесть, и когда Булукия сел, царь спросил его: «Кто ты такой?» И Булукия ответил: «Я сын Адама из сынов Исраиля».— «Расскажи мне твою историю и поведай мне, что с тобой случилось и как ты пришел в эту землю»,— сказал царь. И Булукия рассказал ему обо всем, что с ним случилось во время его странствий, с начала до конца, и царь Сахр удивился его словам. А затем он приказал слугам принести трапезу, и они принесли трапезу и разложили ее, и после этого принесли блюда из червонного золота, блюда серебряные и блюда медные, и на некоторых блюдах было пятьдесят отварных верблюдов, на некоторых — двадцать верблюдов, а на других пятьдесят быков, а число этих блюд было тысяча пятьсот. И, увидев это, Булукия до крайности удивился, а потом джинны стали есть, и Булукия ел с ними, пока не насытился, и восхвалил Аллаха великого. А потом убрали кушанье и принесли плоды, и джинны поели, а затем после этого прославили Аллаха великого и помолились о пророке его Мухаммаде, да благословит его Аллах и да приветствует!

И когда Булукия услышал упоминание о Мухаммаде, он изумился и сказал царю Сахру: «Я хочу задать тебе несколько вопросов».— «Спрашивай о чем хочешь»,— ответил царь Сахр. И тогда Булукия сказал ему: «О царь, кто вы такие, откуда вы происходите и откуда знаете вы Мухаммада, что молитесь о нем и любите его?»

«О Булукия,— ответил ему царь Сахр,— Аллах великий создал адского огня семь слоев, один над другим, и между каждым слоем тысяча лет пути. И первому слою он дал название Джаха́ннам и уготовал его для ослушников из правоверных, которые умерли без покаяния; а название второго слоя — Лаза́, и уготовал он его для неверных. Название третьего слоя — аль-Джахи́м, и Аллах уготовал его для Яджуджа и Маджуджа; название четвертого слоя — ас-Сайр, и Аллах великий уготовал его для племени иблиса; название пятого слоя — Сакар, и уготовал его Аллах для переставших молиться; название шестого слоя — аль-Ху́тама, и уготовал он его для евреев и христиан; название седьмого слоя — аль-Ха́вия, и уготовал его Аллах для лицемеров. Вот каковы эти семь слоев».

«Может быть, Джаханнам — самый легкий из всех по наказанию, так как это верхний слой?» — спросил Булукия. И царь Сахр ответил ему: «Да, он самый легкий из всех по наказанию, но вместе с тем в нем тысяча огненных гор и под каждой горой семьдесят тысяч огненных долин, а в каждой долине семьдесят тысяч огненных городов, а в каждом городе семьдесят тысяч огненных крепостей, а в каждой крепости семьдесят тысяч огненных помещений, а в каждом помещении семьдесят тысяч огненных ложей, а на каждом ложе семьдесят тысяч способов мучения. И нет среди всех слоев адского огня, о Булукия, более легких мучений, чем муки Джаханнама, так как это — первый слой; что же до остальных, то число разных мучений, которые в них заключаются, знает только Аллах великий».

И когда Булукия услышал от царя Сахра такие слова, он упал, покрытый беспамятством, а очнувшись от обморока, он заплакал и сказал: «О царь, где же будем мы?» — «О Булукия,— ответил ему царь Сахр,— не бойся и знай, что всякого, кто любит Мухаммада, не сжигает огонь, и он освобожден ради Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, и от всякого, кто принадлежит к его вере, огонь убегает. Что же до нас, то Аллах сотворил нас из огня. Когда Аллах впервые создал тварей в геенне, он сотворил двух существ из своего войска, одного из которых

звали Халит, а другого — Малит, и он создал Халита в образе льва, а Малита — в образе волка. И хвост Малита имел образ женский и был белого с черным цвета, а хвост Халита имел образ мужеский и облик черепахи, и был хвост Халита длиною в двадцать лет пути. И потом Аллах великий приказал их хвостам соединиться друг с другом и совокупиться, и родились от них змеи и скорпионы, и жилище их в огне, чтобы мучил Аллах ими тех, кто туда попадет. И эти змеи и скорпионы расплодились и размножились, и потом после этого Аллах великий приказал им соединиться и совокупиться второй раз, и они соединились и совокупились, и хвост Малита понес от хвоста Халита, а когда он разрешился, у него родились семь существ мужеского пола и семь существ женского пола. И их кормили, пока они не выросли, а когда они выросли, женские существа вышли замуж за мужские, и они слушались своего отца, кроме одного: он ослушался своего отца и превратился в червя, и этот червь и есть иблис (да проклянет его Аллах великий!). А был он из существ приближенных и поклонялся Аллаху великому, пока не поднялся на небо и приблизился он ко всемилостивому и стал главою приближенных. А когда Аллах великий создал Адама, да будет мир с ним, он приказал иблису пасть перед ним ниц, но иблис отказался, и Аллах великий прогнал его и проклял. И когда иблис расплодился, пошли от него шайтаны. Что же до шести мужеских существ, которые были до него, то это — правоверные джинны, и мы из их потомства, и вот каково наше происхождение, о Булукия».

И удивился Булукия словам царя Сахра, а потом он сказал ему: «О царь, я хочу, чтобы ты приказал одному из твоих помощников доставить меня в мою страну».— «Мы можем сделать что-нибудь такое, только если прикажет нам Аллах великий,— ответил ему царь Сахр,— но если ты хочешь уйти от нас, о Булукия, я велю привести тебе коня из моих лошадей и посажу тебя ему на спину и велю ему везти тебя до конца земель, мне подвластных; а когда ты достигнешь конца земель, мне подвластных, тебя встретят люди царя, которого зовут Барахия, и, увидя коня, они узнают его, снимут тебя с его спины и пошлют его обратно. Вот что мы можем, и ничего больше».

Услышав эти слова, Булукия заплакал и сказал царю: «Делай что хочешь!» И царь велел привести ему коня, и Булукии привели коня и посадили юношу ему на спину и сказали: «Остерегайся сойти с его спины, ударить его или закричать на него: если ты это сделаешь, он тебя погубит.

Оставайся спокойно на нем, пока он не остановится, а тогда сойди с его спины и уходи своей дорогой».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал Булукия.

А потом он сел на коня и ехал среди палаток в течение долгого срока, но проехал лишь мимо кухни царя Сахра. И Булукия увидел подвешенные котлы, в каждом из которых было пятьдесят верблюдов, а под котлами пылал огонь. И когда увидел Булукия эти котлы и их величину, он стал в них вглядываться и дивился на них великим удивлением, все время разглядывая их. И царь посмотрел на него и увидел, что он дивится на эту кухню. И подумал царь про себя, что Булукия голоден, и велел принести двух жареных верблюдов, и жареных верблюдов принесли и привязали их на спину коня, сзади Булукии. А потом Булукия простился со всеми и ехал, пока не достиг конца земель, подвластных царю Сахру. И тогда конь остановился, и Булукия спешился, стряхивая дорожную пыль со своей одежды. И вдруг какие-то люди подошли к нему, и, увидев коня, узнали его, и взяли его с собой, и пошли (а Булукия был с ними), и пришли к царю Барахии. И, войдя к царю Барахии, Булукия приветствовал его, и царь ответил на его приветствие.

А потом Булукия посмотрел на царя и увидел, что он сидит в большом шатре, окруженный воинами и витязями, и цари джиннов стоят от него справа и слева. И царь велел Булукии приблизиться к нему, и Булукия подошел, и царь посадил его с собою рядом и велел принести трапезу. И Булукия посмотрел, каков царь Барахия, и увидел, что он подобен царю Сахру, а когда подали кушанья, все стали есть, и Булукия ел, пока не насытился, и прославил великого Аллаха. А потом трапезу убрали и принесли плоды и поели.

И после этого царь Барахия спросил Булукию и сказал ему: «Когда ты расстался с царем Сахром?» — «Два дня тому назад»,— отвечал Булукия. «А знаешь ли ты,— спросил царь Барахия Булукию,— расстояние в сколько дней ты проехал за эти два дня?» — «Нет»,— отвечал Булукия. И царь Барахия сказал: «Расстояние в семьдесят месяцев, но, только когда ты сел на коня, он испугался, поняв, что ты — сын Адама, и хотел сбросить тебя со спины, но его отягчили теми двумя верблюдами». И, услышав от царя Барахии такие слова, Булукия удивился и прославил великого Аллаха за спасение.

А потом царь Барахия сказал: «Расскажи мне, что случилось с тобой и как ты прибыл в эти страны». И Булу-

кия рассказал ему о том, что с ним случилось и как он пошел странствовать и пришел в эти земли, и когда царь услышал его слова, он удивился. И Булукия провел у него два месяца».

Услышав слова царицы змей, Хасиб удивился до крайней степени, а затем он сказал ей: «Я хочу от тебя милости и благодеяния: прикажи одному из твоих помощников вывести меня на лик земли, и я уйду к своей матери».— «О Хасиб Карим ад-дин,— сказала ему царица змей,— знай, что, когда ты выйдешь на лик земли, ты пойдешь к своим родным и затем сходишь в баню и помоешься, и едва только ты кончишь мыться, я умру, так как это будет причиной моей смерти».— «Клянусь тебе,— воскликнул Хасиб,— я всю жизнь не пойду в баню, а когда мне станет необходимо помыться, я помоюсь дома!» — «Если бы ты дал мне сто клятв,— сказала царица змей,— я бы тебе не поверила. Этого не будет, и знай, что ты — сын Адама и нет для тебя обета, так как твой отец Адам дал обет Аллаху и нарушил свой обет. Аллах месил его глину сорок дней и приказал ангелам пасть перед ним ниц, а он после этого не исполнил обета и забыл его и ослушался приказания своего господа».

Услышав эти слова, Хасиб промолчал и стал плакать и провел плача десять дней, а затем он сказал царице змей: «Расскажи мне, что случилось с Булукией после того, как он прожил два месяца у царя Барахии».

«Знай, о Хасиб,— сказала царица змей,— что после того, как Булукия пожил у царя Барахии, он простился с ним и шел по пустыням ночью и днем, пока не достиг высокой горы, и он поднялся на эту гору, и увидел на вершине ее большого ангела, который сидел на горе, и поминал Аллаха великого, и молился за Мухаммада. А перед ангелом была доска, на которой было написано что-то белое и что-то черное, и он смотрел на доску, и было у него два крыла: одно — протянутое на восток, а другое — протянутое на запад.

И Булукия подошел к ангелу и приветствовал его, и тот ответил на его привет, а после этого ангел спросил Булукию: «Кто ты, откуда ты пришел, куда идешь и как твое имя?» — «Я из сынов Адама, из племени сынов Исраиля,— ответил ему Булукия,— и странствую из любви к Мухаммаду, да благословит его Аллах и да приветствует, а имя мое — Булукия».— «А что с тобой случилось, пока ты шел в эту землю?» — спросил его ангел. И Булукия рассказал ему обо всем, что с ним случилось и что он видел во время

своих странствований, и, услышав от Булукии такие слова, ангел удивился. А потом Булукия спросил ангела: «Расскажи мне, что это за доска, и что на ней написано, и что это за дело ты делаешь, и как твое имя?» И ангел отвечал: «Мое имя Микаиль, и мне поручено управлять днем и ночью, и это мое дело до дня воскресения». И, услышав эти слова, Булукия удивился им, и внешности этого ангела, и величию его облика, а потом Булукия попрощался с ангелом и шел днем и ночью, пока не достиг большого луга.

И он прошел по этому лугу и увидел там семь рек и много деревьев, и удивился Булукия этому большому лугу и стал ходить по нему во все стороны. И он увидел на нем большое дерево, а под деревом четырех ангелов, и, подойдя к ним, он рассмотрел их и увидел, что у одного из них внешность — как у сынов Адама, а у другого — как у дикого зверя, третий походил на птицу, а четвертый на быка. И они заняты поминанием Аллаха великого, и каждый из них говорит: «Бог мой, господин и владыка, ради твоей истинности и ради сана твоего пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, прости всякой твари, которую ты сотворил по моему подобию, и извини ей. Ты ведь властен во всем!»

И когда услышал Булукия, удивился и ушел от них, и шел ночью и днем, пока не дошел до горы Каф. И он взобрался на эту гору и увидел там большого ангела, который сидел и прославлял Аллаха великого, святя его имя и молясь за Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, и увидел он, что этот ангел что-то сжимает и выпускает и свивает и развивает. И когда он был занят этим делом, вдруг подошел к нему Булукия и приветствовал его, и ангел ответил на его приветствие и спросил: «Кто ты такой, откуда ты пришел, и куда ты идешь, и как твое имя?» — «Я из сынов Исраиля, сынов Адама,— ответил ему Булукия.— Мое имя — Булукия, и я странствую из-за любви к Мухаммаду, но я сбился с дороги». И он рассказал ему все, что с ним случилось.

И когда Булукия кончил свой рассказ, он спросил ангела: «Кто ты такой, какая это гора и что это за дело, которым ты занят?» — «Знай, о Булукия,— ответил ему ангел,— что это гора Каф, которая окружает мир, и всякую землю, которую сотворил Аллах, я держу зажатой в руке. И когда Аллах великий хочет учинить на этой земле какое-нибудь землетрясение, или недород, или урожай, или сражение, или примирение, он приказывает мне это сделать, и я делаю это, находясь на месте. Знай, что моя рука

сжимает жилы земли».— «А сотворил ли Аллах на горе Каф другую землю, кроме той, на которой ты находишься?» — спросил Булукия ангела. И ангел ответил: «Да, он сотворил землю белую, как серебро, и никто не знает меры ее протяжения, кроме Аллаха великого. Он населил ее ангелами, чья еда и питье — хвала Аллаху и освящение его имени и многие молитвы о Мухаммаде, да благословит его Аллах и да приветствует! В вечер всякой пятницы они приходят на эту гору и собираются здесь и молятся Аллаху великому всю ночь, до времени утра, и они дарят награду за это прославление и освящение и поклонение согрешившим из народа Мухаммада и всякому, кто совершил пятничное омовение, и таковы будут их обстоятельства до дня воскресения».

Потом Булукия спросил ангела: «Сотворил ли Аллах какие-нибудь горы позади горы Каф?» — «Да,— ответил ангел,— за горой Каф — гора величиной в пятьсот лет пути, и состоит она из снега и града. Это она отводит от мира жар геенны, и, если бы не эта гора, мир наверное бы сгорел от жара огня геенны. Позади горы Каф — сорок земель, каждая земля — сорок раз такая, как мир, и одна земля — из золота, одна — из серебра и одна — из яхонтов, и всякая земля из этих земель имеет свой цвет. И Аллах населил эти земли ангелами, у которых нет иного дела, как восхвалять Аллаха, святить его имя и восклицать: «Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик!» Они призывают Аллаха великого к народу Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует! И не знают ни Евы, ни Адама, ни ночи, ни дня.

И знай, о Булукия, что земли расположены семью рядами, одна над другой, и Аллах сотворил ангела из ангелов своих (не знает его свойств и размеров никто, кроме Аллаха великого, славного!), который несет семь земель на своих плечах. А под этим ангелом сотворил Аллах великий скалу, а под скалой Аллах великий сотворил быка, а под быком сотворил Аллах великий рыбу, а под рыбой сотворил Аллах великий большое море. И осведомил Аллах великий Ису (мир с ним!) об этой рыбе. И сказал ему Иса: «О господи, покажи мне эту рыбу, чтобы я посмотрел на нее». И приказал Аллах великий одному из ангелов взять Ису и свести его к этой рыбе, чтобы он посмотрел на нее; и пришел этот ангел к Исе, и привел его к морю, в котором была эта рыба, и сказал: «Посмотри, о Иса, на эту рыбу!» И Иса посмотрел на рыбу и не увидел ее, прошла рыба мимо Исы, как молния. И, увидев это, Иса упал без памяти.

А когда он очнулся, Аллах ниспослал ему такие слова: «О Иса, видел ли ты рыбу и знаешь ли ты, какой она длины, ширины? И ответил Иса: «Клянусь твоим величием и славою, о господи, я ее не видел, но прошел мимо меня большой бык, размером в три дня пути, и не знал я, что это за бык». И сказал Аллах: «О Иса, то, что прошло мимо тебя и было размером в три дня пути, это только голова быка! И знай, о Иса, что я каждый день творю сорок рыб таких, как эта рыба». И, услышав эти слова, подивился Иса могуществу Аллаха великого.

Потом Булукия спросил ангела: «Что сотворил Аллах великий под морем, в котором эта рыба?» И ангел ответил ему: «Сотворил Аллах под этим морем большую пропасть, а под пропастью сотворил Аллах огонь, а под огнем сотворил Аллах большую змею по имени Фалак, и если бы не страх этой змеи перед Аллахом великим, она наверное проглотила бы все то, что над нею: и пропасть, и огонь, и ангела, и то, что он несет на себе, и не почувствовала бы этого. И когда создал Аллах великий эту змею, он ниспослал ей такие слова: «Я хочу оставить у тебя залог, береги же его!» И змея сказала ему: «Делай что хочешь!» И сказал Аллах той змее: «Открой рот!» И змея открыла рот, и Аллах вложил ей в брюхо геенну и сказал: «Береги геенну до дня воскресения!» А когда придет день воскресения, Аллах прикажет своим ангелам, и они придут с цепями и приведут на них геенну к месту сбора, и прикажет Аллах геенне открыть свои ворота, и откроет она их, и полетят оттуда большие искры, больше горы.

И, услышав от ангела эти слова, Булукия горько заплакал, а затем он простился с ангелом, и пошел в сторону запада, и шел до тех пор, пока не дошел до двух существ. И увидел он, что они сидят и рядом с ними большие запертые ворота. И, приблизившись к ним, он увидел, что у одного из этих существ облик льва, а у другого — облик быка. И Булукия приветствовал их, и они ответили на его приветствие, а затем они спросили его и сказали: «Кто ты такой, откуда ты пришел и куда идешь?» — «Я из сынов Адама,— ответил им Булукия,— и я странствую из-за любви к Мухаммаду, но только я сбился с дороги». Потом Булукия спросил этих существ и сказал им: «Кто вы такие и что это подле вас за ворота?» И они ответили: «Мы сторожа у этих ворот, которые ты видишь, и нет у нас дела, кроме как славить Аллаха и святить его имя и молиться за Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует!» И, услышав эти слова, Булукия удивился и спросил: «Что

находится за этими воротами?» И сторожа ответили: «Мы не знаем!» — «Заклинаю вас великим вашим господом, откройте мне эти ворота, и я посмотрю, что находится за ними»,— сказал Булукия. И сторожа ответили: «Мы не можем их открыть, и не может их открыть никто из сотворенных, кроме Джибриля-верного (мир с ним!)».

И, услышав эти слова, Булукия взмолился к Аллаху великому и воскликнул: «О господи, приведи ко мне верного Джибриля, чтобы открыл он мне эти ворота и я посмотрел бы, что есть за ними!» И Аллах внял его молитве и повелел верному Джибрилю спуститься на землю и открыть Ворота Слияния Двух Морей, чтобы посмотрел на все Булукия. И спустился Джибриль к Булукии и приветствовал его и, подойдя к воротам, отпер их, а потом Джибриль сказал Булукии: «Войди в эти ворота, Аллах велел мне открыть их для тебя».

И Булукия вошел в ворота и пошел дальше, а Джибриль запер ворота и поднялся на небо. И Булукия увидел за воротами большое море — наполовину соленое, наполовину пресное, и море окружали две горы, и были эти горы из красного яхонта. И Булукия шел, пока не дошел до этих гор, и увидел он на них ангелов, занятых прославлением Аллаха и освящением его имени. И, увидав этих ангелов, Булукия приветствовал их, и они ответили на его приветствие, и тогда Булукия спросил их про море и про горы, и ангелы сказали ему: «Это место находится под престолом Аллаха, а это море заливает все моря на земле. Мы делим эту воду и гоним ее в земли: соленую — в земли соленые, а пресную — в земли пресные. А эти горы создал Аллах для того, чтобы охранять эту воду, и таково будет наше дело до дня воскресения».

Потом ангелы спросили Булукию и сказали ему: «Откуда ты пришел и куда идешь?» И Булукия рассказал им свою историю с начала до конца. А потом Булукия спросил у ангелов дорогу, и они сказали: «Иди здесь по поверхности моря». И Булукия взял соку, который был у него, и помазал им ноги и простился с ангелами и пошел по поверхности моря. И он шел ночью и днем. И когда он шел, он вдруг увидел прекрасного юношу, который шел по поверхности моря. И Булукия подошел к юноше и приветствовал его, и юноша ответил на его приветствие, и Булукия расстался с юношей и увидел четырех ангелов, которые шли по лику моря, и ход их был подобен поражающей молнии. И Булукия пошел вперед и остановился на их дороге.

И когда ангелы дошли до него, Булукия приветствовал

их и сказал: «Я хочу спросить вас, во имя великого, славного: как ваше имя, откуда вы пришли и куда вы идете?» И один из ангелов сказал: «Мое имя — Джибриль, а имя второго — Исрафиль, третьего — Микаиль, а четвертого — Исраиль. На востоке появился большой дракон, и этот дракон разрушил тысячу городов и сожрал их жителей, и Аллах великий приказал нам пойти к нему и схватить его и бросить в геенну». И Булукия удивился этим ангелам и их величию, и пошел по своему обычаю, и шел ночью и днем, пока не пришел к одному острову. И он вышел на этот остров и шел по нему некоторое время и увидел прекрасного юношу, лицо которого блистало светом, и, когда Булукия приблизился к этому юноше, он увидел, что тот сидит между двумя высокими гробницами и рыдает и плачет. И Булукия подошел к нему и приветствовал его, а юноша ответил на его приветствие; и Булукия спросил юношу: «Что с тобой, как твое имя и что это за гробницы, между которыми ты сидишь? Что означает этот плач, тебя одолевший?» И юноша обернулся к Булукии и заплакал, так что промочил слезами свою одежду, и сказал Булукии: «Знай, о брат мой, что повесть моя удивительна и история моя диковинна. Я хотел бы, чтобы ты сел подле меня и рассказал мне, что ты видел в жизни, почему ты пришел в это место, как твое имя и куда ты идешь, и я тоже расскажу тебе свою историю».

И Булукия сел рядом с юношей и рассказал ему обо всем, что выпало ему во время его странствований, с начала до конца, и рассказал, как умер его отец, оставив его, и как он отпер комнату и увидел в ней сундук, и как увидел он книгу, в которой было описание Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, и сердце его привязалось к нему, и он пошел странствовать из-за любви к нему, и рассказал обо всем, что ему выпало до тех пор, пока не пришел он к юноше. «Вот моя история полностью, а Аллах лучше знает правду,— сказал он,— и я не знаю, что случится со мною после этого».

И, услышав его слова, юноша вздохнул и сказал: «О несчастный, что ты видел в жизни! Знай, о Булукия, что я видел господина нашего Сулеймана в его время и разные вещи, которых не счесть и не перечислить. Моя повесть удивительна, и история моя диковинна, и я хочу, чтобы ты посидел подле меня, пока я расскажу тебе мою историю и поведаю тебе, почему я сижу здесь».

И когда Хасиб услышал эти слова от змеи, он удивился и сказал: «О царица змей, ради Аллаха отпусти меня на

волю и прикажи одному из твоих слуг вывести меня на лик земли, а я дам тебе клятву, что не войду в баню всю мою жизнь».— «Это дело, которого не будет! — отвечала царица змей.— И я не поверю твоей клятве!» И, услышав это, Хасиб заплакал, и все змеи заплакали из-за него и стали просить за него царицу змей, говоря: «Мы хотим, чтобы ты приказала одной из нас вывести его на лик земли, и он даст тебе клятву не ходить в баню всю жизнь».

А царицу змей звали Ямлиха. И когда Ямлиха услышала от них эти слова, она подошла к Хасибу и взяла с него клятву, и Хасиб поклялся. А потом она приказала одной из змей вывести его на лик земли. И когда эта змея пришла, чтобы вывести его, Хасиб сказал царице змей: «Я хочу, чтобы ты рассказала мне историю юноши, подле которого сел Булукия, увидя его сидящим между двух могил».

«Знай, о Хасиб,— сказала тогда царица змей,— что Булукия сел около этого юноши и рассказал ему всю свою историю, с начала до конца, чтобы юноша тоже рассказал ему свою повесть и поведал ему, что случилось с ним в жизни, осведомив его, почему он сидит меж могилами. И когда Булукия рассказал юноше свою повесть, тот воскликнул: «И какие ты видал диковины, о несчастный! Я видел господина нашего Сулеймана в его время и разные диковины, которых не счесть и не перечислить.

Знай, о брат мой, что мой отец был царем, и звали его царь Тайгамус. Он правил страной Кабуль и племенем Бану Шахлан, а в нем десять тысяч богатырей, и каждый богатырь из них правит сотнею городов и сотнею крепостей со стенами. И мой отец властвовал над семью султанами, и к нему несли деньги от востока до запада, и был он справедлив в своем правлении. Аллах даровал ему все это и ниспослал ему столь великую власть, но не было у него сына. И имел он в жизни одно желание: чтобы наделил его Аллах ребенком мужеского пола и тот заменил бы его в царстве после его смерти.

И случилось в один из дней, что он потребовал к себе мудрецов, звездочетов, ученых и составителей календарей и сказал им: «Посмотрите мой гороскоп: наделит ли меня Аллах при жизни ребенком мужеского пола, который заменит меня в царстве!» И открыли звездочеты книги и вычислили его гороскоп и ту звезду, которая была для него в восхождении, и сказали: «Знай, о царь, что ты получишь ребенка мужеского пола, и будет этот ребенок только от дочери царя Хорасанского».

И когда услышал это от них Тайгамус, он несказанно

обрадовался и дал звездочетам и мудрецам большие деньги, которых не счесть и не исчислить, и они ушли своей дорогой. А у царя Тайгамуса был старый вазир, и был это великий богатырь, стоивший тысячи всадников, и звали его Айн Зар. И сказал ему Тайгамус: «О вазир, я хочу, чтобы ты собрался в путь в страну Хорасан и посватал за меня дочь царя Бахравана, царя Хорасанского». И царь Тайгамус рассказал своему вазиру Айн Зару о том, что сообщили ему звездочеты. И, услышав слова царя Тайгамуса, вазир тотчас же ушел и снарядился в путь. А потом он вышел за город с витязями и воинами, и вот то, что было с вазиром.

Что же касается царя Тайгамуса, то он собрал тысячу пятьсот вьюков шелка, драгоценных камней, жемчуга, яхонтов, золота, серебра и дорогих металлов и приготовил во множестве все нужное для свадьбы и, погрузив тюки на верблюдов и мулов, вручил их своему вазиру Айн Зару и написал письмо такого содержания: «После славословия Аллаху — привет царю Бахравану! Знай, что мы собрали звездочетов, мудрецов и составителей календарей, и они рассказали нам, что нам достанется ребенок мужеского пола, но будет этот сын только от твоей дочери. Я снарядил и посылаю к тебе вазира Айн Зара и с ним многие вещи из принадлежностей свадьбы, и я поставил моего вазира вместо себя в этом деле и поручил ему составить брачный договор. Я хочу от твоей милости, чтобы ты исполнил просьбу вазира — это моя просьба. Не допускай же в этом деле небрежения или отсрочки; то благо, которое ты сделаешь, от тебя принято, но берегись ослушаться нас. Знай, о царь Бахраван, что Аллах ниспослал мне власть над землей Кабуль, и сделал меня царем племени Бану Шахлан, и даровал мне великое царство, и, если я женюсь на твоей дочери, мы будем с тобою в царстве как один, и я стану посылать тебе ежегодно столько денег, сколько ты захочешь. Вот чего я хочу от тебя».

Потом царь Тайгамус запечатал письмо и передал его своему вазиру Айн Зару и приказал ему ехать в страну Хорасан. И вазир ехал, пока не приблизился к городу царя Бахравана, и царя известили о прибытии вазира царя Тайгамуса. И, услышав это, царь Бахраван послал эмиров своего царства его встречать, и отправил с ними еду и питье со всем прочим, и дал им корму для коней, и велел им ехать навстречу вазиру Айн Зару. И они погрузили вьюки и ехали до тех пор, пока не подъехали к вазиру, и тогда они сложили тюки, и воины спешились и приветствовали друг друга. Они оставались на этом месте десять дней, занятые

едой и питьем, а затем они сели на коней и поехали в город.

И царь Бахраван вышел встречать вазира царя Тайгамуса, и обнял его, и приветствовал, и, взяв его с собою, направился в крепость, а потом вазир передал все богатые дары и редкости царю Бахравану и вручил ему письмо. И царь Бахраван взял его, и прочитал, и узнал, что в нем сказано, и понял его смысл. Он несказанно обрадовался и сказал вазиру: «Добро пожаловать! — и воскликнул: — Радуйся исполнению того, что ты хочешь! Если бы царь Тайгамус потребовал мою жизнь, я бы отдал ее ему!» И царь Бахраван тотчас же пошел к своей дочери и ее матери и близким и осведомил их об этом деле и спросил у них совета, и они сказали ему: «Делай что хочешь!» А потом царь Бахраван вернулся к вазиру Айн Зару и осведомил его о том, что его просьба удовлетворена. И вазир провел у царя Бахравана два месяца, и потом он сказал царю: «Мы хотим, чтобы ты пожаловал нам то, за чем мы к тебе пришли, и мы уедем в нашу страну». И царь ответил вазиру: «Слушаю и повинуюсь!» — а затем он велел устраивать свадьбу и готовить приданое. И сделали так, как он приказал, а после этого царь велел позвать вазиров и всех эмиров из вельмож его царства, и все они явились, и царь приказал привести монахов и священников, и они пришли и заключили договор царской дочери с царем Тайгамусом. И царь Бахраван приготовил все нужное для путешествия и дал своей дочери подарки, редкости и драгоценности, описывать которые устанет язык, и приказал устлать коврами улицы города и украсить его самым лучшим образом. И вазир Айн Зар увез дочь царя Бахравана в свою страну.

И когда дошел слух о его прибытии до царя Тайгамуса, он велел устраивать свадьбу и украшать город. А потом он вошел к дочери царя Бахравана и уничтожил ее девственность, и прошло лишь немного дней, и она зачала от него. Когда же завершился ее срок, она родила дитя мужеского пола, подобное луне в ночь ее полноты. И, узнав, что его жена родила прекрасного сына, царь Тайгамус несказанно обрадовался. Он призвал мудрецов, звездочетов и составителей календарей и сказал им: «Я желаю, чтобы вы посмотрели гороскоп этого младенца и звезду, которая для него в восхождении, и рассказали бы мне, что он испытает в жизни».

И мудрецы со звездочетами вычислили его гороскоп и звезду, которая была для него в восхождении, и увидели, что дитя будет счастливым, но ему выпадут в начале жизни тяготы, и случится это, когда он достигнет пятнадцати лет

«И если он останется после этого жив,— сказали они,— то увидит великие блага и станет великим царем, больше своего отца, и увеличится его счастье, и погибнут его противники, и будет он жить приятной жизнью, а если умрет, то нет пути к тому, что миновало, и Аллах лучше знает правду».

И когда услыхал это царь, он обрадовался великою радостью и назвал сына Джаншахом. Он отдал его кормилицам и нянькам и дал ему хорошее воспитание, и, когда мальчик достиг пяти лет, отец научил его читать, и Джаншах стал читать Евангелие. И научил его царь воевать и владеть копьем и мечом, когда было ему меньше семи лет, и стал мальчик выезжать на охоту и ловлю и сделался великим богатырем, совершенным во всех видах военной доблести. И всякий раз, как его отец слышал о его доблести во всех видах военного искусства, он гордился и радовался.

И случилось однажды, что царь Тайгамус приказал своим воинам выезжать на охоту и ловлю, и выехали воины, и сел на коня царь Тайгамус со своим сыном Джаншахом, и поехали они в степи и пустыни. И они занимались охотой и ловлей до вечера третьего дня, и попалась Джаншаху газель диковинного цвета и помчалась перед ним. И когда увидел Джаншах эту газель, которая мчалась перед ним, он последовал за ней и быстро понесся ей вслед, когда она убегала. И отделились семь мамлюков Тайгамуса и поехали следом за Джаншахом, и, когда они увидели своего господина, который спешил, мчась за газелью, они поспешно отправились за ним следом на быстрых конях и ехали до тех пор, пока не подъехали к морю. И все они ринулись за газелью, чтобы схватить ее как добычу, и газель побежала от них и бросилась в море. А у берега была рыбачья лодка, и газель прыгнула в нее, и Джаншах с мамлюками сошли с коней и, войдя в лодку, захватили газель и хотели вернуться с нею на сушу. Но вдруг Джаншах увидел большой остров и сказал мамлюкам, которые были с ним: «Я хочу отправиться на этот остров!» И мамлюки сказали: «Слушаем и повинуемся!» — и поехали на лодке в сторону острова. И, подъехав к острову, они вышли и стали гулять по нему, а потом вернулись к лодке и, сев в нее, направились к тому берегу, от которого они приплыли. И спустился вечер, и они заблудились в море, и подул на них ветер и выгнал лодку на середину моря. А Джаншах с мамлюками проспали до утра и проснулись, не зная где находятся, и плыли по морю.

Вот что было с ними. Что же касается царя Тайгамуса,

отца Джаншаха, то он хватился своего сына, но не увидел его. И тогда он отрядил своих воинов ехать по разным дорогам, и стали они кружить, разыскивая сына царя Тайгамуса. И один отряд отправился к морю, и воины увидели мамлюка, который остался у коней, и подошли к нему и спросили про его господина и про шесть других мамлюков; мамлюк рассказал им о том, что с ними случилось. И воины взяли этого мамлюка и коней и вернулись к царю и рассказали ему об этом деле, и, услышав их слова, царь горько заплакал и сбросил с головы венец и стал кусать себе руки от горя. Он тотчас же поднялся, и написал письма, и разослал их по морским островам, и, собрав сто кораблей, посадил на них воинов, и велел им кружить по морю и искать его сына Джаншаха. И потом царь взял остальных воинов, и вернулся в город, и впал в великое огорчение, а когда узнала обо всем мать Джаншаха, она стала бить себя по лицу и оплакивать своего сына.

Вот что было с ними. Что же касается Джаншаха и мамлюков, которые были с ним, то они не переставая блуждали по морю, а разведчики все это время разыскивали их в море в течение десяти дней, но не нашли и вернулись к царю и рассказали ему об этом. А на Джаншаха и мамлюков, которые были с ним, подул сильный ветер и гнал лодку, в которой они находились, пока не пригнал их к одному острову. И Джаншах с шестью мамлюками вышли из лодки и ходили по этому острову, пока не пришли к ручью, бежавшему посередине острова. Они увидели издали человека, который сидел близ ручья, и, подойдя к нему, приветствовали его, и человек ответил на приветствие. А потом он заговорил с ними словами, похожими на птичий свист; и, услышав речь этого человека, Джаншах удивился. И человек оглянулся направо и налево, и, пока Джаншах с мамлюками дивились на него, он вдруг разделился на две половины, и каждая половина пошла в свою сторону.

И в это время вдруг подошли к ним со стороны гор неведомые люди, и их нельзя было ни счесть и ни исчислить. И когда они достигли ручья, каждый из них разделился на две половины. И они подошли к Джаншаху и мамлюкам, чтобы их съесть. И когда Джаншах увидел, что они хотят его съесть, он побежал, и мамлюки побежали за ним следом. И эти люди последовали за ними и съели из мамлюков троих, а трое остались с Джаншахом. И Джаншах сел в лодку вместе с теми тремя мамлюками, и они направили лодку в середину моря и ехали ночью и днем, не зная, куда держат путь.

А потом они зарезали газель и стали есть ее мясо, и ветер подул и бросил их к другому острову. И, посмотрев на этот остров, они увидали на нем деревья, реки и сады, где были всевозможные плоды, и каналы текли под деревьями, и был этот остров подобен раю. И когда Джаншах увидел зтот остров, он ему понравился, и царевич спросил мамлюков: «Кто из вас выйдет на зтот остров и посмотрит для нас, что там делается?» — «Я выйду и разведаю для вас, что там делается, и вернусь к вам»,— сказал один из мамлюков. Но Джаншах воскликнул: «Это дело невозможное! Вы выйдете втроем и разведаете, что делается на зтом острове, а я посижу в лодке, пока вы не вернетесь». После зтого Джаншах высадил зтих троих мамлюков, чтобы они разведали, что делается на острове.

Мамлюки, выйдя на остров, прошли там на восток и на запад, но не нашли на острове никого. И они дошли до середины острова и увидели вдали крепость из белого мрамора, и помещения в ней были из прозрачного хрусталя, а посередине зтой крепости находился сад, где были плоды, сухие и свежие, выше всяческого описания, и в саду были разные цветы. И мамлюки увидели в этой крепости деревья и плоды, и птицы щебетали на зтих деревьях, и был там большой пруд, а рядом с прудом — большой портик, под которым были поставлены сиденья, и посреди них стояло ложе из червонного золота, украшенное всевозможными драгоценными каменьями. И когда мамлюки увидали, как прекрасна зта крепость и зтот сад, они стали ходить в крепости направо и налево, но не нашли там никого. Потом они ушли из крепости и пошли к Джаншаху и осведомили его о том, что видели.

И когда Джаншах, сын царя, услышал от них зто известие, он воскликнул: «Мне необходимо посмотреть на зту крепость!» После этого Джаншах вышел из лодки, и мамлюки вышли с ним, и они пошли к крепости и вошли туда, и Джаншах удивился красоте зтого места. А потом они стали гулять по саду, и ели плоды, и ходили до вечера. А когда спустился вечер, они подошли к стоявшим там сиденьям, и Джаншах сел на ложе, поставленное посередине, а сиденья стояли от него справа и слева. И когда Джаншах сел на ложе, он принялся раздумывать и плакать о том, что покинул престол своего отца и расстался со своей страной и родными и близкими, и заплакали вокруг него его трое мамлюков.

И в это время донесся страшный крик со стороны моря, и они обернулись в ту сторону и увидели, что зто кричат

обезьяны, подобные стае саранчи (а эта крепость и остров принадлежали обезьянам). И когда обезьяны увидели лодку, в которой приехал Джаншах, они потопили ее у берега моря и пришли к Джаншаху, который сидел в крепости». И все это, о Хасиб, рассказывал Булукии юноша, сидевший между двумя могилами»,— говорила царица змей. «А что сделал потом Джаншах с обезьянами?» — спросил ее Хасиб.

И она сказала: «Когда Джаншах вошел в крепость и сел на ложе (а мамлюки сидели от него справа и слева), пришли обезьяны, и устрашили их, и сильно испугали. И потом толпа обезьян вошла к ним, и они шли вперед, пока не приблизились к ложу, на котором сидел Джаншах. И они поцеловали перед ним землю и сложили руки на груди и постояли перед ним немного, а потом подошла толпа обезьян, которые вели газелей, и они зарезали их и, принеся в крепость, сняли с них шкуру, разрубили их мясо и жарили их, пока они не стали хороши для еды. Они положили их на золотые и серебряные блюда и поставили трапезу и сделали Джаншаху и его людям знак, чтобы они ели. И Джаншах сошел с ложа и стал есть, и мамлюки и обезьяны ели с ним, пока не насытились едою, а потом обезьяны убрали трапезу с кушаньями и принесли плоды, и все поели их и прославили великого Аллаха. А после этого Джаншах сделал знак старейшим из обезьян и сказал им: «Кто вы и что это за место?» И обезьяны ответили ему: «Знай, что это место принадлежит господину нашему Сулейману, да будет с ним мир, сыну Дауда. Он приходил сюда один раз каждый год и гулял здесь и уходил от нас.— А потом обезьяны сказали Джаншаху: — Знай, о царь, что ты сделался над нами султаном, и мы служим тебе. Ешь, пей, и все, что ты нам прикажешь, мы сделаем». Потом обезьяны поднялись и поцеловали землю перед Джаншахом, и все ушли своей дорогой, а Джаншах спал на ложе, и его рабы спали вокруг него на сиденьях до утра. И потом вошли к нему четыре вазира, предводители обезьян, и их воины, и наполнилось помещение, и пришедшие встали перед ним ряд за рядом. И вазиры подошли и сделали знак Джаншаху, чтобы он творил между ними праведный суд. И потом обезьяны крикнули что-то друг другу и ушли, а часть их осталась у царя Джаншаха, чтобы служить ему. А после этого пришли обезьяны, с которыми были собаки вместо верховых коней, и на шее у каждой собаки была цепь, и Джаншах подивился на этих собак и на огромность их тела. И вазиры обезьян сделали Джаншаху знак, чтобы

он сел и поехал с ними. И Джаншах и его трое невольников сели, и вместе с ними сели воины обезьян, и они двинулись, подобные стае саранчи, и некоторые ехали верхом, а другие шли, и Джаншах подивился всему этому.

И они не переставая шли к берегу моря, и когда Джаншах увидел, что лодка, в которой он ехал, потоплена, он обратился к вазирам обезьян и спросил их: «Где лодка, которая была здесь?» — «Знай, о царь,— ответили они,— что, когда вы приехали к нашему острову, мы поняли, что ты будешь над нами султаном, и побоялись, что вы от нас убежите, когда мы от вас уйдем, и сядете в лодку. Поэтому мы ее потопили». Услышав эти слова, Джаншах обратился к мамлюкам и сказал им: «Не сможем мы ничего сделать, чтобы уйти от этих обезьян! Будем же терпеть то, что предопределил Аллах великий».

И они пошли и шли до тех пор, пока не достигли берега реки, а рядом с этой рекой стояла высокая гора. И Джаншах посмотрел на эту гору и увидел на ней множество гулей. Он обернулся к обезьянам и спросил их: «Что это за гули?» И обезьяны ответили: «Знай, о царь, что эти гули — наши враги, и мы пришли, чтобы с ними сразиться». И Джаншах удивился этим гулям, которые сидели на конях, и их огромному телу, а у некоторых были бычьи головы, а у некоторых — верблюжьи. И когда гули увидели войска обезьян, они бросились на них и, остановившись у берега реки, стали кидать в них каменными палицами, и начался между ними великий бой.

И когда Джаншах увидал, что гули побеждают обезьян, он крикнул мамлюкам: «Беритесь за луки и мечите в них стрелы, пока не перебьете их и не отгоните от нас». И мамлюки делали так, как велел им Джаншах, пока не постигло гулей великое огорчение, и было их перебито великое множество, и обратились они в бегство и бросились бежать. И когда обезьяны увидели, что Джаншах сделал такое дело, они спустились в реку и перешли ее, и Джаншах вместе с ними, и прогнали гулей, так что те скрылись с глаз.

А Джаншах с обезьянами шли до тех пор, пока не достигли высокой горы, и Джаншах посмотрел на эту гору и увидел на ней мраморную доску, на которой было написано: «О тот, кто вступил на эту землю, ты станешь султаном над этими обезьянами, и тебе не удастся уйти от них, если ты не пройдешь через восточный проход сбоку горы (а длиной он в три месяца пути). И будешь ты идти между диких зверей, и гулей, и маридов, и ифритов, а после этого ты придешь к морю, которое окружает весь мир. Или же прой-

дешь ты через западный проход, длиною в четыре месяца пути, и в начале его долина муравьев. И когда ты достигнешь долины муравьев и войдешь в нее, остерегайся этих муравьев, пока не достигнешь высокой горы. Эта гора пылает как огонь и идти по ней нужно десять дней». И когда увидал Джаншах эту доску, он стал читать ее и прочел на ней то, о чем мы упомянули, а в конце надписи он нашел слова: «И потом ты достигнешь большой, текучей реки, течение которой уносит с собой взор, так оно стремительно, и эта река каждую субботу высыхает. А возле реки есть город, все жители которого — иудеи, отвергающие веру Мухаммада, и нет среди них ни одного мусульманина, и нет на той земле города, кроме этого. А пока ты останешься у обезьян, они будут побеждать гулей. И знай, что на этой доске писал господин наш Сулейман, сын Дауда, да будет с ним мир».

И когда прочитал это Джаншах, он заплакал горькими слезами, а затем обратился к своим мамлюкам и осведомил их о том, что написано на доске. А после этого он поехал, и воины обезьян тоже поехали, окружая его, радуясь победе над своими врагами. И все вернулись в крепость, и Джаншах пробыл в крепости султаном над обезьянами полтора года. А затем Джаншах велел войскам обезьян выезжать на охоту и ловлю, и они сели на своих коней, и Джаншах сел вместе с ними, и мамлюки его также. И они поехали по степям и пустыням и не переставая переходили с места на место, пока Джаншах не узнал долины муравьев и не увидел знака, о котором было написано на мраморной доске. И, увидав его, он велел мамлюкам спешиться в этом месте, и они спешились, и воины обезьян тоже спешились, и они провели за едой и питьем десять дней.

А затем Джаншах остался ночью один со своими мамлюками и сказал им: «Я хочу, чтобы мы убежали и ушли в долину муравьев. Мы пойдем в город иудеев, и, может быть, Аллах спасет нас от этих обезьян, и мы уйдем своей дорогой». И мамлюки сказали: «Слушаем и повинуемся!» И Джаншах выждал, пока прошла малая часть ночи, и поднялся, и мамлюки поднялись вместе с ним, и надели оружие, и повязали вокруг пояса мечи, кинжалы и другое оружие. И Джаншах вышел вместе с мамлюками, и они шли с начала ночи до утра. И когда обезьяны пробудились от сна, они не нашли ни Джаншаха, ни мамлюков и поняли, что те от них убежали. И поднялся отряд обезьян, и они сели и поехали в сторону восточного прохода, а другой отряд сел на коней и поехал в долину муравьев.

И когда обезьяны ехали, они вдруг увидели Джаншаха и его мамлюков, которые приближались к долине муравьев, и, увидев их, они поспешили им вслед. И когда Джаншах увидал обезьян, он побежал, и мамлюки тоже побежали, и они вошли в долину муравьев, и не прошло часа, как обезьяны ринулись на них и хотели убить Джаншаха с его мамлюками, но вдруг муравьи выползли из земли, подобные стае саранчи, и каждый муравей был величиной с собаку. И, увидев обезьян, муравьи бросились на них и съели из них множество, и было убито много муравьев, но победа все же досталась муравьям. И муравей подходил к обезьяне и ударял ее и разрубал пополам, а десять обезьян садились на одного муравья, хватали его и разрывали пополам. И шел между ними великий бой до вечерней поры. А когда настало время вечера, Джаншах и мамлюки убежали в глубь долины и бежали до утра. Когда же настало утро, обезьяны приблизились к Джаншаху, и, увидав их, Джаншах крикнул мамлюкам: «Бейте их мечами!» И мамлюки вытащили мечи и стали бить обезьян направо и налево. И выступила к ним большая обезьяна, у которой были клыки, как у слона, и, подойдя к одному из мамлюков, ударила его и разрубила пополам. И обезьяны во множестве напали на Джаншаха, и он бежал в конец долины и увидел там большую реку, а возле нее большого муравья. И когда муравей увидал приближающегося Джаншаха, он заступил ему дорогу. И вдруг один из мамлюков ударил муравья мечом и разрубил его пополам. И, увидев это, воины муравьев во множестве бросились на мамлюка и убили его, и когда они были заняты этим делом, вдруг обезьяны сошли с горы и во множестве бросились на Джаншаха.

И, увидав, что они бросились на него, Джаншах снял с себя одежду и вошел в реку, и с ним вошел мамлюк, который остался жив. Они плыли до середины реки, и затем Джаншах увидал на берегу реки, на другой стороне, дерево. Он протянул руку к одной из его ветвей и схватил ее, взобрался по ней и вышел на сушу, что же касается мамлюка, то его осилило течение и схватило его и разбило об гору. И Джаншах остался стоять на суше один, выжимая свою одежду и суша ее на солнце, а у обезьян с муравьями возник великий бой, и затем обезьяны возвратились в свои земли.

Вот что было с обезьянами и муравьями. Что же касается Джаншаха, то он плакал до вечера, а затем он вошел в пещеру и приютился в ней, и он очень боялся и чувствовал себя одиноким, лишившись своих мамлюков. И он

проспал в этой пещере до утра, и потом пошел, и шел не переставая ночи и дни, питаясь травами, пока не дошел до горы, которая горит как огонь. И, придя к этой горе, он пошел по ней и дошел до реки, которая высыхает каждую субботу, а дойдя до этой реки, он увидел, что это река большая и возле нее большой город, и это город иудеев, о котором, как он видел, было написано на доске.

И Джаншах оставался там, пока не пришел день субботы и река не высохла, а потом он пошел по реке и дошел до города иудеев, но не увидел там ни одного человека. И он шел по городу, пока не дошел до ворот одного дома, и, открыв их, он вошел в дом и увидел, что его обитатели молчат и совершенно не разговаривают. «Я чужеземец и голоден»,— сказал им Джаншах, и они ответили ему знаком: «Ешь и пей, но не разговаривай!» И Джаншах остался у них и поел и попил и проспал эту ночь, а когда наступило утро, хозяин дома приветствовал его и сказал: «Добро пожаловать! — и спросил: — Откуда ты пришел и куда идешь?» И когда Джаншах услышал слова этого иудея, он заплакал горьким плачем и рассказал ему свою историю и поведал о городе своего отца. Иудей удивился этому и сказал: «Мы никогда не слышали об этом городе, но мы слыхали от купцов с караванами, что там есть страна, которая называется страна Йемен».— «Эта страна, про которую тебе рассказывали купцы, недалеко от наших мест»,— сказал Джаншах иудею, и тот молвил: «Купцы, приходившие с этими караванами, утверждают, что путешествие из их страны сюда длится два года и три месяца».— «А когда придет караван?» — спросил Джаншах, и иудей ответил: «Он придет в будущем году». И, услышав его слова, Джаншах горько заплакал и стал оплакивать себя, и мамлюков, и разлуку со своей матерью и отцом, думая о том, что с ним случилось во время путешествия. «Не плачь, о юноша,— сказал ему иудей,— и живи у нас, пока не придет караван. Мы отошлем тебя с ним на твою родину». И, услышав от иудея такие слова, Джаншах прожил у него два месяца, и каждый день он выходил на улицы города и гулял по ним.

И случилось так, что он вышел однажды, по своему обычаю, и ходил по улицам города направо и налево, и вдруг он услышал, как какой-то человек кричал: «Кто возьмет тысячу динаров и девушку, прекрасную, редкостно красивую и прелестную, и будет делать для меня работу от утра до полудня?» — но никто не отвечал ему. И когда Джаншах услышал эти слова, он сказал про себя: «Не будь

эта работа опасной, наниматель не дал бы тысячи динаров и прекрасной девушки за то, чтобы поработать от утра до полудня». И он подошел к зазывателю и сказал ему: «Я сделаю эту работу!» И когда тот человек услышал от Джаншаха такие слова, он взял его и привел к какому-то высокому дому. И они с Джаншахом вошли в этот дом, и Джаншах увидел, что это большой дом, и он нашел там купца, который сидел на скамеечке из эбенового дерева. И зазыватель остановился перед ним и сказал ему: «О купец, вот уже три месяца, как я кричу в городе, и никто не отозвался, кроме этого юноши».

И, услышав слова зазывателя, купец сказал Джаншаху: «Добро пожаловать!» — и, взяв его, вошел с ним в роскошное помещение и велел своим рабам принести ему кушанья. И рабы поставили трапезу и принесли разные кушанья, и купец с Джаншахом поели и вымыли руки, а потом принесли напитки, и они попили, а затем купец поднялся и принес Джаншаху мешок, в котором была тысяча динаров, и привел ему на редкость прекрасную девушку и сказал: «Возьми эту девушку и деньги за работу, которую ты сделаешь». И Джаншах взял девушку и деньги и посадил девушку с собой рядом, и купец сказал ему: «Завтра ты сделаешь нам работу».

И купец ушел от них, а Джаншах проспал с девушкой ночь, а когда настало утро, он пошел в баню. И купец приказал своим рабам принести ему шелковую одежду, и ему принесли роскошную шелковую одежду и ждали, пока он вышел из бани, и тогда его одели в эту одежду и привели в дом. И купец велел рабам принести арфу и лютню и напитки, и рабы принесли все это, и купец с Джаншахом пили, шутили и веселились, пока не прошли день, вечер и половина ночи, и после этого купец ушел к себе в гарем, а Джаншах проспал с девушкой до утра и потом пошел в баню. Когда же он вернулся из бани, купец пришел к нему и сказал: «Я хочу, чтобы ты сделал для нас ту работу».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал Джаншах.

И тогда купец велел своим невольникам привести пару мулов, и ему привели пару мулов, и он сел на одного из них и велел Джаншаху сесть на другого мула, и тот сел. И потом Джаншах с купцом ехал от утра до полудня и достигли горы, высоте которой не было предела, и купец сошел со спины мула и велел Джаншаху спешиться. И Джаншах спешился, а купец дал ему нож и веревку и сказал: «Я хочу, чтобы ты зарезал этого мула». И Джаншах подобрал платье и подошел к мулу и, накинув веревку на его ноги,

свалил его на землю, и затем он взял нож, и зарезал мула, и снял с него шкуру, и отрезал ему все четыре ноги и голову, так что он превратился в тушу. И тогда купец сказал ему: «Я приказываю тебе вскрыть ему брюхо и войти туда. Я зашью тебя в нем, и ты посидишь там некоторое время, и что бы ни увидел у него в брюхе, расскажи мне». И Джаншах вскрыл мулу брюхо и вошел туда, а купец зашил его в шкуру и оставил его и удалился и спрятался у подножия горы. А через некоторое время спустилась к мулу большая птица и схватила его и полетела; и затем она спустилась с ним на вершину горы и хотела его съесть. И Джаншах почувствовал присутствие птицы и, прорвав брюхо мула, вышел из него, и птица испугалась, увидя Джаншаха, и улетела и отправилась своей дорогой. И Джаншах поднялся на ноги и стал смотреть направо и налево и не увидел никого, кроме мертвецов, высохших на солнце. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» — воскликнул Джаншах, увидев все это.

И затем он посмотрел с горы вниз и увидел купца, который стоял под горой и смотрел на Джаншаха. И, увидав его, купец сказал: «Сбрось мне несколько камней, которые вокруг тебя, и я укажу тебе дорогу, по которой ты спустишься». И Джаншах сбросил ему из этих камней около двухсот, а были это яхонты, топазы и драгоценные рубины. И потом Джаншах сказал купцу: «Укажи мне дорогу, и я сброшу тебе еще раз»,— но купец собрал камни, погрузил их на мула, на котором он приехал, и уехал, не дав Джаншаху ответа. И Джаншах остался на вершине горы один и стал звать на помощь и плакать.

Он провел на горе три дня, а через три дня он поднялся на ноги, и пошел, и, с великим трудом спустившись с горы, шел два месяца, питаясь травами, росшими на горе. И он не переставал идти, пока не дошел до конца горы, а оказавшись у подножия горы, он увидал вдалеке долину, где были деревья, плоды и птицы, которые прославляли Аллаха, единого, всесильного. И когда Джаншах увидел эту долину, он несказанно обрадовался и направился в долину и шел не переставая в течение некоторого времени, пока не дошел до расщелины в горе, из которой вытекал поток. И Джаншах прошел через нее и достиг той долины, которую видел, находясь на горе. И, войдя в долину, он стал там ходить направо и налево и ходил и смотрел до тех пор, пока не дошел до высокого дворца, возвышающегося к небесам.

И Джаншах приближался к этому дворцу, пока не дошел до его ворот, и он увидел там старца, прекрасного

обликом, лицо которого блистало светом, а в руке у него был посох из рубинов, и этот старец стоял у ворот дворца. И Джаншах шел, пока не приблизился к старцу, и тогда он приветствовал его, и старец ответил на его приветствие и сказал ему: «Добро пожаловать! — и молвил: — Садись, о дитя мое!» И Джаншах сел у ворот дворца, а старец спросил его: «Откуда ты пришел в эту землю, которую никогда не попирал ногами сын Адама, и куда ты идешь?» И, услышав слова старца, Джаншах горько заплакал из-за великих тягот, которые он перенес, и слезы душили его. «О дитя мое,— сказал ему старец,— оставь плач, ты причинил боль моему сердцу». И старец поднялся, и принес Джаншаху кое-какой еды, и поставил ее перед ним, и сказал: «Поешь этого!» И Джаншах поел и восхвалил Аллаха великого, а после этого старец сказал: «О дитя мое, я хочу, чтобы ты рассказал твою историю и поведал мне, что с тобой случилось».

И Джаншах рассказал ему свою историю и поведал ему обо всем, что с ним случилось, от начала и до тех пор, пока он не дошел до него, и, услышав слова Джаншаха, старец несказанно удивился. «Я хочу,— сказал Джаншах старцу,— чтобы ты рассказал мне, кому принадлежит эта долина и этот большой дворец».— «Знай, о дитя мое,— отвечал старец,— что эта долина с тем, что в ней есть, и этот дворец со всем, что в нем заключается, принадлежат господину нашему Сулейману, сыну Дауда, да будет с ними мир, а меня зовут шейх Наср, царь птиц. И знай, что господин наш Сулейман поручил мне этот дворец и научил меня речи птиц. Он сделал меня властным над всеми птицами, которые есть в мире, и каждый год птицы прилетают к этому дворцу, и мы производим им смотр, а потом они улетают. И в этом причина моего пребывания здесь». Услышав слова шейха Насра, Джаншах заплакал горьким плачем и сказал: «О шейх, как мне ухитриться, чтобы уйти в мою страну?» И старец ответил: «Знай, о дитя мое, что ты близко от горы Каф, и не уйдешь из этого места раньше, чем прилетят птицы. Я поручу тебя одной из них, и она тебя доставит в твою страну. Оставайся же у меня в этом дворце, ешь, пей и ходи по этим комнатам, пока не прилетят птицы».

И Джаншах зажил у старца и стал ходить по долине, и есть плоды, и гулять, и смеяться, и играть. И он пребывал в самой сладостной жизни некоторое время, пока не приблизилась пора птицам прилететь из их мест, чтобы посетить шейха Насра. И когда узнал шейх Наср о скором

прилете птиц, он собрался и сказал Джаншаху: «О Джаншах, возьми эти ключи и открой комнаты, которые есть во дворце, и смотри на то, что есть в них всех, кроме такой-то комнаты; остерегайся открыть ее, а если ты меня ослушаешься, и откроешь эту комнату, и войдешь в нее, тебе не будет никогда блага». И он дал Джаншаху такое наставление и повторил его и после этого ушел от него встречать птиц. И когда птицы увидели шейха Насра, они устремились к нему и стали целовать ему руки, один род птиц за другим,— и вот что было с шейхом Насром.

Что же касается Джаншаха, то он встал и стал ходить вокруг дворца, смотря направо и налево, и открыл все комнаты, которые были во дворце. И он дошел до той комнаты, открывать которую ему не велел шейх Наср, и посмотрел на двери этой комнаты, и они ему понравились. Он увидел на них золотой замок и сказал себе: «Поистине, эта комната лучше всех других комнат, которые во дворце! Посмотреть бы, что такое в этой комнате, что шейх Наср не позволил мне туда входить! Я обязательно войду в эту комнату и посмотрю, что в ней! То, что предопределено человеку, он неизбежно получит полностью».

И затем он протянул руку и, открыв комнату, вошел в нее. И он увидел в ней большой бассейн, а на краю бассейна — маленький дворец, построенный из золота, серебра и хрусталя, и переплеты в его окнах были из яхонта, а плиты пола из зеленого топаза, бадахшанского рубина и изумруда, и эти драгоценные камни были вделаны в пол наподобие мраморных плит. И посередине этого дворца был бассейн из золота, наполненный водой. А вокруг этого бассейна стояли звери и птицы, сделанные из золота и серебра, и из брюха их текла вода, а когда дул ветер, он входил им в уши, и каждое изображение свистело на особый лад. А на краю бассейна был широкий портик, под которым стояло большое ложе из яхонта, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и на этом ложе стояла палатка из зеленого шелка, вышитая драгоценными камнями и металлами, и шириною она была в пятьдесят локтей, а внутри палатки была кладовая, в которой находился ковер, принадлежавший господину нашему Сулейману, да будет с ним мир.

И Джаншах увидал вокруг этого дворца большой сад, в котором были плодовые деревья и каналы, а вокруг дворца были посажены белые и красные розы, базилик и всякие цветы, и, когда дул ветер на эти деревья, их ветви покачивались. И увидал Джаншах в этом саду всевозможные

деревья, зеленые и высохшие, и все это находилось в той комнате, и когда Джаншах увидел такое дело, он удивился до крайности и стал ходить по этому саду и по дворцу, смотря на диковины и редкости, которые там были. Он заглянул в большой бассейн и увидел, что камушки в нем из дорогих камней, ценных рубинов и благородных металлов, и увидел он в этой комнате вещи многие и подивился на них. И он шел, пока не вошел во дворец, который находился в этой комнате, и поднялся на ложе, стоявшее под портиком на краю пруда, и вошел в палатку, поставленную на ложе, и проспал в этой палатке некоторое время. А потом он проснулся, встал и пошел, и вышел из ворот дворца и сел на скамеечку перед дворцовыми воротами, дивясь на красоту этого места.

И когда он так сидел, вдруг прилетели к нему три птицы, похожие на голубей. И они опустились на край бассейна и немножко поиграли, а потом они сняли с себя перья и превратились в трех девушек, подобных лунам, которым нет в мире равных. И они вошли в бассейн и стали плавать, играть и смеяться, и, когда увидел их Джаншах, он изумился их красоте и прелести и стройности их стана. И они вышли на сушу и стали гулять по саду, и, когда Джаншах увидал, что девушки вышли на сушу, разум едва не покинул его. И он поднялся на ноги и шел, пока не дошел до девушек, и, приблизившись к ним, приветствовал их, и они ответили на его приветствие. И Джаншах спросил их: «Кто вы, о славные госпожи, и откуда вы пришли?» И младшая ответила: «Мы пришли из царства Аллаха великого, чтобы погулять в этом месте». И Джаншах подивился на их красоту и сказал младшей: «Умилосердись надо мной, смягчись ко мне и сжалься из-за того, что случилось со мной в жизни». Но девушка воскликнула: «Оставь такие речи и уходи своей дорогой!»

И, услышав эти слова, Джаншах горько заплакал и стал вздыхать, и он произнес такие стихи:

«В зеленых одеждах мне представшая так мила,
Что в блеске волос ее рассеивается мгла.

Спросил я: «Как тебя звать?» Она сказала в ответ:
«Я уголь пылающий, сожгу я тебя дотла».

Я горько посетовал на пламенную любовь,
Она в ответ: «Перестань! Ты нежен, а я скала!»

Сказал я: «Пусть камень ты, не впал я в отчаянье:
Когда повелел Аллах, из камня вода текла».

И когда девушки услыхали от Джаншаха такие стихи, они стали смеяться, играть, петь и веселиться, а затем Джаншах принес им плодов, и они поели и напились и проспали с Джаншахом зту ночь до утра. А когда настало утро, девушки надели свои одежды из перьев и приняли облик голубей и полетели, уносясь своей дорогой. И когда Джаншах увидел, что они улетают и скрываются из глаз, его ум едва не улетел вместе с ними, и он испустил великий крик и упал, покрытый беспамятством.

Он провел без чувств весь день, и, когда он лежал на земле, вдруг пришел шейх Наср, после встречи с птицами, и стал искать Джаншаха, чтобы отослать его с птицами и чтобы он мог отправиться в свою землю, но не увидел его, и тогда шейх понял, что Джаншах входил в ту комнату. А шейх Наср сказал птицам: «У меня есть юноша, которого привела судьба из дальних стран в зту землю, и я хочу от вас, чтобы вы понесли его на себе и доставили в его страну». И птицы сказали: «Слушаем и повинуемся!» И шейх Наср искал Джаншаха, пока не подошел к двери той комнаты, которую он запретил ему открывать, и увидел, что дверь открыта. И он вошел и увидел, что Джаншах лежит под деревом и покрыт беспамятством, и тогда старец принес благоухающих вод и обрызгал ими лицо Джаншаха, и тот очнулся от обморока и стал осматриваться направо и налево, но не увидел подле себя никого, кроме шейха Насра. И увеличились тогда его печали, и он произнес такие стихи:

«Она явилась мне вдруг, так всходит ночью луна;
Пленнтельный гнбок стан, прекраснейшая стройна.

Ее арачки, как силки, беспечных ловят людей;
Как яхонт, ее уста, кровь красная в них видна.

Опасней лютой змен волос ее темный ток,
До самых бедер бежит нх трепетная волна.

Зачем же любимая незыблемых тверже скал,
Когда по всем признакам роскошная плоть нежна?

А взор ее, как стрела, несется из-под ресниц,
Летнт, и без промаха душа моя пронзена.

Прекраснее всех она, сомнения в этом нет;
Прелестниц и чаровниц затмила она одна».

И, услышав от Джаншаха такие стихи, шейх Наср молвил: «О дитя мое, не говорил ли я тебе: «Не открывай зтой комнаты и не входи в нее?» Но расскажи, о дитя мое,

что ты в ней видел, и поведай мне твою повесть, и сообщи мне о том, что с тобой случилось». И Джаншах рассказал ему свою историю и поведал ему о том, что случилось у него с тремя девушками, когда он тут сидел. И, услышав его слова, шейх Наср сказал ему: «О дитя мое, знай, что эти девушки — дочери джиннов, и каждый год они приходят в это место и играют и развлекаются до послеполуденного времени, а затем они улетают в свою страну». — «А где их страна?» — спросил Джаншах. И Наср ответил: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, я не знаю, где их страна!»

Потом шейх Наср сказал Джаншаху: «Пойдем со мной и бодрись, чтобы я мог отослать тебя в твою страну с птицами, и оставь эту любовь». Но, услышав слова шейха, Джаншах испустил великий крик и упал, покрытый беспамятством, а очнувшись, он воскликнул: «О шейх, я не хочу улетать в мою страну, пока не встречусь с этими девушками. И знай, о шейх, что я не стану больше вспоминать о моей семье, хотя бы я умер перед тобой!» И он заплакал и воскликнул: «Согласен видеть лик той, кого я люблю, хотя бы один раз в год!» И затем он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

«О, если бы призраки в мучительной тишине
По воле Всевышнего подчас не являлись мне!

О, если бы мне забыть любовь мою прежнюю,
Я вдруг исцелился бы, не плакал бы я во сне.

Учусь я терпению и днем, и во тьме ночной,
А сердце злосчастное горит в любовном огне».

И потом Джаншах упал к ногам шейха Насра, и стал целовать их, и горько плакать, и сказал ему: «Пожалей меня — пожалеет тебя Аллах, и помоги мне в моей беде». — «Аллах тебе поможет! О дитя мое,— сказал ему шейх Наср,— клянусь Аллахом, я не знаю этих девушек и не ведаю, где их страна. Но если ты увлекся одной из них, о дитя мое, проживи у меня до такого же времени в следующем году, так как они прилетят в будущем году в такой же день. И когда приблизятся те дни, в которые они прилетают, сядь, спрятавшись в саду под деревом. И когда девушки войдут в бассейн и начнут там плавать и играть и отдалятся от своих одежд, возьми одежду той из них, которую ты желаешь. Когда девушки увидят тебя, они выйдут на сушу, чтобы надеть свою одежду, и та, чью одежду ты взял, скажет тебе мягкими словами с прекрасной улыбкой: «Отдай мне, о брат мой, мою одежду, чтобы я ее надела и прикры-

лась ею». Но если ты послушаешься ее слов и отдашь ей одежду, ты никогда не достигнешь желаемого: она ее наденет и уйдет к своим родным, и ты никогда не увидишь ее после этого. Когда ты захватишь одежду девушки, береги ее и положи ее под мышку и не отдавай ее девушке, пока я не возвращусь после встречи с птицами. Я помирю тебя с ней и отошлю тебя в твою страну, и девушка будет с тобою. Вот что я могу, о дитя мое, и ничего больше». И когда Джаншах услышал слова шейха Насра, его сердце успокоилось, и он прожил у него до следующего года и считал проходившие дни, после которых прилетят птицы. И когда наступил срок прилета птиц, шейх Наср подошел к Джаншаху и сказал ему: «Поступай по наставлению, которое я тебе дал, забери одежду девушки; я ухожу встречать птиц». — «Слушаю и повинуюсь твоему приказанию, о шейх!» — ответил Джаншах. И затем шейх Наср ушел встречать птиц. А после его ухода Джаншах поднялся и шел, пока не вошел в сад, и спрятался под деревом, так что никто его не видел.

И он просидел первый день, и второй день, и третий день, и девушки не прилетали, и Джаншах начал тревожиться, плакать и испускать стоны, исходившие из печального сердца, и плакал до тех пор, пока не потерял сознания. А через некоторое время он очнулся и стал смотреть то на небо, то на землю, то на бассейн, то на равнину, и сердце его дрожало от сильной страсти. И когда он был в таком состоянии, вдруг приблизились к нему по воздуху три птицы в образе голубей, но только каждый голубь был величиной с орла, и они спустились около бассейна и посмотрели направо и налево, но не увидели ни одного человека или джинна.

И тогда они сняли одежду и, войдя в бассейн, стали играть, смеяться и развлекаться, и были они нагие, подобные слиткам серебра. И старшая из них сказала: «Я боюсь, о сестры, что кто-нибудь спрятался из-за нас в этом дворце». Но средняя молвила: «О сестра, в этот дворец со времени Сулеймана не входил ни человек, ни джинн». А младшая воскликнула, смеясь: «Клянусь Аллахом, сестрицы, если кто-нибудь здесь спрятан, то он возьмет только меня!» И затем они стали играть и смеяться, а сердце Джаншаха трепетало от чрезмерной страсти. И он сидел, спрятавшись под деревом, и смотрел на девушек, а те его не видели. И девушки поплыли по воде и доплыли до середины бассейна, удалившись от своих одежд, и тогда Джаншах поднялся на ноги и помчался, как поражающая молния, и взял одежду младшей девушки,

а это была та, к которой привязалось его сердце, и звали ее Шамса.

И девушки обернулись и увидели Джаншаха, и затрепетали их сердца, и они погрузились в воду, чтобы спрятаться от юноши, и, подойдя близко к берегу, стали смотреть на Джаншаха и увидели, что он подобен луне в ночь ее полноты. «Кто ты, и как ты пришел в это место и почему взял одежду Ситт Шамсы?» — спросили они его. И Джаншах сказал: «Подойдите ко мне, и я расскажу вам, что со мной случилось».— «Что с тобой, зачем ты взял мою одежду и как ты узнал меня среди моих сестер?» — спросила его Ситт Шамса. И Джаншах молвил: «О свет моих очей, выйди из воды, и я поведаю тебе мою историю и расскажу тебе, что со мной случилось, и осведомлю тебя, почему я тебя знаю».— «О господин мой, услада моих очей и моего сердца,— сказала она ему,— дай мне мою одежду, чтобы я могла ее надеть и прикрыться ею, и я к тебе выйду».— «О владычица красавиц,— отвечал ей Джаншах,— мне невозможно отдать тебе одежду и погибнуть от страсти. Я отдам тебе одежду, только когда придет шейх Наср, царь птиц».

И, услышав слова Джаншаха, Шамса сказала ему: «Если ты не отдашь мне мою одежду, отойди немного, чтобы мои сестры могли выйти из воды и надеть свои одежды и дать мне что-нибудь, чем прикрыться».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал Джаншах. И затем он ушел от них и вошел во дворец, а Ситт Шамса с сестрами вышла на сушу, и они надели свои одежды. А затем старшая сестра Ситт Шамсы дала ей одну из своих одежд, в которой Ситт Шамса не могла летать, и одела ее в эту одежду. И Ситт Шамса поднялась, подобная восходящей луне и резвящейся газели, и шла до тех пор, пока не пришла к Джаншаху. Она нашла его сидящим на ложе и приветствовала его и, сев близ него, сказала: «О прекрасный ликом, это ты убил меня и убил себя самого! Но расскажи мне, что с тобою случилось, чтобы мы посмотрели, какова твоя повесть».

И, услышав слова Ситт Шамсы, Джаншах так заплакал, что омочил слезами свою одежду. И когда Ситт Шамса поняла, что он охвачен любовью к ней, она поднялась на ноги, и взяла Джаншаха за руку, и, посадив его с собой рядом, вытерла ему слезы своим рукавом, и сказала: «О прекрасный ликом, оставь этот плач и расскажи мне, что с тобою случилось». И Джаншах рассказал девушке, что с ним случилось, и поведал ей о том, что он видел. И, услышав его слова, Ситт Шамса вздохнула и сказала: «О господин, если ты в меня влюблен, отдай мне мою одеж-

ду: я надену ее и полечу с сестрами к моим родным и расскажу им, что с тобой случилось из-за любви ко мне, затем я к тебе возвращусь и доставлю тебя в твою страну». И когда Джаншах услышал от девушки эти слова, он горько заплакал и воскликнул: «Дозволено ли тебе Аллахом несправедливо убить меня?» — «О господин, почему я несправедливо убью тебя?» — спросила девушка. И Джаншах отвечал: «Потому что, когда ты наденешь свою одежду и улетишь от меня, я тотчас же умру».

И услышав его слова, Ситт Шамса засмеялась, и ее сестры тоже засмеялись, а затем она сказала ему: «Успокойся и не волнуйся! Я непременно выйду за тебя замуж!» И она нагнулась к Джаншаху, и, обняв его, прижала его к груди, и поцеловала в лоб и в щеку, и они простояли, обнявшись, некоторое время, а затем отошли друг от друга и сели на то же ложе. И старшая сестра Ситт Шамсы вышла из дворца в сад и, взяв плодов и цветов, принесла их им, и они стали есть, пить, наслаждаться, веселиться, смеяться и играть. А Джаншах был на редкость красив, и прелестен, и прям, и строен станом. И Ситт Шамса сказала ему: «О мой любимый, клянусь Аллахом, я люблю тебя великой любовью и никогда с тобой не расстанусь». И когда Джаншах услышал ее слова, его грудь расправилась и губы улыбнулись. И они продолжали смеяться и играть и веселиться и развлекаться.

И вдруг пришел шейх Наср после встречи с птицами, и, когда он подошел к ним, все поднялись перед ним на ноги и приветствовали его и поцеловали ему руки. И шейх Наср сказал девушкам: «Добро пожаловать! — и молвил: — Садитесь!» И они сели. И тогда шейх Наср сказал Ситт Шамсе: «Поистине, этот юноша любит тебя великой любовью! Ради Аллаха, заботься же о нем; он из знатнейших людей и царский сын, и его отец правит землею Кабуль и приобрел великую власть».

И, услышав слова шейха Насра, Ситт Шамса ответила: «Слушаю и повинуюсь твоему приказу!» — а затем она поцеловала шейху Насру руки и стала перед ним, и Шейх Наср сказал: «Если ты правдива в твоих словах, поклянись мне Аллахом, что ты не обманешь его до самой смерти». И Ситт Шамса дала ему великую клятву, что никогда не обманет Джаншаха и обязательно выйдет за него замуж, и, дав клятву, сказала: «Знай, о шейх Наср, что я никогда с ним не расстанусь». И когда Ситт Шамса поклялась шейху Насру, он поверил ее клятве и сказал Джаншаху: «Слава Аллаху, который привел ее и тебя к согласию!»

И Джаншах сильно обрадовался этому. И потом Джаншах и Ситт Шамса прожили у шейха Насра три месяца, проводя время в еде, питье, играх и великом веселье, а через три месяца Ситт Шамса сказала Джаншаху: «Я хочу, чтобы мы отправились в твою страну, ты на мне женишься, и мы там останемся».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал Джаншах. И затем он посоветовался с шейхом Насром и сказал ему: «Мы хотим отправиться в мою страну». И он рассказал ему о том, что говорила Ситт Шамса, и шейх Наср сказал ему: «Отправляйтесь в твою страну, и заботься о девушке».— «Слушаю и повинуюсь!» — отвечал Джаншах. А потом девушка попросила свою одежду и сказала: «О шейх Наср, прикажи ему дать мне мою одежду, чтобы я могла ее надеть!» И шейх Наср сказал Джаншаху: «О Джаншах, отдай ее одежду!»

И он поспешно поднялся и вошел во дворец и, принеся одежду Ситт Шамсы, отдал ее девушке. И та взяла от него одежду, и надела ее, и сказала: «О Джаншах, садись мне на спину, закрой глаза и заткни уши, чтобы не слышать гуденья вращающегося небосвода. Схватись руками за мою одежду из перьев, сидя у меня на спине, и берегись упасть». И, услышав ее слова, Джаншах сел ей на спину. И, когда она собралась лететь, шейх Наср сказал ей: «Постой, пока я опишу тебе страну Кабуль: я боюсь, что вы ошибетесь дорогой». И девушка стояла, пока шейх Наср не описал ей страну Кабуль, и он поручил ей заботиться о Джаншахе, а затем простился с ними, и Ситт Шамса простилась с своими двумя сестрами и сказала им: «Отправляйтесь к нашим родным и осведомьте их о том, что случилось у меня с Джаншахом».

И потом она взлетела, в тот же час и минуту, и помчалась по воздуху, точно дуновение ветра или блистающая молния. И после этого ее сестры полетели и отправились к своим родным и осведомили их о том, что случилось у Ситт Шамсы с Джаншахом. И с той минуты, как Ситт Шамса взлетела, она летела не переставая от зари до послеполуденного времени, и Джаншах сидел у нее на спине. А после полудня показалась вдалеке долина с деревьями и каналами, и девушка сказала Джаншаху: «Я хочу спуститься в эту долину на сегодняшнюю ночь, и мы посмотрим, какие есть там деревья и растения».— «Делай что хочешь»,— ответил Джаншах.

И девушка спустилась по воздуху и села в этой долине, и Джаншах сошел с ее спины и поцеловал ее в лоб. И они посидели у одного из каналов некоторое время. А потом

поднялись на ноги и стали ходить по долине, смотря на то, что там есть, и вкушая плоды, и гуляли до тех пор, пока не наступил вечер. И тогда они подошли к дереву и проспали возле него до утра, а утром Ситт Шамса поднялась и велела Джаншаху сесть к ней на спину, и Джаншах сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И он сел девушке на спину, и она в тот же час и минуту взлетела с ним и летела не переставая от утра до полудня.

И они летели и вдруг увидели знаки, о которых рассказывал им шейх Наср. И, увидав эти знаки, Ситт Шамса спустилась с вышины по воздуху на широкий луг с прекрасной растительностью, и были там резвящиеся газели, полноводные потоки и спелые плоды и широкие каналы. И когда девушка спустилась на этот луг, Джаншах сошел с ее спины и поцеловал ее в лоб, а она сказала ему: «О любимый и услада моих очей, знаешь ли ты, какое расстояние мы пролетели?» — «Нет»,— ответил Джаншах. И девушка молвила: «Расстояние в тридцать месяцев пути».— «Слава Аллаху за благополучие!» — воскликнул Джаншах. И затем он сел, и девушка села с ним рядом, и они сидели за едой и питьем и играли и смеялись.

И когда они были заняты этим делом, вдруг подошли к ним двое мамлюков; один из них был тот, что остался у коней, когда Джаншах сел в рыбачью лодку, а другой был из тех мамлюков, которые были с Джаншахом на охоте и ловле. И, увидев Джаншаха, они узнали его, и поздоровались с ним, и сказали: «С твоего позволения, мы пойдем к твоему отцу и сообщим ему радостную весть о твоем прибытии».— «Идите к отцу и осведомите его об этом да привезите нам палатки,— сказал Джаншах.— Мы пробудем в этом месте семь дней, чтобы отдохнуть, пока шествие не выйдет к нам навстречу, и тогда мы войдем в город в великолепной процессии». И мамлюки сели на коней, и поехали к отцу Джаншаха, и сказали: «Радостная весть, о царь времени!» И когда царь Тайгамус услышал слова мамлюков, он спросил их: «Чем вы меня обрадуете? Разве прибыл мой сын Джаншах?» — «Да,— отвечали мамлюки,— твой сын Джаншах пришел после долгого отсутствия, и он близко от тебя, на лугу аль-Каррани».

И, услышав слова мамлюков, царь несказанно обрадовался и упал без памяти на землю, так сильно он был обрадован; а очнувшись, он приказал своему вазиру наградить каждого из мамлюков роскошной одеждой и выдать им много денег. И вазир отвечал ему: «Слушаю и повинуюсь!» — а затем он тотчас же отправился и дал мамлюкам

то, что велел царь, и сказал: «Возьмите эти деньги в воздаяние за радостную весть, которую вы принесли, все равно, солгали вы или сказали правду».— «Мы не лжецы,— отвечали мамлюки.— Мы сейчас с ним сидели, и приветствовали его, и целовали ему руки, и он велел привезти палатки. Он пробудет на лугу аль-Каррани семь дней, пока вазиры, эмиры и знатные люди царства не выедут его встречать».— «А как поживает мой сын?» — спросил их царь. И они ответили: «С твоим сыном гурия, которую он как будто вывел из рая».

И, услышав эти слова, царь велел бить в литавры и трубить в трубы в знак радости. И царь Тайгамус разослал вестников по городу во все стороны, чтобы они порадовали мать Джаншаха и жен эмиров, вазиров и знатных людей царства. И вестники рассыпались по городу и осведомили его обитателей о прибытии Джаншаха. А царь Тайгамус собрался со своими воинами и отправился на луг аль-Каррани.

И когда Джаншах сидел рядом с Ситт Шамсой, вдруг подошли к ним войска, и Джаншах поднялся на ноги и шел, пока не приблизился к ним. И, увидев Джаншаха, воины узнали его, и, сойдя с коней, пошли пешком, и приветствовали Джаншаха, и поцеловали ему руки. И Джаншах шел, предшествуемый воинами, пока не дошел до своего отца; и когда царь Тайгамус увидел своего сына, он бросился со спины коня, и заключил Джаншаха в объятия, и заплакал сильным плачем.

А затем он сел на коня, и его сын тоже сел, и воины пошли справа и слева, и они шли до тех пор, пока не пришли к берегу канала. И воины спешились, и поставили палатки, шатры и знамена, и забили в барабаны, и засвистели в флейты, и ударили в литавры, и заревели трубы. А затем царь Тайгамус приказал постельничим принести палатку из красного шелка и поставить ее для Ситт Шамсы, и они сделали так, как он приказал. И тогда Ситт Шамса поднялась и, сняв свою одежду из перьев, пошла и дошла до этой палатки и села в ней. И когда она сидела, вдруг пришел к ней царь Тайгамус, подле которого был его сын Джаншах. И, увидав царя Тайгамуса, Ситт Шамса поднялась на ноги и поцеловала землю перед царем. И царь сел и посадил своего сына Джаншаха справа, а Ситт Шамсу — слева от себя и сказал Ситт Шамсе: «Добро пожаловать!» И он спросил своего сына Джаншаха и молвил: «Расскажи мне, что случилось с тобою во время этой отлучки». И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до

конца. И, услышав слова своего сына, царь несказанно удивился и, обернувшись к Ситт Шамсе, воскликнул: «Слава Аллаху, который дал тебе поддержку, и ты свела меня с моим сыном! Поистине, это и есть милость великая! Но я хочу от тебя, чтобы ты попросила у меня чего желаешь, и я это сделаю из уважения к тебе».— «Я прошу тебя построить дворец посреди сада, и чтобы под ним текла вода»,— сказала Ситт Шамса. И царь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И когда они разговаривали, вдруг подошла мать Джаншаха, и с нею были все жены эмиров, вазиров и знатных людей в городе. А когда увидел ее Джаншах, сын ее, он вышел из палатки и встретил свою мать, и они постояли обнявшись некоторое время, а затем мать Джаншаха от крайней радости пролила из глаз слезы и произнесла такие стихи:

«Налетела бурей радость, разум счастью не указ;
От немыслимого счастья слезы хлынули из глаз.
Вы, глаза, привыкли плакать, вам бы только слезы лить,
Как в печальнейшую пору, так и в радостнейший час».

И они стали друг другу жаловаться на то, что перенесли, будучи в отдалении и мучаясь тоской, а затем родитель Джаншаха прошел в свою палатку, а Джаншах с матерью прошли в свою палатку. И они сидели и беседовали друг с другом, и когда они сидели, вдруг пришли вестники о прибытии Ситт Шамсы, и они сказали матери Джаншаха: «Шамса идет к тебе, и она шествует пешком и хочет тебя приветствовать». И, услышав это, мать Джаншаха поднялась на ноги и встретила Ситт Шамсу и приветствовала ее, и они посидели некоторое время. А потом мать Джаншаха с Ситт Шамсой поднялись и пошли вместе с женами вазиров и вельмож царства и шли до тех пор, пока не дошли до палатки Ситт Шамсы, и тогда они вошли в палатку и посидели там. А царь Тайгамус роздал обильные подарки и оказал милость подданным, и он радовался своему сыну великою радостью.

И они пробыли в этом месте десять дней, проводя время за едой и питьем, в приятнейшей жизни, а после этого царь велел своим воинам уезжать и отправляться в город. И царь сел на коня, и воины тоже сели, окружая его, и вазиры и царедворцы ехали справа и слева, и они ехали до тех пор, пока не вступили в город. И мать Джаншаха с Ситт Шамсой отправились в свои жилища, и город украсили наилучшим образом, и стали бить в тарелки и литавры, и в городе наве-

шали украшений и тканей, и под копыта коней постлали роскошную парчу. И обрадовались вельможи царства и вынули все свои редкости, так что у смотрящих захватило дыхание, и накормили нищих и бедняков и устроили великое празднество, которое продолжалось десять дней. И Ситт Шамса, увидав это, обрадовалась великой радостью.

А потом царь Тайгамус прислал строителей, и зодчих, и сведущих людей и приказал им построить дворец в том саду, и они ответили ему вниманием и начали строить этот дворец и завершили его наилучшим образом. И когда Джаншах узнал, что вышел приказ строить дворец, он велел строителям принести столб из белого мрамора, и просверлить его, и выдолбить, и придать ему вид сундука. И они это сделали, и тогда Джаншах взял одежду Ситт Шамсы, в которой она летала, и положил ее в этот стоб, а столб зарыл в фундамент дворца и велел строителям построить на них своды, на которых стоял дворец.

И когда дворец был окончен, его устлали коврами, и это оказался великолепный дворец посреди сада, и каналы бежали под ним. А царь Тайгамус устроил в это время свадьбу Джаншаха, и вышел большой праздник, которому не было подобных. И Ситт Шамсу привели в этот дворец, и все присутствовавшие ушли своей дорогой, и когда Ситт Шамса вошла в этот дворец, она почувствовала запах своей одежды из перьев, в которой она летала, и узнала, в каком месте она находится. И она захотела ее взять и, дождавшись полуночи, когда Джаншах погрузился в сон, поднялась и пошла к столбу, на котором покоились своды, и стала копать рядом с ним. И она проникла к столбу, в котором находилась одежда, и, удалив свинец, которым был он залит, вынула одежду, и надела ее, и тотчас же полетела. Она села на верхушку дворца и сказала его обитателям: «Я хочу, чтобы вы привели ко мне Джаншаха и я бы простилась с ним».

И Джаншаху рассказали об этом, и он пошел к Ситт Шамсе и увидел, что она сидит на крыше дворца, одетая в свою одежду из перьев. «Как ты совершила такое дело?» — спросил он. И Ситт Шамса сказала: «О мой любимый, услада моих очей и частица моего сердца, клянусь Аллахом, я люблю тебя великой любовью, и я очень радовалась, когда привела тебя в твою землю и страну и увидела твоего отца и твою мать. Если ты любишь меня, как я тебя люблю, приходи ко мне в Такни, крепость драгоценностей».

И затем, в тот же час и минуту, она взлетела и отправилась к своим родным, а Джаншах, услышав слова Ситт

Шамсы, сидевшей на крыше дворца, едва не умер от горя и упал без памяти. И пошли к его отцу и осведомили его об этом, и отец его сел на коня и поехал во дворец и вошел к своему сыну и увидел, что тот лежит на земле. И царь Тайгамус заплакал и понял, что его сын охвачен любовью к Ситт Шамсе. Он побрызгал ему в лицо розовой водой, и Джаншах очнулся и увидел рядом с собою своего отца. И он заплакал из-за разлуки со своей женой, и отец спросил его: «Что с тобою случилось, дитя мое?» И Джаншах ответил: «Знай, о батюшка, что Ситт Шамса — дочь джиннов, и я люблю ее и увлечен ею и влюбился в ее красоту. А у меня была ее одежда, без которой она не может летать, и я взял ее и спрятал в столбе, имевшем вид сундука, и залил его свинцом и вложил в фундамент дворца. И она подрыла фундамент, и взяла одежду, и надела ее, и полетела, а потом она села на крышу дворца и сказала мне: «Я люблю тебя, и я тебя привела в твою землю и страну, и ты встретился с твоим отцом и матерью. Если ты меня любишь, приходи ко мне в Такни, крепость драгоценностей». А затем она улетела с крыши дворца и отправилась своей дорогой».— «О дитя мое,— сказал царь Тайгамус,— не обременяй себя заботой. Мы соберем людей торговли и путешествующих по странам, и спросим их об этой крепости, и, когда узнаем, отправимся туда, и пойдем к родным Ситт Шамсы, и попросим Аллаха великого, чтобы они ее тебе отдали, и ты на ней женишься».

И затем царь в тот же час и минуту вышел и, призвав своих четырех вазиров, сказал им: «Соберите всех, кто есть в городе из купцов и путешественников, и спросите их про Такни, крепость драгоценностей, и всякому, кто ее знает и укажет к ней путь, я дам пятьдесят тысяч динаров». И, услышав эти слова, вазиры ответили: «Слушаем и повинуемся!» — а затем, в тот же час и минуту, они ушли и сделали так, как приказал царь. И они стали спрашивать купцов, путешествующих по странам, про Такни, крепость драгоценностей, но никто про нее им не рассказал, и они пришли к царю и сообщили ему об этом. И, услышав их слова, царь тотчас же, в ту же минуту, поднялся и велел привести к своему сыну Джаншаху прекрасных невольниц и девушек, владеющих инструментами, и наложниц, увеселяющих царей, надеясь, что, может быть, он забудет о любви к Ситт Шамсе, и ему привели тех, кого он потребовал.

А после этого царь послал разведчиков и соглядатаев во все стороны, острова и страны, чтобы те расспросили о Такни, крепости драгоценностей, и посланные расспрашивали

о ней два месяца. Но никто не рассказал им про нее, и они вернулись и осведомили царя об этом. И царь заплакал сильным плачем и пошел к своему сыну и увидел Джаншаха среди наложниц и невольниц, что играли на арфах, флейтах и цимбалах, но он не мог забыть Ситт Шамсы. «О дитя мое,— сказал ему царь,— я не нашел никого, кто знает эту крепость, но я привел к тебе девушек красивее Ситт Шамсы». И, услышав такие слова от своего отца, Джаншах заплакал, и пролил из глаз слезы, и произнес такие стихи:

«Терпенье мое ушло, как ни кликай,
Я изнемогаю от скорби дикой;

Неужто не встретиться мне с любимой?
Истлели кости от страсти великой».

А у царя Тайгамуса была великая вражда с царем Индии; когда-то царь Тайгамус выступил против него, и перебил его людей, и похитил его богатства; и звали царя Индии — царь Кафид. И были у него воины и витязи, а также была у него тысяча богатырей, каждый из которых управлял тысячей племен, и в каждом племени из этих племен находилось четыре тысячи всадников. И было у него четыре вазира, и пребывали под его властью цари, вельможи, эмиры и многочисленные войска. Он властвовал над тысячей городов, в каждом из которых была тысяча крепостей, и был великим царем, сильным и мощным, и его войска наполняли всю землю.

И когда узнал Кафид, царь Индии, что царь Тайгамус пренебрег правлением и властью и мало стало у него войск и сделался он огорчен и озабочен, так как его мысли были заняты любовью его сына, он собрал вазиров, эмиров и вельмож царства и сказал им: «Разве вы не знаете, что царь Тайгамус нападал на наши земли и убил моего отца и моих братьев и разграбил наши сокровища, и среди вас нет никого, у кого он не убил близкого человека, не отнял богатства, не отнял достатка или не взял в плен жен и наложниц. Я сегодня услышал, что его мысли заняты любовью его сына Джаншаха и мало стало у него войск; настало для нас время отомстить ему. Снаряжайтесь же, чтобы к нему направиться, и готовьте военные доспехи, чтобы на него напасть. Не относитесь пренебрежительно к этому делу, нет, мы пойдем к нему, и нападем на него, и убьем его и его сына, и овладеем его страной».

Услышав от него эти слова, воины ответили: «Слушаем и повинуемся!» — и каждый из них стал готовить себе

снаряженье. И они готовили доспехи и оружие, и собирали войска в течение трех месяцев, и когда воины и витязи собрались полностью, забили в литавры и задули в трубы и поставили знамена и флаги, а потом царь Кафид вывел воинов и шел до тех пор, пока не достиг окраин страны Кабуль (а это была страна царя Тайгамуса). И когда достигли этой земли, ее разграбили и учинили урон подданным и перерезали больших и взяли в плен малых.

И дошла весть об этом до царя Тайгамуса, и, услышав такую весть, он несказанно разгневался и собрал вельмож своего правления и вазиров и эмиров своего царства и сказал им: «Знайте, что Кафид пришел в наши земли и вступил в нашу страну и хочет сразиться с нами, и с ним богатыри и воины, число которых знает только Аллах великий. Каково ваше мнение?» — «О царь времени,— отвечали ему,— наше мнение таково, что нам следует выступить к нему, и сразиться с ним, и изжить его из нашей страны».— «Готовьтесь к бою»,— сказал им царь Тайгамус. И затем он приказал приготовить латы, шлемы и мечи и всевозможное оружие, которое приносит смерть витязям и губит доблестных мужей, и воины и витязи снарядились для боя, и подняли знамена, и забили в литавры, и задули в трубы, и застучали в барабаны, и засвистели в флейты.

И царь Тайгамус с своими войсками выступил навстречу царю Кафиду, и не переставал царь Тайгамус вести свои войска, пока они не приблизились к царю Кафиду. И царь Тайгамус спустился в долину, которая называлась долина Захрана (а она лежала на краю земли Кабуль), и написал письмо, которое он послал с посланцем из своего войска царю Кафиду, и содержание его было такое: «А после славословия Аллаху вот о чем мы уведомляем царя Кафида: ты поступил так, как поступают люди из черни, и если бы ты был царем, сыном царя, ты не совершил бы таких поступков, не пришел бы в мою страну, не ограбил бы людей и не учинял бы урона моим подданным. Разве не знаешь ты, что все это с твоей стороны насилие, и, если бы я знал, что ты дерзнешь против моего царства, я бы пришел к тебе много раньше твоего прихода и не допустил бы тебя в мою страну. Но если ты повернешь назад и прекратишь зло между нами — пусть так и будет, и прекрасно; если же не повернешь, то выступай ко мне в пылу боя и будь тверд передо мной, становясь на сечу и сражение».

И он запечатал письмо и отдал его одному вельможе из своего войска и послал с ним соглядатаев, которые должны

были разузнать новости. И этот человек взял письмо и ехал, пока не достиг царя Кафида; и, приблизившись к его местопребыванию, он увидел шатры, поставленные вдали, и были они сделаны из гладкого шелка, и увидал он зеленые шелковые знамена и увидел между палатками большую красную шелковую палатку, вокруг которой было много войска. И посланец шел до тех пор, пока не достиг этой палатки, и он спросил про нее, и ему сказали, что это палатка царя Кафида. И этот человек посмотрел в палатку и увидел царя Кафида, который сидел на ложе, украшенном драгоценными камнями, и подле него были вазиры и вельможи царства. И, увидев это, посланец показал письмо, держа его в руках, и к нему подошла толпа воинов царя Кафида, и у него взяли письмо и принесли его царю.

И когда царь прочитал письмо и понял его смысл, он написал царю Тайгамусу ответ такого содержания: «А после славословия Аллаху вот о чем уведомляем мы царя Тайгамуса: нам непременно нужно отомстить, снять позор, разрушить земли, и сорвать завесы, и перебить больших, и полонить малых. А завтра я выйду на бой в поле, чтобы показать тебе, как биться и сражаться». И он запечатал письмо и вручил его послу царя Тайгамуса, и тот взял его и отправился обратно. И, придя к царю Тайгамусу, он поцеловал землю перед ним и отдал ему письмо и рассказал о том, что видел, и сказал: «О царь времени, я видел всадников и витязей и пехотинцев, которых не счесть числом, и не кончается их протяжение». И когда царь Тайгамус прочитал письмо и понял его смысл, он несказанно разгневался и приказал своему вазиру Айн Зару сесть на коня с тысячей всадников, напасть в полночь на войска царя Кафида, глубоко проникнуть в них и перебить их. И вазир Айн Зар ответил ему: «Слушаю и повинуюсь!» — и затем он сел на коня, вместе с витязями и воинами, и они поехали в сторону царя Кафида.

А у царя Кафида был вазир, которого звали Гатрафан, и он приказал ему сесть на коня, взять пять тысяч всадников и отправиться с ними к войскам царя Тайгамуса и напасть на них и перебить их. И вазир Гатрафан сел на коня и сделал так, как велел ему царь Кафид. Он повел войско в сторону царя Тайгамуса, и они ехали до полуночи, пока не покрыли половину пути. И вдруг вазир Гатрафан напал на вазира Айн Зара, и люди закричали на людей, и возник между ними великий бой. И они сражались друг с другом до утра, и, когда наступило утро, войска царя Кафида обратились в бегство и повернули, убегая к нему.

И, увидев это, царь Кафид разгневался великим гневом и сказал воинам: «Горе вам! Что с вами случилось, что вы потеряли своих витязей?» И воины ответили: «О царь времени, когда вазир Гатрафан сел на коня и мы поехали к царю Тайгамусу, мы ехали до тех пор, пока не наступила полночь, и не проехали половины дороги. И тогда встретил нас Айн Зар, вазир царя Тайгамуса, и приблизился к нам, ведя с собою воинов и витязей, и произошла встреча близ долины Захрана; и не успели мы опомниться, как оказались посреди вражеского войска, и взоры встретились со взорами, и сражались мы в жестоком бою от полуночи до утра, и было убито много народу. И вазир Айн Зар кричал на слонов и бил их, и слоны шарахались из-за сильных ударов, и топтали всадников, и обращались в бегство. И один человек перестал видеть другого, так много летало пыли, и кровь лилась, как бурный поток, и если бы мы не пришли сюда, убегая, нас бы перебили до последнего». И, услышав это, царь Кафид воскликнул: «Да не будет для вас благословенно солнце и пусть разгневается оно на вас великим гневом!»

А вазир Айн Зар вернулся к царю Тайгамусу и рассказал ему обо всем этом, и царь Тайгамус поздравил его с благополучием и обрадовался великою радостью и велел бить в литавры и дуть в трубы. И затем он проверил свое войско, и оказалось, что убито двести всадников из числа доблестных силачей. Потом царь Кафид приготовил воинов, и войска, и армии и вышел на поле, и бойцы выстроились ряд за рядом и образовали полных пятнадцать рядов, по десять тысяч всадников в каждом, а с Кафидом было триста богатырей, которые сидели на слонах. И он отобрал витязей и доблестных мужей и поставил знамена и флаги, и забили в литавры и задули в трубы, и выступили витязи, ища сражения.

Что же касается царя Тайгамуса, то он расставил войска ряд за рядом, и оказалось, что их десять рядов, по десять тысяч всадников в каждом ряду, и было у него сто богатырей, которые ехали от него справа и слева. И когда ряды построились, выступили вперед все прославленные воины, и войска сшиблись, и тесен стал простор земли для коней, и ударили в барабаны, и засвистели флейты, и забили в литавры, и задули в трубы. И ревел сигнал, и уши глохли от конского ржанья, и кричали люди во весь голос, и сгустилась пыль над их головами, и они сражались от начала дня, пока не наступил мрак, а потом разделились, а воины ушли в свои жилища. И царь Кафид проверил свое

войско, и оказалось, что бойцов убито пять тысяч, и царь разгневался великим гневом. И царь Тайгамус проверил свои войска, и оказалось, что было убито три тысячи из избранных его храбрецов, и, увидя это, он разгневался великим гневом.

Потом царь Кафид выехал на поле второй раз и сделал так же, как в первый раз, и каждый из царей искал для себя победы. И царь Кафид крикнул своим воинам: «Есть ли среди вас кто-нибудь, кто выступит на поле и откроет для нас врата боя и сражения?» И вдруг один витязь, по имени Баркик, подъехал верхом на слоне, а это был великий богатырь, и приблизился и, сойдя со спины слона, поцеловал землю перед царем Кафидом, и попросил разрешения выйти на поединок. И потом он сел на слона, и погнал его на поле, и закричал: «Есть ли соперник, есть ли противник, есть ли боец?»

И когда услышал это царь Тайгамус, он обратился к своим воинам и спросил их: «Кто из вас выступит против этого витязя?» И вдруг один всадник, огромный и мощный, выехал из рядов верхом на коне и ехал, пока не приблизился к царю Тайгамусу, и он поцеловал перед ним землю и спросил у него разрешения на поединок. А потом он направился к Баркику, и, когда он подъехал к нему, Баркик воскликнул: «Кто ты будешь, чтобы издеваться надо мной и выступать против меня в одиночку, и как твое имя?» — «Мое имя — Гаданфар ибн Камхиль»,— отвечал боец. И Баркик сказал ему: «Я слышал про тебя, когда был в своей стране. Можешь сразиться со мною меж рядов витязей?»

И, услышав его слова, Гаданфар вытащил железную дубину, а Баркик взял в руки меч, и они стали сражаться жестоким боем. И Баркик ударил Гаданфара мечом, и удар пришелся по его шлему и не причинил ему вреда. И, увидя это, Гаданфар ударил Баркика дубиной, и его мясо смешалось с мясом слона. И подошел к Гаданфару какой-то человек и воскликнул: «Кто ты такой, чтобы убивать моего брата?» — а затем он взял в руку копье и ударил им Гаданфара, и удар пришелся в бедро и пригвоздил к нему кольчугу. И, увидя это, Гаданфар обнажил меч и, ударив своего противника, разрубил его пополам, и тот упал на землю, утопая в крови. А затем Гаданфар повернулся и побежал к царю Тайгамусу. И, увидев это, царь Кафид закричал своим воинам и сказал: «Выходите на поле и сражайтесь со всадниками!»

И царь Тайгамус выступил со своими воинами и витязями, и они стали сражаться жестоким боем, и кони ржали на

коней, и люди кричали на людей, и обнажились мечи, и выступили вперед все достохвальные воины, и всадники понеслись на всадников, и побежал трус с места сражения. И били в литавры, и дули в трубы, и люди слышали только крики и лязг оружия, и погибли в это время те из богатырей, что погибли. И они сражались таким образом, пока солнце не сошло с купола небосвода. И тогда царь Тайгамус отошел со своими витязями и воинами и вернулся в свои палатки, и то же сделал Кафид. И царь Тайгамус проверил своих людей и увидел, что убито из них пять тысяч всадников и сломано у них четыре знамени. И когда царь Тайгамус узнал об этом, он разгневался великим гневом.

Что же касается царя Кафида, то он проверил свои войска и увидел, что убито шестьсот всадников из числа избранных храбрецов и сломано у них девять знамен. И затем бой между ними прекратился на три дня. А после этого царь Кафид написал письмо и послал его с посланным из своего войска к царю, которого звали Факун-пес, и посланный отправился к нему. (А Кафид утверждал, что он его родственник со стороны матери.) И когда царь Факун узнал обо всем, он собрал своих воинов и витязей и направился к царю Кафиду. И когда царь Тайгамус сидел и наслаждался, вдруг пришел к нему один человек и сказал: «Я видел пыль, поднявшуюся вдали, которая взвилась на воздух». И царь Тайгамус приказал отряду своих воинов выяснить, в чем дело с этой пылью, и они ответили: «Слушаем и повинуемся!» — и ушли и вернулись и сказали: «О царь, мы видели пыль, а через некоторое время ее прибило ветром и разорвало, и из-под нее показалось семь знамен, и под каждым знаменем три тысячи всадников. И они направились в сторону царя Кафида».

И когда царь Факун-пес прибыл к царю Кафиду, он приветствовал его и спросил: «В чем с тобой дело и что это за бой ты ведешь?» А царь Кафид ответил ему: «Разве ты не знаешь, что царь Тайгамус — мой враг и убийца моих братьев и моего отца? Я пришел, чтобы с ним сразиться и отомстить ему».— «Да будет солнце для тебя благословенно!» — воскликнул царь Факун. А потом царь Кафид взял царя Факуна-пса и отправился с ним в свою палатку, радуясь великою радостью.

Вот что было с царем Тайгамусом и царем Кафидом. Что же касается царя Джаншаха, то он провел два месяца, не видя своего отца и не позволяя входить к себе ни одной из невольниц, которые ему прислуживали, и охватила его из-за этого великая тревога. И он спросил одного из своих

прислужников: «Что случилось с моим отцом, что он ко мне не приходит?» И ему рассказали о том, что случилось у его отца с царем Кафидом. «Приведите мне моего коня, и я поеду к отцу»,— сказал Джаншах. И ему ответили: «Слушаем и повинуемся!» — и привели ему коня. И когда Джаншах увидел коня, он подумал: «Я предоставлен самому себе, и правильно будет, если я возьму моего коня и отправлюсь в город иудеев. А когда я доберусь до него, Аллах облегчит мне встречу с тем купцом, который нанял меня на работу. Может быть, он сделает со мною то же, что и в первый раз; никто ведь не знает, где будет благо».

И он сел на коня и взял с собою тысячу всадников и поехал. И люди стали говорить: «Джаншах отправился к отцу, чтобы сражаться с ним вместе». И они ехали до вечера, а потом спешились на большом лугу и расположились там на ночь. И когда все заснули и Джаншах увидел, что все воины спят, он поднялся украдкой, затянул пояс, сел на коня и поехал по дороге в Багдад, так как он слышал от иудеев, что каждые два года к ним приходит караван из Багдада. «Когда я доберусь до Багдада,— сказал он себе,— я поеду с караваном и достигну города иудеев». И в его душе утвердилось такое решение, и он поехал своей дорогой.

И когда воины пробудились от сна, они не увидели ни Джаншаха, ни его коня, и сели на коней и ездили, разыскивая Джаншаха, направо и налево, но не нашли его следов. И тогда они вернулись к его отцу и рассказали ему о том, что сделал его сын, и царь Тайгамус разгневался великим гневом, так что изо рта у него едва не посыпались искры, и сбросил с головы венец и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я потерял моего сына, а враг стоит напротив меня!» И цари и вазиры сказали ему: «Потерпи, о царь времени, вслед терпенью всегда идет благо».

А Джаншах из-за своего отца и разлуки с любимою сделался печален и озабочен, и сердце его было ранено, и глаза разъело от слез, и он не спал ни ночью, ни днем. Что же касается его отца, то, узнав, что все его воины пропали, он отказался от войны со своим врагом, и отправился в свой город, и, вступив туда, запер ворота, укрепил городские стены, и спасся бегством от царя Кафида. А Кафид каждый месяц подходил к городу, ища боя и распри, и проводил подле него семь ночей и восемь дней, а после того он уводил своих витязей и возвращался в палатки, чтобы полечить раненых. Что же касается жителей города царя Тайгамуса, то после ухода врагов они занимались починкой оружия,

укреплением стен и установкой метательных машин. И царь Тайгамус с царем Кафидом провели так семь лет, и война между ними все продолжалась. Вот то, что было с ними.

Что же касается Джаншаха, то он все время ехал, пересекая степи и пустыни, и всякий раз, как подъезжал к какому-нибудь городу, спрашивал про Такни, крепость драгоценностей, но никто про нее не рассказывал, и все только говорили: «Мы никогда не слышали такого названия». А потом он стал спрашивать про город иудеев, и один из купцов рассказал ему, что этот город на краю земель восточных, и сказал: «В этом месяце поезжай с нами в город Мизракан, который находится в Индии, а из этого города мы направимся в Хорасан, а оттуда поедем в город Шимун, а оттуда в Хорезм, и будет город иудеев поблизости от Хорезма — между ними расстояние в один год и три месяца пути».

И Джаншах подождал, пока отправился караван, и ехал вместе с ним, пока не достиг города Мизракана, а вступив в этот город, он стал спрашивать про Такни, крепость драгоценностей, но никто ему ничего о ней не рассказал. И караван двинулся дальше, и Джаншах поехал с ним в Индию, и вступил в город, и стал спрашивать про Такни, крепость драгоценностей, но никто ему о ней не рассказал, и все говорили: «Мы никогда не слышали такого названия». И Джаншах терпел в дороге большие бедствия и тяжкие ужасы, и голод, и жажду, и он выехал из Индии и ехал до тех пор, пока не достиг страны Хорасан, и прибыл в город Шимун, и вступил туда, и стал спрашивать про город иудеев. И ему рассказали про него и описали туда дорогу, и он ехал дни и ночи, пока не доехал до того места, куда он бежал от обезьян. А потом он шел дни и ночи и пришел к той реке, которая была рядом с городом иудеев, и сел на берегу ее и выждал до дня субботы, когда река высохла по воле Аллаха великого.

И тогда он перешел через реку и пошел в дом того иудея, у которого он был в первый раз, и он и его семья приветствовали Джаншаха и обрадовались ему и принесли ему еду и питье, а затем они спросили его: «Куда ты отлучался?» И он ответил: «В царство Аллаха великого». И Джаншах провел у них эту ночь, а наутро пошел гулять по городу и увидел зазывателя, который кричал: «О люди, кто возьмет тысячу динаров и прекрасную девушку и будет у нас работать полдня?» — «Я сделаю эту работу», — сказал Джаншах, и зазыватель сказал ему: «Следуй за мною!»

И Джаншах следовал за ним, пока не пришел к дому купца, к которому он приходил в первый раз, и тогда зазыватель сказал купцу: «Этот юноша сделает ту работу, которую ты хочешь». И купец приветствовал Джаншаха и сказал ему: «Добро пожаловать!» И взял его и привел в гарем и принес ему еды и питья, и Джаншах поел и выпил; а затем купец дал ему деньги и красивую невольницу, и Джаншах проспал с нею эту ночь. А когда настало утро, он взял деньги и невольницу и отдал их иудею, в доме которого он ночевал в первый раз. И затем он вернулся к купцу, который дал ему работу, и купец сел на коня, и они ехали до тех пор, пока не достигли высокой горы, уходившей ввысь. И купец вынул веревку и нож и сказал Джаншаху: «Повали этого коня на землю!» И Джаншах повалил коня и связал веревкой, перерезал горло, и ободрал его, и отрубил ему ноги и голову, а затем он вскрыл коню брюхо, как приказал ему купец. И тогда купец сказал Джаншаху: «Войди в брюхо, и я зашью тебя в нем, и что бы ты там ни увидел, расскажи мне; это и есть работа, за которую ты взял плату».

И Джаншах влез в брюхо коня, и купец зашил его в нем и ушел в место, отдаленное от коня, и спрятался там, а через минуту прилетела большая птица, и спустилась по воздуху, и, схватив коня, поднялась с ним к облакам небесным. И она опустилась на вершине горы и, усевшись на вершине, собралась есть коня, и, когда Джаншах почувствовал это, он прорвал брюхо коня и вышел. И птица метнулась от него и улетела своей дорогой, и Джаншах взглянул и посмотрел, где купец, и увидел, что тот стоит под горой, подобный воробью. «Что ты хочешь, о купец?» — спросил его Джаншах. И купец молвил: «Сбрось мне несколько камней, которые вокруг тебя, и я укажу тебе дорогу, по которой ты спустишься».— «Так ты поступил со мною пять лет назад, и я перенес голод и жажду, и мне достались великие тяготы и многое зло. И теперь ты вернулся со мною в это место и хочешь меня погубить! — крикнул Джаншах.— Клянусь Аллахом, я ничего тебе не сброшу». И затем Джаншах пошел и направился по дороге, которая вела к шейху Насру, царю птиц. И он шел не переставая дни и ночи, с плачущими глазами и опечаленным сердцем, и, когда чувствовал голод, ел растения, а когда чувствовал жажду, пил воду из каналов. И наконец он достиг дворца господина нашего Сулеймана и увидел шейха Насра, сидевшего у ворот дворца, и подошел к нему и поцеловал ему руки, и шейх Наср сказал ему: «Добро пожаловать! — и приветствовал

его и спросил: — О дитя мое, что с тобой случилось, что ты пришел в это место, когда ты отправился отсюда вместе с Ситт Шамсой, спокойный и веселый?»

И Джаншах заплакал и рассказал ему, что произошло из-за Ситт Шамсы, когда она улетела и сказала ему: «Если ты меня любишь, приходи ко мне в Такни, крепость драгоценностей». И шейх Наср удивился этому и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, я не знаю этой крепости и, клянусь господином нашим Сулейманом, я в жизни не слышал такого названия».— «Что же мне делать, когда я умираю от любви и страсти?» — сказал Джаншах. И шейх Наср молвил: «Подожди, вот прилетят птицы, и мы спросим их про Такни, крепость драгоценностей. Может быть, кто-нибудь из них ее знает».

И успокоилось сердце Джаншаха, и он вошел во дворец и отправился в ту комнату, где находился бассейн и где он видел тех трех девушек. Он провел у шейха Насра некоторое время. И однажды, когда он сидел, как обычно, шейх Наср вдруг сказал ему: «О дитя мое, приблизился прилет птиц!» И Джаншах обрадовался этой вести. И прошло лишь немного дней, и птицы прилетели, и тогда шейх Наср пришел к Джаншаху и сказал: «О дитя мое, выучи имена птиц и подойди к птицам». И птицы прилетели и приветствовали шейха Насра, один вид птиц за другим, а потом шейх Наср спросил их о Такни, крепости драгоценностей, и каждая из птиц ответила: «Я в жизни не слыхала о такой крепости!» И Джаншах заплакал, и опечалился, и упал, покрытый беспамятством. И шейх Наср позвал большую птицу и сказал: «Доставь этого юношу в страну Кабуль!» — и описал ей эту страну и путь туда. И птица ответила: «Слушаю и повинуюсь!» И затем Джаншах сел ей на спину, а шейх Наср сказал ему: «Берегись и остерегайся наклониться набок: тебя разорвет в воздухе, и заткни себе уши от ветра, чтобы тебе не повредил бег небосводов и гул морей».

И Джаншах послушался того, что сказал ему шейх Наср, и потом птица взвилась с ним, и поднялась на воздух, и летела один день и одну ночь. А затем она опустилась с ним на землю, где правил царь зверей, которого звали Шах Бадри, и сказала Джаншаху: «Мы сбились с дороги в ту страну, которую описывал шейх Наср». И она хотела взять Джаншаха и лететь с ним, но Джаншах сказал ей: «Уходи своей дорогой и оставь меня в этой земле: я или умру здесь, или достигну Такни, крепости драгоценностей, и я не пойду в мою страну!» И птица оставила его у царя

зверей Шаха Бадри и улетела своей дорогой, а Шах Бадри спросил Джаншаха: «О дитя мое, кто ты и откуда ты прибыл на этой огромной птице?»

И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось от начала до конца, и царь зверей удивился его истории и воскликнул: «Клянусь господином нашим Сулейманом, я не знаю этой крепости, и всякого, кто укажет путь к ней, мы почтим, а тебя отошлем туда». И Джаншах горько заплакал и прождал недолгое время, и после этого пришел к нему царь зверей, то есть Шах Бадри, и сказал: «Встань, о дитя мое, возьми эти скрижали и запомни то, что на них написано, а когда придут звери, мы спросим их про эту крепость». И прошло не более часу, и стали приходить звери, один вид за другим, и они начали приветствовать царя Шаха Бадри, а потом он спросил их про Такни, крепость драгоценностей, и все звери ответили: «Мы не знаем этой крепости и не слыхали о ней». И Джаншах стал плакать и горевать о том, что не улетел с птицей, которая принесла его от шейха Насра, и царь зверей сказал ему: «О дитя мое, не обременяй себя заботой! У меня есть брат, старше меня, которого зовут царь Шаммах, и он был в плену у господина нашего Сулеймана, так как он его не слушался. Нет никого среди джиннов больше его и шейха Насра, и, может быть, он знает эту крепость. Он властвует над джиннами, которые в этой стране».

И потом царь зверей посадил Джаншаха на спину одного из них и послал с ним письмо к своему брату, в котором поручал ему заботиться о юноше. И этот зверь в тот же час и минуту пошел, и он нес Джаншаха дни и ночи, пока не принес его к царю Шаммаху. И зверь остановился в уединенном месте, вдали от царя, и Джаншах сошел с его спины и шел пешком, пока не дошел до его величества царя Шаммаха. И он поцеловал ему руки и передал ему письмо, и царь прочитал его, и понял его смысл, и сказал Джаншаху: «Добро пожаловать! — и молвил: — Клянусь Аллахом, о дитя мое, я никогда в жизни не слышал об этой крепости и не видал ее!» И Джаншах стал плакать и горевать, и царь Шаммах сказал ему: «Расскажи мне твою историю и сообщи мне, кто ты, откуда ты пришел и куда идешь?»

И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и Шаммах удивился его словам и сказал ему: «О дитя мое, я не думаю, что господин наш Сулейман слышал в своей жизни об этой крепости и видел ее! Но я знаю, о дитя мое, на горе одного монаха, который прожил много лет, и ему подчиняются все птицы, и звери,

и джинны, ибо он великий колдун; он все время произносит заклинания против царей джиннов, и они слушаются его невольно из-за силы этих заклинаний и чар, которые он знает, и все птицы и звери идут служить ему. Вот и я не слушался господина нашего Сулеймана, и он держал меня у себя в плену, и никто не одолел меня, кроме этого монаха, так сильна его волшба, колдовство, заклинания и чары, и я стал ему служить. И знай, что он странствовал по всем землям и странам и знает все дороги и пути, крепости и города, и я не думаю, что от него скрыта хоть одна местность. Я пошлю тебя к нему, и, может быть, он укажет тебе, где эта крепость, а если не он, то не укажет ее тебе никто, так как ему подчиняются птицы, звери, и все они к нему приходят, и перед ним преклоняются горы. И его колдовство так сильно, что он сделал себе посох из трех кусков, и втыкает его в землю, и произносит заклинания над первым куском посоха, и выходит из него мясо, и выходит из него кровь; а затем он произносит заклинания над вторым куском посоха, и выходит из него свежее молоко; и произносит он заклинания и над третьим куском посоха, и выходит из него пшеница и ячмень; а затем он выдергивает посох из земли и уходит к себе в монастырь, и его монастырь называется монастырь Алмазов. И этот монах и кудесник таков, что из его рук выходят изобретения всяких диковинных изделий, и он — колдун, кудесник, хитрец и лукавый обманщик, и зовут его Ягмус. Он овладел всеми клятвами и заклинаниями, и я обязательно пошлю тебя к нему на огромной птице с четырьмя крыльями». И затем он посадил его на спину огромной птицы с четырьмя крыльями, каждое длиной в тридцать локтей хашимитскими локтями, и ноги у нее были, как ноги слона, но только она летала лишь два раза в год. А у царя Шаммаха был телохранитель по имени Тамшун, который каждый день похищал для этой птицы двух верблюдов из земли иракской, чтобы накормить эту птицу. И когда Джаншах сел на спину этой птицы, царь Шаммах велел ей доставить его к монаху Ягмусу, и птица взяла Джаншаха к себе на спину и летела с ним ночи и дни, пока не достигла Горы Крепостей и Монастыря Алмазов. И Джаншах спешился близ этого монастыря, и увидел в церкви монаха Ягмуса, который поклонялся там богу, и подошел к нему, и поцеловал землю, и остановился перед ним.

И когда монах увидел его, он сказал: «Добро пожаловать, о дитя мое, о чужестранец! Расскажи мне, по какой причине ты пришел в это место». И Джаншах заплакал

и рассказал ему свою историю с начала до конца. И, услышав его историю, монах удивился до крайности и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, я в жизни не слышал об этой крепости и не видел никого, кто бы о ней слышал или видел ее, хотя я жил во времена Нуха, пророка Аллаха, да будет ему мир, властвовал со времени Нуха до дней господина нашего Сулеймана ибн Дауда над зверями, птицами и джиннами. И я не думаю, чтобы Сулейман слышал об этой крепости. Но потерпи, о дитя мое, пока придут птицы, звери и телохранители из джиннов, я их спрошу, и, может быть, кто-нибудь из них о ней расскажет и принесет нам известие о ней, и Аллах великий облегчит твои страдания».

И Джаншах просидел подле монаха некоторое время. И в это время пришли к монаху все птицы, звери и джинны, и Джаншах с монахом стали их спрашивать про Такни, крепость драгоценностей, но ни один из них не сказал: «Я ее видел или слышал о ней»,— а, напротив, все говорили: «Я не видел этой крепости и не слышал о ней». И Джаншах начал плакать, и стонать, и умолять Аллаха великого, и, когда он был в таком состоянии, вдруг прилетела одна птица, последняя из птиц, черная цветом и огромная телом, и, опустившись по воздуху с вышины, она подошла и поцеловала у монаха руки. И монах спросил ее про Такни, крепость драгоценностей. И птица сказала: «О монах, мы жили позади горы Каф, на Хрустальной горе, в большой пустыне, и были мы с братьями малыми птенцами, и наши мать и отец каждый день вылетали и приносили нам пропитание. И случилось, что однажды они вылетели и отсутствовали семь дней, и усилился наш голод, а на восьмой день они прилетели к нам плача. И мы спросили их: «Почему вы отсутствовали?» И они сказали: «На нас напал марид, и схватил нас, и унес в Такни, крепость драгоценностей, и принес к царю Шахлану, и, увидав нас, царь Шахлан хотел нас убить, но мы сказали: «У нас остались малые птенцы»,— и он освободил нас от казни. И если бы мой отец и моя мать были живы, они бы, наверное, рассказали вам об этой крепости».

Услышав эти слова, Джаншах горько заплакал и сказал монаху: «Я хочу, чтобы ты приказал этой птице доставить меня к гнезду ее отца и матери, на Хрустальной горе, за горой Каф». И монах сказал птице: «О птица, я хочу, чтобы ты слушалась этого юношу во всем, что он тебе прикажет». И птица ответила монаху: «Слушаю и повинуюсь тому, что ты говоришь!» — а потом она посадила Джаншаха к себе на

спину и полетела с ним, и летела она дни и ночи, пока не прилетела к Хрустальной горе. И тогда она опустилась на землю и провела на горе некоторое время, а затем она посадила Джаншаха на спину, и полетела, и летела с ним два дня, пока не прилетела к той земле, где было гнездо, и опустила его там и сказала: «О Джаншах, вот гнездо, в котором мы были». И Джаншах заплакал горькими слезами и сказал птице: «Я хочу, чтобы ты отнесла меня и доставила в ту сторону, куда улетели твой отец и мать и откуда они приносили пропитание».— «Слушаю и повинуюсь, о Джаншах!» — ответила птица. И затем она подняла его на себе и полетела и летела, не останавливаясь, семь ночей и восемь дней, пока не достигла высокой горы, и тогда она спустила его со своей спины и сказала: «Я не знаю за этой местностью больше никакой земли».

И Джаншаха одолел сон, и он заснул на вершине этой горы, а, пробудившись от сна, он увидел вдали сверкание, наполнявшее своим светом воздух. И он растерялся, видя этот блеск и сверканье, и не знал, что это блестит та крепость, которую он разыскивает, а между ним и ею было расстояние в два месяца, и построена она была из красного яхонта, а комнаты в ней были из желтого золота. И в крепости была тысяча башен, построенных из драгоценных металлов, которые извлекают из Моря Мрака, почему и была она названа Такни, крепостью драгоценностей, так как состояла из драгоценных камней и металлов. И это была большая крепость, и владыку ее звали Шахлан, а он был отец трех девушек.

Вот что было с Джаншахом. Что же касается Ситт Шамсы, то, убежав от Джаншаха и отправившись к своему отцу, матери и родным, она рассказала им о том, что случилось у нее с Джаншахом, и поведала им его повесть, и осведомила их о том, что он странствовал по земле и видывал чудеса, и сообщила им о его любви к ней, и о своей любви к нему, и о том, что произошло между ними, и, услышав от нее эти слова, ее отец и мать сказали: «Не дозволено тебе Аллахом совершить с ним такое дело!» И потом отец ее рассказал об этом случае своим телохранителям из маридов-джиннов и сказал им: «Всякий, кто увидит человека, пусть приведет его ко мне!» А Ситт Шамса рассказала своей матери, что Джаншах влюблен в нее, и сказала: «Он обязательно придет к нам, так как, когда я улетела с верхушки дворца его отца, я сказала ему: «Если ты меня любишь, приходи в Такни, крепость драгоценностей».

И, увидав это сверканье и блеск, Джаншах пошел по

направлению к нему, чтобы узнать, что это такое. А Ситт Шамса послала одного из телохранителей по делу в сторону горы Кармус, и, когда этот телохранитель шел, он вдруг увидел существо человеческой породы. И, увидав его, джинн подошел к нему и приветствовал его, и Джаншах испугался этого телохранителя, но все-таки ответил на его приветствие. «Как твое имя?» — спросил джинн. И Джаншах ответил: «Мое имя Джаншах. Я похитил одну джиннию, по имени Ситт Шамса, так как мое сердце привязалось к ее красоте и прелести, и я люблю ее великой любовью, и она убежала от меня после того, как вошла во дворец моего отца». И он, плача, рассказал мариду обо всем, что случилось у него с Ситт Шамсой. И когда телохранитель увидал, что Джаншах плачет, его сердце зажглось горем, и он сказал ему: «Не плачь, ты достиг того, чего желал. Знай, что она любит тебя великою любовью и осведомила своего отца и свою мать о твоей любви к ней, и все, кто есть в крепости, любят тебя из-за нее. Успокой же свою душу и услади глаза». И затем марид посадил Джаншаха на плечи и летел с ним, пока не достиг Такни, крепости драгоценностей.

И пошли вестники к царю Шахлану, и к Ситт Шамсе, и к ее матери, оповещая их о прибытии Джаншаха, и, когда пришла к ним весть об этом, они обрадовались великою радостью, а затем царь Шахлан приказал всем телохранителям встречать Джаншаха и сел на коня вместе со всеми телохранителями, ифритами и маридами и выехал Джаншаху навстречу. И, приблизившись к Джаншаху, царь Шахлан, отец Ситт Шамсы, обнял его, а Джаншах поцеловал царю Шахлану руки. И царь приказал дать ему великолепную почетную одежду из разноцветного шелка, вышитую золотом и украшенную драгоценными камнями. Потом он надел ему венец, подобного которому не видел никто из царей человеческих, и велел привести ему великолепного коня из коней царей джиннов и посадил на него Джаншаха. И тот сел на коня, а телохранители ехали от него справа и слева, и ехал с царем в великолепном шествии, пока они не достигли ворот дворца. И Джаншах спешился в этом дворце и увидел, что это большой дворец, и стены его выстроены из драгоценных камней, яхонтов и дорогих металлов, а что до хрусталя, топазов и изумрудов, то они были вделаны в пол. И он стал дивиться на этот дворец и плакать, а царь и мать Ситт Шамсы вытирали ему слезы и говорили: «Уменьши плач и не обременяй себя заботой! Знай, что ты достиг того, чего желал».

И когда Джаншах дошел до середины дворца, его встретили прекрасные невольницы, рабы и слуги, и посадили его на самое лучшее место, и стояли, прислуживая ему, а он не знал, что подумать о красоте этого помещения и стен, которые были построены из всевозможных металлов и дорогих камней. И царь Шахлан ушел в те покои, где он сидел, и приказал невольницам и слугам привести к себе Джаншаха, чтобы тот посидел с ним, и Джаншаха взяли и привели к нему. И царь поднялся ему навстречу и посадил его на престол, рядом с собой, а потом принесли трапезу и поели и попили и вымыли руки. И после этого пришла к Джаншаху мать Ситт Шамсы и приветствовала его, сказав ему: «Добро пожаловать!» — и молвила: «Ты достиг своей цели после тягот, и заснут твои глаза после бессонницы. Слава Аллаху за твое благополучие!» И затем она тотчас же пошла к своей дочери Ситт Шамсе и привела ее к Джаншаху, и Ситт Шамса пришла к нему, и приветствовала его, и поцеловала ему руки, и опустила голову от смущения перед ним и матерью и отцом. И пришли ее сестры, которые были с нею во дворце, и поцеловали Джаншаху руки и приветствовали его. А потом мать Ситт Шамсы сказала: «Добро пожаловать, о дитя мое! Моя дочь Шамса сделала ошибку по отношению к тебе, но не взыщи с нее за то, что она совершила с тобою ради нас».

И, услышав от нее эти слова, Джаншах вскрикнул и упал, покрытый беспамятством, и царь подивился на него, а потом ему побрызгали в лицо розовой водой, смешанной с мускусом и цибетом, и он очнулся и посмотрел на Ситт Шамсу и сказал: «Слава Аллаху, который привел меня к желаемому и потушил во мне огонь, так что не осталось огня в моем сердце».— «Да будешь ты спасен от огня,— сказала ему Ситт Шамса.— Но я хочу, о Джаншах, чтобы ты рассказал мне о том, что с тобою случилось после разлуки со мной и как ты пришел в это место, когда большинство джиннов не знают о Такни, крепости драгоценностей. Мы не покорны никому из царей, и никто не знает дороги в это место и не слышал о нем».

И Джаншах рассказал ей обо всем, что с ним случилось и как он сюда пришел, и осведомил их всех о том, что случилось у его отца с царем Кафидом. Он рассказал, какие видел он в дороге ужасы и диковины, и сказал девушке: «Все это случилось из-за тебя, о Ситт Шамса!» — «Ты достиг желаемого,— сказала ему мать девушки,— и Ситт Шамса — служанка, которую мы приведем к тебе».

И когда Джаншах услышал это, он обрадовался вели-

кою радостью, и после этого мать девушки сказала ему: «Если захочет Аллах великий, в следующий месяц мы устроим веселье, и справим свадьбу, и женим тебя на Шамсе, а потом ты отправишься с ней в твою страну, и мы дадим тебе тысячу маридов из телохранителей, таких, что, если ты позволишь ничтожнейшему из них убить царя Кафида вместе с его народом, он сделает это в одно мгновенье. И каждый год мы будем посылать к тебе таких существ, что, если ты прикажешь одному из них погубить всех твоих врагов, он погубит их до последнего». А потом царь Шахлан сел на престол и приказал вельможам своего царства устроить великое веселье и украсить город в течение семи дней и ночей. И они сказали ему: «Слушаем и повинуемся!» — и в тот же час ушли и принялись за приготовления к веселью. И они провели за приготовлениями два месяца, а после этого устроили свадьбу Ситт Шамсы, и это оказалось великое веселье, подобного которому не было. И потом Джаншаха ввели к Ситт Шамсе, и он провел с нею два года в сладостнейшей и приятнейшей жизни, за едой и питьем.

А затем он сказал как-то Ситт Шамсе: «Твой отец обещал нам, что мы уедем в мою страну и будем проводить там год и здесь год». И Ситт Шамса ответила: «Слушаю и повинуюсь!» А когда наступил вечер, она пошла к своему отцу и рассказала ему о том, что говорил ей Джаншах, и отец ее молвил: «Слушаю и повинуюсь, но потерпи до начала следующего месяца, пока мы соберем для вас телохранителей». И она рассказала Джаншаху, что говорил ее отец, и Джаншах терпел в течение того срока, который тот назначил.

А после этого царь Шахлан позволил телохранителям выйти, чтобы служить Ситт Шамсе и Джаншаху и доставить их в страну Джаншаха. Он приготовил им большое ложе из красного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, на котором стояла палатка из золотого шелка, разрисованная во все цвета и украшенная дорогими каменьями, красота которых смущала взирающих. И Джаншах с Ситт Шамсой поднялись на это ложе, а потом царь выбрал четырех телохранителей, чтобы нести его, и они понесли ложе, и каждый телохранитель стал с одной стороны, а Джаншах с Ситт Шамсой сидели на ложе. И Ситт Шамса простилась со своей матерью и отцом, сестрами и родными, и отец ее сел на коня и поехал с Джаншахом, а телохранители пошли, неся это ложе. И царь Шахлан был с ними до середины дня, а потом телохраните-

ли поставили ложе на землю, и все сошли с коней и простились друг с другом. И царь Шахлан поручил Джаншаху заботиться о Ситт Шамсе, а телохранителям он поручил заботиться о них обоих.

А потом он приказал телохранителям нести ложе, и Ситт Шамса простилась с отцом, и Джаншах тоже простился с ним, и они отправились, а отец девушки вернулся назад. И отец дал Ситт Шамсе триста девушек из прекрасных наложниц и дал Джаншаху триста мамлюков из детей джиннов. И они отправились в тот же час после того, как все взошли на зто ложе и четыре телохранителя подняли его и полетели с ним между небом и землей. И они пролетали каждый день расстояние тридцати месяцев пути и летели таким образом в течение десяти дней. А среди телохранителей был один телохранитель, который знал страну Кабуль, и, когда он увидел ее, он приказал телохранителям спуститься в большой город, находившийся в зтой стране, а был этот город городом царя Тайгамуса. И они спустились в город царя Тайгамуса с Джаншахом и Ситт Шамсой. А царь Тайгамус убежал от врагов и спасся бегством в свой город. Он подвергся жестокой осаде, и царь Кафид стеснил его, и царь Тайгамус просил пощады у царя Кафида, но тот не дал ему пощады. И когда царь Тайгамус понял, что не осталось для него средства, чтобы спастись от царя Кафида, он захотел удавиться, чтобы умереть и избавиться от зтой заботы и печали. И он поднялся и простился с вазирами и змирами и вошел в свой дом, чтобы проститься с женщинами. И жители его царства стали плакать, и рыдать, и оплакивать его, и кричать.

И когда зто происходило, телохранители вдруг приблизились к дворцу, находившемуся внутри крепости, и Джаншах приказал им опустить ложе на середину приемного зала. И они сделали так, как приказал им Джаншах, и Ситт Шамса с Джаншахом, невольницами и мамлюками сошла с ложа, и они увидели, что все жители города находятся в осаде, стеснении и великой горести. «О любимая моего сердца и услада моих очей,— сказал Джаншах Ситт Шамсе,— взгляни на моего отца — он в наисквернейшем положении!» И когда Ситт Шамса увидала его отца и жителей царства в таком состоянии, она приказала телохранителям поразить воинов, которые их осадили, сильным ударом и перебить их, и сказала телохранителям: «Не оставляйте живым никого из них». И Джаншах сделал знак одному из телохранителей, сильному и мощному, по имени Караташ и приказал ему принести царя Кафида, закованного в цепи.

И телохранители отправились к царю Кафиду и взяли с собой то ложе. И они летели до тех пор, пока не поставили это ложе на землю, а палатку они поставили на ложе. И они подождали до полуночи и затем бросились на царя Кафида и его воинов и принялись их убивать. И один телохранитель брал десять или восемь воинов, сидевших на спинах слонов, и взлетал с ними в воздух, а затем бросал их, и они разлетались на куски в воздухе. А некоторые из телохранителей били воинов железными дубинами. А затем телохранитель по имени Караташ отправился в тот же час к палатке царя Кафида, и бросился на него, когда он сидел на ложе, и взял его, и взлетел с ним на воздух, и царь закричал от страха перед этим телохранителем, а тот летел с ним не переставая, пока не посадил его на ложе перед Джаншахом. И Джаншах велел четырем телохранителям подняться с ложем и поставить его на воздухе, и не успел царь Кафид очнуться, как увидел себя между небом и землей. И он стал бить себя по лицу и дивиться на это, и вот что было с царем Кафидом.

Что же касается царя Тайгамуса, то, увидев своего сына, он едва не умер от радости и, испустив великий крик, упал, покрытый беспамятством. И ему побрызгали в лицо розовой водой, и, когда он очнулся, они с сыном обнялись и заплакали сильным плачем, а царь Тайгамус не знал, что телохранители сражаются с царем Кафидом. И после этого Ситт Шамса поднялась и шла до тех пор, пока не дошла до царя Тайгамуса, отца Джаншаха, и она поцеловала ему руки и сказала: «О господин мой, поднимись на крышу дворца и посмотри, как сражаются телохранители моего отца». И царь поднялся на крышу дворца и сел вместе с Ситт Шамсой, и они стали смотреть на бой телохранителей, а те принялись избивать вражеских воинов вдоль и вширь. И один из них брал железную дубину и, ударив ею слона, убивал его вместе с тем, кто был на его спине, так что слонов нельзя было отличить от людей. А другие телохранители пригоняли толпу людей, которые убегали, и кричали им в лицо, и они падали мертвые, а некоторые хватали около двадцати всадников, и поднимались с ними на воздух, и бросали их на землю, и воины разбивались на куски. И Тайгамус со своим сыном Джаншахом и жена его Ситт Шамса поднялись на верхушку дворца и стали смотреть на бой телохранителей с войсками царя Кафида. А царь Кафид смотрел на них, сидя на ложе, и плакал. И избиение его войск не прекращалось в течение двух дней, пока их всех не уничтожили до последнего.

А потом Джаншах велел телохранителям принести ложе и опустить его на землю посреди крепости царя Тайгамуса. И они принесли ложе и сделали так, как велел им их господин, царь Джаншах. А затем царь Тайгамус приказал одному из телохранителей, которого звали Шамваль, взять царя Кафида и надеть на него цепи и ошейник и запереть в черную башню, и Шамваль сделал так, как он приказал ему.

И царь Тайгамус велел бить в литавры и послал вестников к матери Джаншаха, и те пошли и известили ее о том, что ее сын прибыл и совершил все эти деяния. И она обрадовалась этому и села на коня и приехала, и, увидев ее, Джаншах прижал ее к груди, и она упала без чувств от сильной радости. И ей побрызгали в лицо розовой водой, и, очнувшись, она обняла своего сына и заплакала от чрезмерной радости. И когда Ситт Шамса узнала о ее прибытии, она поднялась и шла до тех пор, пока не пришла к ней, и тогда она приветствовала ее, и они держали друг друга в объятиях некоторое время, а затем стали разговаривать. А царь Тайгамус отпер ворота города и послал вестников во все стороны, и вести распространились, и стали прибывать к царю подарки и великолепные редкости. И эмиры, воины и цари, которые правили в тех странах, приходили к царю, чтобы его приветствовать и поздравить его с такой победой и благополучием его сына.

И они пребывали в таком состоянии, и люди приносили им подарки и великолепные редкости в течение некоторого времени, а потом царь сделал великолепную свадьбу для Ситт Шамсы во второй раз и велел украшать город и вывел к Джаншаху девушку в драгоценностях и роскошных одеждах. И Джаншах вошел к Ситт Шамсе и подарил ей сотню девушек из прекрасных наложниц, чтобы они ей прислуживали. А через несколько дней после этого Ситт Шамса отправилась к царю Тайгамусу и заступилась перед ним за царя Кафида и сказала: «Отпусти его, чтобы он вернулся в свою страну, а если случится из-за него зло, я прикажу одному из телохранителей похитить его и привести к тебе». И царь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — а затем он послал Шамвалю приказание доставить к нему царя Кафида, и тот привел его к нему в цепях и путах.

И когда царь Кафид пришел и поцеловал перед Тайгамусом землю, тот приказал освободить его из этих оков, и его освободили. А затем он посадил его на хромого коня и сказал: «Царица Шамса заступилась за тебя, уходи же в твою страну, и, если ты повторишь, что делал раньше, она

пошлет за тобой телохранителя, и он приведет тебя». И царь Кафид отправился в свою страну, будучи в наихудшем положении, а Джаншах жил со своим отцом и Ситт Шамсой сладостнейшей и приятнейшей жизнью, в наилучшей и полнейшей радости».

И все это рассказывал Булукии юноша, сидевший между двумя могилами, а затем он сказал ему: «Вот я и есть Джаншах, который все это видел, о брат мой, о Булукия». И Булукия удивился его рассказу. А затем Булукия, странствующий из-за любви к Мухаммаду, да благословит его Аллах и да приветствует, сказал Джаншаху: «О брат мой, а в чем дело с этими двумя могилами? По какой причине ты сидишь между ними и почему ты плачешь?» И Джаншах ответил ему: «Знай, о Булукия, что мы пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни и в наилучшей и полнейшей радости и проводили в наших странах год и в Такни, крепости драгоценностей,— год. И мы передвигались не иначе, как сидя на ложе, и телохранители несли его и летели между небом и землей».

«О брат мой, о Джаншах,— спросил его Булукия,— а какой было длины расстояние между этой крепостью и вашей страной?» И Джаншах сказал ему в ответ: «Мы пересекали каждый день расстояние в тридцать месяцев пути и достигали крепости в десять дней. И мы провели в таком положении несколько лет, и случилось однажды, что мы отправились, как обычно, и достигли вот этого места. И мы спустились на ложе, чтобы поглядеть на этот остров, и сели на берегу реки, и стали есть и пить, и Ситт Шамса сказала: «Я хочу помыться в этой реке!» И она сняла с себя одежду, и невольницы тоже сняли одежду и сошли в реку и стали плавать, а я принялся ходить по берегу реки и оставил невольниц играть там с Ситт Шамсой. И вдруг большая акула из морских зверей ухватила ее за ногу, выбрав ее среди невольниц, и царица закричала и упала мертвая в тот же час и минуту. И невольницы вышли из реки, убегая в палатку от этой акулы, а затем некоторые из них понесли Ситт Шамсу и принесли ее в палатку, и она была мертвая и, увидев, что она мертвая, я упал без памяти, и мне обрызгали лицо водой, и я очнулся и стал плакать над девушкой.

И я велел телохранителям взять ложе, и отправиться к ее родным, и осведомить их о том, что с ней случилось, и они отправились к родным Ситт Шамсы и известили их о том, что с ней произошло. И родные ее были в отсутствии лишь недолго и прибыли в это место, и они омыли девушку,

и завернули ее в саван, и похоронили ее тут же, и стали ее оплакивать. Они пожелали взять меня с собой в свою страну, но я сказал отцу девушки: «Я хочу, чтобы ты вырыл для меня яму рядом с ее могилой, и я сделаю эту яму могилой для меня. Может быть, когда я умру, меня закопают в ней рядом с Шамсой». И царь Шахлан велел одному из телохранителей это сделать, и тот сделал то, что я хотел. А затем они улетели от меня и оставили меня плакать и рыдать над девушкой. Такова моя история, и вот почему я сижу между этими двумя могилами». И он произнес такие стихи:

«Без друзей для меня нет родного дома,
Мне сосед не знаком, лишь печаль знакома;

И не друг мне теперь мой друг закадычный,
И цветы не цветы, а как бы солома».

Услышав от Джаншаха такие слова, Булукия удивился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я думал, что я странствовал и кружил по земле, обходя ее, но, клянусь Аллахом, я забыл о том, что видел, услышав твою историю! — А затем сказал Джаншаху: — Я хочу от тебя милости и благодеяния, о брат мой: укажи мне безопасную дорогу».

И Джаншах указал ему дорогу, и Булукия простился с ним и пошел».

И все эти слова говорила царица змей Хасибу Карим аддину. И сказал ей Хасиб Карим ад-дин: «Как ты узнала все эти рассказы?» И она отвечала: «Знай, о Хасиб, что я послала в страны египетские большую змею двадцать пять лет тому назад и послала с ней письмо с приветствием Булукии, чтобы она доставила его ему. И эта змея отправилась и доставила его Бинт Шамух (а это была ее дочь в земле египетской). И она взяла письмо и шла, пока не достигла Каира, и тогда она стала спрашивать людей о Булукии, и ее привели к нему, и, придя к нему и увидев его, она его приветствовала и дала ему это письмо. И Булукия прочитал письмо и понял его смысл, а затем он спросил змею: «Ты пришла от царицы змей?» — «Да»,— отвечала она. И Булукия сказал: «Я хочу отправиться с тобой к царице змей, так как у меня есть до нее дело».— «Слушаю и повинуюсь»,— сказала змея.

И затем она пошла с ним к своей дочери и приветствовала ее, и после этого она простилась с ней, и вышла от нее, и сказала Булукии: «Зажмурь глаза!» И Булукия зажмурил глаза и открыл их и вдруг увидел, что он на той горе,

где нахожусь я. И змея пошла с ним к той змее, которая дала ей письмо, и приветствовала ее, а змея спросила: «Доставила ты Булукии письмо?» — «Да,— отвечала змея,— я доставила его ему, и он пришел со мной. Вот он». И Булукия подошел и приветствовал эту змею и спросил ее про царицу змей, и змея сказала ему: «Она отправилась на гору Каф со своими воинами, а когда придет лето, она вернется в эту землю. И всякий раз как она отправляется на гору Каф, она назначает меня на свое место, пока не вернется. Если у тебя есть просьба, то я ее для тебя исполню».— «Я хочу от тебя,— сказал Булукия,— чтобы ты принесла мне такие растения, что всякий, кто истолчет их и выпьет их сок, не ослабнет, не поседеет и не умрет».— «Я не принесу их тебе,— отвечала змея,— пока ты мне не расскажешь, что с тобой случилось после того, как ты расстался с царицей змей и отправился с Аффаном к месту погребения господина нашего Сулеймана».

И Булукия рассказал ей свою историю от начала до конца, и осведомил ее о том, что случилось с Джаншахом, и поведал ей его повесть, а потом он сказал: «Исполни мою просьбу, и я уйду в мои страны».— «Клянусь господином нашим Сулейманом,— сказала змея,— я не знаю дороги к этой траве!» И она приказала змее, которая привела Булукию, и сказала ей: «Доставь его в его страны!» И змея отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» И затем она сказала Булукии: «Зажмурь глаза!» — и Булукия зажмурил глаза, и открыл их, и увидел себя на горе аль-Мукаттам, и пошел, и пришел в свое жилище. А когда царица змей вернулась с горы Каф, то змея, которую она поставила на свое место, пришла к ней, и приветствовала ее, и сказала: «Булукия приветствует тебя!» — и рассказала ей все то, что передал ей Булукия о том, что он видел в своих странствиях и как он встретился с Джаншахом».

И царица змей сказала Хасибу Карим ад-дину: «Вот что рассказали мне об этом деле, о Хасиб». И Хасиб воскликнул: «О царица змей, расскажи мне о том, что случилось с Булукией, когда он вернулся в Египет!» — «Знай, о Хасиб,— сказала ему царица змей,— что, расставшись с Джаншахом, Булукия шел ночи и дни и пришел к большому морю, и тогда он намазал ноги соком, который был у него, и пошел по поверхности воды и пришел к острову с деревьями, реками и плодами, который был подобен раю. И он стал ходить по этому острову и увидел большое дерево, листья которого были точно паруса на кораблях. И он подошел к этому дереву и увидел, что под ним разложена

скатерть и на ней всевозможные блюда из роскошных кушаний, и увидел он на этом дереве птицу из жемчуга и зеленого изумруда, ноги которой были серебряные, клюв из красного яхонта, а перья из дорогих металлов, и эта птица прославляла Аллаха великого и молилась о Мухаммаде, да благословит его Аллах и да приветствует.

И, увидев эту огромную птицу,— рассказывала царица змей,— Булукия спросил ее: «Кто ты и каково твое дело?» И птица ответила: «Я из птиц райских. Знай, о брат мой, что Аллах великий вывел Адама из рая, и он вынес оттуда четыре листа, чтобы прикрыться ими. И упали они на землю, и один из них съели черви — и сделался из него шелк, а другой съели газели — и сделался из него мускус, а третий съели пчелы — и сделался из него мед, четвертый же упал в Индию, и возникли из него пряности. Что же до меня, то я блуждала по всей земле, пока Аллах великий не послал мне этого места, и я осталась здесь. И каждую пятницу вечером и днем приходят сюда святые и кутбы, которые живут в этом мире, и они посещают это место и вкушают эту пищу, а она — угощение им от Аллаха великого, которое он им выставляет каждую пятницу вечером и днем, а затем этот стол возносится в рай, и он никогда не уменьшается и не изменяется».

И Булукия стал есть, а окончив еду, он восхвалил Аллаха великого, и вдруг приблизился к нему аль-Хидр, да будет с ним мир. И Булукия поднялся к нему навстречу и приветствовал его и хотел уходить, но птица сказала ему: «О Булукия, сиди в присуствии аль-Хидра». И Булукия сел, а аль-Хидр сказал ему: «Расскажи мне о своем деле и поведай мне свою повесть».

И Булукия рассказал ему все, от начала до конца, до тех пор, пока он не пришел к нему и не достиг того места, в котором он сидит теперь перед аль-Хидром, и затем он спросил: «О господин, какова длина пути отсюда до Египта?» — «Расстояние в девяносто пять лет»,— ответил аль-Хидр. И, услышав эти слова, Булукия заплакал, а потом он припал к рукам аль-Хидра, и стал их целовать, и воскликнул: «Спаси меня из этого изгнания, да будет тебе награда Аллаха! Я приблизился к гибели, и у меня не осталось никакого средства!» — «Помолись Аллаху великому, чтобы он разрешил мне доставить тебя в Египет, прежде чем ты погибнешь»,— сказал аль-Хидр. И Булукия стал плакать и умолять Аллаха великого, и Аллах принял его молитву и внушил аль-Хидру, чтобы он доставил Булукию к его родным.

И сказал тогда аль-Хидр: «Подними голову, Аллах принял твою молитву и внушил мне, чтобы я доставил тебя в Египет. Уцепись за меня, и схватись за меня руками, и зажмурь глаза». И Булукия уцепился за аль-Хидра, и схватился за него руками, и зажмурил глаза, и аль-Хидр сделал один шаг и потом сказал Булукии: «Открой глаза!» И Булукия открыл глаза и увидел, что он стоит у ворот своего дома. И затем он обернулся, чтобы проститься с аль-Хидром, но не нашел и следа его. И он вошел в свой дом, и, когда его мать увидела его, она испустила громкий крик и упала от радости, и ей брызгали в лицо воду, пока она не очнулась, а очнувшись, она обняла своего сына и заплакала сильным плачем, а Булукия то плакал, то смеялся. И к нему пришли его родные, и домочадцы, и все его товарищи и стали его поздравлять с благополучием. И разнеслась по стране весть об этом, и стали приходить к нему подарки со всех концов, и забили барабаны, и засвистели флейты, и все радовались великой радостью. А после этого Булукия рассказал родным свою историю и поведал им обо всем, что с ним случилось, и о том, как аль-Хидр привел его и доставил к воротам его дома, и все удивились этому и плакали до тех пор, пока им не надоело плакать».

И все это рассказала царица змей Хасибу Карим ад-дину. И Хасиб Карим ад-дин удивился этому и горько заплакал, а затем он сказал царице змей: «Я хочу вернуться в мою страну!» И царица змей ответила ему: «Я боюсь, о Хасиб, что, достигнув своей страны, ты нарушишь обет и не исполнишь клятву, которую ты мне дал, и пойдешь в баню». И Хасиб поклялся ей другими верными клятвами, что всю жизнь не будет ходить в баню, и тогда царица змей приказала одной змее и сказала ей: «Выведи Хасиба Карим ад-дина на лик земли!» И змея взяла Хасиба и переходила с ним с места на место, пока не вывела его на лик земли из-под крышки заброшенного колодца, а затем он пошел и шел, пока не дошел до своего города.

И он отправился в свой дом, а было это в конце дня, когда солнце побледнело, и постучал в ворота, и вышла его мать, и открыла ворота, и увидела своего сына, который стоял перед нею. И, увидев его, она вскрикнула от сильной радости, и бросилась к нему, и заплакала, и когда услышала ее плач жена Хасиба, она вошла к ней, и увидела своего мужа, и приветствовала его, и поцеловала ему руки. И они сильно обрадовались друг другу и вошли в дом, и, когда они уселись и Хасиб посидел среди своих родных, он спросил о дровосеках, которые рубили с ним дрова, и ушли, и оста-

вили его в колодце, и мать сказала ему: «Они пришли ко мне и сказали: «Твоего сына съел волк в долине». Они сделались большими купцами и владеют именьями и лавками, мир стал для них просторен, и они каждый день приносят нам еду и питье, и таково их обыкновение до сего времени».— «Завтра пойди к ним,— сказал Хасиб,— и скажи им: «Хасиб Карим ад-дин вернулся из путешествия; приходите его встречать и приветствовать».

И когда наступило утро, его мать пошла по домам дровосеков и сказала им то, что поручил ей сказать ее сын. И, услышав ее слова, дровосеки изменились в лице и сказали ей: «Слушаем и повинуемся!» И каждый из них дал ей шелковую одежду, вышитую золотом, и они сказали ей: «Отдай их твоему сыну, пусть он их наденет, и скажи ему: «Они завтра к тебе придут». И мать Хасиба сказала им: «Слушаю и повинуюсь!» — и вернулась от них к сыну, и осведомила его об этом, и отдала ему то, что дали ей дровосеки.

Вот что было с Хасибом Карим ад-дином и его матерью. Что же касается дровосеков, то они собрали множество купцов и осведомили их о том, что произошло из-за них с Хасибом Карим ад-дином, и спросили их: «Что нам теперь с ним делать?» И купцы ответили им: «Каждому из вас следует отдать ему половину своих денег и невольников»,— и все согласились с этим мнением. И каждый из них взял половину своих денег, и они все пошли к Хасибу, и приветствовали его, и поцеловали ему руки, и отдали ему принесенное, и сказали: «Это часть твоей милости, и мы стоим перед тобою!» И Хасиб принял от них деньги и сказал им: «Что было, то было!» Это было суждено Аллахом, а то, что суждено, сильней того, чего боишься!»

«Пойдем с нами, погуляем по городу и сходим в баню»,— сказали ему купцы. И Хасиб ответил: «Я дал клятву, что не пойду в баню всю жизнь».— «Пойдем с нами к нам домой, мы тебя угостим»,— сказали купцы. И Хасиб ответил: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он поднялся и пошел с ними к ним домой, и каждый из купцов угощал его один вечер, и они делали это в течение семи вечеров.

И стал Хасиб обладателем денег, имений и лавок, и вокруг него собирались купцы города, и он рассказывал им обо всем, что с ним случилось, и сделался он одним из знатных купцов. И он провел так некоторое время, и в один из дней случилось ему выйти, чтобы пройтись по городу.

И вдруг один его приятель (а он был банщик) увидал его, когда он проходил мимо ворот бани, и глаза встретились с глазами, и банщик приветствовал Хасиба, и обнял его, и воскликнул: «Сделай мне милость, войди в баню и разотрись, пока я приготовлю тебе угощение». — «Я дал клятву, что не буду ходить в баню всю жизнь», — ответил Хасиб. И банщик стал клясться и воскликнул: «Мои три жены разведены со мной трижды, если ты не войдешь со мной в баню и не помоешься там!»

И Хасиб Карим ад-дин смутился душою и сказал банщику: «Разве ты хочешь, брат мой, сделать моих детей сиротами, разрушить мой дом и возложить грех на мою шею?» И тогда банщик бросился к ногам Хасиба Карим ад-дина, и стал их целовать, и воскликнул: «Я прибегаю к твоему покровительству! Войди ко мне в баню, и грех будет на моей шее». И рабочие в бане и все, кто был там, собрались вокруг Хасиба Карим ад-дина, и стали его упрашивать, и сняли с него одежду, и ввели его в баню.

И едва только он вошел туда, и сел у стены, и начал поливать себе голову водой, как пришли к нему двадцать человек и сказали: «Уходи от нас, о человек, ты ответчик перед султаном!» И они послали одного из них к вазиру султана, и этот человек отправился к нему и осведомил вазира, и тот сел на коня вместе с шестьюдесятью мамлюками, и они поехали, и приехали в баню, и встретились с Хасибом Карим ад-дином. И вазир приветствовал его и сказал: «Добро пожаловать!» — и дал банщику сто динаров и приказал подвести Хасибу коня, чтобы он на нем ехал. А затем вазир сел на коня вместе с Хасибом, и люди его тоже сели, и они взяли Хасиба и ехали с ним, пока не приехали ко дворцу султана. И вазир и его люди спешились, и Хасиб тоже сошел с коня, и он сел во дворце, и ему принесли трапезу, и все поели, выпили и вымыли руки. И вазир наградил Хасиба двумя почетными одеждами, каждая из которых стоила пять тысяч динаров, и сказал ему: «Знай, что Аллах послал тебя к нам и проявил к нам милость твоим приходом: султан близок к смерти от проказы, которая постигла его, и наши книги указывают, что жизнь его в твоих руках».

И Хасиб удивился этому делу, и вазир с Хасибом и вельможами царства прошел через семь дворцовых ворот, и они вошли к царю. А царя звали царь Караздан, царь персов, и он царил над семью климатами, и было у него в услужении сто султанов, которые сидели на престолах из червонного золота, и десять тысяч богатырей, каждому из

которых подчинялось сто наместников и сто палачей, державших в руках мечи и топоры. И они нашли этого царя лежащим, и лицо его было закутано в платок, и он стонал от сильной боли. И когда Хасиб увидал это, его ум был ошеломлен видом царя Караздана, и он поцеловал перед ним землю и пожелал ему счастья, а потом подошел к нему великий вазир, которого звали вазир Шамхур, и сказал ему: «Добро пожаловать!» — и посадил его на великолепный престол Караздана, и принесли трапезу, и все поели и попили и вымыли руки, а затем вазир Шамхур поднялся, и встали все, кто был в зале, проявляя почтение к нему. И вазир подошел к Хасибу Карим-ад-дину и сказал ему: «Мы будем тебе прислуживать, и все, что ты потребуешь, мы тебе дадим; даже если бы ты потребовал половину царства, мы бы ее тебе дали, так как исцеление царя в твоих руках». И он взял его за руку и подошел с ним к царю. И Хасиб открыл царю лицо, и посмотрел на него, и увидел, что царь в крайней болезни. И Хасиб удивился этому, а вазир склонился над рукой Хасиба, поцеловал ее и сказал: «Мы хотим от тебя, чтобы ты вылечил царя, и все, что ты пожелаешь, мы тебе дадим. Это и есть то, что нам от тебя нужно».— «Хорошо,— сказал Хасиб.— Я сын Данияля, пророка Аллаха, но я не знаю никакой науки. Меня поместили учиться ремеслу врачевания на тридцать дней, но я ничего из этого ремесла не выучил. Я хотел бы знать что-нибудь из этой науки и вылечить этого царя».— «Не затягивай с нами разговоры! — воскликнул вазир.— Если бы мы собирали всех мудрецов Востока и Запада, никто бы не вылечил царя, кроме тебя!» — «Как же я его вылечу, когда я не знаю ни болезни его, ни лекарства?» — спросил Хасиб. И вазир сказал: «Лекарство для царя находится у тебя».— «Если бы я знал для него лекарство,— сказал Хасиб,— я бы, право, его вылечил».— «Ты знаешь его лекарство, и знаешь отлично,— сказал вазир.— Его лекарство — царица змей, и ты знаешь, где она, и видел ее, и был у нее».

И, услышав это, Хасиб понял, что причина всего этого — посещение бани, и стал раскаиваться, но раскаяние было бесполезно, и он сказал: «Как царица змей? Я ее не знаю и никогда в жизни не слышал такого названия».— «Не отрицай, что ты ее знаешь,— сказал вазир,— у меня есть указание, что ты знаешь ее и пробыл у нее два года».— «Я не знаю ее, и ее не видел, и не слышал об этом деле, раньше чем услышал о нем от вас сию минуту»,— отвечал Хасиб.

И вазир принес книгу, и открыл ее, и стал гадать, а затем он сказал: «Царица змей встретится с человеком, и он пробудет у нее два года, и вернется от нее, и поднимется на лик земли, и, когда он войдет в баню, у него почернеет живот. Посмотри себе на живот»,— сказал он Хасибу. И тот взглянул себе на живот и увидел, что он черный. «У меня живот черный с тех пор, как меня родила моя мать»,— сказал он вазиру. И тот воскликнул: «Я поставил у каждой бани трех мамлюков, чтобы они наблюдали за всяким, кто войдет в баню, и смотрели ему на живот, и осведомляли меня о нем. И когда ты вошел в баню, они посмотрели тебе на живот и увидели, что он черный. И они послали ко мне, извещая об этом, и нам не верилось, что мы с тобой сегодня встретимся. У нас нет другой нужды, кроме того, чтобы ты нам показал то место, откуда ты вышел, а потом ты уйдешь своей дорогой. Мы можем схватить царицу змей, и у нас есть кому ее принести». Услышав эти слова, Хасиб раскаялся, что входил в баню, великим раскаянием, когда раскаяние было бесполезно, и эмиры и вазиры умоляли его рассказать им, где царица змей, пока не ослабели, а Хасиб говорил: «Я не видел такого дела и не слыхал о нем».

И тогда вазир потребовал палача, и его привели, и вазир велел ему снять с Хасиба одежду и побить его сильным боем. И палач делал это до тех пор, пока Хасиб не увидел воочию смерть из-за нестерпимых мучений. А после этого вазир сказал ему: «У нас есть указание, что ты знаешь, где место царицы змей, зачем же ты это отрицаешь? Покажи нам то место, откуда ты вышел, и удались от нас. У нас есть кому схватить царицу змей, и тебе не будет вреда». И затем он стал его упрашивать, и поднял его на ноги, и велел дать ему одежду, вышитую червонным золотом и дорогими металлами. И Хасиб послушался приказания вазира и сказал: «Я покажу вам то место, откуда я вышел». И, услышав его слова, вазир обрадовался великой радостью. И он сел на коня со всеми эмирами, и Хасиб тоже сел на коня и поехал перед воинами, и они ехали до тех пор, пока не приехали к горе, а затем Хасиб вошел с ними в пещеру и стал плакать и горевать. И эмиры и вазиры сошли с коней и шли вслед за Хасибом, пока не пришли к колодцу, из которого Хасиб вышел.

И тогда вазир выступил вперед, и сел, и зажег курения, и стал произносить заклинания и клятвы, и дуть, и бормотать. А он был злокозненный волшебник и кудесник, который знал науку о духах и другие науки. А окончив

первое заклинание, он стал читать второе заклинание и третье заклинание, и всякий раз, когда курения кончались, он бросал на огонь другие. Потом он сказал: «Выходи, о царица змей!» И вдруг вода в колодце ушла под землю, и открылась большая дверь, и раздался великий крик, подобный грому, так что подумали, что колодец обвалился, и все присутствующие упали на землю без памяти, а некоторые из них умерли.

И вышла из этого колодца огромная змея, точно слон, из глаз и изо рта которой летели искры, как угли, и на спине у нее было блюдо из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, а посреди этого блюда сидела змея, озарявшая все помещение, и лицо у нее было, как у человека, и говорила она самым ясным языком, и была это царица змей. И она стала оборачиваться направо и налево, и взор ее упал на Хасиба, и она спросила его: «Где же обет, который ты мне дал, и клятва, которою ты мне поклялся, говоря, что ты не пойдешь в баню? Но ничто не поможет против того, что предопределено, и что написано на лбу, от того не убежишь. Аллах вложил окончание моей жизни в твои руки, и так судил Аллах, и хотел он, чтобы я была убита, а царь Караздан исцелился от болезни».

И затем царица змей заплакала сильным плачем, и Хасиб заплакал вместе с ней. И когда вазир Шамхур-проклятый увидал царицу змей, он протянул к ней руку, чтобы схватить ее, но она сказала: «Удержи свою руку, о проклятый, иначе я подую на тебя и превращу тебя в кучу черного пепла!» И она закричала Хасибу и сказала ему: «Подойди ко мне, и возьми меня в руки, и положи меня на это блюдо, которое с вами, и поставь его себе на голову. Умереть от твоей руки мне суждено от века, и нет у тебя хитрости, чтобы отвратить мою смерть».

И Хасиб взял змею и понес ее на голове, и колодец опять стал таким, как был. И все вышли, и Хасиб нес блюдо, в котором была змея, на голове. И когда они шли по дороге, царица змей сказала Хасибу потихоньку: «О Хасиб, послушай, какой я дам тебе добрый совет, хотя ты и нарушил обещание, и не сдержал клятвы, и совершил такие поступки, так как они были суждены от века». — «Слушаю и повинуюсь! — сказал Хасиб. — Что ты мне прикажешь, о царица змей?» — «Когда ты придешь в дом вазира, — сказала змея, — он скажет тебе: «Зарежь царицу змей и разруби ее на три куска!» — а ты откажись и не делай этого и скажи ему: «Я не знаю, как резать». Пусть он зарежет меня своей

рукой и сделает со мной, что хочет. А когда он меня зарежет и разрубит на куски, к нему придет посланец от царя Караздана и потребует, чтобы он явился к нему. И тогда вазир положит мое мясо в медный котелок и поставит котелок на жаровню и перед уходом к царю скажет тебе: «Зажги огонь под этим котелком, чтобы поднялась с мяса пена, и, когда пена поднимется, возьми ее, налей в бутылку и подожди, пока она простынет, и выпей ее. Когда ты ее выпьешь, не останется у тебя в теле никакой боли. А когда поднимется вторая пена, сохрани ее у себя в другой бутылке, и я приду от царя и выпью ее из-за болезни, которая у меня в хребте». И он даст тебе две бутылки и уйдет к царю, а когда он уйдет к нему, зажги огонь под котелком, чтобы поднялась первая пена, и возьми ее и налей в бутылку и спрячь ее у себя, но берегись ее выпить; если ты ее выпьешь, не будет для тебя блага. А когда поднимется вторая пена, налей ее в другую бутылку и подожди, пока она остынет, и сохрани ее у себя, чтобы ее выпить. А когда вазир придет от царя и потребует от тебя вторую бутылку, дай ему первую и посмотри, что с ним произойдет. А потом выпей сам вторую пену, и, когда ты ее выпьешь, станет твое сердце обителью мудрости. А после этого вынь мясо, и положи его на медное блюдо, и дай его царю, чтобы он его съел, а когда он съест мясо и оно утвердится у него в животе, закрой ему лицо платком и подожди до полудня, пока его живот не простынет, и потом напои его вином; он снова станет здоров, как был, и вылечится от своей болезни по могуществу Аллаха великого. Слушайся наставления, которое я тебе дала, и всячески его придерживайся».

И они шли до тех пор, пока не подошли к дому вазира, и тот сказал Хасибу: «Войди со мной в дом!» И когда вазир с Хасибом вошли и воины разошлись и каждый из них ушел своей дорогой, Хасиб снял с головы блюдо, в котором была царица змей. И вазир сказал ему: «Зарежь царицу змей».— «Я не знаю, как резать,— сказал Хасиб,— и в жизни никого не резал. Если у тебя есть желание ее зарезать, зарежь ее сам своей рукой». И вазир Шамхур поднялся, и взял царицу змей из блюда, в котором она лежала, и зарезал ее. И когда Хасиб увидел это, он горько заплакал, и Шамхур стал над ним смеяться и воскликнул: «О безумец, как можешь ты плакать из-за того, что зарезана змея?»

А после того, как вазир ее зарезал, он разрубил ее на три куска и положил их в медный котелок, и вдруг пришел к нему от царя мамлюк и сказал: «Царь тебя требует сию

же минуту!» — «Слушаю и повинуюсь!» — ответил вазир, и после этого он поднялся, и принес Хасибу две бутылки, и сказал: «Зажги огонь под этим котелком, чтобы поднялась с мяса первая пена, а когда она поднимется, сними ее с мяса и налей в одну из этих бутылок. Подожди, пока она остынет, и выпей ее. Если ты ее выпьешь, твое тело станет здоровым, и не останется у тебя в теле боли или недуга. Когда же поднимется вторая пена, налей ее в другую бутылку и храни ее у себя, пока я не вернусь от царя, и тогда я ее выпью, потому что у меня в хребте боль, которая, может быть, пройдет, когда я выпью пену».

Затем он отправился к царю, подтвердив Хасибу это наставление. И Хасиб зажег огонь под котелком, и когда поднялась первая пена, он снял ее и налил в одну из двух бутылок, которую положил около себя. И он до тех пор разжигал огонь под котелком, пока не поднялась вторая пена, и тогда он снял ее, и налил во вторую бутылку, и спрятал ее у себя. А когда мясо поспело, он снял котелок с огня и сел и стал ждать вазира, и вазир пришел от царя и спросил Хасиба: «Что ты сделал?» — «Работа кончена»,— отвечал Хасиб. И вазир спросил его: «Что ты сделал с первой бутылкой?» — «Я сейчас выпил то, что в ней было»,— ответил Хасиб. И вазир сказал: «Я вижу, что на твоем теле ничего не изменилось».— «Я чувствую, что мое тело, от темени до ног, как будто загорелось огнем»,— отвечал Хасиб. И коварный вазир Шамхур скрыл от него, в чем дело, чтобы обмануть его, и сказал: «Подай сюда оставшуюся бутылку: я выпью то, что в ней есть, и, может быть, я исцелюсь и вылечусь от болезни, которая у меня в хребте».

И затем вазир выпил то, что было в первой бутылке, думая, что это вторая, и не успел он ее выпить до конца, как бутылка выпала у него из рук, и он распух сию же минуту. И оправдались на нем слова сказавшего поговорку: «Кто вырыл колодец для своего брата, упадет в него».

И, увидев это дело, Хасиб удивился и побоялся выпить из второй бутылки, но затем он вспомнил наставление змеи и сказал про себя: «Если бы во второй бутылке было что-нибудь вредное, вазир не выбрал бы ее для себя. Полагаюсь на Аллаха!» — воскликнул он и выпил то, что было в бутылке. И когда он выпил ее, Аллах великий открыл у него в сердце источники мудрости и обнаружил перед ним сущность знания, и овладело им веселье и радость. И он взял мясо, которое было в котле, и положил его на медное блюдо, и вышел из дома вазира.

И, подняв голову к небу, он увидел семь небес и все, что есть там, вплоть до лотоса крайнего предела. И увидал он, как вращаются небосводы, и Аллах открыл ему все это. Он увидал звезды, движущиеся и неподвижные, и понял, как движутся созвездия, и уразумел, каков облик суши и моря, и вывел отсюда науку измерения, и науку чтения по звездам, и астрономию, и науку о небесных светилах, и исчисление, и все то, что с этим связано. Он узнал обо всем, что проистекает от затмения солнца и луны, и о прочем, и затем он посмотрел на землю и узнал, какие там есть металлы, растения и деревья, и узнал, какие у них всех особенности и полезные свойства, и вывел отсюда науку врачевания, белой магии и алхимии, и узнал, как делать золото и серебро.

И он шел с этим мясом, пока не дошел до царя Караздана, а войдя к нему, он поцеловал землю перед ним и сказал ему: «Твой вазир Шамхур приказал долго жить!» И царь разгневался великим гневом из-за смерти своего вазира и заплакал горьким плачем, и заплакали о нем вазиры, эмиры и вельможи царства, а затем царь Караздан сказал: «Вазир Шамхур сейчас был у меня в полном здоровье, а затем он ушел, чтобы принести мне мясо, если оно хорошо сварилось. Какова же причина его смерти в этот час и какая с ним случилась беда?» И Хасиб рассказал царю обо всем, что случилось с вазиром, когда он выпил содержимое бутылки и распух, и живот у него раздулся, и он умер. И царь опечалился великой печалью и спросил Хасиба: «Каково же будет мне после Шамхура?» — «Не обременяй себя заботой, о царь времени,— ответил царю Хасиб.— Я тебя вылечу в три дня и не оставлю у тебя в теле никакой болезни». И царь Караздан успокоился и сказал Хасибу: «Я хочу исцелиться от этой беды, хотя бы через несколько лет».

И Хасиб поднялся, и, принеся котелок, поставил его перед царем, и взял кусок мяса царицы змей, и дал его съесть царю Караздану, а потом он покрыл его и расстелил у него на лице платок и, сев рядом с ним, велел ему заснуть. И царь проспал от полудня до заката солнца, пока кусок мяса не совершил круг у него в животе. А затем Хасиб разбудил царя и дал ему выпить немного вина и велел ему спать. И царь проспал всю ночь до утра, а когда поднялся день, Хасиб сделал с ним то же самое, что сделал накануне, и он скормил ему эти три куска мяса в течение трех дней. И у царя стала сохнуть кожа и вся слезла, и тогда царь начал потеть так, что пот лил по нему с ног до головы,

и исцелился, и у него на теле не осталось никакой болезни. «Необходимо пойти в баню»,— сказал Хасиб, и свел царя в баню, и вымыл ему тело, и вывел его оттуда. И стало тело царя подобно серебряной трости, и вернулся он к прежнему здоровью и стал еще здоровее, чем раньше.

И надел царь лучшие свои одежды и сел на престол и позволил Хасибу Карим ад-дину сесть с ним, и Хасиб сел с ним рядом. И тогда царь велел расставить столы, и их расставили, и они поели и вымыли руки, а потом царь велел принести напитки, и принесли то, что он потребовал, и они с Хасибом выпили. И пришли все эмиры, вазиры и воины, и вельможи царства, и знатные люди из его подданных и стали его поздравлять с выздоровлением и благополучием. И забили в барабаны и украсили город из-за спасения царя, и, когда все собрались у него для поздравлений, царь сказал: «О собрание вазиров, эмиров и вельмож царства! Вот Хасиб Карим ад-дин, который вылечил меня от моей болезни. Знайте, что я назначил его великим вазиром на место вазира Шамхура. Кто любит его, тот любит и меня, кто почитает его, тот почитает и меня, и кто ему повинуется, тот и мне повинуется».— «Слушаем и повинуемся!» — сказали все. И затем они все поднялись, и стали целовать руки Хасиба Карим ад-дина, и приветствовать его, и поздравлять с должностью вазира.

А после этого царь наградил Хасиба роскошной одеждой почета, затканной червонным золотом и украшенной жемчугом и драгоценными камнями, самый маленький из которых стоил пять тысяч динаров, и подарил ему триста мамлюков и триста наложниц, которые сияли, как луны, и триста абиссинских рабынь и пятьсот мулов, нагруженных деньгами, и дал он ему скота, и буйволов, и коров столько, что бессильно всякое описание. А после всего этого он велел своим вазирам, эмирам, вельможам царства, знатным людям страны, и невольникам, и простым своим подданным делать Хасибу подарки. И Хасиб Карим ад-дин поехал, и поехали позади него вазиры, эмиры, вельможи царства и все воины и отправились к дому, который велел освободить для него царь. И затем он сел на ложе, и начали приходить к нему эмиры и вазиры, и целовать ему руки, и поздравлять его с должностью вазира, и все они стали ему прислуживать.

И мать Хасиба обрадовалась великой радостью и стала поздравлять его с должностью вазира; и пришли к нему его жены и поздравили его с благополучием и должностью вазира, и они радовались великой радостью, а потом при-

шли к нему его товарищи дровосеки и поздравили его с должностью вазира. И Хасиб сел на коня и поехал и, прибыв ко дворцу вазира Шамхура, опечатал его дом и наложил руку на то, что в нем находилось, и описал его содержимое и перенес все это в свой дом. И после того, как он не знал никакой науки и не умел читать написанное, он сделался знающим все науки по могуществу Аллаха великого, и распространилась весть о его знаниях. И стала его мудрость известна во всех странах, и сделался он знаменит глубокими познаниями во врачевании, астрономии, геометрии, чтении по звездам, алхимии, белой магии, науке о духах и прочих науках.

И однажды он сказал своей матери: «О матушка, мой отец Данияль был человеком мудрым и достойным; расскажи мне, что он оставил из книг и прочего». И, услышав слова Хасиба, его мать принесла сундук, в который его отец положил пять листков, оставшиеся от книг, утонувших в море, и сказала ему: «Твой отец не оставил никаких книг — только пять листков, которые в этом сундуке».

И Хасиб открыл сундук, взял эти пять листков и прочитал их и воскликнул: «О матушка, это пять листков из целой книги, где же остаток ее?» И его мать ответила: «Твой отец поехал со всеми своими книгами по морю, и корабль разбился, и книги его потонули, а его самого Аллах великий спас от потопления, и не осталось от его книг ничего, кроме этих пяти листков. А когда твой отец вернулся из путешествия, я носила тебя, и он сказал мне: «Может быть, ты родишь мальчика, возьми же эти листки и спрячь их у себя, и когда мальчик вырастет и спросит тебя про мое наследство, отдай ему их и скажи: «Твой отец не оставил ничего, кроме этого. Вот эти листки».

И Хасиб Карим ад-дин изучил все науки, и после этого он сидел, ел и пил, живя приятнейшей жизнью и наилучшим образом, пока не пришла к нему смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Вот и конец того, что дошло до нас из повести о Хасибе, сыне Данияля, да помилует его Аллах великий! А Аллах лучше знает истину.

СКАЗКА О СИНДБАДЕ-МОРЕХОДЕ

Но это не удивительнее, чем сказка о Синдбаде. А был во времена халифа, повелителя правоверных, Харуна ар-Рашида в городе Багдаде человек, которого звали Синдбад-носильщик. И был это человек, живший бедно, и носил он за плату тяжести на голове. И случилось, что в какой-то день он нес тяжелую ношу,— а была в этот день сильная жара,— и утомился Синдбад от своей ноши и вспотел, ибо усилился зной. И проходил он мимо ворот одного купца, перед которыми было подметено и полито, и там было прохладно, и рядом с воротами стояла широкая скамейка. И носильщик положил свою ношу на эту скамейку, чтобы отдохнуть и подышать воздухом, и на него повеяло из ворот нежным ветерком и благоуханным запахом, и носильщик наслаждался этим, присев на край скамейки, и слышал он из этого помещения звуки струн лютни, и голоса, приводившие в волнение, и декламацию разных стихов с ясным смыслом, и внимал пению птиц, которые перекликались и прославляли Аллаха великого разными голосами, на всевозможных языках, и были то горлинки, персидские соловьи, дрозды, обыкновенные соловьи, лесные голуби и певчие перепелки.

И носильщик удивился и пришел в великий восторг, и, подойдя к воротам, он увидел внутри дома большой сад и заметил там слуг, рабов, прислужников, и челядь, и всякие вещи, которые найдешь только у царей и султанов; и повеяло на него благоуханным запахом прекрасных кушаний всевозможных и разнообразных родов и прекрасных напитков. И он поднял взор к небу и воскликнул: «Слава тебе, о господи, о творец, о промыслитель, ты наделяешь кого хочешь без счета! О боже, я прошу у тебя прощения во всех грехах и раскаиваюсь перед тобой в моих недостатках. О господи, нет сопротивления тебе при твоем приговоре и могуществе, тебя не спрашивают о том, что ты делаешь, и ты властен во всякой вещи. Слава тебе! Ты обогащаешь, кого хочешь, и делаешь бедными, кого хочешь, ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь. Нет господа, кроме тебя! Как велик твой сан, и как сильна твоя власть, и как прекрасно твое управление! Ты оказал милость, кому хотел из рабов твоих, и владелец этого дома живет в крайнем благополучии, и наслаждается он тонкими запахами, сладкими кушаньями и роскошными напитками всевозможных видов. Ты судил твоим тварям,

что хотел и что предопределил им: одни счастливы, а другие, как я, в крайней усталости и унижении». И он произнес:

«Сколько в мире людей не знают покоя
И страдают весь век от жгучего зноя!

Я устал, и слаб, тяготит меня ноша,
И никто моего не услышит вон;

А другой живет и горя не знает
И при этом знать не хочет изгон,

Рад и счастлив, живет он в благополучье,
Словно он человек другого покроя.

А ведь все из единой возникли капли,
И единый исток у людского роя;

Но различны мы все, как вино и уксус,
Так как мы не скотина у водопоя;

Только я не ропщу на тебя, Создатель,
И никто твоего не нарушит строя».

А окончив произносить свои нанизанные стихи, Синдбад-носильщик хотел поднять свою ношу и идти, и вдруг вышел к нему из ворот слуга, юный годами, с красивым лицом и прекрасным станом, в роскошных одеждах. И он схватил носильщика за руку и сказал ему: «Войди поговори с моим господином, он зовет тебя». И носильщик хотел отказаться войти со слугой, но не мог этого сделать. Он сложил свою ношу у привратника при входе в дом и вошел со слугой, и увидел он прекрасный дом, на котором лежал отпечаток приветливости и достоинства, а посмотрев в большую приемную залу, он увидел там благородных господ и знатных вольноотпущенников; и были в зале всевозможные цветы и всякие благовонные растения, и закуски, и плоды, и множество разнообразных роскошных кушаний, и вина из отборных виноградных лоз. И были там инструменты для музыки и веселья и прекрасные рабыни, и все они стояли на своих местах, по порядку; а посреди зала сидел человек знатный и почтенный, щек которого коснулась седина; был он красив лицом и прекрасен обликом и имел вид величественный, достойный, возвышенный и почтенный.

И оторопел Синдбад-носильщик и воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, это помещение — один из райских покоев, это дворец султана или царя!» И затем он проявил вежливость, и пожелал присутствующим мира, и призвал

на них благословение, и, поцеловав перед ними землю, остановился, опустив голову. И хозяин дома позволил ему сесть, и он сел, а хозяин приблизил его к себе и стал ободрять его словами, говоря: «Добро пожаловать!»

Потом он велел подать ему роскошные кушанья, прекрасные и великолепные, и Синдбад-носильщик подошел и, произнеся имя Аллаха, стал есть и ел, пока не поел вдоволь и не насытился, а потом он сказал: «Слава Аллаху во всяком положении!» — и вымыл руки и поблагодарил присутствующих. «Добро пожаловать,— сказал ему хозяин дома,— день твоего прихода благословен. Как твое имя и каким ты занимаешься ремеслом?» — «О господин,— отвечал Синдбад,— мое имя — Синдбад-носильщик, и я ношу на голове чужие вещи за плату».

И хозяин дома улыбнулся и сказал ему: «Знай, о носильщик, что твое имя такое же, как мое, я — Синдбад-мореход. Но я хочу, о носильщик, чтобы ты дал мне услышать те стихи, которые ты говорил, стоя у ворот». И носильщик смутился и воскликнул: «Ради Аллаха, не взыщи с меня! Усталость, и труд, и малый достаток учат человека невежливости и неразумию».— «Не смущайся,— ответил ему хозяин дома,— ты стал моим братом. Скажи же мне эти стихи, они мне понравились, когда я услышал, как ты говорил их, стоя у ворот».

И носильщик сказал хозяину дома эти стихи, и они понравились ему, и он восторгался, слушая их.

«О носильщик,— сказал он,— знай, что моя история удивительна. Я расскажу тебе обо всем, что со мной было и случилось, прежде чем я пришел к такому счастью и стал сидеть в том месте, где ты меня видишь. Я достиг такого счастья и подобного места только после сильного утомления, великих трудов и многих ужасов. Сколько я испытал в давнее время усталости и труда! Я совершил семь путешествий, и про каждое путешествие есть удивительный рассказ, который приводит в смущение умы. Все это случилось по предопределенной судьбе,— а от того, что написано, некуда убежать и негде найти убежище.

РАССКАЗ О ПЕРВОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Знайте, о господа, о благородные люди, что мой отец был купцом, и был он из купцов знатных, и имел большие деньги и обильные богатства, и умер, когда я был маленьким мальчиком, оставив мне деньги, и земли, и деревни.

А выросши, я наложил на все это руку и стал есть прекрасную пищу и пить прекрасные напитки. Я водил дружбу с юношами и наряжался, надевая прекрасные одежды, и расхаживал с друзьями и товарищами, и думал я, что все это продлится постоянно и всегда будет мне полезно. И я провел в таком положении некоторое время, а затем я очнулся от своей беспечности и вернулся к разуму и увидел, что деньги мои ушли, а положение изменилось, и исчезло все, что у меня было. И, придя в себя, я испугался и растерялся и стал думать об одном рассказе, который я раньше слышал от отца,— и был это рассказ о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда, да будет с ними мир, который говорил: «Есть три вещи лучше трех других: день смерти лучше дня рождения, живой пес лучше мертвого льва и могила лучше бедности».

И я поднялся и собрал все бывшие у меня вещи и одежды и продал их, а потом я продал мои земли и все, чем владели мои руки, и собрал три тысячи дирхемов. И пришло мне на мысль отправиться в чужие страны, и вспомнил я слова кого-то из поэтов, который сказал:

Достигнуть высот без труда невозможно,
Искателю спится ночами тревожно;

За каждой жемчужиной в море ныряют,
В глубины бросаются неосторожно.

А тот, кто взыскует высот без усилий,
Пусть знает: его устремление ложно.

И тогда я решился и накупил себе товаров, и вещей, и всяких принадлежностей, и кое-что из того, что было нужно для путешествия, и собрался совершить путешествие по морю. И я сел на корабль и спустился в город Басру вместе с толпой купцов, и мы ехали морем дни и ночи и проходили мимо островов, переходя из моря в море и от суши к суше; и везде, где мы ни проходили, мы продавали, и покупали, и выменивали товары. И мы пустились ехать по морю и достигли одного острова, подобного райскому саду, и хозяин корабля пристал к этому острову, и бросил якоря, и спустил сходни, и все, кто был на корабле, сошли на этот остров. И они сделали себе жаровни, и разожгли на них огонь, и занялись разными делами, и некоторые из них стряпали, другие стирали, а третьи гуляли; и я был среди тех, кто гулял по острову.

И путники собрались и стали есть, пить, веселиться и играть; и мы проводили так время, как вдруг хозяин

корабля стал на край палубы и закричал во весь голос: «О мирные путники, поспешите подняться на корабль и поторопитесь взойти на него! Оставьте ваши вещи и бегите, спасая душу. Убегайте, пока вы целы и не погибли. Остров, на котором вы находитесь, не остров,— это большая рыба, которая погрузилась в море, и нанесло на нее песку, и стала она как остров, и деревья растут на ней с древних времен. А когда вы зажгли на ней огонь, она почувствовала жар и зашевелилась, и она опустится сейчас с вами в море, и вы все потонете. Ищите же спасения вашей душе прежде гибели и оставьте вещи!»

И путники услышали слова капитана, и заторопились, и поспешили подняться на корабль, и оставили свои вещи, и пожитки, и котлы, и жаровни. И некоторые из них достигли корабля, а некоторые не достигли, и остров зашевелился и опустился на дно моря со всем, что на нем было, и сомкнулось над ними ревущее море, где бились волны. А я был среди тех, которые задержались на острове, и погрузился в море вместе с теми, кто погрузился, но Аллах великий спас меня и сохранил от потопления и послал мне большое деревянное корыто, из тех, в которых люди стирали. И я схватился за корыто и сел на него верхом, ради сладости жизни, и отталкивался ногами, как веслами, и волны играли со мной, бросая меня направо и налево. А капитан распустил паруса и поплыл с теми, кто поднялся на корабль, не обращая внимания на утопающих; и я смотрел на этот корабль, пока он не скрылся из глаз, и тогда я убедился, что погибну.

И пришла ночь, и я был в таком положении и провел таким образом один день и одну ночь, и ветер и волны помогли мне, и корыто пристало к высокому острову, на котором были деревья, свешивающиеся над морем. И я схватился за ветку высокого дерева и уцепился за нее, едва не погибнув, и, держась за эту ветку, вылез на остров.

И я увидел, что ноги у меня затекли и укусы рыб оставили на голенях следы, но я не чувствовал этого, так сильны были моя горесть и утомление. И я лежал на острове, как мертвый, и лишился чувств, и погрузился в оцепенение, и пробыл в таком состоянии до следующего дня. И поднялось надо мной солнце, и я проснулся на острове и увидел, что ноги у меня распухли, но пошел, несмотря на то, что со мной было, то ползая, то волочась на коленях; а на острове было много плодов и ручьев с пресной водой, и я ел эти плоды.

И я провел в таком положении несколько дней и ночей,

и душа моя ожила, и вернулся ко мне дух мой, и мои движения окрепли. И я принялся думать и расхаживать по берегу острова, смотря среди деревьев на то, что создал Аллах великий, и сделал себе посох из сучьев этих деревьев, на который я опирался, и я долго жил таким образом.

И однажды я шел по берегу острова, и показалось издали какое-то существо. Я подумал, что это дикий зверь или животное из морских животных, и пошел по направлению к нему, не переставая на него смотреть; и вдруг оказалось, что это конь, огромный на вид и привязанный на краю острова у берега моря.

И я приблизился к нему, и конь закричал великим криком, и я испугался и хотел повернуть назад; но вдруг вышел из-под земли человек, и закричал на меня, и пошел за мной следом, и спросил: «Кто ты, откуда ты пришел и почему ты попал в это место?» — «О господин,— отвечал я ему,— знай, что я чужестранец, и я ехал на корабле и стал тонуть вместе с некоторыми из тех, кто был на нем, но Аллах послал мне деревянное корыто, и я сел в него, и оно плыло со мной, пока волны не выбросили меня на этот остров».

И, услышав мои слова, этот человек схватил меня за руку и сказал: «Пойдем со мной»; и я пошел с ним, и он опустился со мной в погреб под землю и ввел меня в большую подземную комнату, и потом он посадил меня посреди этой комнаты и принес мне кушаний. А я был голоден и стал есть и ел, пока не насытился и не поел вдоволь, и душа моя отдохнула.

И затем этот человек начал расспрашивать меня о моих обстоятельствах и о том, что со мной случилось; и я рассказал ему обо всех бывших со мной делах от начала до конца, и он удивился моей повести.

А окончив свой рассказ, я воскликнул: «Ради Аллаха, о господин, не взыщи с меня! Я рассказал тебе об истинном моем положении и о том, что со мной случилось, и хочу от тебя, чтоб ты рассказал мне, кто ты и почему ты сидишь в этой комнате, которая находится под землей. По какой причине ты привязал того коня на краю острова?» — «Знай,— ответил мне человек,— что нас много, и мы разошлись по этому острову во все стороны. Мы — конюхи царя аль-Михрджана, и у нас под началом все его кони. Каждый месяц с новой луной мы приводим чистокровных коней и привязываем на этом острове кобыл, еще не крытых, а сами прячемся в этой комнате под землей, чтобы никто нас не увидел. И приходят жеребцы из морских

коней на запах этих кобыл и выходят на сушу и осматриваются, но никого не видят, и тогда они вскакивают на кобыл, и удовлетворяют свою нужду, и слезают с них, и хотят увести их с собой, но кобылы не могут уйти с жеребцами, так как они привязаны.

И жеребцы кричат на них и бьют их головой и ногами и ревут, и мы слышим их рев и узнаем, что они слезли с кобыл; и тогда мы выходим и кричим на них, и они нас пугаются и уходят в море, а кобылицы носят от них и приносят жеребца или кобылку, которые стоят целого мешка денег, и не найти подобных им на лице земли. Теперь время жеребцам выходить, и, если захочет Аллах великий, я возьму тебя с собой к царю аль-Михрджану и покажу тебе нашу страну. Знай, что, если бы ты не встретился с нами, ты не увидел бы на этом острове никого другого и умер бы в тоске, и никто о тебе не знал бы. Но я буду причиной твоей жизни и возвращения в твою страну».

И я пожелал конюху блага и поблагодарил его за его милости и благодеяния; и когда мы так разговаривали, вдруг жеребец вышел из моря и закричал великим криком, и затем он вскочил на кобылу, а окончив свое дело с нею, он слез с нее и хотел взять ее с собой, но не мог, и кобыла стала лягаться и реветь. И конюх взял в руки меч и кожаный щит и вышел из-за дверей этой комнаты, скликая своих товарищей и говоря им: «Выходите к жеребцу!» — и бил мечом по щиту.

И пришла толпа людей с копьями, крича, и жеребец испугался их, и ушел своей дорогой, и спустился в море, точно буйвол, и скрылся под водой. И тогда конюх посидел немного, и вдруг пришли его товарищи, каждый из которых вел кобылу; и они увидели меня около конюха и стали меня расспрашивать о моем деле, и я рассказал им то же самое, что рассказывал конюху, и эти люди подсели ко мне ближе и разложили трапезу и стали есть и пригласили меня, и я поел с ними, а потом они поднялись и сели на коней и взяли меня с собой, посадив меня на спину коня.

И мы поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город царя аль-Михрджана, и конюхи вошли к нему и осведомили его о моей истории, и царь потребовал меня к себе. И меня ввели к царю и поставили перед ним, и я пожелал ему мира; и он ответил мне на мое пожелание и сказал: «Добро пожаловать!» — и приветствовал меня с уважением. Он спросил меня, что со мной было, и я рассказал ему обо всем, что мне выпало на долю и что я видел, с начала до конца; и царь удивился тому, что мне выпало

и что со мной случилось, и сказал: «О дитя мое, клянусь Аллахом, тебе досталось больше чем спасение, и если не суждено бы тебе прожить долго, ты бы не спасся от этих бедствий. Но слава Аллаху за твое спасение!»

И затем он оказал мне милость и уважение и приблизил меня к себе и стал ободрять меня словами и ласковым обращением. Он сделал меня начальником морской гавани и велел переписывать все корабли, которые подходили к берегу; и я пребывал около царя и исполнял его дела, а он оказывал мне милости и всячески благодетельствовал мне. Он одел меня в прекрасную и роскошную одежду, и я сделался его приближенным, рассматривал ходатайства и исполнял приказы.

И я пробыл у него долгое время. Но всякий раз, когда я проходил по берегу моря, я спрашивал странствующих купцов и моряков, в какой стороне город Багдад, надеясь, что, может быть, кто-нибудь мне о нем скажет и я отправлюсь с ним в Багдад и вернусь в свою страну. Но никто не знал Багдада и не знал, кто туда отправляется, и я впал в смущение и тяготился долгим пребыванием на чужбине.

И я провел так некоторое время; и однажды я вошел к царю аль-Михрджану и нашел у него толпу индийцев. Я пожелал им мира, и они ответили мне на мое пожелание и сказали: «Добро пожаловать!» — и стали расспрашивать меня про мою страну, а я расспрашивал про их страну, и они сказали, что среди них есть шакириты, а это самые почтенные люди, и они никого не обижают и никого не принуждают, и есть среди них люди, которых называют брахманами, и они никогда не пьют вина, но наслаждаются и живут безмятежно, развлекаясь и слушая музыку, и у них есть верблюды, кони и скот. И они рассказали мне, что народ индийцев разделяется на семьдесят два разряда, и я крайне удивился этому.

И я видел в царстве царя аль-Михрджана остров, который называется Касиль, и там всю ночь слышны удары в бубны и барабаны; и знатоки островов и путешественники рассказывали мне, что жители этого острова — люди степенные и разумные. И видел я в этом море рыбу длиной в двести локтей и видел также рыбу, у которой морда была как у совы, и видал я в этом путешествии много чудес и диковин, но если бы я стал вам о них рассказывать, рассказ бы затянулся.

И я осматривал эти острова и то, что на них было, и однажды я остановился у моря, держа, как всегда, в руке

посох, и вдруг приблизился большой корабль, где было много купцов. И когда корабль пришел в гавань города и подплыл к пристани, капитан свернул паруса, и пристал к берегу, и спустил сходни, и матросы стали переносить на сушу все, что было на корабле, и замешкались, вынося товары, а я стоял и записывал их.

«Осталось ли у тебя еще что-нибудь на корабле?» — спросил я капитапа корабля, и тот ответил: «Да, о господин мой, у меня есть товары в трюме корабля, но их владелец утонул в море около одного из островов, когда мы ехали по морю, и его товары остались у нас на хранение. Мы хотим их продать и получить сведения об их цене, чтобы доставить плату за них его родным в город Багдад, обитель мира».— «Как зовут этого человека, владельца товаров?» — спросил я капитана; и он сказал: «Его зовут Синдбад-мореход, и он утонул в море». И, услышав слова капитана, я как следует вгляделся в него, и узнал его, и громко крикнул: «О капитан, знай, что зто я — владелец товаров, о которых ты упомянул. Я — Синдбад-мореход, который сошел с корабля на остров со всеми теми купцами, что сошли, и когда зашевелилась рыба, на которой мы были, ты закричал нам, и некоторые взошли на корабль, а остальные потонули. Я был из числа утопавших, но Аллах великий сохранил меня и спас от потопления, послав мне большое корыто из тех, в которых путники стирали. Я сел в него и стал отталкиваться ногами, и ветер и волны помогали мне, пока я не достиг зтого острова; и я вышел на него, и Аллах великий помог мне, и я встретил конюхов царя аль-Михрджана, и они взяли меня с собой и привезли в этот город. Они ввели меня к царю аль-Михрджану, и я рассказал ему свою историю, и царь оказал мне милость и сделал меня писцом в гавани зтого города, и стал я извлекать пользу из службы его, и был он со мною приветлив. А зти товары, которые с тобой,— мои товары и мой достаток». Капитан воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Не осталось ни у кого ни чести, ни совести!» — «О капитан,— спросил я его,— почему ты так говоришь? Ты ведь слышал, как я рассказал тебе мою историю».— «А потому,— отвечал капитан,— что ты слышал, как я говорил, что у меня есть товары, владелец которых утонул, и ты хочешь их взять, не имея права, а зто для тебя запретно. Мы видели его, когда он тонул, и с ним было много путников, ни один из которых не спасся. Как же ты утверждаешь, что ты владелец зтих товаров?» — «О капитан, выслушай мою историю и пойми мои слова,—

моя правдивость станет тебе ясна, ибо, поистине, ложь — черта лицемеров»,— сказал я и затем рассказал капитану все, что со мной случилось с тех пор, как я выехал с ним из города Багдада и пока мы не достигли того острова, около которого потонули, и рассказал о некоторых обстоятельствах, случившихся у меня с ним; и тогда капитан и купцы уверились в моей правдивости, и узнали меня, и поздравили меня со спасением, и все сказали: «Клянемся Аллахом, мы не верили, что ты спасся от потопления, но Аллах наделил тебя новой жизнью!»

И затем они отдали мне мои товары, и я увидел, что мое имя написано на них и из них ничего не пропало. И я развернул товары и вынул кое-что прекрасное и дорогое ценой, и матросы корабля снесли это за мной и принесли к царю как подарок. Я осведомил царя о том, что это тот корабль, на котором я был, и рассказал, что мои товары пришли ко мне в целости и полностью и что этот подарок взят из них; и царь удивился этому до крайней степени, и ему стала ясна моя правдивость во всем, что я говорил.

И царь сильно полюбил меня и оказал мне большое уважение, и он подарил мне много вещей взамен моего подарка. И затем я продал мои тюки и те товары, которые были со мной, и получил большую прибыль. Я купил в этом городе товары, вещи и припасы, и когда купцы с корабля захотели отправиться в путь, я погрузил все, что у меня было, на корабль и, войдя к царю, поблагодарил его за его милости и благодеяния и попросил у него позволения отправиться в мою страну, к родным. И царь простился со мной и подарил мне, когда я уезжал, много добра из товаров этого города, и я простился с ним и взошел на корабль, и мы отправились с соизволения Аллаха великого.

И служило нам счастье, и помогала нам судьба, и мы ехали ночью и днем, пока благополучно не прибыли в город Басру. И мы высадились в этом городе и пробыли там недолгое время, и я радовался моему спасению и возвращению в мою страну.

После этого я отправился в город Багдад, обитель мира, и со мной было много тюков, вещей и товаров, имевших большую ценность, и пришел в свой квартал, и явился к себе домой, и меня посетили все мои родные, и товарищи, и друзья. И потом я купил себе слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов, и оказалось их у меня множество, и накупил домов, земель и поместий больше, чем было у меня прежде, и стал водиться с друзьями и дружить с товарищами усерднее, чем в первое время, и забыл все,

что вытерпел: и усталость, и пребывание на чужбине, и труды, и ужасы пути.

И я развлекался наслаждениями и радостями, и прекрасной едой, и дорогими напитками и продолжал жить таким образом. И вот что было со мной в мое первое путешествие. А завтра, если захочет Аллах великий, я расскажу вам повесть о втором из семи путешествий».

Потом Синдбад-мореход дал Синдбаду сухопутному у себя поужинать и приказал выдать ему сто мискалей золотом и сказал ему: «Ты развеселил нас сегодня»; и носильщик поблагодарил его и взял то, что он ему подарил, и ушел своей дорогой, раздумывая о том, что бывает и случается с людьми, и удивляясь до крайней степени.

Он проспал эту ночь в своем доме, а когда наступило утро, отправился в дом Синдбада-морехода и вошел к нему, и тот сказал: «Добро пожаловать!» — и оказал ему уважение и усадил его подле себя. А когда пришли остальные его друзья, он предложил им кушаний и напитков, и время было для них безоблачно, и овладел ими восторг.

И Синдбад-мореход начал говорить:

РАССКАЗ О ВТОРОМ ПУТЕШЕСТВИИ

«Знайте, о братья, что жил я сладостнейшей жизнью и испытывал безоблачную радость, как я уже рассказывал вам вчера, пока не пришло мне однажды на ум поехать в чужие страны, и захотелось мне поторговать и поглядеть на земли и острова и заработать на жизнь.

И я решился на это дело, и выложил много денег, и купил на них товаров и вещей, подходящих для путешествий, и связал их, и увидел прекрасный новый корабль с парусами из красивой ткани, где было много людей и отличное снаряжение. И вместе с множеством купцов я сложил на него свои тюки, и мы отправились в тот же день, и путешествие наше шло хорошо, и мы переезжали из моря в море и от острова к острову. И во всяком месте, к которому мы приставали, мы встречались с купцами, вельможами царства, продавцами и покупателями и продавали и покупали и выменивали товары.

И мы поступали таким образом, пока судьба не забросила нас к прекрасному острову, где было много деревьев, спелых плодов, благоухающих цветов, поющих птиц и чистых потоков, но не было там ни жилищ, ни людей, раздувающих свой очаг. И капитан пристал к этому острову,

и купцы и путники вышли на остров и стали смотреть на бывшие там деревья и птиц, прославляя Аллаха, единого, покоряющего, и дивясь могуществу всесильного владыки. И я вышел на остров со всеми теми, кто вышел, и присел у ручья с чистой водой среди деревьев.

А со мной была кое-какая еда, и я сел в этом месте и стал есть то, что уделил мне Аллах великий; и ветерок в этом месте был приятен, и время казалось мне безоблачным. И меня взяла дремота, и я отдохнул в этом месте и погрузился в сон, наслаждаясь приятным ветром и благоуханными запахами, а затем я поднялся, но не увидел на острове ни человека, ни джинна: корабль ушел с путниками, и не вспомнил обо мне из них никто — ни купец, ни матрос, и они оставили меня на острове.

И я стал осматриваться направо и налево, но не увидел на острове никого, и овладела мною сильная грусть, больше которой не бывает, и у меня чуть не лопнул желчный пузырь от великой заботы, печалей и тягот.

А у меня не было с собой ничего из благ сего мира — ни кушаний, ни напитков, и остался я один, и душа моя истомилась. И я отчаялся, не веря, что останусь жив, и сказал себе: «Не всякий раз остается цел кувшин, и если я уцелел в первый раз и встретил людей, которые взяли меня с собой с острова в населенное место, то на этот раз вряд ли я найду кого-нибудь, кто бы доставил меня в населенные страны».

И затем я стал плакать и рыдать, оплакивая себя, и овладела мной грусть, и стал я упрекать себя за то, что я сделал, и за то, что начал это тягостное путешествие после того, как сидел и отдыхал в своем доме и своей стране, довольный и счастливый, имея прекрасные кушания, прекрасные напитки и прекрасную одежду и не нуждаясь ни в деньгах, ни в товарах.

И стал я раскаиваться, что выехал из города Багдада и отправился путешествовать по морю после того, как претерпел тяготы в первое путешествие и едва не погиб, и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» — и стал я подобен бесноватому.

И я поднялся и стал ходить по острову направо и налево и не мог уже больше сидеть на одном месте, и затем я влез на высокое дерево и стал смотреть с него направо и налево, — но не видел ничего, кроме неба, воды, деревьев, птиц, островов и песков.

И я посмотрел внимательно, и вдруг передо мной блеснуло на острове что-то белое и большое; и тогда я слез с дерева и отправился к этому предмету и шел в его сторону

до тех пор, пока не дошел до него, и вдруг оказалось, что это — большой белый купол, уходящий ввысь и огромный в окружности. И я подошел к этому куполу и обошел вокруг него, но не нашел в нем дверей и не ощутил в себе силы и проворства, чтобы подняться на него, так как он был очень ровный и гладкий.

И я отметил то место, где я стоял, и обошел вокруг купола, вымеряя его окружность, и вдруг он оказался в пятьдесят полных шагов. И я стал придумывать, как бы мне проникнуть туда. Приблизилось время конца дня и заката солнца, и вдруг солнце скрылось, и воздух потемнел, и солнце загородилось от меня. И я подумал, что на солнце нашло облако (а это было в летнее время), и удивился, и поднял голову, и, посмотрев в чем дело, увидел большую птицу с огромным телом и широкими крыльями, которая летела по воздуху,— и это она покрыла око солнца и загородила его над островом.

И я удивился еще больше, а затем я вспомнил одну историю, которую давно рассказывали люди странствующие и путешествующие, а именно: что на неких островах есть огромная птица, называемая рухх, которая кормит своих детей слонами.

И я убедился, что купол, который я увидел,— яйцо рухха, и принялся удивляться тому, что сотворил Аллах великий.

И в это время птица вдруг опустилась на этот купол, и обняла его крыльями, и вытянула ноги на земле сзади него, и заснула на нем, да будет слава Аллаху, что никогда не спит; и тогда я поднялся и, развязав свою чалму, снял ее с головы и складывал ее и свивал, пока она не сделалась подобной веревке, а потом я повязался ею и, обвязав вокруг пояса, привязал себя к ногам этой птицы и крепко затянул узел, говоря себе: «Может быть, эта птица принесет меня в страны с городами и населением. Это будет лучше, чем сидеть здесь, на этом острове».

И я провел эту ночь без сна, боясь, что я засну и птица неожиданно улетит со мной, а когда поднялась заря и взошел день, птица снялась с яйца и испустила великий крик и взвилась со мной в воздух, летя вверх и поднимаясь, пока я не подумал, что она достигла облаков небесных. А потом птица стала спускаться и опустилась на какую-то землю и села на одном высоком, возвышенном месте; и, достигнув земли, я быстро отвязался от ее ног, боясь птицы,— но птица не знала обо мне и меня не почувствовала.

И я развязал чалму и отвязался от птицы, дрожа,

и пошел по этой местности, а птица захватила что-то с земли в когти и полетела к облакам небесным. И я посмотрел на то, что она взяла, и увидел, что это огромная змея с большим телом, которую птица схватила и поднялась в воздух, и удивился этому.

И я стал ходить по этой местности и увидел, что я нахожусь на возвышении, под которым лежит большая, широкая и глубокая долина, а на краю ее стоит огромная гора, уходящая ввысь, и никто не может видеть ее верхушки, так она высока, и ни у кого нет силы подняться на ее вершину.

И я стал упрекать себя за то, что сделал, и воскликнул: «О, если бы я остался на острове! Он лучше, чем эта пустынная местность, так как на острове нашлось бы для меня что-нибудь поесть из разных плодов, и я пил бы из рек, а в этом месте нет ни деревьев, ни плодов, ни рек. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Всякий раз, как я освобожусь от одной беды, я попадаю в другую, более великую и тяжкую!»

И я поднялся, бодрясь, и стал ходить по этой долине и увидел, что земля в ней из камня алмаза, которым сверлят металлы и драгоценные камни и просверливают фарфор и оникс. Это камень крепкий и сухой, который не берет ни железо, ни кремень, и никто не может отсечь от него кусок или разбить его чем-нибудь, кроме свинцового камня. И вся эта долина была полна змей и гадюк, каждая из которых была как пальма, и они были так велики, что если бы пришел к ним слон, они бы, наверное, проглотили его. И эти змеи появляются ночью и скрываются днем, так как они боятся, что птица рухх или орел их похитит и потом разорвет, и я не знал, в чем причина этого.

И я оставался в этой долине, раскаиваясь в том, что сделал, и говорил про себя: «Клянусь Аллахом, я ускорил свою гибель!» И день повернул к закату, и стал я ходить по долине и высматривать себе место, где бы переночевать, и я боялся тех змей и забыл о еде и питье, думая, как бы уцелеть. И я заметил невдалеке пещеру и, подойдя к ней, увидел, что вход в пещеру узок, и я вошел туда и нашел у входа большой камень. Я толкнул его, и загородил изнутри вход в пещеру, и сказал себе: «Я в безопасности, так как вошел сюда, а когда взойдет день, я выйду и посмотрю, что сделает всемогущество Аллаха».

И я осмотрелся в пещере и увидел огромную змею, которая лежала посреди нее на яйцах, и тут волосы встали дыбом у меня на теле, и я поднял голову и вручил свое дело судьбе и предопределению.

Я провел всю ночь без сна, пока не взошла заря и не заблистала, и тогда я отодвинул камень, которым загородил вход в пещеру, и вышел из нее; и я был как пьяный, и у меня кружилась голова от долгой бессонницы, голода и страха. И я стал ходить по долине, будучи в таком состоянии, и вдруг упал передо мной большой кусок мяса. Но я не видел никого, и удивился этому до крайности, и вспомнил одну историю, которую я слышал в давние времена от купцов, путешественников и странников. Они говорили, что в горах алмазного камня есть великие ужасы и никто не может пройти к этому камню; но купцы, которые им торгуют, применяют хитрость, чтоб добраться до него: они берут овцу, режут ее и обдирают, и рубят на куски ее мясо, и бросают его с горы в долину,— и мясо падает туда еще влажное, и прилипают к нему эти камни. И купцы оставляют мясо до полудня, и спускаются к нему птицы — орлы и ястребы, и хватают его в когти, и поднимаются на вершину горы; и тогда приходят к ним купцы и кричат на них, и птицы улетают от мяса, а купцы приходят и отдирают от мяса камни, прилипшие к нему,— они оставляют мясо птицам и зверям, а камни уносят в свою страну. И никто не может ухитриться подойти к алмазным горам иначе, как такой хитростью.

И, посмотрев на тот кусок мяса, я вспомнил эту историю и подошел к мясу и собрал много камней, которые засунул себе за пазуху и между платьем, и я выбирал камни и засовывал их себе за пазуху, за пояс, в чалму и одежду.

И вдруг я увидел еще один большой кусок мяса, и тогда я привязал себя к нему чалмой и лег на спину, положив мясо себе на грудь и крепко схватив его, так что мясо возвышалось над землей. И вдруг орел спустился к этому куску мяса, и схватил его когтями, и поднялся с ним на воздух, и я уцепился за это мясо; и орел летел до тех пор, пока не поднялся на вершину горы и не сел там. И он хотел оторвать от мяса кусок, и вдруг раздался сзади него страшный, громкий крик, и на горе застучали чем-то об дерево. И орел встрепенулся и испугался и взлетел в воздух, и я отвязался от мяса (а одежда моя была вымазана кровью) и стал подле него: и вдруг тот купец, который кричал на орла, подошел к мясу и увидел, что я стою, но не заговорил со мной и испугался меня и устрашился.

И, подойдя к мясу, он стал его ворочать, но не нашел на нем ничего, и тогда он испустил великий крик и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! У Аллаха ищем защиты от дьявола, битого камнями!»

И он горевал и ударял рукой об руку, говоря: «О горе, что это означает!» И я подошел к нему, и он спросил: «Кто ты и почему ты пришел на это место?» — «Не бойся и не страшись,— ответил я,— я человек из хороших людей и был купцом, и со мной случилась ужасная история, и диковинна повесть о причине прибытия моего на эту гору, и повесть об этой долине удивительна. Не бойся же, тебе будет от меня то, что тебя порадует. Со мной много алмазов, и я дам их тебе столько, что тебе хватит, и каждый мой кусок лучше всего, что могло тебе достаться. Не печалься же и не бойся».

И тогда этот человек поблагодарил меня, и призвал на меня благословение, и стал со мной разговаривать; и вдруг остальные купцы услышали, что я разговариваю с их товарищем, и пришли ко мне (а каждый купец бросил в долину свой кусок мяса). И, подойдя к нам, они приветствовали меня и поздравили со спасением и взяли с собой, и я сообщил им всю мою историю и рассказал о том, что претерпел в путешествии, и поведал им, почему я попал в эту долину. И затем я дал владельцу того мяса, к которому я привязался, многое из того, что было со мной, и он обрадовался и призвал на меня благословение и поблагодарил меня за это. «Клянемся Аллахом,— сказали купцы,— он предначертал тебе новую жизнь! Никто из достигших этого места до тебя не спасся, но слава Аллаху за твое спасение!» И они провели ночь в прекрасном и безопасном месте, и я провел эту ночь вместе с ними, радуясь до крайней степени, что остался цел и спасся из долины змей и достиг населенных стран. А когда взошел день, мы встали и пошли по этой большой горе и видели в долине множество змей. И мы шли до тех пор, пока не пришли в сад на большом и прекрасном острове, и в саду росли камфарные деревья, под каждым из которых могли укрыться сто человек. А когда кто-нибудь хочет добыть камфары, он сверлит на верхушке дерева дырку чем-нибудь длинным и собирает то, что из нее течет, и льется из нее камфарная вода и густеет, как клей,— это и есть сок камфарного дерева. И после этого дерево засыхает и идет на дрова. А на этом острове есть одна порода животных, которых называют аль-каркаданн; они пасутся на нем, как пасутся коровы и буйволы в нашей стране, но тело этих зверей крупнее, чем тело верблюда, и они едят траву. Это большие звери, и у них один толстый рог посредине головы длиной в десять локтей, и на нем изображение человека. И еще есть на этом острове животные из породы коров. А моряки, путешественники

и странники, бродящие по горам и землям, рассказывали нам, что зверь, называемый аль-каркаданн, носит на своем роге большого слона и пасется с ним на острове, и жир его течет от солнечного зноя на голову аль-каркаданна и попадает ему в глаза, и аль-каркаданн слепнет. И он ложится на берегу, и прилетает к нему птица рухх и уносит его в когтях, и улетает с ним к своим детям, и кормит их этим зверем и тем, что у него на роге. Я видел на этом острове много животных из породы буйволов, подобных которым у нас нет; и в этой долине много алмазных камней, которые я принес с собой и спрятал за пазуху.

И купцы дали мне взамен их товары и вещи, и несли их для меня с собою, и дали мне дирхемы и динары, и я шел с ними, смотря на чужие страны и на то, что создал Аллах великий, и переходил из долины в долину и из города в город, и мы продавали и покупали, пока не достигли города Басры. И мы пробыли там немного дней, а потом я вернулся из отлучки и вступил в город Багдад, обитель мира, пришел в свой квартал и вошел к себе домой, неся с собой много алмазных камней, и были со мной деньги, и вещи, и дорогие товары. Я встретился со своими родными и близкими и стал раздавать милостыню, и дарить, и оделять, и сделал подарки всем своим родным и друзьям, и начал хорошо есть и хорошо пить и одеваться в красивые одежды и дружить и водиться с людьми, и позабыл обо всем, что претерпел. И жил я приятной жизнью без забот и печали, и проводил время в играх и увеселениях; и стал всякий, кто слышал о моем прибытии, приходить ко мне и расспрашивать об обстоятельствах путешествия и состоянии чужих стран. И я рассказывал им, что испытал и претерпел, и дивился слушающий тому, как много я вынес, и поздравлял меня со спасением».

Вот и конец того, что было с Синдбадом и случилось с ним во второе путешествие. «А завтра,— сказал он собравшимся,— если захочет Аллах великий, я расскажу вам об обстоятельствах третьего путешествия».

И когда Синдбад-мореход окончил свой рассказ Синдбаду сухопутному, все удивились ему и поужинали у него, и он приказал выдать Синдбаду сто мискалей золотом. И Синдбад взял их и ушел своей дорогой, изумляясь тому, что пришлось вынести Синдбаду-мореходу.

И он восхвалил его и помолился за него у себя дома, а когда наступило утро и засияло светом и заблистало, Синдбад-носильщик поднялся и, совершив утреннюю мо-

литву, отправился в дом Синдбада-морехода, как тот приказал ему.

Он вошел к нему и пожелал ему доброго утра; и Синдбад-мореход сказал ему: «Добро пожаловать!» — и сидел с ним, пока не пришли к нему остальные его друзья и толпа его товарищей. И когда они поели, попили, насладились, поиграли и повеселились, Синдбад-мореход начал говорить и сказал:

РАССКАЗ О ТРЕТЬЕМ ПУТЕШЕСТВИИ

«Узнайте, о братья, и выслушайте от меня рассказ о третьем путешествии; он более удивителен, чем рассказы, услышанные в предыдущие дни, а Аллах лучше всех знает сокровенное и всех мудрее.

В минувшие и давние времена я вернулся из второго путешествия и жил в крайнем довольстве и веселье, радуясь моему благополучию. Я нажил большие деньги, как я рассказал вам вчерашний день, и Аллах возместил мне все то, что у меня пропало; и я пробыл в Багдаде некоторое время, живя в крайнем счастье, радости, довольстве и веселье, и захотелось мне попутешествовать и прогуляться, и стосковался я по торговле, наживе и прибыли, ведь душа побуждает к недоброму.

И я решился и купил много товаров, подходящих для поездки по морю, и связал их для путешествия и выехал с ними из города Багдада в город Басру. Я пришел на берег реки и увидел большой корабль, где было много купцов и путников — все добрые люди и прекрасный народ, верующие, милостивые и праведные; и сел с ними на этот корабль, и мы поехали с благословения Аллаха великого, с его помощью и поддержкой, радуясь, в надежде на благо и безопасность. И ехали мы из моря в море и от острова к острову и из города в город, и в каждом месте, где мы проезжали, мы гуляли, и продавали, и покупали, и испытывали мы крайнюю радость и веселье. И в один из дней мы ехали посреди ревущего моря, где бились волны, и вдруг капитан, стоявший на краю палубы и смотревший на море, стал бить себя по лицу, свернул паруса корабля, бросил якоря, выщипал себе бороду и разодрал на себе одежду и закричал великим криком. «О капитан, в чем дело?» — спросили мы его; и он сказал: «Знайте, о мирные путники, что ветер осилил нас и согнал с пути посреди моря, и судьба бросила нас, из-за нашей злой доли, к горе мохнатых. А это люди,

подобные обезьянам, и никто из достигших этого места не спасся. И мое сердце чует, что мы все погибли».

И не закончил еще капитан своих слов, как пришли к нам обезьяны и окружили корабль со всех сторон, и были они многочисленны, словно саранча, и распространились на корабле и на суше. И мы боялись, что, если мы убьем одну из них, или ударим, или прогоним, они нас убьют из-за своей крайней многочисленности (ведь многочисленность сильнее доблести); и страшились мы, что они разграбят наше имущество и товары. А это самые гадкие звери, и на них волосы точно черный войлок, и вид их устрашает, и никто не понимает их речи и ничего о них не знает. Они дичатся людей, и у них желтые глаза и черные лица; они малы ростом, и высота каждого из них — четыре пяди.

И обезьяны забрались на канаты и порвали их зубами и также порвали все канаты на корабле со всех сторон, и корабль накренился и пристал к их горе; и когда корабль оказался у берега, обезьяны схватили всех купцов и путников, и вышли на остров, и взяли корабль со всем, что на нем было, и ушли с ним своей дорогой, оставив нас на острове; и корабль скрылся от нас, и мы не знали, куда его увели.

И мы остались на этом острове, и питались его плодами, овощами и ягодами, и пили из рек, протекавших на нем. Мы шли по острову и вдруг увидели прекрасно выстроенный дом, стоявший посреди острова. И мы направились к нему и пошли в его сторону, — и оказалось, что это дворец с крепкими столбами и высокими стенами; его ворота с двумя створами были открыты, и сделаны они были из черного дерева. И мы вошли в ворота этого дворца и увидели обширное пространство, подобное широкому большому двору, и вокруг этого двора было много высоких дверей, а посредине его стояла высокая большая скамья, подле которой находились сосуды для стряпни, висевшие над жаровнями, а вокруг них лежало много костей. Но мы не увидели здесь никого и удивились этому до крайней степени. И мы посидели немного во дворе этого дворца, а затем заснули и спали от зари до захода солнца; и вдруг земля под нами задрожала, и мы услышали в воздухе гул, и вышло к нам из дворца огромное существо, имевшее вид человека, который был черного цвета и высокого роста и походил на громадную пальму. Его глаза были подобны двум горящим головням, и у него были клыки, точно клыки кабана, и огромный рот, точно отверстие колодца, и губы, как губы верблюда, которые свешивались ему на грудь,

и два уха, точно громадные камни, спускавшиеся ему на плечи, а когти на его руках были точно когти льва.

И, увидев существо такого вида, мы словно лишились сознания, и усилился наш страх, и увеличился наш испуг, и стали мы точно мертвые от сильного страха, горя и ужаса. И когда этот человек ступил на землю, он посидел немного на скамье, а затем поднялся и подошел к нам. Он схватил меня за руку, выбрав меня среди моих товарищей купцов, и поднял одной рукой с земли, и начал щупать и переворачивать, и я был у него в руке точно маленький кусочек.

И человек ощупал меня, как мясник щупает убойную овцу, и увидел, что я ослаб от великой грусти, и похудел из-за утомления и пути, и на мне совсем нет мяса, и выпустил меня из рук и взял другого из моих товарищей и стал его ворочать, как меня, и щупать, как меня щупал,— и тоже выпустил его; и он не переставал нас щупать и переворачивать одного за другим, пока не дошел до капитана, на корабле которого мы плавали.

А это был человек жирный, толстый, широкоплечий, обладавший силой и мощью, и он понравился людоеду, и тот схватил его, как мясник хватает жертву, и бросил его на землю и поставил на его шею ногу и сломал ее. И потом он принес длинный вертел и вставил его капитану в зад, так что вертел вышел у него из маковки, и зажег сильный огонь и повесил над ним этот вертел, на который был надет капитан, и до тех пор ворочал его на угольях, пока его мясо не поспело. И он снял его с огня, и положил перед собой и разнял его, как человек разнимает цыпленка, и стал рвать его мясо ногтями и есть, и продолжал это до тех пор, пока не съел мяса и не обглодал костей, ничего не оставив. И человек этот бросил остатки костей в уголь и затем, посидев немного, свалился и заснул на этой скамье и стал храпеть, как храпит баран или прирезанная скотина, и спал до утра, а затем поднялся и ушел своей дорогой.

И когда мы убедились, что он далеко, мы начали разговаривать друг с другом и оплакивать себя и сказали: «О, если бы мы утонули в море или съели бы нас обезьяны! Это было бы лучше, чем жариться на угольях! Клянемся Аллахом, такая смерть — смерть скверная, по что хочет Аллах — то бывает! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы умрем в тоске, и никто о нас не узнает, и нет для нас больше спасения из этого места!»

И потом мы поднялись и вышли на остров, чтобы присмотреть себе место, куда бы могли спрятаться или

убежать, и нам показалось легко умереть, если наше мясо не изжарят на огне.

Но мы не нашли себе места, чтобы укрыться в нем, а нас уже настиг вечер, и мы вернулись во дворец из-за сильного страха.

И мы посидели немного, и вдруг земля под нами задрожала, и пришел тот черный человек и, подойдя к нам, стал нас ворочать одного за другим, как и в первый раз. И он щупал нас, пока один из нас ему не понравился, и тогда он схватил его и сделал с ним то же самое, что сделал с капитаном в первый раз: он изжарил его и съел, и заснул на скамье, и проспал всю ночь, храпя, как прирезанная скотина.

А когда взошел день, он встал и ушел своей дорогой, оставив нас, как обычно; и мы сошлись все вместе и стали разговаривать и говорили друг другу: «Клянемся Аллахом, если мы бросимся в море и умрем от потопления, это будет лучше, чем умереть от сожжения, ибо такая смерть отвратительна!» — «Выслушайте мои слова,— сказал один из нас.— Мы должны ухитриться и убить этого человека и избавиться от забот и спасти мусульман от этого разбойника и людоеда».— «Послушайте, о братья,— сказал я,— если его непременно нужно убить, то нам следует перенести эти бревна к берегу и перетащить туда часть этих дров и сделать для себя плот вместо корабля, а после этого мы ухитримся его убить, сядем на судно и поедем по морю в любое место, куда захочет Аллах, или же мы будем сидеть в этом месте, пока не пройдет мимо нас корабль, и тогда мы сядем на него. Если же мы не сможем убить этого человека, мы уйдем и поплывем по морю,— хотя бы мы утонули, мы избавимся от поджаривания на огне и убиения. Если мы спасемся, то спасемся, а если утонем, то умрем мучениками».— «Клянемся Аллахом, это правильное мнение!» — сказали все; и мы сговорились об этом деле и начали действовать.

Мы вынесли бревна из дворца, и сделали плот, и привязали его у берега моря, а потом мы сложили туда кое-какую пищу и вернулись во дворец; и когда наступил вечер, земля вдруг задрожала, и вошел к нам тот черный людоед, подобный свирепому псу. И он стал нас переворачивать и щупать одного за другим, и, взяв одного из нас, сделал с ним то же самое, что с предыдущим, и съел его, и заснул на скамье, и храп его был подобен грому. И мы поднялись и взяли два железных вертела, из тех вертелов, что стояли тут же, и положили их на сильный огонь, так что они по-

краснели и стали как уголья, и мы крепко сжали их в руках и подошли к этому человеку, который спал и храпел, и, приложив вертелы к его глазам, налегли на них все вместе с силой и решимостью и воткнули их ему в глаза, когда он спал. И глаза его ушли внутрь, и он закричал великим криком, так что наши сердца устрашились, а затем он вскочил со скамьи и начал искать нас, а мы убегали от него направо и налево; но он не видел этого, так как его глаза ослепли. И мы испугались его великим страхом и убедились в этот час, что погибнем, и потеряли надежду на спасение; а этот человек пошел ощупью к воротам и вышел, крича, и мы были в величайшем страхе, и земля дрожала под нами от его громкого крика.

И этот человек вышел из дворца (а мы следовали за ним) и ушел своей дорогой, ища нас, а потом он вернулся, и с ним была женщина, огромнее его и еще более дикого вида; и когда мы увидели его и ту, что была с ним, еще более ужасную, чем он, мы испугались до крайней степени.

И, увидев нас, они поспешили к нам, а мы подбежали к берегу, отвязали плот, который сделали, и, сев в него, толкнули его в море. А у каждого из зтих двоих был громадный кусок скалы, и они бросали в нас камнями, пока большинство из нас не умерло от ударов; и осталось только три человека: я и еще двое.

И плот пристал с нами к берегу, и мы шли до конца дня, и пришла ночь, и мы были в таком положении. И немного поспали и пробудились от сна, и вдруг дракон огромных размеров с большим телом преградил нам дорогу и, направившись к одному из нас, проглотил до плеч, а затем он проглотил остатки его, и мы услышали, как его ребра ломаются у дракона в животе, и дракон ушел своей дорогой. Мы удивились этому до крайней степени и стали горевать о нашем товарище, испытывая великий страх за себя, и сказали: «Клянемся Аллахом, вот удивительное дело: каждая смерть отвратительнее предыдущей. Мы радовались, что спаслись от чернокожего, но радость оказалась преждевременной. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Клянемся Аллахом, мы спаслись от чернокожего людоеда и от потопления, но как нам спастись от этой зловещей беды?» И затем мы поднялись и стали ходить по острову, питаясь плодами, пили воду из каналов, и пробыли там до вечера. И мы увидели большое и высокое дерево и, взобравшись на него, заснули на верхушке, и я поднялся на верхнюю ветку. Когда же настала ночь и стемнело, пришел дракон и, осмотревшись направо и налево, направился

к тому дереву, на котором мы сидели, и шел до тех пор, пока не дошел до моего товарища; он проглотил его до плеч и обвился вокруг дерева, и я слышал, как кости съеденного ломались в животе у дракона, а потом дракон проглотил его до конца, и я видел это своими глазами.

После этого дракон слез с дерева и ушел своей дорогой, а я провел на дереве остаток ночи; когда же поднялся день и появился свет, я сошел с дерева, подобный мертвому от сильного страха и испуга, и хотел броситься в море и избавиться от земной жизни, но жизнь моя не показалась мне ничтожной, так как жизнь для нас дорога. И я привязал к ногам, поперек, широкий кусок дерева, и привязал еще один такой же — на левый бок, и другой такой же — на правый бок, и такой же я привязал на живот, и другой, длинный и широкий, я привязал себе на голову — поперек, как тот, который был под ногами, и оказался я между этими кусками дерева, которые окружали меня со всех сторон. И я крепко обвязался и бросился на землю со всеми этими кусками дерева и лежал между ними, а они окружали меня, точно комната. И когда настала ночь, пришел этот дракон, как обычно, и посмотрел на меня и направился ко мне, но не мог меня проглотить, так как я был в таком положении, окруженный со всех сторон кусками дерева.

И дракон обошел вокруг меня, но не мог до меня добраться, а я это видел и был как мертвый от сильного страха и испуга, и дракон то удалялся от меня, то возвращался и делал это не переставая, но всякий раз, как он хотел до меня добраться и проглотить меня, ему мешали куски дерева, привязанные ко мне со всех сторон. И он делал так от заката солнца, пока не взошла заря, и не появился свет, и не засияло солнце, и тогда он ушел своей дорогой в крайнем гневе и раздражении, а я протянул руку и отвязал от себя эти куски дерева,— и я как бы побывал среди мертвых из-за того, что испытал от этого дракона.

И я поднялся и стал ходить по острову и, дойдя до конца его, бросил взгляд в сторону моря и увидел вдали корабль посреди волн. И я схватил большую ветку дерева и стал махать ею в сторону ехавших, крича им; и они увидели меня и сказали: «Нам обязательно следует посмотреть, что это такое, может быть, это человек». И они приблизились ко мне и, услышав, что я кричу им, подъехали и взяли меня к себе на корабль. Они стали расспрашивать меня, что со мной случилось, и я рассказал им обо всем, что со мной произошло, с начала до конца, и какие я вытерпел бедствия; и купцы крайне удивились этому, а потом они одели

меня в свои одежды и прикрыли мою срамоту и подали мне кое-какую еду, и я ел, пока не насытился. И меня напоили холодной пресной водой, и мое сердце оживилось, и душа моя отдохнула, и охватил меня великий покой, и оживил меня Аллах великий после смерти. И я прославил Аллаха великого за его обильные милости и возблагодарил его, и моя решимость окрепла после того, как я был убежден, что погибну, и мне показалось даже, что все, что со мной происходит,— сон.

И мы продолжали ехать, и ветер был попутный, по воле Аллаха великого, пока мы не приблизились к острову, называемому ас-Салахита, и капитан остановил корабль около этого острова. Все купцы и путники сошли и вынесли свои товары, чтобы продавать и покупать.

И хозяин корабля обратился ко мне и сказал мне: «Выслушай мои слова! Ты чужестранец и бедняк, и ты рассказывал нам, что испытал многие ужасы. Я хочу быть тебе полезным и помочь тебе добраться до твоей страны, и ты будешь за меня молиться».— «Хорошо,— ответил я ему,— мои молитвы принадлежат тебе».— «Знай,— сказал капитан,— что с нами был один путешественник, которого мы потеряли, и мы не знаем, жив он или умер, и не слышали о нем вестей. Я хочу отдать тебе его тюки, чтобы ты их продавал на этом острове и хранил бы их, а мы дадим тебе что-нибудь за твои труды и службу. А то, что останется из них, мы возьмем и, вернувшись в город Багдад, спросим, где родные этого человека, и отдадим им остаток товаров и плату за то, что продано. Не желаешь ли ты принять их и выйти с ними на этот остров, чтобы их продавать, как продают купцы?» — «Слушаю и повинуюсь, о господин, тебе присущи милости и благодеяния»,— ответил я и пожелал капитану блага и поблагодарил его; и тогда он велел носильщикам и матросам вынести товары на остров и вручить их мне. И корабельный писец спросил его: «О капитан, что это за тюки выносят матросы и носильщики и на имя кого из купцов мне их записывать?» — «Напиши на них имя Синдбада-морехода, который был с нами и потонул у острова, и к нам не пришло о нем вестей,— сказал капитан.— Мы хотим, чтобы этот чужестранец их продал и принес за них плату; мы отдадим ему часть ее за его труды при продаже, а остальное мы повезем с собой в город Багдад; если мы найдем их владельца, мы отдадим их ему, а если не найдем, то отдадим его родным в городе Багдаде».— «Твои слова прекрасны и мнение твое превосходно»,— отвечал писец.

И когда я услышал слова капитана, который говорил, что эти тюки на мое имя, я воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, это я — Синдбад-мореход! Я тонул у острова вместе с теми, кто утонул».

Затем я набрался стойкости и терпения, и, когда купцы сошли с корабля и собрались, беседуя и разговаривая о делах купли и продажи, я подошел к хозяину корабля и сказал ему: «О господин мой, знаешь ли ты, кто был владелец тюков, которые ты мне вручил, чтобы я их за него продал?» — «Я не знаю, каково его состояние, но это был человек из города Багдада, которого звали Синдбад-мореход,— отвечал капитан.— Мы пристали к одному острову, и подле него утонуло много народа с корабля, и он тоже пропал в числе других, у нас нет о нем вестей до сего времени».

И тогда я испустил великий крик и сказал: «О достойный капитан, знай, что это я — Синдбад-мореход! Я не утонул, но когда ты пристал к острову и купцы и путники вышли на сушу, я вышел с прочими людьми и со мной было кое-что, что я съел на берегу острова. И затем я отдыхал, сидя в том месте, и взяла меня дремота, и я заснул и погрузился в сон, а поднявшись, я не увидел корабля и не нашел подле себя никого. Это имущество и эти товары — мои товары, и все купцы, которые торгуют камнем алмазом, видели меня, когда я был на алмазной горе, и засвидетельствуют, что я Синдбад-мореход, так как я рассказывал им свою историю и говорил им о том, что случилось у меня с вами на корабле, и я говорил им, что вы забыли меня на острове, спящего, а поднявшись, я не нашел никого, и случилось со мной то, что случилось».

Улышав мои слова, купцы и путники собрались вокруг меня, и некоторые из них мне верили, а другие считали меня лжецом; и вдруг один из купцов, услышав, что я говорю о долине алмазов, поднялся и, подойдя ко мне, сказал купцам: «Выслушайте, о люди, мои слова! Я рассказывал вам о самом удивительном, что я видел в моих путешествиях, и говорил, что, когда мы бросили куски мяса в долину алмазов, я бросил свой кусок, следуя обычаю; и с моим куском прилетел человек, который уцепился за него. И вы мне не поверили, а, напротив,— объявили меня лжецом».— «Да,— отвечали ему,— ты рассказывал нам об этом деле, и мы тебе не поверили».— «Вот человек, который прицепился к моему куску мяса,— сказал купец.— Он подарил мне алмазные камни, которые дорого стоят, и подобных им не найти, и дал мне больше камней, чем раньше поднима-

лось на моем куске мяса. Я взял его с собой, и мы достигли города Басры, и после этого он отправился в свою страну и простился с нами, а мы вернулись в наши страны. Это тот самый человек, и он сообщил нам, что его имя Синдбад-мореход, и рассказывал нам, как корабль ушел, когда он сидел на острове. Знайте, что этот человек пришел к нам сюда только для того, чтобы подтвердить слова, которые я говорил вам. Все эти товары — его достояние: он рассказывал нам о них, когда встретился с нами, и правдивость его слов стала ясна».

И, услышав слова этого купца, капитан поднялся и, подойдя ко мне, вглядывался в меня некоторое время, а потом спросил: «Каковы признаки твоих товаров?» — «Знай,— ответил я,— что признаки моих товаров такие-то и такие-то». И я рассказал капитану об одном деле, которое было у меня с ним, когда я сел на его корабль в Басре, и он убедился, что я Синдбад-мореход, и обнял меня, и пожелал мне мира, и поздравил меня со спасением. «Клянусь Аллахом, о господин мой,— воскликнул он,— твоя история удивительна и дело твое диковинно, но слава Аллаху, который соединил нас с тобой и вернул тебе твои товары и имущество».

И тогда я умело распорядился своими товарами; товар мой принес в это путешествие большую прибыль, и я обрадовался великой радостью и поздравил себя со спасением и с возвращением ко мне моего богатства.

И мы продавали и покупали на островах, пока не достигли стран Синда. И там мы тоже продали и купили, и видел я в тамошнем море многие чудеса, которых не счесть и не перечислить; и среди того, что я видел в этом море, была рыба в виде коровы и нечто в виде осла, и видел я птиц, которые выходят из морских раковин и кладут яйца и выводят птенцов на поверхности воды, никогда не выходя из моря на землю.

А после этого мы продолжали ехать, по соизволению Аллаха великого, и ветер и путешествие были хороши, пока мы не прибыли в Басру. Я провел там немного дней, и после этого прибыл в город Багдад, и отправился в свой квартал, и, придя к себе домой, приветствовал родных, друзей и приятелей; и я радовался моему спасению и возвращению к родным, в мою страну, землю и город, и раздавал милостыню, и дарил и одевал вдов и сирот, и собирал моих друзей и любимых, и проводил так время за едой, питьем и развлечениями и забавами. Я хорошо ел и пил, и дружил, и водился с людьми, и забыл обо всем, что со мной случи-

лось, и о бедствиях и ужасах, которые я вытерпел, и я нажил в этом путешествии столько денег, что их не счесть и не исчислить. И вот самое удивительное, что я видел в это странствие. А завтра, если захочет Аллах великий, ты придешь ко мне, и я расскажу тебе о четвертом путешествии: оно удивительнее, чем те поездки».

Потом Синдбад-мореход велел, по обычаю, дать Синдбаду сухопутному сто мискалей золота и приказал расставлять столы; и их расставили, и все собравшиеся поужинали, дивясь рассказу Синдбада и тому, что с ним произошло. А после ужина все ушли своей дорогой, и Синдбад-носильщик взял то золото, которое приказал ему дать Синдбад-мореход, и ушел по своему пути, дивясь тому, что он слышал от Синдбада-морехода. Он провел ночь у себя дома, а когда наступило утро, и засияло светом, и заблистало, Синдбад-носильщик поднялся и, совершив утреннюю молитву, пошел к Синдбаду-мореходу. Он вошел к нему, и Синдбад-мореход приветствовал его, и встретил радостно и весело, и посадил с собой рядом; а когда пришли остальные товарищи Синдбада, подали еду, и все поели и попили и развеселились, и тогда Синдбад начал свою речь.

РАССКАЗ О ЧЕТВЕРТОМ ПУТЕШЕСТВИИ

«Знайте, о братья мои, что, вернувшись в город Багдад, я встретился с друзьями, родными и любимыми и жил в величайшем, какое бывает, наслаждении, веселье и отдохновении. Я забыл обо всем, что со мной было из-за великой прибыли, и погрузился в игры, забавы и беседы с любимыми друзьями, и жил я сладостнейшей жизнью. И беспокойная моя душа побуждала меня вновь отправиться путешествовать в чужие страны, и захотелось мне свести дружбу с разными людьми и продавать и наживать деньги. И я решился на это дело, и купил прекрасных товаров, подходящих для моря, и, связав много тюков, больше, чем обычно, выехал из города Багдада в город Басру.

Я сложил мои тюки на корабль и присоединился к нескольким знатным людям Басры, и мы отправились в путь. И корабль понес нас, с благословения Аллаха великого, по ревущему морю, где бились волны, и путешествие было для нас хорошо, и ехали мы таким образом дни и ночи, переезжая от острова к острову и из моря в море. Но в один из дней напали на нас ветры, дувшие с разных сторон,

и капитан бросил корабельные якоря и остановил корабль посреди моря, боясь, что он потонет в пучине.

И когда мы были в таком положении и взывали к Аллаху великому и умоляли его, вдруг напал на нас порывистый и сильный ветер, который порвал паруса и разодрал их на куски, и потонули люди со всеми тюками и теми товарами и имуществом, которое у них было; и я тоже стал тонуть вместе с утопавшими, и проплыл по морю полдня, и уже отказался от всякой надежды, но Аллах великий приготовил для меня кусок деревянной доски из корабельных досок, и я сел на нее вместе с несколькими купцами. И мы прижались друг к другу и плыли, сидя на этой доске и отталкиваясь в море ногами, и волны и ветер помогали нам.

И мы провели таким образом день и ночь, а когда настал следующий день, поднялся на заре противный ветер, и море забушевало, и волнение и ветер усилились, и море выбросило нас на какой-то остров; и мы были точно мертвые от долгой бессонницы, утомления, холода, голода, страха и жажды.

Мы стали ходить по этому острову и увидели на нем множество растений и поели их немного, чтобы поддержать себя и напитаться. И мы провели ночь на краю острова, а когда настало утро, и засияло светом, и заблистало, мы поднялись и стали ходить по острову направо и налево, и показалась вдали какая-то постройка.

И мы пошли к постройке, которую увидели издали, и шли до тех пор, пока не остановились у ворот; и когда мы там стояли, вдруг вышла к нам из ворот толпа голых людей, и они не стали с нами разговаривать, а схватили нас и отвели к своему царю. И тот приказал нам сесть, и мы сели, и нам принесли кушанье, которого мы не знали и в жизни не видели ему подобного. И душа моя не приняла этого кушанья, и я съел его немного, в отличие от моих товарищей, — и то, что я съел мало этого кушанья, было милостью от Аллаха великого, из-за которой я дожил до сих пор.

И когда мои товарищи начали есть это кушанье, их разум пошатнулся, и они стали есть точно одержимые, и их внешний вид изменился; а после этого им принесли кокосового масла и напоили их им и намазали, и когда мои товарищи выпили этого масла, у них закатились глаза и они стали есть это кушанье не так, как ели обычно. И я не знал, что думать о них, и начал горевать, и овладела мною великая забота, так как я очень боялся для себя зла от этих голых.

И я всмотрелся в них, и оказалось, что это маги, а царь их города — гуль, и всех, кто приходит к ним в город, кого они видят и встречают в долине или на дороге, они приводят к своему царю, кормят этим кушаньем и мажут этим маслом, и брюхо у них расширяется, чтобы они могли есть много. И они лишаются ума, и разум их слепнет, и становятся они подобно слабоумным, а маги заставляют их есть еще больше этого кушанья и масла, чтобы они разжирели и потолстели, а потом их режут и кормят ими царя; что же касается приближенных царя, то они едят человеческое мясо, не жаря его и не варя.

И, увидев подобное дело, я почувствовал великую скорбь о самом себе и о моих товарищах, а разум у них был так слаб, что они не понимали, что с ними делают.

И их отдали одному человеку, и тот брал их каждый день и выводил пастись на острове, как скотину; что же до меня, то от сильного страха и голода я стал слаб и болезнен телом, и мясо высохло у меня на костях; и маги, увидев, что я в таком положении, оставили меня и забыли, и никто из них не вспомнил обо мне, и я не приходил им на ум.

И однажды я ухитрился и вышел из этого места и пошел по острову, удалившись оттуда, где я был раньше. И я увидел пастуха, который сидел на чем-то высоком посреди моря, и всмотрелся в него — и вдруг вижу: это тот человек, которому отдали моих товарищей, чтобы он их пас, и с ним было много таких, как они.

И, увидев меня, этот человек понял, что я владею своим умом и меня не постигло ничто из того, что постигло моих товарищей, и сделал мне издали знак и сказал: «Возвращайся назад и иди по дороге, которая будет от тебя справа. Ты выйдешь на султанскую дорогу». И я повернул назад, как этот человек показал мне, и, увидев справа от себя дорогу, пошел по ней и шел не переставая, и я то бежал от страха, то шел не торопясь. И я отдохнул и шел таким образом, пока не скрылся с глаз того человека, который указал мне дорогу, и я перестал его видеть, и он не видел меня, и солнце скрылось, и наступила тьма.

И я сел отдохнуть и хотел заснуть, но сон не пришел ко мне в эту ночь от сильного страха, голода и утомления, а когда наступила полночь, я поднялся, и пошел по острову, и шел до тех пор, пока не взошел день.

И наступило утро, и засияло светом, и заблистало, и взошло солнце над холмами и долинами; а я устал и чувствовал голод и жажду. И стал я есть траву и растения, и ел, пока не насытился и не поддержал свою жизнь, а по-

сле этого я поднялся и пошел по острову и шел таким образом весь день и ночь; и всякий раз, когда я начинал чувствовать голод, я ел растения.

И я бродил семь дней и ночей, а на заре восьмого дня я посмотрел и увидел что-то издали. И я пошел к тому, что увидел, и шел до тех пор, пока не дошел до этого после заката солнца; и тогда я всмотрелся в то, что увидел, стоя вдали (а сердце мое было испугано тем, что я испытал в первый и во второй раз), и вдруг оказалось, что это толпа людей, которые собирают зернышки перца; и я приблизился, и, увидев меня, они поспешили ко мне и обступили меня со всех сторон и спросили: «Кто ты и откуда ты пришел?» — «Знайте, о люди, что я человек несчастный»,— ответил я. И я рассказал им обо всех ужасах и бедствиях, которые были и случились со мной, и о том, что я испытал.

И они сказали: «Клянемся Аллахом, это дело диковинное! Но как ты спасся от черных и как ты прошел мимо них на этом острове? Их много, и они едят людей, и никто от них не спасается, и ни один человек не может мимо них пройти». И я рассказал им о том, что у меня случилось с черными и как они взяли моих товарищей и накормили их тем кушаньем, а я не ел его, и меня поздравили со спасением и подивились тому, что со мной случилось.

И эти люди посадили меня подле себя, а окончив свое дело, принесли мне немного хорошего кушанья, и я поел его (а я был голоден) и отдохнул у них некоторое время; а после этого меня взяли и посадили в лодку и перевезли на их острова, к их жилищам.

И меня представили их царю, и я пожелал ему мира, и он сказал мне: «Добро пожаловать!» — и проявил ко мне уважение и спросил, что со мной было. И я рассказал ему о бывших со мной делах и обо всем, что со мной случилось и произошло с того дня, как я вышел из города Багдада, до того времени, как я прибыл к царю. И царь этих людей до крайности удивился моему рассказу и тому, что со мной произошло, так же как и те, кто присутствовал в его зале; а потом он велел мне сесть подле себя, и я сел, и он приказал принести еду, и ее принесли, и я съел столько, сколько было достаточно, и вымыл руки и поблагодарил Аллаха великого за милость и прославил его и воздал ему хвалу. А затем я вышел от царя и стал гулять по городу, и я увидел, что он благоустроен и в нем много жителей и богатств, и там немало лавок; рынков и товаров и продающих, и покупающих; и обрадовался я, что достиг этого города, и душа моя отдохнула. И я привык к этим людям и стал пользо-

ваться у них и у царя уважением и почетом бо́льшим, чем жители его царства и вельможи его города.

И увидел я, что все люди, и малые и великие, ездят на чистокровных конях без седел, и удивился этому, и спросил царя: «Почему, о владыка мой, ты не ездишь на седле? Седло дает отдых всаднику и укрепляет его силу».— «А что такое седло? — спросил царь.— Это вещь, которую мы в жизни не видали и никогда на ней не ездили».— «Не разрешишь ли ты мне сделать для тебя седло? Ты будешь на нем ездить и увидишь, как это приятно»,— сказал я. И царь ответил мне: «Сделай!» И тогда я сказал: «Вели принести мне немного дерева». И царь приказал принести все, что я потребую, и я позвал ловкого плотника и стал сидеть с ним и учить его, как изготовляются седла и как их делают.

И я взял шерсти, и расчесал ее, и сделал из нее войлок, а потом я принес кожу, обтянул ею седло и придал ей блеск, и после этого приладил к седлу ремни и привязал к нему подпруги.

А затем я призвал кузнеца и описал ему, как выглядит стремя, и кузнец выковал большие стремена, и я отполировал их, и вылудил оловом, и подвязал к ним шелковую бахрому. И после этого я поднялся, привел коня из лучших царских коней, и, привязав к нему это седло, подвесил стремена, и взнуздал коня уздой, и привел его к царю. И седло понравилось царю и пришлось ему по сердцу, и он поблагодарил меня и сел на седло, и его охватила из-за этого великая радость, и он дал мне много денег за мою работу. И когда вазир царя увидал, что я сделал это седло, он потребовал от меня еще одно такое же; и я сделал ему такое же седло, и все вельможи царства и обладатели высоких должностей стали требовать от меня седел, и я делал их им.

Я научил плотника делать седла и стремена и продавал их вельможам и господам, и скопил я таким образом большие деньги, и мое место у этих людей стало великим; и они полюбили меня сильной любовью; и занял я высокое положение у царя и его приближенных, и вельмож города, и знатных людей царства.

И в какой-то день я сидел у царя, пребывая в крайней радости и величии; и когда я сидел, царь вдруг сказал мне: «Знай, о такой-то, что ты стал у нас почитаемым и уважаемым и сделался одним из нас, и мы не можем с тобой расстаться и не в состоянии перенести твоего ухода из нашего города. Я хочу от тебя одной вещи, в которой ты

меня послушаешь и не отвергнешь моих слов».— «А чего ты хочешь от меня, о царь? — спросил я.— Я не отвергну твоих слов, так как ты оказал мне благодеяние и милость и добро, и, слава Аллаху, я стал одним из твоих слуг».— «Я хочу,— сказал царь,— дать тебе прекрасную, красивую и прелестную жену, обладательницу богатства и красоты. Ты поселишься у нас навсегда, и я дам тебе жилище у себя, в моем дворце. Не прекословь же мне и не отвергай моего слова».

Услышав слова царя, я застыдился, и промолчал, и не дал ему ответа от великого смущения; и царь спросил меня: «Почему ты мне не отвечаешь, о дитя мое?» — «О, господин,— отвечал я,— приказание принадлежит тебе, о царь времени!»

И царь в тот же час и минуту послал привести судью и свидетелей и тотчас женил меня на женщине, благородной саном и высокой родом, с большими деньгами и богатствами, великой по происхождению, редкостно красивой и прекрасной, владелице поместий, имуществ и имений.

А потом он дал мне большой прекрасный отдельный дом, и подарил мне слуг и челядь, и установил мне жалованье и выдачи; и стал я жить в великом покое, веселье и радости и забыл о всех тяготах, затруднениях и бедах, которые мне достались. «Когда я поеду в свою страну, то возьму жену с собой,— подумал я.— Все, что суждено человеку, непременно случится, и никто не знает, что с ним произойдет».

И я полюбил жену, и она полюбила меня великой любовью, и между нами наступило согласие, и мы пребывали в сладостнейшей жизни и в приятнейшем существовании. И мы прожили так некоторое время, и Аллах великий лишил жены моего соседа, который был мне другом, и я вошел к нему, чтобы утешить его в его потере, и увидел, что он в наихудшем состоянии, озабочен и утомлен сердцем и умом. И я стал ему соболезновать и утешать его и сказал ему: «Не печалься о твоей жене! Аллах великий даст тебе взамен благо и жену лучшую, чем она, и будет жизнь твоя долгой, если захочет Аллах великий». И сосед мой горько заплакал и сказал мне: «О друг мой, как я женюсь на другой женщине и как Аллах даст мне лучшую, чем она, когда моей жизни остался один день?» — «О брат мой,— ответил я ему,— вернись к разуму и не возвещай самому себе о смерти: ты ведь хорош, здрав и благополучен».— «О друг мой,— воскликнул сосед,— клянусь твоей жизнью, сегодня ты потеряешь меня и в жизни меня не увидишь!» — «А как

это?» — спросил я. И сосед ответил: «Сегодня будут хоронить мою жену, и меня похоронят вместе с ней в могиле. В нашей стране есть такой обычай: если умирает женщина, ее мужа хоронят с ней заживо, а если умирает мужчина, с ним хоронят заживо его жену, чтобы ни один из них не наслаждался жизнью после своего супруга».— «Клянусь Аллахом,— воскликнул я,— это очень скверный обычай, и никто не может его вынести!»

И когда мы вели этот разговор, вдруг пришло большинство жителей города, и они стали утешать моего друга в потере жены и его собственной жизни и начали обряжать мертвую, следуя своему обычаю. Они принесли гроб и понесли в нем женщину (а ее муж был с ними), и вышли за город, и пришли в некую местность возле горы, у моря; и тогда они подошли к одному месту и подняли большой камень, и из-под камня показалась каменная крышка вроде закраины колодца, и они бросили женщину в отверстие,— и оказалось, что это большой колодец под горой. А потом они принесли ее мужа, и, привязав ему под грудь веревку из пальмового лыка, спустили его в этот колодец и спустили к нему большой кувшин с пресной водой и семь хлебных лепешек. И когда его опустили, он отвязал от себя веревку, и веревку вытащили и закрыли отверстие колодца тем же большим камнем, как прежде, и все ушли своей дорогой, оставив моего друга подле его жены в колодце.

И я сказал про себя: «Клянусь Аллахом, эта смерть тяжелей, чем первая смерть!» А потом я пошел к их царю и сказал: «О господин, как это вы хороните живого вместе с мертвым в вашей стране?» И царь ответил: «Знай, что таков обычай в наших странах: когда умирает мужчина, мы хороним вместе с ним жену, а когда умирает женщина, мы хороним с ней ее мужа заживо, чтобы не разлучать их при жизни и после смерти; и этот обычай идет от наших дедов».— «О царь времени,— спросил я,— а если у чужеземца, как я, умирает жена, вы тоже поступаете с ним так, как поступили с тем человеком?» — «Да,— ответил царь,— мы хороним его вместе с ней и поступаем с ним так, как ты видел».

И когда я услышал от него эти слова, у меня едва не лопнул желчный пузырь от сильной печали и огорчения, и мой ум смутился, и я стал бояться, что моя жена умрет раньше меня и меня похоронят с нею при жизни. Но затем я стал утешать себя и сказал: «Может быть, я умру раньше ее, никто ведь не отличит опережающего от настигающего».

И я стал развлекаться какими-то делами. Но после этого

прошел лишь малый срок, и моя жена заболела и, прожив немного дней, умерла, и большинство жителей пришло утешать меня и утешать родных моей жены в потере ее, и царь пришел утешать меня, следуя обычаю. А затем они привели обмывальщицу и обмыли женщину и одели ее в наилучшие, какие у нее были, одежды, украшения, ожерелья, драгоценные камни и металлы, а одев мою жену, ее положили в гроб и понесли, и пошли с ней к той горе, и подняли камень с отверстия колодца, и бросили в него мертвую. А потом ко мне подошли все мои друзья и родственники жены и стали со мной прощаться, а я кричал, стоя между ними: «Я чужеземец, и нет у меня силы выносить ваши обычаи!» Но они не слушали моих слов и не обращали внимания на мои речи.

И они схватили меня, и насильно связали, и привязали со мной семь хлебных лепешек и кувшин пресной воды, как полагалось по обычаю, и спустили меня в этот колодец, и вдруг оказалось, что это огромная пещера под горой. «Отвяжи от себя веревки!» — сказали мне они; но я не согласился отвязаться, и они бросили ко мне веревки, а затем прикрыли отверстие колодца тем большим камнем, который был на нем, и ушли своей дорогой.

А что до меня, то я увидел в этой пещере много мертвых, издававших зловонный и противный запах, и стал упрекать себя за то, что я сделал, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я заслуживаю всего того, что со мной случается и что мне выпадает!» И я перестал отличать ночь ото дня и стал питаться немногим, начиная есть только тогда, когда голод едва не разрывал меня, и не пил, раньше чем жажда становилась нестерпимой, боясь, что у меня кончатся пища и вода. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — воскликнул я.— Что заставило меня, на беду мне, жениться в этом городе! Едва я скажу: вот я вышел из беды, как сейчас же попадаю в беду еще большую. Клянусь Аллахом, такая смерть — смерть плохая! О, если бы я потонул в море или умер в горах — это было бы лучше такой скверной смерти!»

И я пребывал в таком состоянии, упрекая себя, и спал на костях мертвецов, взывая о помощи к Аллаху великому и желая себе смерти, но я не находил ее, так мне было тяжело.

И я жил таким образом, пока голод не сжег моего сердца и меня не спалила жажда, и тогда я присел и, найдя ощупью хлеб, поел его немного и запил небольшим количеством воды. А после этого я поднялся на ноги и стал ходить

по этой пещере и увидел, что она обширна, с пустыми пространствами, и на земле ее много мертвецов и костей, тлеющих с древних времен. И я устроил себе местечко на краю пещеры, далеко от свежих мертвецов, и стал там спать, и моя пища уменьшилась, и у меня осталось ее очень немного, а я ел раз в день или реже и один раз пил, боясь, что у меня кончатся вода и пища, прежде чем я умру.

И я продолжал жить таким образом. И вот в один из дней я сидел, и когда я сидел и раздумывал, что я буду делать, когда у меня кончится пища и вода, вдруг камень сдвинули с места и из отверстия ко мне проник свет. «Посмотреть бы, в чем дело!» — воскликнул я и вдруг увидел, что у верхушки колодца стоят люди и они опускают мертвого мужчину и живую женщину, которая плачет и причитает, и с нею опускают много пищи и воды. И я стал смотреть на эту женщину, а она меня не видела, и люди закрыли отверстие колодца камнем и ушли своей дорогой.

И я встал и, взяв в руку берцовую кость мертвого мужчины, подошел к женщине и ударил ее костью посередине головы, и она упала на землю без памяти, и тогда я ударил ее второй раз и третий, и она умерла. И я взял ее хлеб и то, что с ней было, и увидел, что на ней много украшений, одежд и ожерелий из драгоценных камней и металлов. А взяв воду и пищу, бывшую у женщины, я сел в том месте, которое себе устроил в углу пещеры, чтобы там спать, и стал есть эту пищу понемногу, чтобы прокормить себя и не извести пищу быстро и не умереть с голоду и жажды.

И я оставался в этой пещере некоторое время, и всякий раз, как кого-нибудь хоронили, я убивал того, кого хоронили с ним заживо, и брал его пищу и питье и питался этим.

И вот однажды я спал и пробудился от сна и услышал, что кто-то возится в углу пещеры. «Что это такое может быть?» — спросил я себя, и я встал и пошел по направлению шума, захватив берцовую кость мертвого мужчины; и когда шумевший почуял меня, он убежал и умчался, и оказалось, что это дикий зверь. И я шел за ним до середины пещеры, и передо мной появился свет, светивший из маленькой щели, точно звезда, и он то появлялся, то скрывался.

И, увидев свет, я направился к тому месту и, подходя к нему, видел сквозь него свет, который все расширялся. И я убедился тогда, что это пролом в пещере, выходивший наружу, и сказал себе: «Этому должна быть причина. Либо это другое отверстие, такое же, как то, через которое меня опустили, либо в этом месте пролом». И я раздумывал

некоторое время и пошел по направлению к свету: и вдруг оказалось, что это брешь в хребте горы, которую проломили дикие звери. И они входили через нее в это место и ели мертвых, пока не насытятся, а потом выходили через эту брешь.

И когда я увидел это, дух мой успокоился, тревога моей души улеглась, и сердце отдохнуло, и я уверился, что буду жив после смерти, и чувствовал себя, как во сне. И я трудился до тех пор, пока не вышел через этот пролом; и я увидел себя на берегу моря, на вершине большой горы, которая отделяла море от острова и города, и никто не мог до нее добраться.

И я прославил Аллаха великого, и возблагодарил его, и обрадовался великой радостью, и сердце мое возвеселилось, а потом я вернулся через брешь в пещеру и перенес всю бывшую там пищу и воду, которую я накопил. Я взял одежды мертвых и надел на себя кое-какие из них на те, которые были на мне, и взял из того, что было на мертвых,— много разных ожерелий, драгоценных камней, жемчужных цепочек и украшений из серебра и золота, отделанных разными металлами и редкостями. Я завязал в свою одежду платья мертвецов и вынес через брешь на гору и стоял у моря; и каждый день я спускался в пещеру и осматривал ее, и у всякого, кого хоронили, я отбирал пищу и воду и убивал его, все равно был ли это мужчина или женщина; а потом я выходил через брешь и садился на берегу моря, ожидая, что Аллах великий поможет мне и пошлет корабль, который пройдет мимо меня. И я выносил из этой пещеры все украшения, которые видел, и завязывал их в одежду мертвецов, и провел так некоторое время.

И вот однажды я сидел на берегу моря и раздумывал о своем деле и вдруг вижу — плывет корабль посреди ревущего моря, где бьются волны. И я взял в руку белую одежду из одежд мертвых, и, привязав ее к палке, побежал на берег моря, и стал делать этой одеждой знаки путникам, пока они не бросили взгляда и не увидали меня, когда я стоял на вершине горы. И они подплыли ко мне, и услышали мой голос, и послали ко мне лодку, в которой была толпа людей, ехавших на корабле; и, приблизившись ко мне, они спросили: «Кто ты и почему сидишь на этом месте? Как ты достиг этой горы, когда мы в жизни не видали, чтобы кто-нибудь подходил к ней?» — «Я купец,— отвечал я им.— Корабль, на котором я ехал, потонул, но я выплыл на доске, и со мной были мои вещи, и Аллах

облегчил мне выход в этом месте с вещами благодаря моим стараниям и ловкости, после великого утомления». И они взяли меня с собой в лодку, и погрузили все то, что я взял из пещеры и завязал в одежды и саваны, и отправились со мной, и подняли меня на корабль к капитану вместе со всеми моими вещами. «О человек,— спросил меня капитан,— как ты пробрался к этому месту, когда это большая гора, за которой стоит большой город, а я всю жизнь плаваю по этому морю и проплываю мимо этой горы, но не вижу на ней никого, кроме зверей и птиц».— «Я купец,— отвечал я,— и был на большом корабле, который разбился, и все мои вещи — эти материи и одежды — стали тонуть, но я положил их на большую доску из корабельных досок, и моя судьба и счастье помогли мне подняться на эту гору, и я стал ожидать, пока кто-нибудь проедет и возьмет меня с собой».

И я не рассказал этим людям, что со мной случилось в городе и пещере, боясь, что с ними на корабле окажется кто-нибудь из этого города. Затем я предложил хозяину корабля многое из моего имущества и сказал ему: «О господин, ты причина моего спасения с этой горы, возьми же это от меня за ту милость, которую ты оказал мне». Но капитан не принял от меня этого и сказал: «Мы ни от кого ничего не берем. Когда мы видим потерпевшего кораблекрушение на берегу моря или на острове, мы берем его к себе, и кормим, и поим, и, если он нагой, одеваем его, а когда мы приходим в безопасную гавань, мы даем ему что-нибудь от себя в подарок и оказываем ему милость и благодеяние ради лика Аллаха великого».

И тогда я пожелал ему долгой жизни, и мы ехали от острова к острову и из моря в море, и я надеялся спастись и радовался моему благополучию, но всякий раз, как я думал о пребывании моем в пещере вместе с женой, разум покидал меня. И мы благополучно достигли, по могуществу Аллаха, города Басры, и я вышел в город и оставался там немного дней, а после этого я прибыл в город Багдад, и пришел в свой квартал, и вошел к себе в дом, и встретил родных и друзей, и спросил их, что было с ними; и они обрадовались моему спасению и поздравили меня. И я сложил все вещи, которые у меня были, в кладовые, и стал раздавать милостыню, и дарить, и одевать сирот и вдов, и жил в крайнем веселье и радости, и вернулся к прежней дружбе и товариществу и общению с друзьями, к забавам и ликованию.

Вот самое удивительное, что было со мной в четвертое

путешествие. Но поужинай у меня, о брат мой, и возьми себе обычное, а завтра ты придешь ко мне, и я расскажу тебе, что со мной было и произошло в пятое путешествие, оно более удивительно и диковинно, чем предыдущие».

И затем Синдбад приказал выдать носильщику сто мискалей золотом и велел расставлять столы; и все поужинали и ушли своей дорогой, удивляясь до крайней степени: ведь каждый рассказ был страшней, чем предыдущий.

А Синдбад-носильщик отправился в свое жилище и провел ночь до крайности весело и радостно, а когда настало утро, и засияло светом, и заблистало, Синдбад сухопутный поднялся и, совершив утреннюю молитву, пошел и пришел в дом Синдбада-морехода. Он пожелал ему доброго утра, и Синдбад-мореход отвечал: «Добро пожаловать!» — и велел ему сесть возле себя. И когда пришли остальные его товарищи, они поели и попили, и насладились, и повеселились, и пошла между ними беседа. И Синдбад-мореход сказал:

РАССКАЗ О ПЯТОМ ПУТЕШЕСТВИИ

«Знайте, о братья, мои, что, вернувшись из четвертого путешествия, я погрузился в веселье, радости и развлечения и забыл обо всем, что испытал, что со мной случилось и что я вытерпел: так сильно я радовался наживе, прибыли и доходу. И вновь побудила меня душа попутешествовать и посмотреть на чужие страны и острова, и я решился на это, и, купив роскошные товары, подходящие для моря, и связав тюки, вышел из города Багдада и отправился в город Басру. И я стал ходить по берегу и увидел большой, высокий и прекрасный корабль, и он мне понравился, и я купил его (а снаряжение его было новое) и нанял капитана и матросов, и оставил моих рабов и слуг надзирать за ними. Я сложил на корабль мои тюки, и ко мне пришло несколько купцов, и они сложили свои тюки на мой корабль, и дали мне плату, и мы поехали до крайности веселые и довольные, радуясь надежде на благополучие и наживу.

И мы ехали с одного острова на другой и из одного моря в другое, смотря на острова и страны, и выходили на сушу и продавали и покупали, и продолжали мы ехать таким образом, пока однажды не достигли большого острова, лишенного обитателей, где никого не было, и был этот остров разорен и пустынен. И на острове стоял большой

белый купол огромного объема, и мы вышли посмотреть на него, и вдруг видим: это большое яйцо рухха! И когда купцы подошли к нему и посмотрели на него (а они не знали, что это яйцо рухха), они стали бить его камнями, и яйцо разбилось, и оттуда вытекло много воды. И из яйца показался птенец рухха, и его вытащили из яйца и извлекли оттуда и зарезали, и получили от него много мяса; а я был на корабле, и они меня не осведомили о том, что сделали.

И один из едущих сказал мне: «О господин, встань и посмотри на это яйцо, которое ты принял за купол». И я поднялся, чтобы посмотреть на него, и увидел, что купцы бьют по яйцу. «Не делайте этого,— крикнул я им,— появится птица рухх и разобьет наш корабль и погубит нас!» Но они не послушались моих слов. И вдруг солнце скрылось, и день потемнел, и над нами появилось облако, затмившее воздух. И мы подняли головы, смотря на то, что встало между нами и солнцем, и увидали, что это крылья рухха загородили от нас солнечный свет, и воздух потемнел. А когда прилетел рухх, он увидел, что его яйцо разбито, и закричал на нас, и прилетела его подруга, и обе птицы стали кружить над кораблем и кричать на нас голосом громче грома. И я закричал капитану и матросам и сказал им: «Отвяжите корабль и ищите спасения, пока мы не погибли!» И капитан поспешил и, когда купцы взошли на корабль, отвязал его, и мы поехали вдоль острова.

И, увидев, что мы поплыли по морю, рухх скрылся на некоторое время; и мы поплыли дальше и ускоряли ход корабля, желая спастись от птиц и выйти из их земли; но вдруг птицы последовали за нами и приблизились к нам, и в лапах у каждой было по большому камню с горы. И рухх сбросил на нас камень, который был у него, но капитан отвел корабль в сторону, и камень немного не попал в него и упал в море. И корабль начал подниматься и опускаться, с такой силой упал камень в море, и мы увидели морское дно из-за силы его удара.

А потом подруга рухха бросила в нас камень, который был с нею (а он был меньше первого), и камень упал, по предопределенному велению, на корму корабля и разбил его, и руль разлетелся на двадцать кусков. И все, что было на корабле, утонуло в море, а я стал искать спасения ради сладости жизни, и Аллах великий послал мне одну из корабельных досок, и я уцепился за нее и сел и принялся грести ногами, и ветер и волны помогали мне двигаться. А корабль потонул близ одного острова, посреди моря,

и бросила меня судьба, по изволению Аллаха великого, к этому острову; и я выбрался на него, будучи при последнем вздохе и в положении мертвого,— такую сильную перенес я усталость, утомление, голод и жажду.

И я пролежал на берегу моря некоторое время, пока душа моя не отдохнула и сердце не успокоилось, а затем я пошел по острову и увидел, что он подобен райскому саду: деревья на нем зеленели, каналы разливались, и птицы щебетали и прославляли того, кому принадлежат величие и вечность.

И было на этом острове много деревьев и плодов и разных цветов; и я ел эти плоды, пока не насытился, и пил из этих каналов, пока не напился, и тогда я воздал хвалу Аллаху великому и прославил его за это.

И я просидел таким образом на острове, пока не наступил вечер и не пришла ночь, и тогда я поднялся, словно убитый, от охватившей меня усталости и страха, и не слышал я на этом острове голоса и никого на нем не видел. И я пролежал на острове до утра, а затем встал на ноги и начал ходить между деревьями.

И я увидел оросительный колодец у ручья с текучей водой, а около него сидел красивый старик, и был этот старик покрыт плащом из древесных листьев. И я сказал про себя: «Может быть, этот старик вышел на остров и он из числа утопавших, с которыми разбился корабль?» — и приблизился к старику и приветствовал его; а он ответил на мое приветствие знаками и ничего не сказал. «О старец,— спросил я его,— почему ты сидишь в этом месте?» И старец горестно покачал головой и сделал мне знак рукой, желая сказать: «Подними меня на шею и перенеси отсюда на другую сторону колодца». И я сказал себе: «Сделаю этому человеку милость и перенесу его туда, куда он хочет: может быть, мне достанется за это награда».

И я подошел к старику и поднял его на плечи и пришел к тому месту, которое он мне указал, а потом я сказал ему: «Сходи не торопясь»; но он не сошел с моих плеч и обвил мою шею ногами. И посмотрел я на его ноги и увидел, что они черные и жесткие, как буйволова кожа.

И я испугался и хотел сбросить старика с плеч, но он уцепился за мою шею ногами и стал меня душить, так что у меня потемнело в глазах, и я потерял сознание и упал на землю, покрытый беспамятством, точно мертвый. И старик поднял ноги и стал бить меня по спине и по плечам, и я почувствовал сильную боль и поднялся на ноги, а старик все сидел у меня на плечах, и я устал от него.

И он сделал мне знак рукой: «Пойди к деревьям с самыми лучшими плодами!» И если я его не слушался, он наносил мне ногами удары, сильнее, чем удары бичом, и все время делал мне знаки рукой, указывая место, куда он хотел идти, а я ходил с ним. И если я медлил или задерживался, он бил меня, и я был у него точно в плену.

И мы вошли в рощу посреди острова, и старик мочился и испражнялся у меня на плечах и не сходил с них ни днем, ни ночью, а когда он хотел спать, то обвивал мне шею ногами и немного спал, а потом поднимался и бил меня. И я поспешно вставал и не мог его ослушаться, так много я от него вытерпел, и только упрекал себя за то, что его понес и пожалел.

И я жил таким образом, испытывая сильнейшую усталость, и говорил себе: «Я сделал ему добро, и обернулось оно злом. Клянусь Аллахом, я во всю жизнь больше не сделаю никому добра!» — и просил смерти у Аллаха великого каждый час и каждую минуту, так велико было мое утомление и усталость. И я провел таким образом некоторое время; но вот однажды я пришел со стариком в одно место на острове и увидел там множество тыкв, среди которых было много высохших. И я взял одну большую сухую тыкву, вскрыл ее сверху и вычистил, а потом я пошел с ней к виноградной лозе и наполнил ее виноградом, и заткнул отверстие, и, положив тыкву на солнце, оставил ее на несколько дней, пока виноград не превратился в чистое вино. И я стал каждый день пить его, чтобы помочь себе этим против утомления из-за этого зловредного шайтана, и всякий раз, как я пьянел от вина, моя решимость крепла. И старик увидел меня однажды, когда я пил, и сделал мне знак рукой, спрашивая: «Что это?» И я ответил: «Это прекрасная вещь, она укрепляет сердце и развлекает ум». И я стал бегать и плясать со стариком между деревьями, и овладела мной веселость из-за опьянения, и принялся я хлопать в ладоши и петь и веселиться. И, увидав меня в таком состоянии, старик сделал мне знак подать ему тыкву, чтобы он тоже мог из нее выпить, и я побоялся его и отдал ему тыкву, и он выпил то, что там оставалось, и бросил ее на землю.

И овладело им веселье, и он стал ерзать у меня на плечах, а затем он охмелел и погрузился в опьянение, и все его члены и суставы расслабли, так что он стал качаться у меня на плечах. И когда я понял, что он опьянел и обеспамятел, я протянул руку к его ногам и отцепил их от моей шеи, а затем я нагнулся и сел и сбросил его на землю. И мне

не верилось, что я освободился и избавился от того положения, в котором я был.

И я испугался, что старик очнется от хмеля и будет меня обижать, и я взял большой камень, лежавший между деревьями, и, подойдя к старику, ударил его по голове, когда он спал, и кровь его смешалась с мясом, и он умер, да не будет над ним милость Аллаха. А потом я стал ходить по острову, и мой ум отдохнул, и я пришел к тому месту на берегу моря, где был раньше. И я прожил на этом острове некоторое время, питаясь его плодами и утоляя жажду из ручьев, и высматривал корабль, который прошел бы мимо. И вот однажды я сидел и думал о том, что со мной случилось и какие произошли со мной дела, и говорил себе: «Посмотрим, сохранит ли меня Аллах целым, и вернусь ли я в мои страны, и встречусь ли с родными и друзьями». И вдруг показался корабль посреди ревущего моря, где бились волны, и шел до тех пор, пока не пристал к этому острову.

И путники сошли с корабля на остров, и я подошел к ним; и, увидев меня, они все поспешно приблизились ко мне, и собрались вокруг меня, и стали расспрашивать меня, что со мной и почему я прибыл на этот остров; и я рассказал им о моем деле и о том, что со мной случилось, и они удивились этому до крайней степени и сказали: «Тот человек, который сидел у тебя на плечах, называется шейхом моря, и никто из тех, кто попадал под его ноги, не спасся, кроме тебя. Да будет же слава Аллаху за твое спасение!»

И затем они принесли мне кое-какой еды, и я ел, пока не насытился, и мне дали одежду, которую я надел и прикрыл ею срамоту; а потом они взяли меня с собой на корабль, и мы ехали дни и ночи. И судьба бросила нас к городу с высокими постройками, где все дома выходили на море,— а этот город назывался городом обезьян, и когда наступала ночь, люди, которые жили в этом городе, выходили из ворот, ведших к морю, садились в лодки и на корабли и ночевали в море, боясь, что обезьяны спустятся к ним ночью с гор.

И я вышел посмотреть на этот город, и корабль ушел, а я не знал этого; и я стал раскаиваться, что вышел в этот город, и вспомнил моих товарищей и все то, что случилось со мной из-за обезьян в первый и во второй раз.

И я сидел печальный и плакал; и подошел ко мне человек из жителей этой страны и сказал мне: «О господин, ты как будто чужой в этих землях?» — «Да,— ответил я ему,— я чужестранец и бедняк. Я был на корабле, кото-

рый пристал к этому берегу, и сошел с него, чтобы посмотреть на город, и, вернувшись, не увидел корабля».— «Поднимайся,— сказал этот человек,— идем с нами и садись в лодку. Если ты будешь сидеть в городе ночью, обезьяны погубят тебя».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал я и в тот же час и минуту поднялся и сел в лодку с людьми, и они оттолкнулись от суши и удалились от берега на милю. И они провели так ночь, и я вместе с ними, а когда наступило утро, они вернулись на лодке в город и вышли, и каждый из них пошел по своему делу,— таков был их неизменный обычай. Ко всякому, кто задерживался ночью в городе, приходили обезьяны и губили его, а днем обезьяны уходили из города. И они питались плодами в садах и спали на горах до вечерней поры и потом возвращались в город, и этот город находился в отдаленнейших странах чернокожих.

Вот одна из самых удивительных вещей, что случилась со мной в этом городе. Один человек из тех, с кем я провел ночь в лодке, сказал мне: «О господин, ты чужой в этих землях, знаешь ли ты ремесло, которым мог бы заняться?» — «Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, у меня нет ремесла, и я не умею ничего делать,— ответил я.— Я только купец, обладатель денег и богатства, и у меня был царственный корабль, нагруженный большими богатствами и разными товарами, и он разбился в море, и потонуло все, что там было, и я спасся от потопления только по изволению Аллаха. Аллах послал мне кусок доски, на которую я сел, и это было причиной того, что я спасся от потопления». И этот человек встал и принес мне мешок из хлопчатой бумаги и сказал: «Возьми этот мешок и наполни его голышами и выходи с толпой городских жителей, а я сведу тебя с ними и поручу им о тебе заботиться. Делай то же, что они делают, и, может быть, ты заработаешь что-нибудь, что тебе поможет уехать и вернуться в твою страну».

И потом этот человек взял меня и вывел за город, и я набрал маленьких камешков-голышей и наполнил ими мешок; и вдруг я вижу, толпа выходит из города. И этот человек свел меня с ними, и поручил меня им, и сказал: «Он чужестранец, возьмите его с собой и научите его подбирать; может быть, он что-нибудь заработает, чтобы прокормиться, а вам будет награда и воздаяние»; и они сказали: «Слушаем и повинуемся!» — и приветствовали меня и взяли меня с собой, и у каждого из них был мешок, такой же как у меня, полный голышей. И мы шли до тех пор, пока не достигли широкой долины, где было много

высоких деревьев, на которые никто не мог влезть, и в этой долине было много обезьян, и, увидав нас, эти обезьяны убежали и забрались на деревья. И люди стали бросать в обезьян камнями, которые были у них в мешках, а обезьяны рвали с деревьев плоды и бросали ими в этих людей.

И я посмотрел на плоды, которые бросали обезьяны, и вдруг вижу — это индийские орехи. И, увидев, что делают эти люди, я выбрал большое дерево, на котором было много обезьян, и, подойдя к нему, стал бросать в них камнями, а обезьяны начали рвать орехи и бросать в меня ими, и я собирал их, как делали другие люди; и не вышли еще все камни в моем мешке, как я уже набрал много орехов. А окончив свою работу, люди собрали все то, что у них было, и каждый из них понес, сколько мог, а затем мы вернулись в город в течение оставшегося дня, и я пришел к тому человеку, моему другу, который свел меня с людьми, и отдал ему все, что я собрал, и поблагодарил его за милость. «Возьми это,— сказал он мне,— и продай и пользуйся ценой этого». И он дал мне ключ от одного помещения в его доме и сказал: «Сложи в этом месте те орехи, которые у тебя остались, и выходи каждый день с людьми, как ты вышел сегодня, и из тех орехов, которые ты будешь приносить, отбирай дурные и продавай и пользуйся их ценой, а остальные храни в этом месте: может быть, ты наберешь столько, что это поможет тебе уехать».— «Награда тебе от Аллаха великого!» — сказал я ему.

И я стал делать так, как он мне говорил, и каждый день я наполнял мешок камнями и выходил с людьми и делал так, как они делали, и люди стали обо мне заботиться и указывали мне деревья, на которых было много плодов.

И я провел так некоторое время, и у меня скопилось много хороших индийских орехов, и я продал множество их, и выручил за них много денег, и стал покупать все, что я видел и что приходилось мне по сердцу; и время мое было безоблачно, и везде в городе мне была удача, и я продолжал жить таким образом.

И однажды я стоял у берега моря, и вдруг подошел к городу корабль и пристал к берегу, и на корабле были купцы с товарами, и они стали продавать и покупать индийские орехи и другое, и я пошел к моему другу и осведомил его о прибытии корабля, и сказал ему, что я хочу уехать в мою страну. «Решение принадлежит тебе»,— сказал он. И я простился с ним и поблагодарил его за его милость ко мне, а потом я пришел к кораблю и, встретившись с капитаном, нанял у него корабль, сложил в него все

бывшие у меня орехи и прочее, и корабль отправился в этот же день, и мы ехали от острова к острову и из моря в море, и на всяком острове, где мы приставали, я продавал орехи и выменивал их, и Аллах дал мне взамен больше, чем то, что у меня было и пропало.

И мы проходили мимо одного острова, где были корица и перец, и люди рассказывали нам, что они видели на каждой грозди перца большой лист, который давал ему тень и защищал его от дождя, когда шел дождь, а когда дождь переставал, лист отгибался от грозди и повисал сбоку. И я взял с собой с этого острова много перца и корицы в обмен на орехи.

И мы проходили мимо острова аль-Асират (а это тот остров, на котором растет камарское алоэ) и после него мимо другого острова, по которому нужно идти пять дней, и там растет китайское алоэ, которое лучше камарского. Жители этого острова хуже по образу жизни и по вере, чем жители острова камарского алоэ: они любят развратничать, и пьют вино, и не знают азана и свершения молитвы.

А после этого мы подъехали к жемчужным ловлям, и я дал ныряльщикам несколько индийских орехов и сказал им: «Нырните мне на счастье и на мою долю!» И они нырнули в заводь и вытащили много больших и дорогих жемчужин и сказали мне: «О господин наш, клянемся Аллахом, твоя доля счастливая».

И я взял все, что они вытащили, на корабль, и мы поплыли, с благословения Аллаха великого, и плыли до тех пор, пока не прибыли в Басру. И я вышел в город и оставался там некоторое время, а потом я отправился оттуда в город Багдад, и вошел в свой квартал, и пришел к себе домой, и приветствовал моих родных и друзей, и они поздравляли меня со спасением. И я сложил в кладовые все товары и вещи, которые были со мной, и одел сирот и вдов, и раздавал милостыню, и одарял моих родных, друзей и любимых. И Аллах дал мне взамен в четыре раза больше, чем у меня пропало.

И я забыл обо всем, что со мной случилось, и о перенесенной мной усталости из-за великой прибыли и дохода и вернулся к тому, что делал раньше, дружа и общаясь с людьми. Вот самое удивительное, что случилось со мной в пятом путешествии, а теперь ужинайте».

Когда же кончили ужинать, Синдбад-мореход приказал выдать Синдбаду-носильщику сто мискалей золота, и тот взял их и ушел, дивясь таким делам. И Синдбад-носильщик провел ночь в своем доме, а когда наступило утро, он под-

нялся и совершил утреннюю молитву, и пошел, и пришел в дом Синдбада-морехода. Войдя к нему, он пожелал ему доброго утра, и Синдбад-мореход велел ему сесть, и носильщик сидел возле него и все время с ним разговаривал, пока не пришли остальные его друзья. И они поговорили, и расставили столы, и стали есть, пить и наслаждаться и веселиться, и Синдбад-мореход начал им рассказывать о шестом путешествии.

РАССКАЗ О ШЕСТОМ ПУТЕШЕСТВИИ

«Знайте, о братья, любимые и друзья,— сказал он,— что, вернувшись из пятого путешествия, я забыл обо всем, что испытал, радуясь, веселясь, развлекаясь и наслаждаясь, и жил в крайнем счастье и радости.

И я продолжал жить таким образом. И вот в один из дней я сидел очень довольный, радостный и веселый, и вдруг прошла мимо меня толпа купцов, на которых были видны следы путешествия. И вспомнил я тогда день возвращения из путешествия и мою радость при встрече с родными, друзьями и любимыми и радость при вступлении в мою страну, и захотелось мне попутешествовать и поторговать.

И я решил отправиться в путешествие и купил себе прекрасных и роскошных товаров, пригодных для моря, и, погрузив свои тюки, выехал из Багдада в город Басру. И я увидел большой корабль, на котором были купцы и вельможи с прекрасными товарами, и сложил свои тюки вместе с их товарами на этот корабль, и мы благополучно выехали из города Басры. И мы путешествовали из места в место и из города в город,— говорил Синдбад,— и продавали, и покупали, и смотрели на чужие страны, и счастье в путешествии благоприятствовало нам, и мы добывали себе средства к жизни.

И однажды мы ехали, и вдруг капитан корабля стал вопить и кричать, и сбросил с себя чалму, и принялся бить себя по лицу, и выщипал себе бороду, и упал в трюм корабля от сильного горя и огорчения. И вокруг него собрались все купцы и путники и спросили его: «О капитан, в чем дело?» И он ответил им: «Знайте, о люди, что наш корабль сбился с пути и мы вышли из моря, в котором были, и вошли в море, где мы не знаем дороги, и если Аллах не пошлет нам чего-нибудь, что нас освободит из этого моря, мы все погибнем. Молитесь же Аллаху великому, чтобы он освободил нас от этой беды!» Потом капитан

поднялся на ноги и влез на мачту и хотел распустить паруса, и ветер усилился и повернул корабль кормой вперед, и руль сломался близ высокой горы.

И капитан спустился с мачты и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого, и никто не может отразить предопределенное! Клянусь Аллахом, мы впали в великую беду, и не осталось для нас спасения и вызволения!»

И все путники стали себя оплакивать и прощаться друг с другом, так как их жизнь окончилась и надежды их прекратились. И корабль свернул к этой горе и разбился, и доски его разбросало, и все, что было на корабле, потонуло, а купцы упали в море, и некоторые из них утонули, а другие схватились за гору и вышли на нее. И я был в числе тех, кто вышел на гору, и я увидел, что она находится на большом острове, близ которого много разбитых кораблей, и на острове, у берега моря, много всяких богатств, выброшенных морем с разбившихся кораблей, ехавшие на которых потонули, и было там много вещей и имущества, выброшенного морем на берег острова и ошеломлявшего ум и рассудок.

И я вышел на этот остров и стал ходить по нему и увидел посреди него ручей с пресной водой, который вытекал из-под ближнего склона горы и исчезал в конце ее, на другой стороне; и все путники вышли на эту гору и на остров и разошлись по нему, и разум их был ошеломлен, и стали они точно одержимые из-за множества вещей, которые они увидали на острове, на берегу моря.

И я увидел посреди этого ручья множество разных драгоценных камней, металлов, яхонтов и больших царственных жемчужин, и они лежали, как камешки, в русле ручья, бежавшего посреди рощи, и все дно ручья сверкало из-за множества металлов и других драгоценностей.

И увидели мы на этом острове много наилучшего китайского и камарского алоэ, и бил на острове полноводный ключ из особого вида амбры, которая из-за сильного жара солнца текла, как воск, по берегам ручья и разливалась по берегу моря.

И выходили из моря звери, и глотали ее, и погружались с нею в море; и амбра согревалась у них в брюхе, а потом они извергали ее изо рта в море, и амбра застывала на поверхности воды, и ее цвет и вид изменялись.

И волны выбрасывали ее на берег моря, и путешественники и купцы, которые знали, что такое амбра, собирали ее и продавали. Что же касается чистой, непро-

глоченной амбры, то она течет по берегам этого ручья и застывает на дне его, а когда восходит солнце, она начинает течь и оставляет после себя по всей долине запах, как от мускуса. Когда же солнце уходит, амбра застывает. И к этому месту, в котором находится сырая амбра, никто не может подойти и не в состоянии туда пробраться, так как горы окружают этот остров, и никто не в состоянии на них взойти.

И мы ходили по этому острову, глядя на то, что создал на нем Аллах великий из богатств, и не знали мы, что думать о нашем деле и о том, что мы видели, и испытывали мы великий страх.

Мы собрали на берегу острова немного пищи и стали беречь ее и ели каждый день один раз или два, боясь, что пища у нас кончится и мы помрем в тоске от сильного голода и страха. А всякого из нас, кто умирал, мы обмывали и завертывали в одежды или ткани, которые море выбрасывало на берег острова, и из нас умерло множество людей, и осталась в живых только маленькая горсточка. Мы ослабли от боли в животе из-за морской воды, и когда мы прожили так еще немного времени, все мои товарищи и друзья умерли один за другим, и всякого, кто умирал, мы хоронили. И, наконец, я оказался один на этом острове, и пищи осталось со мной немного, после того как ее было много; и я стал оплакивать себя и воскликнул: «О, если бы я умер раньше моих товарищей и они обмыли бы меня и похоронили! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И я провел так еще недолгое время, а потом я встал и выкопал себе глубокую яму на берегу острова и подумал про себя: «Когда я ослабну и буду знать, что ко мне пришла смерть, я лягу в эту могилу и умру в ней, и ветер будет наносить на меня песок и закроет меня, и окажусь я погребенным в могиле». И я стал упрекать себя за малый разум и за то, что я вышел из моей страны и моего города и поехал в чужие страны после того, что я перенес в первый, второй, третий, четвертый и пятый раз, и не было путешествия, в котором бы я не испытывал ужасов и бедствий тягостней и тяжелее ужасов, бывших раньше.

И я не верил, что спасусь и останусь цел, и каялся в том, что путешествовал по морю, и снова это делал; я ведь не нуждался в деньгах и имел их много, и то, что было у меня, я не мог бы извести или истратить даже наполовину во всю оставшуюся мне жизнь,— того, что было у меня, мне бы хватило с излишком.

И я стал раздумывать и сказал: «Клянусь Аллахом, у этой реки должны быть начало и конец, и на ней обязательно должно быть место, через которое можно выйти в населенную страну. Правильное решение будет, если я сделаю себе маленькую лодку такого размера, чтобы я мог сесть в нее, и я пойду и спущу ее на реку и поплыву, и если я найду себе освобождение, то буду свободен и спасусь, по изволению Аллаха великого, а если я не найду себе освобождения, то лучше мне умереть на этой реке, чем здесь».

И я стал горевать о себе; а затем я поднялся на ноги и пошел собирать на острове бревна и сучья китайского и камарского алоэ и связывал их на берегу моря веревками с кораблей, которые разбились. Я принес одинаковые доски из корабельных досок, и наложил их на эти бревна, и сделал лодку шириной в ширину реки, или меньше ее ширины, и хорошо и крепко связал их.

И я захватил с собой благородных металлов, драгоценных камней, редкостей и больших жемчужин, лежавших как камешки, и прочего из того, что было на острове, а также взял сырой амбры, чистой и хорошей, сложил все это на плоту и сложил туда все, что я собрал на острове, и еще захватил всю оставшуюся пищу, а затем я спустил этот плот на воду и положил по обеим сторонам его две палки вроде весел и сделал так, как сказал кто-то из поэтов:

Покинуть лучше тот край, где ты удручен ярмом,
И плачет пусть о тебе тобой построенный дом.

Другую землю найдешь, души не найдешь другой,
А если цела душа, утешишься ты потом.

В несчастье ты не грусти, несчастье скоро пройдет,
Пока всегда и везде кончается все концом.

Когда тебе суждено отдать Богу душу там,
Не бойся, не суетись: не сгинешь в краю другом.

Когда дело важное, не следует слать гонца;
С другим не советуясь, живи ты своим умом.

И я поехал на этом плоту по реке, раздумывая о том, к чему приведет мое дело, и все ехал, не останавливаясь, к тому месту под горой, в которое втекала река. И я ввел плот в этот проход и оказался под горой в глубоком мраке, и плот уносил меня по течению в теснину под горой, где бревна стали тереться о берега реки, а я ударялся головой о своды ущелья и не мог возвратиться назад. И я стал упрекать себя за то, что я сам с собою сделал, и подумал: «Если

это место станет слишком узким для плота, он едва ли из него выйдет, а вернуться назад нельзя, и я, несомненно, погибну здесь в тоске».

И я лег на плоту лицом вниз — так было мне на реке тесно — и продолжал двигаться, не отличая ночи ото дня из-за темноты, окружавшей меня под горой, и страха и опасения погибнуть. И я продолжал ехать по этой реке, которая то расширялась, то сужалась, и мрак сильно утомил меня, и меня взяла дремота от сильного огорчения.

И я заснул, лежа лицом вниз на плоту, и он продолжал меня везти, пока я спал (не знаю, долго или не долго); а затем я проснулся и увидел вокруг себя свет. И тогда я открыл глаза и увидел обширную местность, и мой плот был привязан к берегу острова, и вокруг меня стояла толпа индийцев и абиссинцев. И, увидав, что я поднялся, они подошли и заговорили со мной на своем языке, но я не понимал, что они говорят, и думал, что это сновидение и все это во сне,— так велики были моя тоска и огорчение.

И когда они со мной заговорили, я не понял их речи и ничего не ответил им; тогда ко мне подошел один человек и сказал мне на арабском языке: «Мир тебе, о брат наш! Кто ты будешь, откуда ты пришел и какова причина твоего прибытия в это место? Где ты вошел в эти воды и что за страна позади этой горы? Мы знаем, что никто не может пройти оттуда к нам».— «А кто вы будете и что это за земля?» — спросил я. И человек сказал мне: «О брат мой, мы владельцы посевов и рощ и пришли поливать наши рощи и посевы, и увидели, что ты лежишь на плоту, и поймали его и привязали у нас, ожидая, пока ты спокойно проснешься. Расскажи нам, какова причина твоего прибытия в это место».

«Заклинаю тебя Аллахом, о господин,— сказал я ему,— принеси мне какой-нибудь еды — я голоден, а потом спрашивай меня, о чем хочешь». И он поспешно принес мне еды, и я ел, пока не насытился, и отдохнул, и мой страх успокоился, и я стал сыт, и дух мой вернулся ко мне.

И я произнес: «Слава Аллаху во всяком положении!» — и обрадовался тому, что вышел из реки и прибыл к этим людям, и рассказал им обо всем, что со мной случилось, с начала до конца, и о том, что я испытал на этой узкой реке, а затем эти люди заговорили друг с другом и сказали: «Непременно возьмем его с собой и покажем его нашему царю,— пусть он расскажет обо всем, что с ним случилось».

И они взяли меня с собой и повели вместе со мной мой плот со всеми редкостями, богатствами, драгоценными камнями, благородными металлами и украшениями, которые в нем были, и ввели меня к своему царю и рассказали ему о том, что случилось. И царь приветствовал меня и сказал мне: «Добро пожаловать!» — и спросил меня о моем положении и о случившихся со мной делах. И я рассказал ему обо всех делах, которые со мной произошли, и о том, что мне повстречалось, с начала до конца, и царь до крайности удивился этому рассказу и поздравил меня со спасением. И потом я пошел и вынес много металлов, драгоценных камней, алоэ и сырой амбры и подарил это царю, и тот принял от меня этот подарок и оказал мне великое уважение. Он поселил меня у себя, и я завел дружбу с лучшими людьми, и они всячески возвеличили меня, и я не покидал царского дворца. И люди, приходившие на этот остров, спрашивали меня о делах моей страны, и я рассказывал им о них и тоже расспрашивал о делах их страны, и они мне рассказывали. И однажды их царь спросил меня о положении моей страны и о правлении халифа в стране, где город Багдад, и я рассказал ему о его справедливости и законах, и царь удивился делам его и сказал: «Клянусь Аллахом, деяния халифа разумны и поведение его угодно Аллаху! Ты внушил мне любовь к нему, и я хочу приготовить для него подарок и послать его с тобой».— «Слушаю и повинуюсь, о владыка наш! Я доставлю к нему подарок и расскажу ему, что ты искренне его любишь»,— ответил я. И я водворился у этого царя, живя в крайнем величии и уважении и ведя прекрасную жизнь в течение некоторого времени. И однажды я сидел в царском дворце и услышал, что некие люди в городе снаряжают корабль и собираются плыть на нем в сторону города Басры.

«Ничто для меня так не подходит, как путешествие с этими людьми!» — сказал я себе и поспешно, в тот же час и минуту, поцеловал у царя руку и осведомил его о том, что желаю уехать с этими людьми на корабле, который они снарядили, так как я стосковался по моим родным и моей стране.

«Решение принадлежит тебе,— сказал царь,— а если ты хочешь остаться у нас, пусть будет так; нам досталась из-за тебя радость».— «Клянусь Аллахом, о господин мой,— отвечал я,— ты залил меня твоими милостями и благодеяниями, но я стосковался по родным, стране и семье». И царь, услышав мои слова, призвал купцов, которые снарядили корабль, и поручил им обо мне заботиться.

Он сделал мне много подарков и отдал вместо меня плату за корабль и послал со мной большой подарок халифу Харуну ар-Рашиду в городе Багдаде; и затем я простился с царем и со всеми моими друзьями, которых я посещал, и сел на корабль с купцами, и мы поехали.

И ветер в путешествии был хорош, и мы уповали на великого и славного Аллаха, и ехали из моря в море и от острова к острову, пока благополучно не прибыли, по изволению Аллаха великого, в город Басру. И я сошел с корабля и оставался на земле Басры в течение дней и ночей, пока не собрался, а потом я погрузил свои тюки и отправился в город Багдад, обитель мира.

И я вошел к халифу Харуну ар-Рашиду и поднес ему этот подарок и рассказал ему обо всем, что со мной случилось, а потом я сложил все мои богатства и вещи в кладовые и пошел в свой квартал; и пришли ко мне мои родные и друзья, и я раздал всем родным подарки и начал подавать милостыню и дарить.

А через некоторое время халиф прислал за мной и стал меня спрашивать, что за причина этому подарку и откуда он. И я сказал: «О повелитель правоверных, клянусь Аллахом, я не знаю ни названия того города, откуда этот подарок, ни дороги в него, но когда потонул корабль, на котором я был, я вышел на остров, и сделал себе лодку, и спустился в ней по реке, протекавшей посреди острова».

И я рассказал халифу о том, что со мной случилось в это путешествие и как я вырвался из этой реки и попал в город, и поведал о том, что со мной там было и почему меня прислали с подарком; и халиф удивился этому до крайней степени и приказал летописцам записать мой рассказ и положить его в казну, чтобы извлек из него назидание всякий, кто увидит его.

А затем он оказал мне великое уважение, и я оставался в городе Багдаде, живя там, как в первые времена, и забыл обо всем, что со мной случилось и что я испытал, с начала и до конца.

И я жил сладостнейшей жизнью, веселясь и развлекаясь. И вот что было со мной в шестом путешествии, о братья. Если захочет Аллах великий, я расскажу вам завтра о седьмом путешествии; оно диковиннее и удивительнее, чем все предыдущие». И затем Синдбад велел расставлять столы, и все поужинали у него, и он приказал выдать Синдбаду-носильщику сто мискалей золота; и тот взял их и ушел своей дорогой, и все собравшиеся тоже ушли, удивляясь до крайней степени. А Синдбад-носильщик провел

ночь в своем жилище и затем совершил утреннюю молитву и пришел в дом Синдбада-морехода, и явились остальные гости; а когда все собрались, Синдбад-мореход начал речь о седьмом путешествии и сказал:

РАССКАЗ О СЕДЬМОМ ПУТЕШЕСТВИИ

«Знайте, о люди, что, вернувшись после шестого путешествия, я снова стал жить так, как жил в первое время, веселясь, развлекаясь, забавляясь и наслаждаясь, и провел таким образом некоторое время, продолжая радоваться и веселиться непрестанно, ночью и днем: ведь мне досталась большая нажива и великая прибыль.

И захотелось мне посмотреть на чужие страны, и поездить по морю, и свести дружбу с купцами, и послушать рассказы; и я решился на это дело, и связал тюки из роскошных товаров для поездки по морю, и свез их из города Багдада в город Басру. И я увидел корабль, приготовленный для путешествия, на котором была толпа богатых купцов, и сел с ними на корабль и подружился с ними, и мы отправились, благополучные и здоровые, стремясь путешествовать. И ветер был для нас хорош, пока мы не прибыли в город, называемый город Китай, и испытывали мы крайнюю радость и веселье и беседовали друг с другом о делах путешествия и торговли.

И в это время вдруг подул с носа корабля порывистый ветер и пошел сильный дождь, так что мы прикрыли вьюки войлоком и парусиной, боясь, что товары погибнут от дождя, и стали взывать к великому Аллаху и умолять его, чтобы он рассеял постигшую нас беду. И капитан корабля поднялся, и, затянув пояс, подобрал полы, и взобрался на мачту, и посмотрел направо и налево, а затем он посмотрел на бывших на корабле купцов и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду. «О капитан, в чем дело?» — спросили мы его; и он ответил: «Просите у Аллаха великого спасения от того, что нас постигло, и плачьте о себе! Прощайтесь друг с другом и знайте, что ветер одолел нас и забросил в последнее море на свете».

И затем капитан слез с мачты, и, открыв свой сундук, вынул оттуда мешок из хлопчатой бумаги, и развязал его, и высыпал оттуда порошок, похожий на пепел, и смочил порошок водой, и, подождав немного, понюхал его, а затем он вынул из сундука маленькую книжку, и почитал ее, и сказал нам: «Знайте, о путники, что в этой книге удиви-

тельные вещи, которые указывают на то, что всякий, кто достигнет этой земли, не спасется, а погибнет. Эта земля называется Климат царей, и в ней находится могила господина нашего Сулеймана, сына Дауда, да будет мир с ними. И в ней водятся змеи с огромным телом, ужасные видом, и ко всякому кораблю, который достигает этой земли, выходит из моря рыба и глотает его со всем, что на нем есть».

Услышав от капитана эти слова, мы до крайности удивились его рассказу; и не закончил еще капитан своих речей, как корабль начал подниматься на воде и опускаться, и мы услышали страшный крик, подобный грохочущему грому. И мы испугались и стали как мертвые и убедились, что сейчас же погибнем. И вдруг подплыла к кораблю рыба, подобная высокой горе, и мы испугались ее, и стали горько оплакивать себя, и приготовились умереть, и смотрели на рыбу, дивясь ее ужасающему облику. И вдруг подплыла к нам еще рыба, а мы не видали рыбы огромней и больше ее, и мы стали друг с другом прощаться, плача о себе.

И вдруг подплыла третья рыба, еще больше двух первых, что подплыли к нам раньше, и тут мы перестали понимать и разуметь, и ум наш был ошеломлен сильным страхом. И эти три рыбы стали кружить вокруг корабля, и третья рыба разинула пасть, чтобы проглотить корабль со всем, что на нем было, но вдруг подул большой ветер, и корабль подняло, и он опустился на большую гору и разбился, и все доски его разлетелись, и все вьюки и купцы и путники утонули в море. И я снял все бывшие на мне одежды, так что на мне осталась одна лишь рубаха, и проплыл немного, и догнал одну из корабельных досок и уцепился за нее, а затем я влез на эту доску и сел на нее, и волны и ветры играли со мной на поверхности воды, а я крепко держался за доску, то поднимаемый, то опускаемый волнами, и испытывал сильнейшие мучения, испуг, голод и жажду.

И я стал упрекать себя за то, что я сделал, и душа моя утомилась после покоя, и я говорил себе: «О Синдбад, о мореход, ты еще не закаялся, и всякий раз ты испытываешь бедствия и утомление, но не отказываешься от путешествия по морю, а если ты отказываешься, то твой отказ бывает ложным. Терпи же то, что ты испытываешь, ты заслужил все, что тебе досталось, это было предопределено Аллахом великим, чтобы я отказался от моей жадности. Все то, что я терплю, происходит от жадности,— ведь у меня много денег».

И я вернулся к разуму и сказал: «В это путешествие я каюсь Аллаху великому искренним раскаянием и не буду путешествовать и в жизни не стану упоминать о путешествии языком или в уме». И я не переставал умолять Аллаха великого и плакать, вспоминая, в каком я жил спокойствии, радости, наслаждении, восторге и веселье. И я провел таким образом первый день и второй, и, наконец, я выбрался на большой остров, где было много деревьев и каналов, и стал я есть плоды с этих деревьев и пил воду из каналов, пока не оживился и душа не вернулась ко мне, и решимость моя окрепла, и я немного успокоился.

И затем я пошел по острову и увидел на противоположном конце его большой поток с пресной водой, но течение этого потока было сильное. И я вспомнил о плоте, на котором я ехал раньше, и сказал себе: «Я непременно сделаю себе такой же плот, может быть, я спасусь и на этот раз. Если я спасусь — желаемое достигнуто, и я закаюсь перед Аллахом великим и не буду путешествовать, а если я погибну — мое сердце отдохнет от утомления и труда». И затем я поднялся и стал собирать сучья деревьев — дорогого сандала, подобного которому не найти (а я не знал, что это такое); и, набрав этих сучьев, я раздобыл веток и травы, росшей на острове, и, свив их наподобие веревок, связал ими свой плот и сказал себе: «Если я спасусь, это будет от Аллаха!»

И я сел на плот и поехал на нем по каналу и доехал до другого конца острова, а затем я отдалился от него и, покинув остров, плыл первый день, и второй день, и третий день. И я все лежал и ничего не ел за это время, но, когда мне хотелось пить, я пил из потока; и стал я подобен одуревшему цыпленку из-за великого утомления, голода и страха. И плот унес меня к высокой горе, под которую втекала река; и, увидев это, я испугался, что будет так же, как в прошлый раз, на предыдущей реке, и хотел остановить плот и выйти на гору, но вода одолела меня и повлекла плот, и тот пошел под гору, и, увидев это, я убедился, что погибну, и воскликнул: «Нет мощи и силы, как у Аллаха, высокого, великого!» А плот прошел небольшое расстояние и вышел на просторное место; и вдруг я вижу: передо мной большая река, и вода шумит, издавая гул, подобный гулу грома, и мчась, как ветер. И я схватился за плот руками, боясь, что упаду из него, и волны играли со мной, бросая меня направо и налево посреди этой реки; и плот спускался по течению воды по реке, и я не мог его задержать и не был в состоянии направить в сторону суши, и, наконец, плот

остановился со мной около города, великого видом, с прекрасными постройками, в котором было много народа. И когда люди увидали, как я спускался на плоту посреди реки по течению, они бросили мне сеть и веревки и вытянули плот на сушу, и я упал среди них, точно мертвый, от сильного голода, бессонницы и страха.

И навстречу мне вышел из собравшихся человек, старый годами, глубокий старик, и сказал мне: «Добро пожаловать!» — и накинул на меня много прекрасных одежд, которыми я прикрыл срамоту; а затем этот человек взял меня и пошел со мной и свел меня в баню; он принес мне оживляющего питья и прекрасные благовония. А когда мы вышли из бани, он взял меня к себе в дом и ввел меня туда, и обитатели его дома обрадовались мне, и он посадил меня на почетное место и приготовил мне роскошных кушаний, и я ел, пока не насытился, и прославил великого Аллаха за свое спасение.

А после этого его слуги принесли мне горячей воды, и я вымыл руки, и невольницы принесли шелковые полотенца, и я обсушил руки и вытер рот; и потом шейх в тот же час поднялся и отвел мне отдельное, уединенное помещение в своем доме и велел слугам и невольницам прислуживать мне и исполнять все мои желанья и дела, и слуги стали обо мне заботиться.

И я прожил таким образом у этого человека, в доме гостеприимства, три дня, и хорошо ел, и хорошо пил, и вдыхал прекрасные запахи, и душа вернулась ко мне, и мой страх утих, и сердце мое успокоилось, и я отдохнул душой. А когда наступил четвертый день, шейх пришел ко мне и сказал: «Ты возвеселил нас, о дитя мое! Слава Аллаху за твое спасение! Хочешь пойти со мной на берег реки и спуститься на рынок? Ты продашь свой товар и получишь деньги, и, может быть, ты купишь на них что-нибудь, чем станешь торговать».

И я помолчал немного и подумал про себя: «А откуда у меня товар и какова причина этих слов?» А шейх продолжал: «О дитя мое, не печалься и не задумывайся! Пойдем на рынок; и если мы увидим, что кто-нибудь дает тебе за твои товары цену, на которую ты согласен, я возьму их для тебя, а если товары не принесут ничего, чем бы ты был доволен, я сложу их у себя в моих кладовых до тех пор, пока не придут дни купли и продажи».

И я подумал о своем деле и сказал своему разуму: «Послушайся его, чтобы посмотреть, что будет за товар»; и затем сказал: «Слушаю и повинуюсь, о дядя мой шейх!

То, что ты делаешь, благословенно, и невозможно тебе прекословить ни в чем».

И затем я пошел с ним на рынок и увидел, что шейх разобрал плот, на котором я приехал (а он был из сандалового дерева), и послал зазывателя кричать о нем, и посредник старался продать дерево.

И пришли купцы, и назвали первую цену, и ее все набавляли, пока она не достигла тысячи динаров, а потом купцы перестали набавлять, и шейх обернулся ко мне и сказал: «Слушай, о дитя мое, такова цена твоего товара в дни, подобные этим. Продашь ли ты его за эту цену или станешь ждать, и я сложу его у себя в кладовых, пока не придет время увеличения его цены и мы его продадим?» — «О господин, веление принадлежит тебе, делай же что хочешь»,— ответил я; и старец сказал: «О дитя мое, продашь ли ты мне это дерево с надбавкой в сто динаров золотом сверх того, что дали за него купцы?» — «Да,— отвечал я,— я продам тебе этот товар и согласен на эту сумму». И тогда старец приказал своим слугам перенести дерево в свои кладовые, и я вернулся с ним в его дом. И мы сели, и старец отсчитал мне всю плату за дерево, и велел принести кошельки, и сложил туда деньги, и запер их в железный сундук, ключ от которого он отдал мне.

А через несколько дней старец сказал мне: «О дитя мое, я предложу тебе кое-что и желаю, чтобы ты меня в этом послушал».— «А что это будет за дело?» — спросил я его. И шейх ответил: «Знай, что я стал стар годами и у меня нет ребенка мужского пола, но есть у меня молоденькая дочь, прекрасная видом, обладательница больших денег и красоты, и я хочу выдать ее за тебя замуж, чтобы ты остался с ней в нашей стране; а впоследствии я отдам тебе во владение все, что у меня есть, и все, чем владеют мои руки. Я ведь стал стар, и ты встанешь на мое место». И я промолчал и не сказал ничего, а старец молвил: «Послушайся меня, о дитя мое, в том, что я тебе говорю, я ведь желаю тебе блага. Если ты меня послушаешься, я женю тебя на моей дочери, и ты станешь как бы моим сыном, и все, что в моих руках и принадлежит мне, будет твое, а если ты захочешь торговать и отправиться в твою страну, никто тебе не будет препятствовать, и твои деньги у тебя под рукой. Делай же так, как захочешь и изберешь».— «Клянусь Аллахом, о дядя мой шейх, ты стал как бы моим отцом, и я испытал многие ужасы, и не осталось у меня ни мнения, ни знания! — ответил я.— Веление во всем, что ты хочешь, принадлежит тебе». И тогда шейх приказал своим слугам

привести судью и свидетелей, и их привели, и он женил меня на своей дочери, и сделал для нас великолепный пир и большое торжество. И он ввел меня к своей дочери, и я увидел, что она до крайности прелестна, и красива, и стройна станом, и на ней множество разных украшений, одежд, дорогих металлов, уборов, ожерелий и драгоценных камней, стоимость которых — многие тысячи тысяч золота, и никто не может дать их цену. И когда я вошел к этой девушке, она мне понравилась, и возникла между нами любовь, и я прожил некоторое время в величайшей радости и веселье.

И отец девушки преставился к милости великого Аллаха, и мы обрядили его и похоронили, и я наложил руку на все, что у него было, и все его слуги стали моими слугами, подвластными мне, которые мне служили. И купцы назначили меня на его место, а он был их старшиной, и ни один из них ничего не приобретал без его ведома и разрешения, так как он был их шейхом,— и я оказался на его месте. И когда я стал общаться с жителями этого города, я увидел, что их облик меняется каждый месяц и у них появляются крылья, на которых они взлетают к облакам небесным, и остаются жить в этом городе только дети и женщины; и я сказал про себя: «Когда придет начало месяца, я попрошу кого-нибудь из них, и, может быть, они отнесут меня туда, куда сами отправляются».

И когда пришло начало месяца, цвет жителей этого города изменился, и облик их стал другим, и я пришел к одному из них и сказал: «Заклинаю тебя Аллахом, унеси меня с собой, и я посмотрю и вернусь вместе с вами».— «Это вещь невозможная»,— ответил он. Но я не переставал уговаривать его, пока он не сделал мне этой милости, и я встретился с этим человеком и схватился за него, и он полетел со мной по воздуху, а я не осведомил об этом никого из моих домашних, слуг или друзей.

И этот человек летел со мной, а я сидел у него на плечах, пока он не поднялся со мной высоко в воздух, и я услышал славословие ангелов в куполе небосвода, и подивился этому, и воскликнул: «Хвала Аллаху, да будет слава Аллаху!»

И не закончил я еще славословия, как с неба сошел огонь и едва не сжег этих людей. И все они спустились и бросили меня на высокую гору, будучи в крайнем гневе на меня, и улетели и оставили меня, и я остался один на этой горе и стал себя упрекать за то, что я сделал, и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого,

великого! Всякий раз как я освобожусь из беды, я попадаю в беду более жестокую».

И я оставался на этой горе, не зная, куда направиться; и вдруг прошли мимо меня двое юношей, подобные лунам, и в руке каждого из них была золотая трость, на которую они опирались. И я подошел к ним и приветствовал их, и они ответили на мое приветствие, и тогда я сказал им: «Заклинаю вас Аллахом, кто вы и каково ваше дело?» И они ответили мне: «Мы из рабов Аллаха великого»,— и дали мне трость из червонного золота, которая была с ними, и ушли своей дорогой, оставив меня. И я остался стоять на вершине горы, опираясь на посох, и раздумывал о деле этих юношей.

И вдруг из-под горы выползла змея, державшая в пасти человека, которого она проглотила до пупка, и он кричал: «Кто освободит меня, того освободит Аллах от всякой беды!»

И я подошел к этой змее и ударил ее золотой тростью по голове, и она выбросила этого человека из пасти.

И человек подошел ко мне и сказал: «Раз мое спасение от этой змеи совершилось твоими руками, я больше не расстанусь с тобой, и ты будешь мне товарищем на этой горе».— «Добро пожаловать!» — отвечал я ему; и мы пошли по горе. И вдруг подошли к нам какие-то люди, и я посмотрел на них и увидел того человека, который унес меня на плечах и летал со мной.

И я подошел к нему и стал перед ним оправдываться и уговаривать его и сказал: «О друг мой, не так поступают друзья с друзьями!» И этот человек ответил мне: «Это ты погубил нас, прославляя Аллаха у меня на спине!» — «Не взыщи с меня,— сказал я,— это не было мне ведомо, но теперь я никогда не буду говорить».

И этот человек согласился взять меня с собой, но поставил мне условие, что я не буду поминать Аллаха и прославлять его у него на спине. И он понес меня и полетел со мной, как в первый раз, и доставил меня в мое жилище; и моя жена вышла мне навстречу, и приветствовала меня, и поздравила со спасением, и сказала: «Берегись впредь выходить с этими людьми и не води с ними дружбы: они братья шайтанов и не знают, как поминать Аллаха великого».— «А почему жил с ними твой отец?» — спросил я; и она сказала: «Мой отец не принадлежал к ним и не поступал так, как они; и, по-моему, раз мой отец умер, продай все, что у нас есть, и возьми на вырученные деньги товар и затем отправляйся в твою страну, к родным, и я по-

еду с тобой: мне нет нужды сидеть в этом городе после смерти матери и отца».

И я стал продавать вещи этого шейха одну за другой, выжидая, пока кто-нибудь выедет из этого города, чтобы мне поехать с ним; и в это время некоторые люди в городе захотели уехать, но не находили для себя корабля.

И они купили бревен и сделали себе большой корабль, и я нанял его вместе с ними и отдал им плату полностью, а затем я посадил на корабль мою жену и сложил туда все, что у нас было, и мы оставили наши владения и поместья и уехали.

И мы ехали по морю, от острова к острову, переезжая из моря в море, и ветер был хорош во все время путешествия, пока мы благополучно не прибыли в город Басру. Но я не остался там, а нанял другой корабль и перенес туда все, что со мной было, и отправился в город Багдад, и пошел в свой квартал, и пришел к себе домой, и встретил моих родных, друзей и любимых. Я сложил в кладовые все бывшие со мной товары; и мои родные высчитали, сколько времени я был в отлучке в седьмое путешествие, и оказалось, что прошло двадцать семь лет, так что они перестали надеяться на мое возвращение. А когда я вернулся и рассказал им обо всех моих делах и о том, что со мной случилось, все очень удивились этому и поздравили меня со спасением, и я закаялся перед Аллахом великим путешествовать по суше и по морю после этого седьмого путешествия, которое положило конец путешествиям, и оно пресекло мою страсть. И я возблагодарил Аллаха, великого и славного, и прославил его и восхвалил за то, что он возвратил меня к родным в мою страну и на родину. Посмотри же, о Синдбад, о сухопутный, что со мной случилось, и что мне выпало, и каковы были мои дела!»

И сказал Синдбад сухопутный Синдбаду-мореходу: «Заклинаю тебя Аллахом, не взыщи с меня за то, что я сделал по отношению к тебе!» И они жили в дружбе и любви и великом веселье, радости и наслаждении, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, которая разрушает дворцы и населяет могилы. Да будет же слава Аллаху живому, который не умирает!

Дошло до меня также, что был в древние времена и минувшие века и годы в Дамаске Сирийском царь из халифов, по имени Абд аль-Малик ибн Марван. И сидел он однажды, и были у него вельможи его царства из числа царей и султанов, и начали они рассуждать о преданиях прежде бывших народов и вспомнили рассказы о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда, да будет с ними мир, и о том, какую даровал ему Аллах великую силу и власть над людьми, и джиннами, и птицами, и зверями, и другими тварями, и сказали они: «Мы слышали от тех, кто был прежде нас, что Аллах, великий и славный, никому не даровал того, что даровал он господину нашему Сулейману, и что достиг Сулейман того, чего не достиг никто: он даже заточал джиннов, маридов и шайтанов в кувшины из меди, которые заливал он свинцом и припечатывал своей печатью».

И рассказывал Талиб ибн Сахль, что некий человек ехал на корабле вместе с толпой людей, и спустились они в страны Индии и ехали не переставая, пока не поднялся противный ветер. И направил их этот ветер к одной земле из земель Аллаха великого, а было это в темноте ночи. И когда заблистал день, вышли к ним из пещер в этой земле люди черного цвета с обнаженным телом, подобные зверям и не разумевшие речи. И был у них царь их же породы, и никто из них не знал по-арабски, кроме их царя. И когда увидели они корабль и тех, кто был на нем, царь вышел к ним в толпе своих приближенных, и приветствовал их, и сказал им: «Добро пожаловать!» — и спросил их, какой они веры, и путники рассказали ему о себе, и царь молвил: «С вами не будет дурного!» А когда они спросили их об их вере, каждый из них исповедовал одну из религий, которые были раньше появления ислама и прежде посольства Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, и ехавшие на корабле сказали: «Мы не знаем, что ты говоришь, и не ведаем ничего о вере».

И сказал им тогда царь: «Не проникал к нам никто из сыновей Адама прежде вас»,— и затем он угостил их мясом птиц и животных и рыбой, а у них не было другой еды, кроме этой. И потом люди, бывшие на корабле, пошли гулять по этому городу, и увидели они, что один рыбак опустил сеть в море, чтобы ловить рыбу, и вытянул ее, и вдруг в ней оказался глиняный кувшин, залитый свинцом и запечатанный печатью Сулеймана, сына Дауда, да будет

с ними мир. И рыбак вынул кувшин и разбил его, и стал выходить оттуда синий дым, который достиг облаков небесных, и послышался ужасающий голос, говоривший: «Прощение, прощение, о пророк Аллаха!» И превратился этот дым в существо ужасного вида и устрашающего облика, голова которого доходила до вершины горы, а затем оно скрылось с глаз. Что же касается до ехавших на корабле, то у них едва не оторвалось сердце, а чернокожие — те и не задумались об этом. И вернулся один человек к царю и спросил его об этом, и молвил царь: «Знай, что это один из джиннов, которых Сулейман ибн Дауд, когда гневался на них, заточал в такие кувшины и заливал их свинцом и бросал в море, и когда рыбак закидывает сеть, он часто вытаскивает такие кувшины, и, если их разбить, из них выходит джинн. И является джинну мысль, что Сулейман жив, и кается он и говорит: «Прощение, о пророк Аллаха!»

И подивился повелитель правоверных Абд аль-Малик ибн Марван подобным речам и воскликнул: «Хвала Аллаху! Дарована Сулейману власть великая!»

А был среди тех, кто присутствовал на этом собрании, ан-Набига аз-Зубьяни, и сказал он: «Правду говорил Талиб в том, что он рассказал, и указывают на это слова Первого мудреца:

Аллах Сулейману сказал в поученье:
«Всех должен ты взять на свое попеченье;

Покорных тебе за покорность возвысив,
Ты всех непокорных держи в заточенье».

И он сажал их в медные кувшины и бросал в море». И нашел повелитель правоверных эти речи прекрасными и воскликнул: «Клянусь Аллахом, поистине, хочу я увидеть какой-нибудь из этих кувшинов!» И сказал ему тогда Талиб ибн Сахль: «О повелитель правоверных, ты можешь это сделать, оставаясь в твоей стране. Пошли к брату твоему Абд аль-Азизу ибн Марвану приказ, чтобы он доставил их тебе из страны Запада. Пусть напишет Мусе, чтобы отправился он в страны Запада к той горе, о которой мы упоминали, и принес тебе кувшины, которые ты требуешь. Отдаленнейший конец его страны примыкает к этой горе».

И одобрил повелитель правоверных его мнение и сказал: «О Талиб, ты был прав в том, что говорил, и хочу я, чтобы ты был моим послом к Мусе ибн Насру с этим делом. Тебе будет белое знамя, и какие хочешь богатства, и почет, и прочее, и я тебе преемник для твоей семьи».— «С лю-

бовью и удовольствием, о повелитель правоверных»,— ответил Талиб. И халиф молвил: «Ступай, с благословения Аллаха великого и с помощью его!»

И затем приказал он, чтобы написали письмо его брату Абд аль-Азизу, наместнику в Египте, и другое письмо к Мусе, наместнику его в странах Запада, с приказанием, чтобы отправился Муса лично искать Сулеймановы кувшины и оставил своего сына правителем в стране и чтобы взял он с собой проводников и расходовал деньги и набрал побольше людей, и пусть не допускает он в этом промедления и не отговаривается доводами. И халиф запечатал оба письма и отдал их Талибу ибн Сахлю и велел ему торопиться. И он поставил знамена над его головой и дал ему денег и людей, конных и пеших, чтобы были они ему помощниками в его пути, и приказал назначить на содержание его дома все, что нужно. И выступил Талиб, направляясь в Египет, пересекая страны, и вошли в Египет. И встретил Талиба эмир Египта, и поселил его у себя, и оказывал ему величайшее уважение, пока он пребывал у него, а затем он послал с ним проводника в Верхний Египет, и прибыли они к эмиру Мусе ибн Насру. И, узнав об этом, эмир вышел к нему, и встретил его, и обрадовался ему, и Талиб подал ему письмо, и Муса взял его, и прочел, и понял его смысл, и положил письмо себе на голову, и сказал: «Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных».

И затем мнение их сошлось на том, чтобы призвать вельмож его царства, и, когда они явились, Муса стал их расспрашивать о том, что он прочел в письме. И вельможи сказали: «О эмир, если ты хочешь, чтобы кто-нибудь провел тебя на дорогу к этому месту, то призови шейха Абд ас-Самада ибн Абд аль-Каддуса ас-Самуди; это — человек знающий, и он много путешествовал и осведомлен о пустынях, степях и морях и их обитателях и диковинах и о землях и о странах. Призови его к себе, он проведет тебя к тому, что ты хочешь».

И эмир приказал позвать Абд ас-Самада, и тот предстал пред ним, и оказалось, что это глубокий старец, одряхлевший от смены годов и лет. И эмир Муса приветствовал его и сказал ему: «О шейх Абд ас-Самад, владыка наш повелитель правоверных Абд аль-Малик ибн Марван повелел нам то-то и то-то, а я мало осведомлен об этой земле. Мне говорили, что ты знаешь эти страны и дороги. Есть ли у тебя желание исполнить приказ повелителя правоверных?» И старец молвил: «Знай, о эмир, что это дорога трудная и долгая, где мало проторенных путей». И спросил эмир:

«Каково туда расстояние?» — «Расстояние в два года и несколько месяцев туда и столько же назад,— ответил старец,— и на этой дороге бедствия, ужасы, диковины и чудеса. А ты — человек, сражающийся с неверными, и страны наши близки от врага; может быть, христиане выступят в твое отсутствие, и следует тебе оставить в царстве когонибудь, кто будет им управлять». И Муса ответил: «Хорошо!» И он оставил своего сына Харуна вместо себя в своем царстве, и привел к присяге своих воинов, и велел им не прекословить, а, напротив, слушаться сына своего во всем, что он им прикажет. И воины выслушали его слова и послушались его, а был его сын Харун человеком великой силы, доблестным вождем и неустрашимым храбрецом.

И шейх Абд ас-Самад объяснил эмиру, что до того места, где находится то, что нужно повелителю правоверных, четыре месяца пути, и расположено оно на берегу моря, и там везде есть водопои, которые примыкают друг к другу, и есть там трава и ручьи. «Аллах облегчит нам это по благости своей, о наместник повелителя правоверных»,— сказал он. И эмир Муса спросил его: «Известно ли тебе, что кто-нибудь из царей вступил на эту землю раньше нас?» — «Да, о повелитель правоверных,— отвечал шейх,— эта земля принадлежала царю Искандарии, Дарану-румийцу».

И затем они оправились и шли до тех пор, пока не достигли дворца, и шейх сказал: «Пойдем к этому дворцу, в котором назидание для всех, кто поучается». И эмир Муса подошел ко дворцу, вместе с шейхом Абд ас-Самадом и особо приближенными своими спутниками, и они достигли ворот дворца и увидели, что ворота открыты. А у ворот были высокие колонны и ступени, две из которых были особенно широкие, и были они из разноцветного мрамора, подобного которому не видано, а потолки и стены были разрисованы золотом, серебром и драгоценным сплавом. И на воротах была доска, на которой было что-то написано по-гречески, и шейх Абд ас-Самад спросил: «Прочитать ли мне это, о эмир?» — «Подойди прочитай, да благословит тебя Аллах! Нам досталось добро в этом путешествии только по твоей благости!» — ответил эмир Муса. И шейх прочитал надпись, и вдруг это оказались такие стихи:

«Оплаканы люди: и власть, и тревогу
Сложили они к роковому порогу.

Немало царей во дворце опочило:
Легли они в землю, покорные Богу.

С живыми покойников смерть разлучила,
Плачевному всех обрекая итогу.

Здесь, кажется, сбросили люди поклажу
И вновь налегке поспешили в дорогу».

И заплакал эмир Муса, так что его покрыло беспамятством, и воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, живого, сущего без прекращения!» — а затем он вошел во дворец и растерялся, увидев, как он прекрасен и хорошо выстроен. И он взглянул на бывшие там изображения и картины и вдруг увидел на других дверях написанные стихи. «Подойди, о шейх, и прочитай их»,— сказал эмир Муса, и шейх подошел и прочитал, и стихи были такие:

«Свод вечный высится над останками бренными;
Одна жестокая смерть владеет надменными.

Смотри: постигла беда прослывших великими;
Так помыкает судьба владыками пленными.

Добычу брали они, делили сокровища;
Расстались они навек с дарами бесценными.

Они пировали здесь, пресытившись роскошью;
Теперь прожорливый червь питается тленными».

И заплакал эмир Муса горьким плачем, и у него потемнело в глазах, и он воскликнул: «Поистине, мы созданы ради великого дела!» И они осмотрели дворец и увидели, что он свободен от обитателей и лишен людей и жителей, и дворы его были пустынны, и помещения его безлюдны, а посреди него стояла высокая постройка с куполом, уходящим ввысь, вокруг которой было четыреста могил. И подошел эмир Муса к этим могилам и увидел среди них могилу, построенную из мрамора, на котором были вырезаны такие стихи:

«Сколько раз надо мной всходили светила,
Как меня быстролетная жизнь пленила.

Сколько я благозвучных напевов слышал,
Как меня на земле удача пьянила.

Сколько отдал я повелений строжайших,
Сколько раз победа меня манила!

Сколько крепостей захватил я в сраженьях,
И душа моя пленниц пылких ценила,

Но увы! Все невечно на этом свете,
Так душа моя истину уяснила.

Так сочтись же, муж, ты с душою твоею,
Прежде чем погибель тебя схоронила.

Скоро ты навек своей жизни лишишься,
И тобой навек завладеет могила».

И заплакал эмир Муса и те, что были с ним, а затем он подошел к постройке, и оказалось, что у нее восемь дверей из сандалового дерева с золотыми гвоздями, и они усыпаны серебряными звездами и украшены благородными металлами и разными драгоценными камнями, и на первых дверях написаны такие стихи:

«Добыча досталась мне ценою громких побед,
Однако же от судьбы нам избавленья нет,

Как лев кровожаднейший, сокровища я стерег,
Царил я, свирепствовал, господствовал много лет.

Ни с кем не делился я, хотя бы меня сожгли;
Я дал самому себе бессмысленнейший обет.

Но впал я в руки Творца, и нет спасенья мне;
Сразил меня грозный рок, и я донага раздет.

Когда тебе суждено погибнуть, о человек,
Зачем алмазы тебе и горы звонких монет?

Мне рать моя не нужна, мне стражники ни к чему,
Не защитит меня друг и преданнейший клеврет.

Под сенью погибели всю жизнь я в трудах провел,
Покоя не знал весь век, и все это мне во вред,

Хоть ночью, хоть на заре придет за тобою смерть,
И ненасытной земле достанется твой скелет.

Аллаха увидишь ты однажды наедине;
Тебе в злодействах твоих придется давать ответ.

Так пусть не обманет жизнь тебя своей роскошью,
Когда умирает брат и при смерти твой сосед».

И когда услышал эмир Муса эти стихи, он заплакал горьким плачем, так что его покрыло беспамятством, а очнувшись, он вошел под купол и увидел там длинную могилу, ужасающую на вид, а на ней доску из китайского железа. И шейх Абд ас-Самад подошел к этой доске и стал читать и вдруг видит, на ней написано: «Во имя Аллаха, вечного, бесконечного, не имеющего конца! Во имя Аллаха, который не рождает, и не рожден, и не равен ему никто! Во имя Аллаха, обладателя величия и власти! Во имя живого,

который не умирает!» А после этого на доске было написано: «А после славословия: о достигший этих мест, поучайся, видя превратности времени и удары случайностей, и не дай себя обмануть жизни с ее роскошью, ложью, клеветой, обманом и украшениями; она льстива, коварна и обманчива, и все, что есть в ней, взято взаймы. Она отбирает занятое у занимающего, и подобна она сонным грезам спящего и видениям грезящего, и точно марево она в равнине, которое сочтет жаждущий за воду. Украшает ее шайтан для человека до смерти его. Вот каковы свойства земной жизни; не доверяй же ей и не питай к ней склонности: она обманывает того, кто на нее опирается и в делах своих на нее полагается. Не попадайся в силки ее и не цепляйся за подол ее. Я обладал четырьмя тысячами рыжих коней и дворцом и женился на тысяче девушек из дочерей царских, полногрудых дев, подобных луне, и осталась мне тысяча сыновей, подобных хмурым львам, и прожил я жизни тысячу лет, нежась умом и сердцем, и собрал деньги, добыть которые бессильны цари земные, и думал я, что счастье продлится без конца, но не успел я очнуться, как низошла к нам Разлучительница собраний и Разрушительница наслаждений, опустошающая жилище и разрушающая населенные дома, уничтожающая больших и малых, детей, сыновей и матерей. И жили мы в этом дворце спокойно, пока не постиг нас приговор господа миров, господа небес и господа земель, и поразил нас вопль явной истины, и стало умирать из нас каждый день двое, пока не погибло нас великое множество. И когда увидел я, что смерть вошла в дома наши, и поселилась у нас, и утопила нас в море гибели, я призвал писца и велел ему написать эти стихи, и назидания, и увещания и вывел их, с циркулем, на этих воротах, досках и могилах. А было у меня войско в тысячу тысяч поводьев и крепких людей с копьями и кольчугами, железными мечами и сильными руками, и приказал я им надеть ниспадающие кольчуги, и повязать режущие мечи, и прикрепить ужасающие копья, и сесть на горячих коней, и, когда поразил нас приговор господа миров, господа земель и небес, я сказал им: «О люди, воины и витязи, можете ли вы отразить то, что снизошло ко мне от царя покоряющего?» И не было у воинов и витязей для этого силы, и сказали они: «Как будем мы сражаться с тем, кого не заграждает заграждающий, с обладателем ворот, у которых нет привратника?» И молвил я: «Принесите мне деньги!» (а было их тысяча колодцев, в каждом колодце по тысяче кинтаров червонного золота, и были там разные жемчуга и драгоценности и

столько же белого серебра и сокровищ, собрать которые бессильны цари земли). И сделали это, и, когда деньги принесли ко мне, я спросил: «Можете ли вы спасти меня всеми этими деньгами и купить мне на них один день, который я проживу?» И не могли они этого и подчинились судьбе и предопределению, и я был терпелив, ради Аллаха, к приговору и испытанию, пока не взял Аллах моей души и не поселил меня в гробнице. А если ты спросишь о моем имени, то я — Куш, сын Шаддада, сына Ада-старшего».

И на этой доске были написаны еще такие стихи:

«Если вспомните вы меня, завершая
Путь земной в преддверии ада иль рая,

Знайте, я сын Шаддада, властитель смертиых;
Всей землей владел я от края до края.

Был мие Шам покореи и Мнср покореи,
И торжествовал я, врагов сокрушая.

Был велик я, царей других попирал я,
Правил, собствеиииым поддаииым страх виушая.

Племеиа я держал в моей крепкой длаии,
Войско вражье отвагою устрашая.

Я, садясь верхом, видел тысячу тысяч
Воинов; у меия была сила большая.

Я копил казиу, счет богатствам терял я,
Жил, свое честолюбне потешая;

Думал я, что смогу купить я богатством
Жизнь себе, самого себя воскрешая.

Но всевышиий мною распорядился,
Братьев и друзей меня властно лишая.

И разлучница-смерть иа меня иапала,
В притязаииях суетиых мне мешая.

Я увидел, как слаб и иичтожен был я,
Как дерзал я тщетио, судьбу искушая.

Берегись же ты, смертный вблизн могилы,
Небрежением дерзостиым согрешая».

И заплакал эмир Муса, и его покрыло беспамятством, когда увидел он, как погибали эти люди. И ходили потом они по дворцу и рассматривали его залы и места прогулок, и вдруг увидели они столик на четырех ножках из мрамора, на котором было написано: «Ели за этим столом тысяча

царей одноглазых и тысяча царей с здоровыми глазами, и все они покинули сей мир и поселились в могилах и гробницах». И записал эмир Муса все это и вышел, не взяв с собой из дворца ничего, кроме этого столика.

И воины двинулись, а шейх Абд ас-Самад шел впереди их и указывал им дорогу, и прошел весь этот день, и второй, и третий, и вдруг оказались они у высокого холма. И посмотрели они на него и увидели на нем всадника из меди, и на конце его копья было широкое сверкающее острие, которое едва не похищало взора, и было на нем написано: «О тот, кто прибыл ко мне, если ты не знаешь дороги, ведущей к медному городу, потри руку этого всадника: он повернется и остановится. В какую сторону он обратится, в ту и иди, и пусть не будет на тебе страха и стеснения. Эта дорога приведет тебя к медному городу». И когда эмир Муса потер руку всадника, он повернулся, точно похищающая молния, и обратился не в ту сторону, в которую они шли. И они повернули в эту сторону и пошли, и оказалось, что там настоящая дорога. И они пошли по ней и шли весь день и всю ночь, и прошли далекие страны. И однажды они шли и вдруг увидели столб из черного камня и в нем существо, которое погрузилось в землю до подмышек, и было у него два больших крыла и четыре руки: две из них — как руки людей, а две — как лапы льва, с когтями. И на голове у него были волосы, как конский хвост, и было у него два глаза, подобные углям, и третий глаз, на лбу, как глаз барса, и в нем сверкали огненные искры, и было это существо черное и длинное, и оно кричало: «Слава господу моему, который судил мне это великое испытание и болезненную пытку до дня воскресения!»

И когда люди увидали его, их разум улетел, и они оторопели при виде облика этого существа и повернулись, обратившись в бегство, и тогда эмир Муса сказал шейху Абд ас-Самаду: «Что это такое?» — «Я не знаю, что это», — ответил шейх. И эмир сказал ему: «Подойди к нему ближе и расследуй, в чем с ним дело. Может быть, он объяснит, что с ним, и, быть может, ты узнаешь, какова его повесть».— «Да направит Аллах эмира! Мы боимся его», — отвечал шейх. И эмир сказал: «Не бойтесь его; то, что с ним случилось, удерживает его от вас и от других».

И шейх Абд ас-Самад подошел к существу и сказал ему: «О раб божий, как твое имя, что с тобой и кто поместил тебя в это место в таком виде?» — «Что до меня,— отвечало существо,— то я — ифрит из джиннов, и имя мое — Дахиш сын аль-Амаша. Меня удерживает здесь господне величие;

и я заточен всемогуществом и буду подвергнут пытке до тех пор, пока хочет этого Аллах, великий и славный!» — «О шейх Абд ас-Самад, спроси его, по какой причине он заточен в этом столбе»,— сказал эмир Муса. И шейх спросил ифрита об этом.

И тот сказал: «Моя повесть удивительна. У одного из детей иблиса был идол из красного сердолика, и я был поставлен сторожить его. А ему поклонялся один из царей моря, высокий саном и великий силой, который вел за собой воинов из джиннов тысячу тысяч, и они бились перед ним мечами и отвечали на его зов при бедствиях. А джинны, которые повиновались ему, были под моей властью и подчинялись мне, следуя моему слову, когда я им приказывал, и все они не были послушны Сулейману, сыну Дауда, да будет с ними мир. А я входил внутрь идола и приказывал и запрещал им. А дочь того царя любила этого идола, часто падала перед ним ниц и предавалась поклонению ему, и была она прекраснейшей из людей своего времени, обладательницей красоты, прелести, блеска и совершенства. И я описал ее Сулейману, да будет мир ему, и он послал к ее отцу, говоря ему: «Выдай за меня твою дочь, сломай твоего идола из сердолика и засвидетельствуй, что нет бога, кроме Аллаха, и Сулейман — пророк Аллаха. Если ты это сделаешь, тебе будет то, что будет нам, и против тебя будет то, что против нас, а если ты откажешься, я приду к тебе с войсками, против которых у тебя не будет силы. Готовь же на вопрос ответ и надень облачение для смерти. Я приду к тебе с войсками, которые наполнят пустыню и сделают тебя подобным вчерашнему дню, который миновал».

И когда пришел к царю посланец Сулеймана, да будет мир ему, царь проявил наглость и высокомерие, и превознесся в душе своей, и возгордился, и спросил своих вазиров: «Что скажете вы о деле Сулеймана, сына Дауда? Он прислал ко мне, требуя мою дочь, и хочет, чтобы я сломал моего сердоликового идола и принял бы его веру».— «О великий царь,— отвечали вазиры,— может ли Сулейман сделать с тобой это, когда ты посреди этого великого моря? Если он придет к тебе, он не сможет тебя одолеть: мариды из джиннов будут за тебя сражаться, и ты призовешь на помощь твоего идола, которому ты поклоняешься; он поможет тебе против Сулеймана и окажет тебе поддержку, и правильно будет, если ты посоветуешься об этом с твоим господом (а они подразумевали идола из красного сердолика) и выслушаешь, каков будет его ответ. Если он

посоветует тебе сражаться с Сулейманом, сражайся с ним, а если нет, так нет».

И тогда царь пошел в тот же час и минуту и вошел к своему идолу, принеся сначала жертву и зарезав животных, и пал перед идолом ниц и стал плакать, говоря:

«Мой Бог, я величье твое признаю;
Разбить Сулейман меня хочет в бою.

Мой Бог, я взыскую поддержки твоей;
Вели же, я выполню волю твою».

И говорил ифрит, половина которого была в столбе, шейху Абд ас-Самаду, а окружавшие его слушали: «И я вошел во внутренность идола, по своей глупости и малому разуму, не задумываясь о деле Сулеймана, и стал говорить такие стихи:

«Не равен мне царь Сулейман по уму,
Не следует мне покоряться ему.

Пускай объявляет войну Сулейман,
Я выйду и дух у него отниму».

И когда услышал царь мой ответ, его сердце ободрилось, и он решил воевать с Сулейманом, пророком Аллаха, да будет мир ему, и с ним сражаться, и, когда пришел посланец Сулеймана, царь сильно избил его и отвечал ему нагло и послал Сулейману угрозы, говоря ему через посланца: «Твоя душа внушила тебе мечтания! Станешь ли ты угрожать мне ложными словами? Или ты придешь ко мне, или я приду к тебе». И посланец вернулся к Сулейману и осведомил его обо всем, что с ним было и досталось ему.

И когда услышал это пророк Аллаха Сулейман, его охватил сильный гнев, и поднялась в нем решимость, и собрал он свои войска из джиннов, людей, зверей, птиц и пресмыкающихся и велел вазиру своему ад-Димирияту, царю джиннов, собрать джиннов-маридов из всех мест, и тот собрал ему шестьсот тысяч шайтанов. И велел Сулейман Асафу, сыну Барахии, собрать свои войска из людей, и было количество их тысяча или больше. И приготовил он доспехи и оружие и сел во главе своих войск из джиннов и людей на ковер, и птицы летели над его головой, и звери бежали под ковром, пока не спустился он во владениях царя и не окружил его острова, наполнив землю войсками, и он послал к нашему царю, говоря ему: «Вот я пришел, отрази же от себя то, что тебя постигло, или войди ко мне в подчинение, признай, что я — божий посланник, разбей своего идола, молись единому, достойному поклонения,

выдай за меня твою дочь законным образом и скажи ты сам и те, кто с тобою: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Сулейман — пророк Аллаха». Если ты это скажешь, будет тебе пощада и благополучие, а если откажешься, не защитит тебя от меня то, что ты укрепился на этом острове, ибо Аллах, да будет он благословен и возвеличен, повелел ветру повиноваться мне и приказал ему принести меня к тебе на ковре, и сделаю я тебя назиданием и примером для других».

И пришел к нашему царю посланец и сообщил ему слова пророка Аллаха Сулеймана, и ответил ему царь: «Нет пути к тому, что он от меня требует! Уведоми его, что я выхожу к нему». И вернулся посланец к Сулейману и передал ему такой ответ. А потом царь послал к жителям своей земли и собрал из джиннов, бывших под его властью, тысячу тысяч и присоединил к ним других — маридов и шайтанов, которые на морских островах и на вершинах гор; и снарядил свои войска и открыл хранилища оружия и раздал его им. Что же касается пророка Аллаха Сулеймана, то он расставил свои войска и приказал зверям разделиться на две части и стать справа от людей и слева от них и велел птицам быть на островах, приказав им при нападении выкалывать глаза людей клювами и бить их по лицам крыльями, а зверям он велел рвать коней, и все ему отвечали: «Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о пророк Аллаха!»

И потом Сулейман, пророк Аллаха, поставил для себя ложе из мрамора, украшенное драгоценными камнями и выложенное полосками из червонного золота, и поставил своего вазира Асафа, сына Барахии, на правой стороне, а вазира своего ад-Димириата — на левой стороне и царей людей — от себя справа, а царей джиннов — от себя слева, а зверей, ехидн и змей — впереди себя, и они напали на нас все сразу, и мы бились с Сулейманом на широком поле в течение двух дней, и пала на нас беда в день третий, и исполнился над нами приговор Аллаха великого.

А первый, кто напал на Сулеймана, был я, во главе моих войск. И я сказал моим соратникам: «Стойте на своих местах, а я выйду к ним и вызову на бой ад-Димириата». И вдруг он выступил ко мне, подобный большой горе, и огни его полыхали, и дым его поднимался вверх. И он подошел и бросил в меня огненную стрелу, и стрела его одолела мой огонь, и закричал он на меня великим криком, и представилось мне, что небо на меня упало, и задрожали от его голоса горы. А затем он приказал своим людям, и те броси-

лись на нас, как один человек, и мы бросились на них, и стали мы кричать друг на друга, и поднялись огни, и взвился вверх дым, и сердца едва не разрывались, и разгорелась битва, и птицы начали сражаться в воздухе, и звери сражались на земле, а я бился с ад-Димириятом, пока он не утомил меня и я не утомил его.

А после этого я ослаб, и мои люди и воины оставили меня, и побежали мои дружины, и закричал пророк Аллаха Сулейман: «Возьмите этого великого притеснителя, злосчастного и гнусного!» — и понеслись люди на людей, и джинны на джиннов, и пало на нашего царя поражение, и стали мы добычей для Сулеймана. И войска его напали на наших воинов, окруженные зверями справа и слева, и птицы летали над нашими головами, вырывая людям глаза то когтями, то клювами, или ударяли их по лицу крыльями, а звери рвали коней и терзали людей, пока большинство из них не оказалось на земле, и были они подобны стволам пальм. А что до меня, то я полетел перед ад-Димириятом, и он преследовал меня на расстоянии трех месяцев пути, пока не догнал, и я пал, как вы видите, и меня заточили в столбе». И его спросили: «Где дорога, ведущая в медный город?» И он показал дорогу в город, и оказалось, что между ними и городом двадцать пять ворот, но ни одни из них не видны, и от них нельзя найти следа, и по виду они подобны куску горы или железа, вылитого в форму. И люди спешились, и сошли с коней эмир Муса и шейх Абд-ас-Самад, и стали они стараться найти в городе ворота или обнаружить туда путь, но не достигли этого.

И тогда эмир Муса сказал: «О Талиб, какова хитрость, чтобы войти в этот город? Мы непременно должны узнать, где ворота, чтобы войти в них».— «Да направит Аллах эмира! — воскликнул Талиб.— Пусть эмир отдохнет дня два или три, и, если захочет Аллах великий, мы придумаем хитрость, чтобы проникнуть в этот город и войти туда». И тогда эмир Муса велел кому-то из своих слуг сесть на верблюдов и объехать вокруг города: может быть, он найдет след ворот или местоположение дворца в том месте, где они остановились, и один из слуг эмира сел и ехал вокруг города два дня и две ночи, ускоряя ход и не отдыхая, а когда наступил третий день, он приблизился к своим товарищам, оторопев от того, что увидел, какие длинные и высокие стены, и сказал: «О эмир, самое легкое место — то место, в котором вы находитесь».

И эмир Муса взял с собой Талиба ибн Сахля, шейха Абд ас-Самада, и они поднялись на гору напротив города, кото-

рая возвышалась над ним, и, поднявшись на эту гору, они увидели город, больше которого не видали глаза. Дворцы его были высоки, и куполы в нем уносились ввысь, и дома были хорошо построены, и реки текли, и деревья были плодоносны, и сады расцвели, и был этот город с крепкими воротами, пустой, потухший, где не было ни шума, ни человека. Повсюду в нем кричали совы, и птицы царили над дворами его, и вороны каркали на улицах города и площадях, плача о тех, кто был там. И эмир Муса остановился, скорбя о том, что город лишен жителей и не имеет обитателей и населения, и воскликнул: «Слава тому, кому не изменяет судьба и время, творящему тварей по своему могуществу!»

И когда он восхвалял Аллаха, великого и славного, вдруг бросил он взор в какую-то сторону и увидел семь досок из белого мрамора, которые блестели издали. И он подошел к ним, и оказалось, что они нарезаны и покрыты надписями. И тогда эмир велел прочитать то, что было на них написано, и шейх Абд ас-Самад подошел и вгляделся в надписи и прочитал их, и оказалось, что это увещания и назидания и предостережения для тех, кто обладает проницательностью. И на первой доске было написано греческим почерком: «О сын Адама, как небрежен ты к тому, что перед тобою! Тебя отвлекли от этого лета и годы, но разве не знаешь ты, что чаша гибели для тебя наполнена и вскоре ты ее проглотишь? Посмотри же за собой, прежде чем войти в могилу. Где те, что царили над землями и унижали рабов и вели войска? Поразила их, клянусь Аллахом, Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, Опустошительница населенных жилищ, и перенесла их из простора дворцов в теснины могил».

А внизу доски было написано:

«О, где они, обитатели роскошных царских палат?
Царей и веселых подданных настиг печальный закат.

Ушли, бесславно погибшие; их след простыл на земле,
И гордые повелители в могиле мрачной лежат.

Где преданные воители? Где верный, надежный страж?
Где редкостные сокровища? Не пересчитать утрат.

Веленье быстрое Господа их всех лишило всего,
И нищий почил в убожестве, и тот, кто был так богат».

И эмир Муса обеспамятел, и слезы потекли по его щекам, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, поистине, в отказе от благ мира — крайняя степень божьей поддер-

жки и предел правоты!» И он велел принести чернильницу и бумагу и списал то, что было на первой доске, а затем он подошел ко второй доске, и вдруг оказалось, что на ней написано: «О сын Адама, да не соблазнит тебя извечная безначальность и да не заставит тебя забыть о наступлении срока! Не знаешь ты разве, что сей мир — обитель гибели и ни для кого нет в нем вечного пребывания, а ты взираешь на него и предаешься его утехам. Где цари, которые населили Ирак и царили над его краями, где те, что населили Исфахан и земли хорасанские? Позвал их вестник гибели, и ответили они ему, и воззвал к ним вестник уничтожения, и воскликнули они: «Мы здесь!» Не помогло им то, что они построили и воздвигли, и не защитило их то, что они собрали и приготовили».

А внизу доски были написаны такие стихи:

«Ты видишь: этих красот блистательное множество,
Но где же те, кто ценил такое пригожество?

Они собрали войска, страшась унижения,
Уверившись, что грозит всем смертным убожество.

И где Хосрои теперь, чьи крепости славились?
Они покинули мир и впали в ничтожество».

И заплакал эмир Муса и воскликнул: «Клянусь Аллахом, мы сотворены для великого дела!» — а затем он записал то, что было на доске, и приблизился к третьей доске и увидел, что там написано: «О сын Адама, ты предаешься любви к здешнему миру и пренебрегаешь велением твоего господа! Каждый день жизни твоей проходит, и удовлетворен ты этим и доволен. Приготовь же запас для дня возвращения и готовься дать ответ перед господом рабов!»

А внизу доски были написаны такие стихи:

«На этой земле человек не жилец.
Где тот, кто построил роскошный дворец?

И Синдом и Хиндом владел он тогда,
Нубийцами, зинджами правил гордец.

Не жди от него из могилы вестей,
Оттуда сюда не прискачет гонец.

Роскошный дворец властелина не спас,
Пришла к нему смерть, и теперь он мертвец».

И эмир Муса горько заплакал, а затем он приблизился к четвертой доске и увидел, что на ней написано: «О сын Адама, на сколько даст тебе отсрочку твой владыка, когда

ты погружен в море развлечений? Благо всякого дня принадлежит тебе, пока не помрешь ты. О сын Адама, пусть не обманывают тебя дни и ночи и часы развлечений с их беспечностью! Знай, что смерть тебя подстерегает и на плечи к тебе залезает; не проходит дня, чтобы не приветствовала она тебя утром и не желала тебе доброго вечера; остерегайся же ее нападения и готовься к ней. Я как будто вижу тебя, когда погубил ты свою жизнь и извел наслаждения бытия; послушай же моих слов и положись на владыку владык! Нет у земной жизни устойчивости, и подобна она жилищу паука».

А внизу доски он увидел такие стихи:

«Зданье возвышается, где строитель?
Царство простирается, где правитель?

Крепость неприступная, как и прежде,
Только где защитник и где воитель?

Пока суд великий не начинался,
Спят в земле: могила для иих — обитель.

Лишь Господни милости вечны в мире,
Так что вечен лишь Господь-Вседержитель».

И заплакал эмир Муса, и записал все это, и сошел с горы, и предстала земная жизнь пред его глазами.

И когда пришел он к своим воинам, они провели этот день, придумывая хитрость, чтобы войти в город, и сказал эмир Муса своему вазиру Талибу ибн Сахлю и приближенным, окружавшим его: «Какова будет хитрость, чтобы нам войти в этот город и посмотреть на его диковины? Может быть, мы найдем в нем что-нибудь, что приблизит нас к желанию повелителя правоверных?» И сказал Талиб ибн Сахль: «Да сделает Аллах вечным благоденствие эмира! Мы устроим лестницу и взберемся на нее; может быть, мы достигнем ворот изнутри».— «Это приходило мне на мысль, и прекрасно такое мнение!» — отвечал эмир Муса.

И затем он позвал плотников и кузнецов и велел им выровнять бревна и сделать лестницу, покрытую железными пластинками. И они сделали ее, и изготовили как следует, и просидели за работой целый месяц, и люди собрались вокруг лестницы, и поставили ее, и придвинули к стене вплотную, и она пришлась как раз вровень с нею, как будто была сделана для этого раньше. И эмир Муса удивился и воскликнул: «Да благословит вас Аллах! Вы как будто примеряли ее к стене, так хорошо вы ее сработали!» А потом эмир Муса сказал своим людям: «Кто из вас

поднимется по этой лестнице, взберется по ней на стену и пройдет и ухитрится спуститься вниз в город, чтобы посмотреть, как обстоит дело, а затем расскажет нам, как открыть ворота?» И кто-то сказал: «Я влезу, о эмир, и спущусь, и открою ворота». И эмир Муса воскликнул: «Полезай, да благословит тебя Аллах!»

И этот человек полез на лестницу и добрался до самого верха, а затем он встал на ноги и, устремив глаза в город, захлопал в ладоши и вскрикнул во весь голос: «Ты прекрасен!» — и бросился внутрь города, и мясо его смешалось с костями. И эмир Муса воскликнул: «Вот поступок разумного, каков же будет поступок безумного? Если мы сделаем то же со всеми нашими товарищами, не останется из них никого, и мы не будем в силах исполнить то, что нам нужно и нужно повелителю правоверных. Объезжайте, нет нам нужды до этого города!» И кто-то сказал тогда: «Может быть, другой будет устойчивее?» И поднялся второй человек, и третий, и четвертый, и пятый, и они влезали по этой лестнице на стену один за другим, пока не пропало из них двенадцать человек, и все делали то же, что первый.

И сказал тогда шейх Абд ас-Самад: «Нет для этого дела никого, кроме меня, и опытный не таков, как неопытный!» Но эмир Муса воскликнул: «Не делай этого! Я не дам тебе влезть на эту стену, так как, если ты умрешь, ты будешь причиной смерти всех нас, и не уцелеет из нас никто; ты ведь — наш проводник».— «Может быть, то, что нам нужно, произойдет благодаря мне, по воле великого Аллаха»,— сказал шейх Абд ас-Самад. И все люди сошлись на том, что он должен лезть, и шейх Абд ас-Самад встал и подбодрил себя и со словами: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» — стал подниматься по лестнице, поминая великого Аллаха и читая стихи спасения. И он достиг верхушки стены, и захлопал в ладоши, и устремил глаза в город, и люди все вместе закричали ему: «О шейх Абд ас-Самад, не делай этого, не бросайся вниз! — и восклицали: — Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Если шейх Абд ас-Самад упадет, мы все погибли!» А шейх Абд ас-Самад громко засмеялся и просидел долгое время, поминая великого Аллаха и читая стихи спасения, а потом он встал на ноги и закричал во весь голос: «О эмир, с вами не будет беды! Аллах, великий и славный, отвратил от меня козни шайтана и ухищрения его, по благословению слов: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» И эмир спросил его: «Что ты видел, о шейх?» И шейх ответил: «Когда я оказался на верхушке стены, я увидел десять

девушек, подобных лунам, которые делали мне руками знаки: «Подойди к нам!» — и мне представилось, что подо мною море. И я хотел броситься вниз, как сделали наши товарищи, но увидел, что они мертвы, и удержался от этого и стал читать кое-что из книги Аллаха великого, и отвратил Аллах от меня козни этих девушек, и они ушли, и я не бросился вниз, и Аллах защитил меня от их козней и чар. Нет сомнения, что это колдовство и ловушка, которую устроили жители этого города, чтобы защитить его от тех, кто захочет к нему приблизиться и пожелает в него проникнуть. А вон наши товарищи лежат мертвые».

И затем он дошел по стене до медных башен и увидел перед ними двое золотых ворот, на которых не было замков, и ничто не указывало, как их открыть, и шейх постоял некоторое время и, всмотревшись, увидел посреди ворот изображение медного всадника с протянутой рукой, которой он как будто на что-то указывал, и на руке была какая-то надпись, и шейх Абд ас-Самад прочитал ее и увидел, что она гласит: «Потри гвоздь в пупке этого всадника двенадцать раз — ворота откроются». И тогда он осмотрел всадника и увидел у него в пупке гвоздь, хорошо сделанный, основательный и крепкий, и потер его двенадцать раз, и ворота тотчас же распахнулись с шумом, подобным грому.

И шейх Абд ас-Самад вошел в ворота (а это был человек достойный, знавший все языки и почерки) и шел до тех пор, пока не вошел в длинный проход. Он спустился из него по ступенькам и увидел помещение с красивыми скамьями, на которых лежали мертвые люди, и в головах у них были роскошные щиты, отточенные мечи, натянутые луки и стрелы, наложенные на тетивы, а за воротами находились железные дубины, и деревянные засовы, и тонко сделанные замки, и разные крепкие орудия. И шейх Абд ас-Самад сказал про себя: «Может быть, ключи у этих людей»,— а затем он осмотрелся и вдруг заметил старца, по виду старейшего из них годами, который лежал на высокой скамье среди мертвецов. «Почем знать, не находятся ли ключи от города у этого старца? Может быть, он привратник города, а эти люди ему подвластны»,— сказал шейх Абд ас-Самад, и, приблизившись к старцу, он приподнял его одежду и увидал, что ключи висят у него на поясе. И, увидев ключи, Абд ас-Самад обрадовался великой радостью, и его разум от такой радости едва не покинул его. А потом шейх Абд ас-Самад взял ключи, и, подойдя к воротам, отпер замки и потянул ворота, засовы и задвижки,

и замки открылись, и ворота распахнулись с громовым шумом, так как они были велики и ужасны и снабжены огромными запорами. И тут шейх Абд ас-Самад воскликнул: «Аллах велик!» — и все повторили за ним этот возглас, и обрадовались, и возвеселились.

И эмир Муса обрадовался, что шейх Абд ас-Самад спасен и ворота города открылись, и все начали благодарить шейха за то, что он сделал. И воины поспешили войти в ворота, и эмир Муса крикнул на них и сказал: «О люди, если мы войдем все, то не будем в безопасности от какого-нибудь случая! Пусть входит половина и остается сзади половина!» И эмир Муса вошел в ворота, и с ним половина его людей, которые несли военные доспехи, и воины увидели своих товарищей мертвыми и похоронили их, и увидали привратников, слуг, царедворцев и наместников, лежащих на шелковых коврах, и все они были мертвые. И они вошли на главный городской рынок и увидели рынок огромный, с высокими постройками, ни одна из которых не возвышалась над другими, и лавки были открыты, и весы повешены, и медь стояла рядами, и ханы были полны всяких товаров, и увидели воины, что купцы лежат подле лавок мертвые, и у них высохла кожа, и сгнили кости, и стали они назиданием для всех, кто поучается.

И еще увидели воины четыре особых рынка, где лавки были полны богатств. И сначала они пошли на шелковый рынок и увидели там разноцветные шелка и парчу, затканную червонным золотом и белым серебром, но владельцы ее были мертвы и лежали на кожаных коврах и только что не говорили. И воины оставили их и ушли на рынок драгоценных камней, жемчуга и яхонтов и, покинув его, пошли на рынок менял и увидели, что они мертвы и под ними всевозможные шелка и парча и лавки их полны золота и серебра. И они оставили их и пошли на рынок москательщиков и увидели, что лавки их полны всевозможных благовоний и мешочков мускуса, и амбры, и алоэ, и недда, и камфары, и прочего, но все люди там мертвые и у них нет ничего съестного.

И потом воины ушли с рынка москательщиков и увидели возле него разукрашенный и крепко построенный дворец и, войдя туда, увидали там развернутые знамена, и обнаженные мечи, и натянутые луки, и щиты, подвешенные на серебряных и золотых цепях, и шлемы, покрытые червонным золотом, а в проходах дворца стояли скамейки из слоновой кости, украшенные пластинками из яркого золота и покрытые парчой, а на них лежали люди,

у которых кожа высохла на костях, и невнимательный счел бы их спящими, но они умерли от отсутствия пищи и вкусили гибель.

И эмир Муса остановился, прославляя Аллаха великого и святя его имя, и смотрел, как красив этот дворец, как крепки его постройки и как диковинно он сделан, прекрасен обликом и умело выстроен. Он был обильно разрисован зеленой лазурью, и по стенам его были написаны такие стихи:

«Сильный муж! Ты в дорогу отправишься скоро;
Посмотри и доверься свидетельству взора.

Запасайся, спасайся, но это напрасно;
Ты падешь: ненадежна земная опора.

Украшали другие свой дом до могилы,
Удостоились все одного приговора.

Никакого нет проку в строениях лучших,
И богатство тебя не спасет от разора.

Разрушает судьба упованья земные,
Не заводят со смертью внезапного спора.

А в могиле ничтожество вместо величья,
Теснота безысходная вместо простора.

Над могилами слышатся скорбные вопли:
«Неужели богатство — подобие сора?

Где покои, где нежные лики девичьи?
Не изведать в гробнице былого задора.

Много съедено было и выпито было,
Чтобы червь пировал, ненасытный обжора».

И эмир Муса так заплакал, что лишился сознания, а потом он приказал записать это стихотворение. И он вошел во дворец и увидел большую залу и четыре просторные высокие комнаты, одну напротив другой, поместительные и расписанные золотом и серебром разного цвета, и посреди залы был большой мраморный бассейн, и над ним возвышался парчовый шатер, и в комнатах были уголки, в которых находились богато украшенные бассейны и выложенные мрамором водоемы, а под полом комнат текли потоки, и эти четыре потока бежали и сливались в большом бассейне, выложенном разноцветным мрамором.

И эмир Муса сказал шейху Абд ас-Самаду: «Войдем в эти комнаты!» И они вошли в первую комнату и нашли,

что она полна золота, белого серебра, жемчуга, драгоценных камней, яхонтов и дорогих металлов, и увидели там сундуки, наполненные красной, желтой и белой парчой. И затем они перешли во вторую комнату и открыли там кладовую, и оказалось, что она полна оружия и военных доспехов: раззолоченных шлемов, даудийских кольчуг, индийских мечей, хаттийских копий и хорезмских палиц и всевозможных других доспехов для боя и сечи. А потом они перешли в третью комнату и нашли там много кладовых, на которых висели замки, скрытые за занавесками, расписанными всевозможными вышивками, и, открыв одну кладовую, они увидели, что она полна оружия, разукрашенного золотом и серебром и всякими драгоценными камнями. А оттуда они перешли в четвертую комнату и увидели там много кладовых и, открыв одну из них, обнаружили, что она полна сосудов для еды и питья из золота и серебра, и там находятся хрустальные миски и бокалы, украшенные свежим жемчугом, и сердоликовые чаши и прочее.

И они стали брать из этого то, что им годилось, и всякий воин унес сколько мог. А когда они решили уходить из этих комнат, они увидели дверь из тикового дерева, в которой была вделана слоновая кость и черное дерево, и эта дверь, выложенная полосками из яркого золота, находилась посреди дворца, и перед ней была опущена шелковая занавеска, украшенная всякими вышивками, и были на ней замки из белого серебра, которые открывались хитростью, без ключа. И шейх Абд ас-Самад подошел к замкам и отпер их благодаря своему умению и доблести и знаниям, и люди прошли выложенный мрамором проход, по сторонам которого были повешены занавески с изображением разных птиц, и все они были сделаны из червонного золота и серебра, а глаза у них были из жемчуга и яхонта, и всякий, кто их видел, впадал в удивление. И воины прошли в роскошно отделанную залу, и, увидав ее, эмир Муса и шейх Абд ас-Самад были поражены ее отделкой. И они прошли через нее и увидели комнату, отделанную полированным мрамором и украшенную драгоценными камнями, так что смотрящий мог вообразить, что по мрамору течет вода, и если бы кто-нибудь пошел по нему, он непременно бы поскользнулся.

И эмир Муса приказал шейху Абд ас-Самаду накинуть что-нибудь на этот мрамор, чтобы по нему можно было ходить, и шейх сделал это и так ухитрился, что люди прошли. И они увидели в этой зале большой купол, выстро-

енный из камней, покрытых червонным золотом, прекраснее которого люди не видали среди того, что видели. А под этим куполом был большой великолепный свод из мрамора, вокруг которого были окна, разрисованные и украшенные, с решеткой из изумрудных прутьев, какой не мог иметь никто из царей. И под куполом стоял парчовый шатер, поставленный на подпорках из червонного золота, а в шатре были птицы, с ногами из зеленого изумруда, и под каждой птицей находилась сетка из свежего жемчуга, протянутая над бассейном. А у бассейна стояло ложе, украшенное жемчугом, драгоценными камнями и яхонтом, и на ложе покоилась девушка, подобная незакрытому солнцу, прекрасней которой не видели видящие. Она была в одеждах из свежего жемчуга, на голове у нее был венец из червонного золота и повязка из драгоценных камней, а на шее — драгоценное ожерелье, посреди которого сверкали яркие камни, и на лбу у нее были два камешка, испускавшие свет, подобный свету солнца. И казалось, что эта девушка смотрит на людей и оглядывает их справа и слева, и когда эмир Муса увидал эту девушку, он до крайности удивился ее красоте и смутился, видя ее прелесть, и румянец ее щек, и черноту волос, и смотрящему думалось, что она живая, а не мертвая. И он сказал ей: «Мир с тобою, о девушка!» И Талиб ибн Сахль воскликнул: «Да исправит Аллах твое дело! Знай, что эта девушка мертвая, и нет в ней духа; как же она ответит на приветствие?» И потом Талиб ибн Сахль сказал: «О эмир, это изображение, мудро придуманное; ей вынули глаза, когда она умерла, и положили под них ртуть, а потом глаза вставили на место, и они блестят и как будто движутся под ресницами, и кажется смотрящему, что девушка мигает глазами, а она мертвая».— «Хвала Аллаху, который покарал рабов смертью!» — воскликнул эмир Муса.

А у ложа, на котором лежала девушка, были ступеньки, и на ступеньках стояли два раба: один — белый, а другой — черный, и у одного в руке было оружие из стали, а в руке другого был меч, украшенный драгоценными камнями, который похищал взоры. И была перед рабами золотая доска с надписью, которую можно было прочесть, и она гласила: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Слава Аллаху, творцу человека, господину господ, первопричине всех причин! Во имя Аллаха, вечного, бесконечного, во имя Аллаха, определяющего судьбу и приговор! О сын Адама, как неразумен ты, долго питая надежду, и как забываешь ты о наступлении срока! Не знаешь ты

разве, что смерть тебя уже позвала и спешит, чтобы схватить твой дух? Будь же готов к отбытию и запасись благами мира: через малое время ты его покинешь. Где Адам, отец людей, где Нух и его потомство, где цари Хосрои и Кесари, где цари Хинда и Ирака, где цари стран земных, где амалекиты, где великаны? Свободны стали от них земли, и покинули они семью и родных. Где цари арабов и неарабов? Все они умерли и превратились в тлен. Где господа, обладатели сана? Все они умерли. Где Карун и Хаман, где Шаддад, сын Ада, где Канаан и Обладатель столпов? Срезал их, клянусь Аллахом, срезающий жизнь и освободил от них землю. Приготовили ли они запас для дня возвращения и готовы ли ответить господу рабов? О ты, если ты меня не знаешь, то я осведомлю тебя о моем имени и происхождении. Я — дочь царей амалекитов, тех, что были справедливы на земле, и владела я тем, чем не владел никто из владык, и была справедлива при приговоре и творила суд правый среди людей и давала и одаряла. Я прожила долгое время радостной и приятной жизнью и отпускала невольниц и рабов, пока не поразил меня удар гибели и не опустилась предо мною беда. Сменились над нами семь лет, в которых не сошло на нас воды с неба и не росла для нас трава на лице земли, и съели мы бывшую у нас пищу, а затем принялись за животных, ходящих по земле, и съели их, и ничего у нас не осталось. И тогда я велела принести деньги и, намеря их мерой, послала с верными мужами, а они обошли все страны, не пропустив ни одного города, в поисках какой-нибудь пищи и не нашли ее. И они вернулись к нам с деньгами после долгой отлучки, и тогда мы выставили наши богатства и сокровища и заперли ворота крепостей, которые в нашем городе, и отдались на суд господа, вручив наше дело владыке. И мы умерли, как ты видишь, и покинули то, что выстроили и накопили. Вот какова наша повесть, и после самого дела остается лишь след его».

И воины посмотрели на нижнюю часть доски и увидели, что там написаны такие стихи:

«Ты иапрасио богатеешь средь печали и тревог,
Подведешь ты, сын Адама, сокрушительный итог.

Благ мирских ты слишком жаждешь, как другие до тебя,
Но к распутным и корыстиым рок особенно жесток.

Люди правдой и иеправдой богатеют на земле,
Но коичается однажды соблазнительиейший срок.

Собираешь ты дружину, созываешь ты воиска;
Только воинство большое обреченному не в прок.

Все равно лежать в могиле, безнадежно рухнуть в прах,
Человеческое тело — только гибельный залог.

Словно в поисках ночлега путники стучатся в дом,
Им бы хоть недолгий отдых, им бы хоть один глоток.

А хозяин отвечает: «В этом доме нет еды,
Хоть сложили вы поклажу, не ходите за порог!»

И привал для них печален, и печален их отъезд,
Остается затеряться в жутком сумраке дорог.

Чтобы радоваться завтра, ты сегодня потрудись;
Бойся Бога, сын Адама, чтобы Бог тебе помог».

И заплакал эмир Муса, услышав эти слова, и прочитал дальше: «Клянусь Аллахом, страх божий — начало всех дел и доказательство истины и крепкая опора, и подлинно, смерть — явная истина и несомненное обещание. В смерти, о человек,— возврат и возвращение. Поучайся же на примере тех, кто сошел раньше тебя во прах, и спеши на путь возврата. Не видишь ли ты, что седина к могиле тебя призывает и белизна волос твоих о кончине тебе возвещает? Будь же бдителен и готов к отъезду и расчету. О сын Адама, как жестоко твое сердце и как заблуждаешься ты относительно твоего господа! Где люди, бывшие прежде — назидание для поучающихся? Где цари Китая — люди гнева и мощи? Где Шаддад ибн Ад и то, что он возвел и построил? Где Нимруд, который был горд и заносчив? Где фараон, который отверг и отступил от веры? Всех их покорила смерть, не оставив от них следа, и не пощадила она ни малого, ни великого, ни мужчины, ни женщины: срезал их жизнь срезающий и ночь на день навивающий. Знай, о пришедший к этому месту, о тот, кто видел нас, что не должно соблазняться ничем из земной жизни и суеты ее. Она — коварная обманщица, обитель гибели и соблазна, и счастье рабу, который помнит свои прегрешения и боится своего господина и хорошо поступает при сделке и приготовил запас для дня возвращения. Пусть тот, кто войдет в наш город и достигнет его и кому облегчит Аллах вступление в него, берет из богатств его что может, но пусть не дотрагивается он ни до чего, что на моем теле: это покров для моей срамоты и снаряжение мое против земной жизни. Пусть же убоится он Аллаха и не похищает с меня ничего: он сам себя погубит. Я сделала это моим советом и поручением, которое я ему доверяю, и конец. Я прошу Аллаха, чтобы избавил он вас от злых бедствий и недугов». И, услышав эти слова, эмир Муса горько заплакал и лишился чувств,

а очнувшись, он велел записать все то, что увидел, и извлек поучение из того, чему был свидетелем. А затем он сказал своим людям: «Принесите мешки и наполните их этим богатством, и сосудами, и редкостями, и драгоценными камнями». И Талиб ибн Сахль сказал эмиру: «О эмир, разве оставишь ты эту девушку и то, что есть на ней? Это ведь — вещи, которым нет подобных и ни в какое время не найти равных им. Они дороже того, что ты взял из денег, и будут лучшим подарком, которым приблизишься ты к повелителю правоверных».— «О такой-то,— воскликнул эмир Муса,— разве не слышал ты, что завещала девушка на этой доске? Больше того, она сделала это поручением, нам доверенным, а мы не из людей обмана».— «Неужели мы оставим подобные богатства и драгоценные камни? — воскликнул Талиб.— Девушка мертва, и что она будет с этим делать, когда это украшение земной жизни и красота для живых? Ты накроешь эту девушку одеждой из хлопчатой бумаги, и мы имеем больше прав, чем она, на ее богатство».

И затем он подошел к лестнице и поднимался по ступенькам, пока не оказался между столбами и не очутился между теми двумя рабами, что стояли на ступеньках, и вдруг один из них ударил его по спине, а другой ударил его мечом, бывшим у него в руке, и снес ему голову. И Талиб упал мертвый, и эмир Муса воскликнул: «Да не помилует Аллах твоего смертного ложа! Этих денег было достаточно, и жадность, нет сомнения, смеется над испытывающим ее!» И он велел воинам входить, и те вошли и нагрузили верблюдов этими богатствами и благородными металлами, а потом эмир Муса приказал им запереть ворота, как раньше. И люди пошли по берегу и подошли к высокой горе, которая возвышалась над морем, и было в ней много пещер.

И вдруг они увидели там черных людей, покрытых кожами, и на голове у них были кожаные бурнусы, и речь их была непонятна, и, увидав воинов, эти люди испугались и бросились бежать в пещеры, а их женщины и дети остались стоять у входа. «О шейх Абд ас-Самад,— спросил тогда эмир Муса,— что это за люди?» И шейх ответил: «Это те, кого ищет повелитель правоверных». И воины остановились, и разбили палатки, и сложили богатства, и не успели они усесться, как царь чернокожих спустился к горе и подошел к войску. А он знал по-арабски и, подойдя к эмиру Мусе, приветствовал его, и эмир ответил ему на приветствие и оказал ему почет.

И царь чернокожих спросил эмира Мусу: «Вы из людей или из джиннов?» И эмир Муса ответил: «Что до нас, то мы из людей, вы — так, несомненно, джинны, ибо вы уединились на этой горе, отдаленной от всех тварей, и огромны телом».— «Нет,— отвечал царь чернокожих,— мы из людей, дети Хама, сына Нуха, да будет с ним мир, а что касается до этого моря, то оно называется аль-Каркар».— «Откуда у вас знание, когда к вам не приходил пророк, получивший откровение?» — спросил эмир Муса. И царь ответил: «Знай, о эмир, что к нам является из этого моря человек, источающий свет, который озаряет края земли, и он кричит голосом, слышным для далекого и близкого: «О дети Хама, устыдитесь того, кто видит и кого не видят, и скажите: нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посол Аллаха! Я — Абуль-Аббас аль-Хидр!» А мы прежде этого поклонялись одному из нас, и призвал нас аль-Хидр к поклонению господу рабов».

А затем царь чернокожих сказал эмиру Мусе: «И аль-Хидр научил нас словам, которые мы говорим». И эмир Муса спросил: «А что это за слова?» И царь ответил: «Нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей; ему принадлежит власть и ему приличествует слава; он оживляет и умерщвляет, и он властен во всякой вещи». И мы приближаемся к Аллаху только такими словами и не знаем других; и каждую ночь в пятницу мы видим свет на лике земли и слышим голос, который кричит: «Преславный пресвятой господь ангелов и духа! Что хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, того не бывает! Всякое благо — по милости Аллаха, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И сказал тогда ему эмир Муса: «Мы люди царя ислама, Абд аль-Малика ибн Марвана, и пришли мы из-за кувшинов, которые у вас, в вашем море, а в них заточены шайтаны со времен Сулеймана, сына Дауда, да будет мир с ними. Царь приказал нам принести их несколько, чтобы он мог на них посмотреть и взглянул на них».— «С любовью и удовольствием!» — отвечал царь черных.

А затем он угостил эмира мясом рыб и велел ныряльщикам выловить в море несколько Сулеймановых кувшинов, и они извлекли двенадцать кувшинов. И эмир Муса и шейх Абд ас-Самад и воины обрадовались, что исполнено дело повелителя правоверных. И потом эмир Муса подарил царю черных много подарков и одарил его богатыми дарами, и царь черных одарил эмира Мусу подарками из морских чудес, имевших вид сынов Адама, и сказал: «Вас угощали

в эти три дня мясом таких рыб».— «Мы обязательно должны взять с собой сколько-нибудь из них, чтобы посмотрел на них повелитель правоверных,— это больше ему понравится, чем Сулеймановы кувшины»,— сказал эмир Муса, и затем они простились с царем черных и шли, пока не достигли стран Сирии.

И они вошли к повелителю правоверных Абд аль-Малику ибн Марвану, и эмир Муса рассказал ему обо всем, что он видел, и обо всех стихах, рассказах и назиданиях, которые ему довелось услышать, он сообщил ему историю Талиба ибн Сахля. И повелитель правоверных воскликнул: «О, если бы я был с вами и видел то же, что вы!» И затем он взял кувшины и стал открывать кувшин за кувшином, и шайтаны выходили из них и говорили: «Прощение, о пророк Аллаха, мы никогда не вернемся к подобным делам!» И удивился халиф всему этому. А что касается до морских дев, которыми их угощал царь чернокожих, то для них сделали деревянные водоемы и наполнили их водой и положили туда дев, и они умерли от сильной жары. А затем повелитель правоверных велел принести деньги и разделил их между мусульманами и сказал: «Никому не даровал Аллах того, что даровал он Сулейману, сыну Дауда!»

И затем эмир Муса попросил повелителя правоверных, чтобы он назначил его сына вместо него правителем подвластных ему стран, а сам он мог бы отправиться в Иерусалим священный, чтобы поклониться там Аллаху, и повелитель правоверных назначил его сына, а эмир Муса отправился в Иерусалим священный и умер там. И вот конец того, что дошло до нас из рассказа о медном городе, полностью, а Аллах знает лучше.

РАССКАЗ О ЦАРЕВИЧЕ И О СЕМИ ВАЗИРАХ

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы один из великих царей, имевших много войска и телохранителей и обладавший властью и богатством, но только достиг он в жизни долгого срока, и не досталось ему ребенка мужского пола. И встревожился он из-за этого и прибег к посредничеству пророка, да благословит его Аллах и да

приветствует, перед Аллахом великим и попросил его, ради сана пророков, друзей и мучеников из приближенных рабов его, наделить его ребенком мужского пола, чтобы унаследовал он власть после него и был усладою его глаз. И затем он поднялся, в тот же час и минуту, и, войдя в покои, в которых он сидел, послал за своей супругой, и сблизился с нею, и стала она беременной по изволению великого Аллаха. И провела она так некоторое время, и пришла ей пора сложить свою ношу, и родила она дитя мужского пола, лицо которого было, как круг луны в четырнадцатую ночь месяца, и воспитывали мальчика до тех пор, пока не достиг он пяти лет жизни.

А был у этого царя некий мудрец из мудрецов искусных, по имени ас-Синдибад, и отдал ему царь мальчика. И когда тот достиг десяти лет жизни, мудрец стал учить его мудрости и вежеству, и сделался мальчик таким, что никто в то время не мог с ним сравняться в знаниях, воспитанности и понятливости. И когда достиг его сын такого возраста, царь призвал к нему множество витязей-арабов, чтобы они обучили его воинской доблести, и стал он искусен в этом, и носился и гарцевал в пылу боя по полю, и превзошел людей своего времени и всех своих сверстников.

И в какой-то из дней тот мудрец посмотрел на звезды и увидел в гороскопе юноши, что, если тот проживет семь дней и произнесет одно слово, то в слове этом будет для него гибель. И пошел мудрец к царю, отцу его, и осведомил об этом деле, и отец мальчика спросил: «Каково же будет верное мнение и предусмотрительное решение, о мудрец?» И мудрец сказал: «О царь, верное мнение и решение, по-моему, в том, чтобы поместить его в место развлечения, где слушают музыкальные инструменты, и пусть он находится там, пока не пройдут семь дней».

И царь послал за одной рабыней из приближенных к нему (а она была прекраснейшей из рабынь), и поручил ей мальчика, и сказал: «Возьми твоего господина во дворец и помести его у себя, и пусть он не выходит из дворца раньше, чем пройдет семь дней». И рабыня взяла мальчика из рук царя и посадила его во дворце, а было в этом дворце сорок комнат и в каждой комнате десять рабынь, а у каждой из рабынь был какой-нибудь музыкальный инструмент, и если одна из них начинала играть, дворец плясал от его звуков.

И вокруг дворца бежал поток, на берегах которого росли плодовые деревья и всякие цветы. А этот мальчик отличался красотой и прелестью неописанной. И провел он одну

ночь, и увидела его та рабыня (любимица его родителя), и постучалась любовь к ней в сердце, и не могла она удержаться и бросилась к мальчику, но тот воскликнул: «Если захочет Аллах великий, когда я выйду к отцу, я расскажу ему об этом, и он убьет тебя!»

И рабыня отправилась к царю и бросилась к нему с плачем и рыданиями, и царь спросил ее: «В чем дело, о девушка! Как твой господин? Разве он не хорош?» — «О владыка,— ответила девушка,— мой господин стал меня соблазнять и хотел убить меня, но я ему не далась и убежала от него, и я больше никогда не вернусь к нему или во дворец». И когда отец мальчика услышал эти слова, его охватил великий гнев, и он призвал к себе своих вазиров и велел им убить мальчика. И стали вазиры говорить друг другу: «Царь упорствует в желании убить своего сына, но если он его убьет, то, нет сомнения, станет раскаиваться после его убийства, так как он ему дорог: ведь этот сын достался ему после утраты надежды. И потом он обратит на нас укоры и скажет нам: «Почему вы не придумали способа помешать мне убить моего сына?» И мнение вазиров сошлось на том, чтобы придумать способ помешать царю убить сына, и выступил вперед первый вазир и сказал: «Я избавлю вас от зла царя на сегодняшний день».

И он поднялся, и пошел, и, войдя к царю, предстал перед ним, и попросил у него разрешения говорить. и, когда царь позволил ему, вазир сказал: «О царь, если бы тебе было суждено иметь тысячу сыновей, и тогда не следовало бы слушаться побуждения твоей души, убивая одного из них из-за слов невольницы, говорит ли та правду или лжет. Может быть, это ее козни против твоего сына».— «А разве дошло до тебя что-нибудь о кознях женщин?» — спросил царь вазира. И тот ответил: «Да.

РАССКАЗ ПЕРВОГО ВАЗИРА

Дошло до меня, о царь, что один из великих царей предавался любви к женщинам, и однажды он уединился в своем дворце, и взор его упал на женщину, находившуюся на крыше своего дома, а была она обладательницей красоты и прелести. И когда увидел ее царь, он не удержал свою душу от любви. И он спросил про этот дом, и ему сказали: «Этот дом твоего вазира такого-то». И царь тотчас же поднялся, и послал за своим вазиром, и, когда тот предстал перед ним, приказал ему отправиться в одну из областей

царства, чтобы осмотреть ее и затем вернуться. И вазир уехал, как приказал ему царь.

И когда он уехал, царь ухитрился войти в дом вазира, и, увидев его, та женщина его узнала, и вскочила на ноги, и поцеловала ему руки и ноги, говоря: «Добро пожаловать!» — и остановилась поодаль от него, проявляя к нему почтение. И затем она спросила его: «О владыка, какова причина благословенного прихода, поистине, я этого не заслужила?» И царь ответил: «Причина в том, что любовь к тебе и тоска по тебе толкнули меня на это». И женщина поцеловала перед ним землю второй раз и сказала: «О владыка наш, я не гожусь быть служанкой кому-нибудь из слуг царя, откуда же мне столь великое благоволение, что я заняла у тебя подобное место?» И царь протянул к женщине руку, и она молвила: «Это дело от нас не уйдет, но потерпи, о царь, и останься у меня весь сегодняшний день, и я приготовлю тебе чего-нибудь поесть».

И царь сел на ложе вазира, и женщина поднялась на ноги и принесла ему книгу с увещаниями и наставлениями, чтобы царь почитал ее, пока она приготовит кушанье. И царь взял книгу и стал ее читать и нашел в ней увещания и изречения, которые удержали его от прелюбодеяния и сломили его решимость свершить грех. А женщина, приготовив кушанье, поставила его перед царем (а было число блюд девяносто). И начал царь есть из каждого блюда по ложке, и кушанья были разных родов, но вкус их — один. И царь до крайности удивился этому и молвил: «О женщина, я вижу, что сортов много, а вкус их один». И женщина ответила: «Да осчастливит Аллах царя! Это — сравнение, которое я тебе предложила в назидание тебе».— «А какова причина этого?» — спросил царь. И женщина молвила: «Да исправит Аллах обстоятельства владыки нашего царя! В твоем дворце девяносто наложниц разного рода, а вкус их — один».

И когда царь услышал эти слова, ему стало стыдно перед женщиной, и он тотчас же поднялся и вышел из ее жилища, не приступив к ней со злом, и от смущения он позабыл свой перстень у нее под подушкой. И царь отправился к себе во дворец. И когда он сел у себя во дворце, прибыл в тот самый час вазир, и подошел к царю, и, поцеловав землю перед ним, осведомил его о делах, из-за которых царь его послал. И потом вазир ушел и пришел к себе домой, и сел на свое ложе, и положил руку под подушку, и нашел под нею перстень царя. И вазир поднял его, и приложил к сердцу, и держался вдали от женщины в течение

целого года, не разговаривая с нею, а она не знала, в чем причина его гнева. И когда это дело затянулось и она не знала, что этому причиной, она послала за своим отцом и осведомила его о том, что случилось у нее с мужем, который держится вдали от нее уже целый год. И отец сказал ей: «Я пожалуюсь на него, когда он будет в присутствии царя».

И однажды он вошел и увидел вазира в присутствии царя, перед которым находился судья войска, и пожаловался на вазира и сказал: «Да исправит Аллах великий обстоятельства царя! Был у меня красивый сад, который я посадил своею рукой и истратил на него деньги, и стал он плодоносен, и хороши были его плоды. И подарил я его этому твоему вазиру, и он съел из него то, что ему понравилось, а потом оставил его и не поливал, и высохли в нем цветы, и исчез его блеск, и изменилось его состояние».

И молвил вазир: «Этот человек был правдив в том, что сказал: я берег этот сад и ел его плоды, и однажды я пошел туда, и увидел там след льва, и испугался за себя, и удалился из сада». И понял царь, что след, который нашел вазир,— это перстень власти, забытый им в доме, и сказал царь вазиру: «Возвращайся, о вазир, не боясь опасности и спокойно: лев не приближался к твоему саду. До меня дошло, что он достиг его, но он не подступал к нему со злом, клянусь честью моих отцов и дедов!» И вазир отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом он вернулся к себе домой, послал за своей женой и помирился с нею, уверившись в ее добродетели.

Дошло до меня также, что один купец много путешествовал и была у него красивая жена, которую он любил и ревновал от великой любви. И купил купец ей попугая, и этот попугай осведомлял своего господина о том, что случалось в его отсутствие. И когда купец однажды путешествовал, его жена привязалась к юноше, который приходил к ней, и она оказывала ему уважение и сближалась с ним во время отсутствия ее мужа. А когда ее муж вернулся после путешествия, попугай осведомил его о том, что случилось, и сказал: «О господин мой, юноша турок приходил к твоей жене в твое отсутствие, и она оказывала ему крайнее уважение».

И этот человек решил убить свою жену, и когда его жена услышала об этом, она сказала: «О человек, побойся Алла-

ха и возвратись к разуму! Разве бывает у птицы разум или рассудок? Если ты хочешь, чтобы я это тебе разъяснила и ты отличил бы ее ложь от правды, уйди на сегодняшний вечер и посиди у кого-нибудь из твоих друзей, а утром приходи к попугаю и спроси его, и узнаешь, правдив ли он в том, что говорит, или лжив». И человек поднялся и ушел к одному из своих друзей и ночевал у него. А когда настал вечер, жена его пошла и, взяв кусок кожаного коврика, накрыла им клетку попугая и стала брызгать на этот коврик водой и обвевать его опахалом, и она придвигала к нему светильник, изображая сверканье молнии, и вертела ручную мельницу, пока не наступило утро.

И когда пришел ее муж, женщина сказала ему: «О господин, спроси попугая!» И купец подошел к попугаю и стал с ним разговаривать и расспрашивать его о прошлой ночи, и попугай молвил: «О господин, а кто же видел и слышал что-нибудь прошлой ночью?» — «Почему?» — спросил его купец. И он ответил: «О господин, из-за сильного дождя, ветра, грома и молнии».— «Ты лжешь,— сказал купец,— в прошедшую ночь ничего такого не было».— «Я рассказал тебе лишь то, что видел, чему был свидетелем и что слышал»,— ответил попугай. И купец счел ложью все, что он говорил про жену, и хотел помириться с женою, но та сказала: «Я не помирюсь, пока ты не зарежешь этого попугая, который налгал на меня».

И купец зарезал попугая, а потом он прожил со своей женой немного дней и увидел однажды того юношу турка выходящим из его дома, и узнал он тогда, что правду говорил попугай, а лгала его жена, и раскаялся, что зарезал попугая. И в тот же час и минуту он вошел к своей жене и зарезал ее и дал себе клятву, что не женится после нее ни на какой женщине, пока будет жив, и я осведомил тебя об этом, о царь, лишь для того, чтобы ты знал, что козни женщин велики и что поспешность порождает раскаяние».

И царь отказался от убиения своего сына.

А когда настал следующий день, невольница пришла к нему, и поцеловала землю перед ним, и сказала: «О царь, как ты пренебрег моим правом, и цари услышали про тебя, что ты отдал приказание, а потом отменил его твой вазир? Повиновение царям в том, чтобы исполнять их приказы, и всякий знает твою справедливость и твое правосудие. Возьми же за меня должное с твоего сына.

Дошло до меня, что один сукновал выходил на берег Тигра, чтобы валять сукно, и с ним выходил его сын и спускался в реку и плавал там, и отец ему этого не запрещал. И однажды, когда он плавал, у него устали руки, и он стал тонуть, и, увидев это, его отец вскочил и бросился к нему, но, когда отец схватил его, мальчик уцепился за него, и оба утонули. Так и ты, царь: если ты не запретишь этого твоему сыну и не возьмешь с него за меня должное, то боюсь, что вы оба утонете». А потом она молвила:

«Дошло до меня также о кознях мужчин, что один мужчина полюбил одну женщину, обладательницу красоты и прелести, у нее был муж, который ее любил, и она тоже его любила. А была эта женщина праведная и целомудренная, и влюбленный мужчина не находил к ней пути, и затянулось такое положение, и стал он придумывать хитрость. И у мужа этой женщины жил юноша, которого он воспитал в своем доме, и этот юноша был у него доверенным, и влюбленный человек пришел к нему и до тех пор к нему подлаживался подарками и милостями, пока юноша не стал ему послушен в том, что он от него требовал.

И однажды человек сказал ему: «О такой-то, не введешь ли ты меня к вам в дом, когда твоя госпожа уйдет оттуда?» И юноша ответил: «Хорошо!» И когда его госпожа пошла в баню, а господин его ушел в лавку, юноша пришел к своему другу и, взяв его за руку, привел в дом и показал ему все, что было в доме. А этот возлюбленный твердо решился подстроить женщине козни. Он взял с собой в посуде яичного белка и, подойдя к постели ее мужа, вылил его на постель, когда юноша не смотрел на него, а потом вышел из дома и ушел своей дорогой.

И через некоторое время пришел муж этой женщины и подошел к постели, чтобы отдохнуть, и увидел на ней какую-то сырость, и коснулся ее рукой и, посмотрев на жидкость, подумал про себя, что это мужское семя. И, взглянув на юношу гневным взором, он спросил его: «Где твоя госпожа?» — и юноша ответил: «Она пошла в баню и сейчас вернется». И муж ее уверился в своем предположении, и его разум одолела мысль, что это мужское семя, и он сказал юноше: «Ступай же сию минуту и приведи твою госпожу».

И когда она пришла, муж подскочил к ней и побил ее жестоким боем, а затем он скрутил ей руки и хотел зарезать

ее. И женщина закричала соседям, и те прибежали к ней, и женщина сказала: «Этот человек хочет меня зарезать, а я не знаю за собой греха!» И соседи напали на ее мужа и сказали ему: «Нет тебе к ней пути, и ты либо разведись с нею, либо удержи ее с достоинством. Мы знаем ее целомудрие, и она — наша соседка уже долгое время, и мы никогда не знали о ней дурного».— «Я видел в своей постели семя, подобное семени человека, и не знаю, что этому за причина»,— сказал ее муж. И один из присутствовавших поднялся и молвил: «Покажи мне его». И когда этот человек увидел жидкость, он сказал: «Подай мне огня и посудину!» — и ему принесли это, и он взял белок и изжарил его на огне. И муж женщины поел его и дал поесть присутствовавшим, и присутствовавшие убедились, что это яичный белок. И муж понял, что он несправедлив к жене и что она невиновна в этом.

А потом к нему пришли соседи и помирили его с женою, и не удалась хитрость того человека и козни, которые он придумал против женщины. Знай же, о царь, что таковы козни мужчины».

И царь велел убить своего сына.

Но выступил вперед второй вазир, и поцеловал перед царем землю, и сказал ему: «Не торопись убивать твоего сына: он достался своей матери лишь после утраты надежды, и мы надеемся, что он будет сокровищем в твоем царстве и хранителем твоего богатства. Потерпи же, о царь, может быть, у него есть доводы, которые он выскажет, а если ты поторопишься его убивать, ты раскаешься, как раскаялся купец».— «А как это было и какова его история, о вазир?» — спросил царь. И вазир сказал:

РАССКАЗ ВТОРОГО ВАЗИРА

«Дошло до меня, о царь, что был один купец, который был очень разборчив в еде и питье. И поехал он однажды в какую-то страну, и когда он ходил по рынкам, то вдруг увидел старуху, у которой было две хлебные лепешки. «Продашь ли ты их?» — спросил он старуху, и она ответила: «Да». И купец сторговал лепешки за самую дешевую цену и купил их у старухи. Он ушел с ними в свое жилище и съел их в тот же день, а когда наступило утро, он вернулся на то же самое место и опять увидел старуху с двумя

лепешками. Он купил у нее и эти две лепешки и поступал так в течение двадцати дней. А затем старуха исчезла, и купец стал про нее спрашивать и не нашел о ней вестей, но однажды, когда он был на одной из улиц, он вдруг увидел ее. И он остановился, и приветствовал старуху, и спросил, почему она исчезла и кончились лепешки. И когда старуха услышала его слова, она помедлила дать ответ, но купец стал заклинать ее рассказать ему о своем деле.

И старуха молвила: «О господин, выслушай от меня ответ. Дело лишь в том, что я служила у человека, у которого был рак в спинном хребте, и был у него врач, который брал муку, смешивал ее с топленым маслом и прикладывал к тому месту, которое болело, на всю ночь, пока не настанет утро. А я брала эту муку и делала из нее две лепешки и продавала ее тебе или другому. Этот человек умер, и лепешки у меня кончились».

И купец, услышав эти слова, воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И этого купца рвало, пока он не заболел, и раскаялся он, но не принесло ему пользы раскаяние.

Дошло до меня, о царь, также о кознях женщин, что один человек был палачом царя, а этот человек любил одну женщину. И он послал к ней однажды своего слугу с посланием, как это было между ними в обычае, и слуга сел подле женщины и стал с ней играть. И она нагнулась к нему и прижала его к груди, и слуга попросил у нее близости, и женщина послушалась его. И в это время вдруг господин этого слуги постучал в дверь, и тогда женщина взяла слугу и бросила его в подвал, а затем она открыла дверь, и тот вошел с мечом в руке. И он сел на постель женщины, и она подошла к нему и стала с ним шутить и играть, прижимая его к груди и целуя его, и человек поднялся и познал женщину.

И вдруг постучался к ней в дверь ее муж. «Кто это?» — спросил человек. И она ответила: «Мой муж». И человек спросил ее: «Что мне делать и как ухитриться?» — «Поднимайся, обнажи меч, стань в проходе и ругай меня и брани,— сказала женщина,— а когда войдет мой муж, уходи и отправляйся своей дорогой».

И человек сделал так, и муж женщины вошел и увидел, что палач царя стоит с обнаженным мечом в руке и бранит его жену и угрожает ей, а потом ему при виде мужа стало

стыдно, и он вложил меч в ножны и вышел из дома. «Что этому за причина?» — спросил человек свою жену, и та отвечала: «Благословен тот час, когда ты пришел! Ты освободил правоверную душу от смерти. Дело лишь в том, что я сидела на крыше и пряла, и вдруг вошел ко мне юноша, гонимый, потерявший рассудок, задыхающийся от страха смерти, а тот человек, обнажив меч, спешил за ним и торопился, преследуя его. И юноша упал передо мной, целуя мне руки и ноги, и сказал: «О госпожа, освободи меня от того, кто хочет меня убить безвинно!» И я спрятала его у нас в подвале. И, увидав, что тот человек вошел с обнаженным мечом, я стала отрицать, когда он спросил о юноше, и человек начал меня ругать и грозить мне, как ты видел. Слава Аллаху, который привел тебя ко мне! Я не знала, что делать, и подле меня никого не было, чтобы меня спасти».— «Прекрасно то, что ты сделала, о женщина,— сказал ей ее муж,— награда тебе у Аллаха, и да воздаст он тебе за твой поступок благом!»

Потом он подошел к подвалу и позвал юношу, говоря: «Выходи, с тобой не будет беды!» И юноша вышел из подвала, боясь, а муж женщины говорил ему: «Отдохни душою, с тобою не будет беды!» И он принялся соболезновать юноше из-за того, что с ним произошло, а юноша призывал на этого человека благо. А потом они оба вышли, и не знали они, что придумала эта женщина. Знай же, о царь, что это — одна из женских козней, и берегись полагаться на их слова».

И царь отказался от убиения своего сына.

А когда наступил третий день, пришла к царю та рабыня, поцеловала землю перед ним и сказала: «О царь, возьми за меня должное с твоего сына и не обращай внимания на слова твоих вазиров. Поистине, в дурных вазирах нет добра, и не будь таким, как царь, который положился на слова дурного вазира».— «А как это было?» — спросил царь, и рабыня сказала:

ВТОРОЙ РАССКАЗ НЕВОЛЬНИЦЫ

«Дошло до меня, о счастливый царь, обладатель правильного мнения, что у одного царя был сын, которого он любил и уважал крайним уважением и предпочитал всем своим детям. И однажды этот сын сказал ему: «О батюшка,

я хочу поехать на охоту и ловлю». И царь приказал снарядить его и велел одному из своих вазиров выехать с ним, чтобы служить ему и исполнять все его дела во время поездки. И этот вазир взял все, что было нужно мальчику для поездки, и выехали с ними слуги, помощники и прислужники, и отправились они на охоту. И они достигли земли, покрытой зеленью, где была трава, пастбища и вода и водилось много дичи. И сын царя подъехал к вазиру и осведомил его о том, какие развлечения ему нравились. И они пробыли в этой земле несколько дней, и сын царя жил наилучшей и приятнейшей жизнью.

А затем царевич приказал своим людям отправляться. И вдруг показалась перед ним газель, отбившаяся от своих подруг, и захотелось царевичу изловить эту газель, и он сильно пожелал этого. «Я хочу последовать за этой газелью»,— сказал он вазиру. И тот молвил: «Делай так, как тебе вздумалось!» И царевич погнался за газелью один, отделившись от других, и преследовал ее весь день, пока не наступила ночь. И газель взобралась на крутое место, и опустилась ночь, и он хотел вернуться обратно, но не знал, куда направиться, и пребывал в смущении. И он ехал на своем коне, пока не наступило утро, но не нашел себе помощи. И тогда он двинулся дальше и ехал в страхе, голодный и жаждущий, и не знал, куда направиться, пока не дошел день до половины и не стал его палить зной.

И вдруг подъехал он к городу с высокими постройками и уходящими ввысь колоннами, и был этот город безлюден и разрушен, и не было там никого, кроме сов и воронов. И когда царевич стоял подле этого города, дивясь на его следы, он вдруг бросил взгляд и увидел под одной из стен города девушку, которая плакала. И царевич подошел к ней и спросил: «Кто ты будешь?» И девушка отвечала: «Я — дочь ат-Темимы, дочери ат-Тайяха, царя Серой земли. Я вышла в один из дней, чтобы исполнить какое-то дело, и похитил меня ифрит из джиннов и полетел со мною между небом и землей. И поразила его огненная звезда, и он сгорел, а я упала сюда, и вот уже три дня, как я голодаю и томлюсь жаждой. И когда увидела я тебя, мне захотелось жить». И юноша почувствовал к ней сожаление и посадил ее сзади себя на коня и сказал: «Успокой свою душу и услади глаза! Если вернет меня Аллах, великий и славный, к моему племени и к моей семье, я отошлю тебя к твоим родным».

И царевич поехал, ища себе помощи, и девушка, сидевшая позади него, сказала: «О царевич, спусти меня,

чтобы я могла исполнить нужду под этой стеной». И царевич остановился и спустил девушку и стал ее ждать, а она спряталась за стеной и потом вышла, имея вид ужасающий. И когда царевич увидел ее, волосы поднялись у него дыбом, и разум покинул его, и испугался он девушки, и состояние его изменилось. А девушка вскочила и села на коня сзади царевича в самом что ни на есть ужасающем облике и сказала ему: «О царевич, почему это ты, я вижу, изменился в лице?» — «Я вспомнил о деле, которое меня заботит»,— ответил царевич. И девушка молвила: «Призови на помощь войска твоего отца и его богатырей». Но царевич ответил: «Тот, кто меня заботит, не испугается войск и не станет думать о богатырях».— «Помоги себе деньгами твоего отца и его сокровищами»,— сказала девушка. И царевич молвил: «Тот, кто меня заботит, не удовлетворится деньгами и сокровищами».— «Вы утверждаете,— молвила девушка,— что у вас есть на небе бог, который видит и невидим, и что он властен во всякой вещи».— «Да, у нас нет бога, кроме него»,— отвечал царевич. И девушка сказала: «Помолись ему, может быть, он освободит тебя от меня».

И царевич поднял взоры к небу и предался сердцем молитве и воскликнул: «Боже мой, я призываю тебя на помощь в том деле, которое меня заботит». И он указал рукою на девушку, и та упала на землю, сгорев точно уголек. И царевич прославил Аллаха и поблагодарил его, и он до тех пор ускорял ход, а Аллах, хвала ему и величие, облегчал ему путь и указывал ему дорогу, пока он не приблизился к своей стране и не прибыл в царство своего отца, после того как отчаялся в жизни.

И все это произошло по замыслу вазира, который уехал с ним, чтобы он погиб во время поездки, но Аллах великий помог ему. И я рассказала это тебе, о царь, только для того, чтобы ты знал, что у дурных вазиров не чисты намерения и не хороши тайные мысли об их царях. Будь же настороже от подобного дела».

И царь внял невольнице и послушался ее речей и велел убить своего сына, но вошел третий вазир и сказал: «Я избавлю вас от зла царя на сегодняшний день».

А потом этот вазир вошел к царю, поцеловал землю перед ним и сказал: «О царь, я тебе искренний советчик и забочусь о тебе и о твоем царстве и выскажу тебе разумное мнение: не спеши убивать твое дитя, усладу своих очей и частицу твоего сердца. Может быть, был его проступок

делом ничтожным, которое преувеличила перед тобою эта невольница. Дошло ведь до меня, что жители двух селений уничтожили друг друга из-за капли меда».— «А как это было?» — спросил царь. И вазир сказал:

РАССКАЗ ТРЕТЬЕГО ВАЗИРА

«Узнай, о царь! Дошло до меня, что один охотник охотился на зверей в пустыне, и в какой-то день он вошел в одну из горных пещер и нашел там яму, полную пчелиного меда. И он набрал немного этого меда в бурдюк, бывший у него, положил его на плечо и принес в город, а с ним была охотничья собака, и была эта собака ему дорога. И этот охотник остановился у лавки торговца маслом и предложил ему мед. И хозяин лавки купил мед и, развязав бурдюк, вынул его оттуда, чтобы взглянуть на него. И из бурдюка вытекла капелька меду, и около нее собрались мухи, и на них упала птица, а у масленика была кошка, и она подскочила к птице, и увидела ее собака охотника и подскочила к кошке и убила ее, и торговец ударил собаку и убил ее, и охотник подскочил к торговцу и убил его, а за торговца маслом стояло селение, и за охотника стояло другое селение, и об этом услышали люди и взяли оружие и доспехи и поднялись друг на друга в гневе, и ряды бойцов встретились, и ходил между ними меч до тех пор, пока не умерло из них множество людей — не знает числа их никто, кроме Аллаха великого!

Дошло до меня, о царь, в числе других рассказов о женских кознях, что муж одной женщины дал ей дирхем, чтобы купить на него рису. И она взяла дирхем и пошла к продавцу риса. И тот дал ей рис и стал с ней играть и подмигивать ей, говоря: «Рис хорош только с сахаром, и, если ты хочешь его, войди ко мне на минутку». И женщина вошла к нему в лавку, и продавец риса сказал своему рабу: «Отвесь ей на дирхем сахару»,— а потом сделал ему знак. И раб взял у женщины платок и, высыпав из него рис, положил вместо него земли, а вместо сахара он положил камней и завязал платок и оставил его подле женщины. И женщина вышла от продавца и взяла свой платок и ушла домой, думая, что в платке рис и сахар, а придя домой, она положила платок перед мужем, и тот нашел там землю и камни.

И когда женщина принесла котелок, ее муж сказал ей: «Разве мы тебе говорили, что у нас идет постройка, что ты

принесла нам земли и камней? И, увидя это, жена поняла, что раб продавца сыграл с нею шутку, и сказала своему мужу (а она пришла с котелком в руке): «О человек, от заботы, которая поразила меня, я пошла принести сито, а принесла котелок».— «А что тебя озаботило?» — спросил ее муж. И она сказала: «О человек, дирхем, что был у меня, выпал на рынке, и мне было стыдно перед людьми искать его, но не легко мне было, что дирхем пропадет. И я собрала землю с того места, где упал дирхем, и хотела ее просеять, и вот я пошла принести сито, а принесла котелок».

И она пошла и принесла сито и, дав его мужу, сказала: «Просей ее, твой глаз здоровее моего глаза». И этот человек сидел и просеивал землю, пока его лицо и борода не наполнились пылью, но он не догадался о коварстве своей жены и о том, что из-за нее случилось.

Вот, о царь, один из примеров козней женщины. Посмотри на слова Аллаха великого: «Поистине, козни ваши велики!» А вот еще слова его (хвала ему и величие!): «Поистине, козни сатаны были слабы!»

И когда услышал царь слова вазира, они удовлетворили его, и умилостивили, и отвратили от его гнева. И обдумал он сказанные вазиром слова Аллаха, и засияли огни благого совета в небесах его разума и мысли, и отказался он от упорного желания убить сына.

Но когда наступил четвертый день, невольница вошла к царю и, поцеловав землю перед ним, сказала: «О счастливый царь, обладатель правильного мнения, я доказала тебе мое право, но ты обидел меня и пренебрег отмщением моему обидчику, так как он — твой сын и кровь твоего сердца. Но поддержит меня против него Аллах, великий и славный, как поддержал Аллах царевича против вазира и его отца».— «А как это было?» — спросил ее царь. И она сказала:

ТРЕТИЙ РАССКАЗ НЕВОЛЬНИЦЫ

«Дошло до меня, о царь, что у одного царя из ушедших царей был сын, и не было у него других детей. И когда достиг этот ребенок зрелости, отец женил его на дочери другого царя, и это была девушка, обладавшая красотой и прелестью. А у нее был двоюродный брат, который сватал ее, но она не соглашалась выйти за него замуж. И когда он узнал, что царевна вышла замуж за другого, его взяла ревность. И двоюродный брат девушки решил послать

подарки вазиру того царя, который женил на этой девушке своего сына. И он послал вазиру великие подарки, и передал ему много денег, и попросил его ухитриться заманить царевича в какую-нибудь ловушку, которая будет причиной его гибели. И он послал сказать вазиру: «О вазир, я так ревную дочь моего дяди, что это побудило меня на подобное дело!» И когда подарки прибыли к вазиру, тот послал сказать юноше: «Успокой свою душу и услади глаза: ты получишь от меня все, что ты желаешь».

А царь, отец девушки, прислал за царевичем, прося его прибыть в его страну, чтобы войти к его дочери. И когда письмо прибыло к царевичу, его отец позволил ему отправиться и послал с ним того вазира, к которому пришли подарки, и послал с ним тысячу всадников и подарки, и носилки, и шатры, и палатки. И вазир поехал с царевичем, затаив желание подстроить ему ловушку, и задумал он в сердце против него зло. И когда оказались они в пустыне, вазир вспомнил, что там в горах есть ручей с текучей водой, называемый Блестящим, и что всякий, кто попьет из него, если это мужчина, обратится в женщину. И когда вазир вспомнил об этом, он приказал воинам спешиться поблизости от этого ручья, а сам сел на коня и сказал царевичу: «Не хочешь ли ты отправиться со мной и посмотреть на ручей с водой в этом месте?»

И царевич сел на коня и поехал с вазиром своего отца, а больше с ним никого не было. И они ехали до тех пор, пока не достигли этого ручья, и царевич сошел с коня и вымыл руки и напился из ручья, и вдруг он сделался женщиной! И, узнав об этом, он стал кричать и плакать, так что лишился сознания. И вазир подошел к нему и стал ему соболезновать в том, что его поразило, и говорить ему: «Что тебя поразило?» И мальчик рассказал ему, и когда вазир услышал его слова, он стал горевать и плакать: «Да защитит тебя Аллах великий от такого дела! Как постигло тебя подобное бедствие и поразило тебя столь великое несчастье, когда мы ехали, радуясь, что ты войдешь к дочери царя! — воскликнул вазир.— Теперь я не знаю, отправляться ли нам к ней или нет, и решение принадлежит тебе. Что же ты мне прикажешь?» — «Возвращайся к моему отцу,— сказал юноша,— и расскажи ему, что со мной случилось: я не двинусь отсюда, пока не уйдет от меня это дело, или я умру в печали».

И царевич написал своему отцу письмо, осведомляя его о том, что с ним случилось, и вазир взял письмо и отправился назад, в город царя, оставив воинов и юношу и с ним

войска, которые его сопровождали, и втайне он радовался тому, что сделалось с царевичем. И вазир вошел к царю и осведомил его о случае с его сыном и передал ему его письмо, и царь опечалился о своем сыне великой печалью. А затем он послал к мудрецам и людям, знающим тайны, чтобы они разъяснили ему дело, которое случилось с его сыном, но ни один из них не дал ему ответа.

А вазир послал к двоюродному брату девушки радостную весть о том, что случилось с царевичем. И когда письмо прибыло к нему, тот юноша сильно обрадовался, и ему захотелось жениться на дочери своего дяди, и он послал вазиру великие подарки и большие деньги и поблагодарил его великой благодарностью.

Что же касается царевича, то он оставался у этого ручья три дня и три ночи и не ел и не пил, и положился он в том, что с ним случилось, на Аллаха, великого и славного, уповающий на которого не обманется. И когда наступила четвертая ночь, вдруг появился перед ним всадник с венцом на голове, имевший вид царского сына, и этот всадник спросил царевича: «Кто привел тебя сюда, о юноша?» И юноша осведомил его о том, что его поразило, и рассказал ему, что он ехал к своей жене, чтобы войти к ней, и сообщил ему также, что вазир привел его к ручью с водой, и он напился из него, и случилось с ним то, что случилось. И пока юноша рассказывал, его все время одолевал плач, и он начинал плакать.

И когда всадник услышал его слова, он пожалел его и сказал: «Это вазир твоего отца вверг тебя в такую беду, так как про этот ручей не знает из людей никто, кроме него». А затем всадник велел ему сесть на коня, и юноша сел, и всадник сказал ему: «Поедем со мной в мое жилище, ты будешь у меня гостем сегодня вечером».— «Скажи мне, кто ты, чтобы я поехал с тобою»,— сказал юноша, и всадник ответил: «Я — сын царя джиннов, а ты — сын царя людей; успокой же душу и услади глаза тем, что прекратит твою заботу и горе: это для меня дело ничтожное».

И юноша отправился с ним в начале дня и оставил своих воинов и витязей и ехал до полуночи, и тогда сын царя джиннов спросил его: «Знаешь ли ты, сколько мы проехали за это время?» — «Не знаю»,— ответил юноша. И сын царя джиннов сказал ему: «Мы проехали расстояние в год пути для спешащего путешественника». И царевич удивился этому и спросил: «Что мне делать и как вернуться к моей семье?» И всадник ответил: «Это не твое дело, а мое дело, и когда ты исцелишься от твоей болезни, ты возвратишься

к твоей семье быстрее, чем в мгновение ока, и это для меня дело ничтожное». И юноша, услышав от джинна эти слова, сильно обрадовался, и ему показалось, что он во сне. «Слава всевластному за то, что он делает несчастного счастливым!» — воскликнул он в радости. И они ехали до тех пор, пока не настало утро. И вдруг увидели землю, покрытую зеленью и цветущую, с высокими деревьями, поющими птицами, прекрасными садами и великолепными дворцами. И сын царя джиннов сошел с коня, и приказал юноше спешиться, и, взяв его за руку, вошел с ним в один из этих дворцов, и царевич увидал царя, высокого властью, и саном, и могуществом. И он провел у сына царя джиннов этот день за едой и питьем. А когда настала ночь, сын царя джиннов поднялся и сел на своего коня, и сын царя людей тоже сел с ним, и они выехали под покровом ночи, ускоряя ход, и ехали, пока не наступило утро.

И вдруг они оказались в черной земле, не населенной, полной скал и черных камней, подобной куску геенны, и сын царя людей спросил: «Как называется эта земля?» И джинн ответил: «Она называется земля Черная, и принадлежит она царю из царей джиннов, по имени Двукрылый, на которого не может напасть никто из царей, и ни один из них не вступит в нее без его дозволения. Постой же на месте, пока мы не спросим у него позволения». И юноша остановился, и джинн скрылся на минуту и вернулся к нему. И они поехали, и ехали до тех пор, пока не достигли ручья с водой, вытекавшего из черных гор. «Сходи!» — сказал джинн юноше, и юноша сошел с коня. И тогда джинн сказал ему: «Напейся из этого ручья». И юноша напился и в тот же час и минуту снова стал мужчиной, как раньше, по могуществу Аллаха великого.

И юноша обрадовался сильной радостью, больше которой не бывает, и спросил джинна: «О брат мой, как называется этот ручей?» — «Он называется ручьем Женщин,— ответил джинн,— и всякая женщина, которая из него выпьет, сделается мужчиной. Воздай же хвалу Аллаху великому, поблагодари его за выздоровление и садись на коня». И царевич пал ниц, благодаря Аллаха великого, и они сели на коней и ехали, ускоряя ход, остаток дня, пока не возвратились в землю джиннов. И юноша провел у него ночь в приятнейшей жизни, и они ели и пили, пока не пришла другая ночь.

И затем сын царя джиннов сказал ему: «Хочешь ли ты вернуться к своей семье сегодня ночью?» — «Да, я хочу этого, так как это мне нужно»,— ответил царевич. И тогда

сын царя джиннов позвал одного из рабов своего отца, по имени Раджиз, и сказал ему: «Возьми от меня этого юношу, посади его на плечо и не дай наступить утру раньше, чем он будет подле своего тестя и своей жены».— «Слушаю и повинуюсь, с любовью и удовольствием!» — ответил раб. А потом он скрылся на минуту и вернулся в образе ифрита, и когда юноша увидел его, его разум покинул его, и он был ошеломлен. «С тобой не будет беды! — сказал ему сын царя джиннов,— садись на коня и взойди на нем к нему на плечо».— «Нет, я сяду, а коня оставлю у тебя»,— ответил юноша. А потом он сошел с коня и сел рабу на плечо, и сын царя джиннов сказал ему: «Зажмурь глаза!» И он зажмурил глаза, и раб полетел с ним между небом и землей, и летел не переставая, а юноша не помнил себя, и не прошла последняя треть ночи, как юноша оказался над дворцом своего тестя. И когда он спустился на крышу дворца, ифрит сказал ему: «Сходи!» — и он сошел. И ифрит молвил: «Открой глаза: вот дворец твоего тестя и его дочери».

И затем он оставил его и удалился, и когда засиял день и страх юноши утих, он спустился с крыши дворца. И, увидев юношу сходящим с крыши, его тесть поднялся навстречу, дивясь, что увидел его на крыше дворца. «Мы видели, что люди входят в двери, а ты спускаешься с небес»,— сказал он ему. И царевич ответил: «Было так, как захотел Аллах, слава ему и величие!» И царь удивился этому и обрадовался спасению царевича, а когда взошло солнце, тесть царевича приказал своему вазиру устроить великое пиршество, и тот устроил пиршество, и свадьбу справили как следует. А потом царевич вошел к своей жене и провел у нее два месяца, и затем он уехал в город своего отца.

Что же касается двоюродного брата девушки, то он погиб от ревности и ярости, когда вошел к ней сын царя. И Аллах, великий и славный, помог царевичу против него и против вазира его отца. И он прибыл к своему отцу с женой в наилучшем состоянии и полном счастье, и отец встретил его со своими воинами и вазирами. И я прошу Аллаха великого, чтобы он дал тебе победу над твоими вазирами, о царь, и прошу тебя взять за меня должное с твоего сына».

И царь, услышав это от невольницы, приказал убить своего сына.

А было это в день четвертый, и вошел к царю четвертый вазир, и поцеловал землю перед ним, и сказал: «Да укрепит

Аллах царя и да поддержит его! О царь, помедли в том деле, на которое ты решился, ибо разумный не делает дела, не посмотрев, каковы его последствия, и говорит пословица: «Кто не обдумывает последствий, тому судьба — не друг». Дошел до меня, о царь, рассказ о кознях женщин».— «А что до тебя дошло?» — спросил царь, и вазир ответил:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТОГО ВАЗИРА

«Дошло до меня, о царь, что была одна женщина, красивая, прелестная, блестящая и совершенная, которой не было равных. И увидали ее какие-то юноши соблазнители, и привязался к ней один из них и полюбил ее великою любовью. А эта женщина воздержалась от прелюбодеяния, и не было у нее до этого охоты.

И случилось, что муж ее уехал однажды в какую-то страну, и юноша стал каждый день по многу раз посылать к ней, но она ему не отвечала. И юноша отправился к одной старухе, жившей поблизости, и приветствовал ее и сел и начал жаловаться на любовь, которая его поразила, и на страсть к этой женщине и говорить, что он хочет сближения с нею. «Я ручаюсь тебе за это, и с тобой не будет беды; я приведу тебя к тому, что ты хочешь, если пожелает Аллах великий»,— сказала старуха. И, услышав эти слова, юноша дал ей динар и ушел своей дорогой.

А когда настало утро, старуха пошла к той женщине и возобновила с ней дружбу и знакомство, и стала старуха заходить к ней каждый день, и обедала с ней, и ужинала, и брала у нее кушанье для своих детей. И эта старуха играла с женщиной и веселила ее, пока не испортила ее природу, и ей сделалось невозможно расстаться с старухой на один час. И случилось однажды, что старуха, выходя от женщины, взяла с собой хлеба, положила в него много жиру и пряностей и кормила этим собаку в течение нескольких дней, и эта собака стала ходить за ней следом из-за ее заботливости и милости.

И в какой-то день старуха взяла много пряностей и жиру и накормила им собаку. И когда собака поела, у нее стали слезиться глаза от острого перца, и собака пошла следом за старухой, плача. А женщина до крайности удивилась и спросила старуху: «О матушка, почему эта собака плачет?» — «О дочка,— отвечала старуха,— у нее удивительная история. Это была женщина, моя товарка и подруга, отличавшаяся красотой, прелестью, блеском и совершен-

ством, и к ней привязался один юноша на ее улице и почувствовал к ней сильную любовь и страсть, так что не покидал постели. И он посылал к ней много раз, надеясь, что она смягчится к нему и пожалеет его, но она отказывалась, а я советовала ей и говорила: «О дочка, послушайся его во всем, что он тебе говорил, пожалей его и будь с ним ласкова»,— но она не приняла моего совета. И когда истощилось терпение этого юноши, он пожаловался кому-то из своих друзей, и те устроили с ней колдовство и переменили ее человеческий образ на образ собаки. И когда она увидела, что ей досталось, в каком она состоянии и как изменился ее образ (а не нашлось никого из тварей, кто бы над ней сжалился, кроме меня), она пришла ко мне в мое жилище и стала ко мне ласкаться и целовать мне руки и ноги, плача и рыдая. И я узнала ее и сказала ей: «Часто я тебе советовала, но не дали тебе мои советы никакой пользы» И когда я увидела ее в таком положении, о дочка, мне стало ее жаль, и я оставила ее у себя. И вот она такая, как есть, и всякий раз, как она вспоминает о том, что было с ней прежде, она оплакивает себя».

И когда женщина услышала слова старухи, ее охватил великий страх, и она воскликнула: «О матушка, клянусь Аллахом, ты испугала меня этим рассказом!» — «Чего ты боишься?» — спросила старуха. И женщина ответила: «Один красивый юноша проникся любовью ко мне и несколько раз ко мне присылал, а я отказывалась, и теперь я боюсь, что со мной случится то же, что случилось с этой собакой».— «Берегись, о дочка, прекословить, я очень боюсь за тебя,— молвила старуха.— Если ты не знаешь, где он живет, то скажи мне, каков его облик, и я приведу его к тебе. Не позволяй ничьему сердцу из-за тебя огорчаться».

И женщина описала старухе юношу, а старуха притворялась незнающей и делала вид, что с ним незнакома, и потом она сказала: «Я пойду и буду о нем спрашивать». А выйдя от женщины, старуха пошла к юноше и сказала ему: «Успокой свою душу: я сыграла шутку с той женщиной. Завтра, в час пополудни, приходи и стой в начале улицы, пока я не приду. Я возьму тебя, и мы пойдем в ее жилище, и ты провеселишься у нее остаток дня и всю ночь».

И юноша обрадовался сильной радостью, и дал старухе два динара, и сказал: «Когда удовлетворю свою страсть, я дам тебе десять динаров». А старуха вернулась к женщине и сказала ей: «Я с ним познакомилась, и поговорила об

этом деле, и увидела, что он очень на тебя сердится и намерен тебе повредить, и я все время уговаривала его прийти завтра к призыву на полуденную молитву». И женщина обрадовалась сильной радостью и воскликнула: «О матушка, если его сердце успокоится и он придет ко мне в полдень, я дам тебе десять динаров».— «Ты узнаешь о его приходе только от меня»,— отвечала старуха. И когда наступило утро, старуха сказала ей: «Приготовь обед, принарядись и надень самое дорогое, что у тебя есть, а я пойду и приведу его к тебе».

И женщина принялась наряжаться и готовить кушанье. А что до старухи, то она вышла и стала поджидать юношу, но тот не пришел. И старуха походила, разыскивая его, но не напала на след его. И тогда она сказала про себя: «Что делать? Неужели еда, которую она приготовила, и деньги, которые она мне обещала, погибнут напрасно? Нет, я не дам этой хитрости пропасть даром, а поищу кого-нибудь другого и приведу к ней!» И когда она так ходила по улице, она вдруг увидела красивого и прекрасного юношу, со следами путешествия на лице, и подошла к нему, и приветствовала его, и спросила: «Не желаешь ли кушаний и напитков и готовой для тебя женщины?» — «А где это?» — спросил человек. И старуха ответила: «У меня, в моем доме».

И человек пошел со старухой, а та не знала, что он — муж той женщины. И, подойдя к дому, она постучала в ворота, и женщина отперла ей ворота. И когда старуха входила, она убежала, чтобы приготовиться, одеться и надушиться. И старуха ввела мужчину в комнату для гостей, будучи в великой досаде. А когда та женщина вошла и ее взор упал на человека, рядом с которым сидела старуха, она поспешила придумать хитрость и обман и в тот же час и минуту сообразила, что делать.

Она стянула с ноги башмак и сказала своему мужу: «Не таковы обеты между мною и тобой! Как это ты меня обманываешь и делаешь со мною такие дела! Когда я услышала о твоем приезде, я испытала тебя с помощью этой старухи и ввергла тебя в то, от чего я тебя предостерегала. Я теперь хорошо узнала, каковы твои дела, и ты нарушил обет, бывший между нами. Я до сих пор думала, что ты чист, но увидела тебя своими глазами с этой старухой, и ты ходишь к распутным женщинам!» И она стала бить его башмаком по голове, а он отрекался от всего и клялся ей, что он в жизни ее не обманывал и ничего не сделал из того, в чем она его заподозрила. И он не переставал клясться Аллахом вели-

ким, а жена била его, и плакала, и кричала: «Сюда, о мусульмане!» И он зажимал ей рот рукой, а она его кусала. И муж ее стал перед ней унижаться и целовал ей руки и ноги, но она не соглашалась его простить и не переставала бить его рукой по шее.

А потом она подмигнула старухе, чтобы та удержала ее руку. И старуха подошла к ней, и стала целовать ей руки и ноги, и наконец усадила их. И когда они сели, муж начал целовать старухе руки и говорил ей: «Да воздаст тебе Аллах великий всяким благом за то, что ты меня от нее вызволила!» А старуха дивилась хитрости женщины и ее коварству. Вот, о царь, один из примеров коварства женщин, их хитростей и козней».

И, услышав все это, царь извлек назидание из рассказа вазира и отказался от убиения своего сына.

Когда же настал пятый день, невольница вошла к царю, держа в руках кубок с ядом, и стала взывать о помощи и бить себя по щекам и по лицу и сказала: «О царь, или ты окажешь мне справедливость и возьмешь с твоего сына за меня должное, или я выпью этот кубок яда и умру, и грех за меня останется на тебе до дня воскресения. Твои вазиры приписывают мне козни и коварство, но нет в мире никого коварнее их. Разве не слышал ты, о царь, рассказ о ювелире и невольнице?» — «А что произошло между ними, о девушка?» — спросил царь. И девушка сказала:

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ НЕВОЛЬНИЦЫ

«Дошло до меня, о счастливый царь, что был некий ювелир, предававшийся любви к женщинам и питью вина. И однажды он вошел к одному своему другу и, посмотрев на стену в его доме, увидел нарисованное изображение девушки, лучше, прекрасней и изящней которой никто не видывал. И ювелир стал часто взглядывать на нее, дивясь красоте этого образа, и любовь к изображению девушки запала ему в сердце, так что он заболел и стал близок к гибели. И один из его друзей пришел навестить его и, сев подле него, стал его расспрашивать, как он поживает и на что жалуется. И ювелир сказал: «О брат мой, вся моя болезнь и все, что меня поразило,— от любви. Я влюбился в изображение, нарисованное на стене у такого-то, моего друга». И приятель ювелира стал упрекать его и сказал: «Это от твоего малоумия! Как ты полюбил изображение на стене, которое не полезно, не вредно, не видит и не слышит,

не берет и не отказывается?» — «Художник изобразил ее не иначе, как по подобию прекрасной женщины», — сказал ювелир. И его друг молвил: «Может быть, тот, кто ее рисовал, создал ее из своей головы». — «Как бы то ни было, я умираю от любви к ней, — сказал ювелир. — Если есть на свете существо, сходное с этим изображением, я надеюсь, что Аллах великий продлит мою жизнь до тех пор, пока я его не увижу».

И когда присутствовавшие ушли, они стали расспрашивать, кто рисовал эту женщину, и оказалось, что художник уехал в какую-то страну. И они написали ему письмо, жалуясь на положение их друга и спрашивая об этой картине и откуда она произошла: создал ли он ее по воображению или видел ей подобие на свете. И рисовавший прислал им такой ответ: «Я нарисовал это изображение по подобию девушки, певицы одного вазира, и она в городе Кашмире, в краях Индии».

И когда ювелир услышал об этом (а он жил в стране персов), он собрался и выехал, направляясь в страны Индии, и достиг того города после великих странствий. А вступив в этот город и расположившись там, он пошел однажды к одному москательщику, жившему в этом городе (а этот москательщик был человек острый, понятливый и разумный), и спросил про их царя и его поведение. «Что до нашего царя, — сказал москательщик, — то он справедлив, поступает хорошо, благодетельствует жителям своего царства и творит правый суд над подданными, и не любит он на свете только одних колдунов. Когда попадается ему в руки колдун или колдунья, он бросает их в колодец за городом и оставляет их там голодать, пока они не умрут». Потом ювелир стал расспрашивать москательщика о вазирах. И москательщик рассказал ему о жизни каждого вазира и о том, как тот поступает, и наконец разговор привел к той девушке-певице, и москательщик сказал: «Она у такого-то вазира».

И ювелир после этого прождал несколько дней, пока не придумал хитрость. А потом, в одну дождливую ночь, с громом и сильным ветром, он вышел, взяв с собой воровские принадлежности, и отправился к дому вазира, господина той девушки. Он прицепил к стене крючьями лестницу и поднялся на крышу дворца, а взобравшись туда, он посмотрел на двор и увидел, что все невольницы спят, каждая на своем ложе. И он увидел ложе из мрамора, на котором лежала девушка, подобная луне, когда она засияет в четырнадцатую ночь месяца. И он направился к ней, и сел

у ее изголовья, и снял с нее покрывало, и вдруг оказалось, что покрывало на ней золотое и в головах у нее свечи, и каждая из них в подсвечнике из рдеющего золота, а свечи — из амбры. А под подушкой у девушки была серебряная шкатулка, в которой лежали все ее украшения, и она стояла закрытая у нее в головах.

И ювелир вынул нож и ударил им девушку в ягодицу и нанес ей небольшую рану. И девушка проснулась, испуганная и устрашенная, и, увидав ювелира, побоялась кричать и молчала, думая, что он хочет взять ее богатства. «Воэьми штакулку с тем, что в ней есть, тебе нет пользы убивать меня, и я под защитой твоего благородства», — сказала она. И ювелир взял шкатулку с тем, что в ней было, и ушел. Когда же настало утро, он надел свои одежды и, захватив с собой шкатулку, в которой были украшения, пошел к правителю этого города, поцеловал перед ним землю и сказал: «О царь, я человек тебе преданный, и родом я из земли хорасанской. Я пришел, чтобы переселиться к твоему величеству, так как распространились вести о твоих кротких поступках и справедливости твоей к подданным, и захотелось мне быть под твоим знаменем. Я достиг этого города в конце сегодняшнего дня и, найдя ворота запертыми, лег перед ними. И когда я был между сном и бодрствованием, я вдруг увидел четырех женщин, одна из которых была верхом на помеле, а одна верхом на опахале, и понял я, о царь, что зто колдуньи, которые летят в твой город. И одна из них приблизилась ко мне, и пихнула меня ногой, и ударила меня лисьим хвостом, бывшим у нее в руке, и сделала мне больно. И охватил меня от удара гнев, и я ударил ее бывшим у меня ножом и попал ей в ягодицу, когда она повернулась, уносясь. И когда я ее ранил, она убежала и уронила вот эту шкатулку с тем, что в ней есть, и я взял ее, и открыл, и увидел в ней зти дорогие украшения. Возьми их, мне нет в них надобности, так как я человек странствующий по горам, и я изгнал земную жизнь иэ своего сердца и отказался от мира с его благами и стремлюсь к лику Аллаха великого». И он оставил шкатулку перед царем и ушел.

И когда он вышел от царя, царь открыл шкатулку и, вынув оттуда все украшения, стал их вертеть в руках и нашел среди них одно ожерелье, которое он пожаловал тому вазиру, господину девушки. И он призвал этого вазира и, когда тот явился, сказал ему: «Вот ожерелье, которое я тебе подарил». И, увидав ожерелье, вазир узнал его и сказал царю: «Да, а я подарил его одной моей невольнице-певи-

це».— «Приведи мне эту девушку сейчас же!» — сказал царь вазиру. И тот привел девушку, и, когда она явилась к царю, царь сказал: «Обнажи ей ягодицы и посмотри, есть там рана или нет». И вазир обнажил ягодицы девушки и увидел на них ножевую рану и сказал царю: «Да, о владыка, там есть рана».— «Это колдунья, как сказал мне тот праведник, наверное и без сомнения!» — сказал царь вазиру. И потом царь велел бросить девушку в колодец колдунов, и ее отправили в колодец в тот же день.

А когда наступила ночь и ювелир узнал, что его хитрость удалась, он пришел к сторожу колодца, неся в руке мешок, в котором была тысяча динаров, и просидел, беседуя со сторожем, до первой трети ночи, а потом он начал с ним разговор и сказал: «Знай, о брат, что та девушка невиновна в беде, о которой рассказывают, и это я вверг ее в несчастье». И он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и затем сказал: «О брат мой, возьми этот мешок, в нем тысяча динаров, и отдай мне девушку: я уеду с ней в мою страну. Эти динары для тебя полезнее, чем заточение девушки; воспользуйся же наградой за нас, и мы оба будем призывать на тебя благо и безопасность». И сторож, услышав рассказ ювелира, до крайности удивился его хитрости, и взял мешок с тем, что в нем было, и отдал ювелиру девушку с условием, что он не пробудет с ней в этом городе ни одного часа. И ювелир сейчас же взял девушку и быстро ехал, пока не прибыл в свою страну, достигнув желаемого.

Посмотри же о царь, каковы козни мужчин и их хитрость. Твои вазиры удерживают тебя от того, чтобы взять за меня должное, а завтра мы будем с тобой стоять перед справедливым судьей, и он взыщет с тебя, о царь».

И царь, услышав слова девушки, приказал убить своего сына.

И вошел к нему пятый вазир, и поцеловал землю перед ним, и сказал: «О царь, великий саном, повремени и не торопись убивать своего сына! Нередко за поспешностью следует раскаяние, и я боюсь, что ты будешь каяться, как каялся человек, который в жизни больше не смеялся».— «А как это было, о вазир?» — спросил царь. И вазир сказал:

«Дошло до меня, о царь, что был один человек из родовитых и благоденствующих, и были у него деньги, и слуги, и рабы, и поместья, и умер он и преставился к милости великого Аллаха и оставил маленького сына. И когда мальчик вырос, он принялся есть и пить и слушать музыку и песни и проявлял щедрость и раздавал, и истратил деньги, которые оставил ему отец, так что все это богатство пропало, и от него ничего не осталось, и юноша стал продавать рабов и невольниц и поместья и истратил все, что у него было: и деньги отца и прочее, и так обеднел, что стал работать вместе с рабочими. И он провел таким образом год. И когда, в один из дней, он сидел у стены, поджидая, пока кто-нибудь его наймет, вдруг приблизился к нему человек, прекрасный лицом и одеждой, и приветствовал его, и юноша спросил: «О дядюшка, разве ты знал меня до сей поры?» — «Я совсем не знал тебя, о юноша,— отвечал подошедший,— но я вижу на тебе следы благоденствия, хотя ты теперь в таком положении».— «О дядюшка,— отвечал юноша,— исполнился приговор и предопределение. Есть ли у тебя, о дядюшка, о светлоликий, какое-нибудь дело, для которого ты меня наймешь?» — «О дитя мое,— отвечал подошедший,— я хочу нанять тебя для дела нетрудного».— «А что это такое, о дядюшка?» — спросил юноша. И подошедший сказал: «Со мной десять старцев в одном доме, и нет у нас никого, кто бы исполнял наши просьбы. У нас для тебя столько еды и одежды, что тебе хватит, и ты будешь прислуживать нам, и будет тебе от нас то благо и те деньги, которые тебе достанутся, и, может быть, Аллах вернет тебе через нас счастье».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил юноша. А старец сказал ему: «У меня есть одно условие».— «А какое оно, твое условие, о дядюшка?» — спросил юноша. И старец сказал: «О дитя мое, такое, чтобы ты скрывал наши тайны и то, что ты у нас увидишь, и когда ты увидишь, что мы плачем, не спрашивай о причине нашего плача».— «Хорошо, о дядюшка»,— ответил юноша. И тогда старец сказал ему: «О дитя мое, пойдем со мной, по благословению Аллаха великого!»

И юноша пошел вслед за старцем, и тот привел его к бане, и ввел его туда, и смыл с него грязь, а затем старец послал человека, и тот принес красивое полотняное платье, и старец одел в него юношу и отправился с ним домой к своим людям. И когда юноша вошел, он увидел себя в доме, высоко построенном, с крепкими колоннами, об-

шириом, с покоями, расположенными друг против друга, и залами, и в каждой зале был бассейн с водой, над которым щебетали птицы, а окна выходили со всех сторон в прекрасный сад в этом же дворе. И старец ввел юношу в один из покоев, и юноша увидел, что он украшен разноцветным мрамором, и потолок в нем расписан лазурью и ярким золотом, а пол устлан шелковыми коврами, и он нашел там десять старцев, которые сидели друг против друга, одетые в одежды печали, и плакали и рыдали, и удивился им и решил спросить старца, но вспомнил условие и удержал свой язык.

И старец вручил юноше сундук, в котором было тридцать тысяч динаров, и сказал ему: «О дитя мое, трать на нас и на себя из этого сундука должным образом, пользуясь доверием, и помни, что я тебе велел». И юноша отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И он тратил на старцев деньги в течение многих дней и ночей, и потом один из них умер, и его товарищи взяли его, и обмыли, и завернули в саван, и похоронили в саду за домом, и смерть не переставала брать одного за одним, пока не остался только тот старец, который нанял юношу. И они с юношей жили в этом доме, и не было с ними третьего, и прожили таким образом несколько лет, а затем старец заболел.

И когда юноша потерял надежду, что он останется жив, он пришел к нему и высказал ему свое горе, а потом сказал: «О дядюшка, я служил вам и не был небрежен, прислуживая вам, ни одного часа в течение двенадцати лет, но был вам предан и ревностно прислуживал вам, как мог».— «Да, о дитя мое,— ответил старец,— ты прислуживал нам, пока не умерли эти старцы и не преставились к Аллаху, великому, славному, и нам не избежать смерти».— «О господин мой,— молвил юноша,— ты в опасности, и я хочу, чтобы ты осведомил меня, какова причина вашего плача и постоянных ваших рыданий, и печалей, и вздохов».— «О дитя мое,— отвечал старец,— нет тебе в этом никакой нужды; не заставляй же меня сделать то, чего я не могу. Я просил Аллаха великого, чтобы он никого не испытывал моим испытанием, и, если ты захочешь спастись от того, во что мы впали, не открывай вон той двери». И он указал ему рукою на дверь и предостерег его, чтобы он не открывал ее, и молвил: «А если ты хочешь, чтобы тебя поразило то, что поразило нас, открой ее: ты узнаешь причину того, что ты видел, и будешь раскаиваться, когда раскаяние окажется бесполезно». И затем болезнь старца усилилась, и он умер, и юноша обмыл его своей рукой, и завернул в саван, и за-

рыл его возле его товарищей. И юноша продолжал сидеть в этом помещении, запертом со всем тем, что там находилось, и несмотря на это, был он тревожен и размышлял о том, что случилось со старцем. И в один из дней он раздумывал о словах старца, который завещал ему не открывать двери, и вдруг пришло ему на ум взглянуть на нее. И он поднялся и пошел в ту сторону и искал, пока не увидел маленькую дверь, на которой паук свил гнездо, и было на двери четыре стальных замка; и когда юноша посмотрел на нее, он вспомнил, от чего предостерегал его старик, и отошел от двери. Но душа его стала его соблазнять открыть дверь, и он удерживался семь дней, но на восьмой день любопытство одолело его, и он воскликнул: «Обязательно открою дверь и посмотрю, что со мной из-за этого произойдет! Приговора Аллаха великого и судьбы не отвратить ничем, и никакое дело не случится, если не по воле его».

И он поднялся и открыл дверь, сломав сначала замки. И, открыв дверь, он увидел узкий проход, и он пошел по нему и шел часа три, и вдруг вышел на берег большого потока. И юноша удивился этому и стал ходить по берегу, оглядываясь направо и налево, и вдруг большой орел спустился по воздуху и поднял этого юношу в когтях и летел с ним между небом и землей, пока не прилетел на остров посреди моря. И он бросил юношу на этом острове и удалился, а юноша впал в смущение, не зная, куда ему направиться.

И когда, в один из дней, он сидел, вдруг заблестели на море паруса судна, подобно звездочке в небе, и мысли юноши привязались к этому судну, и понадеялся он, что в нем будет его спасение. И он стал смотреть на судно, и оно подплыло к нему близко. И когда судно подплыло, юноша увидел челнок из слоновой кости и черного дерева с веслами из сандала и алоэ, весь выложенный полосами из яркого золота, и в нем сидело десять девиц, подобных лунам. И, увидев юношу, они вышли из челнока, стали целовать ему руки и сказали: «Ты — царь-жених!» А затем подошла к нему девушка, подобная незакрытому солнцу на безоблачном небе, державшая в руках шелковый платок, в котором была царственная одежда и золотой венец, украшенный всевозможными дорогими каменьями, и, подойдя, облачила его и увенчала венцом. И девушки понесли юношу на руках к челноку, и юноша увидел в нем всевозможные ковры из разноцветного шелка, и распустили паруса и поплыли по морским волнам.

«И, оказавшись с ними,— рассказывал потом юноша,—

я решил, что это сон, и не знал я, куда они меня увозят, а когда они подплыли к берегу, я увидел, что на берегу полно войск, числа которых не знает никто, кроме Аллаха, великого и славного, и воины одеты в кольчуги. И мне подвели пять чистокровных коней с золотыми седлами, украшенными всевозможными жемчугами и драгоценными камнями. И я взял одного из них и сел на него, а четыре остальных пошли со мною. И когда я сел, затрепетали у меня над головой знамена и флаги, и застучали барабаны, и забили в литавры, и воины выстроились справа и слева, а я все повторял: «Сплю я или бодрствую?» И я все время ехал, не веря, что меня окружает такое великолепие, и думая, что это лживые сновидения, пока мы не подъехали к зеленому лугу, где были дворцы, сады, деревья, и каналы, и цветы, и птицы, прославлявшие Аллаха, единого, покоряющего».

И в это время вдруг вышли из-за этих дворцов и садов воины, подобные потоку, когда он низвергается, и наполнили этот луг. И, приблизившись к юноше, воины остановились. И из их среды выступил царь, который один ехал верхом, а перед ним шли пешком некоторые его приближенные. Подойдя к юноше, этот царь сошел с коня, и, увидев, что царь сошел с коня, юноша тоже сошел, и они приветствовали друг друга наилучшим приветствием, а затем снова сели на коней. И царь сказал юноше: «Поезжай с нами, ты мой гость». И юноша поехал с царем, беседуя с ним, а свита выстроилась и ехала перед ними до царского дворца. А затем они спешились, и все вошли во дворец, и рука юноши лежала в руке царя. И царь посадил его на золотой престол и сел подле него. И когда царь поднял с лица покрывало, оказалось, что это девушка, подобная незакрытому солнцу на безоблачном небе: красивая, прелестная, блестящая и совершенная, высокомерная и жеманная. И юноша посмотрел и увидел великое счастье и изобильное довольство, и стал он дивиться красоте девушки и ее прелести, а она сказала ему: «Знай, о царь, я царица этой земли, и все воины, которых ты видел, и все, кого ты видал среди них из всадников и пехотинцев,— женщины, и нет среди них мужчин. А мужчины у нас в этой земле пашут, сеют и жнут и работают, возделывают землю, застраивают города и заботятся о пользе людей, занятые всякими ремеслами; что же касается женщин, то они судьи и обладатели должностей и воины».

И юноша до крайности удивился этому, и, когда они так разговаривали, вдруг вошел вазир, и оказалось, что это

седеющая старуха, чинная, величественная и достойная. «Приведи нам судью и свидетелей»,— сказала царица. И старуха ушла для этого, а царица повернулась к юноше и стала с ним беседовать и развлекать его, рассеивая его тоску ласковыми словами. А потом она обратилась к нему и спросила: «Согласен ли ты, чтобы я была тебе женой?» И юноша поднялся и стал целовать землю перед царицей, но она ему не позволила, а юноша сказал: «О госпожа, я ничтожней слуг, которые тебе прислуживают!» — но царица молвила: «Разве ты не видишь всех этих слуг и воинов, и богатств, и сокровищ, и запасов?» — «Да, вижу»,— отвечал юноша. И царица сказала: «Все это — перед тобой, распоряжайся этим, давая и одаряя, чем тебе вздумается». А затем она показала на запертую дверь и сказала: «Распоряжайся всем этим, кроме вон той двери; не открывай ее: когда ты ее откроешь, будешь раскаиваться, но раскаяние не принесет тебе пользы».

И не закончила она еще своих слов, как явилась старуха-вазир и с нею судья и свидетели, и когда они пришли (а все это были старухи, с волосами, распущенными по плечам, величественные и достойные) и предстали перед царицей, она велела им заключить ее брачный договор, и ее выдали замуж за юношу. И царица устроила пир и собрала воинов, и, когда поели и попили, юноша вошел к ней и нашел ее невинной и девственной. Он уничтожил ее девственность и прожил с нею семь лет в сладостнейшей, приятнейшей, счастливейшей и прекраснейшей жизни.

Но однажды, в какой-то из дней, он вспомнил о таинственной двери и сказал: «Если бы за нею не было богатых сокровищ, лучше того, что я видел, жена не запретила бы мне ее открывать». И он поднялся и открыл дверь, и вдруг за нею оказалась та птица, которая унесла его с берега моря и спустила на остров. И когда птица увидала его, она воскликнула: «Нет счастья для того, кому суждена несчастная доля!» И, увидев птицу и услышав ее слова, юноша побежал от нее, но птица последовала за ним и, схватив его, пролетела с ним между небом и землей расстояние в час, а потом спустила его в том месте, откуда она его похитила, и скрылась от него. А он посидел на месте, а потом разум вернулся к нему, и он вспомнил, какое он видел прежде счастье, величие и уважение и как воины ехали перед ним, а он приказывал и запрещал, и стал плакать и рыдать. И он пробыл на берегу моря, там, куда его спустила птица, два месяца, и хотелось ему вернуться к жене.

И когда, в одну из ночей, он не спал и печально разду-

мывал, вдруг раздался голос, звук которого он слышал, но не видел говорящего, и этот голос кричал: «Как велики были наслаждения! Не бывать, не бывать, чтобы вернулось к тебе то, что миновало! Умножь свои печали!» И, услышав это, юноша перестал надеяться, что встретит царицу и вернется то счастье, которое он знал. А затем он вошел в дом, где были старцы, и понял он, что с ними произошло то же, что произошло с ним, и в том была причина их плача и горя, и извинил их после этого. И юношу охватила печаль и забота, и он вошел в ту залу и все время плакал и рыдал, пренебрегая едой, питьем и прекрасными запахами и перестав смеяться, и наконец он умер, и его похоронили рядом с теми старцами.

Знай же, о царь, что торопливость непохвальна, и она вызывает только раскаяние. Вот я даю тебе такой совет».

И, услышав эти слова, царь послушался их и отказался от убиения своего сына.

Когда же настал шестой день, невольница вошла к царю, держа в руках обнаженный нож, и сказала: «Знай, о господин мой, что если ты не примешь моей жалобы и не соблюдешь своего права и своей чести перед теми, кто обидел меня,— а это твои вазиры, которые утверждают, что женщины устраивают хитрости, козни и обманы, и стремятся погубить этим мое право и заставить царя пренебрегать моим делом... Но вот я докажу перед тобою, что мужчины коварнее женщин, рассказав о сыне одного царя, который остался наедине с женой купца».— «А что у него с нею произошло?» — спросил царь. И невольница сказала:

ПЯТЫЙ РАССКАЗ НЕВОЛЬНИЦЫ

«Дошло до меня, о счастливый царь, что был один купец очень ревнивый, и была у него жена — красивая и прелестная. И от великого страха за нее и ревности он не жил с нею в городах, а построил ей за городом дворец, стоявший вдали от строений, и возвысил его постройки и укрепил его колонны и сделал неприступными его ворота, снабдив их крепкими замками. И когда он хотел уйти, он запирал ворота и брал ключи и вешал их на шею.

И в какой-то день он был в городе, и сын царя этого города вышел прогуляться и пройтись и увидел это пустынное место. И он долго всматривался, и перед его глазами блеснул этот дворец, и царевич увидел в нем роскошно одетую женщину, которая выглянула из какого-то окна.

И когда юноша увидел ее, он смутился из-за ее красоты и прелести и пожелал к ней проникнуть, но это было невозможно. И он призвал одного из своих слуг, и тот принес ему чернильницу и бумагу и царевич исписал ее, говоря о своем состоянии и любви, и, прикрепив бумагу к зубцам стрелы, метнул стрелу во дворец. И стрела упала перед женщиной, когда та ходила по саду, и она сказала одной из своих невольниц: «Беги скорей за этой бумажкой и подай ее мне!» А она умела читать по-писаному и, прочитав бумажку, поняла, что говорил ей царевич о поразившей его любви, тоске и страсти, и написала ответ на его записку, говоря, что к ней в сердце запала еще большая любовь, чем любовь юноши. А затем она высунулась из окна дворца, и увидала царевича, и бросила ему ответ, и ее тоска по нему усилилась, и царевич, увидав ее, подошел под окно дворца и сказал: «Брось мне нитку, я привяжу к ней этот ключ, а ты возьмешь его к себе».

И женщина бросила царевичу нитку, и он привязал к ней ключ, а потом ушел к своим вазирам и пожаловался им, что любит эту женщину и не имеет силы терпеть без нее. «А какой же план ты прикажешь мне выполнить?» — спросил один из вазиров. И царевич сказал ему: «Я хочу, чтобы ты положил меня в сундук и поставил его во дворце того купца. Сделай вид, что этот сундук — твой, и я достигну того, что хочу от этой женщины, и пробуду у нее несколько дней, а затем ты потребуешь сундук обратно». И вазир отвечал: «С любовью и удовольствием!»

И царевич пошел в свое жилище и лег в сундук, который был у него, а вазир запер сундук и велел позвать купца. Купец, представ перед вазиром, поцеловал ему руки и сказал: «Может быть, у нашего владыки вазира есть служба или нужда, которую мы будем счастливы исполнить?» — «Я хочу от тебя, — сказал вазир, — чтобы ты поставил этот сундук в самое дорогое для тебя место». И купец сказал носильщикам: «Несите его!» И сундук понесли, а купец внес его во дворец и поставил в одну из своих кладовых. А затем, после этого, он вышел по какому-то делу.

И тогда та женщина подошла к сундуку и открыла его бывшим у нее ключом, и из сундука вышел юноша, подобный месяцу, и, увидав его, женщина надела свои лучшие одежды и повела его в комнату для гостей, и они просидели за едой и питьем семь дней, и всякий раз, как являлся ее муж, она клала царевича в сундук и запирала его. Но когда наступил какой-то день, царь спросил про

своего сына, и вазир позвал купца и потребовал у него сундук.

Купец поспешно вернулся против обыкновения рано к себе во дворец и постучал в дверь, и женщина услышала его и спрятала царевича в сундук, но, растерявшись, забыла его запереть. И когда купец пришел к себе домой вместе с носильщиками, те подняли сундук за крышку, и он раскрылся, и в него заглянули, и вдруг увидели, что там лежит сын царя. И когда купец увидел и узнал его, он вышел к вазиру и сказал: «Выходи и возьми царевича, никто из нас не может его схватить». И вазир вошел и взял его, и потом все ушли, и когда они ушли, купец развелся с той женщиной и дал себе клятву, что никогда больше не женится.

Дошло до меня также, о счастливый царь, что один человек из людей образованных пришел на рынок и увидел слугу, которого выкликали для продажи. Он купил его, и привел в свое жилище, и сказал своей жене: «Заботься о нем». И слуга провел у него некоторое время. И в какой-то день этот человек сказал своей жене: «Выйди завтра в сад пройтись, прогуляться и развлечься». И женщина ответила: «С любовью и удовольствием!» И когда слуга услышал это, он взял кушаний и приготовил их в течение этой ночи, а также приготовил напитки, закуски и плоды. А затем он вышел в сад и положил кушанья под одно дерево и напитки под другое дерево, и плоды и закуски он тоже положил под дерево, на пути жены его господина.

А когда наступило утро, тот приказал слуге отправиться со своей госпожой в сад и приказал им взять с собой то, что им было нужно для еды, питья и плодов. И женщина вышла и села на коня, и слуга ехал с нею, пока они не достигли того сада. И когда они вошли туда, закаркал ворон, и слуга воскликнул: «Ты сказал правду!» И его госпожа спросила: «Разве ты понял, что сказал ворон?» — «Да, о госпожа»,— ответил он. И его госпожа спросила: «Что же он говорит?» — «О госпожа,— отвечал слуга,— он говорит: «Под этим деревом стоит кушанье, приходите его поесть!» — «Я вижу, ты знаешь язык птиц»,— сказала его госпожа, и слуга ответил: «Да».

И его госпожа подошла к тому дереву и увидела приготовленное кушанье, и, когда они его поели, она до крайности изумилась и подумала, что слуга знает птичий язык. И, поев этого кушанья, они стали гулять по саду, и закаркал

ворон, и слуга сказал ему: «Ты сказал правду!» — «Что он говорит?» — спросила госпожа слугу. И тот ответил: «О госпожа, он говорит: «Под таким-то деревом кувшин с водой, надушенной мускусом, и старое вино».

И женщина пошла с ним и нашла все это, удивление ее увеличилось, и слуга сделался великим в ее глазах. И они сидели со слугою и пили, а когда напились, стали ходить по саду, и закаркал ворон, и слуга молвил: «Ты сказал правду!» — «Что говорит этот ворон?» — спросила госпожа слугу, и тот ответил: «Он говорит: «Под таким-то деревом плоды и закуски».

И они пошли к дереву, и нашли все это, и поели плодов и закусок, а затем они стали ходить по саду, и ворон закаркал, и слуга взял камень и бросил им в ворона. «Почему ты его бьешь и что он сказал?» — спросила госпожа. И слуга ответил: «О госпожа, он говорит слова, которых я не могу тебе сказать».— «Говори и не стыдись меня: между мною и тобою не стоит ничего»,— ответила ему госпожа. И слуга стал говорить: «Нет!» — а она говорила: «Скажи!» — и заклинала его, и наконец он сказал: «Ворон говорит мне: «Сделай с твоей госпожой то, что с нею делает ее муж». И, услышав эти слова, госпожа его стала хохотать, и затем она воскликнула: «Дело нетрудное, и я не могу прекословить тебе в этом!» И она подошла к дереву, и разостлала под ним ковер, и позвала слугу, чтобы он удовлетворил с нею свое желание.

И вдруг оказался сзади него его господин, который смотрел на него, и он позвал его и сказал: «Эй молодец, что это с твоей госпожой, что она тут лежит и плачет?» — «О господин,— отвечал слуга,— она упала с дерева и умерла, и не вернул ее тебе никто, кроме Аллаха, великого и славного. И она прилегла здесь на минуту, чтобы отдохнуть». И когда женщина увидела рядом с собой своего мужа, она поднялась, притворяясь больной и жалуясь на боль и восклицая: «Ах, спина! Ах, бок! Пойдите сюда, о любимые, мне больше не жить!» И ее муж растерялся и позвал слугу и сказал ему: «Подай твоей госпоже коня и подсади ее!» И когда она села, ее муж взялся за одно стремя, а слуга за другое стремя, и муж говорил ей: «Аллах да вылечит тебя и да исцелит!»

Вот, о царь, одна из хитростей мужчин и их козней; пусть же не отвратят тебя твои вазиры от того, чтобы меня поддержать и взять за меня должное!» И невольница заплакала, и, когда царь увидел, что она плачет (а она была ему дороже всех невольниц), он велел убить своего сына.

И вошел к нему шестой вазир, и поцеловал перед ним землю, и сказал: «Да возвеличит царя Аллах великий! Повремени с убийством твоего сына — поистине ложь подобна дыму, а истина стоит на крепких столбах. Свет истины прогоняет мрак лжи, и знай, что козни женщины велики. Ведь сказал великий Аллах в своей славной книге: «Поистине, козни ваши велики!» Дошел до меня рассказ о женщине, сделавшей с вельможами царства хитрость, подобной которой никто не слыхал раньше».— «А как это было?» — спросил царь. И вазир сказал:

РАССКАЗ ШЕСТОГО ВАЗИРА

«Дошло до меня, о царь, что у одной женщины из дочерей купцов был муж, который часто путешествовал. И однажды ее муж уехал в далекую страну, и продлилось его путешествие. И стало это женщине невмоготу, и она полюбила прекрасного юношу из детей купцов, и женщина любила его, и он любил ее великой любовью. И в какой-то день этот юноша поспорил с одним человеком, и тот пожаловался на него вали этого города, и вали посадил юношу в тюрьму. И дошло известие об этом до жены купца, его возлюбленной, и разум едва не покинул ее из-за этого, и она поднялась, и надела свои роскошнейшие одежды, и пошла к жилищу вали, и приветствовала его, и подала ему бумажку, в которой писала: «Тот, кого ты посадил в тюрьму и заточил,— мой брат, такой-то, поспоривший с тем-то, и люди, которые свидетельствовали против него, свидетельствовали ложно. Он посажен в твою тюрьму несправедливо, и у меня нет никого, кто бы ко мне приходил и заботился о моем положении, кроме него, и я прошу нашего владыку милостивого выпустить его».

И когда вали прочитал эту бумажку, он посмотрел на женщину, и она ему понравилась, и он сказал: «Войди в дом, и я велю привести его к тебе, а затем пошлю его к тебе, и ты возьмешь его».— «О владыка,— отвечала женщина,— у меня нет никого, кроме Аллаха великого, и я — чужеземка и не могу входить ни в чей дом».— «Я не отпущу его, пока ты не войдешь в дом и я не удовлетворю с тобой свою страсть»,— сказал вали. И женщина ответила: «Если ты этого хочешь, то ты непременно должен прийти ко мне в мое жилище, и посидеть, и поспать, и отдохнуть целый день».— «А где твой дом?» — спросил ее вали. И она ответила: «В таком-то месте».

И затем она вышла от него, заполнив его сердце, и, выйдя, пошла к кади города и сказала ему: «О господин наш кади!» — «Да»,— сказал кади. И женщина молвила: «Рассмотри мое дело, и награда тебе будет у Аллаха великого».— «Кто тебя обидел?» — спросил кади. И женщина ответила: «О господин, у меня есть брат, кроме которого у меня нет никого, и это заставило меня к тебе войти, так как вали посадил его в тюрьму и против него ложно засвидетельствовали, что он обидчик. Я прошу тебя, чтобы ты походатайствовал за него у вали». И кади взглянул на женщину, и она ему понравилась, и он сказал: «Войди в дом, к невольницам, и отдохни у нас немного, а мы пошлем к вали, чтобы он выпустил твоего брата, и если бы мы знали, сколько надо за него заплатить денег, мы бы дали их тебе от себя, чтобы удовлетворить нашу любовь, так как ты нам понравилась своими хорошими речами».— «Если так делаешь ты, о наш владыка, то мы не будем порицать других»,— молвила женщина. И кади воскликнул: «Если ты не войдешь к нам в дом, уходи своей дорогой!» — «Если ты хочешь этого, о владыка наш, то у меня в моем доме это будет более скрыто и лучше, чем у тебя в доме, так как там есть невольницы и слуги, и приходящие и уходящие; я женщина, и ничего не знаю об этих делах, но необходимость заставляет».— «А где твое жилище?» — спросил кади. И женщина сказала: «В таком-то месте»,— и условилась с ним на тот же день, на который она условилась с вали.

И затем она пошла от кади в дом вазира, и подала ему просьбу, и пожаловалась на беду своего брата, которого заточил вали, и вазир стал ее соблазнять и сказал: «Мы удовлетворим с тобою наше желание и выпустим твоего брата».— «Если ты этого хочешь, то это будет у меня, в моем жилище,— ответила женщина.— Оно лучше скроет меня и тебя, и мой дом недалеко».— «А где твое жилище?» — спросил вазир. И женщина ответила: «В таком-то месте»,— и условилась с ним на тот же самый день.

А потом женщина пошла к царю того города и подала ему свою жалобу и попросила, чтобы выпустили ее брата. «А кто его заточил?» — спросил царь. И женщина ответила: «Его заточил вали». И когда царь услышал ее слова, она поразила его стрелой любви в сердце. И он велел ей войти с ним во дворец, пока он пошлет к вали и освободит ее брата. «О царь,— сказала ему женщина,— это дело будет для тебя нетрудно, либо по моей воле, либо насильно, и если царь захотел от меня этого, такова уж моя счастливая

доля. Но если он придет в мое жилище, то почтит меня, перенеся туда свои благородные шаги, как сказал поэт:

> Восхитить бы мне вестью друзей моих славных:
> Посещает меня не имеющий равных!»

«Мы не будем перечить твоему приказу»,— сказал царь. И женщина условилась с ним на тот же день, который назначила другим, и сказала ему, где ее жилище, и условилась с ним на тот же самый день, который назначила вали, кади и вазиру, а затем она вышла от царя и пришла к одному столяру и сказала: «Я хочу, чтобы ты сделал мне шкаф с четырьмя отделениями, одно над другим, и чтобы у каждого отделения была дверь, которая запирается. Скажи мне, какая за это плата, и я дам ее тебе».— «Четыре динара,— отвечал столяр.— А если ты, о почтенная госпожа, пожалуешь мне сближение, то от тебя и не возьму ничего».— «Если уж это неизбежно,— сказала женщина,— то сделай мне пять отделений с замками».— «С любовью и удовольствием»,— ответил столяр. И женщина сговорилась с ним, что он принесет ей шкаф в тот самый день. «О госпожа,— сказал столяр,— посиди, и возьмешь свою вещь сейчас же, а я после этого приду не торопясь». И женщина просидела у столяра, пока тот сделал ей шкаф с пятью отделениями, и ушла в свое жилище и поставила шкаф в то место, где сидят гости. А затем она взяла четыре одежды и снесла их к красильщику, и тот выкрасил каждую одежду в особый цвет, отличающийся от цвета других одежд. А женщина принялась готовить еду и питье и цветы, плоды и благовония.

И когда пришел день свидания, она надела самые лучшие свои одежды и нарядилась и надушилась, а затем она устлала комнату разными роскошными коврами и села поджидать, кто придет. И вдруг вошел к ней кади, прежде других. И, увидав его, женщина поднялась на ноги, и поцеловала перед ним землю, и взяла его, и посадила на постель, и легла с ним, и стала с ним играть, и кади пожелал удовлетворить свою страсть с ней, и она сказала ему: «О господин, сними с себя одежду и чалму и надень эту желтую рубашку и покрой голову этим покрывалом, а мы принесем еду и питье, и потом ты исполнишь все, что желаешь». И она взяла у кади одежду и чалму, и он надел рубашку и покрывало.

И вдруг кто-то постучал в дверь. «Кто это стучит в дверь?» — спросил кади. И женщина сказала: «Это мой муж!» — «Что же делать и куда я пойду?» — воскликнул

кади. И женщина молвила: «Не бойся, я запру тебя в этот шкаф».— «Делай, что тебе вздумалось»,— сказал кади, и женщина взяла его и ввела его в нижнее отделение и заперла. А потом она вышла к воротам и открыла их, и оказалось, что это вали. И, увидав его, женщина поцеловала перед ним землю, и взяла его за руку, и посадила на ту же постель, и сказала: «О господин, это место — твое место, и этот дом — твой дом, а я — твоя невольница и одна из твоих служанок. Останься у меня на весь день, скинь то, что на тебе надето, и надень эту красную одежду: это одежда сна». И она повязала вали голову обрывком тряпки, бывшим у нее, и, взяв у него одежду, пришла к нему на постель и начала с ним играть, а он тоже стал играть с нею, а когда он протянул к женщине руку, она сказала: «О владыка наш, этот день — твой день, и никто его с тобой не разделит, но будь милостив и благодетелен и напиши мне бумажку, чтобы моего брата выпустили из тюрьмы, тогда мое сердце успокоится».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил вали и написал письмо своему заместителю, в котором говорил: «В час прибытия этого письма к тебе ты выпустишь такого-то безотлагательно; не допускай небрежности и не возражай носителю его ни одним словом». И он запечатал письмо, и женщина взяла его и стала играть с вали на постели.

И вдруг кто-то постучал в дверь. «Кто это?» — спросил вали, и женщина ответила: «Мой муж». И вали воскликнул: «Что мне делать?» — «Войди в этот шкаф, а я отправлю мужа и вернусь к тебе»,— ответила женщина. И она взяла вали и ввела его во второе отделение и заперла его там, а кади, при всем этом, слышал их разговор. А потом женщина вышла к воротам и открыла их, и оказалось, что это вазир. И, увидав его, женщина поцеловала землю перед ним, и встретила его и поклонилась ему, и сказала: «О господин мой, ты почтил нас, придя в наше жилище! Да не лишит нас Аллах твоего появления!» И она посадила его на постель и сказала: «Сними с себя одежду и чалму и надень эту легкую рубашку». И вазир снял с себя то, что на нем было, и женщина одела его в голубую рубашку и красный колпак, приговаривая: «О владыка, вот это вазирская одежда, оставь же ее, пока ей не придет время, а сейчас побудь в этой одежде для беседы, веселья и сна». И когда вазир надел ее, женщина стала с ним играть на постели, и он тоже играл с нею и хотел исполнить свои желания, но она не позволяла ему и говорила: «О господин, это от нас не уйдет!»

И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучал в дверь, и вазир спросил женщину: «Кто это?» И она отвечала: «Мой муж».— «Что же придумать?» — спросил вазир. И женщина сказала: «Вставай, войди в этот шкаф, а я отправлю моего мужа и вернусь к тебе. Не бойся!» И она ввела его в третье отделение шкафа и заперла там и, выйдя, открыла дверь, и оказалось, что это пришел царь. И, увидав его, женщина поцеловала перед ним землю и, взяв его за руку, привела его на середину комнаты, и посадила на постели, и сказала: «Ты почтил нас, о царь, и если бы предложили тебе весь мир и то, что в нем есть, это не стоило бы одного шага из твоих шагов к нам». И царь сел на постель, и женщина молвила: «Дай мне позволение сказать тебе одно слово».— «Говори, что желаешь»,— ответил царь. И она сказала: «Отдохни, о господин, и сними с себя одежду и чалму». (А одежда царя, бывшая на нем в этот час, стоила тысячу динаров.) И когда царь снял с себя одежду, женщина одела его в рваную рубаху, ценой в десять дирхемов, не больше, и стала его развлекать и играть с ним. И при всем этом люди, которые были в шкафу, слышали, что происходит, но никто из них не мог заговорить. И когда царь протянул руку к женщине и хотел удовлетворить с нею свое желание, она сказала ему: «Это дело от нас не уйдет, и я еще раньше обещала услужить тебе в этом покое, и тебе будет от меня то, что тебя обрадует».

И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучал в дверь, и царь воскликнул: «Удали его от нас с его согласия, или я выйду к нему и удалю его насильно».— «Этого не будет, о владыка, лучше потерпи, пока я удалю его самым хорошим уменьем»,— сказала женщина. И царь молвил: «А мне что же делать?» И женщина взяла его за руку, и ввела в четвертое отделение, и заперла там, а затем она вышла к дверям и открыла их, и оказалось, что это столяр. И он вошел и приветствовал женщину, и та сказала ему: «Что это за шкаф ты нам сделал?» — «А что с ним, о госпожа?» — спросил он, и женщина сказала: «Вот это отделение — узкое».— «О госпожа, оно широкое»,— ответил столяр. И женщина сказала: «Войди и посмотри, ты в нем не поместишься».— «В нем поместятся четверо»,— сказал столяр, и затем он вошел в шкаф.

И когда он вошел туда, женщина заперла его в пятом, самом верхнем, отделении, и поднялась и, взяв бумажку вали, пошла с ней к помощнику вали, и тот взял бумажку, и прочитал, и поцеловал ее, и выпустил из тюрьмы того человека, возлюбленного женщины. И она рассказала ему,

что она сделала, и юноша спросил: «А что же нам делать?» — «Мы уйдем из этого города в другой город,— сказала женщина,— нам нельзя после такого дела здесь оставаться». И они собрали то, что у них было, и погрузили на верблюдов и тотчас же уехали в другой город.

А что касается тех людей, то они просидели в отделениях шкафа три дня без еды. И им захотелось помочиться, так как они три дня не мочились, и столяр налил на голову султана, а султан налил на голову вазира, а вазир налил на голову вали, а тот налил на голову кади. И кади закричал и воскликнул: «Что это за грязь! Разве мало нам того, что с нами было, чтобы на нас еще мочились!» И вали возвысил голос и сказал: «Да увеличит Аллах твою награду, о кади!» И, услышав его голос, кади узнал, что это вали. А потом вали опять возвысил голос и сказал: «Что это эа грязь!» И вазир возвысил голос и сказал: «Да увеличит Аллах твою награду, о вали». И, услышав его голос, вали узнал, что это вазир. А затем вазир возвысил голос и сказал: «Что зто за грязь!» И когда царь услышал слова вазира, он узнал его, но смолчал и скрыл свое присутствие, а вазир воскликнул: «Прокляни, Аллах, зту женщину за то, что она с нами сделала! Она созвала к себе всех вельмож царства, кроме царя!»

И услышав это, царь крикнул ему: «Молчите! Я первый попал в сети этой распутницы и развратницы!» И столяр, услышав их слова, сказал: «А я? В чем мой-то грех? Я сделал ей шкаф за четыре динара золотом и пришел потребовать платы, и она схитрила со мной и ввела меня в это отделение и заперла там». И они стали разговаривать друг с другом и развлекать царя беседой и рассеяли его грусть.

И вдруг пришли соседи этого дома и увидели, что он пустой, и сказали друг другу: «Вчера наша соседка, жена такого-то, была здесь, а теперь мы не слышим в этом месте никаких голосов и не видим в нем человека. Сломайте ворота и посмотрите, в чем дело, чтобы не обвинил нас вали или царь и не посадил в тюрьму». И затем соседи сломали ворота и вошли и увидели деревянный шкаф, а в нем нашли людей, которые стонали от голода и жажды. И пришедшие стали говорить друг другу: «Неужели в этом шкафу джинн?» И один из них воскликнул: «Наберем дров и сожжем его огнем».— «Не делайте!» — закричал на них кади. И соседи сказали друг другу: «Джинны иногда меняют образ и говорят словами людей». И, услышав их, кади прочитал кое-что из великого Корана и затем сказал при-

шедшим: «Подойдите к шкафу, в котором мы сидим!» И когда они подошли, он сказал им: «Я — такой-то, а вы — такие-то и такие-то. И нас в шкафу целая толпа». И соседи спросили кади: «А кто привел тебя сюда? Расскажи нам в чем дело».

И кади осведомил их в чем дело, от начала до конца, и тогда они привели плотника. И плотник открыл отделение кади, и вали, и вазира, и царя, и столяра, и все они были в той одежде, которая была на них надета. И они вышли из шкафа и посмотрели друг на друга, и каждый стал смеяться над другим, и потом они пошли искать женщину, но не нашли ее. А женщина взяла все то, что было на них надето, и каждый из них послал к своим за одеждой. И им принесли платье, и они вышли, закрывшись им, к людям. Посмотри же, о владыка наш царь, какую хитрость сделала эта женщина с теми людьми.

Дошло до меня также, что был один человек, который хотел увидеть в своей жизни Ночь могущества. И он посмотрел однажды ночью на небо и увидел ангелов, когда открылись врата небесные, и увидал, как всякая вещь пала ниц на своем месте. И, увидев это, он сказал своей жене: «О такая-то, Аллах показал мне Ночь могущества, а мне было ниспослано, что если я увижу ее и сотворю три молитвы, они будут исполнены. Я спрашиваю у тебя совета: что мне сказать?» — «Скажи: «О боже, увеличь мне член!» — посоветовала ему жена. И человек сказал это, и его член сделался точно тыквенная бутылка, так что этот человек не мог стоять, а его жена, когда он хотел ее познать, бегала от него с места на место. И муж сказал ей: «Что же делать? Ты пожелала этого ради твоей страсти».— «Я не хочу, чтобы он оставался таким длинным»,— сказала жена. И ее муж поднял голову к небу и молвил: «О боже, спаси меня от этого дела и освободи меня!»

И человек сделался словно евнух, без члена. И, увидев это, жена сказала ему: «Нет мне до тебя нужды, раз ты больше не мужчина!» И ее муж воскликнул: «Все это от твоего злосчастного совета и дурного замысла! Было для меня у Аллаха три молитвы, которыми я достиг бы блага и в этой жизни и в будущей, и две молитвы пропали, осталась одна».— «Помолись Аллаху великому, чтобы он снова сделал тебя таким, каким ты был раньше!» — сказала ему жена. И человек помолился своему господу и стал опять таким, как был.

И все это, о царь, произошло по причине дурного замысла женщины, и я рассказал тебе об этом, чтобы ты убедился, что женщины глупы и слабы умом и замышляют дурное. Не слушай же их слов и не убивай своего сына, частицу твоего сердца. Ты сотрешь воспоминание о себе после себя».

И царь воздержался от убиения своего сына.

А на седьмой день пришла та невольница и явилась к царю, крича. И она разожгла большой костер, и ее привели к царю, держа ее за концы платья. И царь спросил ее: «Почему ты это сделала?» И она отвечала: «Если ты не рассудишь меня с твоим сыном, я брошусь в этот огонь. Жизнь мне стала противна, и, прежде чем прийти к тебе, я написала завещание, раздала свои деньги и решила умереть, а ты будешь каяться всяческим раскаянием, как каялся царь, который пытал сторожиху бани».— «А как это было?» — спросил царь. И невольница сказала:

ШЕСТОЙ РАССКАЗ НЕВОЛЬНИЦЫ

«Дошло до меня, о царь, что была одна женщина, богомольная, воздержанная и благочестивая, и она заходила во дворец одного из царей, и ее приход считали благословенным, и оказывали ей у приближенных царя великое уважение. И однажды она вошла во дворец, согласно обычаю, и села рядом с женой царя, и та подала ей ожерелье ценой в тысячу динаров и сказала: «О девушка, возьми к себе это ожерелье и храни его, пока я не выйду из бани и не возьму его у тебя». (А баня была во дворце.) И женщина взяла ожерелье и села в одно место в покоях царицы, ожидая, пока та сходит в баню, находившуюся в ее жилище, и выйдет. А потом она положила ожерелье под молитвенный коврик и начала молиться. И прилетела птица, и взяла ожерелье, и положила его в щель в углу дворца, пока сторожившая выходила за нуждой. И женщина вернулась и не знала этого. И когда жена царя вышла из бани, она потребовала ожерелье у сторожихи, но та не нашла его и стала его искать, но не обнаружила и не напала на его след. И сторожившая говорила: «Клянусь Аллахом, о дочка, ко мне никто не приходил, и, когда я взяла ожерелье, я положила его под молитвенный коврик и не знаю, может быть, один из слуг увидал его и, воспользовавшись моей

рассеянностью, когда я молилась, взял его, а знает это лишь Аллах великий».

И когда услышал об этом царь, он приказал своей жене пытать сторожившую огнем и сильно побить ее, и царица стала ее пытать всякими пытками, но женщина ни в чем не признавалась и никого не обвиняла. И после этого царь приказал посадить ее в тюрьму и заковать в цепи, и ее заточили. А потом, в один из дней, царь сидел у себя во дворце, среди водоемов, и его жена сидела с ним рядом, и вдруг взор царя упал на птицу, которая вытаскивала то самое ожерелье из щели в углу дворца. И царь кликнул одну невольницу, и она настигла птицу и отняла у нее ожерелье. И тогда царь понял, что сторожившая женщина обижена, и раскаялся в том, что с ней сделал. И он велел привести ее, и, когда она явилась, принялся целовать ее в голову, а затем стал плакать и просить прощения и горевать из-за того, что он с нею сделал. И он велел ей дать большие деньги, но женщина отказалась их взять, а затем она простила его, и ушла, и дала себе клятву, что не войдет ни в чей дом. И она странствовала по горам и долинам и поклонялась Аллаху великому, пока не умерла.

Дошло до меня также, о царь, в числе рассказов о кознях мужчин, что два голубя, самец и самка, собрали зимой к себе в гнездо пшеницу и ячмень, а когда наступило время лета, зерно высохло и уменьшилось. И самец сказал самке: «Это ты съела зерно!» А она стала говорить: «Нет, клянусь Аллахом, я ничего не съела!» Но он не поверил ей и стал ее бить крыльями и клевать клювом, пока не убил. А когда наступило холодное время, зерна снова стали такими, как были, и самец понял, что он убил свою жену несправедливо и по вражде, и стал раскаиваться, когда раскаяние было ему бесполезно. И он лег рядом с женой, рыдая по ней и плача и горюя, и отказался от еды и питья, и заболел, и болел, пока не умер.

Дошло до меня также, в числе рассказов о кознях мужчин против женщин, рассказ более удивительный, чем все эти».— «Подавай то, что у тебя есть»,— воскликнул царь. И невольница сказала: «О царь, была одна девушка из дочерей царя, которой не было в ее время равных по красоте, прелести, стройности, соразмерности, блеску и жеманству, и никто так не отнимал разум у мужчин, как она. И она говорила: «Нет мне равных в мое время!» И все

сыновья царей сватались к ней, но она не соглашалась взять из них никого, и было ей имя ад-Датма.

И говаривала она: «На мне женится только тот, кто меня покорит в пылу битвы, боя и сражения, и если кто-нибудь меня одолеет, я выйду за него замуж с радостным сердцем, а если я его одолею, то возьму его коня, и оружие, и одежду и напишу у него на лбу: «Этот отпущен такою-то». И царские сыновья приходили к ней из всех стран, далеких и близких, но она одолевала их, и позорила, и отнимала у них оружие, и клеймила их огнем.

И прослышал о ней сын одного из царей персов, по имени Бахрам, и направился к ней, покрыв далекое расстояние, и взял с собой деньги, коней и людей и сокровища из царских сокровищ. И ехал, пока не прибыл к ней, а прибыв, он послал ее отцу роскошный подарок, и царь проявил к нему приветливость и оказал ему величайший почет. И затем царевич послал своих вазиров сообщить ему, что он хочет посвататься к его дочери. И отец ее прислал к нему гонца и сказал: «О дитя мое, что до моей дочери, то у меня нет над ней власти, так как она дала себе клятву, что выйдет замуж только за того, кто покорит ее на поле битвы».— «Я приехал из моего города, зная это условие»,— ответил ему царевич. И царь сказал: «Завтра ты с ней встретишься».

А когда пришел завтрашний день, отец девушки послал к ней и попросил у нее разрешения войти. И, услышав обо всем, она приготовилась к бою и надела боевые доспехи и вышла в поле, и царевич вышел к ней навстречу и решил с ней сразиться. И люди прослышали об этом, и пришли отовсюду, и явились в этот самый день. И ад-Датма вышла одетая, подпоясаная и закрытая покрывалом, и царевич выступил к ней, будучи в наилучшем состоянии, одетый в крепчайшие военные доспехи и совершеннейшее снаряжение. И каждый из них понесся на другого, и они долго гарцевали и бились продолжительное время, и царевна нашла в царевиче храбрость и доблесть, которых не видала у других. И она испугалась, что царевич пристыдит ее перед присутствующими, и поняла, что он, несомненно, ее одолеет, и захотела устроить козни и сделать с ним хитрость. И она открыла лицо, и вдруг оказалось, что оно светит ярче месяца, и когда царевич взглянул на нее, он оторопел, и его сила ослабла, и исчезла его решимость. А царевна, увидев это, понеслась на него и сорвала его с седла, и царевич, у нее в руках, стал подобен воробью в когтях орла, и ее облик ошеломил его, и он не понимал,

что с ним делается. И девушка взяла его коня, и оружие и одежду, и заклеймила его огнем, и отпустила.

И когда царевич очнулся от обморока, он провел несколько дней, не прикасаясь ни к пище, ни к питью, и не спал от огорчения, и любовь к девушке овладела его сердцем. И он отправил своих рабов к отцу и написал ему в письме, что не может вернуться в свою страну, пока не добьется того, что ему нужно, или он умрет без этого. И когда письмо прибыло к его отцу, тот опечалился и хотел послать к царевичу воинов и витязей, но вазиры удержали его от этого и уговорили быть терпеливым.

А царевич, чтобы достичь своей цели, употребил хитрость. Он притворился дряхлым стариком и направился в сад царевны, куда она чаще всего заходила, и встретился с садовником и сказал ему: «Я чужеземец из далеких стран, и с юности и еще до сей поры я хорошо умею обрабатывать землю и беречь растения и цветы, и никто, кроме меня, этого не умеет». И, услышав его слова, садовник обрадовался до крайней степени, и привел его в сад, и приказал своим людям заботиться о нем. И царевич стал работать, и выращивать деревья, и заботиться о плодах. И однажды, когда он работал в саду, вдруг вошли в сад рабы, которые вели мулов, нагруженных коврами и посудой, и когда царевич спросил о причине этого, ему сказали: «Царская дочка желает погулять в этом саду». И царевич пошел и взял украшения и одежды из своей страны, которые были у него, и, принеся их в сад, сел там и положил кое-что из этих сокровищ перед собой, а сам стал трястись, делая вид, что это от старости, дряхлости и слабости. А когда прошел час, пришли невольницы и евнухи, и посреди них шла царевна, подобная месяцу среди звезд, и они подошли и стали ходить по саду и рвать плоды, гуляя, и увидали человека, который сидел под деревом. И они подошли к нему (а это был царевич) и посмотрели на него, и вдруг видят, что это старый старик, у которого трясутся руки и ноги, а перед ним лежат украшения и сокровища из царских сокровищ.

И, увидав его, девушки удивились ему и стали спрашивать его, что он делает с этими украшениями. И он сказал: «Я хочу жениться за эти украшения на которой-нибудь из вас». И девушки стали над ним смеяться и сказали: «Когда женишься, что ты станешь делать?» И царевич ответил: «Я поцелую мою жену один раз и разведусь с нею».— «Я выдала за тебя замуж вот эту девушку»,— сказала царевна. И царевич поднялся, опираясь на палку, трясясь и спотыкаясь, и, поцеловав девушку, отдал ей украшения

и одежды. И девушка обрадовалась, и все стали смеяться над царевичем, и потом ушли в свое жилище. А когда наступил следующий день, девушки вошли в сад, и пришли к царевичу, и увидели, что он сидит на том же месте и перед ним лежит еще больше украшений и одежд, чем в первый раз. И они присели подле него и спросили: «О старец, что ты делаешь с этими украшениями?» И царевич ответил: «Я женюсь за них на одной из вас, как вчера».— «Я женила тебя на этой девушке»,— сказала царевна. И царевич поднялся, и поцеловал девушку, и отдал ей украшения и одежды, и все ушли в свои жилища. И когда дочь царя увидала украшения и одежды, которые царевич дал девушкам, она сказала себе: «Я имею больше всех прав на это, и со мной не будет от этого никакого вреда».

И когда настало утро, она вышла из своего жилища одна, переодевшись и приняв облик невольницы, и, скрываясь, пришла к старцу и, придя к нему, сказала: «О старец, я дочь царя, хочешь на мне жениться?» — «С любовью и удовольствием!» — отвечал царевич. И он вынул украшения и одежды более высокого качества и дороже ценой, и отдал их царевне, и поднялся, чтобы ее поцеловать (а она чувствовала себя безопасно и спокойно). И, подойдя к ией, он с силой схватил ее, и ударил об землю, и уничтожил ее девственность, и спросил: «Разве ты не узнаешь меня?» — «Кто ты?» — спросила царевна, и царевич ответил: «Я Бахрам, сын царя персов. Я изменил свой облик и удалился от родных и царства ради тебя». И девушка встала молча, не давая ответа и ие обращаясь к нему с речью, после того, что ее поразило, и она говорила про себя: «Если я его убью, его убиение не принесет пользы». А затем она подумала и сказала себе: «Мне возможно теперь только убежать с ним в его страну». И она собрала деньги и сокровища и послала к царевичу, уведомляя его об этом, чтобы он тоже снарядился и собрал свои деньги. И они сговорились, что такой-то ночью отправятся, и сели на лучших коней и поехали под покровом ночи, и не наступило еще утро, как они уже пересекли далекие страны.

И они ехали до тех пор, пока не прибыли в страну персов и не оказались близ города отца юноши. И когда отец его услышал об этом, он встретил его с воинами и обрадовался до крайней степени. А затем, через немного дней, он послал к отцу ад-Датмы роскошные подарки и написал ему письмо, в котором уведомлял его, что его дочь находится у иего, и требовал ее приданое. И когда подарки

прибыли к отцу девушки, он принял их, и оказал привезшим их крайний почет, и сильно обрадовался, а затем он устроил пиршество и, призвав судью и свидетелей, написал брачный договор своей дочери с царевичем. Он наградил послов, которые принесли письмо от царя персов, и послал своей дочери ее приданое, и персидский царевич остался с ней, пока не разлучила их смерть.

Смотри же, о царь, каковы козни мужчин против женщин! Я не откажусь от своего права, пока не умру!»

И царь приказал убить своего сына.

Но тут вошел к нему седьмой вазир и, представ перед ним, поцеловал землю и сказал: «О царь, повремени, пока я не выскажу тебе мой совет. Тот, кто выжидает и медлит, достигает осуществления надежды и получает то, что желает, а тому, кто торопится, достается раскаяние. Я видел, что сотворила эта женщина, побуждая царя свершить страшное дело, а раб, осыпанный твоей милостью и благами, тебе предан. Я знаю, о царь, о кознях женщин то, чего не знает никто, кроме меня, и до меня дошел из этого рассказ о старухе и сыне купца». — «А как это было?» — спросил царь. И вазир сказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОГО ВАЗИРА

«Дошло до меня, о царь, что у одного купца было много денег, и был у него любимый сын. И однажды сын сказал своему отцу: «О батюшка, я желаю, чтобы ты выполнил одно мое желание и обрадовал меня». — «А что это, о дитя мое? Я все отдам тебе, хотя бы был это свет моих очей, чтобы выполнить твое желание», — ответил ему отец. И сын сказал: «Я хочу, чтобы ты дал мне сколько-нибудь денег, и я поеду с купцами в края Багдада, чтобы поглядеть на них и посмотреть на дворцы халифов. Дети купцов мне их описывали, и мне захотелось посмотреть на них». — «О сынок, как вытерпеть разлуку?» — воскликнул отец юноши, но тот молвил: «Я сказал тебе эти слова, и неизбежно мне туда отправиться, с согласия или без согласия. В мою душу запала тоска, которая пройдет только по прибытии в Багдад».

И когда отец его убедился в том, что его намерение твердо, он собрал ему товаров на тридцать тысяч динаров и отправил его путешествовать с купцами, которым он доверял, и поручил купцам о нем заботиться. А потом отец юноши простился с ним и вернулся в свое жилище, а юно-

ша ехал со своими товарищами купцами, пока они не прибыли в Багдад, обитель мира.

А когда они достигли Багдада, юноша пошел на рынок и нанял себе хороший красивый дом, который смутил его разум и ошеломил его взор,— там были щебечущие птицы, и покои стояли один напротив другого, и пол был выложен разноцветным мрамором, а потолки украшены лазурью. Он спросил привратника о размере платы за дом: «Сколько в месяц?» И привратник отвечал: «Десять динаров». И юноша спросил: «Говоришь ли ты правду или насмехаешься надо мной?» — «Клянусь Аллахом,— ответил привратник,— я говорю только правду. Всякий, кто поселится в этом доме, живет там не больше недели или двух».— «А какая тому причина?» — спросил юноша. И привратник молвил: «О дитя мое, всякий, кто поселится в этом доме, выходит из него только больной или мертвый. Этот дом прославился такими вещами среди всех людей, что никто не осмеливается в нем поселиться, и плата за него уменьшилась до такого размера».

Услышав это, юноша до крайности удивился и воскликнул: «В этом доме обязательно должно быть какое-нибудь обстоятельство, из-за которого там случается подобная болезнь или смерть!» Но потом он пораздумал и, прибегнув к Аллаху от сатаны, битого камнями, прогнал из ума такое предположение и поселился в этом доме. И стал он продавать и покупать, и прошло несколько дней, а он все жил в доме, и ничего не случилось с ним из того, что говорил привратник.

И когда он сидел в один из дней у ворот дома, прошла мимо него поседевшая старуха, подобная пятнистой змее. И она часто славословила и святила имя Аллаха, удаляя с дороги камни и другие препятствия. И старуха увидела юношу, сидевшего у ворот, и стала смотреть на него, дивясь на него, и юноша сказал ей: «О женщина, разве ты меня знаешь или сомневаешься во мне?» И, услышав слова юноши, старуха торопливо подошла к нему и приветствовала его и спросила: «Сколько времени ты живешь в этом доме?» — «О матушка, два месяца»,— отвечал юноша, И старуха молвила: «Этому-то я удивилась. Я не знаю тебя, о дитя мое, и ты меня не знаешь, и я не усомнилась о тебе, а удивилась потому, что все, кто жил в этом доме, кроме тебя, выходили оттуда мертвыми или больными. Я не сомневаюсь, о дитя мое, что ты подвергаешь опасности свою молодость. Разве ты не поднимался во дворце наверх и не смотрел с балкона, который там есть?»

И затем старуха ушла своей дорогой, а юноша, когда старуха покинула его, стал размышлять о ее словах и сказал про себя: «Я не поднимался во дворец наверх и не знал, что там есть балкон». И затем, в тот же час и минуту, он вошел во дворец и стал ходить по углам комнат и наконец увидел в одном углу маленькую дверь, в засовах которой свил гнездо паук. И, увидав дверь, юноша сказал про себя: «Может быть, паук свил на этой двери гнездо лишь потому, что за нею гибель!» И он положился на слова Аллаха великого: «Скажи: «Не поразит нас ничто, кроме того, что начертал нам Аллах»,— и, открыв дверь, стал подниматься по маленькой лестнице, а дойдя до верха, увидел балкон. И он сел отдохнуть и осмотрелся и увидел изящное и нарядное помещение, в возвышенной части которого был высокий балкон, возвышавшийся над всем Багдадом, и на этом балконе находилась девушка подобная гурии. И она овладела всем сердцем юноши и унесла его разум и сердце, оставив после себя страдания Айюба и печаль Якуба.

И когда юноша увидал ее и хорошенько в нее всмотрелся, он подумал: «Может быть, люди говорят, что никто не жил в этом доме без того, чтоб умереть или заболеть, именно из-за этой женщины. О, если бы я знал, в чем для меня избавление,— мой разум пропал!» И он спустился сверху, раздумывая, что ему делать, и сидел в доме, но ему не было покоя. И он вышел и сел у ворот, не зная, как ему поступить, и вдруг видит — идет та старуха, поминая и прославляя по дороге Аллаха. И, увидав ее, юноша поднялся на ноги и первый пожелал старухе мира, и приветствовал ее, и сказал: «О матушка, я был здоров и благополучен, пока ты не посоветовала мне отпереть ту дверь, и я увидел балкон, и отпер его, и посмотрел сверху, и увидел нечто, меня ошеломившее. И теперь я думаю, что погибну, и знаю, что нет для меня врача, кроме тебя».

И, услышав слова юноши, старуха засмеялась и молвила: «С тобою не будет беды, если захочет Аллах великий!» И когда она сказала ему эти слова, юноша вошел в дом и вышел, неся в руках сто динаров, и сказал: «Возьми их, о матушка, и поступай со мной, как поступают господа с рабами. Скорее поспевай мне на помощь,— когда я умру, с тебя будет спрошено за мою кровь в день воскресения».— «С любовью и удовольствием! — ответила старуха.— Я только хочу, о дитя мое, чтобы ты немного поддержал меня — этим ты достигнешь желаемого».— «А чего ты

хочешь, о матушка?» — спросил юноша. И старуха ответила: «Я хочу, чтобы ты помог мне и пошел на шелковый рынок и спросил лавку Абу-ль-Фатха ибн Кайдама. И когда тебе его укажут, сядь у его лавки, поздоровайся с ним и скажи: «Дай мне покрывало, которое у тебя есть, разрисованное золотом. (А у него в лавке нет покрывала лучше этого.) Купи у него это покрывало, о дитя мое, за самую дорогую цену и положи его у себя, а я приду к тебе завтра, если захочет Аллах великий». И затем старуха ушла, а юноша провел ночь, ворочаясь, как на угольях гада́.

Когда же настало утро, он положил за пазуху тысячу динаров и пошел на шелковый рынок и спросил, где лавка Абу-ль-Фатха. И один из купцов рассказал ему, и, придя к Абу-ль-Фатху, юноша увидел перед ним слуг, прислужников и челядь, и был купец человек достойный и богатый, и в довершение его счастья была у него та женщина, а ей нет подобных у царских сыновей. И, увидев Абу-ль-Фатха, юноша приветствовал его, и купец ответил на его приветствие и приказал ему сесть, и юноша сел подле него и сказал: «О купец, я хочу от тебя такое-то покрывало, чтобы взглянуть на него». И купец велел рабу принести из глубины лавки тюк с шелком. И когда раб принес тюк, Абу-ль-Фатх развязал его и вынул несколько покрывал, и юноша был поражен их красотой. И он увидел то самое покрывало, и купил его у купца за пятьдесят динаров, и, радостный, понес его домой. И вдруг подошла та старуха, и, увидав ее, юноша встал перед нею и дал ей покрывало. И старуха сказала ему: «Принеси мне уголек из огня». И юноша принес ей огня, и старуха поднесла кончик покрывала к угольку и прожгла его с краю, а потом она свернула покрывало так же, как прежде, и, взяв его с собой, пошла к дому Абу-ль-Фатха, и, подойдя, постучала в ворота. И когда та женщина услышала ее голос, она поднялась и отперла ей ворота. А старуха водила дружбу с матерью этой женщины, и та знала ее, потому что она была подруга ее матери. «Что тебе нужно, о матушка,— спросила женщина.— Мать ушла от меня домой».— «О дочка,— отвечала старуха,— я знаю, что твоя мать не у тебя, и я была у нее в доме, и пришла к тебе, только боясь, что пройдет время молитвы. Я хочу здесь у тебя омыться, так как знаю, что ты чистоплотная и в доме у тебя чисто».

И женщина позволила ей войти к себе, и старуха, войдя, приветствовала ее и призвала на нее благословение, а потом она взяла кувшин, и вошла в дом уединения, и омы-

лась, и совершила в каком-то помещении молитву, а после этого прошла к той женщине и сказала ей: «О дочка, я думаю, что в том месте, где я молилась, ходили слуги, и оно нечисто. Присмотри другое место, где бы мне помолиться. Я уничтожила ту молитву, которую сотворила раньше». И женщина взяла ее за руку и сказала ей: «О матушка, пойди помолись на моей постели, где сидит мой муж». И когда она привела ее к постели, старуха начала молиться, и взывать к Аллаху, и кланяться, а потом она воспользовалась невниманием женщины и положила покрывало под подушку, так что та этого не видела. А кончив молиться, старуха призвала на женщину благословение, и поднялась, и вышла от нее.

Когда же наступил конец дня, пришел купец, муж этой женщины, и сел на постель. И женщина принесла ему кушанье, и купец поел его вдоволь и вымыл руки, а затем он облокотился на подушку, и вдруг увидел, что из-под нее торчит кончик покрывала. И купец вынул покрывало из-под подушки и, посмотрев на него, узнал его. И он заподозрил женщину в бесстыдном, и кликнул ее, и спросил: «Откуда у тебя это покрывало?» И его жена поклялась ему многими клятвами и сказала: «Ко мне никто не приходил, кроме тебя». И купец смолчал, опасаясь позора, и подумал: «Если я начну это дело, то опозорюсь в Багдаде». (А этот купец бывал собеседником халифа, и ему оставалось только молчать, и он не сказал своей жене ни одного слова.) И имя этой женщины было Махзия, и купец кликнул ее и сказал: «До меня дошло, что твоя мать лежит больная и у нее болит сердце, и все женщины у нее и плачут о ней. Она приказала, чтобы ты к ней подошла».

И женщина пошла к своей матери и, войдя в дом, нашла свою мать здоровой. И она посидела немного, и вдруг пришли носильщики, которые переносили ее пожитки из дома купца, и они перенесли все вещи, бывшие у него в доме. И когда мать увидела это, она спросила: «О дочка, что с тобой случилось?» Но женщина скрыла от нее, и ее мать заплакала и опечалилась из-за разлуки дочери с тем человеком.

А через несколько дней старуха пришла к той женщине, когда она была в доме, и с жалостью приветствовала ее и спросила: «Что с тобой, о дочка, о моя любимая? Ты смутила мои мысли». И она вошла к матери женщины и спросила ее: «О сестрица, что случилось и что за история у девушки с ее мужем? До меня дошло, что он с нею развелся; какой за ней грех?» — «Может быть, ее муж вернется

к ней по твоему благословению,— сказала мать женщины.— Помолись же за нее, сестрица: ты постница и простаиваешь всю ночь на молитве». А потом девушка, ее мать и старуха сошлись в доме и стали разговаривать, и старуха сказала: «О дочка, не заботься ни о чем, если захочет Аллах великий, я сведу тебя с твоим мужем на днях».

И потом старуха отправилась к тому юноше и сказала ему: «Приготовь нам красивое помещение, я приведу к тебе ту женщину сегодня вечером». И юноша поднялся и принес все, что им было нужно из еды и питья, и сел их дожидаться, а старуха пришла к матери женщины и сказала ей: «О сестрица, у нас свадьба, пошли девушку со мной, пусть она развлечется, и пройдут ее огорчение и забота, а потом я верну ее тебе такой же, какою взяла». И мать женщины поднялась и одела ее в самое роскошное из ее платьев, украсив ее наилучшими украшениями и одеждами. И женщина вышла со старухой, а мать ее шла с ними до ворот и наставляла старуху и говорила ей: «Берегись, чтобы ее не увидел кто-нибудь из созданий Аллаха великого — ты ведь знаешь, каково место ее мужа у халифа. Не задерживайся же и возвращайся в самом скором времени». И старуха взяла женщину и пришла с нею к дому юноши, а женщина думала, что это тот дом, где свадьба. И когда она вошла в дом и пришла в комнату гостей, юноша вскочил ей навстречу, и обнял ее, и стал целовать ей руки и ноги, и девушка была ошеломлена красотой юноши, и ей представилось, что это помещение и все, что в нем есть из цветов, съестного и напитков,— сон. И старуха, увидя ее растерянность, сказала: «Имя Аллаха над тобою, о дочка! Не бойся, я сижу и не покину тебя ни на одну минуту. Ты подходишь для него, и он подходит для тебя». И женщина села в сильном смущении, а юноша до тех пор играл с нею, и смешил ее, и развлекал стихами и рассказами, пока она не успокоилась и не развеселилась. И она стала есть и пить, и, когда вино показалось ей приятным, она взяла лютню, и запела, и склонилась, и устремилась к красоте юноши. И, увидав это, юноша опьянел без вина и готов был отдать за нее жизнь, и старуха вышла от них.

А на заре она пришла к ним и пожелала им доброго утра и спросила женщину: «Какова была твоя ночь, о госпожа?» — «Было хорошо из-за твоей ловкости и уменья сводничать»,— ответила женщина, а старуха сказала ей: «Вставай, пойдем к твоей матери». И когда юноша услышал слова старухи, он выложил ей сто динаров и сказал:

«Оставь ее у меня на сегодняшнюю ночь». И старуха вышла от них и пошла к матери женщины и сказала ей: «Твоя дочь желает тебе мира. Мать невесты взяла с нее клятву, что она проведет у нее сегодняшнюю ночь».— «О сестрица,— сказала мать женщины,— пожелай мира им обоим. Если девушка довольна, то не беда, что она там переночует — пусть повеселится и придет не торопясь, и я боюсь для нее только огорчения со стороны ее мужа».

И старуха устраивала с матерью женщины хитрость за хитростью, пока не прошло семь дней, и каждый день она брала у юноши сто динаров. А когда эти дни прошли, мать женщины сказала старухе: «Подай мне мою дочь сию же минуту, мое сердце занято ею! Время ее отсутствия затянулось, и это мне подозрительно». И старуха вышла от нее, разгневанная ее словами, и, придя к женщине, положила ее руку в свою, и они вышли от юноши, когда тот спал на постели, охмелев от вина. И они пришли к матери женщины, и та встретила ее весело и приветливо, обрадованная до крайности, и сказала: «О дочка, мое сердце занято тобою, и я напала на мою сестру со словами, которые ее огорчили».— «Поднимайся и целуй ей руки и ноги,— она была мне точно служанка и исполняла мои просьбы,— сказала женщина.— А если ты не сделаешь того, что я приказала, я тебе не дочь, а ты мне не мать». И мать девушки тотчас же поднялась и помирилась со старухой.

А юноша, очнувшись от опьянения, не нашел женщины, но он был рад и тому, что получил, когда достиг своей цели. И потом старуха пошла к юноше и приветствовала его и спросила: «Что ты видел из моих поступков?» — «Прекрасно ты поступила и замыслила и придумала!» — воскликнул юноша. А старуха сказала: «Пойдем, исправим то, что мы испортили, и воротим эту женщину к ее мужу — мы ведь были причиною их разлуки».— «А как мне поступить?» — спросил юноша. «Ты пойдешь в лавку того купца,— отвечала старуха,— и сядешь возле него, и поздороваешься с ним, а я пройду мимо лавки. И когда ты меня увидишь, выйди поскорее из лавки, схвати меня, и тяни за платье, и брани, и пугай, и требуй с меня покрывало, и говори купцу: «О господин, не помнишь ты того покрывала, которое я у тебя купил за пятьдесят динаров? Случилось, о господин, что моя невольница его надела и прожгла в одном месте с краю, и тогда она дала это покрывало этой старухе, чтобы та отдала его кому-нибудь заштопать, и старуха взяла его и ушла, и я ее с того дня не ви-

дел».— «С любовью и удовольствием!» — ответил юноша.

А затем, в тот же час и минуту, он пошел в лавку купца и посидел у него немного, и вдруг увидел, что старуха проходит мимо лавки, и в руках у нее четки, которые она пересчитывает. И, увидав ее, юноша поднялся на ноги, и, выйдя из лавки, потянул старуху за платье, и стал ее ругать и бранить, а она отвечала ему мягко и говорила: «О дитя мое, тебе простительно!» И люди на рынке собрались вокруг них и стали спрашивать: «В чем дело?» И юноша отвечал: «О люди, я купил у этого купца покрывало за пятьдесят динаров, и невольница носила его один час, а потом она села, чтобы его окурить, и вылетела искра и прожгла покрывало с краю. И мы дали его этой старухе с тем, чтобы она отдала его кому-нибудь заштопать и возвратила нам, и с того времени мы никогда ее не видали». И старуха воскликнула: «Этот юноша сказал правду! Да, я взяла у него покрывало и зашла с ним в один из домов, куда я обыкновенно захожу, и забыла его где-то в тех местах, и не знаю, где оно. А я женщина бедная, и я испугалась владельца этого покрывала и не встречалась с ним». И при всем этом купец, муж той женщины, слушал их разговор с начала и до конца. И когда купец узнал историю, которую придумали эта хитрая старуха с юношей, он поднялся на ноги и воскликнул: «Аллах велик! Прошу прощения у великого Аллаха за мои грехи и за то, что заподозрил мой ум!» И он прославил Аллаха, который открыл ему истину, а затем он подошел к старухе и спросил ее: «Ты заходишь к нам?» — «О дитя мое,— отвечала старуха,— я захожу и к тебе и к другим за милостыней, и с того дня никто не дал мне вестей об этом покрывале».— «А ты спрашивала о нем кого-нибудь у нас в доме?» — продолжал купец. И старуха молвила: «О господин, я ходила в дом и спрашивала, и мне сказали: «Купец развелся с хозяйкой дома»,— и я вернулась и после уже никого не спрашивала до сегодняшнего дня».

И купец обратился к юноше и сказал ему: «Освободи дорогу этой старухе — покрывало у меня». И он вынес покрывало из лавки и отдал его заштопать перед теми, кто присутствовал, а затем он пошел к своей жене, и дал ей немного денег, и снова взял ее к себе, после того как усиленно перед нею извинялся и просил прощения у Аллаха, и не знал он о том, что сделала старуха.

Вот одна из многих козней женщин, о царь». И затем вазир сказал:

«Дошло до меня также, о царь, что кто-то из царских детей вышел наедине с собою, чтобы прогуляться, и проходил мимо зеленого сада, где были деревья, плоды и птицы, и каналы бежали по этому саду. И юноше понравилось это место, и он сел там, и, вынув сушеные плоды, бывшие у него, стал их есть, и когда он сидел так, то вдруг увидал большой дым, поднимавшийся к небу в этом месте. И царевич испугался, и встал и, взобравшись на одно из деревьев, спрятался там. И когда царевич залез на дерево, он увидел, что из середины реки вышел ифрит, на голове которого был мраморный сундук, а на сундуке — замок. И ифрит поставил сундук в саду и открыл его, и из сундука вышла девушка, подобная незакрытому солнцу на чистом небе, и была она из людей. И ифрит посадил девушку перед собой и стал на нее смотреть, а потом он положил голову ей на колени и заснул.

И девушка взяла голову ифрита и положила ее на сундук, а потом она встала и начала ходить, и взор ее упал на то дерево. И она увидела царевича и сделала ему знак спуститься, но царевич отказался спуститься, и девушка стала его заклинать и сказала: «Если ты не спустишься и не сделаешь со мной того, что я тебе скажу, я разбужу ифрита от сна и осведомлю его о тебе, и он погубит тебя в ту же минуту». И юноша испугался девушки и спустился вниз, и, когда он спустился, девушка стала целовать ему руки и ноги и соблазнять его, чтобы он исполнил ее нужду. И юноша согласился на ее просьбу, и, когда он выполнил ее просьбу, девушка сказала ему: «Дай мне перстень, который у тебя на руке». И юноша отдал ей перстень, и она завернула его в шелковый платок, который был у нее, а в платке было множество перстней — больше восьмидесяти,— и перстень царевича девушка положила среди них. «Что ты делаешь с этими перстнями, которые у тебя?» — спросил царевич. И девушка ответила: «Этот ифрит похитил меня из дворца моего отца и положил меня в этот сундук и запер на замок. И он ставит сундук со мною себе на голову, отправляясь куда бы то ни было, и едва может вытерпеть без меня одну минуту из-за сильной ревности и не позволяет мне того, что я хочу. И когда я увидала это, я дала клятву, что никому не откажу в сближении. А этих перстней, которые со мною, столько же, сколько познало меня мужчин, так как у каждого, кто меня познал, я беру перстень и кладу его в этот платок. Отправляйся своей дорогой,— сказала она потом,— а я подожду кого-нибудь другого — ифрит еще сейчас не встанет».

И юноша-царевич едва поверил этому, и он шел своей дорогой, пока не пришел к жилищу своего отца, а царь не знал о кознях девушки против его сына, и она не опасалась этого и не считалась с царем. И когда царь услышал, что перстень его сына пропал, он велел убить юношу, а потом он поднялся со своего места и пошел к себе во дворец, и тут вазиры отклонили его от убиения его сына. И когда наступила некая ночь, царь послал за вазирами, призывая их, и они все пришли, и царь поднялся им навстречу и поблагодарил их за то, что они раньше отклонили его от убиения сына, и юноша тоже поблагодарил их и сказал: «Прекрасно то, что вы придумали, чтобы мой отец пощадил мою душу, и я воздам вам благом, если захочет Аллах великий». И потом юноша рассказал вазирам о причине пропажи перстня, и вазиры пожелали ему долгой жизни и высокого возвышения и удалились из приемной залы.

Посмотри же, о царь, каковы козни женщин и что они делают с мужчинами».

И царь отказался от убиения своего сына.

РАССКАЗ О ЦАРЕВИЧЕ И СЕМИ ВАЗИРАХ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

А когда наступило утро, отец царевича сел на престол в восьмой день, и вошел к нему его сын, вложив руку в руку своего наставника ас-Синдибада, и поцеловал землю перед ним, а затем он заговорил красноречивейшим языком, и восхвалил своего отца и его вазиров и вельмож его правления, и поблагодарил их, и прославил. А в зале присутствовали ученые, эмиры, воины и знатные люди, и все присутствовавшие изумились ясности языка царевича, его красноречию и превосходному умению говорить. И когда отец царевича услышал это, он обрадовался сильной радостью, а затем он позвал царевича, и поцеловал его в лоб, и позвал наставника его ас-Синдибада, и спросил его, почему его сын молчал в течение этих семи дней.

«О владыка,— отвечал наставник,— благо было в том, что он не говорил. Я боялся, что он будет убит в это время, и я узнал об этом деле, о господин, в день рождения царевича — когда я увидел его гороскоп, он указал мне на все это. А теперь зло отошло от него, по счастью царя». И царь обрадовался этому и спросил своих вазиров: «Если бы я убил моего сына, грех был бы на мне, на невольнице или

на наставнике ас-Синдибаде?» И присутствующие промолчали и не дали ответа, и наставник юноши, ас-Синдибад, сказал царевичу: «Дай ответ, о дитя мое»,— царевич сказал:

РАССКАЗ О НЕВОЛЬНИЦЕ И МОЛОКЕ

«Я слышал, что у одного купца остановились в доме гости, и хозяин послал невольницу купить для них на рынке молока в кувшине, и невольница взяла молока в кувшине и направилась обратно к дому своего господина. И когда она шла по дороге, пролетел над ней ястреб, несший в когтях змею, которую он сдавил, и со змеи упала в кувшин капля, а невольница не знала этого. И когда она пришла в дом, ее господин взял у нее молоко и стал его пить вместе со своими гостями, и не успело молоко утвердиться у них в желудках, как они все умерли. Посмотри же, о царь, на ком был грех в этом случае?»

И один из присутствующих сказал: «Грех на людях, которые пили»,— а другой сказал: «Грех на невольнице, которая оставила кувшин открытым, без покрывала».

И ас-Синдибад, наставник мальчика, молвил: «А ты что скажешь об этом, о дитя мое?» — «Я скажу,— ответил царевич,— что эти люди ошибаются: нет греха ни на невольнице, ни на собравшихся гостях, но только срок этих людей окончился вместе с их наделом, и была определена им смерть по причине этого происшествия».

И когда присутствовавшие услышали это, они до крайности удивились, и возвысили голоса, желая царевичу блага, и сказали ему: «О владыка, ты дал ответ, которому нет подобных, и ты — ученый среди людей теперешнего времени». И, услышав их, царевич молвил: «Я не ученый, и, поистине, слепой старец, и трехлетний ребенок, и пятилетний ребенок умнее меня».— «Расскажи нам историю этих троих, которые умнее тебя, о юноша»,— сказали присутствовавшие люди. И царевич молвил:

РАССКАЗ О КУПЦЕ И СЛЕПОМ СТАРЦЕ

«Дошло до меня, что был один купец с большими деньгами, который много путешествовал по всем странам. И захотелось ему поехать в какую-то страну, и он спросил людей, прибывших оттуда: «На каком товаре там можно

много нажить?» — «На сандаловом дереве — оно там дорого продается»,— ответили ему. И купец купил на все свои деньги сандалового дерева и отправился в тот город.

И когда он туда прибыл (а время его прибытия было в конце дня), он вдруг увидел старуху, которая гнала баранов, и, увидав купца, она спросила его: «Кто ты, о человек?» И купец ответил: «Я купец, чужеземец».— «Берегись жителей этого города,— сказала старуха,— это хитрецы и воры, и они обманывают чужеземца, чтобы одолеть его, и проедают то, что у него есть. И вот я дала тебе совет». И старуха покинула его.

А когда наступило утро, купца встретил один из жителей города, и приветствовал его, и спросил: «О господин, откуда ты прибыл?» — «Я прибыл из такого-то города»,— отвечал купец. И горожанин спросил его: «А какой ты привез с собою товар?» — «Сандаловое дерево,— отвечал купец.— Я слышал, что оно имеет у вас цену».— «Ошибся тот, кто тебе это посоветовал,— молвил горожанин.— Мы жжем под котелками только сандаловое дерево, и у нас ему одна цена с дровами». И когда купец услышал слова этого человека, он опечалился и раскаялся, и вместе верил и не верил. И этот купец остановился в одном из городских ханов и стал разжигать свой сандал под котелком, и тот горожанин увидал его и спросил: «Не продашь ли ты этот сандал, по скольку захочет твоя душа за меру».— «Я продам его тебе»,— отвечал купец. И человек перенес весь его сандал к себе домой, а продавец намеревался взять столько золота, сколько покупатель возьмет сандала.

А когда наступило утро, купец пошел ходить по городу, и ему встретился человек, голубоглазый и кривой, один из городских жителей, и уцепился за него и сказал: «Это ты погубил мой глаз, и я ни за что тебя не отпущу!» И купец начал отрицать и воскликнул: «Это дело не удастся!» И вокруг них собрались люди и стали просить у кривого отсрочки до завтра, а тогда купец отдаст ему цену его глаза. И купец выставил за себя поручителя, и его отпустили, и он ушел. А у него разорвалась сандалия, когда кривой тащил его, и он остановился у лавки башмачника, и отдал ему сандалию, и сказал: «Почини ее, и тебе достанется от меня то, на что ты будешь согласен». И он ушел и вдруг увидел людей, которые сидели и играли, и сел с ними рядом, от горя и заботы, и они попросили его поиграть, и он стал играть с ними. И они обратили победу против него, и обыграли его, и предложили ему на выбор: или выпить море, или выложить все свои деньги. И купец поднялся и сказал:

«Отсрочьте мне до завтра»,— и ушел от них, озабоченный тем, что он сделал, и не зная, каково будет его положение

И он сел в одном месте, раздумывая, озабоченный и огорченный, и вдруг прошла мимо него та старуха. И она посмотрела на купца и сказала ему: «Может быть, жители города тебя одолели? Я вижу, ты озабочен тем, что поразило тебя». И купец рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца. И старуха спросила его: «Кто же тебя провел с этим сандалом? Сандал у нас ценится по десять динаров за ритль. Но я придумаю для тебя способ, в котором, я надеюсь, будет спасение для тебя. Иди к таким-то воротам; в том месте есть один слепой шейх-сидень, умный, сведущий, старый, опытный. Все к нему приходят и спрашивают его о том, что собираются сделать, и он советует им то, в чем для них польза, так как он сведущ в кознях, колдовстве и плутовстве. Он ловкач, и ловкачи собираются у него ночью. Пойди же к нему и спрячься от твоих противников, чтобы ты слышал их разговор, а они тебя не видели. Он будет им рассказывать о побеждающем и побежденном, и, может быть, ты услышишь от них какой-нибудь довод, который освободит тебя от твоих противников».

И купец пошел от нее в то место, о котором она ему рассказывала, и спрятался там, и увидел того шейха, и сел близко от него. И когда прошло не больше часу, явились к шейху люди, которые хотели с ним судиться, и, представ перед ним, приветствовали его, и поздоровались друг с другом, и сели вокруг него, и купец, увидав их, нашел среди пришедших четырех своих противников. И шейх предложил им кое-какой еды, и они поели, а затем каждый из них стал рассказывать шейху, что произошло с ним в этот день, и человек с сандалом выступил вперед и рассказал шейху о том, что с ним в этот день случилось: как он купил у одного человека за бесценок сандал, и продажа состоялась с тем, чтобы наполнить меру чем продавец захочет. «Твой противник одолеет тебя»,— сказал шейх. «А как он меня одолеет?» — спросил ловкач, и шейх ответил: «Если он тебе скажет: «Я возьму полную меру золота или серебра, ты ему дашь?» — «Дам и я буду с прибылью»,— ответил ловкач. «Ну, а если он тебе скажет: «Я возьму полную меру блох, половину самцов, половину самок»,— что ты будешь делать?» — спросил шейх. И ловкач понял, что он побежден.

И затем выступил вперед кривой и сказал: «О шейх, я увидел сегодня одного человека с голубыми глазами из

чужой страны, и затеял с ним ссору, и уцепился за него, и сказал ему: «Это ты погубил мой глаз!» И я не оставил его до тех пор, пока целая толпа народа мне не поручилась, что он ко мне вернется и удовлетворит меня за мой глаз».— «Если он захочет одолеть тебя, то наверное одолеет»,— сказал шейх. «Как же он меня одолеет?»— спросил кривой. И шейх ответил: «Он скажет тебе: «Вырви себе глаз, и я вырву себе глаз, а потом мы взвесим оба глаза. И если мой глаз будет равен твоему глазу, то ты прав в том, что утверждаешь. И ты будешь ему должен плату за его глаз и окажешься слепым, а он будет зрячим на другой глаз». И кривой понял, что купец победит его таким доводом.

А затем выступил вперед башмачник и сказал: «О шейх, я видел сегодня человека, который дал мне сандалию и сказал: «Почини мне ее». И я спросил его: «А разве ты не дашь мне плату?» И человек сказал: «Почини сандалию, и тебе достанется от меня то, на что ты будешь согласен». А я не буду согласен ни на что, кроме всех его денег».— «Если он захочет взять свою сандалию и ничего тебе не дать, он возьмет ее»,— сказал шейх. «А как так?»— спросил башмачник. И шейх ответил: «Он скажет тебе: «Враги султана разбиты, противники его бессильны, и дети его и помощники многочисленны. Ты согласен или нет?» И если ты скажешь: «Согласен»,— он возьмет свою сандалию и уйдет, а если ты скажешь: «Нет»,— он возьмет сандалию и побьет тебя ею по лицу и по затылку». И понял башмачник, что он будет побежден.

И затем выступил человек, который играл с купцом на усмотрение выигравшего, и сказал: «О шейх, я встретил одного человека, и сыграл с ним, и обыграл его, и сказал ему: «Если ты выпьешь это море, я выложу тебе все мои деньги, а если не выпьешь — выкладывай твои деньги мне».— «Если он захочет тебя победить, то наверное победит»,— сказал шейх. «А как это?»— спросил игрок. И шейх ответил: «Он скажет тебе: «Возьми горлышко моря в руку и подай его мне, а я его выпью». И ты не сможешь, и он победит тебя таким доводом». И купец, услышав это, узнал, какими доводами ему защищаться от своих противников. И потом все ушли от шейха, а купец направился в свое жилище.

А когда настало утро, пришел к нему человек, который играл с ним на то, что он выпьет море. И купец сказал ему: «Подай мне горлышко моря, и я его выпью». И игрок не смог, и купец одолел его, и споривший выкупил себя со-

тнею динаров и ушел. А потом пришел башмачник и потребовал того, на что он будет согласен, и купец сказал ему: «Султан победил своих врагов и погубил своих противников, и дети его многочисленны. Ты согласен или нет?» — «Да, согласен»,— отвечал башмачник, и купец взял свою обувь без платы.

А затем к нему пришел кривой и потребовал возмещения за свой глаз, и купец сказал ему: «Вырви себе глаз, и я вырву себе глаз, и мы их взвесим, и если они будут одинаковы, значит ты прав и бери плату за свой глаз».— «Дай мне отсрочку»,— сказал кривой. И он помирился с купцом на сотне динаров и ушел.

А затем пришел к купцу тот, кто купил у него сандал, и сказал ему: «Возьми цену твоего сандала». — «Что ты мне дашь?» — спросил купец. «Мы сговорились, что мера сандала пойдет за меру чего-нибудь другого,— отвечал человек.— Если желаешь, возьми ее полной золота или серебра».— «Я возьму только полную меру блох: половину самцов, половину самок»,— сказал купец. И покупатель ответил: «Я не могу сделать ничего такого!»

И купец одолел его, и покупатель выкупил себя сотнею динаров, вернув сначала сандал купцу, и тот продал сандал, как хотел, и получил за него деньги и уехал из этого города в свою страну.

Что касается трехлетнего ребенка,— сказал царевич,— то был один человек, развратный и любивший женщин, который услышал об одной красивой и прекрасной женщине, обитавшей в другом городе. И человек отправился в тот город, где жила женщина, и взял с собой подарок, и написал женщине записку, в которой описывал, какую сильную он испытывает тоску и страсть, и говорил, что любовь побудила его к ней переселиться и прибыть к ней. И женщина позволила ему к ней прийти. И когда этот человек пришел к ее жилищу и вошел к ней, женщина поднялась на ноги, и встретила его с почетом и уважением, и поцеловала ему руки, и угостила его таким угощением из съестного и напитков, больше которого не бывает.

А у этой женщины был маленький ребенок трех лет жизни. И она оставила его и занялась варкой кушаний. И мужчина сказал ей: «Пойдем ляжем!» И она ответила: «Мой ребенок сидит и смотрит на нас».— «Это маленький ребенок, он ничего не понимает и не умеет говорить»,— сказал мужчина. И женщина молвила: «Если бы ты знал,

как он понятлив, ты бы так не говорил». И когда мальчик увидел, что рис поспел, он громко заплакал, и мать спросила его: «О чем ты плачешь, о дитя мое?» — «Наложи мне рису и полей его маслом»,— сказал мальчик. И его мать положила ему рису и полила его маслом, и мальчик поел и еще раз заплакал. «О чем ты плачешь, о дитя мое?» — спросила его мать. И ребенок сказал: «О матушка, положи мне в него сахару!»

И мужчина, рассердившись, воскликнул: «Поистине, ты злосчастный ребенок!» А мальчик отвечал: «Никто не злосчастный, кроме тебя, раз ты утомлялся и выехал из одного города в другой, стремясь к блуду. А что до меня, то я плакал потому, что у меня что-то было в глазу, и я вывел это слезами, и потом поел рису с маслом и сахаром и насытился. Кто же из нас злосчастный?»

И, услышав это, мужчина устыдился слов маленького ребенка. А потом пришло к нему увещание свыше, и он, в тот же час и минуту, стал пристойным и, никак не посягнув на женщину, удалился в свой город и раскаивался, пока не умер».

РАССКАЗ О РЕБЕНКЕ И СТОРОЖИХЕ

А затем царевич сказал: «Что же касается пятилетнего ребенка, то дошло до меня, о царь, что четыре купца соединились, имея тысячу динаров, и, смешав все деньги, положили их в один кошель и пошли покупать товар. И они увидели по дороге прекрасный сад и вошли туда, а кошель оставили у сторожихи сада и, войдя, погуляли там и стали есть, пить и веселиться. И один из них сказал: «У меня есть благовония; пойдем вымоем голову в этой текучей воде и надушимся!» — «Нам понадобится гребень»,— сказал другой. И кто-то еще молвил: «Спроси сторожиху, может быть, у нее будет гребень».

И один из купцов пошел к сторожихе и сказал ей: «Дай мне кошель!» И сторожиха ответила: «Когда вы придете все или твои товарищи прикажут мне его тебе отдать». (А товарищи купца сидели в таком месте, что сторожиха их видела и слышала их разговор.) «Она не соглашается ничего мне дать»,— сказал купец своим товарищам. И те крикнули: «Дай ему!» И когда сторожиха услышала их слова, она отдала купцу кошель, и этот человек взял его и убежал.

Купцы, которые долго ждали своего товарища, пошли к сторожихе и спросили: «Почему ты не даешь ему гребня?» И сторожиха ответила: «Он спрашивал только кошель, и я отдала его не раньше, чем вы позволили, и ваш товарищ вышел отсюда и ушел своей дорогой». И, услышав слова сторожихи, купцы стали бить себя по лицу, и схватили сторожиху, и сказали: «Мы позволили тебе дать ему только гребень!» — «Он не говорил мне про гребень»,— ответила сторожиха. И купцы схватили ее, и повели к судье, и, придя к нему, рассказали всю историю, и кади обязал сторожиху вернуть кошель и объявил ее должницей всех ее противников. И она вышла смущенная, не видя перед собой дороги. И ее встретил мальчик пяти лет жизни. И когда этот мальчик увидел, как она смущена, он спросил ее: «Что с тобой, о матушка?» Но она не дала ему ответа и пренебрегла им из-за его малых лет. И мальчик повторил свои слова один, и другой, и третий раз, и женщина сказала: «Несколько человек пришли ко мне в сад и положили возле меня кошель с тысячей динаров и поставили мне условие, что я никому не отдам этот кошель иначе, как в присутствии их всех. А потом они пошли в сад походить и прогуляться. И один из них вышел и сказал мне: «Дай кошель!» И я сказала ему: «Когда придут твои товарищи».— «Я взял от них позволение»,— сказал он. Но я не согласилась отдать ему кошель, и тогда он крикнул своим товарищам: «Она не соглашается ничего мне дать». И они сказали мне: «Дай ему!» (А они были поблизости от меня.) И я отдала этому человеку кошель, и он взял его и ушел своей дорогой. И его товарищи заждались его и вышли ко мне и спросили: «Почему ты не даешь ему гребень?» И я ответила: «Он не говорил про гребень, он говорил только про кошель». И они схватили меня и отвели к кади, и кади обязал меня вернуть кошель».

«Дай мне дирхем, чтобы купить сладкого, и я скажу тебе что-то, в чем будет освобождение»,— сказал мальчик. И женщина дала ему дирхем и спросила: «Какие есть у тебя слова?» — «Возвращайся к кади,— ответил мальчик,— и скажи ему: «У меня с ними было условлено, что я отдам им кошель только в присутствии всех четырех». И женщина воротилась к кади,— говорил царевич,— и сказала ему то, что ей говорил мальчик. И кади спросил: «Было у вас с нею так условлено?» — «Да»,— отвечали купцы. И кади сказал: «Приведите ко мне вашего товарища и берите кошель». И сторожиха благополучно вышла, и не случилось с ней беды, и она ушла своей дорогой».

И когда услышали слова юноши царь, и вазиры, и те, кто присутствовал в этом собрании, они сказали царю: «О владыка наш царь, твой сын превосходит людей своего времени!» И они пожелали юноше и царю блага. И царь прижал своего сына к груди, и поцеловал его в лоб, и спросил его, что у него было с невольницей. И царевич поклялся великим Аллахом и его благородным пророком, что это она соблазняла его. И царь поверил его словам и сказал: «Я отдаю ее тебе на суд: если хочешь, убей ее или сделай с ней что хочешь». — «Я изгоню ее из города», — сказал юноша своему отцу.

И царевич со своим родителем жили самой радостной и приятной жизнью, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, и вот конец того, что дошло до нас из истории о царе, его сыне и невольнице и семи вазирах.

РАССКАЗ О ДАЛИЛЕ-ХИТРИЦЕ И АЛИ ЗАЙБАКЕ КАИРСКОМ

Рассказывают также, о счастливый царь, что был во время халифата Харуна ар-Рашида один человек по имени Ахмад ад-Данаф и другой — по имени Хасан Шуман. И были они творцами козней и хитростей и совершали дивные дела, и по этой причине наградил халиф Ахмада ад-Данафа почетной одеждой и назначил его начальником правой стороны, и наградил он хасана Шумана почетной одеждой и назначил его начальником левой стороны, и положил каждому из них жалованье — всякий месяц тысячу динаров. И находилось у каждого из них под рукою сорок человек. И было предписано Ахмаду ад-Данафу наблюдение за сушей.

И выехали Ахмад ад-Данаф с Хасаном Шуманом и теми, кто был под их властью, на конях, и эмир Халид-вали был с ними, и глашатай кричал: «Согласно приказанию халифа, нет в Багдаде начальника правой стороны, кроме начальника Ахмада ад-Данафа, и нет в Багдаде начальника левой стороны, кроме начальника Хасана Шумана, и сло́ва их должно слушаться, и уважение к ним обязательно!»

А была в городе старуха по имени Далила-хитрица,

и была у нее дочь, по имени Зайнаб-мошенница; и они услышали крик глашатая, и Зайнаб сказала своей матери Далиле: «Посмотри, матушка, этот Ахмад ад-Данаф пришел из Каира, когда его оттуда прогнали, и играл в Багдаде всякие шутки, пока не приблизился к халифу и не стал начальником правой стороны. А тот шелудивый парень, Хасан Шуман, сделался начальником левой стороны, и у него накрывают стол по утрам и по вечерам, и положено им жалованье — каждому тысяча динаров во всякий месяц. А мы сидим в этом доме без дела, нет нам ни почета, ни уважения, и нет у нас никого, кто бы за нас попросил».

А муж Далилы был прежде начальником в Багдаде, и ему была положена от халифа каждый месяц тысяча динаров; и он умер и оставил двух дочерей: дочь замужнюю, у которой был сын по имени Ахмад аль-Лакит, и дочь незамужнюю по имени Зайнаб-мошенница. И Далила умела устраивать хитрости, обманы и плутни и могла бы выманить змею из ее норы, и иблис учился у нее хитростям. Ее отец был у халифа башенником, и ему полагалось жалованье — каждый месяц тысяча динаров. Он выращивал почтовых голубей, которые переносят письма и послания, и каждая птица в минуту нужды была халифу дороже, чем кто-нибудь из его сыновей.

И Зайнаб сказала своей матери: «Иди устрой хитрости и плутни, может быть, из-за этого разнесется о нас слава в Багдаде и будет нам жалованье нашего отца».

«Клянусь твоей жизнью, о дочка,— сказала Далила,— я сыграю в Багдаде штуки посильнее штук Ахмада ад-Данафа и Хасана Шумана!»

И она поднялась, и, закрыв лицо платком, надела одежду факиров и суфиев, и оделась в платье, спускавшееся ей до пят, и в шерстяной халат, и повязалась широким поясом. Потом она взяла кувшин, наполнила его водой по горлышко и, положив на отверстие его три динара, прикрыла отверстие куском пальмового лыка. А на шею она надела четки величиной с вязанку дров, и взяла в руки палку с красными и желтыми тряпками, и вышла, говоря: «Аллах! Аллах!» — и язык произносил славословие, а сердце скакало по ристалищу мерзости.

И она начала высматривать, какую бы сыграть в городе штуку, и ходила из переулка в переулок, пока не пришла к одному переулку, выметенному, политому и вымощенному.

И она увидела сводчатые ворота с мраморным порогом и магрибинца-привратника, который стоял у ворот; и был

это дом начальника чаушей халифа, и у хозяина дома были поля и деревни, и он получал большое жалованье. И звали его: эмир Хасан Шарр-ат-Тарик, и назывался он так лишь потому, что удар опережал у него слово.

И был он женат на красивой женщине и любил ее, и в ночь, когда он вошел к ней, она взяла с него клятву, что он ни на ком, кроме нее, не женится и не будет ночевать вне дома. И в один из дней ее муж пошел в диван и увидел с каждым из эмиров сына или двоих сыновей. А он как-то ходил в баню и посмотрел на свое лицо в зеркало и увидел, что белизна волос его бороды покрыла черноту, и сказал себе: «Разве тот, кто взял твоего отца, не наделит тебя сыном?»

И потом он вошел к жене, сердитый. И она сказала ему: «Добрый вечер!» И эмир воскликнул: «Уходи от меня! С того дня, как я увидел тебя, я не видел добра». — «А почему?» — спросила его жена. И он сказал: «В ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я ни на ком, кроме тебя, не женюсь, а сегодня я видел, что у каждого эмира есть по сыну, а у некоторых — двое; и я вспомнил про смерть и про то, что мне не досталось ни сына, ни дочери, а у кого нет сына, о том не вспоминают. Вот причина моего гнева. Ты бесплодная и не несешь от меня!» — «Имя Аллаха над тобой! — воскликнула его жена. — Я пробила все ступки, толча шерсть и зелья, и нет за мной вины. Задержка от тебя: ты плосконосый мул, и твой белок жидкий — он не делает беременной и не приносит детей». — «Когда вернусь из поездки, женюсь на другой», — сказал эмир. И жена его отвечала: «Моя доля у Аллаха!» И эмир вышел от нее, и оба раскаялись, что поносили друг друга.

И когда жена эмира выглядывала из окна, подобная невесте из сокровищницы — столько было на ней украшений, Далила вдруг остановилась, и увидела эту женщину, и заметила на ней украшения и дорогие одежды, и сказала себе: «Нет лучше ловкости, о Далила, чем забрать эту женщину из дома ее мужа, и оголить ее от украшений и одежды, и взять все это».

И она остановилась и стала поминать Аллаха под окном дворца, говоря: «Аллах! Аллах!» И жена эмира увидала старуху, одетую в белые одежды, похожую на купол из света и имевшую облик суфиев, которая говорила: «Явитесь, о друзья Аллаха!» И женщины с той улицы высунулись из окон и стали говорить: «Вот явная поддержка Аллаха! От лица этой старицы исходит свет!» И Хатун,

жена эмира Хасана, заплакала и сказала своей невольнице: «Спустись, поцелуй руку шейху Абу Али, привратнику, и скажи ему: «Дай ей войти, этой старице, чтобы мы получили через нее благодать».

И невольница спустилась и поцеловала привратнику руку и сказала: «Моя госпожа говорит тебе: «Дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы она получила через нее благодать, может быть, ее благодать покроет нас всех».

И привратник пошел к Далиле и начал было целовать ей руку, но она не дала ему и сказала: «Отдались от меня, чтобы не испортить мне омовения! Ты тоже суфий — влекомый к Аллаху, наблюдаемый друзьями Аллаха. Аллах освободил тебя от этой службы, о Абу Али».

А привратнику приходилось с эмира его жалованье за три месяца, и он был стеснен и не знал, как вырвать деньги у этого эмира. «О матушка, напои меня из твоего кувшина, чтобы я получил через тебя благодать»,— сказал он Далиле. И та сняла кувшин с плеча, и помахала им в воздухе, и тряхнула рукой так, что лыко слетело с отверстия кувшина и три динара упали на землю, и привратник увидел их и подобрал. «Вот нечто от Аллаха! — воскликнул он.— Эта старица — одна из святых с сокровищами! Она разведала про меня и узнала, что я нуждаюсь в деньгах на расходы, и сумела раздобыть мне три динара из воздуха». И он взял динары в руку и сказал Далиле: «Возьми, тетушка, три динара, которые упали на землю из твоего кувшина». И старуха воскликнула: «Отдали их от меня, я из тех людей, которые никогда не занимаются делами мира! Возьми их и истрать на себя, взамен того, что приходится тебе с эмира».— «Вот явная поддержка Аллаха, и это относится к откровениям!» — воскликнул привратник. И невольница поцеловала старухе руку и повела ее наверх к своей госпоже.

И Далила вошла и увидела, что госпожа невольницы подобна кладу, с которого сняты талисманы; а Хатун приветствовала ее и поцеловала ей руку. «О дочь моя,— сказала старуха,— я пришла к тебе только с советом». И Хатун подала ей еду, и Далила сказала: «О дочка, я ем только райские кушанья и постоянно пощусь. Я нарушаю пост лишь пять дней в году. Но я вижу, о дочка, что ты огорчена, и хочу, чтобы ты мне сказала о причине твоего огорчения».— «О матушка,— ответила Хатун,— в ночь, когда муж вошел ко мне, я взяла с него клятву, что он не женится на другой; и он увидел детей, и ему хотелось их

иметь, и он сказал: «Ты бесплодная!» А я сказала: «Ты мул, от которого не носят!» И он вышел сердитый и сказал: «Когда вернусь из поездки, женюсь на другой!» И я боюсь, о матушка, что он со мной разведется и возьмет другую. У него есть деревни, и поля, и большое жалованье, и если придут к нему дети от другой, они завладеют вместо меня деньгами и деревнями».

«О дочка,— сказала Далила,— разве ты ничего не знаешь о моем шейхе Абу-ль-Хамалате? За всякого, кто в долгах и кто посетит его, Аллах отдает его долги, а если посетит его бесплодная, она станет беременной».— «О матушка,— сказала Хатун,— с того дня, как муж вошел ко мне, я не выходила ни с утешением, ни с поздравлением».— «О дочка,— сказала старуха,— я возьму тебя с собой и отведу к Абу-ль-Хамалату. Переложи на него твою ношу и дай ему обет, может быть, твой муж, вернувшись из путешествия, познает тебя и ты понесешь от него дочку или сына. И тот, кого ты родишь, будь то мальчик или девочка, станет дервишем шейха Абу-ль-Хамалата».

И женщина поднялась, и надела все свои украшения, и оделась в самое роскошное из бывших у нее платьев, и сказала невольнице: «Присматривай за домом!» И невольница ответила: «Слушаю и повинуюсь, о госпожа!»

И потом Хатун спустилась вниз, и ее встретил шейх Абу Али, привратник, и спросил ее: «Куда, о госпожа?» И Хатун ответила ему: «Я иду посетить шейха Абу-ль-Хамалата».— «Пост на год для меня обязателен! — воскликнул привратник.— Поистине, эта старица из святых, и она полна святости. Она, о госпожа, одна из святых с сокровищем, так как она мне дала три динара червонного золота и все обо мне открыла, без того, чтобы я спросил, и узнала, что я нуждаюсь!»

И старуха вышла, и женщина, жена эмира Хасана Шарр-ат-Тарика, вместе с нею; и Далила-хитрица говорила женщине: «Если захочет Аллах, о дочка, когда ты посетишь Абу-ль-Хамалата, твое сердце будет залечено, и ты понесешь, по изволению великого Аллаха, и полюбит тебя твой муж, эмир Хасан, по благодати этого шейха, и не заставит тебя после этого слушать слова, обидные для твоего сердца».— «Я посещу его, о матушка»,— сказала женщина; а старуха подумала: «Где я ее оголю и возьму ее одежду, когда люди ходят туда и сюда?»

«О дочка,— сказала она женщине,— когда идешь, иди сзади меня на таком расстоянии, чтобы меня видеть, потому что твоя матушка несет на себе многие ноши, и всякий,

у кого есть ноша, бросает ее на меня, и все, у кого есть приношение, дают его мне и целуют мне руку».

И женщина пошла сзади Далилы, далеко от нее, а старуха шла впереди, пока они не дошли до рынка купцов, и браслеты звучали, и монеты бренчали.

И Далила прошла мимо лавки сына одного купца по имени Сиди-Хасан (а он был красивый, без растительности на щеках), и он увидел проходившую женщину и стал искоса на нее поглядывать; и когда старуха заметила это, она подмигнула женщине и сказала ей: «Посиди возле этой лавки, пока я не приду к тебе!»

И женщина исполнила ее приказание и села перед лавкой сына купца, и сын купца посмотрел на нее взглядом, оставившим в нем тысячу вздохов; а старуха подошла к нему, приветствовала его и спросила: «Тебя ли зовут Сиди-Хасан, сын купца Мухсина?» И юноша ответил: «Да; кто осведомил тебя о моем имени?» — «Указали мне на тебя люди благие,— ответила старуха.— Знай, что эта девушка — моя дочь. Ее отец был купцом, и он умер и оставил ей большие деньги, и она достигла зрелости; а разумные сказали: «Сватай свою дочь, но не сватай за своего сына». И она в жизни не выходила из дому раньше этого дня. И пришло мне указание, и раздался в сердце моем призыв, чтобы я выдала ее за тебя замуж, а если ты бедный, я дам тебе денег и открою тебе вместо этой лавки две».

И сын купца подумал: «Я просил у Аллаха невесту, и он послал мне три вещи: кошелек, женщину и одежду».

«О матушка,— сказал он,— прекрасно то, что ты мне посоветовала! Моя мать уже давно говорит мне: «Я хочу тебя женить», а я соглашаюсь и говорю: «Я женюсь не иначе, как увидев собственными глазами!» — «Поднимайся на ноги и следуй за мной, я покажу ее тебе голую»,— сказала Далила. И юноша пошел с ней и взял с собою тысячу динаров, говоря в душе: «Может быть, нам понадобится что-нибудь купить и выложить установленную плату за заключение условия».

«Иди от нее вдали, на таком расстоянии, чтобы видеть ее»,— сказала ему старуха; а сама она думала: «Куда ты пойдешь с сыном купца, чтобы оголить и его и женщину?» И она пошла (а женщина следовала за ней, а сын купца следовал за женщиной) и подошла к красильне, где был один мастер по имени Хаддж Мухаммад, и был он подобен ножу продавца аронника — срезал и мужское и женское и любил есть фиги и гранаты.

И он услышал звон ножных браслетов, и поднял глаза,

и увидел юношу и девушку, и вдруг старуха села подле него и приветствовала его и спросила: «Ты Хаддж Мухаммад, красильщик?» — «Да, я Хаддж Мухаммад, чего ты потребуешь?» — ответил красильщик. И Далила сказала: «Указали мне на тебя люди благие. Посмотри на эту красивую девушку — это моя дочь, а этот безбородый красивый юноша — мой сын, и я воспитала их и истратила на них большие деньги. Знай, что у меня есть большой шаткий дом. Я подперла его деревянными балками, но строитель сказал мне: «Живи в другом месте. Возможно, что дом на тебя упадет, если не перестроишь его; а потом возвращайся в него и живи в нем». И я вышла поискать себе какого-нибудь жилья, и добрые люди указали мне на тебя, и я хочу поселить у тебя мою дочь и моего сына». — «Пришло к тебе масло на лепешке!» — подумал красильщик и сказал старухе: «Правильно, у меня есть дом, и гостиная, и комната, но я не могу обойтись без какого-нибудь из этих помещений из-за гостей и феллахов с индиго». — «О сынок, — сказала Далила, — самое большее на месяц или два месяца, пока мы перестроим дом. Мы люди иноземные. Сделай помещение для гостей общим для нас с тобой. Клянусь твоей жизнью, о сынок, если ты потребуешь, чтобы твои гости были нашими гостями, добро им пожаловать, мы и есть будем с ними, и спать будем с ними».

И красильщик отдал Далиле ключи: один большой, другой маленький, и еще ключ кривой, и сказал: «Большой ключ — от дома, кривой — от гостиной и маленький — от комнаты». И Далила взяла ключи, и женщина пошла за нею следом, а сзади нее шел сын купца. И Далила пришла к переулку, и увидела ворота, и открыла их, и вошла, и женщина тоже вошла; и Далила сказала ей: «О дочка, это дом шейха Абу-ль-Хамалата (и она указала ей на гостиную). Поднимись в комнату и развяжи изар, а я приду к тебе».

И женщина поднялась в комнату и села; и тут пришел сын купца, и старуха встретила его и сказала: «Посиди в гостиной, а я приведу тебе мою дочь, чтобы ты на нее посмотрел». И юноша вошел и сел в гостиной, а старуха вошла к женщине, и та сказала ей: «Я хочу посетить Абу-ль-Хамалата, пока не пришли люди». — «О дочка, мы боимся за тебя», — сказала старуха. «Отчего?» — спросила женщина. И старуха сказала: «Тут мой сын, он дурачок — не отличает лета от зимы и постоянно голый. Он подручный шейха, и, если входит к нему девушка, как ты, чтобы посетить шейха, он хватает ее серьги, и разрывает ей ухо, и рвет

ее шелковую одежду. Сними же твои драгоценности и платье, а я поберегу это для тебя, пока ты не посетишь шейха».

И женщина сняла украшения и одежду и отдала ее старухе; а та сказала: «Я положу их под покровом шейха, и достанется тебе благодать».

И старуха взяла вещи и ушла, оставив женщину в рубахе и штанах, и спрятала вещи в одном месте на лестнице, а затем она вошла к сыну купца и нашла его ожидающим женщину. «Где твоя дочь, чтобы я посмотрел на нее?» — спросил он старуху. И та стала бить себя в грудь. «Что с тобой?» — спросил юноша. И старуха воскликнула: «Пусть не живет злой сосед и пусть не будет соседей, которые завидуют! Они видели, как ты входил со мной, и спросили про тебя, и я сказала: «Я высватала моей дочери этого жениха». И тогда они мне позавидовали и сказали моей дочери: «Разве твоя мать устала содержать тебя, что она выдает тебя за прокаженного?» И я дала ей клятву, что я позволю ей тебя увидеть не иначе, как голым». — «Прибегаю к Аллаху от завистников!» — воскликнул юноша и обнажил руки. И Далила увидела, что они точно серебро, и сказала: «Не бойся ничего! Я дам тебе увидеть ее голою, как и она увидит тебя голым». — «Пусть приходит и смотрит на меня», — сказал юноша и снял с себя соболью шубу, и кушак, и нож, и всю одежду, так что остался в рубахе и подштанниках, а тысячу динаров он положил в вещи. И старуха сказала ему: «Подай свои вещи, я тебе их поберегу».

И она взяла их, и положила их на вещи женщины, и понесла все это, и вышла в двери, и заперла обоих и ушла своей дорогой. Она оставила то, что с ней было, у одного москательщика и пошла к красильщику и увидела, что тот сидит и ждет ее. «По воле Аллаха дом вам понравился?» — спросил он. И Далила ответила: «В нем — благодать, и я иду за носильщиками, которые принесут наши вещи и ковры. Мои дети захотели хлеба с мясом; возьми же этот динар, приготовь им хлеба с мясом и пойди пообедай с ними». — «А кто будет стеречь красильню, в которой чужие вещи? — спросил красильщик. «Твой малый», — отвечала Далила. И красильщик сказал: «Пусть так!» И, взяв блюдо, он пошел готовить обед.

Вот что было с красильщиком, и речь о нем еще впереди. Что же касается старухи, то она взяла от москательщика вещи женщины и сына купца, вошла в красильню и сказала малому красильщика: «Догоняй твоего хозяина, а я не

двинусь, пока вы оба не придете».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил малый. А Далила взяла все, что было в красильне.

И вдруг подошел один ослятник, гашишеед, который уже неделю был без работы, и старуха сказала ему: «Поди сюда, ослятник! — И когда он подошел, спросила: — Знаешь ли ты моего сына, красильщика?» — «Да, я его знаю»,— ответил ослятник. И старуха сказала: «Этот бедняга разорился, и на нем остались долги, и всякий раз, как его сажают в тюрьму, я его освобождаю. Мы желаем подтвердить его бедность, и я иду отдать вещи их владельцам и хочу, чтобы ты дал мне осла. Я отвезу на нем людям их вещи, а ты возьми этот динар за наем осла, а после того как я уйду, ты возьмешь чашку, вычерпаешь все, что есть в горшках, и разобьешь горшки и кувшины, чтобы, когда придет следователь от кади, в красильне ничего не нашлось».— «Милость хозяина лежит на мне, и я сделаю для него что-нибудь ради Аллаха»,— ответил ослятник. И старуха взяла вещи и взвалила их на осла, и покрыл ее Аллах-покровитель, и она отправилась домой.

И когда она пришла к своей дочери Зайнаб, та сказала ей: «Мое сердце с тобой, матушка! Какие ты устроила плутни?» И старуха отвечала: «Я устроила четыре плутни с четырьмя: сыном купца, женой чауша, красильщиком и ослятником, и привезла тебе все их вещи на осле ослятника».— «О матушка,— сказала Зайнаб,— ты не сможешь больше пройти по городу из-за чауша, вещи жены которого ты забрала, и сына купца, которого ты оголила, и красильщика, из чьей красильни ты взяла вещи, и ослятника, владельца осла».— «Ах, доченька,— ответила Далила,— я беспокоюсь только из-за ослятника: он меня узнает».

Что же касается мастера-красильщика, то он приготовил хлеб с мясом, и поставил его на голову своего слуги, и прошел мимо красильни, и увидел ослятника, который бил горшки, и не осталось в красильне ни тканей, ни вещей, и увидел он, что красильня разрушена. «Остановись, ослятник!» — крикнул он ему. И ослятник остановился и воскликнул: «Слава Аллаху за благополучие, хозяин! Мое сердце болит о тебе».— «Почему и что со мной случилось?» — спросил красильщик. И ослятник сказал: «Ты разорился, и тебе написали свидетельство о разорении».— «Кто тебе сказал?» — спросил красильщик. И ослятник молвил: «Твоя мать мне сказала, и она велела мне разбить горшки и вычерпать кувшины, боясь, что когда придет следователь, он, может быть, что-нибудь найдет

в красильне».— «Не дай господь! — воскликнул красильщик.— Моя мать давно умерла!» И он принялся бить себя рукою в грудь и воскликнул: «Пропало мое имущество и имущество людей!» И тогда ослятник заплакал и воскликнул: «Пропал мой осел!» И потом он сказал красильщику: «Верни мне моего осла, красильщик!» И красильщик вцепился в ослятника и стал бить его кулаками, говоря: «Приведи мне старуху!» А ослятник говорил: «Приведи мне осла!» И люди собрались вокруг них, и один из них спросил: «Что у вас случилось, о мастер Мухаммад?» И ослятник воскликнул: «Я расскажу вам эту историю!»

И он рассказал о том, что с ним случилось, и сказал: «Я думал, что я заслужил благодарность мастера, но, когда он меня увидел, он стал бить себя в грудь и сказал: «Моя мать умерла!» И я тоже требую от него моего осла, так как он устроил со мной эту штуку, чтобы погубить моего осла».

«О мастер Мухаммад,— сказали люди,— ты, значит, знаешь эту старуху, раз ты доверил ей красильню и то, что там было?» — «Я ее не знаю,— отвечал красильщик,— и она только сегодня у меня поселилась с сыном и дочерью».— «По совести,— сказал кто-то,— красильщик отвечает за осла».— «В чем основание этого?» — спросили его. И он сказал: «В том, что ослятник был спокоен и отдал своего осла старухе, только когда увидал, что красильщик доверил свою красильню и то, что в ней было».— «О мастер,— сказал тогда кто-то,— если ты поместил ее у себя, ты обязан привести ослятнику его осла».

И потом они пошли, направляясь к дому красильщика, и речь о них еще будет. Что же касается сына купца, то он ждал прихода старухи,— но та не приводила своей дочери; а женщина ждала, что старуха принесет ей позволенье от своего сына, увлеченного к Аллаху, подручного шейха Абу-ль-Хамалата,— но старуха не возвращалась к ней. И Хатун поднялась, чтобы посетить шейха. И вдруг сын купца сказал ей, когда она входила: «Поди сюда! Где твоя мать, которая привела меня, чтобы я на тебе женился?» — «Моя мать умерла,— отвечала женщина.— А ты сын той старухи, увлеченный Аллахом, подручный шейха Абу-ль-Хамалата?» — «Это не моя мать,— сказал сын купца,— эта старуха — обманщица. Она обманула меня и взяла мою одежду и тысячу динаров».— «Меня она тоже обманула и привела сюда, чтобы я посетила Абу-ль-Хамалата, и оголила меня»,— сказала женщина. И сын купца стал ей говорить: «Я узнаю, где моя одежда и тысяча динаров, только от

тебя!» А женщина говорила: «Я узнаю, где мои вещи и драгоценности, только от тебя! Приведи ко мне твою мать!»

И вдруг вошел к ним красильщик и увидел, что сын купца голый и женщина тоже голая, и сказал: «Говорите, где ваша мать!» И женщина рассказала обо всем, что ей выпало, и сын купца рассказал обо всем, что с ним случилось; и красильщик воскликнул: «Пропало мое имущество и имущество людей!» А ослятник воскликнул: «Пропал мой осел!» — «Эта старуха — обманщица,— сказал красильщик.— Выходите, чтобы я запер дверь».— «Для тебя будет позором, что мы вошли к тебе в дом одетые, а выходим голые»,— сказал сын купца. И красильщик одел его и одел женщину и отправил ее домой, и речь о ней еще будет после прибытия ее мужа из путешествия.

Что же касается красильщика, то он запер красильню и сказал сыну купца: «Пойдем с нами искать старуху, чтобы отдать ее вали». И сын купца пошел с ними, и ослятник был с ними тоже. И они вошли в дом вали и пожаловались ему, и вали спросил: «О люди, в чем ваше дело?» И они рассказали ему, что случилось. И вали сказал: «А сколько в городе старух! Идите ищите ее и схватите, а я заставлю ее сознаться». И они стали ходить и искать Далилу, и речь о них еще будет.

Что же касается старухи Далилы-хитрицы, то она сказала своей дочери Зайнаб: «О дочка, я хочу устроить штуку».— «О матушка, я боюсь за тебя»,— сказала Зайнаб. И старуха молвила: «Я точно шелуха бобов: не даюсь ни воде, ни огню!» И старуха поднялась и надела платье служанки из служанок вельмож и пошла, высматривая, какую бы устроить плутню. Она прошла мимо переулка, устланного тканями, где висели светильники, и услышала там певиц и удары в бубны, и увидала невольницу, на плече которой сидел мальчик в рубашке, вышитой серебром, и на нем была красивая одежда, а на голове у него была феска, окаймленная жемчугом; на шее у мальчика висело золотое ожерелье с драгоценными камнями, и на нем был надет бархатный плащ.

А этот дом принадлежал начальнику купцов в Багдаде, и ребенок был его сыном; и была у него еще дочь, девица, за которую посватались, и они в этот день справляли свадьбу. И у ее матери собралось много женщин и певиц, и всякий раз, как мать мальчика входила или выходила, ребенок цеплялся за нее. И она кликнула невольницу и сказала ей: «Возьми твоего господина, поиграй с ним, пока люди не разойдутся».

А старуха Далила вошла и увидела мальчика на плече невольницы и спросила ее: «Что у твоей госпожи сегодня за торжество?» И невольница ответила: «Она справляет свадьбу своей дочери, и у нее певицы». И тогда старуха сказала себе: «О Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребенка у невольницы!» И затем она воскликнула: «О позор!» — и вынула из-за пазухи маленькую медную бляшку, похожую на динар.

А невольница была дурочка, и старуха сказала ей: «Возьми этот динар, пойди к твоей госпоже и скажи ей: «Умм аль-Хайр за тебя радуется, и твои милости ее обязывают; и в день собрания она придет со своими дочерьми, и они наградят служанок подарками».— «О матушка,— сказала невольница,— а как же этот мой господин? Всякий раз, как он видит свою мать, он цепляется за нее».— «Подай его мне, он побудет со мной, пока ты сходишь и вернешься»,— сказала старуха. И невольница взяла медную бляшку и вошла в дом, а старуха взяла ребенка и, выйдя в переулок, сняла с него украшения и одежды, которые на нем были, и сказала себе: «О Далила, ловкость лишь в том, чтобы, так же как ты сыграла штуку с невольницей и взяла у нее ребенка, устроить еще плутню и оставить мальчика в залог за какую-нибудь вещь ценой в тысячу динаров!»

И она пошла на рынок торговцев драгоценностями и увидела еврея-ювелира, перед которым была корзина, полная драгоценностей, и сказала себе: «Ловкость лишь в том, чтобы схитрить с этим евреем, взять у него драгоценностей на тысячу динаров и оставить этого ребенка за них в залог».

И еврей посмотрел и увидел ребенка со старухой и узнал, что это сын начальника купцов. А у этого еврея было много денег, и он завидовал своему соседу, если тот продавал что-нибудь, а он не продавал.

«Чего ты потребуешь, о госпожа?» — спросил он. И Далила сказала: «Ты мастер Азра, еврей?» (Она раньше спросила, как его зовут.) «Да»,— ответил еврей. И Далила сказала: «Сестру этого ребенка, дочь начальника купцов, сосватали, сегодня справляют ее свадьбу, и ей нужны драгоценности. Дай же нам две пары золотых ножных браслетов, пару золотых запястий, жемчужные серьги, кушак, кинжал и перстень».

И она взяла у него вещей на тысячу динаров и сказала: «Я возьму эти драгоценности и посоветуюсь; что им понравится, они заберут, и я принесу тебе за это деньги, а ты

подержи этого мальчика у себя». — «Дело будет так, как ты хочешь», — ответил ювелир.

И Далила взяла драгоценности и пошла домой. И ее дочь спросила: «Какие плутни ты устроила?» И старуха отвечала: «Я сыграла одну штуку: взяла сына начальника купцов и раздела его, а потом пошла и заложила его за вещи в тысячу динаров и забрала их у одного еврея». — «Ты не сможешь больше ходить по городу», — сказала ей ее дочь.

Что же касается невольницы, то она вошла к своей госпоже и сказала ей: «О госпожа, Умм аль-Хайр желает тебе мира и радуется за тебя, а в день собрания она придет со своими дочерьми, и они принесут подарок». — «А где твой господин?» — спросила ее госпожа; и невольница ответила: «Я оставила его у нее, боясь, что он за тебя уцепится, и она дала мне подарок для певиц». И госпожа невольницы сказала начальнице певиц: «Возьми твой подарок». И та взяла его и увидела, что это медная бляшка.

«Спустись, о распутница, посмотри, где твой господин», — сказала хозяйка невольнице. И девушка спустилась и не нашла ни ребенка, ни старухи, — и она закричала и упала лицом вниз, и сменилась радость их печалью.

И вдруг пришел начальник купцов. И жена его рассказала ему обо всем, что случилось, и он вышел искать своего сына, и каждый из купцов начал искать на какой-нибудь дороге.

И начальник купцов искал до тех пор, пока не увидел своего сына голым возле лавки еврея, и тогда он спросил его: «Это мой сын?» — «Да», — отвечал еврей. И отец мальчика взял его и от сильной радости не стал спрашивать про его одежду.

Что же касается еврея, то, увидев, что купец взял своего сына, он уцепился за него и воскликнул: «Аллах да поможет против тебя халифу!» — «Что с тобой, о еврей?» — спросил купец; и еврей сказал: «Старуха взяла у меня драгоценностей для твоей дочери на тысячу динаров и заложила у меня этого ребенка. Я только потому ей и дал их, что она оставила у меня этого ребенка в залог за то, что взяла; и я бы не доверил ей, если бы не знал, что этот ребенок — твой сын». — «Моей дочери не нужно драгоценностей. Принеси мне одежду ребенка», — сказал купец. И еврей закричал: «Ко мне, мусульмане!» И вдруг подошли ослятник, красильщик и сын купца, которые ходили и искали старуху.

И они спросили купца и еврея о причине их перебранки, и те рассказали им, что случилось, и тогда они сказали: «Эта старуха — обманщица, и она обманула нас раньше, чем вас».

И они рассказали обо всем, что случилось у них со старухой, и начальник купцов сказал: «Раз я нашел своего сына, то одежда — выкуп за него, а если эта старуха мне попадется, я потребую одежду от нее».

И начальник купцов отправился со своим сыном к его матери, и та обрадовалась, что ребенок цел; а что до еврея, то он спросил тех троих: «А вы куда идете?» И они ответили: «Мы хотим искать старуху».— «Возьмите меня с собой,— сказал еврей, и потом он спросил: — Есть ли среди вас кто-нибудь, кто ее узнает?» — «Я ее узнаю!» — воскликнул ослятник. И еврей сказал: «Если мы пойдем вместе, нам невозможно будет ее найти, и она от нас убежит. Пусть каждый из нас пойдет по какой-нибудь дороге, а встреча наша будет у лавки хаджи Масуда, цирюльника-магрибинца».

И каждый из них пошел по одной из дорог, а в это время Далила вышла, чтобы устроить новую плутню.

И ее увидел ослятник, и, узнав ее, уцепился за нее, и крикнул: «Горе тебе! Ты давно занимаешься таким делом?» — «Что с тобой?» — спросила старуха. И ослятник воскликнул: «Мой осел! Подай его!» — «Скрывай то, что скрыл Аллах, о сын мой,— сказала старуха.— Ты требуешь своего осла или вещи людей?» — «Я требую только моего осла»,— ответил ослятник. И старуха сказала: «Я увидела, что ты бедный, и поставила твоего осла у цирюльника-магрибинца. Стань поодаль, а я дойду до него и скажу ему ласково, чтобы он его тебе отдал». И она подошла к магрибинцу, и поцеловала ему руку, и заплакала. И цирюльник спросил ее: «Что с тобой?» И она сказала: «О дитя мое, посмотри на моего сына, который там стоит. Он был болен и простудился, и болезнь помутила ему разум. А он раньше покупал ослов, и теперь он говорит, когда встает: «Мой осел»,— и когда сидит, говорит: «Мой осел»,— и когда ходит, говорит: «Мой осел». И один из врачей сказал мне, что он помрачился в уме и что его вылечишь, только вырвав ему два зуба и дважды прижегши ему виски. Возьми же этот динар, позови его и скажи ему: «Твой осел у меня».— «Поститься год для меня обязательно! — воскликнул цирюльник.— Я, право, отдам ему его осла прямо в руки».

А у него было два мастера, и он сказал одному из них:

«Пойди накали два гвоздя». И потом он позвал ослятника, а старуха ушла своей дорогой.

И когда ослятник подошел к нему, цирюльник сказал: «Твой осел у меня, о бедняга! Пойди сюда, возьми его: клянусь жизнью, я отдам его тебе прямо в руки». И затем он взял ослятника, и тот вошел с ним в темную комнату, и вдруг магрибинец ударил его кулаком, и он упал, и его потащили и связали ему руки и ноги, и магрибинец вырвал ему два зуба и два раза прижег ему виски, а потом оставил его.

И ослятник поднялся и спросил его: «О магрибинец, почему ты сделал со мной такое дело?» И цирюльник ответил: «Потому, что твоя мать рассказала мне, что ты помрачился в уме, так как простудился, когда был болен, и что, когда встаешь, ты говоришь: «Мой осел», и когда сидишь, говоришь: «Мой осел». Вот он, твой осел, у тебя в руках!» — «Тебе достанется от Аллаха за то, что ты вырвал мне клыки!» — воскликнул ослятник. И магрибинец сказал: «Твоя мать мне так сказала», — и рассказал ослятнику обо всем, что она ему говорила. «Аллах да сделает ее жизнь тяжелой!» — воскликнул ослятник. И потом они с магрибинцем ушли, препираясь, и магрибинец оставил свою лавку, а вернувшись в лавку, магрибинец не нашел в ней ничего: когда он ушел с ослятником, старуха взяла все, что было у него в лавке, и пошла к своей дочери и рассказала ей обо всем, что ей выпало и что она сделала.

Что же касается цирюльника, то, увидев, что его лавка пуста, он вцепился в ослятника и сказал ему: «Приведи мне твою мать!» Ослятник воскликнул: «Это не моя мать, это обманщица, которая обманула много людей и взяла моего осла!»

И вдруг подошел красильщик, еврей и сын купца, и они увидели, что магрибинец вцепился в ослятника, а ослятнику выжгли виски, и спросили его: «Что с тобой случилось, ослятник?» И ослятник сказал им обо всем, что с ним произошло, и магрибинец тоже рассказал свою историю, и они воскликнули: «Эта старуха — обманщица, которая обманула нас!» — и рассказали ослятнику и цирюльнику, что случилось.

И магрибинец запер свою лавку и прошел с ними к дому вали, и они сказали вали: «Мы узнаем о наших обстоятельствах и о нашем имуществе только от тебя!» — «А сколько в городе старух! — сказал вали. — Есть ли среди вас кто-нибудь, кто ее узнает?» — «Я ее узнаю, — сказал ослятник, — но только дай нам десять твоих приближенных».

И ослятник вышел с приближенными вали, а остальные шли позади них. И он стал кружить со всеми ими по городу, и вдруг подошла старуха Далила, и ослятник с приближенными вали схватили ее, и они пошли с ней к вали и остановились под окнами дворца, ожидая, пока вали выйдет.

И потом приближенные вали заснули, так как подолгу не спали у вали, и старуха тоже представилась спящей, и ослятник с товарищами тоже заснули; и тогда Далила ускользнула от них и пошла в гарем и, поцеловав руку у госпожи гарема, спросила ее: «Где вали?» — «Спит. Что ты хочешь?» — спросила госпожа гарема. И Далила сказала: «Мой муж продает рабов, и он дал мне пятерых невольников, чтобы я их продала, а сам уехал. И вали встретил меня и проторговал их у меня за тысячу динаров и еще двести динаров мне и сказал: «Приведи их к дому!» И вот я их привела».

А у вали была тысяча динаров, и он сказал своей жене: «Прибереги их, мы купим на них невольников». И, услышав от старухи такие слова, она поверила, что ее муж так сделал, и спросила: «Где невольники?» И старуха ответила: «О госпожа, они спят под окном дворца, в котором ты находишься!» И госпожа выглянула из окна и увидела магрибинца, одетого в одежду невольников, и сына купца в облике невольника, и красильщика с ослятником и евреем, имевших облик бритых невольников, и сказала: «Каждый из этих невольников лучше, чем тысяча динаров».

И она открыла сундук, и дала старухе тысячу динаров, и сказала: «Иди, а когда вали встанет после сна, мы возьмем у него для тебя двести динаров».— «О госпожа,— сказала старуха,— сто динаров из них будут для тебя под кувшином с питьем, которое ты пила, и другую сотню сбереги мне у себя, пока я не приду. О госпожа, выведи меня через потайную дверь»,— сказала она потом. И жена вали вывела старуху через дверь, и скрыл ее Аллах-покровитель, и она пошла к своей дочери.

«О матушка, что ты еще сделала?» — спросила ее Зайнаб. И она ответила: «О дочка, я сыграла штуку, и взяла у жены вали эту тысячу динаров, и продала ей тех пятерых: ослятника, еврея, красильщика, цирюльника и сына купца, и сделала их невольниками. Но только, о дочка, никто для меня не вреднее, чем ослятник: он меня узнает».— «О матушка,— сказала ей Зайнаб,— посиди дома. Довольно того, что ты сделала! Не всякий раз остается цел кувшин!»

А что касается вали, то, когда он встал после сна, его

жена сказала ему: «Я порадовалась за тебя пяти невольникам, которых ты купил у старухи».— «Каким невольникам?» — спросил вали. И его жена воскликнула: «Зачем ты от меня скрываешь? Если захочет Аллах, они станут, как и ты, обладателями высоких должностей».— «Клянусь жизнью моей головы, я не покупал невольников! Кто это сказал?» — воскликнул вали. И жена его молвила: «Старуха посредница, у которой ты сторговал их и обещал дать за них тысячу динаров и еще двести ей».— «А ты отдала ей деньги?» — спросил вали. И жена его ответила: «Да, я видела невольников собственными глазами, и на каждом из них одежда, которая стоит этой тысячи динаров. И я послала к ним начальников и поручила их им».

И вали спустился вниз и увидел еврея, ослятника, магрибинца, красильщика и сына купца и спросил: «О начальники, где те пять невольников, которых мы купили у старухи за тысячу динаров?» — «Здесь нет невольников,— ответили начальники,— и мы видели только этих пятерых, которые взяли старуху и схватили ее. Мы все заснули, а старуха ускользнула и вошла в гарем, и потом невольница пришла и спросила: «Те пятеро, которых привела старуха, с вами?» И мы сказали: «Да». И вали воскликнул: «Клянусь Аллахом, это самая большая плутня!» А те пятеро говорили: «Мы узнаем о наших вещах только от тебя!» — «Старуха, ваша спутница, продала вас мне за тысячу динаров»,— сказал вали. И пятеро воскликнули: «Это не дозволено Аллахом! Мы — свободные, не продажные, и мы пройдем с тобой к халифу».— «Никто не показал ей дорогу к моему дому, кроме вас,— сказал вали.— Но если так, я вас продам на корабли, каждого за двести динаров».

А пока это все происходило, эмир Хасан Шарр-ат-Тарик вдруг вернулся из поездки и увидел, что его жена раздета. И она рассказала ему, что случилось, и эмир воскликнул: «Нет у меня ответчика, кроме вали!» И он пришел к вали и сказал: «Как ты позволяешь старухам ходить по городу и обманывать людей и отнимать у них имущество? Это на твоей ответственности, и я узнаю о вещах моей жены только от тебя!»

И потом он спросил тех пятерых: «В чем ваше дело?» И они рассказали ему обо всем, что случилось, и эмир воскликнул: «Вы обижены!» И он обратился к вали и спросил его: «За что ты их держишь в заключении?» И вали ответил: «Никто не показал старухе дороги к моему дому, кроме этих пяти, и она взяла мои деньги, тысячу динаров, и продала их в гарем».

И те пятеро сказали: «О эмир Хасан, ты наш поверенный в этом деле!» А потом вали сказал эмиру Хасану: «Вещи твоей жены за мной, и я отвечаю за старуху, но кто из вас ее узнает?» И все сказали: «Мы ее узнаем! Пошли с нами десять начальников, и мы схватим ее!» И вали дал им десять начальников, и ослятник сказал им: «Следуйте за мной, я узнаю ее по голубым глазам!»

И вдруг старуха Далила вышла из переулка, и ее схватили и пошли с ней к дому вали; и когда вали ее увидел, он спросил ее: «Где вещи людей?» — «Я их не брала и не видала», — ответила старуха. И вали сказал тюремщику: «Запри ее у себя до завтра». Но тюремщик воскликнул: «Я не возьму ее и не запру, так как боюсь, что она устроит плутню и мне придется отвечать».

И вали сел на коня, и, взяв с собой старуху и всех тех людей, выехал с ними на берег Тигра, и, призвав факелоносца, велел ему привязать старуху к кресту за волосы. И факелоносец подтянул старуху на блоке и поставил десять человек сторожить ее, а вали отправился домой; и наступил мрак, и сон одолел сторожей.

А случилось так, что один бедуин услышал, как кто-то говорил своему товарищу: «Слава Аллаху за благополучие! Куда это ты отлучался?» И тот ответил: «В Багдад, и я ел там на обед пирожки с медом». И бедуин воскликнул: «Непременно пойду в Багдад и поем пирожков с медом». (А он в жизни их не видал и не входил в Багдад.) И он сел на коня и поехал, говоря про себя: «Пирожков поесть прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с медом».

И он приблизился к кресту Далилы, и та услышала, как он говорит себе эти слова, а бедуин обратился к Далиле и спросил ее: «Что такое?» И Далила воскликнула: «Я под твоей защитой, о шейх арабов!» — «Аллах уже защитил тебя, — ответил бедуин. — По какой причине тебя распяли?» — «У меня есть враг — масленик, который жарил пирожки, — отвечала Далила. — Я остановилась, чтобы что-то купить у него, и плюнула, и плевок попал на пирожки, и масленик пожаловался на меня судье, и судья велел меня распять и сказал: «Я постановлю, чтобы вы взяли десять ритлей пирожков с медом и заставили ее съесть их на кресте. Если она их съест, развяжите ее, а если нет, оставьте ее распятой». А душа моя не принимает сладкого». — «Клянусь честью арабов, — воскликнул бедуин, — я приехал с кочевья только для того, чтобы поесть пирожков с медом, и я съем их вместо тебя!» — «Эти пирожки

съест только тот, кто подвесится на мое место!» — сказала Далила.

И хитрость над бедуином удалась, и он отвязал Далилу, и та привязала его на свое место, после того как сняла с него бывшую на нем одежду, а потом она надела его одежду на себя, повязалась его чалмой, села на его коня и поехала к своей дочери. «Что это за наряд?» — спросила Зайнаб. И Далила ответила: «Меня распяли». И она рассказала ей, что случилось у нее с бедуином.

Вот что было с нею. Что же касается сторожей, то когда один из них очнулся, он разбудил своих людей, и они увидели, что день уже взошел. И один из них поднял глаза и сказал: «Эй, Далила!» И бедуин ответил: «Клянусь Аллахом, мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожки с медом?» — «Это человек из бедуинов», — сказали другие сторожа. И первый спросил: «О бедуин, где Далила и кто ее отвязал?» — «Я отвязал ее, — ответил бедуин. — Она не будет есть пирожки насильно, потому что ее душа их не принимает».

И сторожа поняли, что бедуин не знает об ее обстоятельствах и что она сыграла с ним штуку, и стали спрашивать друг друга: «Убежим мы или останемся, чтобы получить сполна то, что назначил для нас Аллах?»

И вдруг пришел вали с толпой тех, кого Далила обманула, и вали сказал начальникам: «Поднимайтесь, отвязывайте Далилу!» И бедуин воскликнул: «Мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожков с медом?» И вали поднял глаза к крестовине и увидел на ней бедуина вместо старухи и спросил начальников: «Что это такое?» — «Пощады, о господин!» — вскричали они. И вали воскликнул: «Расскажите мне, что случилось!» И начальники сказали: «Мы не спали с тобой, когда были на страже, и мы сказали себе: «Далила на кресте!» — и задремали, а когда очнулись, то увидели этого бедуина распятым. И вот мы перед тобой».

«О люди, это хитрая обманщица, и пощада Аллаха вам дана!» — сказал вали. И бедуина развязали, а он уцепился за вали и сказал: «Аллах да поможет против тебя халифу! Я узнаю о моем коне и моей одежде только от тебя!»

И вали расспросил его, и бедуин рассказал ему свою историю, и вали удивился и спросил: «Почему ты ее отвязал?» — «Я не знал, что она обманщица», — отвечал бедуин. И собравшиеся сказали: «Мы узнаем о наших вещах только от тебя, о вали! Мы передали ее тебе, и ты стал за нее ответственным, и мы пойдем с тобой в диван халифа».

А Хасан Шарр-ат-Тарик пришел в диван и вдруг видит: идут вали, бедуин и те пятеро, и они говорят: «Мы обижены!» — «Кто вас обидел?» — спросил халиф. И каждый из пришедших выступил вперед и рассказал, что с ним случилось, вплоть до вали, который сказал: «О повелитель правоверных, она меня обманула и продала мне этих пятерых за тысячу динаров, хотя они свободные». — «Все, что у вас пропало, — за мной, — молвил халиф и приказал вали: — Я обязываю тебя поймать старуху!»

И вали потряс воротником и воскликнул: «Я не возьму на себя этой обязанности, после того как я повесил ее на кресте и она сыграла штуку с этим бедуином, так что он ее освободил и она повесила его на свое место и взяла его коня и одежду». — «Что же, мне обязать кого-нибудь, кроме тебя?» — спросил халиф. И вали сказал: «Обяжи Ахмада ад-Данафа: ему идет каждый месяц тысяча динаров, и у Ахмада ад-Данафа приближенных сорок один человек, и каждый из них имеет в месяц сто динаров». — «О начальник Ахмад!» — сказал халиф. И Ахмад отвечал: «Я перед тобою, о повелитель правоверных!» И тогда халиф молвил: «Я обязываю тебя привести старуху». И Ахмад ответил: «Я ручаюсь, что приведу ее!» И затем халиф задержал тех пятерых и бедуина у себя.

И Ахмад пришел со своими приближенными в казарму, и они стали говорить друг другу: «Как же мы ее схватим и сколько в городе старух?»

И один из них, по имени Али Катф аль-Джамаль, сказал Ахмаду ад-Данафу: «О чем это вы советуетесь с Хасаном Шуманом? Разве Хасан Шуман — великое дело?» И Хасан воскликнул: «О Али, как это ты унижаешь меня! Клянусь величайшим именем Аллаха, я не буду на этот раз вам товарищем!»

И он вышел сердитый, а Ахмад ад-Данаф сказал: «О молодцы, каждый начальник пусть возьмет десять человек и пойдет в какой-нибудь квартал искать Далилу».

И Али Катф аль-Джамаль пошел с десятью воинами, и всякий начальник сделал то же, и каждый отряд пошел в какой-нибудь квартал; а прежде чем отправиться и разойтись, они сказали: «Наша встреча будет на такой-то улице, в таком-то переулке».

И в городе разнеслась весть, что Ахмад ад-Данаф обязался схватить Далилу-хитрицу, и Зайнаб сказала: «О матушка, если ты ловкая, сыграй штуку с Ахмадом ад-Данафом и его людьми». — «О дочка, я не боюсь никого, кроме Хасана Шумана», — сказала Далила. И ее дочь

воскликнула: «Клянусь жизнью моих кудрей, я заберу для тебя одежду этих сорока и одного!»

И она поднялась и, надев одежду и покрывало, пришла к одному москательщику, у которого была комната с двумя дверями, поздоровалась с ним, дала ему динар и сказала: «Возьми этот динар в подарок за твою комнату и отдай мне ее до конца дня». И москательщик дал ей ключи, и Зайнаб пошла и привезла ковры на осле ослятника, и устлала комнату, и положила под каждым портиком скатерть с кушаньем и вином, и потом стала у двери с открытым лицом.

И вдруг подошел Али Катф аль-Джамаль со своими людьми, и Зайнаб поцеловала ему руку, и Али увидел, что это красивая женщина, и полюбил ее и спросил: «Чего ты хочешь?» — «Ты начальник Ахмад ад-Данаф?» — спросила его Зайнаб. И Али сказал: «Нет, я один из его людей, и меня зовут Али Катф аль-Джамаль». — «Куда вы идете?» — спросила Зайнаб. И Али ответил: «Мы ходим и ищем одну старуху обманщицу, которая взяла чужие вещи, и мы желаем ее схватить. А ты кто такая и каково твое дело?» — «Мой отец был виноторговцем в Мосуле,— ответила Зайнаб.— Он умер и оставил мне большие деньги, и я приехала в этот город, боясь судей. И я спросила людей, кто меня защитит, и мне сказали: «Не защитит тебя никто, кроме Ахмада ад-Данафа». — «Сегодня ты вступишь под его защиту»,— сказали ей люди Али Катф аль-Джамаля. И Зайнаб сказала им: «Пожелайте залечить мое сердце, съев кусочек и выпив глоток воды».

И когда они согласились, Зайнаб ввела их в дом, и они поели и напились, и она подложила им в пищу банджа и одурманила их и сняла с них их вещи; и то же, что она сделала с ними, она сделала и с остальными.

А Ахмад ад-Данаф ходил и искал Далилу, но не нашел ее и не увидел ни одного из своих приближенных. И он подошел к той женщине, и Зайнаб поцеловала ему руку, и он увидел ее и полюбил, и она спросила его: «Ты начальник Ахмад ад-Данаф?» — «Да, а ты кто?» — спросил он. И Зайнаб ответила: «Я чужеземка из Мосула, и мой отец был виноторговцем, и умер, и оставил мне много денег, и я приехала с ними сюда, боясь судей. И я открыла эту винную лавку, и вали обложил меня налогом, и я хочу быть у тебя под защитой. А то, что берет вали, достойнее получать тебе». — «Не давай ему ничего, и добро тебе пожаловать!» — воскликнул Ахмад ад-Данаф. И Зайнаб сказала ему: «Пожелай залечить мое сердце и поешь моего кушанья». И Ахмад ад-Данаф вошел и поел, и выпил вина,

и упал навзничь от опьянения, и Зайнаб одурманила его банджем и забрала его одежду; и она нагрузила это все на коня бедуина и на осла ослятника, и разбудила Али Катф аль-Джамаля, и ушла.

И когда Али очнулся, он увидел себя голым и увидал, что Ахмад ад-Данаф и его люди одурманены. И тогда он разбудил их средством против банджа, и, очнувшись, они увидели себя голыми, и Ахмад ад-Данаф сказал: «Что это за дело, о молодцы? Мы ходим и ищем старуху, чтобы изловить ее, а эта распутница изловила нас. Вот будет радость из-за нас Хасану Шуману! Но подождем, пока наступит темнота, и пойдем».

А Хасан Шуман спросил смотрителя казармы: «Где люди?» И когда он его расспрашивал, они вдруг подошли, голые,— и тогда Хасан Шуман произнес такие стихи:

«Все гости схожи при своем уходе,
Зато приход бывает в разном роде.

Ты мудрого не спутаешь с невеждой;
Различных много звезд на небосводе».

И, увидев подошедших, он спросил их: «Кто сыграл с вами штуку и оголил вас?» И они ответили: «Мы взялись поймать одну старуху и искали ее, а оголил нас не кто иной, как красивая женщина».— «Прекрасно она с вами сделала!» — сказал Хасан. И его спросили: «А разве ты ее знаешь, о Хасан?» — «Я знаю ее и знаю старуху»,— ответил Хасан. И его спросили: «Что ты скажешь у халифа?» — «О Данаф,— сказал ему Шуман,— отряхни перед халифом твой воротник, и тогда халиф спросит: «Кто возьмется ее поймать?» И если он спросит тебя: «Почему ты ее не схватил?» — скажи ему: «Я ее не знаю, но обяжи Хасана Шумана поймать ее». И если он обяжет меня, я ее поймаю».

И они проспали ночь, а утром пришли в диван халифа и поцеловали землю, и халиф спросил: «Где старуха, о начальник Ахмад?» И Ахмад ад-Данаф потряс воротником. «Почему?» — спросил халиф. И Ахмад ответил: «Я ее не знаю, но обяжи Шумана ее поймать,— он знает и ее и ее дочь и говорит, что она устроила эти штуки не из жадности до чужих вещей, но чтобы стала видна ее ловкость и ловкость ее дочери и чтобы ты назначил ей жалованье ее мужа, а ее дочери — такое жалованье, какое было у ее отца».

И Шуман попросил, чтобы Далилу не убивали, когда он ее приведет. И халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моих дедов, если она возвратит людям их вещи, ей будет пощада,

и она под заступничеством Шумана!» — «Дай мне для нее платок пощады, о повелитель правоверных»,— сказал Шуман. И халиф молвил: «Она под твоим заступничеством»,— и дал ему платок пощады.

И Шуман вышел, и пошел к дому Далилы, и кликнул ее; и ему ответила ее дочь Зайнаб, и тогда он спросил: «Где твоя мать?» — «Наверху»,— ответила Зайнаб. И Шуман сказал: «Скажи ей, чтобы она принесла вещи людей и пошла со мной к халифу. Я принес ей платок пощады, и если она не пойдет добром, пусть упрекает сама себя».

И Далила спустилась и повесила платок себе на шею и отдала Шуману чужие вещи, погрузив их на осла ослятника и на коня бедуина. И Шуман сказал ей: «Остается одежда моего старшего и одежда его людей».— «Клянусь величайшим именем, я их не раздевала!» — ответила Далила. И Шуман сказал: «Твоя правда, но это штука твоей дочери Зайнаб, и зто услуга, которую она тебе оказала».

И он пошел, а старуха с ним, в диван халифа, и Хасан выступил вперед, и показал халифу вещи, и подвел к нему Далилу; и когда халиф увидел ее, он приказал ее кинуть на ковер крови. «Я под твоей защитой, о Шуман!» — крикнула Далила. И Шуман поднялся и поцеловал халифу руку и сказал: «Прощение, ты дал ей пощаду!» — «Она под защитой твоего великодушия,— сказал халиф.— Подойди сюда, старуха, как твое имя?» — «Мое имя Далила»,— отвечала она. И халиф сказал: «Поистине, ты мошенница и хитрица!» И ее прозвали Далила-хитрица. «Зачем ты устроила зти плутни и утомила наши сердца?» — спросил потом халиф. И она ответила: «Я сделала зти плутни не от жадности до чужих вещей, но я услышала о плутнях Ахмада ад-Данафа, которые он устроил в Багдаде, и о плутнях Хасана Шумана и сказала себе: «Я тоже сделаю так, как они!» И я уже возвратила людям их вещи».

И тут поднялся ослятник и сказал: «Закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня цирюльника-магрибинца, который вырвал мне зубы и прижег мне виски два раза».

И халиф приказал дать ослятнику сто динаров и красильщику сто динаров и сказал: «Иди открой свою красильню!» И они пожелали халифу блага и ушли, а бедуин взял свои вещи и своего коня и сказал: «Запретно мне входить в Багдад и есть пирожки с медом!»

И всякий, кому что-либо принадлежало, получил свое, и все разошлись, и тогда халиф молвил: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Далила!» И Далила сказала: «Мой отец заве-

довал у тебя письмами, я выращивала почтовых голубей, а мой муж был начальником в Багдаде, и я хочу получать жалованье моего мужа, а моя дочь хочет иметь жалованье своего отца». И халиф назначил им то, что они пожелали; а потом Далила сказала: «Я хочу от тебя, чтобы я была привратницей хана».

А халиф устроил хан с тремя домами, чтобы там жили купцы, и к хану было приставлено сорок рабов и сорок собак,— халиф привез их от правителя Сулеймании, когда он отставил его, и сделал для собак ошейники. А в хане был раб-повар, который стряпал еду для рабов и кормил собак мясом. «О Далила,— сказал халиф,— я запишу тебя надсмотрщицей хана, и если оттуда что-нибудь пропадет, с тебя будут взыскивать».— «Хорошо,— сказала Далила,— но только посели мою дочь в помещении, которое над воротами хана. В этом помещении есть площадка, а голубей хорошо выращивать только на просторе».

И халиф приказал так сделать, и дочь ее перенесла все свои вещи в помещение над воротами хана, а Далила приняла почтовых голубей; что же касается Зайнаб, то она повесила у себя в помещении те сорок одежд и одежду Ахмада ад-Данафа.

А Далилу халиф сделал начальницей над сорока рабами и наказал им ее слушаться. И она устроила себе место, чтобы жить за воротами хана, и стала каждый день ходить в диван — может быть, халифу понадобится послать письмо в какую-нибудь страну,— и не уходила из дивана до конца дня; и те сорок рабов стояли и охраняли хан, а когда наступала ночь, Далила спускала собак, чтобы они сторожили хан ночью.

Вот что случилось с Далилой-хитрицей в Багдаде.

Что же касается до Али Зайбака каирского, то это был ловкач, который жил в Каире в то время, когда начальник дивана был человек по имени Салах египетский, у которого было сорок приближенных. И приближенные Салаха египетского устраивали ловушки ловкачу Али и думали, что он попадется, и они искали его, и оказывалось, что он убегал, как убегает ртуть, и поэтому его прозвали «Каирская ртуть».

И вот однажды в один из дней ловкач Али сидел в казарме среди своих приближенных, и сердце его сжималось, и стеснялась у него грудь. И начальник казармы увидел, что он сидит с нахмуренным лицом, и сказал: «Что с тобой, о старший? Если у тебя стеснилась грудь, пройдись разок по Каиру: твоя забота рассеется, когда ты пройдешься по

его рынкам». И Али поднялся и вышел пройтись по Каиру, но его грусть и забота еще увеличились.

И он проходил мимо винной лавки и сказал себе: «Войду и напьюсь!» И он вошел и увидел семь рядов людей. «О виноторговец,— сказал он,— я буду сидеть только один». И виноторговец посадил его в комнате одного и принес ему вино, и Али пил, пока не опьянел.

А потом он вышел из винной лавки, и пошел по Каиру, и до тех пор ходил по его площадям, пока не дошел до Красной улицы, и дорога перед ним становилась свободной от людей, так как его боялись. И Али обернулся и увидел водоноса, который поил людей из кувшина и кричал на дороге: «О Аллах-заменяющий! нет напитка, кроме как из изюма, нет сближенья, кроме как с любимым, и не сидит на почетном месте никто, кроме разумного!» — «Подойди напои меня!» — сказал Али. И водонос посмотрел на него и подал ему кувшин; и Али взглянул в кувшин, и встряхнул его, и вылил на землю. «Ты не будешь пить?» — спросил его водонос. И Али ответил: «Напои меня!» И водонос снова наполнил кувшин, и Али взял его, и встряхнул, и вылил на землю, и в третий раз сделал то же самое. И водонос сказал: «Если ты не будешь пить, я пойду».— «Напои меня!» — сказал Али. И водонос наполнил кувшин и подал его Али, и тот взял его и выпил. И потом он дал водоносу динар, и вдруг водонос посмотрел на него, и счел его ничтожным, и сказал: «Награди тебя Аллах, награди тебя Аллах, о юноша! Маленькие люди для иных — большие люди».

И ловкач Али подошел к водоносу, и схватил его за платье, и вытащил драгоценный кинжал, как тот, о котором были сказаны такие стихи:

> Не бойся нанести удар, за правду бейся до конца,
> Не бойся в мире ничего: нам страшен только гнев Творца.
>
> Позорных качеств избегай, храни достоинство всегда,
> Избрав примером для себя лишь благородные сердца.

«О старец,— сказал Али,— поговори со мной разумно! Самая большая цена твоему бурдюку всего два дирхема, а в три кувшина, которые я вылил на землю, войдет с ритль воды».— «Да»,— ответил водонос. И Али сказал: «А я дал тебе золотой динар, почему же ты меня унижаешь? Разве ты видел кого-нибудь доблестнее и благороднее меня?» — «Я видел человека доблестнее и благороднее тебя; пока женщины будут рожать, не найдется на свете другого, столь доблестного и благородного»,— ответил водонос.

«Кого ты видел доблестнее и благороднее меня?» — спросил Али. И водонос сказал: «Знай, что со мной был удивительный случай. Мой отец был старостой продавцов воды в Каире, и он умер и оставил мне пять верблюдов, и мула, и лавку, и дом; но бедному ведь никогда не довольно, а когда ему довольно — он умирает. И я сказал себе: «Поеду в Хиджаз!» — и набрал караван верблюдов; и я до тех пор занимал деньги, пока не оказалось за мной пятьсот динаров. И все это пропало у меня во время хаджа. И я сказал себе: «Если я вернусь в Каир, люди посадят меня в тюрьму из-за моих денег». И я отправился с сирийским караваном и доехал до Халеба, а из Халеба я отправился в Багдад. И я спросил, где староста багдадских водоносов, и мне указали его; и я пошел к нему и прочитал ему «Фатиху», и он спросил меня о моем положении, и я рассказал ему обо всем, что со мной случилось.

И он отвел мне лавку и дал бурдюк и принадлежности, и я принял его благодеяние и стал ходить по городу. И я дал одному человеку кувшин, чтобы напиться, и он сказал мне: «Я ничего не ел, и мне нечего запивать; меня сегодня пригласил скупой и принес и поставил передо мной два кувшина, и я сказал ему: «О сын гнусного, разве ты меня чем-нибудь накормил, что даешь мне запивать?» Уходи же, водонос, и подожди, пока я чего-нибудь не поем, и потом напои меня».

И я подошел к другому, и он сказал мне: «Аллах тебя наделит!» И я был в таком положении до времени полудня, и никто ничего мне не дал.

И я сказал про себя: «О, если бы я не приходил в Багдад!» И вдруг я увидел людей, которые быстро бежали, и последовал за ними и увидел великолепное шествие, где люди тянулись по двое, и все они были в ермолках и чалмах, в бурнусах и войлочных куртках и были закованы в сталь.

И я спросил кого-то: «Чья это свита?» И спрошенный сказал мне: «Свита начальника Ахмада ад-Данафа».— «Какая у него должность?» — спросил я. И мне сказали: «Он начальник дивана и начальник в Багдаде и надзирает за сушей. Ему полагается с халифа каждый месяц тысяча динаров, и каждому из его приближенных — сто динаров. А Хасану Шуману тоже полагается тысяча динаров, и сейчас они отправляются из дивана в свою казарму». И вдруг Ахмад ад-Данаф увидел меня и сказал: «Подойди напои меня!» И я наполнил кувшин и дал ему, и он встряхнул его и вылил, и второй, и третий раз тоже, и на четвертый он

отхлебнул глоток, как ты, и спросил: «О водонос, откуда ты?» И я ответил: «Из Каира».— «Да приветствует Аллах Каир и его жителей! — сказал Ахмад ад-Данаф.— А по какой причине ты пришел в этот город?» И я рассказал ему свою историю и дал ему понять, что я задолжал и бегу от долгов и нужды; и Ахмад ад-Данаф воскликнул: «Добро пожаловать!» И потом он дал мне пять динаров и сказал своим приближенным: «Стремитесь к лику Аллаха и окажите ему милость!» И каждый из них дал мне динар, и Адмад ад-Данаф сказал мне: «О старец, пока ты останешься в Багдаде, тебе будет с нас столько же, всякий раз как ты дашь нам напиться».

И я начал ходить к ним, и стало добро притекать ко мне от людей, и через несколько дней я подсчитал то, что я от них нажил, и денег оказалось тысяча динаров. И я сказал себе: «Теперь для тебя правильнее уйти в родную страну». И я пошел в казарму и поцеловал Ахмаду руки, и он спросил: «Что ты хочешь?» — «Я намерен уехать,— сказал я и прознес такие стихи:

На чужбине ты трудишься тщетно, пришелец,
Строишь замки воздушные, бедный умелец,

Но мгновенно развеяны ветром постройки,
И назад возвращаешься, как погорелец.

Караван отправляется в Каир, я хочу пойти к моей семье»,— сказал я ему. И он дал мне мула и сто динаров и сказал: «Мы хотим послать с тобой поручение, о шейх. Знаешь ли ты жителей Каира?» — «Да»,— сказал я ему. И он сказал: «Возьми это письмо и доставь его Али Зайбаку каирскому и скажи ему: «Твой старший желает тебе мира, и он теперь у халифа». И я взял у него письмо и ехал, пока не прибыл в Каир; и меня увидели заимодавцы, и я им отдал то, что было за мной, а потом я сделался водоносом, и я не доставил письмо, так как я не знаю казармы Али Зайбака каирского».

И тогда Али сказал водоносу: «О старец, успокой свою душу и услади глаза! Я и есть Али Зайбак каирский, первый из молодцов начальника Ахмада ад-Данафа. Давай письмо!»

И водонос подал ему письмо; и когда Али развернул его и прочитал, он увидел там такие стихи:

«Красавец! Прими мой летучий листок;
Я сам прилетел бы, когда бы я мог.

Однако подрезаны крылья мои,
Взлететь не дает повелительный рок».

А далее: «Привет от начальника Ахмада ад-Данафа старшему из его детей — Али Зайбаку каирскому. Мы осведомляем тебя о том, что я донимал Салаха ад-дина египетского и играл с ним штуки, пока не похоронил его заживо, и повинуются мне его молодцы, среди которых находится Али Катф аль-Джамаль. Я сделался начальником Багдада в диване халифа, и мне предписано смотреть за сушей; и если ты блюдешь договор, который заключен между нами, приходи ко мне. Может быть, ты сыграешь в Багдаде штуку, которая приблизит тебя к службе халифу, и он назначит тебе жалованье и оклад и выстроит тебе казарму. Вот в чем моя цель. И мир с тобой!»

И когда Али прочитал письмо, он поцеловал его, и положил себе на голову, и дал водоносу десять динаров в подарок за благую весть, а затем он отправился в казарму, и вошел к своим молодцам, и осведомил их, в чем дело, и сказал: «Поручаю вас друг другу!» И потом он снял то, что на нем было, и надел плащ и феску и взял футляр, в котором был дротик из дерева для копий длиной в двадцать четыре локтя, части которого вдвигались друг в друга. И начальник сказал ему: «Как же ты уезжаешь, когда казна пуста?» — «Когда я приеду в Сирию, я пришлю вам столько, что вам хватит»,— сказал Али и ушел своей дорогой.

И он нагнал отъезжавший караван и увидел там начальника купцов и с ним сорок купцов, и купцы погрузили свои тюки, а тюки начальника купцов лежали на земле. И Али увидел, что предводитель каравана — человек из Сирии, и он говорил погонщикам мулов: «Пусть кто-нибудь из вас мне поможет»; но они только бранили его и ругали.

И Али сказал про себя: «Мне будет хорошо путешествовать только с зтим предводителем!»

А Али был безбородый, красивый, и он подошел к предводителю и поздоровался с ним, и предводитель приветствовал его и спросил: «Чего ты хочешь?» И Али ответил: «О дядюшка, я увидел, что ты один, а груза у тебя на сорок мулов. Почему же ты не привел людей, чтобы помочь тебе?» — «О дитя,— отвечал предводитель,— я нанял двух молодцов, и они помогали мне до монастыря, а потом они убежали».— «А куда вы идете?» — спросил Али. И предводитель ответил: «В Халеб». И тогда Али сказал: «Я тебе помогу».

И они погрузили тюки, и поехали, и начальник купцов сел на мула и тоже поехал, и сирийский предводитель каравана обрадовался приходу Али и полюбил его.

И подошла ночь, и люди сделали привал, поели и попили, а когда настало время сна, Али лег на землю и представился спящим. И предводитель лег близко от него, и тогда Али встал со своего места и сел у входа в шатер купца; и предводитель повернулся и хотел взять Али в объятия, но не нашел его, и тогда он сказал про себя: «Может быть, он кому-нибудь обещал, и тот взял его; но я — достойнее, и в другую ночь я его запру».

Что же касается Али, то он просидел у входа в шатер купца, пока не приблизилась заря, и тогда он пришел и лег подле предводителя; а когда тот проснулся, он увидел Али и сказал про себя: «Если я его спрошу: «Где ты был?» — он оставит меня и уйдет».

И Али до тех пор обманывал его, пока они не приблизились к одной пещере; а в этой пещере была берлога, где жил сокрушающий лев; и каждый раз, как там проходил караван, путники кидали между собой жребий, и всякого, кому он выпадал, бросали льву.

И кинули жребий, и он пал не на кого иного, как на начальника купцов; и вдруг лев преградил им дорогу, высматривая того, кого он возьмет из каравана.

И начальник купцов впал в великую скорбь и сказал предводителю каравана: «Аллах да обманет твое счастье и твое путешествие! Но я завещаю тебе после моей смерти отдать тюки моим детям».— «В чем же дело?» — спросил ловкач Али. И ему рассказали, что случилось, и он воскликнул: «И чего вы бежите от степной кошки? Я обязуюсь перед вами убить ее».

И предводитель пошел к купцу и рассказал ему об этом, и купец сказал: «Если он убьет, я дам ему тысячу динаров». И остальные купцы сказали: «Мы тоже дадим ему денег».

И тогда Али снял плащ, под ним оказались стальные доспехи, и он вынул стальной меч, и вышел ко льву один, и закричал на него.

И лев бросился на Али, и Али каирский ударил льва мечом между глаз и разрубил его пополам, а предводитель и купцы смотрели на него. И Али сказал предводителю: «Не бойся, о дядюшка!» И предводитель воскликнул: «О дитя мое, я стал твоим слугой!» И купец поднялся, и обнял Али, и поцеловал его в лоб, и дал ему тысячу динаров, и каждый из купцов дал ему двадцать динаров, и Али сложил все деньги у купца.

И они проспали ночь, а утром уже направились к Багдаду, и достигли они Берлоги львов и Долины собак, и вдруг

оказался в ней один бедуин, непокорный и преграждающий дорогу разбойник, с которым был отряд из его племени.

И он напал на путников, и люди разбежались перед ним, и купец воскликнул: «Пропали мои деньги!» И вдруг приблизился Али, одетый в шкуру, увешанный колокольчиками, и он вынул свой дротик и приладил его колена одно к другому, а потом он выкрал одного из коней бедуина и сел на него верхом и сказал бедуину: «Выходи против меня с копьем!» И он встряхнул колокольчиками, и конь бедуина шарахнулся от колокольчиков, а Али ударил по дротику бедуина и сломал его и, ударив бедуина мечом, снес ему голову.

И люди бедуина увидели это и сгрудились против Али. И Али воскликнул: «Аллах велик!» И он напал на них и разбил их, и они обратились в бегство.

А потом Али поднял голову бедуина на копье, и купцы оказали ему милости, и они ехали, пока не достигли Багдада. И ловкач Али потребовал от купца свои деньги, и купец отдал их ему, и Али вручил их предводителю каравана и сказал ему: «Когда ты поедешь в Каир, спроси, где моя казарма, и отдай деньги начальнику казармы».

И Али проспал ночь, а утром вошел в город и прошел по нему, спрашивая, где казарма Ахмада ад-Данафа, но никто ее не показал.

И Али шел, пока не дошел до Площади Потрясения, и увидел играющих детей, среди которых был один мальчик по имени Ахмад аль-Лакит, и сказал себе: «Не получить о них вестей иначе, как от их детей!»

И Али осмотрелся и увидел торговца сладостями и купил у него сладкого, а потом он кликнул детей; и вдруг Ахмад аль-Лакит прогнал от него других детей, а сам подошел и спросил Али: «Чего ты хочешь?» И Али ответил: «У меня был ребенок, и он умер, и я увидел во сне, что он просит сладкого, и вот я купил сладкого и хочу дать каждому мальчику по куску». И он дал кусок Ахмаду аль-Лакиту, и тот посмотрел на сладкое и увидел приставший к нему динар и сказал Али: «Уходи, нет во мне мерзости,— спроси про меня людей». И Али сказал ему: «О дитя мое, только ловкач дает плату, и только ловкач берет плату. Я кружил по городу и искал казарму Ахмада ад-Данафа, но никто мне ее не указал. Этот динар — тебе плата, если ты мне укажешь казарму Ахмада ад-Данафа».— «Я побегу впереди тебя,— сказал тогда Ахмад,— а ты побежишь сзади меня, и когда я подойду к казарме, я подцеплю ногой камешек и брошу его в ворота, и ты узнаешь их».

И мальчик побежал, и Али бежал за ним, пока он не подцепил ногой камень и не бросил им в ворота казармы, и тогда Али узнал их. И он схватил мальчика и хотел вырвать у него динар, но не смог. И тогда он сказал ему: «Иди, ты заслужил награду, так как ты мальчик острый, с полным разумом и храбрый. Если захочет Аллах, когда я стану начальником у халифа, я сделаю тебя одним из моих молодцов».

И мальчик ушел, а что касается Али Зайбака каирского, то он подошел к казарме и постучал в ворота, и Ахмад ад-Данаф сказал: «О надсмотрщик, открой ворота, это стук Али Зайбака каирского». И надсмотрщик открыл ворота, и Али вошел к Ахмаду ад-Данафу, и тот приветствовал его и встретил объятиями, и его сорок человек тоже поздоровались с Али; а потом Ахмад ад-Данаф одел его в роскошную одежду и сказал: «Когда халиф сделал меня у себя начальником, он одел моих молодцов и я оставил для тебя эту одежду». И затем они посадили Али на почетное место и принесли еду и поели, и принесли напитки и выпили, и пили до утра, и потом Ахмад ад-Данаф сказал Али Зайбаку каирскому: «Берегись ходить по Багдаду, а, напротив, оставайся сидеть в этой казарме».— «Почему? — спросил Али.— Разве я пришел, чтобы запереться? Я пришел только для того, чтобы гулять».— «О дитя мое,— сказал Ахмад-ад-Данаф,— не думай, что Багдад подобен Каиру. Это — Багдад, местопребывание халифа, и в нем много ловкачей, и ловкость растет в нем, как овощи растут на земле».

И Али оставался в казарме три дня, и потом Ахмад ад-Данаф сказал Али каирскому: «Я хочу приблизить тебя к халифу, чтобы он назначил тебе жалованье».— «Когда придет время»,— ответил Али. И Ахмад оставил его.

И в один из дней Али сидел в казарме, и сжалось у него сердце, и стеснилась его грудь, и он сказал себе: «Пойди пройдись по Багдаду, чтобы развеяться».

И он вышел и стал ходить из переулка в переулок, и увидел посреди рынка лавку, и вошел туда, и пообедал, и вышел, чтобы вымыть руки,— и вдруг он увидел сорок рабов со стальными мечами и в войлочных куртках, и они ехали по двое, и сзади всех была Далила-хитрица, которая ехала на муле, и у нее на голове был покрытый золотом шлем со стальным шаром, и была у нее кольчуга и прочее, что подходит к этому.

А Далила ехала из дивана, возвращаясь в хан, и, заметив Али Зайбака каирского, она всмотрелась в него

и увидела, что он похож на Ахмада ад-Данафа ростом и сложением, и на нем плащ и бурнус, и у него стальной шлем и прочее в этом роде, и храбрость блещет на нем, свидетельствуя за него, а не против него.

И Далила поехала в хан, и свиделась там со своей дочерью Зайнаб, и принесла доску с песком, и, когда она рассыпала песок, вышло, что имя этому человеку Али каирский и что его счастье превосходит ее счастье и счастье ее дочери Зайнаб.

«О матушка, что тебе явилось, когда ты гадала на этой доске?» —спросила ее Зайнаб. И Далила сказала: «Я видела сегодня юношу, который похож на Ахмада ад-Данафа, и боюсь, что он услышит, что ты раздела Ахмада ад-Данафа и его молодцов, и придет в хан и сыграет с нами штуку, чтобы отомстить за своего старшего, и отомстит за его сорок приближенных. А я думаю, что он живет в казарме Ахмада ад-Данафа».— «Что это такое? — сказала ее дочь Зайнаб.— Мне кажется, что ты все о нем обдумала».

И затем она надела самое роскошное из бывших у нее платьев и вышла пройтись по городу; и когда люди ее увидали, они стали в нее влюбляться, а она обещала, и клялась, и слушала, и повергала людей. И так она ходила с рынка на рынок, пока не увидела Али каирского, который подходил к ней, и тогда она толкнула его плечом, и обернулась, и воскликнула: «Да продлит Аллах жизнь людей разума! Как прекрасен твой образ!» — «Чья ты?» — спросил Али. И Зайнаб ответила: «Такого же щеголя, как ты».— «Ты замужняя или незамужняя?» — спросил Али. «Замужняя,— ответила Зайнаб.— Я дочь купца, и мой муж тоже купец, и я в жизни не выходила раньше сегодняшнего дня. Дело в том, что я состряпала кушанье и решила поесть, но не нашла в себе к этому охоты. А когда я увидела тебя, любовь к тебе запала мне в сердце. Возможно ли, чтобы ты пожелал залечить мое сердце и съел у меня кусочек?» — «Кто приглашает, тому должно внять»,— сказал Али. И Зайнаб пошла, и он следовал за нею из переулка в переулок, а потом он сказал себе, идя за ней: «Что ты делаешь? Ты чужеземец, а в преданиях сказано: «Кто совершит блуд на чужбине, того сделает Аллах обманувшимся». Но отстрани ее от себя мягко».

«Возьми этот динар, и пусть это будет в другое время»,— сказал он. И Зайнаб воскликнула: «Клянусь величайшим именем Аллаха, невозможно, чтобы ты не пошел со мной сейчас домой, и я тебе удружу!»

И Али следовал за нею, пока она не пришла к воротам дома с высокими сводами, и засов на воротах был задвинут. «Открой этот засов!» — сказала Зайнаб. И Али спросил: «А где ключ?» — «Пропал»,— ответила Зайнаб; и Али сказал: «Всякий, кто открыл засов без ключа, есть преступник, и судье надлежит проучить его, и я не знаю, чем бы открыть его без ключа».

И Зайнаб приподняла с лица изар, и Али посмотрел на нее взглядом, оставившим в нем тысячу вздохов, а затем она накинула изар на засов и произнесла над ним имена матери Мусы, и открыла его без ключа, и пошла, и Али последовал за нею и увидел мечи и оружие из стали.

И Зайнаб сняла изар и села рядом с Али, и тот сказал про себя: «Возьми сполна то, что определил тебе Аллах!» И затем он склонился к ней, чтобы взять поцелуй с ее щеки, но она приложила к щеке руку и сказала: «Нет удовольствия иначе, как ночью!»

И она принесла скатерть с кушаньем и вином, и оба поели и выпили, а потом Зайнаб вышла и, наполнив кувшин водой из колодца, полила ее Али на руки, и тот вымыл их. И в это время Зайнаб ударила себя по груди и воскликнула: «У моего мужа был перстень с яхонтом, заложенный за пятьсот динаров, и я надела его, и он оказался широк, и я сузила его воском, и когда я опускала ведро, перстень упал в колодец. Ты обернись к двери, а я разденусь и спущусь в колодец, чтобы достать его».— «Стыдно мне, чтобы ты спускалась, когда есть я,— сказал Али.— Никто не спустится, кроме меня».

И он снял с себя одежду и привязался к веревке, и Зайнаб спустила его в колодец. А там было много воды, и Зайнаб сказала ему: «Веревки не хватает, но ты отвяжись и спускайся». И Али отвязался и спустился в воду и погрузился в нее на несколько сажен, но не достал до дна колодца, а что касается Зайнаб, то она надела изар, взяла одежду Али и пошла к своей матери и сказала ей: «Я раздела Али каирского и бросила его в колодец эмира Хасана, хозяина дома, и не бывать, чтобы он освободился».

Что же касается эмира Хасана, хозяина дома, то он в это время отсутствовал и был в диване, и, придя, он увидел, что его дом открыт, и сказал конюху: «Почему ты не задвинул засов?» — «О господин, я задвинул его своей рукой»,— ответил конюх. И тогда эмир воскликнул: «Клянусь жизнью, в мой дом вошел вор!»

И эмир Хасан вошел, и осмотрелся в доме, и не увидел никого, и тогда он сказал конюху: «Наполни кувшин,

я совершу омовение». И конюх взял ведро, и опустил его, и потянул — и почувствовал, что оно тяжелое, и тогда он заглянул в колодец и увидел, что в ведре кто-то сидит. И он снова бросил ведро в колодец, говоря: «О господин, ко мне вылез ифрит из колодца!» И эмир Хасан сказал ему: «Пойди приведи четырех факихов, которые почитают над ним Коран, чтобы он ушел».

И когда конюх привел факихов, эмир Хасан сказал им: «Встаньте вокруг этого колодца и почитайте над ифритом». А потом пришли раб и конюх и опустили ведро, и Али каирский уцепился за него и спрятался в ведре, и, выждав, пока его подтянут к ним близко, он выпрыгнул из ведра и сел между факихами. И те начали бить друг друга по щекам и кричать: «Ифрит, ифрит!» Но эмир Хасан увидал, что это юноша из людей, и спросил его: «Ты вор?» — «Нет»,— отвечал Али. И эмир спросил: «Почему ты спустился в колодец?» — «Я спал и осквернился,— отвечал Али,— и я вышел, чтобы помыться в реке Тигре, и нырнул, и вода затянула меня под землю, так что я вышел из этого колодца».— «Говори правду»,— сказал эмир Хасан. И Али рассказал ему обо всем, что случилось, и тогда эмир вывел его из дома в старой одежде.

И Али пошел в казарму Ахмада ад-Данафа и рассказал о том, что ему выпало, и Ахмад сказал: «Разве я не говорил тебе, что в Багдаде есть женщины, которые играют штуки с мужчинами?» — «Ради величайшего имени,— сказал Али Катф аль-Джамаль,— расскажи, как это: ты глава молодцов в Каире — и тебя раздевает женщина?» И Али стало тяжело, и он начал раскаиваться; и Ахмад ад-Данаф одел его в другую одежду; а потом Хасан Шуман спросил его: «А ты знаешь эту женщину?» — «Нет»,— отвечал Али. И Хасан сказал: «Это Зайнаб, дочь Далилы-хитрицы, привратницы хана халифа. Разве ты попался в ее сети, о Али?» — «Да»,— ответил Али. И Хасан сказал: «О Али, она забрала одежду твоего старшего и одежду всех его молодцов».— «Это позор для вас»,— сказал Али. И Хасан спросил: «А что ты хочешь?» — «Я хочу на ней жениться»,— сказал Али. «Не бывать этому! Утешь без нее свою душу!» — воскликнул Хасан. Но Али спросил: «А как мне схитрить, чтобы на ней жениться?» — «Добро пожаловать! Если ты будешь пить из моей руки и пойдешь под моим знаменем, я приведу тебя к тому, чего ты от нее хочешь»,— сказал Шуман. «Хорошо»,— ответил Али. И Хасан сказал: «О Али, сними с себя одежду!» И Али снял с себя одежду, и Хасан взял котел и вскипятил в нем что-то вроде смолы

и намазал ею Али, и тот стал подобен черному рабу. И он намазал ему губы и щеки, и насурьмил ему глаза красной сурьмой, и одел его в одежду слуги, а потом принес скатерть с кебабом и вино и сказал: «В хане есть черный раб-повар, на которого ты стал похож, и ему нужны на рынке только мясо и зелень. Пойди к нему и осторожно заговори словами рабов, и поздоровайся, и скажи: «Давно я не встречался с тобою за бузой!» И он скажет тебе: «Я занят, и у меня на шее сорок рабов, которым я стряпаю на стол к обеду и на стол к ужину, и я кормлю собак, и готовлю скатерть для Далилы и скатерть для ее дочери Зайнаб». А ты скажи ему: «Пойдем поедим кебаба и выпьем бузы»,— и приходи с ним в казарму и напои его, а затем спроси его, что он стряпает, из скольких блюд, и спроси про еду для собак, и про ключ от кухни, и про ключ от погреба, и он тебе расскажет,— пьяный ведь расскажет обо всем, что он скрывает в трезвом состоянии; и потом одурмань его банджем, надень его одежду, заткни за пояс ножи, возьми корзину для зелени, пойди на рынок и купи мяса и зелени. Потом пойди на кухню и в погреб и состряпай варево, а затем разлей его; возьми кушанье и пойди с ним к Далиле в хан и положи в кушанье банджа, чтобы одурманить собак, и рабов, и Далилу, и ее дочь Зайнаб; а после того войди в дом и принеси оттуда все одежды. А если хочешь жениться на Зайнаб, принеси с собой сорок птиц, которые носят письма».

И Али вышел, и увидел раба-повара, и поздоровался с ним и сказал: «Давно мы не встречались с тобой за бузой». И повар ответил: «Я занят стряпней для рабов и для собак». И Али взял его и напоил и спросил про кушанье — из скольких оно блюд. И повар ответил: «Каждый день пять блюд на обед и пять блюд на ужин, а вчера они потребовали от меня шестое блюдо — рис с медом,— и седьмое блюдо — варево из гранатных зернышек».— «А что это за трапеза, которую ты готовишь?» — спросил Али. И повар сказал: «Я ношу трапезу Зайнаб, а потом ношу трапезу Далиле и кормлю ужином рабов, а затем я даю вечерний корм собакам, и каждой из них я даю мяса вдоволь, а самое меньшее, что им нужно — ритль».

И судьба заставила Али забыть спросить про ключи, и он снял с раба одежду, и надел ее сам, и, взяв корзину, пошел на рынок, и забрал мяса и зелени, и затем он вернулся и вошел в ворота хана и увидел Далилу, которая сидела, всматриваясь во входящего и выходящего, и увидал, что сорок рабов вооружены. И Али укрепил свое сердце; и ког-

да Далила увидела его, она его узнала и воскликнула: «Ступай обратно, о начальник воров! Или ты будешь устраивать со мной штуки в хане?»

И Али каирский, в образе негра, обернулся к Далиле и сказал ей: «Что ты говоришь, о привратница?» И Далила воскликнула: «Что ты сотворил с рабом-поваром и что ты с ним сделал? Ты его убил или одурманил банджем?» — «Какой раб-повар? Разве здесь есть раб-повар, кроме меня?» — спросил Али. «Ты лжешь, ты Али Зайбак каирский!» — воскликнула старуха. И Али сказал ей на языке рабов: «О привратница, каирцы — белые или черные? Я больше не буду служить».— «Что с тобой, о сын нашего дяди?» — спросили его рабы. И Далила сказала: «Это не сын вашего дяди, это Али Зайбак каирский, и похоже, что он одурманил сына вашего дяди и убил его».— «Это сын нашего дяди, Сад-Аллах, повар»,— сказали рабы. И Далила воскликнула: «Это не сын вашего дяди, это Али каирский, и он выкрасил себе кожу!» — «Кто такой Али? Я Сад-Аллах»,— сказал Али. «У меня есть мазь для испытания!» — воскликнула Далила; и она принесла какую-то мазь, и намазала ею руку Али, и стала ее тереть, но чернота не сошла. И рабы сказали: «Позволь ему пойти готовить нам обед!» — «Если это сын вашего дяди, он будет знать, чего вы требовали от него вчера вечером и сколько он стряпает блюд каждый день»,— сказала Далила. И его спросили про блюда и про то, чего требовали вчера вечером, и Али сказал: «Чечевица, рис, суп, тушеное мясо и питье из розовой воды, и шестое блюдо — рис с медом, и седьмое блюдо — гранатные зернышки, а на ужин то же самое».— «Он сказал правду!» — воскликнули рабы. И Далила молвила: «Войдите с ним, и, если он узнает кухню и погреб — он сын вашего дяди, а если нет — убейте его».

А повар воспитал кошку, и всякий раз, как он подходил, кошка становилась у дверей кухни, а потом, когда повар входил, вскакивала ему на плечо. И когда Али вошел и кошка увидела его, она вскочила ему на плечо, и Али сбросил ее, и она побежала перед ним в кухню, и Али заметил, что она остановилась перед дверью кухни. И Али взял ключи и увидел один ключ, на котором были остатки перьев, и узнал, что это ключ от кухни,— и тогда он отпер кухню и положил зелень и вышел. И кошка побежала перед ним и направилась к дверям погреба, и Али догадался, что это погреб, и взял ключи. Он увидел один ключ, на котором были следы жира, и понял, что это ключ от погреба, и отпер его.

«О Далила,— сказали рабы,— если бы это был чужой, он бы не знал, где кухня и где погреб, и не узнал бы ключей. Это сын нашего дяди Сад-Аллах».— «Он узнал помещение из-за кошки и отличил ключи один от другого по внешности, но это дело со мной не пройдет!» — воскликнула Далила. А Али вошел на кухню, и состряпал кушанья, и отнес трапезу Зайнаб, и увидал свои одежды у нее в комнате.

А потом он поставил трапезу Далиле, и дал пообедать рабам, и накормил собак, и во время ужина он сделал то же.

А ворота отпирались и запирались только по солнцу: утром и вечером. И Али вышел и закричал: «О жильцы, рабы не спят и сторожат, и мы спустили собак, и всякий, кто войдет, пусть бранит одного себя».

И Али задержал вечерний корм собак, и положил в него яду, и потом дал его им; и когда собаки съели его, они околели. И Али одурманил банджем всех рабов, и Далилу, и ее дочь Зайнаб, а потом он поднялся, забрал одежду и почтовых голубей, и отпер хан, и вышел, и пришел в казарму.

И Хасан Шуман увидел его и спросил: «Что ты сделал?» И Али рассказал ему обо всем, что было; и Шуман похвалил его. А потом Али снял с себя одежду, и Шуман вскипятил одну траву и вымыл ею Али — и он стал белым, как был.

И Али пошел к рабу, и одел его в его одежду, и разбудил его после банджа, и раб поднялся, и пошел к зеленщику, и забрал зелень, и вернулся в хан.

Вот что было с Али Зайбаком каирским. Что же касается Далилы-хитрицы, то у нее поселился один купец в числе жильцов, и он вышел из своей комнаты, когда заблистала заря, и увидел, что ворота хана открыты, рабы одурманены, а собаки мертвые. И он вошел к Далиле и увидел, что она тоже одурманена и на шее у нее бумажка, а возле ее головы он нашел губку с противоядием от банджа. И тогда он приложил губку к ноздрям Далилы, и та очнулась и, очнувшись, сказала: «Где я?» — и купец сказал: «Я вышел и увидел, что ворота хана отперты, и увидел, что ты одурманена, и рабы тоже, а что до собак, то я увидел их мертвыми».

И Далила взяла бумажку и увидела на ней надпись: «Сделал это дело не кто иной, как Али каирский», и дала рабам и Зайнаб, своей дочери, понюхать противоядие от банджа и воскликнула: «Не говорила ли я вам, что это Али каирский?» А потом она сказала рабам: «Скрывайте это дело!» И сказала своей дочери: «Сколько раз я тебе говори-

ла, что Али не оставит мести, и он сделал это дело за то, что ты с ним устроила! Он бы мог сделать с тобой и еще кое-что, кроме этого, но ограничился этим, чтобы сохранить милость халифа и желая любви между нами».

И потом Далила сняла одежду молодцов и надела одежду женщин и, повязав платок себе на шею, отправилась в казарму Ахмада ад-Данафа. А когда Али пришел в казарму с одеждами и почтовыми голубями, Шуман поднялся и дал надсмотрщику цену сорока голубей, и тот купил их, и сварил, и разделил между людьми.

И вдруг Далила постучала в ворота, и Ахмад ад-Данаф сказал: «Это стук Далилы; открой ей, о надсмотрщик!» И надсмотрщик открыл Далиле, и она вошла, и Шуман спросил ее: «Что привело тебя сюда, о злосчастная старуха? Ты заодно с твоим братом, Зурейком-рыбником!» — «О начальник,— сказала старуха,— я провинилась, и вот моя шея перед тобою. Но тот молодец, который устроил со мной эту штуку, кто он из вас?» — «Это первый из моих молодцов»,— сказал Ахмад ад-Данаф. И Далила молвила: «Ты ходатай Аллаха перед ним, чтобы он принес мне голубей для писем и все другое, и считай это милостью мне».— «Аллах да встретит тебя воздаянием, о Али! Зачем ты сварил этих голубей?» — воскликнул Шуман. И Али ответил: «Я не знал, что это голуби для писем».— «О надсмотрщик,— сказал Ахмад,— подай их нам!» И надсмотрщик подал голубей, и Далила взяла кусочек голубя, и пожевала его, и сказала: «Это не мясо птиц для писем. Я кормлю их зернышками мускуса, и их мясо делается как мускус».— «Если ты хочешь получить почтовых голубей, исполни желание Али каирского»,— сказал Шуман. «А какое у него желание?» — спросила Далила. И Шуман сказал: «Чтобы ты женила его на твоей дочери Зайнаб».— «Я властна над нею только добром»,— сказала Далила. И Хасан сказал Али каирскому: «Отдай ей голубей!» И тот отдал их Далиле.

И Далила взяла их и обрадовалась, и Шуман сказал ей: «Ты непременно должна нам дать ответ удовлетворительный».— «Если он хочет на ней жениться,— сказала Далила,— то та штука, которую он устроил, еще не ловкость. Ловкость лишь в том, чтобы он посватался к ней у ее дяди, начальника Зурейка. Это ее опекун, и он кричит: «Эй, вот ритль рыбы за пару джедидов!» Он повесил у себя в лавке кошель и положил в него золота на две тысячи».

И когда люди услышали, что Далила говорит это, они вскочили и сказали: «Что это за слова, о распутница! Ты

просто хочешь лишить нас нашего брата Али каирского!»

Далила ушла от них в хан и сказала своей дочери Зайнаб: «Тебя сватает у меня Али каирский». И Зайнаб обрадовалась, так как она полюбила его за то, что он от нее воздержался, и спросила свою мать, что произошло; и та сказала ей: «Я поставила ему условие, чтобы он посватался за тебя у твоего дяди, и ввергла его в погибель».

Что же касается Али каирского, то он обратился к своим товарищам и спросил: «Что это за Зурейк и кто он такой будет?» И ему сказали: «Он начальник молодцов земли иракской и может чуть что просверлить гору, схватить звезду и снять сурьму с глаз, и нет ему в таких делах равного. Но он раскаялся в этом, и открыл лавку рыбника, и скопил рыбной торговлей две тысячи динаров, и положил их в кошель, к которому привязал шелковый шнурок, и на шнурок он навешал мелких колокольчиков и погремушек, и привязал шнурок к колышку за дверью лавки, так что соединил его с мешком. И всякий раз, как Зурейк открывает лавку, он вешает кошель и кричит: «Эй, где вы, ловкачи Каира, молодцы Ирака и искусники стран персидских! Зурейк-рыбник повесил кошель на своей лавке, и если тот, кто притязает на хитрость, возьмет кошель, он ему достанется!» И приходят молодцы, люди жадные, и хотят взять кошель, но не могут, так как Зурейк кладет себе под ноги свинцовые лепешки, когда жарит и зажигает огонь, и, если приходит жадный, чтобы его отвлечь и взять кошель, он бросает в него свинцовой лепешкой и губит его или убивает. И если ты пойдешь против него, о Али, ты будешь как тот, что бьет себя по щекам на похоронах, а сам не знает, кто умер. Нет у тебя силы бороться с ним, и он тебе страшен. Не нужно тебе жениться на Зайнаб — кто что-нибудь оставит, и без этого проживет».

«Это позор, о люди,— сказал Али,— и мне непременно нужно забрать кошель. Но подайте мне женскую одежду».

И ему принесли женскую одежду, и он надел ее, и выкрасил руки хенной и опустил покрывало, а потом он зарезал барашка, собрал кровь, вынул кишки, вычистил их, и связал снизу, и наполнил кровью, и привязал себе на бедра, а поверх них надел штаны и башмаки.

И он сделал себе груди из птичьих зобов и наполнил их молоком, и повязал на живот немного материи, а между животом и материей он положил хлопка и повязал сверху салфетку, всю прокрахмаленную, и всякий, кто видел его, говорил: «Как прекрасна эта задница!»

И вдруг подошел ослятник, и Али дал ему динар,

и ослятник посадил его и поехал с ним в сторону лавки Зурейка-рыбника, и Али увидел, что кошель повешен и из него виднеется золото.

А Зурейк жарил рыбу, и Али сказал: «О ослятник, что это за запах?» — «Запах рыбы Зурейка»,— ответил ослятник. И Али сказал: «Я женщина беременная, и этот запах мне вредит. Принеси мне от него кусочек рыбы». И ослятник сказал Зурейку: «Ты уже стал обдавать своим запахом беременных женщин! Со мной жена эмира Хасана Шаррат-Тарика, и она почувствовала этот запах, а она беременна; дай ей кусок рыбы — плод пошевелился у нее в животе. О покровитель, избавь нас от этого дня!»

Зурейк взял кусок рыбы и хотел его изжарить, но огонь потух, и Зурейк вошел, чтобы зажечь огонь. А Али сидел на осле, и он оперся на кишки и прорвал их, и кровь потекла у него между ногами, а Али закричал: «Ах, мой бок, моя спина!»

И ослятник обернулся и увидел, что льется кровь, и спросил: «Что с тобой, о госпожа?» И Али в облике женщины ответил: «Я выкинула плод». И Зурейк выглянул, и увидел кровь, и убежал в лавку, испугавшись. И ослятник сказал ему: «Аллах да смутит твою жизнь, о Зурейк! Эта женщина выкинула плод, и ты ничего не можешь сделать против ее мужа. Зачем ты обдал ее твоим запахом? Я говорю тебе: дай ей кусок рыбы, а ты не хочешь».

И потом ослятник взял осла и ушел своей дорогой, а когда Зурейк убежал в лавку, Али каирский протянул руку к мешку, но едва он достал до него, золото, бывшее в нем, забренчало и зазвенели колокольчики, и погремушки, и кольца. И Зурейк воскликнул: «Проявился твой обман, о мерзавец! Ты строишь мне штуки, будучи в образе женщины! На, возьми то, что пришло к тебе!» И он бросил в него свинцовой лепешкой. Но удар пропал напрасно и угодил в другого, и люди напали на Зурейка и стали ему говорить: «Ты торговец или боец? Если ты торговец, сними мешок и избавь людей от твоего зла».— «Во имя Аллаха! Слушаюсь!» — сказал Зурейк.

А что до Али, то он пришел в казарму, и Шуман спросил его: «Что же ты сделал?» И Али рассказал ему обо всем, что с ним произошло, а потом он снял женскую одежду и сказал: «О Шуман, принеси мне одежду конюха». И Шуман принес ему одежду, и Али взял ее и надел, а потом он взял блюдо и пять дирхемов и отправился к Зурейку-рыбнику. «Что ты потребуешь, о господин?» — спросил Зурейк; и Али показал ему дирхемы в руке, и Зурейк хотел дать ему

рыбы, которая лежала на стойке, но Али сказал ему: «Я возьму только горячей рыбы».

И Зурейк положил рыбу на сковородку и хотел ее изжарить, но огонь потух, и Зурейк пошел, чтобы зажечь его, и тогда Али каирский протянул руку, желая взять кошель, и коснулся его кончика, и погремушки, кольца и колокольчики забренчали, и Зурейк воскликнул: «Твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришел в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо».

И он бросил в него свинцовой лепешкой, но Али-каирец увернулся от нее, и она попала прямо в сковороду, полную горячего масла. И сковорода разбилась, и масло полилось с нее на плечо кади, когда он проходил мимо, и все попало ему за пазуху и достигло его срамоты. И кади закричал: «О, моя срамота! Как это скверно, о несчастный! Кто сделал со мной такое дело?» И люди сказали ему: «О владыка наш, это маленький мальчик бросил камень, и он попал в сковороду, и то, что отразил Аллах, было бы ужаснее».

И потом они посмотрели и увидели, что это свинцовая лепешка и что бросил ее не кто иной, как Зурейк-рыбник, и напали на него и сказали: «Это не дозволено Аллахом, о Зурейк! Сними кошель! Так будет для тебя лучше!» — «Если захочет Аллах, я сниму его»,— сказал Зурейк.

Что же касается Али каирского, то он пошел в казарму и вошел к людям, и те спросили его: «Где кошель?» И Али рассказал им обо всем, что с ним случилось. И они сказали: «Ты погубил уж две трети его ловкости».

И Али снял то, что на нем было, и надел одежду купца и вышел и увидел змеелова, у которого был мешок со змеями и сумка, где лежали его принадлежности.

«О змеелов,— сказал ему Али,— я хочу, чтобы ты позабавил моих детей и получил награду»,— а потом он привел его в казарму и накормил и одурманил банджем и оделся в его одежду и пошел к Зурейку-рыбнику.

И он подошел к нему и стал дудеть в дудку, и Зурейк сказал ему: «Аллах тебя наделит!» И вдруг Али вынул змей и бросил их перед ним. А Зурейк боялся змей, и он убежал от них в лавку, и тогда Али взял змей, и положил их в мешок, и протянул руку к кошелю, но, когда он достал до его кончика, кольца, звонки и погремушки забренчали, и Зурейк воскликнул: «Ты все еще строишь мне штуки и даже сделался змееловом!» И он бросил в Али свинцовой лепешкой. А тут проходил один военачальник, за которым шел его конюх, и лепешка попала конюху в голову и пова-

лила его. И военачальник спросил: «Кто повалил его?» И люди сказали: «Это камень упал с крыши». И тот ушел, а люди осмотрелись и увидели свинцовую лепешку и напали на Зурейка, говоря ему: «Сними кошель!» И Зурейк сказал им: «Если захочет Аллах, я сниму его сегодня вечером».

И Али до тех пор играл с ним штуки, пока не устроил семь плутней, но так и не взял кошель. И он вернул змеелову его одежду и принадлежности и дал ему награду, а потом возвратился к лавке Зурейка и услышал, как тот говорил: «Если я оставлю кошель на ночь в лавке, ловкач просверлит стену и возьмет его. Я лучше заберу кошель с собой домой».

Зурейк поднялся и вышел из лавки и, сняв кошель, положил его за пазуху, и Али следовал за ним, пока не приблизился к его дому.

И Зурейк увидел, что у его соседа свадьба, и сказал себе: «Пойду домой, отдам жене кошель и оденусь, а потом вернусь на свадьбу». И он пошел, а Али последовал за ним.

А Зурейк был женат на черной рабыне из отпущенниц вазира Джафара, и ему достался от нее сын, которого он назвал Абдаллах, и он обещал жене, что на деньги из того мешка он справит обрезание мальчика, и женит его, и истратит их на его свадьбу.

И Зурейк вошел к своей жене с нахмуренным лицом, и она спросила его: «В чем причина твоей хмурости?» И Зурейк ответил: «Испытал меня владыка наш ловкачом, который устроил со мной семь плутней, чтобы взять кошель, но не смог его взять». — «Подай сюда, я его припрячу для свадьбы мальчика», — сказала жена Зурейку. И тот дал ей кошель, а что касается Али каирского, то он спрятался в одном месте и мог все это слышать и видеть.

И Зурейк поднялся и снял то, что на нем было, надел другую одежду и сказал своей жене: «Береги кошель, о Умм Абдаллах, а я пойду на свадьбу». — «Поспи немножко», — сказала ему жена. И Зурейк лег, и тогда Али поднялся, и прошел на цыпочках, и взял кошель, и отправился к тому дому, где была свадьба, и остановился, и стал смотреть.

А Зурейк увидел во сне, что кошель схватила птица, и проснулся, испуганный, и сказал жене: «Встань, посмотри, где кошель!» И женщина поднялась посмотреть и не нашла его. И она стала бить себя по лицу и воскликнула: «О, как черно твое счастье, Умм Абдаллах! Ловкач взял кошель!»

И Зурейк вскричал: «Клянусь Аллахом, его взял только ловкач Али, и никто другой не взял кошель! Я непременно его принесу!» — «Если ты не принесешь кошель,— сказала ему жена,— я запру перед тобой ворота и оставлю тебя ночевать на улице!»

И Зурейк подошел к дому, где была свадьба, и увидел, что ловкач Али смотрит, и сказал про себя: «Вот кто взял кошель! Но он живет в казарме Ахмада ад-Данафа».

И Зурейк пришел раньше Али к казарме, и поднялся на крышу, и спустился вниз в казарму, и увидел, что люди спят. И вдруг подошел Али и постучал в ворота, и Зурейк спросил: «Кто у ворот?» — «Али каирский»,— ответил Али. И Зурейк спросил: «Ты принес кошель?»

И Али подумал, что это Шуман, и сказал: «Я его принес, отопри ворота!» И Зурейк ответил: «Мне нельзя тебе отпереть, пока я его не увижу, потому что мы с твоим старшим побились об заклад».— «Протяни руку»,— сказал Али, и Зурейк протянул руку через боковое отверстие в воротах, и Али дал ему мешок, и Зурейк взял его и вышел через то место, куда вошел, и отправился на свадьбу.

Что же касается Али, то он продолжал стоять у ворот, но никто ему не отпирал. И тогда он стукнул в ворота устрашающим стуком, и люди очнулись и сказали: «Это стук Али каирского». И надсмотрщик отпер ему ворота и спросил: «Ты принес кошель?» И Али воскликнул: «Довольно шуток, Шуман! Разве я не подал тебе мешок через боковое отверстие в воротах? И ты мне еще сказал: «Клянусь, что не отопру тебе ворота, пока ты не покажешь мне кошель!» — «Клянусь Аллахом, я его не брал, и это Зурейк взял его у тебя!» — сказал ему Шуман. И Али воскликнул: «Я непременно его принесу!» И потом Али каирский вышел и пошел на свадьбу и услыхал, как шут говорит: «Подарок, о Абу Абдаллах! Исход будет счастливым для твоего сына!» И тогда Али воскликнул: «Я обладатель счастья!» — и пошел к дому Зурейка и влез на крышу дома и спустился внутрь и увидел, что невольница, жена Зурейка, спит. И он одурманил ее банджем и оделся в ее одежду, и, взяв ребенка на руки, стал ходить и искать, и увидел корзину с печеньем от праздника, которое осталось по скупости Зурейка.

А Зурейк подошел к дому и постучал в ворота, и ловкач Али откликнулся, притворяясь, будто он невольница, и спросил: «Кто у ворот?» — «Абу Абдаллах»,— ответил Зурейк. И Али сказал: «Я поклялась, что не отопру тебе ворот, пока ты не принесешь кошель». — «Я принес

его»,— сказал Зурейк. А Али крикнул: «Подай его, раньше чем я отопру ворота».— «Спусти корзину и прими в нее кошель»,— сказал Зурейк. И Али спустил корзину, и Зурейк положил в нее кошель, а потом ловкач взял его и одурманил ребенка банджем и разбудил невольницу.

И он вышел через то же место, куда вошел, и отправился в казарму, и, войдя к людям, показал им кошель и ребенка, который был с ним, и люди похвалили его, и он отдал им печенье, и они его съели.

«О Шуман,— сказал Али,— этот ребенок — сын Зурейка, спрячь его у себя». И Шуман взял ребенка и спрятал его, а потом он принес барана, и зарезал его, и отдал его надсмотрщику, а тот изжарил барана целиком, и завернул его в саван, и придал ему вид мертвеца.

Что же касается Зурейка, то он все стоял у ворот, а потом от стукнул в ворота устрашающим стуком, и невольница спросила его: «Принес ты кошель?» — «А разве ты не взяла его в корзину, которую спустила?» — спросил Зурейк, и невольница ответила: «Я не спускала корзины, не видала кошель и не брала его!» — «Клянусь Аллахом, ловкач Али опередил меня и взял его!» — воскликнул Зурейк, и он посмотрел в доме и увидел, что печенье пропало и ребенок исчез.

И Зурейк закричал: «Увы, мой ребенок!» А невольница стала бить себя в грудь и воскликнула: «Я пойду с тобой к вазиру. Никто не убил моего ребенка, кроме ловкача, который устраивает с тобой штуки, и это случилось из-за тебя!» — «Я ручаюсь, что принесу его!» — воскликнул Зурейк.

И потом Зурейк вышел, обвязав себе шею платком, и пошел в казарму Ахмада ад-Данафа и постучал в ворота; и надсмотрщик отпер ему, и он вошел к людям. «Что привело тебя?» — спросил Шуман. И Зурейк сказал: «Вы ходатаи перед Али каирским, чтобы он отдал мне моего ребенка, и тогда я уступлю ему тот мешок с золотом».— «Аллах да встретит тебя, о Али, воздаянием! — воскликнул Шуман.— Почему ты не сказал мне, что это его сын?» — «Что с ним случилось?» — спросил Зурейк. «Мы кормили его изюмом, и он подавился и умер. Вот он»,— сказал Шуман. И Зурейк воскликнул: «Увы, мой ребенок! Что я скажу его матери?» И он поднялся, и развернул саван, и увидел, что в нем баранья туша, и воскликнул: «Ты едва не убил меня, о Али!» Потом ему отдали его сына, и Ахмад ад-Данаф сказал: «Ты повесил кошель, чтобы всякий, кто ловкач, взял его, и если ловкач его возьмет, он станет его собственно-

стью,— и вот он стал собственностью Али каирского».— «Я дарю ему мешок»,— сказал Зурейк. И Али Зайбак каирский сказал ему: «Прими его ради твоей племянницы Зайнаб».— «Я принял его»,— ответил Зурейк. И ему сказали: «Мы сватаем ее за Али каирского».— «Я властен над нею только добром»,— сказал Зурейк. И потом он взял своего сына и забрал мешок, и Шуман спросил его: «Принимаешь ли ты от нас сватовство?» — «Я приму его от того, кто может добыть ее приданое»,— сказал Зурейк. «А каково ее приданое?» — спросил Шуман. И Зурейк сказал: «Она поклялась, что никто не овладеет ею, кроме того, кто принесет ей одежду Камар, дочери Азры-еврея, и венец, и кушак, и золотые башмачки, и остальные ее вещи».

И Али каирский воскликнул: «Если я не принесу ей одежду сегодня вечером, нет у меня права на сватовство!» — «О Али, ты умрешь, если сыграешь с ней штуку»,— сказал Шуман. И Али спросил его: «А что этому за причина?» И ему сказали: «Азра — еврей-колдун и злокозненный обманщик, который заставляет служить себе джиннов, и у него есть дворец вне города, в стенах которого один кирпич золотой, а другой серебряный, и этот дворец виден людям, пока Азра там сидит, а когда он из него выходит, дворец скрывается. У Азры есть дочь по имени Камар, и он принес ей ту одежду из сокровищницы, и он кладет одежду на золотое блюдо и открывает окна дворца и кричит: «Где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Всякому, кто возьмет эту одежду, она будет принадлежать!» И пытались играть с ним штуки все молодцы, но не могли взять эту одежду, и он заколдовывал их и обратил в обезьян и ослов».

«Я непременно возьму ее, и Зайнаб, дочь Далилы-хитрицы, будет в ней красоваться!» — воскликнул Али. И затем он отправился к лавке еврея и увидел, что он сердитый и грубый и что перед ним весы и разновески, и золото и серебро, и ящички, а подле него он увидел мула.

И еврей поднялся, и запер лавку, и сложил золото и серебро в два кошелька, и кошельки он положил в мешок, а мешок взвалил на мула, и сел, и поехал, и ехал до тех пор, пока не выехал за город; и Али каирский шел за ним, а он не знал этого.

И потом еврей вынул землю из мешка, бывшего у него за пазухой, и поколдовал над нею и развеял ее в воздухе, и ловкач Али увидел дворец, которому нет равного, а затем мул с евреем стали подниматься по лестнице, и вдруг оказа-

лось, что этот мул — дух, которого еврей заставляет себе служить.

И он снял с мула мешок, и мул ушел и скрылся, а еврей остался сидеть во дворце, и Али смотрел, что он делает. И еврей принес золотую трость, и повесил на нее золотое блюдо на золотых цепочках, и положил одежду на блюдо, и Али увидел ее из-за дверей.

И еврей закричал: «Где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Кто возьмет эту одежду своей ловкостью, тому она будет принадлежать!» А после того он поколдовал, и легла перед ним скатерть с кушаньями.

И еврей поел, а потом скатерть исчезла сама собой, и Азра поколдовал еще раз, и легла перед ним скатерть с вином, и он стал пить. И Али сказал себе: «Ты сумеешь взять эту одежду, только пока он напивается!» И Али подошел к еврею сзади, и вытащил свой стальной меч, и взял его в руку, и еврей обернулся, и поколдовал, и сказал руке Али: «Остановись с мечом!» И его рука остановилась с мечом в воздухе. И Али протянул левую руку, и она тоже остановилась в воздухе, и его правая нога тоже, и он остался стоять на одной ноге; а потом еврей снял с него чары, и Али каирский снова стал таким же, как раньше.

И еврей погадал на доске с песком, и вышло, что имя этого человека — Али Зайбак каирский, и Азра обратился к нему и сказал: «Поди сюда! Кто ты и каково твое дело?» — «Я Али каирский, молодец Ахмада ад-Данафа,— ответил Али.— Я посватался к Зайнаб, дочери Далилы-хитрицы, и они назначили ей с меня в приданое одежду твоей дочери. Отдай мне ее, если хочешь спастись, и стань мусульманином».— «После твоей смерти! — сказал еврей.— Много людей строили со мной штуки, чтобы взять эту одежду, но не смогли ее у меня взять. Если ты примешь добрый совет, спасайся сам. Они потребовали от тебя эту одежду, только чтобы погубить тебя, и, если бы я не увидел, что твое счастье превосходит мое счастье, я бы, наверное, снес тебе голову».

И Али обрадовался, что еврей увидел, что счастье Али превосходит его счастье, и сказал: «Я непременно должен взять одежду, и ты станешь мусульманином».— «Таково твое желание и это неизбежно?» — спросил еврей. И Али ответил: «Да!» И тогда еврей взял чашку, и наполнил ее водой, и поколдовал над ней, и сказал: «Выйди из образа человеческого и прими облик осла!»

И он обрызгал Али этой водой, и Али сделался ослом с копытами и длинными ушами и стал реветь, как осел.

А потом еврей провел вокруг Али круг, который стал для него стеной, и сам пил до утра, а утром он сказал Али: «Я поеду на тебе и дам мулу отдохнуть».

И еврей положил одежду, блюдо, трость и цепочки в шкафчик, и вышел, и поколдовал над ослом, и Али последовал за ним, и еврей положил на спину Али мешок и сел на него, а дворец скрылся с глаз.

И Али шел, и еврей ехал на нем, пока не слез около своей лавки, и тогда он опорожнил кошелек с золотом и кошелек с серебром и высыпал деньги в ящички, которые стояли перед ним, а Али был привязан в образе осла, и он слышал и понимал, но не мог говорить.

И вдруг подошел сын одного купца, которого обидела судьба, и он не нашел для себя ремесла легче ремесла водоноса, и тогда он взял браслеты своей жены и пришел к еврею и сказал ему: «Дай мне такую цену за эти браслеты, чтобы я мог купить осла».— «Что ты будешь на нем возить?» — спросил еврей. И сын купца сказал: «О мастер, я наполню бурдюк водой из реки и буду кормиться тем, что выручу».— «Возьми у меня этого осла»,— сказал еврей. И сын купца продал ему браслеты и на часть их цены купил осла, и еврей вернул ему остальное, и сын купца пошел с Али каирским, который был заколдован в образе осла, к себе домой.

И Али сказал про себя: «Когда ослятник положит на тебя доску и бурдюк и сделает на тебе десять поездок, он лишит тебя здоровья, и ты умрешь».

Жена водоноса подошла, чтобы положить Али корму, вдруг он ударил ее головой так, что она опрокинулась на спину, и прыгнул на нее и, ударив ее ртом по голове, опустил то, что оставил ему отец. И женщина закричала, и прибежали к ней соседи и побили Али, и стащили его с ее груди.

И тут ее муж, который хотел сделаться водоносом, пришел домой, и его жена сказала ему: «Либо ты со мной разведешься, либо вернешь осла его владельцу».— «Что случилось?» — спросил водонос. И жена его сказала: «Это сатана в образе осла. Он прыгнул на меня, и, если бы соседи не стащили его с моей груди, он бы, наверное, сделал со мной дурное». И ее муж взял Али и пошел к еврею, и когда тот спросил его: «Почему ты привел осла обратно?», водонос ответил: «Он сделал с моей женой дурное дело».

И еврей отдал водоносу его деньги, и тот ушел. А что касается еврея, то он обратился к Али и сказал ему: «Значит, ты начал строить козни, о злосчастный, так что он даже

вернул мне тебя? Но раз тебе не угодно быть ослом, я тебя сделаю забавой для больших и малых!»

И он взял осла, и сел на него, и выехал за город, и, вынув из-за пазухи пепел, поколдовал над ним, и развеял его в воздухе, и вдруг появился дворец.

И еврей вошел во дворец, и, сняв мешок со спины осла, вынул оба кошелька с деньгами, и вынул трость, и повесил на нее блюдо с одеждой, а потом закричал, как кричал каждый день: «Где молодцы из всех стран? Кто может взять эту одежду?»

И он поколдовал, как раньше, и встала перед ним трапеза, и он поел и поколдовал, и появилось перед ним вино, и он напился. И потом он вынул чашку с водой и поколдовал над ней, и брызнул сю на осла, и сказал ему: «Обратись из этого облика в твой прежний облик!» И Али снова стал человеком, как прежде. «О Али,— сказал ему еврей,— прими добрый совет и избавься от моего зла! Нет тебе нужды жениться на Зайнаб и добиваться одежды моей дочери. Она достанется тебе не легко, и оставить жадность для тебя будет лучше. А если нет, я заколдую тебя и превращу в медведя или обезьяну или отдам во власть духу, который закинет тебя на гору Каф».— «О Азра,— сказал Али,— я обязался взять одежду, и взять ее — неизбежно, и ты примешь ислам, а не то я тебя убью».— «О Али,— сказал еврей,— ты как орех: если он не разобьется, его не съесть». И он взял чашку с водой, и поколдовал над ней, и обрызгал водой Али и сказал: «Будь в образе медведя!» И Али тотчас же превратился в медведя, и еврей надел ему ошейник, и связал ему рот, и вбил для него железный кол, и стал есть, и бросал ему кое-какие куски, и выливал ему остатки из чашки.

А когда наступило утро, еврей встал и взял блюдо и одежду и поколдовал над медведем, и тот пошел за ним в лавку, и еврей сел в лавке и высыпал золото и серебро в ящик и привязал в лавке цепь, которая была у медведя на шее, и Али слышал и разумел, но не мог говорить.

И вдруг пришел к еврею в лавку один купец и спросил: «О мастер, не продашь ли ты мне этого медведя? У меня есть жена, дочь моего дяди, и ей прописали поесть медвежьего мяса и намазаться его жиром».

И еврей обрадовался и сказал себе: «Продам его, чтобы купец его зарезал и мы от него избавились!» А Али про себя воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот человек хочет меня зарезать, и освобождение — от Аллаха».— «Он будет тебе от меня подарком»,— сказал еврей. И купец взял медведя

и прошел с ним мимо мясника и сказал ему: «Возьми свои принадлежности и ступай за мной!» И мясник взял ножи и последовал за ним.

И потом мясник подошел к Али, и привязал его, и начал точить ножи, и хотел его зарезать. И когда Али каирский увидел, что мясник к нему направился, он побежал от него, и полетел между небом и землей, и летел до тех пор, пока не опустился во дворце у еврея.

А причиной этого было то, что еврей отправился во дворец после того, как отдал купцу медведя, и его дочь стала его спрашивать, и он рассказал ей обо всем, что произошло, и тогда она сказала: «Призови духа и спроси его про Али каирского: он ли это или другой человек устраивает штуки?» И еврей поколдовал и призвал духа и спросил его: «Это Али каирский или другой человек устраивает штуки?» И дух похитил Али, и принес его, и сказал: «Вот Али каирский, он самый. Мясник связал его и наточил нож и хотел начать его резать, но я схватил его, когда он был перед ним, и принес».

И еврей взял чашку с водой, и поколдовал над нею, и обрызгал из чашки Али, и сказал: «Вернись к твоему человеческому образу!» И Али снова стал таким, каким был раньше.

И увидела Камар, дочь еврея, что это красивый юноша, и любовь к нему запала ей в сердце, а любовь к ней запала ему в сердце, и Камар спросила его: «О злосчастный, зачем ты ищешь моей одежды и мой отец делает с тобой такие дела?» — «Я обязался взять ее для Зайнаб-мошенницы, чтобы на ней жениться»,— ответил Али. И Камар сказала: «Другие тоже играли с моим отцом штуки, чтобы захватить мою одежду, но не могли овладеть ею. Оставь жадность»,— сказала она потом. И Али молвил: «Мне неизбежно взять эту одежду, и твой отец примет ислам, а не то я его убью».— «Посмотри, дочка, на этого злосчастного, как он ищет своей гибели!» — воскликнул отец Камар. И потом он сказал: «Я превращу тебя в собаку!» И он взял чашку с надписями, в которой была вода, и поколдовал над нею, и обрызгал водой Али, и сказал: «Будь в образе собаки!» И Али стал собакой, а еврей со своей дочерью пили до утра.

А потом он поднялся и, взяв одежду и блюдо, сел на мула и поколдовал над собакой, и та последовала за ним, и другие собаки стали на нее лаять.

И еврей прошел мимо лавки старьевщика, и старьевщик вышел и прогнал от Али собак, и Али лег перед ним, а еврей осмотрелся и не нашел его. И старьевщик поднялся, и вы-

шел из лавки, и пошел домой, и пес последовал за ним; и когда старьевщик вошел в свой дом, дочь старьевщика посмотрела, и увидела собаку, и закрыла себе лицо, говоря: «О батюшка, ты приводишь чужого мужчину и вводишь его к нам».— «О дочка, это собака»,— сказал старьевщик. И его дочь молвила: «Это Али каирский, которого заколдовал еврей». И старьевщик обернулся к Али и спросил его: «Ты Али каирский?» И Али сделал ему знак головой: да! Тогда отец девушки спросил ее: «Почему еврей заколдовал его?» И она сказал: «Из-за одежды его дочери Камар, и я могу его освободить».— «Если в этом благо, то теперь время для него!» — воскликнул старьевщик. И его дочь сказала: «Если он на мне женится, я его освобожу». И Али сказал ей головой: да. И тогда она взяла чашку с надписями и поколдовала над нею, и вдруг раздался великий крик, и чашка упала у нее из рук. И девушка обернулась и увидела, что это кричала невольница ее отца, и та сказала ей: «О госпожа моя, разве таков был уговор между мною и тобою? Никто не научил тебя этому искусству, кроме меня, и ты со мной сговорилась, что ничего не будешь делать, не посоветовавшись со мною, и что тот, кто женится на тебе, женится на мне, и будет ночь тебе и ночь — мне».— «Да»,— сказала девушка. И когда старьевщик услышал от невольницы такие слова, он спросил свою дочь: «А кто научил эту невольницу?» — «О батюшка,— ответила его дочь,— она научила меня: спроси ее, кто ее научил».

И старьевщик спросил невольницу, и она сказала ему: «Знай, о господин мой, что, когда я была у еврея Азры, я подслушивала, как он произносил заклинания, а когда он уходил в лавку, я открывала книги и читала их, так что узнала науку о духах. И в один из дней еврей напился и позвал меня на ложе, и я отказалась и сказала: «Я не дам тебе этого сделать, пока ты не примешь ислам». И он отказался, и я сказала ему: «На рынок султана!» И он продал меня тебе, и я пришла к тебе в дом, и научила мою госпожу, и поставила ей условие, что она не будет ничего такого делать, не посоветовавшись со мной, и что тот, кто женится на ней, женится и на мне, и будет ночь мне и ночь ей».

И невольница взяла чашку с водой, и поколдовала над ней, и обрызгала из нее пса, и сказала ему: «Возвратись к твоему человеческому образу!» И Али снова стал человеком, как был. И старьевщик пожелал ему мира и спросил, почему его заколдовали, и Али рассказал ему обо всем, что ему выпало на долю.

«Достаточно тебе будет моей дочери и невольницы?» —

спросил его старьевщик. И Али ответил: «Неизбежно взять Зайнаб». И вдруг кто-то постучал в дверь. «Кто у дверей?» — спросила невольница. И Камар, дочь еврея, спросила: «У вас ли Али каирский?» И дочь старьевщика спросила ее: «О дочь еврея, если Али каирский у нас, что ты с ним сделаешь? Спустись, о невольница, открой ей дверь».

И невольница открыла ей ворота, и Камар вошла и увидела Али, и когда Али увидел ее, он воскликнул: «Что привело тебя, о дочь пса?» И Камар сказала: «Я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посол Аллаха». И она приняла ислам и спросила Али: «Мужчины ли, по вере ислама, дают приданое женщинам, или женщины дают приданое мужчинам?» И Али ответил ей: «Мужчины дают приданое женщинам». И тогда она сказала: «А я пришла, чтобы дать тебе за себя в приданое одежду, трость, и цепочку, и голову моего отца — твоего врага и врага Аллаха».

И она бросила перед ним голову своего отца и воскликнула: «Вот голова моего отца — твоего врага и врага Аллаха!»

А причиной убийства ею своего отца было то, что, когда еврей превратил Али в пса, она увидела во сне говорящего, который говорил ей: «Прими ислам!» И она приняла ислам, а проснувшись, предложила ислам своему отцу, но тот отказался; и когда он отказался принять ислам, Камар одурманила его банджем и убила.

И Али взял вещи и сказал старьевщику: «Завтра мы встретимся у халифа, чтобы я женился на твоей дочери и на невольнице». И он вышел, радуясь, и направился в казарму, неся с собой вещи. И вдруг он увидел продавца сластей, который бил рукой об руку и восклицал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Труд людей стал беззаконием и идет только на подделку. Прошу тебя, ради Аллаха, попробуй этих сластей!» И Али взял у него кусочек и съел его, и вдруг в нем оказался бандж. И торговец одурманил Али, и взял у него одежду, трость и цепочки, и положил их в сундук со сластями, и пошел. И вдруг один кади закричал ему и сказал: «Подойди, эй, торговец!» И торговец остановился и поставил подставку, на которой стоял поднос, и спросил: «Что ты потребуешь?» — «Халвы и конфет,— сказал кади, и потом он взял немного халвы в руку и сказал: — Эта халва и конфеты с примесью».

И кади вынул из-за пазухи кусок халвы и сказал

торговцу: «Посмотри, как прекрасно она приготовлена! Поешь ее и сделай такую же!» Торговец взял халву и съел ее, и вдруг в ней оказался бандж, и кади одурманил торговца и взял подставку, и сундук, и одежду, и другое.

И он положил торговца внутрь подставки, и понес все это, и отправился в казарму, где жил Ахмад ад-Данаф.

А этот кади был Хасан Шуман, и причиной всего этого было вот что. Когда Али обязался взять одежду и вышел ее искать, никто не услышал про него вестей, и Ахмад ад-Данаф сказал: «О молодцы, выходите, ищите вашего брата Али каирского!»

И они вышли и стали искать его в городе; и Хасан Шуман тоже вышел в облике кади, и встретил того торговца сластями и узнал, что это Ахмад аль-Лакит.

И он одурманил его банджем и взял его вместе с одеждой и пошел с ним в казарму, а что касается тех сорока, то они ходили, ища Али, по улицам города.

Али Катф аль-Джамаль отделился от своих товарищей, и увидел толпу, и направился к столпившимся людям, и заметил среди них Али каирского, который был одурманен банджем. И Али Катф аль-Джамаль разбудил Али каирского после банджа, и Али, очнувшись, увидел, что около него собрались люди.

«Приди в себя»,— сказал Али Катф аль-Джамаль. И Али спросил: «Где я?» И Али Катф аль-Джамаль и его люди ответили: «Мы увидели тебя одурманенным и не знаем, кто тебя одурманил».— «Меня одурманил один торговец сластями и взял вещи. Но куда он ушел?» — спросил Али. И ему ответили: «Мы никого не видали, но пойдем с нами в казарму».

И они отправились в казарму, и вошли, и увидели Ахмада ад-Данафа, и тот приветствовал их и спросил: «О Али, принес ты одежду?» — «Я нес и ее и другое и нес голову еврея,— ответил Али,— но меня встретил торговец сластями, и одурманил, и взял у меня все это». И он рассказал Ахмаду обо всем, что случилось, и сказал: «Если бы я увидел этого торговца, я бы отплатил ему». И вдруг Хасан Шуман вышел из одной комнаты и спросил: «Принес ли ты вещи, о Али?» — «Я нес их и нес голову еврея, но меня встретил торговец сластями, и одурманил меня, и взял одежду и другое, и я не знаю, куда он ушел. Если бы я знал, где он, я бы ему насолил,— ответил Али.— Не знаешь ли ты, куда ушел этот торговец?» — «Я знаю, где он»,— ответил Хасан, и затем он поднялся и открыл дверь в комнату, и Али увидел в ней торговца, одурманенного банджем.

И Али разбудил его после банджа, и он открыл глаза, и увидел перед собой Али каирского, Ахмада ад-Данафа и сорок его приближенных, и обмер, и спросил: «Где я и кто схватил меня?» — «Это я тебя схватил»,— сказал Шуман. И Али воскликнул: «О злокозненный, ты делаешь такие дела!» — и хотел зарезать торговца.

И Хасан Шуман сказал ему: «Не поднимай руку, он стал твоим свойственником». И Али спросил: «Моим свойственником? Откуда?» И Хасан сказал ему: «Это Ахмад аль-Лакит, сын сестры Зайнаб».— «Почему же ты сделал все это, о Лакит?» — спросил его Али. И мальчик сказал: «Мне так приказала моя бабка Далила-хитрица, и случилось это только потому, что Зурейк-рыбник встретился с моей бабкой Далилой-хитрицей и сказал ей: «Али каирский — ловкач редкой ловкости, и он неизбежно убьет еврея и принесет одежду». И тогда она позвала меня и спросила: «О Ахмад, знаешь ли ты Али каирского?» И я ответил: «Я его знаю и привел его к казарме Ахмада ад-Данафа». И тогда она сказала мне: «Пойди расставь ему твои сети, и если он принес вещи, сыграй с ним штуку и отбери у него вещи». И я пошел ходить по улицам города, и увидел торговца сластями, и дал ему десять динаров, и взял у него его одежду, сласти и принадлежности, и случилось то, что случилось».

И тогда Али каирский сказал Ахмаду аль-Лакиту: «Пойди к твоей бабке и к Зурейку-рыбнику и осведоми их о том, что я принес вещи и голову еврея, и скажи им: «Завтра встречайте его в диване халифа и берите у него приданое Зайнаб!»

И Ахмад ад-Данаф обрадовался этому и воскликнул: «Не зря я вырастил тебя, о Али!»

А когда наступило утро, Али каирский взял одежду, блюдо, трость, и золотые цепочки, и голову Азры-еврея на дротике и отправился в диван со своим дядей и его молодцами, и они поцеловали землю перед халифом, и халиф посмотрел и увидел красивого юношу, доблестней которого не было среди мужей.

И он спросил про него людей, и Ахмад ад-Данаф сказал ему: «О повелитель правоверных, это Али Зайбак каирский, глава молодцов Египта, и он первый среди моих молодцов». И когда халиф увидел его, он его полюбил, так как увидел, что на челе у него блещет доблесть, свидетельствуя за него, а не против него.

И Али поднялся, и бросил голову еврея перед халифом, и сказал: «Твой враг таков, как этот, о повелитель право-

верных!» — «Чья это голова?» — спросил халиф. И Али ответил: «Голова Азры-еврея»; и халиф спросил: «А кто убил его?»

И Али каирский рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф сказал: «Я не думаю, чтобы ты убил его, так как он был колдун».— «О повелитель правоверных, дал мне власть мой господь убить его»,— сказал Али.

И Халиф послал вали во дворец еврея, и тот увидел еврея без головы. И его положили в ящик и принесли к халифу, и тот велел его сжечь; и вдруг Камар, дочь еврея, пришла, и поцеловала халифу руки и осведомила его, что она дочь Азры-еврея и стала мусульманкой.

И она снова приняла ислам перед халифом и сказала ему: «Ты мой ходатай перед ловкачом Али Зайбаком каирским, чтобы он женился на мне».

И она уполномочила халифа заключить ее брак с Али, и халиф подарил Али каирскому дворец еврея со всем, что в нем было, и сказал ему: «Пожелай чего-нибудь от меня!» — «Я желаю,— сказал Али,— чтобы я мог стоять на твоем ковре и есть с твоего стола». И халиф спросил его: «О Али, есть у тебя молодцы?» — «У меня сорок молодцов, но они в Каире»,— ответил Али. И халиф сказал: «Пошли за ними, чтобы они пришли из Каира. О Али,— спросил потом халиф,— а есть у тебя казарма?» И Али ответил: «Нет». И тогда Хасан Шуман сказал: «Я дарю ему мою казарму с тем, что в ней есть, о повелитель правоверных!» — «Твоя казарма будет тебе, о Хасан»,— сказал халиф и велел, чтобы казначей дал строителю десять тысяч динаров, и тот построил для Али казарму с четырьмя портиками и сорока комнатами для молодцов. «О Али,— спросил потом халиф,— осталась ли у тебя какая-нибудь просьба, которую мы прикажем для тебя исполнить?» Али ответил: «О царь времени, чтобы ты был ходатаем перед Далилой-хитрицей и она выдала бы за меня свою дочь Зайнаб и взяла одежду дочери еврея и ее вещи за Зайнаб в приданое».

И Далила приняла ходатайство халифа и взяла блюдо, одежду, и трость, и золотые цепочки, и написала договор Зайнаб с Али, и написали также договор с ним дочь старьевщика, и невольница, и Камар, дочь еврея.

И халиф назначил Али жалованье и велел давать ему трапезу к обеду и трапезу к ужину, и довольствие, и кормовые, и наградные. И Али каирский начал приготовление к свадьбе, и прошел срок в тридцать дней, а потом Али

каирский послал своим молодцам в Каир письмо, в котором упомянул, какое ему досталось у халифа уважение, и он говорил в письме: «Вы неизбежно должны явиться, чтобы застать свадьбу, так как я женюсь на четырех девушках».

И через небольшое время его сорок молодцов явились и застали свадьбу, и Али поселил их в казарме и оказал им величайшее уважение, а затем он представил их халифу, и халиф наградил их. И служанки стали показывать Али каирскому Зайнаб в той прекрасной одежде, и он вошел к ней и нашел ее жемчужиной несверленой и кобылицей, другими не объезженной, а после нее он вошел к трем другим девушкам и увидел, что они совершенны по красоте и прелести.

А потом случилось, что Али каирский бодрствовал у халифа в какую-то ночь, и халиф сказал ему: «Я имею желание, о Али, чтобы ты рассказал мне обо всем, что с тобой случилось, с начала до конца». И Али рассказал ему обо всем, что случилось у него с Далилой-хитрицей, Зайнаб-мошенницей и Зурейком-рыбником. И халиф приказал это записать и положить в казну царства. И записали все, что произошло с Али, и положили запись в числе рассказов о народе пророка, лучшего из людей. И затем все они жили в приятнейшей и сладостнейшей жизни, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, а Аллах, великий и славный, лучше знает истину.

СКАЗКА ОБ АБДАЛЛАХЕ ЗЕМНОМ И АБДАЛЛАХЕ МОРСКОМ

Рассказывают также, что был один человек, рыбак, по имени Абдаллах. И была у него большая семья, с девятью детьми и их матерью, а он был очень беден и не владел ничем, кроме сети. И каждый день он ходил к морю, чтобы ловить рыбу, и когда он ловил немного, то продавал улов и расходовал деньги на своих детей, сообразно с тем, чем наделил его Аллах, а если ловил много, то варил хорошее кушанье, и покупал плоды, и до тех пор их тратил, пока у него не оставалось ничего. И он говорил про себя: «Надел на завтра придет завтра». И когда

его жена родила, детей стало десятеро, а у этого человека в тот день не было совершенно ничего. И его жена сказала ему: «О господин, присмотри мне что-нибудь, чем напитаться». И рыбак сказал ей: «Вот я пойду, с благословения великого Аллаха, к морю, в сегодняшний день, на счастье этого нового младенца, чтобы нам посмотреть, какое его счастье». И жена молвила: «Положись на Аллаха!» И рыбак взял сеть и отправился к морю, а затем он закинул сеть, на счастье этого маленького ребенка, и сказал: «О боже, сделай его надел легким, нетрудным, обильным, нескудным!» И подождал некоторое время, а затем он вытянул ее, и сеть поднялась, полная хлама, песку, камешков и травы. И рыбак не увидел в ней ни одной рыбы — ни много ни мало. И он бросил сеть второй раз, и подождал некоторое время, и вытащил ее, но не увидел в ней ничего. И тогда он бросил ее в третий раз, и четвертый, и пятый, но рыбы в сети не поднялось. И рыбак перешел на другое место и стал просить себе надела у Аллаха великого, и он был в таких обстоятельствах до конца дня, но не поймал ни рыбешки. И он удивился про себя и сказал: «Разве Аллах сотворил этого новорожденного без надела? Этого никогда не бывает, ибо тот, кто прорезал углы рта, взял на себя его надел, Аллах великий щедр и наделяет».

И затем он поднял сеть и вернулся с разбитой душой, и сердце его было занято его семьей: он ведь оставил их всех без еды, а жена его вдобавок только что родила. И он шел и говорил про себя: «Как сделать и что я скажу детям сегодня вечером?» И дошел до пекарни булочника. Он увидел около нее лавку (а было время дороговизны, и в те дни у людей находилось для пропитания лишь немногое), и люди предлагали хлебопеку деньги, но он не обращал внимания ни на кого из-за сильной давки. И рыбак остановился, смотря и вдыхая запах горячего хлеба, и душе его стало хотеться хлеба от голода, и хлебопек увидел рыбака, и закричал ему, и сказал: «Пойди сюда, о рыбак!» И рыбак подошел к нему, и хлебопек спросил: «Ты хочешь хлеба?» И рыбак промолчал, и хлебник молвил: «Говори, не стыдись, Аллах щедр, и если с тобой нет денег, то я дам тебе и подожду, пока к тебе не придет благо».— «Клянусь Аллахом, о мастер, нет со мной денег,— ответил рыбак,— но дай мне хлеба достаточно для моей семьи, и я заложу у тебя эту сеть до завтра». И хлебопек сказал ему: «О бедняга, эта сеть — твоя лавка и врата твоего надела. Если ты ее заложишь, чем ты будешь ловить? Скажи мне, какого количества тебе хватит?» — «На десять полушек сереб-

ра», — ответил рыбак. И хлебопек дал ему хлеба на десять полушек, и затем он дал ему десять полушек серебра и сказал: «Возьми эти десять полушек и свари себе на них кушанье, и будет за тобой двадцать серебряных полушек, а завтра дай мне на них рыбы. А если тебе ничего не достанется, приходи, бери хлеб и десять полушек, и я буду ждать, когда придет к тебе благо, а потом отдай мне на то, что мне с тебя следует, рыбы». — «Да вознаградит тебя Аллах великий и да воздаст тебе за меня всяким благом!» — сказал рыбак. И затем он взял хлеб и десять серебряных полушек и пошел, радостный. И он купил то, что пришлось, и вошел к своей жене, и увидел, что она сидит и успокаивает детей, которые плачут от голода, и говорит им: «Сейчас ваш отец принесет вам поесть». И рыбак вошел к ним и положил хлеб, и все начали есть, и рыбак рассказал своей жене о том, что с ним случилось, и жена его воскликнула: «Аллах щедр!»

А на следующий день рыбак взял свою сеть и вышел из дому, говоря: «Прошу тебя, о господи, надели меня сегодня тем, что обелит мое лицо перед хлебопеком». И дойдя до моря, он стал закидывать свою сеть и вытягивать ее, но в ней не было рыбы, и он делал так до конца дня, но не выловил ничего, и пошел обратно в великой заботе. А дорога к его дому шла мимо пекарни хлебопека, и рыбак говорил про себя: «Откуда мне пройти к дому? Но я ускорю шаги, чтобы меня не увидел хлебопек». И дойдя до пекарни, он увидел лавку и ускорил шаг, стыдясь хлебопека, чтобы тот его не увидел, и вдруг хлебопек поднял на него глаза и закричал: «О рыбак, пойди сюда, возьми твой хлеб и деньги — ты забыл!» — «Нет, клянусь Аллахом, я не забыл, — отвечал рыбак, — мне только очень стыдно. Я сегодня не поймал рыбы». — «Не стыдись, — отвечал хлебопек, — разве я не сказал тебе: «Не спеши, пока не придет к тебе благо»?» И он дал ему хлеб и десять полушек, и рыбак пошел к своей жене и рассказал ей об этом деле, и она сказала: «Аллах щедр! Если захочет Аллах великий, к тебе придет благо, и ты сполна отдашь то, что ему следует».

И так продолжалось сорок дней, и рыбак каждый день был у моря от восхода до заката, и каждый день возвращался без рыбы и брал деньги на расходы и хлеб у хлебопека, и тот не напоминал ему о рыбе ни в один день из дней и не пренебрегал им, как другими людьми, а напротив, давал ему десять полушек и хлеб. И всякий раз, как рыбак говорил: «О брат мой, сведи со мной счеты», — хлебопек отвечал ему: «Ступай, не время теперь сводить счеты!

Когда придет к тебе благо, мы с тобой сосчитаемся». И рыбак желал ему счастья и уходил, благодаря его.

А на сорок первый день он сказал своей жене: «Мне хочется разорвать эту сеть и отдохнуть от такой жизни». И жена его спросила: «Почему?» И рыбак сказал: «Мой надел в море как будто прервался. До каких пор будет такое положение? Клянусь Аллахом, я растаял от стыда перед хлебопеком. Я больше не пойду к морю, чтобы не проходить мимо его пекарни, у меня нет другой дороги, как мимо его пекарни, и всякий раз, когда я прохожу, он зовет меня и дает мне хлеб и десять полушек. До каких же пор я буду у него одолжаться?» И жена рыбака сказала: «Хвала Аллаху великому, который смягчил к тебе его сердце, и он дает тебе пищу. Что тебе в этом противного?» — «Ему следует с меня большое количество денег, и он обязательно потребует должное»,— сказал рыбак. И жена спросила: «Разве он обидел тебя словами?» — «Нет, и он не соглашается свести со мной счет и говорит: «Когда придет к тебе благо». И его жена сказала: «Когда он с тебя потребует, скажи ему: «Когда придет благо, на которое мы с тобой надеемся».— «А когда придет благо, на которое мы надеемся?» — спросил рыбак. И жена его сказала: «Аллах щедр!» И рыбак молвил: «Твоя правда!» И затем он взял сеть и отправился к морю, говоря: «О господи, пошли мне хотя бы одну рыбу, чтобы я подарил ее хлебопеку». И закинул свою сеть в море, и стал тащить, и почувствовал, что она тяжелая. И он до тех пор возился с сетью, пока сильно не устал, и, вытащив сеть, он увидел в ней мертвого осла, раздувшегося и скверно пахнущего. И его душе стало противно. И он высвободил осла из сети и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я обессилел, говоря этой женщине, что не осталось мне надела в море и чтобы позволила она мне бросить это ремесло, но она отвечает: «Аллах щедр, к тебе придет благо!» Разве этот мертвый осел и есть благо?»

И его охватила великая забота, и он отправился в другое место, чтобы уйти от запаха осла, и, взяв сеть, закинул ее, и подождал над ней некоторое время, а затем потянул и почувствовал, что она тяжелая. И он до тех пор возился с сетью, пока на его руках не выступила кровь, а вытащив сеть, он увидел в ней человеческое существо. И рыбак подумал, что это ифрит из ифритов господина нашего Сулеймана, которых он заточал в медные кувшины и бросал в море. И когда один кувшин разбился от множества лет, этот ифрит вышел из него и поднялся в сети. И рыбак

побежал от него и стал говорить: «Пощады, пощады, о ифрит Сулеймана!» И человек закричал ему из сети и сказал: «Пойди сюда, о рыбак, не убегай от меня — я потомок Адама, как и ты. Освободи же меня, чтобы получить за меня награду».

И когда рыбак услышал эти слова, его сердце успокоилось, и он подошел к человеку и сказал: «Разве ты не ифрит из джиннов?» — «Нет,— отвечал он,— я человек и верю в Аллаха и его посланника».— «Кто бросил тебя в море?» — спросил рыбак. И человек сказал: «Я из детей моря. Я гулял, и ты бросил на меня сеть. Мы люди, повинующиеся законам Аллаха, и заботимся о тварях Аллаха великого, и, если бы я не боялся и не страшился оказаться среди ослушников, я бы порвал твою сеть, но я согласился на то, что судил мне Аллах. А ты, если освободишь меня, станешь моим владыкой, и я стану твоим пленником. Не хочешь ли ты освободить меня, стремясь к лику великого Аллаха, и заключить со мной соглашение? Ты будешь моим другом, и я буду приходить к тебе каждый день в это место, и ты будешь приходить ко мне и приносить мне подарок из плодов земли — у вас ведь есть виноград, смоквы, арбузы, персики, гранаты и другое, и все, что ты мне принесешь, будет от тебя принято. А у нас есть кораллы, жемчуга, топазы, изумруды, яхонты и другие драгоценные камни. И я наполню тебе корзину, в которой ты принесешь мне плоды, дорогими металлами и драгоценностями моря. Что ты скажешь, о брат мой, на такие слова?» — «Фатиха» пусть будет между мной и тобой при этих словах»,— сказал рыбак. И каждый из них прочел «Фатиху», и рыбак освободил человека из сети, а потом спросил его: «Как твое имя?» И человек сказал: «Мое имя Абдаллах морской, и когда ты придешь в это место и не увидишь меня, позови и скажи: «Где ты, о Абдаллах, о морской?» И я сейчас же окажусь подле тебя. А ты — как твое имя?» — «Мое имя Абдаллах»,— ответил рыбак. И человек сказал: «Ты — Абдаллах земной, а я — Абдаллах морской. Постой здесь, я пойду и принесу тебе подарок».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал рыбак. И Абдаллах морской ушел в море.

И Абдаллах земной стал раскаиваться, что освободил его из сети, и сказал про себя: «Откуда я знаю, что он ко мне вернется? Он только посмеялся надо мной, а я его освободил. Если бы я оставил его в сети, я бы его показывал людям в городе, и брал за это деньги от всех людей, и входил бы с ним в дома знатных». И он стал горевать о том, что выпустил Абдаллаха морского, и говорить себе: «Ушла

твоя добыча у тебя из рук!» И когда он печалился, что выпустил его из рук, Абдаллах морской вдруг вернулся к нему с полными руками жемчуга, кораллов, изумрудов, яхонтов и драгоценных камней и сказал: «Бери, брат мой, и не взыщи с меня — у меня нет корзины, чтобы ее тебе наполнить». И тут Абдаллах земной обрадовался и взял от него драгоценности, и Абдаллах морской сказал: «Каждый день приходи в это место до восхода солнца». И затем он простился с ним и вошел в море.

Что же касается рыбака, то он пошел в город, радостный, и шел, пока не достиг хлебопека, и тогда он сказал ему: «О брат мой, пришло к нам благо, сведи со мной счет».— «Не нужно сводить счета,— ответил хлебопек,— если у тебя что-нибудь есть, дай мне, а если у тебя нет ничего, бери свой хлеб и деньги и ступай, а потом придет к тебе благо».— «О друг мой,— сказал рыбак,— благо пришло ко мне от щедрот Аллаха. Тебе следует с меня великое множество, но возьми вот это». И он захватил пригоршню жемчуга, кораллов, яхонтов и драгоценных камней (а в этой пригоршне была половина того, что у него было), и отдал их хлебнику, и сказал: «Дай мне немного мелочи, чтобы тратить сегодня, пока я не продам эти драгоценности». И хлебопек отдал ему все деньги, которые имел под рукой, и весь хлеб, что был у него в корзине. И он обрадовался этим драгоценностям и сказал рыбаку: «Я твой раб и слуга». И понес весь хлеб, который у него был, на голове, и дошел за рыбаком до его дома, и отдал хлеб его жене и детям. А потом он пошел на рынок и принес мясо, зелень и плоды всех сортов, и он бросил свою пекарню, и весь день оказывал услуги Абдаллаху земному и исполнял его дела. И рыбак сказал ему: «О брат мой, ты утомил себя». И хлебопек ответил: «Это для меня обязательно, так как я стал твоим слугой, и твои благодеяния меня затопили».— «Это ты был моим благодетелем при стеснении и дороговизне»,— сказал рыбак. И хлебопек провел с ним эту ночь за прекрасной едой.

А потом хлебопек стал другом рыбака, и тот рассказал своей жене о случае с Абдаллахом морским, и жена его обрадовалась и молвила: «Скрывай свою тайну, чтобы не схватили тебя судьи».— «Если я скрою свою тайну от всех людей, то я не скрою ее от хлебопека»,— ответил рыбак. И на другой день утром (а с вечера он наполнил корзину плодами всевозможных сортов) он взял корзину до восхода солнца, и отправился к морю, и поставил ее на краю берега, и сказал: «Где ты, о Абдаллах, о морской?» И вдруг тот

ответил ему: «Пред тобой»,— и вышел к нему. И рыбак предложил ему плоды, и Абдаллах морской взял их, и ушел с ними, и погрузился в море на некоторое время, а затем он вышел, неся корзину, полную всевозможных металлов и драгоценностей. И Абдаллах земной поднял ее на голову и ушел, и когда он дошел до пекарни хлебопека, тот сказал ему: «О господин мой, я спек сорок пышек и отослал их тебе домой, а теперь я пеку особый хлеб, и когда он будет готов, я доставлю его на дом и пойду принесу тебе зелень и мясо».

И рыбак захватил из корзины три пригоршни и отдал их ему, а потом он отправился домой, и поставил корзину, и, взяв из каждого рода камней по одному дорогому камню, пошел на рынок драгоценных камней, и остановился у лавки старосты рынка, и сказал: «Купи у меня эти драгоценности».— «Покажи мне их»,— сказал староста. И рыбак показал, и староста спросил: «Есть ли у тебя еще камни, кроме зтих?» — «У меня их полная корзина»,— отвечал рыбак. И староста рынка спросил его: «Где твой дом?» И рыбак ответил: «На такой-то улице».

И тогда староста отнял у него камни и сказал своим слугам: «Схватите его! Это тот разбойник, который украл вещи царицы, жены султана». И он велел им побить рыбака, и его побили и связали, а староста и все люди с рынка драгоценных камней вышли и стали говорить: «Мы поймали разбойника». И некоторые из них говорили: «Не украл вещей такого-то никто, кроме зтого негодяя». А другие говорили: «Не украл всего, что в доме такого-то, никто, кроме него!» И одни говорили так, а другие говорили зтак, и при всем зтом рыбак молчал, и не давал никому ответа, и ни к кому не обращал речи, пока его не поставили перед царем. И тогда староста сказал: «О царь времени, когда украли ожерелье царицы, ты послал известить нас и потребовал поимки обидчика, и я старался больше всех людей и поймал тебе обидчика. Вон он перед тобой, а вот драгоценности, которые мы вырвали у него из рук». И царь сказал евнуху: «Возьми эти драгоценности, и покажи их царице, и спроси ее: «Не твои ли зто вещи, которые у тебя пропали?» И евнух взял камни и вошел к царице, и, увидев их, царица удивилась и послала сказать царю: «Я нашла свое ожерелье у себя, а зто не мои вещи, но зти камни лучше, чем камни в моем ожерелье. Не обижай же зтого человека, и если он их продает, купи у него для твоей дочери, Умм ас-Сууд,— мы сделаем ей из них ожерелье».

И когда евнух вернулся и рассказал царю о том, что

сказала царица, царь проклял старосту ювелиров и его людей проклятием Ада и Самуда, и те сказали: «О царь времени, мы знали, что этот человек — бедный рыбак, и сочли это для него слишком многим, и подумали, что он украл камни».— «О мерзавцы,— сказал царь,— почему вы считаете слишком многим благоденствие правоверного? Почему же вы его не спросили? Может быть, Аллах великий наделил его, когда он не ожидал? Как же вы объявляете его разбойником и позорите его среди людей! Уходите, да не благословит вас Аллах!» И ювелиры вышли испуганные.

Вот то, что было с ними. Что же касается царя, то он сказал: «О человек, да благословит Аллах для тебя то, чем он тебя наделил. Ты в безопасности! Но скажи мне правду, откуда у тебя эти драгоценности? Я — царь, но у меня не найдется им подобных».— «О царь времени,— сказал Абдаллах,— у меня их полная корзина. И дело обстоит так-то и так-то». И он рассказал ему о своей дружбе с Абдаллахом морским и сказал: «У нас с ним заключено соглашение: я каждый день наполняю ему корзину плодами, а он наполняет ее такими камнями». И царь сказал ему: «О человек, это твоя доля, но для денег нужен сан. Я защищу тебя от господства людей в эти дни, но, может быть, я буду низложен или умру, и власть получит другой, и тогда он убьет тебя из любви к здешней жизни и из жадности. Я хочу женить тебя на моей дочери, и сделать тебя моим вазиром, и завещать тебе власть после себя, чтобы никто не хотел обидеть тебя после моей смерти». И затем царь сказал: «Возьмите этого человека и отведите его в баню».

И рыбака взяли, и вымыли ему тело, и надели на него одежду из одежд царей, и потом его привели к царю, и тот сделал его своим вазиром. А затем он послал скороходов, музыкантов и жен всех вельмож в дом рыбака, и они одели его жену, вместе с детьми, в одежды царских жен и посадили ее в носилки, и жены всех вельмож, солдаты, скороходы и музыканты пошли перед ней и привели ее к дому царя, а маленький ребенок был у нее на руках. И ее больших детей ввели к царю, и тот принял их с почетом, и взял к себе на колени, и посадил рядом с собой, и их было девять детей мужеского пола, а царь был лишен мужеского потомства и получил только ту дочь, которую он назвал Умм ас-Сууд.

Что же касается царицы, то она приняла жену Абдаллаха земного с почетом, и оказала ей милость, и сделала ее у себя вазиршей. И потом царь велел написать запись Абдаллаха земного со своей дочерью. И Абдаллах назначил за нее в приданое все драгоценные камни и металлы, кото-

рые у него были, и отворили ворота радости, и царь велел кричать об украшении города по случаю свадьбы его дочери.

А на следующий день, после того как рыбак вошел к дочери царя и уничтожил ее девственность, царь выглянул в окно и увидел, что Абдаллах несет на голове корзину, полную плодов. «Что это у тебя, о мой зять, и куда ты идешь?» — спросил он. И рыбак ответил: «К моему другу Абдаллаху морскому».— «О мой зять,— сказал царь,— не время сейчас идти к твоему другу».— «Я боюсь, что, если я нарушу условие, он сочтет меня лжецом и скажет мне: «Земная жизнь отвлекла тебя от меня»,— ответил рыбак. И царь сказал: «Ты прав, иди к твоему другу, да поможет тебе Аллах!»

И рыбак пошел по городу, направляясь к своему другу, и люди уже его знали, и он слышал, как они говорят: «Вот царский зять идет менять плоды на камни». А те, кто его не знал и не узнавал его, кричали: «Эй, человек, почем ритль? Пойди сюда, продай мне!» И рыбак говорил: «Подожди, пока я вернусь к тебе»,— и никого не огорчал. И он шел, и встретился с Абдаллахом морским, и отдал ему плоды, и обменял их на драгоценные камни, и продолжал делать так, и каждый день он проходил мимо пекарни хлебопека и видел, что она заперта. И так прошло десять дней, и когда рыбак не увидел хлебопека и нашел его пекарню запертой, он сказал про себя: «Это удивительная вещь! Посмотри-ка! Куда девался хлебопек?» И он спросил его соседа и сказал ему: «О брат мой, где твой сосед и что сделал с ним Аллах?» И сосед хлебопека ответил: «О господин мой, он болен и не выходит из дома».— «А где его дом?» — спросил рыбак. И сосед хлебопека ответил: «На такой-то улице». И рыбак отправился туда и спросил про хлебопека, и когда он постучал в ворота, хлебопек выглянул в окошко и увидел своего друга рыбака, на голове которого была полная корзина. И он спустился к нему и отпер ворота, и рыбак вошел, и бросился к хлебопеку, и обнял его, и заплакал, и сказал: «Как ты поживаешь, о друг мой? Я каждый день хожу мимо пекарни и вижу ее запертой. Я спросил твоего соседа, и он сказал мне, что ты болен, и тогда я спросил, где твой дом, чтобы проведать тебя».— «Да воздаст тебе за меня Аллах всяким благом! — воскликнул хлебопек.— У меня нет болезни, но до меня дошло, будто царь схватил тебя потому, что какие-то люди на тебя налгали и сказали, что ты разбойник, и я испугался, и запер пекарню, и спрятался».— «Твоя правда»,— сказал рыбак. И затем он рас-

сказал хлебопеку о своем деле и о том, что у него случилось с царем и со старостой рынка драгоценностей, и сказал: «Царь женил меня на своей дочери и сделал меня своим вазиром. Возьми то, что есть в этой корзине, это твоя доля, и не бойся»,— сказал он потом и вышел от хлебопека, прогнав от него страх. И он отправился к царю с пустой корзиной, и царь сказал ему: «О мой зять, ты как будто не встретился сегодня с твоим товарищем Абдаллахом морским?» — «Я ходил к нему,— ответил рыбак,— и то, что он мне дал, я отдал моему другу хлебопеку, так как я обязан ему благодеяниями».— «А кто этот хлебопек?» — спросил царь. И рыбак сказал: «Это человек, оказавший мне милость, и у меня с ним случилось в дни бедности то-то и то-то, и он ни один день не пренебрегал мной и не сокрушал мне сердце».— А как его зовут?» — спросил царь. И рыбак сказал: «Его зовут Абдаллах-хлебопек, а меня зовут Абдаллах земной, а моего друга зовут Абдаллах морской». И тогда царь воскликнул: «Меня тоже зовут Абдаллах, а рабы Аллаха — все братья! Пошли же за твоим другом хлебопеком и давай его сюда — мы сделаем его вазиром левой стороны».

И рыбак послал за хлебопеком, и когда тот явился к царю, царь одел его в одежду вазира и сделал его вазиром левой стороны, а Абдаллаха земного сделал вазиром правой стороны.

И Абдаллах провел в таком положении целый год, и он каждый день брал корзину, полную плодов, и приносил ее обратно полной драгоценных камней и металлов. А когда плоды в садах кончались, он брал изюм, миндаль, грецкие и лесные орехи, смоквы и другое, и все, что он носил Абдаллаху морскому, тот принимал от него и возвращал корзину наполненной драгоценными камнями, как обычно. И случилось в один день из дней, что рыбак взял корзину, полную сухих плодов, по своему обычаю, и Абдаллах морской принял ее от него, и Абдаллах земной сел на берегу, а Абдаллах морской сел в воде, около берега, и они начали разговаривать и обменивались словами, пока речь не дошла до упоминания о могилах. И морской сказал: «О брат мой, говорят, что пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) похоронен у вас на суше. Знаешь ли ты, где его могила?» — «Да»,— отвечал рыбак. «В каком же она месте?» — спросил Абдаллах морской. И рыбак ответил: «В городе, который называется ат-Тайиба».— «Посещают ли его люди, обитатели суши?» — спросил морской. И когда рыбак сказал: «Да»,— он воскликнул: «На здоровье вам,

о обитатели суши, посещение этого пророка, благородного и милосердого, посещающие которого заслужили его заступничество! А ты посещал ли его, о мой брат?» — «Нет,— ответил рыбак,— я был болен и не имел денег, чтобы истратить столько в дороге, и я разбогател только тогда, когда узнал тебя, и ты пожаловал мне это благо. Но теперь мне обязательно посетить его и совершить паломничество к священному дому Аллаха. Меня удерживала от этого только любовь к тебе — я не могу с тобой расстаться ни на один день».— «Разве ты ставишь любовь ко мне впереди посещения могилы Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует!), который заступится за тебя в день смотра перед Аллахом и спасет тебя от огня, и ты войдешь в рай благодаря его заступничеству, и разве из любви к земной жизни ты пренебрежешь посещением могилы твоего пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и да приветствует!» — спрашивал морской. И рыбак молвил: «Нет, клянусь Аллахом, посещение его стоит у меня впереди всех вещей, но я хочу получить от тебя разрешение посетить его в этом году».— «Я дал тебе разрешение его посетить,— сказал морской.— И когда ты встанешь над его могилой, передай ему от меня привет. У меня есть для него залог: войди со мной в море, и я сведу тебя в мой город, и введу ко мне в дом, и угощу тебя, и дам тебе этот залог, чтобы ты положил его на могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!). И ты скажи ему: «О посланник Аллаха, Абдаллах морской передает тебе привет. Он подарил тебе этот подарок, и он надеется на твое заступничество от огня».— «О брат мой,— сказал Абдаллах земной,— ты сотворен в воде, и твое обиталище — вода, и она не вредит тебе. Но если ты выйдешь из воды на сушу, будет ли тебе вред?» — «Да,— отвечал морской,— мое тело высохнет, и подуют на меня дуновения суши, и я умру».— «А я,— сказал Абдаллах,— сотворен на суше, и обиталище мое — суша. И когда я войду в море, вода войдет в мои внутренности и задушит меня, и я умру».— «Не бойся этого,— сказал морской,—я принесу тебе масло, которым ты намажешь себе тело, и вода не повредит тебе, хотя бы ты провел остаток твоей жизни, кружа по морю, и спал и вставал бы в море,— тебе не будет никакого вреда».— «Если дело обстоит так, тогда не беда,— сказал рыбак.— Подавай сюда жир, я его испробую».— «Будет так,— сказал морской и, взяв корзину, ушел в море и скрылся ненадолго, а затем он вернулся, неся жир, похожий на жир коровы, и цвет его был желтый, как цвет

золота, а запах приятный. «Что это такое, о брат мой?» — спросил его Абдаллах земной, и морской сказал: «Это жир из печени одного вида рыб, которые называются дандан, и это самые большие рыбы по размерам, и они — самые жестокие наши враги. И телом эта рыба больше, чем животные суши, которые существуют у вас, и если бы она увидела верблюда или слона, она бы, наверно, его проглотила».— «О брат мой,— спросил рыбак,— а что же ест эта злосчастная рыба?» И морской ответил: «Она ест животных моря. Разве ты не слышал, что говорят в поговорке: «Они как рыбы в море — сильные едят слабых». И рыбак сказал: «Твоя правда. А много у вас в море этих данданов?» — «У нас их столько, что исчислит их лишь один Аллах великий»,— сказал морской. И Абдаллах земной молвил: «Боюсь, что когда я спущусь с тобой на дно, мне повстречается рыба такого вида и съест меня».— «Не бойся! — ответил Абдаллах морской.— Когда дандан тебя увидит, он узнает, что ты сын Адама, и испугается тебя и убежит. Он никого так не боится в море, как сынов Адама, ибо, если он съест сына Адама,— это смертоносный яд для рыб, и мы собираем жир их печени только благодаря сынам Адама. Когда кто-нибудь из них падает в море и тонет, его облик меняется, и мясо его иногда распадается на куски, и дандан съедает его, так как думает, что это одно из морских животных, и умирает. И мы находим его мертвым, и берем жир его печени, и смазываем им наше тело, и ходим по морю. В каком бы месте ни был сын Адама, и будь там сто, или двести, или тысяча, или больше рыб дандан, они, услышав крик сына Адама, сейчас же умирают, и ни одна из них не может сдвинуться с места».— «Я полагаюсь на Аллаха!» — воскликнул Абдаллах земной.

И затем он снял бывшую на нем одежду и, выкопав на берегу моря яму, зарыл свое платье, а потом он намазал себе тело, от темени до ступней, этим жиром, и вошел в воду, и нырнул. И он открыл глаза, и вода ему не повредила, и он принялся ходить направо и налево и стал, когда хотел, подниматься, а когда хотел, спускаться до дна, и он видел, что вода моря осеняет его как шатер и не вредит ему. «Что ты видишь, о брат мой? — спросил его Абдаллах морской. И он ответил: «Я вижу благо, о брат мой, и ты был прав в том, что сказал,— вода мне не вредит».— «Следуй за мной»,— сказал Абдаллах морской.

И рыбак последовал за ним, и они ходили с места на место, и рыбак видел перед собой, и справа и слева, горы воды и смотрел на них и на всевозможных рыб, которые

играли в море,— одни — большие, другие — маленькие, и среди них были рыбы, похожие на буйволов, и рыбы, похожие на коров, и еще рыбы, похожие на собак, и рыбы, похожие на людей, и все рыбы, к которым они подходили, убегали при виде Абдаллаха земного. И он спросил морского: «О брат мой, почему это я вижу, что все рыбы, к которым мы подходим, убегают от нас?» И морской сказал: «Это из страха перед тобой, ибо все, что сотворил Аллах великий, боится сына Адама».

И Абдаллах земной продолжал смотреть на чудеса моря, пока они не достигли высокой горы, и Абдаллах земной пошел по склону этой горы, и не успел он опомниться, как услышал великий крик. И он обернулся и увидел что-то черное, спускавшееся на него с этой горы (а оно было величиной с верблюда или больше) и кричавшее, и он спросил морского: «Что это такое, о брат мой?» И морской сказал: «Это дандан. Он спускается, преследуя меня, и хочет меня съесть. Крикни на него, о брат мой, прежде чем он дошел до нас, а то он меня утащит и съест». И Абдаллах земной крикнул, и вдруг дандан упал мертвый. И когда рыбак увидел, что рыба мертва, он воскликнул: «Слава Аллаху! Хвала ему за то, что я не ударил дандана мечом или ножом. Как это, при всей величине этой твари, она не вынесла моего крика и умерла?» — «Не удивляйся,— сказал Абдаллах морской,— клянусь Аллахом, о брат мой, если бы этих рыб была тысяча или две тысячи, они не вынесли бы одного крика сына Адама».

И потом они подошли к одному городу и увидели, что все жители его — девушки и нет среди них мужчин. «О брат мой, что это за город и что это за девушки?» — спросил Абдаллах земной. И морской молвил: «Это город девушек, ибо его жители — девушки моря».— «А есть ли среди них мужчины?» — спросил рыбак. И когда морской ответил: «Нет»,— он спросил: «А как же они беременеют и рожают без мужчин?» — «Царь моря,— ответил Абдаллах морской,— сгоняет их в этот город, и они не беременеют и не рожают. Всякую морскую девушку, на которую царь разгневается, он отсылает в этот город, и она не может из него выйти, а если она выйдет из него, всякое морское животное, которое ее увидит, съест ее. А что касается других городов, то там есть и мужчины и девушки».— «А разве есть в море города, кроме этого города?» — спросил рыбак. «Много»,— ответил Абдаллах морской. «А есть ли над вами султан?» — спросил рыбак. И морской сказал: «Да». И тогда рыбак молвил: «О брат мой, я увидел в море

много чудес».— «А какие ты увидел в море чудеса? — воскликнул Абдаллах морской.— Разве ты не слышал, что говорит поговорка: «Чудеса моря многочисленнее чудес суши». И рыбак сказал ему: «Твоя правда».

И затем он начал разглядывать этих девушек и увидел, что у них лица подобны лунам и волосы, как волосы женщин, но у них руки и ноги на животе, и у них хвосты, как у рыб. А Абдаллах морской показал ему жителей этого города, и вышел с ним, и шел впереди него до другого города, и рыбак увидел, что этот город наполнен людьми — женщинами и мужчинами,— и облик их подобен облику девушек, и у них хвосты, но только у них нет ни продажи, ни покупки, как у людей суши, и они не одеты, а, наоборот, все голые, с непокрытой срамотой. «О брат мой,— сказал рыбак,— я вижу, что эти женщины и мужчины — с непокрытой срамотой». И морской молвил: «Это потому, что у людей моря нет материи».— «О брат мой, а что же они делают, когда женятся?» — спросил рыбак. И Абдаллах морской молвил: «Они не женятся, а тот, кому понравится какая-нибудь женщина, удовлетворяет с ней свое желание».— «Это дело недозволенное,— сказал рыбак.— Почему же они не сватаются, не вносят приданого, не устраивают свадьбы и не женятся так, как угодно Аллаху и его посланнику?» И Абдаллах морской сказал: «Мы не все одной веры. Среди нас есть мусульмане-единобожники, и есть среди нас христиане, евреи и другие, и женятся среди нас больше всего мусульмане».— «Вы голые, и нет у вас продажи и покупки. Каково же приданое ваших жен — вы им даете драгоценные камни и металлы?» — спросил рыбак. И Абдаллах морской ответил: «Драгоценности — это камни, которые у нас не ценятся, и тем, кто хочет жениться, назначают определенное количество разной рыбы, которую он должен поймать,— числом в тысячу, в две тысячи, или больше, или меньше, смотря по тому, какое будет соглашение между женихом и отцом жены. И когда жених доставит требуемое, собираются родные обеих сторон, и они едят праздничное угощение и вводят мужа к жене, и потом он ловит рыбу и кормит жену, а когда он обессилеет, жена ловит рыбу и кормит мужа».— «А если кто-нибудь сотворит с кем-нибудь блуд, каково бывает дело?» — спросил рыбак. И Абдаллах морской ответил: «Когда это бывает установлено, женщину изгоняют в город девушек, а если она понесла после блуда, ее оставляют, пока она не родит, и если она родит девочку, их изгоняют вместе, и девочку называют: «блудница, дочь блудницы»,

и она останется девушкой, пока не умрет. А если новорожденный — мальчик, его берут к царю, султану моря, и он его убивает».

И Абдаллах земной удивился этому, и потом Абдаллах морской повел его в другой город, а после этого — в другой, и так далее, и он не переставал ему показывать, пока не показал восемьдесят городов, и рыбак видел, что жители одного города не похожи на жителей других городов. «О брат мой,— спросил он,— остались ли в море еще города?» И морской воскликнул: «А что ты видел из городов моря и его диковин? Клянусь пророком, великодушным, кротким и милосердым, если бы я тысячу лет показывал тебе каждый день тысячу городов и в каждом городе показывал тебе тысячу диковин, я бы не показал тебе и одного кирата из двадцати четырех киратов городов моря и его чудес. Я показал тебе только наши страны и нашу землю — ничего больше».— «О брат мой,— сказал рыбак,— если дело обстоит так, довольно с меня того, что я видел. Мне опротивело есть рыбу, а я провел вместе с тобой восемьдесят дней, и ты кормишь меня по утрам и по вечерам только сырой рыбой — не жареной и не вареной».— «А что такое вареная или жареная?» — спросил Абдаллах морской. И Абдаллах земной сказал: «Мы рыбу жарим на огне или варим ее, и готовим разнообразно, и делаем из нее много блюд».— «А откуда придет к нам огонь? — спросил морской.— Мы не знаем ни жареного, ни вареного, ни чего-либо другого».— «Мы жарим рыбу на оливковом или на кунжутном масле»,— сказал земной. И морской молвил: «А откуда у нас быть оливковому и кунжутному маслу? Мы здесь в море не знаем ничего из того, что ты сказал».— «Твоя правда,— сказал земной,— но ты показал мне, о брат мой, много городов и не показал мне своего города».— «Что касается моего города,— сказал морской,— то мы прошли мимо него, и он близко от берега, откуда мы пришли. Я оставил мой город и пришел с тобой сюда, так как хотел показать тебе другие города моря».— «Достаточно того, что я посмотрел,— сказал рыбак,— и я хочу, чтобы ты мне показал твой город».— «Будет так»,— сказал морской. И затем он вернулся с рыбаком к своему городу и, дойдя до него, сказал: «Вот мой город». И рыбак увидел, что это город маленький в сравнении с городами, которые он уже видел. И он вошел в город вместе с Абдаллахом морским и шел, пока не достиг одной пещеры, и морской сказал ему: «Вот мой дом, и все дома в этом городе — такие же пещеры в горах, большие или маленькие, и все города в море такого

же вида. Всякий, кто хочет сделать себе дом, идет к царю и говорит ему: «Я хочу устроить дом в таком-то месте». И царь посылает с ним отряд рыб, называемых клевальщиками, и назначает в уплату им определенное количество рыбы (а у них клювы, которыми они крошат твердые камни), и они подходят к горе, которую выбрал хозяин дома, и выдалбливают в ней дом, а хозяин дома ловит им рыб и кормит их, пока пещера не будет готова, и тогда они уходят, а хозяин дома поселяется в ней. И все обитатели моря в таких же обстоятельствах — они заключают друг с другом сделки и служат друг другу только за рыбу, и все они — рыбы. Входи»,— сказал он потом рыбаку. И когда тот вошел, Абдаллах морской крикнул: «Эй, дочка!» И вдруг вошла его дочка, и у нее было круглое лицо, точно луна, и длинные волосы, и тяжелые бедра, и насурьмленные глаза, и тонкий стан, но она была голая и с хвостом. И увидев со своим отцом Абдаллаха земного, она спросила: «О батюшка, что за куцый, которого ты привел к нам?» И морской ответил: «О дочка, это мой друг — земной, от которого я приносил тебе земные плоды. Подойди поздоровайся с ним». И девушка подошла и приветствовала Абдаллаха земного ясным языком и проникающими словами, и ее отец сказал ей: «Подай пищу нашему гостю, с приходом которого опустилась на нас благодать». И девушка принесла ему две большие рыбы, каждая из которых была как ягненок, и морской сказал рыбаку: «Ешь». И он стал есть через силу, от голода, так как ему опротивело есть рыбу, а у них не было ничего, кроме рыбы. И едва прошло немного времени, как пришла жена Абдаллаха морского, а она была красива обликом, и с ней было двое мальчиков, и у каждого мальчика был в руках малек рыбы, которого он грыз, как человек грызет огурец. И увидев со своим мужем Абдаллаха земного, жена морского спросила: «А что это за куцый?» И мальчики со своей сестрой и их мать подошли, и стали смотреть на зад Абдаллаха земного, и говорить: «Да, клянемся Аллахом, он куцый!» — и начали смеяться над ним. «О брат мой,— сказал Абдаллах земной,— разве ты привел меня для того, чтобы сделать меня потехой для твоих детей и жены?» И Абдаллах морской молвил: «Прости, о брат мой, среди нас не найти тех, у кого нет хвоста, и если окажется кто-нибудь без хвоста, его берет султан, чтобы над ним посмеяться. И не взыщи, о брат мой, с этих маленьких детей и женщины — у них недостает разума». И затем Абдаллах морской крикнул на своих домочадцев и сказал им: «Замолчите!» И они испугались и замолчали.

А морской стал уговаривать земного, и когда они разговаривали, вдруг пришли десять человек, большие, сильные и толстые, и сказали: «О Абдаллах, до царя дошло, что у тебя есть куцый из куцых земли».— «Да,— сказал Абдаллах морской,— вот этот человек. Это мой друг, и он пришел ко мне в гости, и я хочу возвратить его на землю».— «Мы можем уйти только с ним,— сказали пришедшие,— и если ты хочешь разговаривать, то поднимись, возьми его, и приведи к царю, и то, что ты говоришь нам, скажи царю».— «О брат мой,— сказал Абдаллах морской,— оправдание ясно, и мы не можем прекословить царю. Но пойдем со мной к царю, и я постараюсь освободить тебя от него, если захочет Аллах. Не бойся — когда он увидит тебя, он узнает, что ты из детей земли, а узнав, что ты земной, он обязательно окажет тебе уважение и вернет тебя на землю».— «Решение — твое решение,— сказал Абдаллах земной,— и я полагаюсь на Аллаха и пойду с тобой». И Абдаллах морской взял рыбака и шел с ним, пока не дошел до царя, и, увидев его, царь засмеялся и сказал: «Добро пожаловать куцему!» И все, кто был вокруг царя, смеялись и говорили: «Да, клянемся Аллахом, он куцый».

И Абдаллах морской подошел к царю, и рассказал ему об обстоятельствах рыбака, и сказал: «Это один из детей земли, мой друг. И он не будет жить среди нас, так как любит есть рыбу только жареной или вареной, и я хочу, чтобы ты позволил мне возвратить его на землю».— «Если дело обстоит так,— сказал царь,— и он не будет жить у нас, то я разрешаю тебе возвратить его на землю после угощения. Подайте ему угощение»,—приказал потом царь. И ему подали рыбу всех форм и цветов, и Абдаллах земной поел, исполняя приказание царя. «Пожелай что-нибудь от меня»,—сказал затем царь. И Абдаллах земной сказал: «Я желаю, чтобы ты дал мне драгоценных камней». И царь молвил: «Отведите его в дом драгоценных камней и дайте ему выбрать, что ему нужно». И друг рыбака взял его в дом драгоценных камней, и он отобрал сколько хотел. А затем они вернулись в город, и, вынув кошелек, Абдаллах морской сказал: «Возьми это как залог и доставь на могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!)».

И рыбак взял кошелек, не зная, что в нем находится. И затем морской вышел с ним, чтобы доставить его на землю, и рыбак услышал по дороге пение и увидел торжество и разложенную трапезу, и люди ели и пели в великой радости. Абдаллах земной спросил Абдаллаха морского: «Чего это люди в такой великой радости, разве у них свадь-

ба?» — «У них не свадьба,— отвечал морской,— но у них кто-то умер».— «А разве когда у вас кто-нибудь умирает, вы радуетесь, поете и едите?» — спросил Абдаллах земной, и морской сказал: «Да. А вы, о люди земли, что вы в этом случае делаете?»— «Когда у нас кто-нибудь умирает,— ответил земной,— мы печалимся о нем и плачем, и женщины бьют себя по лицу и разрывают на себе одежды от печали по тем, кто умер».

И Абдаллах морской вытаращил на Абдаллаха земного глаза и сказал: «Давай сюда залог». И рыбак отдал ему, и тогда морской вывел его на землю и сказал: «Я разрываю дружбу с тобою и привязанность к тебе, и после этого дня ты меня не увидишь, и я тебя не увижу».— «Почему эти слова?» — спросил Абдаллах земной, и морской сказал: «Разве вы, о люди земли, не залог Аллаха?» — «Да»,— ответил земной. И морской сказал: «Не легко же вам, когда Аллах берет свой залог, и вы плачете о нем, и как же я дам тебе залог пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!), если вы, когда приходит к вам новорожденный, радуетесь ему, хотя Аллах великий вкладывает в него душу, как залог, а когда он берет ее — как это может быть для вас тяжело и почему вы плачете и печалитесь? Нет нам в товариществе с вами нужды». И затем он оставил его и ушел в море, и Абдаллах земной надел свои вещи, взял камни и отправился к царю.

И тот встретил его, истосковавшийся, и обрадовался ему, и сказал: «Каково тебе, о мой зять, и почему тебя не было со мной все это время?» И рыбак рассказал ему свою историю и то, какие он видел чудеса в море. И царь удивился этому, а потом Абдаллах земной рассказал, что ему говорил Абдаллах морской. И царь сказал: «Ты ошибся, сказав ему об этом». И затем рыбак продолжал некоторое время ходить на берег и кричать Абдаллаха морского, но тот не отвечал и не приходил к нему. И тогда Абдаллах земной потерял надежду его увидеть, и он пребывал с царем, своим тестем, и с домашними в наирадостнейшем положении, совершая прекрасные поступки, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний и они все не умерли.

Хвала живому, который не умирает, господину видимого и невидимого царства! Он властен во всякой вещи, с рабами своими милостив и всеведущ.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОВЕСТЬ О ЛЮБЯЩЕМ И ЛЮБИМОМ

Стр. 19. *...положи это зернышко в рот...* — Азиз должен был держать зернышко мускуса во рту для того, чтобы не забыть произнести эти стихи.

Стр. 20. *Баклава* — род восточных сластей.

Стр. 24. *Дирхем* — серебряная или медная монета.

Стр. 33. *Шест* — мера длины, ок. 3,5 м.

Стр. 36. *...ты думаешь, что входят в баню так же, как выходят из нее?* — На Востоке за пользование баней платят при выходе, а не при входе.

...клятвы мечом, святым Кораном и разводом. — Клятва разводом считается одной из самых сильных клятв у мусульман.

Стр. 37. *Гуль* — злой дух, оборотень.

РАССКАЗ О БАГДАДЦЕ, КОТОРЫЙ УВИДЕЛ СОН

Стр. 44. *Вали* — начальник городской стражи.

РАССКАЗ ОБ УЗРИТЕ И ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Стр. 46. *Узриты* — люди из племени Бену-Узра; отличались, согласно сказаниям, верностью в любви.

РАССКАЗ ОБ АЛЬ-МУТАЛАММИСЕ

Стр. 47. *аль-Муталаммис* — известный доисламский поэт.

РАССКАЗ О ШИРИН И РЫБАКЕ

Стр. 51. *Хосру (Хосров)* — персидский царь Хосров II Парвиз (590—628); рассказ о его любви к Ширин послужил темой многих поэтических произведений.

РАССКАЗ О ДЖАФАРЕ БАРМАКИДЕ И БОЛЬНОМ СТАРИКЕ

Стр. 52. *Харун ар-Рашид* — халиф (786—809).

Абу Якуб, по прозванию ан-Надим («Застольник») — один из любимых сотрапезников Харуна ар-Рашида.

РАССКАЗ О КОНЕ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

Стр. 57. *Джинн* — многоликий дух огня.

Хосрои — собирательное нмя древненранских (сасанндских) царей.

Стр. 58. *Шайтан* — злой дух, черт, дьявол.

Стр. 66. *Страна румов* — Византия.

Стр. 68. *Страна Фарс* — Персня.

РАССКАЗ О ЧЕСТНОМ ЮНОШЕ

Стр. 73. *Омар ибн аль-Хаттаб* — халиф (634—644).

Стр. 74. *Абу Зарр* (ум. 653) — один из сподвижников пророка Мухаммада.

РАССКАЗ О ВОРЕ, ОБОКРАВШЕМ ВОРА

Стр. 78. *Хан* — постоялый двор.

РАССКАЗ О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕВИЧЕ

Стр. 81. *...что вы сказали и что было вам сказано!* — Намек на допрос, которому, по мусульманскому поверию, подвергают умерших два ангела — Мункар и Накир.

Даник — мелкая монета, $^1/_{16}$ часть дирхема.

Стр. 82. *Муэдзин* — служитель мечети, призывающий с минарета мусульман на молитву.

РАССКАЗ О НЕГРАМОТНОМ УЧИТЕЛЕ

Стр. 87. *...и надел большую чалму...* — Чем больше чалма, тем большим почетом пользуется носящий ее. Большая чалма — отличительный признак ученых.

РАССКАЗ О ЯЙЦЕ ПТИЦЫ РУХХ

Стр. 88. *Магриб* — арабское название стран Северо-Западной Африки.

РАССКАЗ ОБ АДИ ИБН ЗЕЙДЕ И МАРИИ

Стр. 89. *Ади ибн Зейд* — известный поэт (VI — начало VII в.).

РАССКАЗ О ДИБИЛЕ И МУСЛИМЕ ИБН АЛЬ-ВАЛИДЕ

Стр. 92. *Дибиль* («Старая Верблюдица») — прозвище поэта Мухаммада аль-Хузаи (765—860).

Муслим ибн аль-Валид — выдающийся поэт, современник аль-Хузаи.

РАССКАЗ О КУПЦЕ АЛИ-ЕГИПТЯНИНЕ

Стр. 100. *Иблис* — дьявол.

Стр. 111. *Диван* — присутственное место халифа или эмира.

Стр. 113. *«Фатиха»* (букв.: «Открывающая») — первая сура (глава) Корана.

Кади — судья.

РАССКАЗ О ХАСИБЕ И ЦАРИЦЕ ЗМЕЙ

Стр. 120. *Миср (Маср)* — Египет, а также столица Египта Каир.

Стр. 121. *Тора* — древнееврейское название первых пяти книг Библии (Пятикнижие Моисеево).

Стр. 123. *Сулейман* — библейский Соломон. Согласно мусульманской мифологии, повелевал всеми духами и силами природы.

Стр. 124. *Море Мрака* — в средневековой арабской географической литературе северная часть Атлантического океана.

Стр. 125. *...до первого дуновения...* — т. е. до Страшного суда.

Каф — в арабском фольклоре горная цепь, опоясывающая землю.

Стр. 126. *Мариды и ифриты* — злые духи.

Стр. 127. *Джибриль (Джибраил)* — архангел Гавриил.

Стр. 133. *Яджудж и Маджудж* — библейские Гог и Магог.

Стр. 138. *Иса* — Иисус Христос.

Стр. 142. *Хорасан* — историческая область на северо-востоке Ирана.

Стр. 145. *Мамлюк* — слуга, раб.

Стр. 165. *Гурия* (букв.: «черноокая») — райская дева; здесь: синоним красивой девушки.

Стр. 191. *Аль-Мукаттам* — гора близ Каира.

Стр. 192. *Аль-Хидр* — мусульманский пророк, излюбленный персонаж арабского фольклора, помогающий героям сказок.

СКАЗКА О СИНДБАДЕ-МОРЕХОДЕ

Стр. 209. *Аль-Михрджан* — искаж. «махараджа», по-индийски — царь.

Стр. 211. *Шакириты* — возможно, искаж. «кшатрии», т. е. каста воинов.

Брахманы — жрецы; в Древней Индии — высшая из каст.

Стр. 219. *Аль-каркаданн* — носорог.

Стр. 232. *Маг* — Арабы называли магами огнепоклонников, а также других язычников.

ПОВЕСТЬ О МЕДНОМ ГОРОДЕ

Стр. 264. *Абд аль-Малик ибн Марван* (646—715) — халиф из династии Омейядов, крупный государственный деятель. Данная повесть представляет собой легенду о завоевании Андалусии (Испании).

Стр. 265. *Ан-Набига аз-Зубьяни* — древнеарабский поэт (ум. ок. 604).

Абд аль-Азиз ибн Марван — правил Египтом и Северной Африкой (ум. 704).

Муса — Муса ибн Наср, омейядский полководец, завоевавший в начале VIII в. почти всю Испанию.

Стр. 267. *Искандария* — арабское название Александрии.

Стр. 270. *Кинтар* — мера веса, ок. 45 кг.

Стр. 271. *Куш, сын Шаддада, сына Ада-старшего* — один из родоначальников мифического племени Ад, наказанного богом за неповиновение.

Шам — Сирия.

Стр. 278. *Зинджи* — обитатели острова Занзибара.

Стр. 286. *Нух* — библейский Ной.

Кесарь — византийский император.

Амалекиты (или амалекитяне) — легендарное племя великанов

Стр. 289. *Хам* — сын Ноя, согласно мусульманской мифологии, родоначальник всех темнокожих народов.

РАССКАЗ О ЦАРЕВИЧЕ И СЕМИ ВАЗИРАХ

Стр. 330. *Ночь могущества (или Ночь предопределения)* — согласно мусульманской мифологии, ночь исполнения загаданных желаний.

Стр. 338. *Айюб и Якуб* — библейские Иов и Яков.

ПОВЕСТЬ О ДАЛИЛЕ-ХИТРИЦЕ И АЛИ ЗАЙБАКЕ КАИРСКОМ

Стр. 354. *Башенник* — начальник голубиной почты.

...надела одежду факиров и суфиев... — т. е. одежду из грубой шерсти, которую носили суфии (мистики) и факиры — отшельники и странствующие монахи.

Стр. 355. *Чауш* — стражник, телохранитель.

Шарр-ат-Тарик — букв.: «зло дороги», т. е. разбойник.

Стр. 357. *Абу-ль-Хамалат* — букв.: «отец беременностей», т. е. угодник, молившийся за ниспослание детей бесплодным женщинам.

Стр. 370. *...я узнаю ее по голубым глазам...* — Голубой глаз считался у арабов «дурным глазом».

Ритль (ратль) — мера объема и веса, ок. 0,5 кг.

Стр. 371. *Балила* — сладкая каша.

Стр. 372. *...вали потряс воротником...* — Жест, означающий неспособность что-либо сделать.

Катф аль-Джамаль — букв.: «Похититель Верблюдов».

Стр. 378. *Хиджаз* — область на Аравийском полуострове.

Хадж — обязательное для мусульман паломничество в Мекку.

Стр. 380. *...поцеловал его и положил себе на голову...* — Приказы и послания правителей прикладывали ко лбу и к глазам в знак повиновения.

Стр. 386. *Факих* — мусульманский законовед. В данном случае факихи читают Коран, чтобы изгнать нечистую силу.

Стр. 387. *Буза* — напиток, род пива.

Стр. 390. *Джедид* — мелкая монета.

СКАЗКА ОБ АБДАЛЛАХЕ ЗЕМНОМ И АБДАЛЛАХЕ МОРСКОМ

Стр. 414. *Ад и Самуд* — мифические племена, которые Аллах, согласно Корану, истребил за неповиновение посланным им пророкам.

Стр. 416. *Ат-Тайиба* («Благая») — один из эпитетов города Медины, где похоронен пророк Мухаммад.

Стр. 419. *Дандан* (п е р с.: «зуб») — мифологическое подводное чудовище.

Стр. 421. *...из двадцати четырех киратов...* — Выражение, соответствующее русскому «полностью».

СОДЕРЖАНИЕ

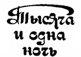
ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Тысяча и одна ночь: Избранные сказки. В 3-х т.
Т93 Т. 2./Пер. с араб. М. Салье; сост. Б. Шидфар; примеч. Б. Шидфар; стихи в пер. В. Микушевича; худож. А. Лепятский.— М.: Худож. лит., 1988. — 431 с., ил.
ISBN 5-280-00451-0 (Т.2)
ISBN 5-280-00449-9

В состав второго тома вошли известные сказки «Тысячи и одной ночи»: «Сказка о Синдбаде-мореходе», «Рассказ о царевиче и семи везирях», «Повесть о медном городе» и многие другие, предназначенные только для взрослого читателя.

Т $\frac{4703000000-349}{028(01)-88}$ 204-87 ББК 84(0)9

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
в 3-х томах
Том второй

Составитель *Бетси Яковлевна Шидфар*
Редактор *С. Анисимов*
Художественный редактор *А. Моисеев*
Технический редактор *В. Кулагина*
Корректоры *О. Наренкова* и *Г. Киселева*

ИБ № 5598
Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.12.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,1. Уч.-изд. л. 26,51. Тираж 200 000 экз. Изд. № VIII-3095. Заказ № 1334. Цена 4 р. 00 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

